

Бен
ОКРИ
Голодная дорога

Букеровская премия 1991 года

НОВЫЙ ВЕК

Голодная дорога
Бен Окри

Аннотация
Бен ОКРИ. ГОЛОДНАЯ ДОРОГА
СЕКЦИЯ ПЕРВАЯ
КНИГА ПЕРВАЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
КНИГА ВТОРАЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
КНИГА ТРЕТЬЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
КНИГА ПЯТАЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
СЕКЦИЯ ВТОРАЯ
КНИГА ШЕСТАЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13

Глава 14
КНИГА СЕДЬМАЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
СЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ
КНИГА ВОСЬМАЯ
Глава 1

Аннотация

Книга написана от имени мальчика Азаро (уменьшительное от Лазаря), «ребенка-духа», помнящего себя до своего рождения и живущего не столько на земле, в бедняцком поселке, в семье, вынужденной зарабатывать самой тяжелой работой, среди грязи, пота и крови, — сколько в мире призраков, умерших предков, душ вещейи животных. Ясный сюжет отсутствует, повествование беспрерывно и похоже на сон — который, возможно, и есть то пространство, где реальности существующая и воображаемая совершенно неотделимы друг от друга.

Битвы живых и мертвых, электричество как чудо, дожди, смывающие дома, солнце, съедающее мозги, разговоры трав с птицами, ведьмы и оборотни как полноправные члены общества — африканская экзотика!

Роман — лауреат Букеровской премии 1991 года. Возможно, премия — в какой-то мере и дань политкорректности (автор родом из Нигерии). Но книга тем не менее отличная.

Бен ОКРИ
ГОЛОДНАЯ ДОРОГА

СЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ
Глава 1

Вначале была река. Потом река стала дорогой, и дорога пошла в мир. А поскольку дорога однажды была рекой, она никогда не могла утолить жажду.

В той земле всех начал духи витали вокруг нерожденных. Мы могли принимать любые формы. Многие из нас были птицами. Мы не знали границ. Мы знали много радости, игр и печали. Мы радовались, потому что находились среди упоительного ужаса бесконечности. Мы играли, потому что были свободны. И мы знали печаль, потому что среди нас всегда находился тот, кто только что вернулся из мира Живущих. Они возвращались оттуда безутешные из-за навсегда оставленной любви, из-за неизбывных страданий, из-за того, что многого так и не поняли, а едва став что-то понимать, были вынуждены вернуться на землю всех начал.

И не было среди нас тех, кто хотел рождаться вновь. Нам не нравились суровость бытия, неутоленные вожделения, вопиющие несправед-

ливости мира, лабиринты любви, равнодушие родителей, сам факт существования смерти, и особенно — удивительная слепота Живущих: они не видели, что живут среди прекрасных созданий Вселенной. Мы страшились бессердечности этих слепых от рождения людей, ведь лишь немногие из них только еще учились видеть.

* * *

Наш король был изумительным существом; иногда он являлся в виде большого кота. У него была красная бородка и глаза цвета сапфира. Рождающийся вновь и вновь, он был легендой во всех мирах. Его знали под сотнями разных имен. Обстоятельства его рождения никогда не имели значения. Он всегда жил самой необыкновенной из жизней. Кто-то может покорпеть над великими книгами жизней и отыскать его гений в разных эпохах. Порой мужчина, порой женщина, в каждой жизни он достигал невозможного. Если есть что-то общее в его жизнях, суть его гения, то это, наверное, любовь к превращениям и превращение любви в высшие реальности.

* * *

С духами-спутниками, состоявшими с нами в особом родстве, мы были счастливы все время, ибо плавали в аквамариновом воздухе любви. Мы играли с фавнами, русалками, всеми прекрасными созданиями. Нежные сивиллы, милостивые феи, равно как и безмятежные духи наших предков, всегда были с нами, купая нас в радужных лучах исходящего от них сияния. Есть много причин тому, что новорожденные плачут при рождении, и одна из них — внезапное отъединение от мира чистых форм, где все вещи созданы из волшебства, где нет страданий.

Чем счастливее мы становились, тем ближе подходило наше рождение. Приближаясь к следующему воплощению, мы давали обет, что вернемся в мир духов при первой возможности. Мы давали эти клятвы на полях с яркими цветами и под сладким на вкус лунным светом. Те из нас, кто дал эту клятву, были известны в мире Живущих как абику, дети-духи. Не все люди узнавали нас. Мы были теми, кто приходил и уходил, бессильный войти в согласие с законами этого мира. Смерть была в нашей воле. Наши обеты связывали нас.

Тех, кто нарушал обет, осаждали видения и преследовали духи. Мы находили утешение только тогда, когда возвращались в мир Нерожденных, в страну фонтанов, где наши любимые ожидали нас в молчании.

Те же из нас, кто, обольстясь посулами счастья, задерживался в мире живущих, шел по жизни с роковыми обреченными глазами, неся в себе музыку прекрасного трагического мифа. Наши рты бубнили мрачные пророчества. Наше сознание осаждали ослепительные образы будущего. Нас считали странными, потому что одной своей половиной мы всегда оставались в мире духов.

* * *

Нас часто узнавали и нашу плоть помечали бритвами. Когда мы рождались снова у тех же родителей, насечки, переходя на новую плоть, заранее клеймили наши души. И затем мир начинал плести вокруг наших жизней свою роковую паутину. Те из нас, кто умирал еще ребенком, пытались вытравить их или как-нибудь обесцветить эти пометы. Если нам это не удавалось, и нас узнавали, мы были встречаемы воплями ужаса и плачем матерей.

Не желая оставаться в мире Живущих, мы

причиняли матерям сильную боль. Она возрастала с каждым нашим возвращением. Их муки становились для нас дополнительной ношей, которая ускоряла цикл перерождений. Каждое рождение было для нас одновременно и смертью от шока при встрече с грубым миром. Наше неистребимое упорство делало нас презираемыми среди духов и предков. Нелюбимые в мире духов и заклейменные в мире Живущих, мы, с нашей неспособностью устоять ни тут, ни там, нарушали равновесие между этими мирами.

Задабривая духов ритуальными подношениями, наши родители пытались помирить нас с жизнью. Также они пытались заставить нас открыть, где мы прячем тайные предметы, связывающие нас с другим миром. Мы отвергали подношения и держали эти предметы в страшном секрете. И мы оставались равнодушными к долгим безрадостным родам матерей.

Мы молили о скором возвращении домой, мы хотели играть у реки, на зеленых лугах, в магических пещерах. Мы страстно желали предаваться под солнцем раздумьям у драгоценных скал, быть радостными в вечной росе духов. Быть рожденным — значит войти в мир отягощенным странными дарами души, ее загадкой и неуга-

симым чувством изгнания. Все это случилось со мной.

Сколько раз я входил и выходил через эти жуткие врата? Сколько раз я рождался и умирал ребенком? И сколько раз у одних и тех же родителей? Я не знаю. Я нес в себе прах прежних жизней. И где-то в пространстве между миром духов и миром Живущих я решил на сей раз остаться в мире Живущих. Это означало, что я нарушил обет и перехитрил моих спутников. Это случилось не из-за жертвоприношений, дымящегося ямса, пальмовых и ореховых масел, или заговоров, этих кратких лечений на час, и не из-за горя, которое я причинял. И не из-за страха оказаться узнанным. Несмотря на знак у себя на ладони, я нашел способ остаться незамеченным. Может быть, я просто устал приходить и уходить. Это ужасно — вечно оставаться ни тут и ни там. А может быть, я просто захотел вкусить от этого мира, почувствовать его, узнать, перестрадать, полюбить, внести в него что-то свое, испытывая величественное чувство безмерности предстоящей жизни. Но иногда я думаю, что меня оставило здесь лицо женщины. Я захотел сделать счастливым это лицо в кровоподтеках, лицо женщины, которая должна была стать моей матерью.

* * *

Когда пришло время для церемонии рождения, поля у перекрестка сверкали от возлюбленных существ и радужных созданий, словно были усыпаны бриллиантами. Наш король повел нас к первой вершине семи гор. Долгое время его речь была молчанием. Тайна его слов зажгла в нас огонь. Он любил произносить речи. Его сапфировые глаза блестели. Он грозно сказал мне:

— Ты — озорник. Бедам от тебя не будет конца. Тебе придется пройти много дорог прежде, чем ты вступишь в реку своей судьбы. Жизнь, подобная твоей, будет полна загадок. Ты будешь защищен и никогда не будешь один.

Мы спустились в широкую долину. Это был традиционный день празднеств. Чудесные духи танцевали вокруг нас под музыку богов, брызгая золотым дождем и произнося лазурные заклинания, чтобы защитить наши души во время перехода и подготовить нас к первому контакту с землей и кровью. Каждый из нас шел один. В одиночестве должны были мы пережить этот переход — пережить языки пламени и море, сходя в иллюзорность. Изгнание началось.

* * *

Таковы мифы наших начал. Таковы истории и настроения, глубоко живущие в тех, кто укоренен в изобильной стране духов, кто не может не верить в великие мистерии.

Я родился не просто потому, что согласился остаться, но потому, что между моим приходом и уходом великие круги времени сомкнулись вокруг моей шеи. Я молился, чтобы со мной был смех, чтобы не знать голода. Мне ответили парадоксами. Для меня так и останется загадкой, как случилось, что я родился с улыбкой на лице.

Глава 2

Одна из причин, почему я не хотел рождаться, стала мне ясна, когда я уже явился в этот мир. Я был еще совсем ребенком, когда увидел в дымке, как Папу поглощает дыра в дороге. В другой раз я увидел Маму, свисавшую с ветки голубого дерева. Мне было семь лет, когда мне приснилось, что мои руки обагрены желтой кровью странника. Я не понимал, принадлежат ли эти образы к этой жизни, или к предыдущей, или к той, что еще

предстоит, или же это лишь немногие из сонма образов, которые посещают умы всех детей.

Когда я был ребенком, я отчетливо понимал, что моя жизнь простирается на другие жизни. Я не мог провести между ними четкую границу. Иногда мне казалось, что я живу несколько жизней сразу. Одна жизнь вплывает в другие, и все они вплывают в мое детство.

Ребенком я чувствовал, что подавляю свою мать. С другой стороны, меня подавляла непостижимость жизни. Рождение было шоком, от которого я так и не оправился. Часто, ночью или днем, со мной разговаривали духи. Я пришел к мысли, что это голоса моих духов-спутников.

— Что ты делаешь здесь? — спрашивал один из них.

— Живу, — приходилось мне отвечать.

— А зачем ты живешь?

— Я не знаю.

— Почему ты ничего не знаешь? Видишь ли ты хотя бы то, что вокруг тебя?

— Нет.

Потом они показали мне образы, которых я не мог понять. Они показали мне тюрьму, женщину, покрытую золотистыми фурункулами, долгую дорогу, безжалостный солнечный свет, наводне-

ние, землетрясение, смерть.

— Возвращайся к нам, — говорили они. — Здесь, у реки, мы скучаем по тебе. Ты осиротил нас. Если ты не вернешься, мы сделаем твою жизнь невыносимой.

Я начинал кричать, что они могут делать все, что угодно. В один из таких разговоров Мама вошла в комнату и застыла, наблюдая за мной. Заметив ее, я замолчал. Ее глаза были светлыми. Она подошла, дала мне подзатыльник и сказала:

— С кем это ты разговариваешь?

— Ни с кем, — ответил я.

Она пристально на меня посмотрела. Я не помню, сколько лет мне было тогда. Уже в то время духи-спутники не уставали тешиться, ввергая меня во всякие беды. Очень часто оказывалось так, что я болтаюсь между двумя мирами. Однажды я играл в песке, когда они позвали меня через дорогу голосом матери. Когда я пошел на голос, машина чуть не сбила меня. В другой раз они зазвали меня в канаву сладкими песнями. Я свалился туда, никто этого не заметил, и меня спас лишь счастливый случай: велосипедист увидел, как я барахтаюсь в грязной воде, и вытащил.

После этого я заболел и проводил большую часть времени в другом мире, пытаясь угово-

рить духов-спутников оставить меня одного. Я не понимал того, что, чем дольше они держали меня в том мире, тем неизбежнее становилась моя смерть. Только позднее, когда я попытался войти обратно в свое тело и не смог, я осознал, что им удалось-таки вынуть меня из моей жизни. Я долго кричал в серебряный туннель, пока наш король не снизошел ко мне и снова не открыл врата моего тела.

Когда я проснулся, я обнаружил себя в гробу. Мои родители считали меня мертвым. Они уже справляли похоронный обряд, когда вдруг услышали мой неистовый крик. По случаю чуда моего воскрешения они дали мне другое имя и объявили вечеринку, которую едва ли могли себе позволить. Они назвали меня Лазаро. Но поскольку я стал объектом насмешек, многим не нравилась связь между Лазаро и Лазарем, Мама сократила мое имя до Азаро.

Позже я осознал, что проболтался между жизнью и смертью две недели. Я понял, что истощил и силы, и финансы моих родителей. Также я понял, что они вызывали лекаря-травника. Он клялся, что ничего не может сделать, чтобы мне помочь, но, подсчитав каури* и расшифровав их знаки, он сказал:

* Каури — ракушки, используемые как монеты в африканских странах. Также применяются в ритуальных целях и для украшений.

— Это ребенок, который не хочет рождаться, но который будет бороться со смертью.

Он добавил, что если я выздоровлю, моим родителям следует немедленно совершить обряд, который должен разорвать мою связь с миром духов. Он был первым, кто сказал обо мне так, вызвав ужас среди матерей. Он сказал им, что я прячу на этой земле особые знаки принадлежности к миру духов и, пока они не будут найдены, я буду постоянно болеть, и он почти уверен, что я не проживу дольше двадцати одного года.

Пока я выздоравливал, родители потратили на меня слишком много денег. Они залезли в долги. И мой отец, будучи сыт по горло всеми бедами, которые я принес, начал относиться весьма скептически к заявлениям и уверениям травников. Если ты будешь слушать все, что они говорят, говорил он матери, ты должна будешь устраивать эти бредовые жертвоприношения каждый раз, когда переступаешь порог. Он очень подозрительно относился к их требованиям исполнять дорогостоящие обряды, потому что, по его мнению, эти врачи-шарлатаны только умно-

жают твои болячки и охотятся за малейшими проявлениями болезни, чтобы ты истратил все сбережения на их медицину.

Ни Мама, ни Папа не могли позволить себе еще один обряд. Они вообще не хотели верить в то, что я ребенок-дух. Время шло, и обряд так и не был исполнен. Я был счастлив. Я не хотел этого обряда. Я не хотел полностью терять контакт с миром света, радуг и неисчерпаемых возможностей. Очень рано я зарыл свои предметы. Я зарыл их при лунном свете, когда воздух трепещет белыми мотыльками. Я зарыл свои магические камни, зеркальце, золотые нити, все опознавательные знаки, которые связывали меня с миром духов. Я зарыл свои тайные обещания в таком месте, которое сразу же забыл.

* * *

В первые годы Мама гордилась мной.

— Ты — дитя чудес, — говорила она, — у тебя великая сила.

И до тех пор, пока моя ниточка тянулась в другой мир и мои предметы никто не мог обнаружить, это оставалось чистой правдой.

Ребенком я мог читать мысли людей. Я мог предсказывать им будущее. Часто события слу-

чались там, откуда я только что ушел. Однажды вечером я стоял на улице с Мамой, когда голос сказал:

— Перейди дорогу.

Я повел Маму через дорогу, и через некоторое время в дом, возле которого мы стояли, врезался грузовик, убив целую семью.

В другой раз я спал, когда почувствовал, что наш великий король смотрит на меня. Я проснулся, вышел из комнаты и пошел по дороге. Родители побежали за мной. Они потащили меня обратно, и тут мы увидели, что наш барак охвачен пламенем. В ту ночь наша жизнь круто изменилась.

Вся улица проснулась. Мужчины и женщины, все закутанные, со следами сна на лицах, с коптящими лампами в руках, толпились снаружи. В нашем районе не было электричества. Проносимые над головами лампы освещали странноглазых мотыльков, отбрасывая такие радужные блики на безымянные лица, что я почувствовал себя снова среди духов. Один мир содержит в себе отблески других.

Это была ночь огня. Сова низко летала над горящим поселком. Воздух был полон криков. Жильцы метались из стороны в сторону с ведрами воды из ближнего колодца. Постепенно пожар

затухал. Целые семьи в темноте сваливали в кучи обгоревшие остатки одежды и матрацев. Столько было причитаний из-за пропавшей собственности! Никто, однако, не погиб.

Когда стало так темно, что даже край неба слился с горизонтом, и лес превратился в неопределенное черное пятно, объявился лендлорд и немедленно начал свой концерт. Он падал на землю. Катаясь по земле и бия кулаками в грудь, он осыпал нас угрозами и проклятиями. Он кричал, что мы нарочно подожгли его поселение, чтобы не платить ренту, которую он недавно повысил.

— Откуда мне взять деньги, чтобы перестроить дом? — причитал он, доведя себя до бешеной ярости.

— Каждый из вас заплатит за ущерб! — визжал он.

Никто не обращал на него внимания. Нашей главной задачей было найти новое пристанище. Мы собрали наши пожитки и готовились тронуться с места.

— Все вы должны остаться здесь! — прокричал лендлорд, оглашая темноту.

Он внезапно ушел и через час вернулся с тремя полицейскими. Они набросились на нас, стегая кнутами и лупя по головам дубинками. Мы от-

ветили им. Мы били их палками и веревками. Мы разорвали их колониальную униформу и прогнали их. Они вернулись с подкреплением. Папа выманил двоих на соседнюю улицу и хорошенько отдубасил. К ним подскочила подмога. Но Папа оказался таким дервишем ярости, что с ним смогли справиться только шесть полисменов, которые в итоге скрутили его и отвели в полицейский участок.

Между тем, подошедшее подкрепление, войдя в раж, в пьяном угаре хлестали все, что шевелится. Когда они закончили, пятнадцать мужчин, трое детей, четыре женщины, два козла и собака остались лежать израненными на поле боя. Так началось восстание.

* * *

Поздней ночью пошел дождь и лил беспрерывно, пока обитатели гетто срывали свою ярость. Дождь шел недолго, но дороги превратились в грязь. Вода оросила наш гнев. Запевая старинные песни войны, размахивая кольями и мачете, отряды создавались прямо в темноте. Они печатали шаги по грязи. У большой дороги они начали крушить автомобили и автобусы. Они нападали на полицейские машины. Они взламывали мага-

зины. Затем каждый начал грабить, поджигать и тащить вещи к себе. Мама со мной на руках была оттиснута разбушевавшейся толпой. Идя по большой дороге, Мама положила меня, чтобы потуже затянуть набедренную повязку, готовясь к худшему, и тогда орущая толпа буквально смела нас. Люди пробежали между нами. Они разделили нас с Мамой.

Я брел по местам погрома, прислушиваясь к смеху озорных духов. В небе стоял полумесяц, темнота накрыла наши дома, дорогу устилали разбитые бутылки и обломки досок. Я шел босиком. Горели кучи мусора, людей вытаскивали из машин, густой дым валил из домов. Бредя в поисках Мамы, я очутился на темной улице. Одинокий факел на постаменте горел возле брошенного дома. Я слышал глубокие чанты*, заставлявшие дрожать улицу. Мимо меня шарахались тени, оставляя за собой зловоние пота и ярости. Воздух вибрировал от барабанного боя. Истошно кричал кот, словно его только что бросили в огонь. Затем на дорогу прорвался гигантский Маскарад, с клубами дыма, лавинами исходившими из его головы. Я испуганно закричал и спрятался за торговой палаткой. Огнедышащий Маскарад был ужасен, и в его кладбищенском рыке слышался

гул самой древности. Я наблюдал за ним, дрожа от ужаса, накрытый его тенью, пока он исполнял свой танец на пустой улице.

* Чант — ритмическое песнопение, исполняемое хором; часто составная часть боевого ритуала.

Потом темнота выпустила его спутников. Это были отважные мужчины с блестящими лицами. Они держались за светящиеся веревки, привязанные к возвышающейся фигуре. В бешеном танце они тащили ее в самое пекло бунта. Когда шествие наконец прошло мимо, я выполз из своего укрытия. Кружась в водовороте призраков, я стал продвигаться обратно к большой дороге. Затем внезапно из темноты возникли несколько женщин, пахнущих горькими травами. Они набросились на меня и, схватив, потащили в эту рассвирепевшую ночь.

Глава 3

Женщины шли по улицам. У одной в руках был черный мешок, другая носила очки, третья была в ботинках. Никто не дотрагивался до женщин и, казалось, даже не замечал их. Они шли среди все-

общего смятения, словно тени или посланницы иной реальности. Я не произносил ни звука.

Только когда они остановились у перекрестка и положили белые яйца на землю, я заметил, что все они одеты в белые балахоны. Их лица были закрыты, и они смотрели в дырочки, через которые едва были видны глаза. Сделав подношения на перекрестке, они устремились дальше по улицам, мимо разрушенных домов — в лес. Они шли в кромешной тьме, тишине и тумане, в иную реальность, где гигантский Маскарад скакал на белой лошади. Лошадь скалила зубы, и глаза ее блестели как алмазы. В воздухе раздался пронзительный крик. Когда Маскарад и белая лошадь исчезли, я заметил, что лес кишит неземными тварями. Это было похоже на переполненный рынок. У многих из этих существ в глазах светились красные огоньки, легкие струйки шафранного дыма выходили из ушей, мягкий зеленый огонь горел у них на головах. Одни были высокие, другие низкие; одни были широкие, другие тонкие. Они двигались медленно, но их было такое множество, что они проникали друг в друга. Женщины шли сквозь них без тени страха.

Мы прошли мимо отрядов мужчин, которые тащили домой свои пожитки. Мы встретили

женщину, сидевшую у подножия дерева, и кровь стекала у нее с головы. Женщины взяли ее с собой. Она кричала в муках. Наконец, мы остановились у устья реки, где нас ждало привязанное каноэ. Прежде чем я смог что-то сделать, женщины связали меня, втащили в каноэ и отчалили к острову, находившемуся неподалеку от устья. Они гребли в полном равнодушии, как я ни пытался протестовать. Когда я стал раскачивать каноэ, они прижали меня суровыми ногами и накрыли просторными тогами.

По прибытии на остров женщина в очках подняла меня из каноэ и отвела в хижину. На самом деле это была баня. Она меня вымыла, вытерла грубым полотенцем и натерла маслами. Она повела меня в молельню и положила на мат. Я пытался не спать той ночью и в то же время не двигаться, и в темноте мне казалось, что все статуи оживают. Я чувствовал как эти образы дышат, следят за каждым моим движением, слушают мои мысли.

Утром я оказался в пустой комнате. Я встал, но прежде, чем я подошел к двери, в комнату вошли женщины. Глаза их источали могущество. Они молчали и смотрели на меня умоляюще, словно в моей власти было спасти их жизни.

С заботливостью, удивившей меня, они отвели меня в красивый дом и разложили передо мной отборные кушанья. Они собрались вокруг и наблюдали как я ем. Когда я закончил, они одели меня в белейшее одеяние из такой мягкой ткани, что мне показалось, будто меня закутали в облако. Они прикоснулись ко мне с нежностью и покинули комнату. Я вышел из дома и бродил по острову в белом волшебстве.

Ветер веял весточками по морю. Нежный белый песочек таинственно шуршал. Я вышел за молельню и стал смотреть на волны. На обратном пути я увидел богиню острова. Это была статуя с прекрасным лицом и глазами из мрамора, блестевшими на солнце. Вокруг ее ног лежали металлические гонги, орехи кола, кусочки каолина, перья орлов и павлинов, кости животных и кости слишком крупные, чтобы принадлежать животным. Образуя полный круг, вокруг на черных блюдцах лежали белые яйца. Диковинная могучая беременность богини предстояла открытому морю.

Ночью глаза богини засветились как лунные камни. Морской ветер, проходя через ее волосы из листьев рафий*, издавал призрачные мелодии. Ночью я услышал ее пронзительные восторжен-

ные крики. Я незаметно ушел. Ее величественная беременность так впечатляюще смотрела в сторону безбрежного моря, что казалось, она должна родить бога или дивный новый мир.

* Рафия — род древесных растений семейства пальмовых. Из листьев рафии добывают длинные волокна, идущие на плетение корзин, шляп, одежды и т. д.

Я спал в молельне, среди оживающих статуй, когда звуки гонгов разбудили меня. Я выглянул за дверь и увидел женщин, одетых в белое, танцующих священный танец вокруг своей богини. Я смотрел на них из темноты, и вдруг впереди меня что-то начало двигаться. Молча пробираясь мимо статуй, ко мне подошел кот. Он сел мне на ноги и стал смотреть на меня глазами, похожими на драгоценности. Я погладил его по шерсти. Голос сказал:

— Ты дурак или нет?

Я обернулся. Кроме статуй, я не увидел никого. Я снова погладил кота. Голос сказал:

— Почему богиня все еще не родила?

— Я не знаю, — ответил я, не двигаясь.

— Потому что она не нашла ребенка, которого родить. Если ты не будешь осторожен, сегодня

ночью ты можешь родиться во второй раз.

Когда я вспомнил, что иногда могу понимать язык животных, я очнулся от обманного обольщения, с ясным сознанием опасности, в которой я нахожусь. Затем я услышал глубокие низкие стоны. В другом углу комнаты я обнаружил женщину, которая была ранена во время восстания. Во тьме она свернулась калачиком, и нога женщины дергалась, словно ей снилось, что она летит. Я встряхнул ее, чтобы она проснулась. Она открыла сонные глаза.

— Сын мой, — сказала ока.

— Они хотят что-то сделать со мной, — сказал я.

Она невозмутимо на меня посмотрела.

— Моей маме это бы не понравилось.

Она начала плакать. Ее было не остановить. Во время восстания она тоже потеряла сына.

— Давай убежим, — предложил я.

Она перестала плакать и медленно поднялась. Мы покинули молельню и побежали к каноэ. Мы уже гребли по воде, когда одинокий крик донесся из молельни и начал метаться по всему острову. Ветер хлестал этим криком по волосам богини. Каноэ рассекало волны. В великом отчаянии мы гребли по бушующей стихии. Мы уже были на

полпути к берегу, когда женщины оставили свой ритуал и пустились за нами вдогонку.

Раненая женщина гребла героически, ее синяки отливали при лунном свете, глаза поникли. Она слишком устала и, когда каноэ уже приближалось к берегу, совсем свалилась на дно. Я пытался вернуть ее к жизни, брызгая на нее соленой водой, но она только покорно стонала: «Сын мой, сын мой» — вот все, что она говорила.

Я уже ничего не мог поделать. Каноэ яростно толкнулось о берег. Я проговорил над ней молитву и побежал. Я не останавливался до тех пор, пока эти молчащие женщины со своим культом не остались далеко-далеко позади.

Глава 4

Той ночью я спал под грузовиком. Утром я встал и пошел бродить по улицам города. Дома были большие, везде грохотал транспорт, и люди смотрели на меня. Когда я подошел к рынку и увидел пироги из бобов, спелые фрукты, сушеные рыбины, и в нос мне ударил запах жареного подорожника, я почувствовал голод. Я ходил от стола к столу, смотря на продавцов. Почти все они меня прогоняли. Но у одного столика с едой мужчина

со страшным лицом заметил меня и спросил:

— Ты голодный?

Я закивал. Он дал мне кусок хлеба. У него было только четыре пальца и не было большого. Я поблагодарил его и пошел в сторону от рынка, пока не отыскал бочонок, на который можно было сесть и приняться за еду.

Я смотрел, как толпы людей стекаются на рынок. Я наблюдал хаос движения, бурную торговлю, грузчиков, склоненных под тяжестью мешков. Казалось, весь мир находился там. Я видел людей всех форм и размеров, гороподобных женщин с лицами цвета дерева ироко, калек с лицами, словно высеченными из камня, стройных женщин с близнецами на спинах, больших мужчин с выпирающими плечевыми мускулами. Смотря на движущиеся тела и предметы, я почувствовал, как у меня кружится голова. Бродячие собаки, куры, хлопающие крыльями в клетках, гуси с безразличными глазами — все причиняло мне боль, когда я на это смотрел. Я закрыл глаза и когда открыл их снова, то увидел людей, идущих задом наперед, карлика, который учился ходить на двух пальцах, перевернутых мужчин с корзинами рыбы на ногах, женщин с грудями на спине и с детьми на груди, красивых детей с

тремя руками. Среди прочих я увидел девочку с глазами на одной стороне лица и с браслетами из голубой меди на шее, которая была прекраснее, чем луговые цветы. Я так испугался, что слез с бочки и попятился назад, когда девочка показала на меня и крикнула:

— Этот мальчик видит нас.

Они повернулись ко мне. Я немедленно отвернулся и поспешил прочь от этого кишащего рынка в сторону улицы. Они преследовали меня: у одного из мужчин вместо ног были красные крылья, а у девочки вокруг шеи оказалась не медь, а рыбья чешуя. Я отчетливо слышал их гнусавый шепот. Они встали рядом со мной, чтобы узнать — действительно ли я их вижу. И когда я отказался на них смотреть, направив свой взгляд на кучки красного перца, сверкавшего на солнце, они обступили меня и загородили путь. Я прошел сквозь них, словно их никогда и не было. Я уставился на крабов, пытавшихся вылезти из корзин, обрамленных цветами. В конце концов они оставили меня. Впервые в жизни я понял, что не только люди приходят на рынки этого мира. Духи и другие существа тоже туда захаживают, покупают и продают, торгуются и приценивают-ся. Им нравится бродить среди фруктов и плодов

земли и моря.

Я пошел в другую часть рынка. Я не смотрел на людей, которые плыли в воздухе, или тех, кто нес с собой свои головы как луковицы. Мне просто стало интересно — откуда все они тут взялись? Я последовал за теми, кто покидал рынок, закончив свои покупки или продажи или просто устав от обозрения всех интересных вещей мира, добытых людьми. Я шел за ними по улицам, узким тропинкам, одиноким путям. Все это время я притворялся, что их не замечаю.

Когда они подошли к широкой просеке, они сказали друг другу свои причудливые «до свидания» и пошли разными путями. На многих из них нельзя было смотреть без ужаса. Другие были очень милые. Многие были довольно отвратительны, но через какое-то время их отвратительность становилась нормальной. Я решил последовать за духом-ребенком с лицом белки, который тащил большой мешок. Его спутники совещались между собой, смеясь безгорловым смехом. У одного была желтая паучья нога, другой был с хвостом небольшого крокодила, а самый интересный из них смотрел на все дельфиньими глазами.

Просека была началом автомагистрали. Ее прорубили строительные компании. Местами

земля была красная. Мы миновали гигантское поваленное дерево. Красная жидкость сочилась из его пня, словно дерево было убитым гигантом, чья кровь не могла перестать течь. Духи подошли к краю вырубки, где в земле была глубокая яма. Заглянув в нее, я услышал резкий звук, как будто что-то раскололось, и закрыл глаза в ужасе. Когда я их открыл, то обнаружил себя в совершенно другом месте. Духи исчезли. Я стал кричать. Мой голос эхом отдавался в темном воздухе. Через какое-то время рядом с собой я заметил огромную черепаху. Она подняла вверх свою ленивую голову и уставилась на меня, словно я нарушил ее сон. Она сказала:

— Чего ты кричишь?

— Я потерялся.

— Что это значит?

— Я не знаю, где я.

— Ты в под-дорожье.

— А где это?

— Это живот дороги.

— А у дороги есть живот?

— А у моря есть рот?

— Я не знаю.

— А что ты знаешь?

— Я хочу домой.

— Я не знаю, где твой дом, — ответила черепаха, — поэтому ничем не могу помочь.

Затем она отползла. Я лег на светлую землю и плакал, пока не заснул. Когда я проснулся, я очутился в яме, откуда доставали песок для строительства дороги. Я выполз оттуда и побежал через лес.

Прижимая к себе то, что осталось от моего хлеба, я пошел по улицам. На развилке дорог я попросил воды у торговки едой. Она дала мне воду в голубой чашке. Я доел хлеб и медленно выпил воду.

Рядом со мной стоял мужчина. Я ощутил его по запаху. На нем была рваная грязная рубаха, его волосы были красноватыми, и мухи жужжали вокруг его ушей. Его срамные места высовывались из штанов, а ноги были покрыты язвами. Мухи, летавшие вокруг его лица, создавали ощущенье, что у него четыре глаза.

Я смотрел на него, сгорая от любопытства. Он сделал резкое движение, отгоняя мух, и я заметил, что его глаза вращаются, словно в акробатической попытке увидеть самих себя. Я начал понимать, что он и меня разглядывает, быстро допил воду, завернул остатки хлеба и поспешил прочь. Я не смотрел назад, но был уверен, что он

идет следом. Я мог слышать странный диалог мух вокруг его ушей. Я чувствовал запах его безумия.

Когда я пошел быстрее, он тоже ускорил шаги, что-то декламируя. Я прошел через поселок, вышел к фасадам домов и увидел, что он уже меня поджидает. Он сопровождал свое преследование буйным бредом на причудливых языках. Я помчался через дорогу, через рынок, и спрятался за грузовик. Человек шел по пятам моей тени. Я постоянно чувствовал его ужасное присутствие, от которого мне было не избавиться. В отчаянии я перебежал на другую сторону дороги. Гудок чудовищного грузовика перепугал меня, я выронил остатки хлеба и ринулся прочь, с дико колотящимся в груди сердцем. Когда я был в безопасности на другой стороне, я посмотрел назад и снова увидел этого человека на середине улицы. Он поднял мой кусок хлеба и принялся его есть вместе с полиэтиленовой оберткой. Вокруг него сигналили машины. Я продолжил свой бег из страха, что он может вспомнить, что преследовал меня.

Наконец, я вышел на знакомую улицу. Посмотрев на свою тень и удостоверившись, что она на месте, я очнулся от наваждения его безумия. В жарком воздухе, я старался в тревоге понять,

что же знакомо для меня в этом районе. В воздухе раздавались сладостные голоса детей. Я вдыхал запах распустившихся роз из помойки. Канава источала ароматы благовоний. Дома были покрыты пылью. И в этом ночном пространстве белые птички перелетали с дерева на дерево. Я стал ждать в надежде заметить что-то еще. И когда уличные пространства стали расти, словно солнечный свет начал исходить из каждого предмета, превращая район в широкую протяженность священных полей, я осознал в потрясении, что именно эта странность мне и знакома. Мое дыхание участилось, и когда лунный свет пролился на улицы, я узнал эти детские голоса, которые слились вокруг меня в мощный голубой хор. Это были далекие голоса моих духов-спутников, звавших меня в мир мечты, прочь из этого мира, где до меня никому нет дела. Они соблазняли меня уйти туда, где я никогда не буду потерян.

Лунный свет их голосов стал слишком призывным и сладостным для меня. Я почувствовал, как меня выносит в другое пространство. Куда бы я ни посмотрел — везде были духи, искренне приглашавшие меня с собой. Запах цветов переполнил меня своей властью. Песни ранили

меня безжалостной красотой. Опаленный их гибельными мелодиями, я побрел по дороге и вдруг увидел их всех, духов в полном расцвете сил, на радужных полях, купающихся в экстазе нескончаемой любви. Что-то острое пронзило мой мозг. Я упал без сил на зацветающем асфальте, посреди ревущих грузовиков.

Глава 5

Меня отвели в полицейский участок. Потом доставили в госпиталь, где обработали раны. Когда меня выпустили, ко мне был приставлен полицейский чиновник, пока не найдутся мои родители. Это был увалень с большим лбом и волосатыми ноздрями. Он отвез меня к себе домой на белой машине. Его жена — высокая и худая, — напомнила мне о женщинах с острова. Цвет ее лица был похож на поздний вечер. Она отмыла меня и одела в одежды своего сына. На обед мы поели замечательное тушеное мясо, приправленное травами и овощами. Рис источал слабый аромат корицы, жареный подорожник пах дикими травами. Тушеный цыпленок был вкусным, как чудесное наваждение.

Гостиная, где мы ели, была очень просторная

и комфортабельная. Ковры были толстые, на голубых стенах висели дипломы в рамочках. На картине был нарисован Иисус с распростертыми руками и с большим сердцем. Рядом была подпись:

ХРИСТОС —
НЕВИДИМЫЙ ГОСТЬ В КАЖДОМ ДОМЕ

На стенах висели портреты полицейского чиновника, его жены и красивого мальчика с печальными глазами. Мальчик смотрел на меня, пока я ел. Через какое-то время я начал смотреть на все глазами мальчика, и весь дом вокруг меня преобразился. Я уже знал, что мальчик мертвый, поэтому потерял аппетит и больше ничего не ел. После обеда женщина проводила меня в мою комнату. Я испугался — у меня еще никогда не было своей комнаты. Когда она закрыла дверь, я сразу понял, что это комната ее сына. Его игрушки, школьные тетрадки и даже ботинки были аккуратно сложены. На стенах висели его фотографии. Той ночью я не спал. По всему дому раздавались нечеловеческие шаги. Во дворе заорал кот. И потом, в полной темноте, кто-то, с лицом цвета ночи, вошел в комнату и начал трогать фотографии и играть в игрушки. Я не

видел никого, но, когда он ушел, услышал легкий звон колокольчиков. Только когда стало светать, я смог немного поспать.

Несколько дней я жил в доме полицейского чиновника. Глаза его жены всегда были большими от нескончаемого плача. Я понял по ночным шепотам, что их сын погиб в дорожной катастрофе. Они обращались со мной хорошо. Она готовила мне прекрасные пироги из бобов и разные блюда из овощей. После бани она собирала в пучок мои волосы и натирала маслом лицо. Она пела для меня, когда подметала гостиную или стирала одежду. Я иногда помогал ей с уборкой. Мы вытирали общий стол и стеклянный шкафчик с хрустальными слониками и черепахами и керамическими тарелками. Еще мы протирали большую маску на стене. Она всегда одевала меня в нарядные одежды сына. Я стал ее бояться только тогда, когда она стала звать меня его именем.

На следующую ночь звуки в доме стали еще страшнее. Я слышал, как кто-то бродит по дому, словно заключенный. Стеклянный шкафчик стал перемещаться. Звенели слабые колокольчики. Под моим окном запели птицы.

Утром полицейский чиновник дал мне карманные деньги, и его жена говорила со мной ласково,

готовила мне еду, смотрела как я ем. Днем в доме стояла тишина. Женщины не было. Все двери были закрыты. Я проспал на диване в гостиной и проснулся с чувством, что в доме я не один. Я хотел есть, у меня кружилась голова. Пока я бродил по дому в поисках открытой двери, в меня вошло что-то такое, что мной заинтересовалось. Я так и не смог выгнать из себя это самое нечто. Оно скиталось во мне и говорило вещи, которых я не мог понять. Потом я вдруг почувствовал, что мной полностью овладел какой-то несчастный дух.

Я делал все, чтобы прогнать из себя этого духа. Я брыкался, кричал, колошматил себя. Я бился о стены. Потом я обнаружил себя на полу, и изо рта у меня текла кровь. Что-то начало расти из меня и разговаривать с комнатой. Надо мной стояла женщина. Дух вышел из меня и заговорил с ней, но она его не слышала.

Женщина отнесла меня в мою комнату. Когда я проснулся под вечер, то почувствовал себя больным. Я понятия не имел, кто я такой, и даже мысли мои, казалось, принадлежали кому-то другому. Несчастный дух оставил внутри меня пустые места. Я проспал весь вечер и всю ночь и встал только на следующий день. Два дня я ничего не ел. У меня пропал аппетит. Я не имел ни

малейшего желания что-то делать, меня просто несло по белым волнам моей слабости.

В ту ночь, когда я лежал на кровати, дверь в комнату открылась, и в нее вошли полицейский чиновник, его жена и травник. Я притворился спящим. У травника было блестящее мачете. Они говорили про меня шепотом. Потом они ушли.

Рядом с моей кроватью стояла чаша с рисом и курицей. Жадно все съев, я почувствовал себя лучше и начал обдумывать план побега.

Я прислушивался ко всем звукам в доме. По дому бродили голоса. Я слышал, как шепчется воздух, говорят стены, жалуются стулья, скрипят полы, разносят слухи насекомые. Комнату заполнила темнота. В темноте задвигались фигуры. Я увидел, как взволновались какие-то желтые существа, поплыли белые формы, полетели по потолку голубые тени. Но потом я услышал, что в гостиной разговаривают люди, которые внезапно притихли и затаились. Я подождал и затем неслышно прокрался в гостиную.

Глава 6

Там стояла тишина. Низко висящая лампа-молния освещала обеденный стол, ее синеватый свет

повсюду отбрасывал тени. Там, куда едва попадал свет, вокруг стола сидели семь фигур. Над ними кругами летал мотылек. Восьмая фигура стояла без движения. В ней я узнал полицейского чиновника. Он присматривал за этим собранием.

Чем дольше я смотрел, тем более прояснялась угрюмая атмосфера. На главном столе стояло восемь стаканов, которые поблескивали, когда на них падал голубоватый свет. На столе я заметил наполовину опустошенную тыквенную бутыль. Рядом с ней стояло белое блюдо с кусками орехов кола и палочками каолина. И рядом с блюдцем стоял образок маленькой богини в перьях.

Запев низким голосом чант, изменивший сам воздух, полицейский чиновник заставил всех встать. Слабый свет позволил мне все же увидеть, что все эти фигуры — полисмены в форме. Они подхватили чант вполголоса. Затем вытянули руки и положили их на стол. Когда все мужчины сели, полицейский чиновник остался стоять.

Жужжали мухи. Полицейский чиновник поднял в воздух фетиш, и изумрудные глаза фигурки, похожие на глаза змеи, замерцали в тусклом свете. Полицейский чиновник что-то сказал, и первая из семи фигур поднялась с места. Ей оказался человек с маленькими глазками и тонкими

усиками. Его нос был покрыт капельками пота. Слегка подрагивая, он взял образок. Он страстно принес клятву верности. Вокруг его головы летал мотылек. Под неусыпным взором богини и под страхом смерти он клялся, что был честен в деньгах, которые он собрал, и сейчас возвращает их обратно.

Сидящие полисмены запели устрашающий чант. Когда они остановились, первый мужчина, сильно потея в жаркой комнате, отломил кусочек каолина, послюнил его чуть-чуть и пометил свой лоб. Дрожащим голосом он сказал, что если нарушит свою клятву, то пусть его переедет грузовик. Его речь будто исходила из глубины его живота, и он подкрепил свое заявление, отхлебнув немного из тыквенной бутыли. Мужчина вынул деньги и сложил их на столе. Затем он снова ушел в полутьму и превратился в неподвижную фигуру.

Полицейский чиновник сосчитал деньги с бесконечным терпением. Затем он поблагодарил этого человека, отдал ему его долю, другую положил под блюдо, а остальное взял себе. Этот ритуал повторялся с каждым мужчиной. Все это время над ними летал мотылек. Второй мужчина повторил клятву, проворно выложил деньги и сел. Третий мужчина был огромный — широ-

коплечий, с большим пузом, пронзительным голосом и вялыми глазами, которые блуждали по комнате. Четвертый был веселый толстяк: он отпустил несколько шуточек, принятых собранием в суровом молчании. Он скрепил свою клятву, помахав красным ножом, и с заметной неохотой вынул свои деньги. Пятый мужчина был маленький и говорил скрипучим голосом. Его клятва была долгой импровизацией на тему его честности. Клянясь бесчисленными богами, произнося имена тайных святилищ, он прокричал, что пусть божества убьют его единственного сына, если он лжет. Полицейский чиновник отклонил эту возможность. Пятый мужчина затем также сел на место.

Шестым был высокий худой мужчина с чувством собственного достоинства. Он не потел, как остальные. Мотылек не летал над ним, когда он поднялся для совершения ритуала, и лампа ярко осветила его, когда он закончил молитву. Когда выросла следующая фигура, рядом со мной раздался громкий звук, и я спрятался. Но ничего не произошло. Я принялся дальше наблюдать за происходящим, заинтересованный тем, что мотылек приземлился на лоб седьмого человека. Страшно потея во время клятвы, он так и не

смог отогнать его. В сильном возбуждении он поклялся в своей верности. И когда он, закончив расписываться в своей бесконечной честности, отхлебнул из бутыли, фотография сына с треском упала со стены на пол. Стекло в раме не разбилось. Лампа замерцала, отбросила яркий свет, и я заметил, что мотылек забил крыльями по горячему стеклу. Остальные фигуры молча уставились на седьмого человека. Прежним голосом он продолжил свою клятву и выложил деньги на стол. И затем внезапно, ничем не подкрепив клятву, схватил фуражку и покинул дом.

Церемония продолжилась, словно не случилось ничего странного. Мужчины много пили, горланили, пели песни, бодро плясали. Когда встреча подошла к концу, они забрали свои фуражки, побратски попрощались, и в пьяном возбуждении вывалились из дома.

Я пошел к себе в комнату и дождался, пока уйдет последний из них. Потом начал ждать тишины. Дождавшись, я прокрался в гостиную.

Полицейский чиновник спал, развалясь на кресле, — его рубашка намокла от пота. В углу его рта скопилось немного пены. Муха села на нижнюю губу, потирая свои тонкие ручки и ножки, питаясь влагой его сна.

В комнате пахло потом и тканью хаки, кровью и перьями, пеплом и страхом. Мотылек совершил добровольное жертвоприношение, и чья-то кровь забрызгала стол. Из кармана рубашки у полицейского чиновника торчали пачки бумажек с записями. Оперенная богиня была прибита гвоздем над дверью прямо напротив картины с Христом и подписи под ней.

Полицейский чиновник храпел. Я прошел мимо него на цыпочках, тихонько открыл входную дверь и вышел в ночь. Я продвигался вперед, но тут мои ноги наткнулись на что-то шерстистое. Остановившись, я вдруг понял, что смотрю прямо в глаза белой собаке. Собака глядела на меня так, словно не только от нее, но и от меня зависело, поднять ли ей лай тревоги. Я сделал дружелюбный жест и вернулся в дом, проскользнув к себе в комнату мимо тела спящего полицейского чиновника.

* * *

Я лежал в кровати и не спал. Я пытался понять все шумы в доме. Я слышал голоса в стене, говорившие, что жертва ожидает своего приношения. Утром полицейский чиновник приказал жене все время держать двери взаперти. Днем она ушла

и ее долго не было. Когда она вернулась, я застал ее на кухне. Вскоре она принесла мне бобов на тарелке и жареного подорожника и оставила у моей двери. Я взял их, но есть не стал. От голода у меня начала кружиться голова. Весь день и весь вечер я страдал от мучивших меня проказ моих духов-спутников. Когда я уже не мог терпеть голод, я взял тарелку и уже был готов начать есть, когда вдруг почувствовал, что еда плохо пахнет. Я нашел газеты, завернул в них еду, спрятал сверток и выставил за дверь пустую тарелку.

В ту ночь, в темноте, крепко зажмурив глаза, осаждаемый яростью своего желудка, я вызвал образ своей матери. Когда я увидел ее очень ясно, то заговорил с ней, умоляя ее прийти и спасти меня. После этого я заснул, твердо уверенный, что она меня услышала.

Глава 7

До меня донеслось, как что-то стучит по крыше. Шел дождь. Ветер стучал в окно. В безумии от голода я встал с кровати. Сел на пол, съежившись в темноте, и, когда в дверь постучали, не пошевелился. Дверь открылась, и появившийся гигант сказал: «Иди поешь с нами».

Пьяный от голода я последовал за человеком к обеденному столу. Я сел как замороженный и уставился на мух, жужжащих над едой. Жена чиновника положила мне на тарелку изрядный кусок вырезки, отборные куски козлятины и налила овощной суп. Еда пахла восхитительно и пар из котла наполнял комнату ароматами томатов и ореганных приправ. От голода мир казался мне немного синеватым. Впервые я понял атмосферу этого дома, понял, почему в меня вошел дух. Когда я зажмуривался, я видел призраков, толпившихся вокруг чиновника и его жены. Они были везде в этой комнате. Призраки были высокие, молчаливые, у некоторых из них пробивались жидкие бородки. Инкуб с белыми крыльями парил возле окна. Я снова зажмурился и увидел духа с восемью пальцами и одним мигающим глазом. У другого духа в полицейской униформе была ампутирована нога. Он хватал еду окровавленными руками в тот момент, когда к ней прикасался полицейский чиновник. Призрак в виде пары молочно-белых ног балансировал на голове женщины. Гомункулус, похожий на желтое растение, танцевал на полу. Должно быть, я смотрел на них с изумлением, потому что чиновник вдруг спросил:

— На что ты так смотришь?

Я покачал головой. И тут же я заметил, что в углу, прямо напротив места, где они ели с невинным наслаждением, одиноко сидит призрак их сына. Он потерял обе руки, одна сторона его лица была разбита всмятку, оба глаза лопнули. У него были сизые крылья. Это был самый печальный призрак в доме.

— Ни на что, — ответил я.

Мужчина и женщина посмотрели друг на друга, а затем на меня. Я не мог заставить себя есть, видя, как призраки играют с едой своими окровавленными руками. Я сидел и смотрел на мух.

Закончив есть, они встали из-за стола. Мужчина пошел к креслу, и жена принесла ему большую бутылку «Гинесса», из которой он попивал, доложив ноги на скамеечку. Жена присоединилась к нему. В молчащем доме было слышно только тиканье старых дедовских часов. Призраки собрались вокруг мужчины и женщины и наблюдали за ними в изумлении. Одноглазый дух отпил капельку «Гинесса» в тот момент, когда чиновник подносил горлышко к губам. Чиновник пил степенно. Когда жена встала, чтобы принести себе более легкого напитка, дух с молочно-белыми ногами пошел за ней. Когда мужчина направился в

туалет, его сопровождал дух в униформе. А когда они просто сидели, духи стояли перед ними так близко, что их лица почти соприкасались. Духи молчали и ничего не предпринимали.

Часы деда пробили. Я понял, что духи и призраки находились в доме чиновника потому, что он каким-то образом был причастен к их смерти. Я поспешил в свою комнату, запер дверь и лег в темноте, уставившись в потолок. Когда часы перестали звонить, голову мне словно прострелил оранжевый свет, темнота чуть рассеялась, и я увидел в углу комнаты безутешный дух мальчика. Вскоре он вырос, поплыл ко мне и стал смотреть на меня вытекшими глазами. Повиснув надо мной, он шевелил крыльями в воздухе. Я чувствовал, как меня все это гнетет. Я не мог дышать и двигаться. Спать было невозможно, а когда я смог закрыть глаза, случилось что-то ужасное: я почувствовал, как на меня навалилась какая-то низшая форма жизни, которая располагалась в моем теле. Я не мог собраться с силами и тщетно сопротивлялся. Стены дома заговорили о седьмом человеке: как его переехал грузовик, когда он регулировал дорожное движение.

Когда эта сущность окончательно обосновалась во мне, за окном пошел дождь, и я успокоился.

Дождь набирал силу, а ветер стучал по гофрированной крыше, задувая воду через щели в оконной раме. Стало холодно. Я повернулся к стене. Когда я понял, что могу двигаться, я сел на кровать. Призрак мертвого мальчика висел под потолком, излучая синий свет. Над домом гремел гром и сверкала молния. Лил уже проливной дождь, и ветер, завывая, стал колотить в окно. Опять блеснула молния. Казалось, что она целилась специально в этот дом. Местность за окном и комната осветились. Скоро я почувствовал запах дыма, который пробивался из-под двери.

Дым заполнял комнату, я стал кашлять и когда выбежал наружу, то едва ли мог что-то видеть из-за густого дыма. Я побежал на кухню, кашляя и протирая глаза, и увидел, что вся она охвачена огнем. Я принялся стучать к ним в дверь. Наконец оттуда вышел чиновник с висящим животом и красными от сна глазами. «На кухне огонь», — закричал я.

Пока мы воевали с огнем водой из ведер, духи стояли и смотрели на нас. Женщина плакала. Мужчина ругался. Дождь усиливался. Вся кухня промокла. Вода просочилась через дверь гостиной и пропитала ковер. Ветер разбил окно, и гусеницы и слизняки вползли в дом. На стенах

появились маленькие змеи. За окном гремел гром. По дому бродил призрак мальчика, проходя прямо сквозь своих родителей, не узнавая их и не замечая их бедствий.

После того как мы успешно справились с пожаром и вытерли промокший пол, все разошлись. Я слышал, как всю ночь они ходили и разговаривали. Я тоже не спал. Перед самым рассветом, когда ночь только-только начала менять гнев на милость, раздался настойчивый стук в дверь. Дверь тряслась и стук был такой сильный, что казалось, ветер и гром объединились, чтобы войти наконец в этот дом. Я поспешил из своей комнаты к входной двери, но мужчина оказался там раньше меня. Я все равно подошел ближе. В дверях стояла женщина: волосы растрепанные и мокрые, ноги босые, глаза обезумевшие, шея напряженная. Дождь поливал ее безжалостно, и у ее ног лежали мертвые тараканы. Я увидел, что вокруг ее шеи обвивалась веревка, привязанная к небу. На секунду я подумал, что знаю женщину по какой-то другой жизни, по миру духов. Я оттолкнул чиновника и встал на порог. И затем словно свет ударил мне в голову, а жажда переполнила горло, я закричал:

— Мама!

Поначалу она стояла неподвижно. Казалось, что она не замечает меня и смотрит пустыми глазами. Но после короткого молчания она вдруг бросила на землю все, что принесла с собой, и молча обняла меня. Потом она подняла меня и крепко прижала к своему теплому мокрому телу.

Глава 8

Меня разбудили голоса из тьмы. Я сидел на маминых руках и видел женские лица, мокнущие под дождем и озаряемые вспышками молнии. Нас обступили женщины с распростертыми руками и добрыми глазами. Мы были окружены со всех сторон. Женщины прикасались ко мне и смотрели на меня так, как будто я был чудом, свалившимся с неба. Они гладили мои волосы, растирали кожу, щупали кости, словно, когда меня нашли, я стал принадлежать им всем. Они вселили в меня новую надежду, став веской причиной, чтобы остаться на этой земле — иногда нам выпадает вкусить радость возвращения домой.

Мама опустила меня. Ноги мои были еще слабые. Все выглядело странным. Наш барак выглядел чужим. Я пошел вперед, спотыкаясь на дрожащих ногах, и Мама взяла меня за руку,

направляя мой шаг. Она провела меня в комнату, открыла входную дверь и сказала:

— Твой отец ждет тебя.

На стуле спал мужчина. Я не узнал его. На голове у него была повязка, и левая рука висела на грязной перевязи. Он был небрит, и его голая грудь вздымалась во время храпа. Комната была очень маленькая, она словно впитала в себя дурное настроение его сна, голод, отчаяние, бессонные ночи и свечной угар. На столе по центру прямо перед ним стояло полбутылки огогоро*, рядом была пепельница и пачка сигарет. Москитная спираль чадила едким дымом, который заполнял комнату. Мужчина, спящий на стуле, был похож на гиганта из сказки. Он положил большую ногу на стол. Мужчина спал очень глубоко, пугая меня движениями своей груди.

* Огогоро — крепленое вино.

Когда вспыхнула молния и дождь пошел еще сильнее, мужчина проснулся с суровым выражением лица. Вдруг его глаза изменились. Они стали большие, с кровавыми прожилками. Озадаченный, он оглядел комнату, как будто очутился в другом мире. Затем в дверях он увидел меня. На какое-то, довольно долгое, время он застыл в

одной позе, с раскинутыми руками, застигнутый врасплох волшебством. И вдруг спрыгнул со стула с такой энергией, что стул отлетел далеко в сторону, и бросился ко мне. Я забежал за стол. Он преследовал меня, но я побежал в другую сторону, и стол остался между нами. Я понятия не имел, почему он бегает за мной, а я бегу от него. При первой возможности я с криком бросился к двери, но он нагнал меня в проходе между домами, под проливным дождем. С воплями ликования он подбрасывал меня в воздух так, что моя душа замирала. И когда он крепко прижал меня к себе и я ощутил его кипучую энергию, почувствовал его бьющееся сердце, то разразился плачем, сам не зная отчего.

* * *

Когда дождь кончился, Мама сняла с меня одежду мертвого мальчика и потом сожгла ее, пропитав керосином и жидкостями из трав. Одежда горела дольше, чем обычно. В глазах Мамы таился суеверный страх, и она все кормила керосином желтые языки пламени. Когда от одежды остались пепельные завитки, она собрала их в газету и пошла в темноту в сторону леса.

Вернувшись, она взяла меня за руку и отвела

в ванную, где по стенам ползали многоножки и стоял бак специально приготовленной воды. Мне пришлось помыться коричневым мылом, которое почти не пенилось. Пока я старательно намыливал себя, Мама, стоя позади убогого бака, рассказала мне все, что случилось после той ночи восстания. Слушая ее рассказ, я все больше восхищался и изумлялся ей.

Той ночью, когда толпа разделила нас, разгневанный Маскарад гнал женщин по улицам, поскольку им не следовало его видеть. Она высматривала меня по всем углам, под каждой машиной, она кричала мое имя в горящие дома. И когда она вернулась домой в надежде, что я все-таки добрел туда сам и поджидаю ее, она убедилась, что и Папа тоже исчез.

— За одну ночь, — сказала она, — я потеряла своего единственного ребенка и своего мужа.

Она бодрствовала всю ночь, ходила по всему поселению, несмотря на то, что все наши пожитки валялись на улице. Наутро съемщики стали перемещаться в новые поселения, в другие гетто. Мама смогла отдать наши вещи на сохранение родственникам. И затем она прошлась по всем госпиталям и полицейским участкам, обошла весь город, убитая горем. И когда она уже была

готова отчаяться, то вдруг очутилась возле полицейского участка в центре города, где ей сказали, что Папа посажен за то, что принимал участие в бунте. Ей удалось добиться с ним встречи. Он был избит полицией: на лбу у него был ужасный порез, ссадины на лице, и одна рука висела как плеть. На следующий день, после многих ходатайств и небольшой взятки, Папа был отпущен. Он пошел на работу и узнал, что уволен. Но за это время Маме удалось снять другую комнату. Она также смогла внести плату за месяц вперед. Папа пришел домой в дурном настроении и был очень озлоблен. Той ночью он слег, бормоча что-то о безумных солдатах, которые убивали белых людей на войнах за морями.

Мама сошла с ума от моего исчезновения. Друзья посоветовали ей проконсультироваться у травника. Поначалу она сомневалась, но после того как все испробовала, побывала во всех госпиталях и в полиции, она уступила. Ее отвели к травнице. Перед ее хижиной была насыпана гора битого стекла. Мама еще не успела войти, как травница, свирепого вида женщина, у которой один глаз светился ярче другого, крикнула ей, что тени уже сказали ей, зачем пришла Мама.

— Уходи отсюда, — прозвучал ее надтреснутый

голос, — и принеси мне белого петушка, бутылку джина, перья голубя и три куска мела. Тогда я помогу тебе.

Когда Мама вернулась с предметами, женщина, одевшись в грубый черный балахон, расспросила свои каури. Она сделала подношения богине, которая сидела в углу комнаты в блестящих солнечных очках, вынашивая свои мысли во тьме. Затем она сказала Маме: «Уходи». Она захотела поспать в присутствии божества. Мама вернулась на следующее утро, и безо всяких предисловий травница сказала ей, что гонорар будет очень большой, потому что случай исключительной сложности.

— Твой сын заключен в доме призраков, — сказала она.

Мама была так испугана, что сразу же ушла, взяла все деньги, вырученные с торговли, взяла что-то у Папы, а остальное заняла. Травница продолжила мою историю, сказав, что я взят мужчиной и женщиной, и то ли они хотят оставить меня у себя как своего сына, то ли принести меня в жертву ради денег, и что я окружен такими мощными колдовскими силами, что если Мама не начнет действовать сразу, я буду потерян для нее навсегда. Мама заплатила гонорар и села в

темноте, слушая, как травница со странными глазами стала выкрикивать самые необычные заклинания, которые Маме доводилось когда-либо слышать. Травница боролась с силами дома, пытаясь разрушить чары, окружавшие меня. После пяти часов, во время которых Мама сидела с прямой спиной от страха, женщина вышла из своего тайного помещения и сказала:

— Я разбила все чары, кроме одной. Она для меня слишком могущественна. Только молния может ее разбить.

Мама сидела в растерянности. Травница дала ей инструкции. Мама пришла домой с тяжелым сердцем.

Ночью, когда она оплакивала свою участь, кляня себя за то, что потеряла единственного сына, ребенка, которому была дарована жизнь, с визитом пришла дальняя родственница. Она слышала о бедах, выпавших Маме, и пришла со своими утешениями. Она принесла подарки и ободрила Маму в том, что меня найдут. Папа принял это как добрый знак. Мама была озадачена. Затем выяснилось, что родственница видела мою фотографию в газете на следующий день после моей пропажи. Таким образом Мама и вышла на этот полицейский участок, а потом и на дом

полицейского чиновника.

Мама вернулась к травнице, которая дала ей последние указания. Мама должна подойти к дому, быть смирной, поблагодарить чиновника и его жену за то, что они меня сохранили, и затем подбросить белого петушка в комнату, чтобы жертвоприношение перенеслось с меня на птицу. А затем бежать от дома быстрее ветра. Но прежде, чем ей начинать действовать, дом должна поразить молния. Мама три часа ждала под дождем. Она запаслась терпением, слушая, как гремит гром и молнии бьют по соседним домам и деревьям. Так она и стояла, не двигаясь ни на дюйм, пока молния не ударила прямо в дом призраков, в котором я отбывал свое заключение.

Глава 9

Меня помыли, накормили и усадили в папино кресло послушать мою историю. Я только начал им рассказывать, как свет в комнате стал другим, и могучие руки подняли меня и уложили на кровать. Я видел, как улыбка Папы светится под кровавым бинтом. Мама сдвинула стул и наш общий стол, расстелила матрац и устроилась спать на полу. Папа зажег москитную спираль,

сел в деревянное креслице и мирно покуривал. Я слушал, как он говорит с молчащей комнатой, загадывая загадки, ответить на которые может только мертвец.

Я проспал весь день и всю ночь. Когда я проснулся, был уже вечер. В комнате было пусто. Керосиновая лампа ровно горела на столе. Бросив первый взгляд на новый наш дом, я увидел, что все в нем выглядело другим. Большие тени тут и там делали его еще меньше. Пол был грубый. Большие колонны муравьев ползали по стенам. На шкафу расположились маленькие муравейники. Земляной червь заполз Папе в ботинок. Гекконы и ящерицы сновали по стенам. В дальнем углу комнаты натянутая веревка провисла от груза одежды. Везде были разбросаны вещи, которыми торговала Мама. Ее мешки были навалены у шкафа. Почерневшие кастрюли, разная посуда, миски валялись где ни попадя. Комната выглядела так, как будто родители приехали, все побросали на свободные места, и у них не было времени, чтобы навести порядок. Но чем больше я обнаруживал трещин в стенах, дыр в ржавом потолке, паутины, чувствовал запахи земли и гарри, дыма от сигарет и москитной спирали, тем больше мне казалось, что мы никуда не переез-

жали. Все было на своих местах. Разница лишь в том, что я так и не привык к этой одинаковости.

К вечеру свет в комнате становился тусклым. Москиты и мотыльки легко проникали в дом. Попавшись в сети паутины, умирающая муха прожужжала с потолка свою последнюю песню. Лампа продолжала чадить, и черный дым поднимался аж до потолка. Запах горящего фитиля и керосина привел меня в чувство. Я был дома. И это ощущение было совсем другим, чем в комфортабельном доме полицейского чиновника. Ни один дух не преследовал меня. Никаких призраков не было в темных углах комнаты. Нашим окружением были бедные люди. У нас не было мало-мальски приличной ванной, и туалет был простым. Но в этой комнате, в нашем новом доме, я был счастлив, потому что везде я мог чувствовать теплое присутствие и добрую энергию моих родителей.

На стенах, прибитые кривыми гвоздями, висели портреты родителей в рамках. На одной из фотографий Мама сидела на стуле полуобернувшись. На ее лице было слишком много пудры, и улыбалась она застенчивой улыбкой деревенской девушки. Рядом с ней стоял Папа. В брюках клеш, белой рубашке и косом галстуке. Костюм

был ему слишком мал. Выражение его лица было тигриным, атакующим. Его сильные глаза и массивная челюсть выставились в камеру. Он смотрел в камеру так, как смотрят боксеры прежде, чем стать знаменитыми. На другой фотографии между родителями сидел я, малыш рядом со своими большими стражами. На наших лицах были улыбки застенчивой радости. Я смотрел на фотографию в нашей маленькой комнате, где чада было больше, чем света, и думал — куда же делась эта радость.

Я пошел искать Маму и Папу. Во дворе их не было. На кухне перед жарким слепящим огнем сидели женщины, пот капал с их лиц, их массивные руки и полуоткрытые груди мерцали в неровном свете. Я смотрел, как они жарили бобовые пироги, курицу и рыбу, и варили в котле что-то, изумительно пахнущее. Увидев меня, они заголосили в знак приветствия, и я убежал. У крыльца дома Папа рассказывал о своем тюремном опыте собравшейся толпе мужчин. Мама стояла на другой стороне дороги, болтая с пожилой женщиной. В своем повествовании Папа дошел до того места, когда стало необходимо показать, что он имеет в виду. Он спрыгнул со стула, сам чуть не лопаясь от доброго смеха, и принялся маршировать

туда и сюда, с силой стуча башмаками о землю, размахивая здоровой рукой, болтая головой и выкрикивая военные приказы на семи языках. Он представлял безумного солдата, который воевал на британской войне в Бирме. Его мозг был расстроен взрывами, ночами, проведенными с трупами, и он не смел поверить, что убил столько белых мужчин. Он стал человеком, знавшим только две вещи — как маршировать и как отдавать приказы. Он целыми днями маршировал в тюрьме и ночи напролет во сне отдавал приказы. Мужчины смеялись над представлением Папы, и Папа смеялся так заразительно, что кровавое пятно на бинте на лбу стало еще шире. Но этого никто не замечал. Я вскрикнул; Папа повернулся и увидел меня. И когда он меня увидел, он резко перестал смеяться. После долгого взгляда он пошел ко мне, но я побежал через улицу в сторону Мамы. На полпути я заметил велосипедиста, который мчался на меня, яростно крутя педали. Мама закричала, я упал; велосипедист увернулся, проехав рядом с моей головой, и выругался, обернувшись. Подбежала Мама, она подняла меня, отвела обратно к домам и отдала Папе, чтобы он присмотрел за мной.

— Почему ты продолжаешь бегать от меня? —

грустно спросил отец.

Я ничего не сказал. Я смотрел на лица поселковых мужчин, большие лица, на которых отпечатались тяжелый труд, нужда и юмор. Ночь медленно опускалась на нас, и керосиновые лампы одна за другой стали зажигаться по всей улице.

* * *

Вечером Папа стал добрым гигантом, который открывал мне содержание нового мира. Мы были окружены великим лесом. Мы шли через густой буш и низкие деревья. В буше раздавалось пение птиц и треск цикад. Папа вел меня по узкой дорожке. Мы миновали женщин, сгибавшихся от тяжести хвороста на головах и разговаривавших на странных языках. Молодые девушки шли с соседнего источника, неся на головах ведра воды.

— Видишь ли ты все это? — Папа обвел рукой лес и заросли буша.

— Да, — ответил я.

— Сейчас это буш, так ведь?

— Да.

— Но быстрее, чем ты думаешь, здесь не останется ни одного дерева. От леса не останется совсем ничего. И везде будут понатыканы кривые

домики. Там будут жить бедные люди.

Я смотрел по сторонам в изумлении; я не мог себе представить, как такой могучий стройный лес может стать совершенно другим. Папа усмехнулся. Потом снова замолчал. Он положил руку мне на голову и голосом грустного великана сказал:

— На этом месте будешь жить и ты. Здесь с нами произойдет много событий. Но если я исчезну сейчас или когда-то в будущем, помни, что мой дух всегда будет оставаться здесь, чтобы защищать тебя.

Его голос немного задрожал. Когда он замолчал, я заплакал. Он поднял меня на руки и усадил на плечо. Он не делал ни одного движения, чтобы руководить мною. Когда я перестал плакать, он таинственно усмехнулся. Мы остановились у первого встретившегося на пути бара с пальмовым вином.

Он заказал одну тыквину пальмового вина и начал заигрывать с женщиной, которая обслуживала нас, налив мне с верхом стеклянный стаканчик. Папа пил из своего калабаша*, я из своего стаканчика. Папа был счастлив. Он сказал:

— Учись пить, сын мой. Мужчина должен справляться со своей выпивкой, потому что в нашей нелегкой жизни выпивать совершенно

необходимо.

* Калабаш, калебас — сосуд, фляга из высушенной тыквы.

Я сидел рядом с ним на деревянной скамейке, пил наравне с ним, вдыхал запахи бара, ароматы столового вина, перечного супа и рыбных палочек. Везде жужжали проворные мухи. Разговаривая, клиенты старались отогнать их от лица. В углу бара на самой дальней скамейке в полутени, прислонившись к стене, сидел мужчина, и его голова то и дело свешивалась вниз в пьяном бессилии. Папа заказал еще одну тыквину пальмового вина, его лицо светилось от удовольствия. Он обменивался шутками и анекдотами с клиентами, такими же незнакомцами. Потом он сел играть в шашки.

Поначалу он играл легкомысленно, все время подшучивая. Играя в этом духе, он выиграл партию. Он сыграл еще игру и проиграл. Чем больше он проигрывал, тем меньше шутил. Его голос становился все более агрессивным, и один раз он задел меня острым локтем, так и не заметив. Двое мужчин настолько увлеклись игрой, что стали обвинять друг друга в жульничестве. Их кулаки угрожающе летали над шашечной

доской. Их голоса становились все громче. Наблюдатели, сделавшие свои ставки, казались еще возбужденнее, чем сами игроки. Папа постепенно проигрывал и ядовито оскорблял своего противника; противник отвечал на выпады с настоящей злобой. Я забеспокоился. Папа сделал абсурдно большую ставку, а его противник ее удвоил. Внезапно в баре стало очень напряженно. Папа угрюмо пил, потея. Он заказал еще две тыквины вина. Напряжение дошло до того, что когда кто-то начинал говорить, его толкали, чтобы он замолчал. Немало времени уходило на то, чтобы утихомирить ссорящихся. Папа повысил ставку, и голова его опять стала кровоточить. Его противник, большой человек с маленькой головой, стал смотреть на Папу с таким презрением, что мне захотелось откусить ему все пальцы. Он взглянул на меня своими маленькими пьяными глазками и сказал:

— Твой отец даже не знает, как надо играть.

— Замолчи, — огрызнулся я.

В воздухе повисла пугающая тишина.

— Что ты такое сказал? — спросил он подозрительно.

— Ничего.

Папа сказал:

— Оставь моего сына в покое. Играй свою игру. Пользуйся своими мозгами, а не языком.

Противник, охваченный негодованием, сказал:

— Ты хочешь сказать, что позволяешь мальчишке — у которого молоко на губах обсохло — оскорблять меня.

— Играй, друг мой, — ответил Папа холодно.

— Там, откуда я родом, мы так детей не воспитываем, — сказал мужчина, грозно уставясь на меня.

— Играй свою игру, мой друг.

Мужчина пришел в такую ярость от равнодушия Папы, что его внимание притупилось, и он вскоре потерял всякое равновесие. Он продолжал кипеть от злости на меня, ругаясь на разных языках. Папа медленно, но верно его побивал, с приближением победы выпивая все меньше и меньше. И затем одним опустошительным наскоком он выиграл серию партий и смел себе в карман все заработанные тяжким трудом деньги противника. Мужчина в приступе дурного настроения выпил все содержимое своей тыквины, осыпал нас ругательствами, горько пожаловался на современное плохое воспитание детей и вывалился в густую темноту.

Вышло так, что он не заплатил за свое вино и

перечный суп. Мадам из бара ринулась за ним, и они заспорили. Папа допил свой стакан с особенной безмятежностью. Он был очень доволен собой и его лицо светилось от глубокого удовлетворения. Когда я докончил свой стеклянный стаканчик, он заплатил помощнице мадам, и мы вышли.

На улице собралась толпа. Неудачник в дурном настроении отказывался платить мадам только из-за того, что я сказал ему: «замолчи».

— Я не буду платить, пока вы не заставите мальчишку извиниться передо мной, — кричал он.

— Это не мое дело, — парировала ему мадам, — все что мне надо — это мои деньги!

— Мальчишка оскорбил меня в вашем баре! — отвечал он.

Женщина перестала его слушать: она обхватила его и рванула за штаны. Он попытался освободиться от мастерской хватки женщины, которая сумела достать его интимные места. Он стал отрывать от себя ее пальцы, и когда это ему не удалось, начал бить ее по рукам, выкрикивая ругательства всем собравшимся. И вдруг, ко всеобщему изумлению, женщина подняла его за брюки и швырнула оземь. Толпа закричала. Мужчина поднялся, отряхнулся и с обиженным

видом выругался. Затем он бросился на мадам, пытаясь попасть ей в лицо. Папа было двинулся в их сторону, но его попытка вступиться быстро была прервана. Мадам схватила бедного неудачника за промежность, и он закричал так громко, что толпа даже замерла. Затем она отработанным движением, развернув его, вскинула на плечи, показала его небу и жестоко бросила на тяжелую землю. Некоторое время он лежал без сознания с открытым ртом. Она повернула его и опустошила его карманы, забрала то, что ей причиталось, приспустила его штаны, пошла обратно в бар, вернулась с недопитой тыквиной и плеснула на него опивками.

Он оправился быстро. Когда он очутился лицом к лицу со своим публичным унижением, то стал кричать, не веря, что это произошло с ним, побежал в сторону леса, и с его брюк капало вино. Больше мы его не видели. Толпа находилась в таком изумлении от представления, устроенного женщиной, что все смотрели на нее, открыв рты. Женщина пошла обратно в бар и начала вытирать столы, словно не случилось ничего особенного. Затем, мы видели это снаружи, она схватила шашечную доску, расколола ее надвое и выбросила в окно. Когда она увидела, что толпа

смотрит на нее в таинственной тишине, она пошла в нашу сторону и, уперев руки в боки, громким голосом сказала:

— Вы будете смотреть или вы будете пить?

Толпа, пробудившись от чар, разразилась десятками голосов. Некоторые пошли обратно в бар отпраздновать рождение ее мифа. Другие пошли по домам, прихватив с собой истории, трижды приукрашенные, об одной из самых сенсационных драм, свидетелями которой они были. Женщина обслуживала новую клиентуру с шикарным безразличием. С того вечера и покатилась ее слава. О ней заговорили шепотом. Легенда, которая еще породит тысячи галлюцинаций, была рождена на наших глазах — рождена из историй, слухов и сплетен, которые в скором времени станут одной из самых экстравагантных реальностей нашей жизни.

Глава 10

Когда мы отошли от толпы, которая поспешно творила новый миф, Папа повел меня через заросли буша в лес. Я шел, и ноги мои заплетались от вина. Мы прошли мимо дерева, на нижних ветвях которого висели желтые одежды. За нами,

держась на дистанции, шел черный кот. В лесу было темно до тех пор, пока мы не подошли к вырубке. В центре вырубки в землю был воткнут одинокий деревянный шест. На шесте распустился цветок. Маленькие почки росли по всей длине шеста, и в некоторых местах появлялись новые побеги. Папа сказал:

— Ты можешь быть на него похожим. Расти там, где жизнь посадила тебя.

Я уставился на зацветший шест. Затем, ласково тронув мою голову, Папа сказал мне, чтобы я оставался здесь и ждал его. Он пошел, и я слушал его шаги, замирающие в лесу.

Желтый ветер взметнул листву. Ветви затрещали. Закричал зверь. Черный кот с выпученными глазами пробежал мимо меня в сторону, куда ушел Папа. Один раз он обернулся и посмотрел на меня. Я все ждал. В лесу нарастали разные шумы. Сова пролетела у меня над головой и села на ветку, наблюдая за мной. Я слышал, как приближаются шаги, и готов был поклясться, что это шаги грузного мужчины, но, присмотревшись, увидел антилопу. Он подошла ко мне, остановилась около шеста и уставилась на меня. Потом подошла еще ближе и лизнула мне ноги. Когда затрещала одна из ветвей, антилопа вздрогнула

и пустилась прочь. Я ждал, не двигаясь. Начало моросить. Вода текла по невидимым тропинкам леса и собиралась у меня под ногами. Я снова услышал шаги и увидел, как что-то движется. Воздух задрожал. Из дерева вышла женщина и захромала ко мне. Голова у нее свободно болталась на шее. У женщины было бесформенное лицо, и она шла на меня, накренившись в сторону. Она была деформирована так, как мне и не сказать. На ней была только белая накидка. Глаза — темные и маленькие. Когда она подошла ко мне довольно близко, то остановилась и принялась смеяться. Я не двигался. Ветви в страхе сотрясались от ветра. Меня начало знобить от воды под ногами. Женщина, смеясь как слабоумная, ходила вокруг меня. Ее лицо было перекошено и глаза сверкали в сумеречном свете. Оказавшись снова возле меня, она протянула руки к моей шее. В то же мгновение сова с криком слетела с ветки и дважды облетела вокруг нас. Потом снова крикнула и воспарила вверх. Послышался треск, будто сломалось дерево, и сова камнем упала вниз, словно посреди самой мечты ее сбили выстрелом. Она упала на землю, беспомощно ударяя крыльями. Затем превратилась в лужицу желтой воды и испарилась в воздухе.

Женщина перестала смеяться. И вместо того, чтобы грубыми руками схватить меня за горло, она вцепилась в цветущий шест и с сатанинским выражением лица принялась выдирать его из земли. Шест не поддавался, потому что пустил уже крепкие корни, но она продолжала тянуть. В конце концов она вытащила его вместе с корнями и потащила с собой.

Я смотрел как она удаляется, прихрамывая, и заметил, что в корнях запуталась змея, проблескивающая сквозь слой земли. Пока женщина тащила с собой шест, змея поползла по шесту и забралась ей в рукав. После этого я ее больше не видел. Затем услышал обрывистый крик. И наступила тишина. Я не двигался. Становилось очень темно. Многоножка забиралась по моей ноге, и я не мешал ей. Я снова увидел черного кота. Он шел ко мне, но вдруг развернулся и побежал в направлении, откуда мы пришли. Вскоре я увидел, как возвращается Папа с большим мешком на плечах. Он выглядел изнуренным, как будто боролся с демонами. Когда он подошел к тому месту, где я стоял, он сказал:

— Ты не двигался?

— Нет.

— Хорошо.

Я нагнулся и убрал многоножку с ноги.

— Видел ли ты что-нибудь?

— Женщина вышла из дерева. Сова упала на землю и сделалась воздухом. Вода собралась у моих ног.

— Замечательно, — ответил он. — Пойдем домой.

Мы отправились к дому. Черного кота я больше нигде не видел. Я спросил Папу:

— Почему женщина вырвала шест из земли?

— Какой шест?

— Который там рос.

— Где?

— Там.

— Там не было никакого шеста, — ответил он.

Какое-то время я молчал. А потом сказал:

— Змея выползла из его корней и ужалила ее.

— Хорошо. Жизнь полна загадок, разгадать которые может только мертвец, — был ответ Папы.

* * *

Мы шли домой в тишине. Мы шли по тропинкам. Навстречу выбежала собака и остановилась, чтобы оглядеть нас. Кровь сочилась из мешка за спиной Папы. Кровавое пятно на его бинте стало шире и подсохло.

— Кого ты поймал?

— Дикого кабана.

— Почему у тебя идет кровь?

— Кабан попался в капкан и не умер. Он все еще боролся, когда я подошел к нему. Мне пришлось убивать его своими руками. Он ударил меня в голову.

Я шел за Папой в молчании, слушая звуки леса и глубокое дыхание Папы. Дорога домой показалась длиннее, чем дорога из дома. Проходя мимо бара пальмового вина, мы увидели, как мадам прибивает вывеску. Я не смог прочесть ее в темноте. Мадам заметила нас, когда мы подходили. Папа поприветствовал ее. Она не ответила.

Когда мы подходили к нашему новому дому, встречать нас выбежали дети. Мужчины вышли помочь Папе с мешком, но ему не нужна была помощь. Женщины разговаривали возбужденно. Наша дверь была открыта. Все тесное пространство нашей комнаты было заставлено складными стульями. На большом столе стояли напитки. На полу стояла чаша с каолином и орехами кола. В воздухе уже чувствовались ароматы свежего тушеного мяса. Комната была пуста. Папа пошел на двор и там на кухне встретил Маму. Она раздувала костер, слезы текли по ее лицу, большая

кастрюля стояла на решетке. Увидев нас, она встала, крепко обняла Папу и взяла меня на руки. Папа положил мешок на кухонный пол. Он на мгновение посмотрел на меня и сказал:

— Я сдержал свое слово.

Затем он вернулся из кухни в комнату, вернулся с мылом и полотенцем, набрал воду из колодца и надолго ушел мыться. Я остался с Мамой на кухне, кашляя вместе с ней. Вода закипала в кастрюле. Пришли поселковые женщины и помогли ей достать кабана из мешка. Они побрызгали на кожу кабана кипятком, размягчили ему щетину и срезали ее. Пять мужчин помогли женщинам разрезать страшного зверя. Они обезглавили его, порезали на куски и вынули его чудовищные внутренности.

Когда мясо было готово, на другом огне большая сковородка уже шипела от масла. На весь поселок пахло ароматным жарящимся диким мясом, перцами, луком и дикими лесными травами. Когда уже у всех потекли слюнки, Мама послала меня мыться. Я надел новую хорошую одежду. Гости и соседи-съемщики один за другим прошли в комнату. Они заняли свои места. Мама собрала мои волосы и сделала пробор. У Папы тоже был пробор. Мама пошла мыться. В ванной

она оделась в нарядные одежды, причесалась и прихорошилась в проходе между домами.

Вскоре наша комната наполнилась людьми: многие из них были из нашего барака, один или два — наши соседи по бывшему пристанищу, несколько совершенно незнакомых людей, много детей. В комнате было жарко и все потели. Все стулья были заняты и даже на полу не было свободных мест. Женщина запела песню. Мужчина запел другую, более энергичную. Дети переглянулись. Пришла Мама с семенами аллигаторова перца, сигаретами и плодами хлебного дерева. И затем мы услышали позвякивание снаружи.

Это был Папа. Он стоял у дверного проема с пустой бутылкой в одной руке и ложкой в другой и выстукивал мелодию на бутылке. На нем был черный французский пиджак и свежий бинт на голове, в который было воткнуто перо орла. Он выглядел счастливым и немного пьяным. Он вошел и, выстукивая свою металлическую мелодию, принялся танцевать и петь под музыку собственного изобретения. Все стали о чем-то говорить, звук голосов усиливался. Пошли шутки. Я почувствовал себя странником на праздновании моего возвращения домой.

Затем ко всеобщей радости в дверях появилась

женщина с песней оповещения. Мама с тремя женщинами несла громадный котел с мясом. За ними шли еще три женщины, неся в руках корзины с рисом, ямсом, бобами, эба и жареным подорожником. Дети принесли бумажные тарелки и пластиковые вилки. Ароматы восхитительных кушаний наполнили комнату. Все приободрились. Лица засветились от возросшего аппетита. И не было среди нас никого, кто бы не вкладывал лучших надежд в этот праздник изобильного кушанья, на котором все ожидания будут щедро вознаграждены.

Глава 11

Еда была внесена в дом и сложена в углу. Все говорили наперебой, скрывая потоки слюноотделения. Старший мужчина в поселении поднялся и призвал всех к тишине. Шутки, болтовня, наскоро придумываемые прозвища, оживленные споры поддавали перца в атмосферу комнаты, где и так было невыносимо жарко. Призыв к тишине был повторен. Он стал новой причиной насмешек. Папе пришлось повысить голос и показать толпе свой добрый кулак, прежде чем шум сделался более-менее контролируемым.

Старейшина сотворил возлияния у обоих столбов дверей, помолился за нас и поблагодарил предков, что я был найден, и попросил их, чтобы я больше не терялся. Закончив либацию*, он пустился в долгую бессвязную речь, приглашая нас стать новыми съемщиками в поселке, отпуская острые зазубренные стрелы в сторону реальных и воображаемых врагов, а также сыпя каскадом поговорок, притч и анекдотов, которые падали как камни в глубины нашего голода. Чем дольше тянулась его речь, тем более кислыми становились лица. Его пословицы сделали нас еще более голодными, резкими, раздражительными. Когда старик утолил свой голод по произнесению речей, Папа отблагодарил его за добрые намерения. Он выразил пожелания всеобщей безопасности и доброго здоровья и помолился за всех присутствующих. Старик разбил орех кола. Он протянул дольку Папе, который пожевал ее немного и отдал, сопровождая молитвами, Маме, а Мама — мне.

* Либация — молитва, обращенная к духам предков.

Собранию была роздана выпивка. Для мужчин в больших количествах были закуплены огогоро

и пальмовое вино, для женщин — пиво, и легкие напитки для детей. Пока напитки разливались и протягивались сгоравшим от жажды, один из мужчин начал затягивать песню, и какая-то женщина сказала:

— Мужчины начинают петь только в одном случае — когда готова еда.

Женщины разразились смехом и песня мужчины была похоронена в насмешках. Женщины на манер деревенского хора начали свою любовную песню, но Папа, как всегда озорной, схватил бутылку и ложкой начал выстукивать на ней свой ритм, испортив ритм женщин. Затем каждый начал горланить свою песню и на какое-то время все голоса слились в единый гвалт.

Празднество стало немного буйным. Комната не была рассчитана на такое количество людей, занявших буквально каждый уголок, и даже стены трещали в протесте. Одежды падали с крючков и вешалок. Ботинки Папы передавались из рук в руки, вызвав новый поток шуточек, и в итоге были просто выброшены в окно. В комнате было так жарко, что все неистово потели. От жары все присутствующие выглядели старше своих лет. Дети плакали, усиливая всеобщее раздражение и голод. Но выпивка развязала языки,

и тысячи споров заполнили атмосферу. Одна из женщин спросила Маму, как ей удалось меня найти. Мама рассказала ей многое из того, что не говорила мне, но промолчала о травнице. Сборище начало оглашаться громкими голосами, и каждый предлагал свою версию всем известной истории о похищении. Женщина заговорила о мудреце, который прячет ребенка в зеленой бутылке. Другая женщина, проявлявшая заметный интерес к Папе, рассказала, как ее сестра была найдена плывущей в потоке и на голове ее была корона в священных бусах.

— Это ложь! — вдруг ко всеобщему удивлению сказала Мама. — Ты никогда нам не говорила, что у тебя есть сестра.

Вмешался Папа, который ударил ложкой по бутылке. Он встал, запел и пустился в пляс. Мужчины запели вместе с ним популярную песню о сладкой жизни, которая высмеивала вечные женские свары. Папа продолжал петь свою песню и пытался поднять всех на танцы. Но в комнате не хватало места для танцев, и Папа, порядком набравшийся, стал оскорблять всех, кто не отвечал ему. Поначалу его оскорбления были направлены на общество в целом. Но, когда он остановился на одном мужчине, взрыв стал

неминуем. Мужчина вскочил и ушел, вернуть его обратно была послана делегация. Он пришел, но прежде, чем занять свое место на полу, выдал свои мстительные намерения:

— И этой-то комнатой-развалюхой ты так гордишься? — громко сказал он Папе. — Большой человек, маленькие мозги!

Папа глуповато заулыбался. Мама напала на него, требуя уважать гостей, и настолько увлеклась в своем необъяснимом запале, что ей ничего не оставалось, как выбежать на улицу, оставив толпу в замешательстве. Никто не был послан за ней вдогонку. Смущенный общей тишиной, Папа предложил всем еще налить себе выпивки и объявил тост за свою жену. Но выпивка кончилась — у Папы больше не осталось денег, и все мы тупо уставились на пустые бутылки. В этот момент вернулась Мама, приведя с собой родственников, с которыми мы не виделись очень долго, и собрание поприветствовало ее возвращение. Папа, вдохновленный одобрительными возгласами, выбежал из комнаты (игнорируя протесты Мамы, что мы должны праздновать сообразно нашим средствам), побежал через улицу до магазина и вернулся с упаковками пива.

Празднество стало еще более буйным. Мужчи-

ны требовали выпивки. Старик, изрядно пьяный, продолжал сыпать противоречащими друг другу поговорками. Мужчина с густой бородой жаловался на то, что запах еды его расслабляет. Наконец, после всего недовольства, предвкушений, терпеливых ожиданий, удовлетворяемых только собственным голодом, еда была выложена на стол. Тарелки с рисом и свежим мясом пошли по рукам, мимо прожорливо смотрящих глаз, но, поскольку толпа была слишком велика и намного превосходила ожидания Мамы, каждый получил гораздо меньше еды, чем можно было предполагать по размеру кабана. Все присутствующие так распалили себя разговорами о голоде, что еда закончилась в считанные минуты. Подобно чуду с умножившимися рыбами, только наоборот, еда исчезла в один миг. Рис был поспешно съеден, тушеное мясо мгновенно испарилось из котелков, и люди уставились в свои тарелки в пьяном недоумении. В одно мгновение кабан переместился в просторные желудки. Бородатый мужчина проворчал, что еда, которую он съел, сделала его еще голоднее. Недовольство ширилось; запах еды, роскошный и щекотавший горло, повис в воздухе, напоминая нам о невыполненных обещаниях изобильного пиршества.

Чувствуя всеобщую досаду, Папа изо всех сил пытался угодить каждому. Он сыпал шутками, задавал загадки, пускался разыгрывать роли. Он танцевал и извлекал музыку из своей бутылки. Между тем люди все доели, наплевали костей на пол, разлили алкоголь и вытерли сальные руки о наши занавески. Папа стал потчевать собрание выпивкой, взятой не по средствам, и ликовал в нелепом самоупоении. Бородатый мужчина, вытесняя свой голод пьянством, выпил так много, что, пытаясь изобразить свои похождения с белой женщиной и не в силах устоять на ногах, плюхнулся на стул и сломал спинку. Другой мужчина выбежал из комнаты, его вырвало в проход между домами, и вернулся он похожий на ящерицу. Папа, который был пьян сверх меры, снова заговорил обо мне и о том, что он мог бы учинить, добравшись до дома офицера полиции, чтобы спасти меня. Мама почувствовала, что настало ее время отомстить.

— Так чего же ты не пошел, а? — сказала она как отрезала. — Потому что был слишком пьян.

Снова настала неприличная тишина. Папа, слегка косой от опьянения, оглядел всех. Затем он показал свою перебинтованную руку. И вдруг, без видимых на то причин, словно бросая в воздух

незаконченную загадку, сказал:

— Когда я умру, никто не увидит моего тела.

Воцарилась глубокомысленная тишина. Мама разразилась слезами и выбежала из комнаты. Две женщины пошли за ней. Папа в мрачном настроении начал много пить и затем вдруг запел прекрасным голосом. Впервые в жизни я услышал глубокие ноты грусти в его мощном голосе. Продолжая петь, он наклонился ко мне и поднял меня в воздух, а потом прижал к себе. В его глазах были видны кровавые прожилки. Он дал мне свой стакан и, сделав пару глотков, я сразу захмелел. Папа опустил меня на стул, вышел наружу и пришел с Мамой на руках. Мамины глаза были влажными. Папа прижал ее к себе, они танцевали, и собрание, умиленное их примирением, пропело им песню.

Пока комната сотрясалась от обрывочного барабанного стука по столу, синкопированных ритмов, голосов, музыки бутылок и общего разгула, к нам заявился фотограф с соседней улицы, в своей белой шляпе. Его звали Джеремия. На его лице была жидкая бородка, и, казалось, все его хорошо знали. Он тут же стал объектом для шуток. Одни высмеивали его чувство времени, поскольку он пропустил вкуснейшего кабана,

который только что бегал среди леса. Другие убеждали его поскорее снять белую шляпу и напиться со всеми как можно быстрее. Женщины хотели узнать, почему он не принес с собой камеру. Он ушел и вскоре пришел с камерой, все быстро закончили танцы и поспешили сбиться в кружок для групповой фотографии. Мужчины боролись за самые выгодные места. Старик, утверждая свое право приоритета, позировал впереди всей группы. Женщины выходили привести себя в порядок и возвращались, нарушая расстановку фотографа. Мама взяла меня на руки, и вместе с Папой мы расположились сразу за стариком. Фотограф, устанавливая свою камеру, давал много инструкций. Он ходил взад и вперед, заставляя нас наклонять головы. Он заставил Папу скрестить ноги, Маму — держать шею под неудобным углом, а меня — изобразить достаточно придурковатую улыбку на лице. После всех проволочек, фотограф пустился представлять свой собственный набор драматических поз. Он приседал к полу, вставал на цыпочки, на колени, взбирался на стул и даже пытался имитировать орла в полете. Он изрядно припадал к бутылке с пивом. Покачиваясь, наклоняясь назад и сверкая глазами, он велел нам сказать:

— Сы-ы-ы-р!

Пока мы играли с этим словом, обыгрывая его на все лады, фотограф сделал первый снимок. Когда камера дала вспышку в виде причудливого всполоха, из яркого света явились призраки и, ошеломленные, растаяли у ног фотографа. Я вскрикнул. Все засмеялись. Фотограф сделал пять групповых снимков, и призраки падали к его ногам, в изумлении от вспышек. Когда он понес в свою студию камеру, призраки последовали за ним. Когда он вернулся, их уже с ним не было. Фотограф присоединился к буйной пирушке и сильно накачался.

Через некоторое время объявился лендлорд. Толпа поприветствовала его. Маме пришлось приготовить еду. Папа пошел покупать новую выпивку в кредит. Меня тискали и подбрасывали в воздух, пока у меня не заболели ребра, и все молились за меня. Фотографу вновь пришлось идти за камерой.

После важничанья и множества таинственных приготовлений, словно перед сеансом магии, фотограф поднял камеру. Он находился в окружении маленьких призраков и духов. Они вскарабкивались друг на дружку, чтобы поближе рассмотреть его инструмент. Они были так очарованы каме-

рой, что взобрались на самого фотографа, сидели на его руках и стояли у него на голове. Фотограф был очень пьян и сделал три снимка с лендлордом. Когда он закончил, ему стало лень относить камеру на студию, и он повесил ее на крючок. Духи и дети собрались вокруг, показывая на нее пальцами и вскрикивая изумленными голосами.

Мужчины, которые были пьяны, стали громко ругаться. Некоторые женщины повели детей спать. Ругань была в полном разгаре, мужчины орали во всю глотку, и тут занавес расступился, опустилась тишина и в дом вошла мадам из бара. Лендлорд, заметив ее, испуганно вскрикнул. Все уставились на нее в пьяном молчании. Духи оставили камеру и слетелись к ней, окружив ее и держась чуть в отдалении. Женщина улыбнулась и благожелательно поприветствовала всех нас. Папа поднялся с места, тепло пригласил ее присоединиться к празднику, нашел ей местечко и начал рассказывать всем о фантастическом истоке ее легенды. Все уже знали эту историю и смотрели на нее как на августейшую, пусть и нежданную, гостью. Мама пошла готовить еду. Папа послал за выпивкой в кредит, но это было не обязательно, поскольку она принесла с собой шесть тыквенных бутылей пальмового вина в

честь празднования моего возвращения. Когда огогоро, за которым послал Папа, прибыло, она взяла бутылку, резко привстала, рассылая волны тишины, идущие от чистой силы ее легенды и внушительной осанки. Она подняла мою руку и сказала:

— Так это тот мальчик, чье возвращение мы празднуем?

— Да, — ответила толпа.

— Так это тот мальчик, который пропал и был найден?

— Да!

Затем она повернулась. Ее большие глаза спокойно смотрели на меня. Она сказала:

— Дорога никогда не поглотит тебя. Река твоей судьбы всегда будет побеждать зло. Ты можешь уже узнать свой жребий. Страдания никогда не разрушат тебя, а сделают тебя сильнее. Успех никогда не собьет тебя с пути и не рассеет твой дух, но направит твой полет еще выше, к доброму свету. Твоя жизнь всегда будет удивлять тебя.

Ее молитва была так прекрасна, что после нее воцарилось молчание. Все изумленно смотрели на нее. Затем Папа, оправившись от потрясения, сказал:

— АМИНЬ!

Собравшиеся повторили это слово. Женщина, все еще стоя, сотворила возлияния, затем выпила полбутылки огогоро одним долгим глотком; ее большие груди дрожали в жаркой комнате. Закончив, она села, и ее мясистое лицо покрылось потом. Духи окружили ее, говоря о ней изумленными голосами.

Но она не могла оставаться долго. И когда, слишком рано для многих (они хотели раскрыть ее тайну), она поднялась и сказала, что ей пора возвращаться в бар, мы все пытались убедить ее остаться. Но она была недоступна просьбам. Папа поблагодарил ее за визит. Мама поблагодарила ее за молитвы и вино. Когда она подошла к двери, покачиваясь, как большой корабль, она остановилась, строго на меня посмотрела и сказала:

— У вас странный сын, мне он нравится. — И затем добавила мне: — Приходи ко мне как-нибудь, ладно?

— Приду, — ответил я.

Когда она вышла из комнаты, духи были с ней. Тем вечером мы узнали ее имя. Все ее звали Мадам Кото.

Глава 12

После всех возлияний наконец люди угомонились: мужчины спали на стульях, дети на полу, везде валялись бутылки, на подоконнике лежали обглоданные кости. Фотограф храпел нос к носу со спасенными ботинками Папы, а лендлорд пускал слюни, приманивая многочисленных мух. Я сидел, прислонившись к стене, то засыпая, то просыпаясь, окруженный свалкой человеческих тел, и вдруг вновь услышал сладчайшие голоса. Мои духи-спутники обольстительными до изнеможения голосами пели мне о верности нашему договору, о том, чтобы я не поддавался чествованиям людей, и просили возвратиться в страну, где празднования не знают конца. Они убеждали меня своими ангельскими голосами, и я почувствовал, как поднимаюсь над телами спящих пьяных мужчин и улетаю в ночь. Я парил на крыльях прекрасных песен по улице без малейшего понятия, куда меня ведут голоса. Я плыл сквозь заросли буша и очутился у колодца, который был закрыт широкой доской. На доске лежал камень. Я попытался его сдвинуть, но не смог. Я чертил круг за кругом над нашим районом. У

меня заболела нога. Я остановился и увидел, что большой палец кровоточит. Я не испугался. Я не чувствовал боли. Вскоре я оказался на краю великого леса, тьма которого была богом. Я был готов войти в темноту, когда увидел черного кота, его глаза сверкали, как раскаленные камни. Потом послышались шаги. Я повернулся и наткнулся на массивную фигуру Мадам Кото.

Она поймала меня, подняла к своим тяжелым грудям и молча отнесла домой. Мама везде меня искала. Увидев нас, она бросилась навстречу, пронесла меня мимо спящих, мимо детей, дремлющих у стен, и мужчин, спящих на стульях, и уложила меня в кровать. Мадам Кото зажгла палочку с благовониями, закрыла окно и вышла с Мамой на улицу.

Я слышал, как Мадам Кото рассказывала ей, как она меня нашла. Я слушал храп мужчин. Мама благодарила Мадам Кото. Мои духи-спутники плакали. Я опять заснул и проснулся, когда услышал шум у двери. Кто-то вошел с лампой. Я видел лампу и ее свет, но не видел, кто ее несет по комнате. Позади лампы была темнота. Темнота поставила лампу на стол. Занавеска всколыхнулась. Я лежал и ждал. Ничего не происходило. Я смотрел, как Папа ходит от одной спящей фигуры

к другой, будит их и заставляет расходиться по домам. Мужчины были такие пьяные, что им лень было пошевелиться. Детей приходилось уносить в тех позах, в которых они спали. Когда Папа подошел к фотографу и потрепал по плечу, бедняга вскочил и сказал:

— Что такое? Где восстание? Где моя камера?

Папа засмеялся. Фотограф затряс головой, пошарил камеру среди папиных ботинок и, не найдя ее, закричал. Наконец он нашел ее: какой-то проказник положил ее в пустой котел от мяса и обложил костями кабана. Он вытащил камеру, вытер рубашкой и быстро побежал в студию.

Когда разбудили лендлорда, тот потряс головой, подозрительно посмотрел по сторонам и спросил:

— Где моя рента?

Затем он полез на кровать и обхватил меня руками как женщину. Папа стащил его с кровати и выгнал в коридор, оставив на собственное попечение. В комнате проснулся бородатый мужчина, он интересовался — начался ли праздник и спрашивал — почему ему не дали кабаньего мяса? Плакали какие-то дети. Когда Папа вошел в комнату, бородатый попросил налить ему пива. Папа выгнал его. Только когда все ушли, мы

воочию увидели последствия праздника. Наша одежда была везде разбросана. Сломано два стула. На полу было разбитое стекло и удивительно, что никто не порезался. Кого-то вытошнило наполовину в окно, наполовину нам в комнату. Во сне описались дети и везде пахло их мочой.

Гудели москиты. Папа зажег москитную спиральку. Мама подмела пол, развесила одежду, вымыла тарелки, ложки, потом выбросила кости. Затем дезинфицировала комнату. Папа сидел на стуле, медленно попивая и куря. Мама расстелила мат. Затем задула свечу и пошла спать.

Папа один сидел в темноте. Все время он говорил:

— Мы сдержали свое слово.

В комнате было только две точки света: москитная спираль, от которой кругами к потолку поднимался дым, и его сигарета. В какой-то момент я начал думать о нем как о сигарете, которая одна курится в комнате.

Ночью я увидел его как сверхсущество. Порой он просыпался и шагал по комнате, огибая спящий силуэт Мамы, его сигарета исчезала и появлялась снова. Я смотрел, как он ходит туда-сюда. Пока я наблюдал за ним, темнота расширялась. Я видел его сигарету в одном конце комнаты, а

шагал он в другом углу. Он стал отделяться сам от себя. Я увидел множество Пап, курящих по разным углам комнаты. Я закрыл глаза. Когда я открыл их, уже было утро, и Папа спал на стуле. Я перевернулся. Я слышал, как он поскрипывает стулом. Когда я снова перевернулся, Мама уже была на ногах, мат убрали, комната была прибрана, москитная спираль стала просто алюминиевой подставкой и горкой пепла на столе, и Папа уже не спал на стуле.

Глава 13

Я узнал, что рано-рано утром Папа ушел искать работу. Мама была измотана поисками, праздником, хождениями, беспокойствами и готовкой. В то утро она вынесла к линии домов маленький столик с товарами, села за прилавок, усадив меня рядом с собой, и начала безнадежно раскладывать свои изделия на продажу. Пыль летела нам в лицо, и солнце было безжалостно к нашей плоти. Мы не продали ни одной вещицы.

Днем люди, у которых Папа занимал деньги на выпивку, пришли получить их обратно. Они грозили отобрать у Мамы ее вещицы. Они приставали к нам до самого вечера. Мама просила

их подождать Папу, но они ничего не хотели слушать. Что больше всего раздражало Маму, так это тот факт, что кредиторами были люди из нашего поселения, которые были на празднике, пили вино за наш счет и блевали на наш подоконник. Самый горластый из них был ответственен за то, что сломал спинку стула и разбил два стакана. Нашим кредитором была, как потом выяснилось, и Мадам Кото, единственная, кто не начала сразу же требовать денег. Но остальные околачивались возле столика Мамы и портили все ее виды на бизнес.

К вечеру Мама раскашлялась. Ее глаза воспалились от пыли, и всякий раз, когда она вставала, то еле волочила ноги. Когда она пошла на двор, то качалась, словно пьяная, от своих коммерческих неудач и приставаний кредиторов. Она быстро вернулась, и я заметил, что ее глаза стали странными. Каждый раз, когда она уныло запевала свой мотивчик для привлечения равнодушных покупателей, ее глаза начинали плавать кругами в глазницах. Когда спустился вечер, переменились ветры и с заходом солнца пришел холодок, Мама стала дрожать за столиком и стучать зубами. Но она упрямо пыталась продать хоть что-то, вся сотрясаясь от дурного ветра: лицо натяну-

тое, нос вспотевший, глаза слегка обезумевшие. Другие женщины поселения, заметив в ней перемены, посоветовали ей идти отдыхать, ко она не двинулась с места. Мы всё сидели с разложенным на столе товаром, в темноте и в пыли.

Когда, наконец, Мама сложила столик, вечерняя темнота углубилась, и ветер засвистел в высоких деревьях. Дрожа всем телом, тем не менее заставляя себя, с молчаливым упорством она постирала во дворе нашу одежду. Потом вымыла комнату, сварила котел свежей пищи, истолкла ямс для папиного обеда, и, изнемогая от усталости, легла в кровать. Но кредиторы и тут не оставили ее в покое. Они возобновили свои атаки, появившись у наших дверей, громким шепотом разговаривая о деньгах, которые мы им задолжали, увеличивая сумму с каждым новым разговором, стуча к нам в дверь. Когда терпение Мамы лопнуло, она на них закричала. Они громко поклялись ничего больше не давать в кредит и продолжали требовать деньги до самой ночи.

Мы стали беспокоиться за Папу. На улице все темнело и темнело, ночные птички запели свои песни, а его все не было. Когда мы, наконец, устали от ожидания, Мама заснула на кровати, а я расположился на полу, Папа громким шагом

вошел в комнату, принеся с собой тени ярости. Его алкогольное дыхание пахло его дурным настроением. Он зажег свечку, увидел Маму спящей и пришел в гнев.

— Я хожу по всему миру, ищу работу, чтобы прокормить нас, а ты спишь? Гнусная женщина, вот ты кто!

Папа весь кипел и выкрикивал оскорбления в течение получаса, никого не слушая и ни на что не глядя. Мама встала с кровати и, отчаянно дрожа, пошла на кухню.

— Маме нехорошо! — сказал я.

— Ничего с ней не случилось, она просто гнусная, вот и все.

— Ей нехорошо, — повторил я.

Но он меня не слушал. Мама пришла с подносом еды. Как она ни пыталась унять дрожь, тарелки подпрыгивали на подносе в ее руках, но Папа в своей ярости на нее и глаз не поднимал. С великим аппетитом он шумно поел. Он не пригласил меня поесть с ним, как делал это обычно, и даже не предложил ни куска рыбы. После того как он доел последний маленький кусочек, он немного успокоился и рассказал нам, как обошел весь город под жгучими лучами солнца, ища работу и не найдя ничего. Во время короткой паузы

Мама рассказала ему о кредиторах, и Папа нашел новую отдушину для своей ярости. Он грозился исколошматить их до полусмерти за то, что они приставали к Маме. Он сказал, что разбросает их зубы по всему лесу, что изобьет их так, что в одночасье они превратятся в дряхлых стариков.

— Я скормлю их мозги встречному ветру! — прокричал он.

Маме пришлось затратить немало сил, чтобы убедить его воздержаться от таких агрессивных поступков, но демон ярости вошел в Папу, и он бурлил, как котел, и проклинал все на свете. Он курил сигарету за сигаретой, поскрипывая суставами, прохаживался туда и обратно, наполняя комнату своим неугомонным духом. Он говорил о том, как он всегда помогает людям и как они после этого опускают его в грязь, проклинал всех кредиторов, которые пришли на праздник, обглодали кости кабана, попили пива за наш счет и теперь при первой возможности предъявляют претензии Маме. Он жаловался на то, как люди объедают его и затем всаживают нож в спину. Эти жалобы я слышал всю жизнь. Его сигарета яростно разгоралась, в то время как он придумывал свежие вариации старой истории. Мама внезапно просыпалась и так же внезапно засыпала.

Папина огненная тирада была направлена на все на свете. Я заснул рядом с Папой, проклинавшим вероломство мира и исчезнувшим в моем сне.

* * *

Когда я проснулся, Мама лежала в поту на кровати и вся сотрясалась от дрожи. Папа купил лекарство от малярии и горькие корни, настоенные на желтом спирту. Мамины зубы стучали, глаза смотрели под странным углом, и Папа с перебинтованной головой сел рядом с ней, обняв ее больной рукой. Он приложил теплые компрессы ей на лицо и на лоб. Я встал и поприветствовал Маму, но она едва могла разговаривать. Она крепко прижала меня к горячему телу, и я сам начал дрожать. Она прижала меня так крепко, что мои зубы тоже застучали, и вскоре я почувствовал, как в меня вошла ее лихорадка. Мои глазницы загорелись. Папа, заметив, что со мной происходит, вытащил меня из опасных маминых объятий и дал мне попить горького донгояро в качестве меры предосторожности. Затем он отправил меня принять ванную. Я почистил зубы, помылся и, когда я вернулся, Папа уже приготовил еду. Мы сели и вместе поели из одного котелка, пока больная Мама тяжело дышала в кровати.

Мы закончили есть, и Папа уже готовился к выходу на улицу, когда внезапно один за другим стали приходить кредиторы, словно сговорившись. Они стучали к нам в дверь, входили, говорили что-то неопределенно приятное обо мне, выражали свои глубокие симпатии Маме вместе с надеждой, что она скоро поправится, осведомлялись о папиных ранениях, и, не дожидаясь ответа, уходили. Через минуту, создавая впечатление, что они забыли что-то, что не является жизненно важным, они входили снова, один за другим, и напоминали Папе о том, как много он им должен, говорили о том, что обычно они не дают денег в долг или в кредит, что это был особенный случай и как тяжело идут дела у них в магазине и все в этом духе. Они заканчивали, снова выражая свои симпатии Маме, и уходили.

Их хитрость и лицемерие привели Папу в настоящий гнев. Он мерил шагами комнату, кипя от ярости, и вдруг, не в силах больше сдерживать себя, выбежал из комнаты. Я пошел за ним. Он шел на задний двор, где мы увидели всех кредиторов, собравшихся в кучку, по-деловому разговаривающих вполголоса, словно они собирались организовывать акционерное общество с ограниченной ответственностью. Папа прошел

через них, разогнав их собрание. Они попытались разбежаться по комнатам, но Папа позвал их обратно, каждого по его полному имени, и целых пятнадцать минут обзывал их на чем свет стоит. Они молча сносили оскорбления. Когда он с ними покончил, утолив свой голод по цветистым выражениям, и зашагал к себе домой, стало ясно, что только что мы нажили новых трех врагов в нашем поселении. Как только Папа ушел, кредиторы снова сгруппировались и заговорили еще оживленнее, чем прежде. Они стали похожи на чокнутых конспираторов.

Когда я зашел в комнату, Папа уже оделся в черный французский костюм. Он сделал подношения предкам и помолился за мамино выздоровление. Затем он надел свою единственную пару ботинок, которые наполнили комнату пикантным запахом кожи, старых носок и пота от его ног. Когда он выходил из комнаты, Мама проснулась и закричала. Она не могла остановиться, и Папа обнял ее и дал ей еще донгояро; она изогнулась на кровати и затем, совершенно внезапно, успокоилась. Слезы катились у нее по лицу и собирались в ушах. Папа остался с ней на какое-то время, наблюдая, как она мечется во сне. Когда ее сон стал более-менее спокойным, Папа приказал мне

не отходить от нее и заботиться о ней, потому что ему нужно идти добывать деньги, но скоро он вернется. Он вышел с низко опущенной головой, словно первый раз в жизни он признал небесную кару.

Я сел на папино кресло присматривать за Мамой. Я смотрел на ее спящее лицо, пока в моих глазах не началась пульсация. Затем внезапно Мама поднялась — верхняя часть тела окостеневшая, глаза остекленелые — и начала говорить на незнакомом языке. Она встала и пошла по комнате, вытирая вещи, расставляя стулья и стол, вытряхивая одежду, чистя папины ботинки, суетясь среди котелков и корзин, все время разговаривая на этом странном языке.

— Мама! — закричал я.

Она не слышала и не видела меня. Она схватила черные котелки и кастрюли с вдавленным дном и вышла из комнаты. Я пошел за ней, дергая ее за халат, пока у меня в руках не остался хлястик. Она пошла на кухню. Что-то бормоча на своем новоизобретенном языке, с пустыми глазами она разожгла огонь под решеткой и стала готовить воображаемую еду в кастрюле. Все это она делала механически, ее тело двигалось само по себе, без сознания, как во сне. Когда огонь разгорелся, она

поставила пустую кастрюлю на решетку, села на скамейку и уставилась в огонь, пока от котелка не запахло едким запахом горелого металла.

— Мама! — закричал я.

Она повернулась ко мне и, смотря сквозь меня, встала, вышла из кухни и рухнула прямо у колодца. Я закричал, к нам сбежались женщины и отвели ее в комнату. Она легла на кровать, тяжело дыша, и женщины стояли вокруг нее, отбрасывая глубокие тени, прижав руки к грудям, с опущенными головами, в полной тишине, как будто они находились около трупа.

Я сел на папин стул и стал присматривать за ней. Женщины ушли и вернулись с различными лекарствами в зеленых баночках и темных бутылках. Они назначили явно исключающие друг друга средства от болезни и дали ей выпить эти странные снадобья, таблетки, масла и вытяжки. Мама заснула, тяжело хрипя, и женщины ушли. Я смотрел за ней, пока у меня не заболел живот и не отяжелели веки. Затем я внезапно проснулся. Мамино дыхание изменилось. Я слушал. Я смотрел. Потом я заметил, что ее дыхание стало почти незаметным. Комната изменилась, голоса запели в моей голове, ящерица заползла на кровать и перебежала через мамину руку, и затем,

казалось, все замерло. На какое-то мгновение мое собственное дыхание приостановилось. Я глубоко вдохнул, и паук свалился с потолка. Я еще раз вдохнул и упал со стула. Я встал, снова сел, и вдруг мне стало ясно, что это Мама перестала дышать. Мухи роились над ее лицом. Она не шевелилась. Затем, пока я смотрел и слушал, острая боль пронзила мои уши, цвета и маски запрыгали в моих глазах, и когда я задержал дыхание, то увидел, как голубой туман поднимается от тела Мамы. Я услышал, как заплакал ребенок. Ящерица подползла к моей ноге. Я отчаянно будил Маму, но она не просыпалась. Я звал ее, но она не двигалась. Голубой туман над ней становился все гуще, он был похож на пар из кипящего котла, который собирался вместе и становился все более и более осязаемым, и мне стало очень страшно, когда туман начал быстро менять краски — сначала он стал зеленым, потом желтым, превращаясь в красный, накаляясь до золотого оттенка и опять превращаясь в синий. Когда туман превратился в ярко-красный с серебряным отливом, излучая свечение в темной комнате, я понял, что все это не мои выдумки и не мог больше этого выносить. Мама не дышала и не двигалась, и я побежал прямиком в бар Мадам

Кото сказать ей, что Мама умирает.

Бар был закрыт. На заднем дворе Мадам Кото, одетая в голубую набедренную повязку и красную блузку, с грязной лентой на голове, боролась с большим петухом.

— Мадам Кото! — крикнул я.

Она взглянула на меня так, что я онемел, в это время петух выскочил из ее рук. Она преследовала его по зарослям буша, наконец мастерски схватила петуха, грозно на меня посмотрела и сказала:

— Твой отец должен мне деньги.

Затем она вообще позабыла о моем присутствии. Петух бился в ее руках, и она схватила его за густо оперенную шею. Искривив рот, она прижала ногой тело петуха и разрезала ему горло резкими движениями своего длинного ножа. Кровь петуха брызнула из разреза, окрасив воздух, закапав мне лицо, закапав ее красную блузку. Кровь стекала в ямку, которую она выкопала в земле, но петух продолжал бороться, его гребешок поднялся и опустился, рот открылся и закрылся в последних спазмах, и когда он издох, его глаза все еще оставались открытыми. Они уставились на меня. Затем Мадам Кото отмыла свой нож, пот стекал по ее лицу и грудям. Она

осмотрела меня своими большими глазами, как будто собиралась проглотить. Я плакал.

— Из-за петуха? — спросила она, причмокивая.

Она пошла за чайником с кипяченой водой. С мокрым ртом, неспособным сказать ни слова, я схватился за ее блузку, таща ее на себя. Она вырвала блузку, и я свалился на землю, сражаясь с воздухом, и в конце концов выдавил из себя:

— Моя Мама умирает.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, рассматривая меня.

— Из нее пошел дым.

— Дым?

— Да, красный дым.

Она немедленно умыла руки и собралась идти в наш барак. Но у стойки бара она остановилась и сказала:

— Иди и вскипяти воду. Я приду.

Я смутился. Она пошла к себе в комнату, вышла оттуда с пучками трав, пошла в буш и стала срывать листья с растений. Потом она взяла крупную губку, темное зеленое мыло, черный металлический контейнер, огляделась по сторонам, увидела меня и сказала:

— Иди же! Кипяти воду! Я приду!

Я побежал домой, разжег на кухне огонь и

вскипятил воду в котелке, который сожгла Мама. Вскоре пришла Мадам Кото. Она промыла и заварила листья. Мы прошли в комнату. Мама все еще была в кровати. Туман над ней почти исчез. Мадам Кото попробовала положить листья ей в рот, но они едва держались у нее на губах. Затем она налила отвар из листьев в чашку, добавила черного масла и огогоро, подняла мамину голову и попыталась заставить ее выпить. Мама захлебнулась, и Мадам Кото выкрикнула ее имя с такой силой, что это прозвучало, как удар кнутом. Она продолжала, словно стегая Маму ее именем, вызывать к жизни ее дух очень смешным птичьим голосом.

Через какое-то время Мама открыла глаза и посмотрела на Мадам Кото. Потом на меня. Она смотрела на нас без каких-либо мыслей. Ее глаза оставались открытыми, неподвижными, пустыми. Горе словно швырнуло меня на пол, и я забился в истерике и плаче, потому что подумал, что Мама умерла. Потом, будто издали, я услышал как Мама заговорила, и затих. Ослабленным до крайности голосом она сказала:

— Я видела моего сына в долине смерти. Азаро?

— Да?

— Что ты там делал?

— Я здесь, Мама, — ответил я.

Она смотрела сквозь меня. Мадам Кото дала ей выпить еще травяной микстуры. Затем она дала ей перечного супа и заставила сесть прямо. Потом велела мне говорить с Мамой, говорить о чем угодно; и пока я говорил ей все, что приходило мне в голову, туман над ней изменил цвет и постепенно сошел на нет.

— Дым уходит, — закричал я.

Мадам Кото открыла дверь и окно. Свет и воздух вошли в комнату, и Мама заснула сидя, ее голова свесилась вниз. Мы положили Маму. Я следил за ее хриплым дыханием. После этого Мадам Кото сказала, что мы должны дать ей отдохнуть. Она вернулась обратно в бар к своему петуху, которого должна была приготовить. Я вышел из комнаты и стал прислушиваться, смотря за играющими детьми.

Когда Мама трижды назвала мое имя, я поспешил в комнату и сел на кровать. Ее лицо было покрыто потом. Комната пропахла болезнью. На ее губах присохло немного пены, и на лбу выступила испарина. Ее губы дрожали. Она едва могла говорить.

— Сын мой, — сказала она, — я видела, как ты

шел на голове. Ты уходил от меня. Я преследовала тебя, но ты бежал очень быстро. И ты смеялся надо мной, сын мой.

— Я не смеялся над тобой, Мама.

— Когда я поймала тебя, — продолжала она, — я увидела, что у тебя нет глаз и рта, и на голове у тебя растут маленькие ноги. Ты был обмотан белой веревкой, которая тянулась на небо. Я потащила за веревку, но она потащила меня. Я не могла оборвать ее. И тогда веревка упала с твоей ноги мне на шею. Веревка потянула меня на небо, и я пролетела мимо луны, и красное облако закрыло мне глаза.

— Мама, закрой глаза.

— Это из-за тебя белая веревка прыгнула мне на шею. Зачем ты ходил вниз головой?

— Я не знаю, Мама.

— Откуда у тебя на голове оказались маленькие ноги?

— Я не знаю, Мама.

— Иди и принеси воды, сын мой. У меня жажда.

Я побежал и налил воду в чистую чашку, и когда я вернулся, Мама уже спала. Ее дыхание было гораздо мягче.

* * *

Ранним вечером поселковые женщины пришли проведать Маму. Она села прямо и приняла их. Они помолились за ее выздоровление. Потом они ушли и пришла Мадам Кото с котелком еды и другим котелком с перечным супом. Мама не хотела есть, она была слишком слаба, но мы заставили ее. Я помыл тарелки и отнес их в бар Мадам Кото. Затем к Папе стали приходить кредиторы под предлогом, что они пришли пожелать здоровья Маме. Когда Мама увидела их, она пришла в негодование и закричала, обвиняя их в том, что они ее отравили.

Я вошел и увидел, как Мама, встав с кровати, швыряет вещи в кредиторов. Она была очень вялая, едва стояла на ногах, но тем не менее бросала в них обувь. Я присоединился к ее атаке. Кредиторы отступили. С улицы они принялись выкрикивать проклятия и подговорили своих детей бросать в нас все что ни попадя, и один из них кинул камень, который попал Маме в голову. Она упала к моим ногам, и общий стон трагедии вырвался у собравшихся женщин. Кредиторы убежали. Женщины внесли Маму в комнату. Когда они переступили порог, она уже пришла в

себя. Ее глаза были тяжелые, и когда она лежала на кровати, то улыбалась странной маленькой улыбкой, как будто она наконец поняла что-то, что всегда ускользало от нее.

Эта улыбка оставалась с ней весь вечер. Я прислушивался к мухам. Вечерние звуки возрастали. Мухи летали над маминой улыбкой, и она не делала ничего, чтобы их отогнать. Я прогнал мух, и Мама бесчувственно посмотрела на меня. Я сел на кровать и смотрел, как вечер входит в комнату через открытое окно.

Уже было довольно поздно, когда звук за дверью разбудил нас. Я свернулся клубком в углу кровати, мамины глаза были широко открыты. Я посмотрел на дверь и увидел, что там стоит Папа, похожий на высокого призрака, с яркими глазами и без повязки на голове. Он был как потерянный гигант. Долгое время он не двигался. Затем зажег свечу, закрыл окно и дверь, и когда он сел, густое облако белой пыли поднялось от его штанов. Его волосы были белые. Ресницы белые. Волосы взлохмачены. На лице было недоуменное выражение, что немного испугало меня. От него пахло цементом, сушеной рыбой, гарри и белой пылью. Он долго просидел, не двигаясь. Когда он сделал движение, его кости затрещали. Больная рука

бессильно висела, бинта на лбу не было, и рана была покрыта белой пылью. Потом внезапно, в молчании медленно горящей свечи, он сказал:

— Как твоя мать?

— Она чуть не умерла сегодня. Мадам Кото помогла нам.

Он глубоко вздохнул и закрыл глаза. Какое-то время он был молчалив и спокоен, и я подумал, что он заснул. Мамины глаза были открыты и не выражали ничего.

— Есть ли у нас какая-нибудь еда?

— Нет.

Папа опять замолчал. Затем, надев свои банные тапки и взяв мыло и полотенце, пошел мыться. Он вышел чистый и красивый, белой пыли и цемента словно и не было. Но глаза его оставались тяжелыми, и он все еще был в растерянности и пугал меня. Он натер себя маслом, причесал волосы и зажег москитную спираль. Мы передвинули общий стол и расстелили мат. В комнате запахло его ботинками и одеждой. Он сел на стул, и я лег на мат, подложив под голову подушку. Он курил в ночи.

— Итак, что сегодня случилось? — спросил он меня через какое-то время.

Я хотел рассказать ему о кредиторах и Маме,

но, почувствовав в нем усталость, вносившую тяжесть в эту ночь, сказал только:

— Мама чуть не умерла.

Он тяжело вздохнул. Затем встал, посмотрел на Маму, положил ей ладонь на лоб и закрыл ее глаза. Он опять сел на стул и еще закурил, и я мог осязать грусть его мыслей по тому, как он доставал сигарету и как он вздыхал, выдыхал дым.

Я смотрел на горящий в ночи уголек сигареты, который в конце концов привел меня в бар Мадам Кото. Папа был там. Бар еще глубже ушел в лес, и его посетителями были звери и птицы. Я сидел на скамейке, которая в действительности была спиной козла, и пил со спины быка. Массивный петух без перьев прошагал в бар, сел рядом со мной и заказал пальмовое вино и суп с перцем. Мадам Кото не хотела обслуживать петуха, но Папа сказал:

— Обслужи его!

Мадам Кото вышла, принесла большую метлу и стала гонять петуха по всему бару, колошматя его по голове. Папа смеялся. Петух смеялся. Мадам Кото поскользнулась, упала, встала. Она попыталась ударить петуха метлой по голове и промахнулась. Петух выбежал из бара, сломав дверную раму, и его смех донесся из глубины

леса. Я осмотрелся вокруг и увидел спящего на стуле Папу, который свесил голову вниз и сопел. Я разбудил его, и он вскочил в прыжке и упал со стула. Когда он поднялся, то сказал, что во сне его преследовал леопард со стеклянными зубами. Он лег рядом со мной на мат. Его запах ударил мне в ноздри, что меня встревожило и опечалило. Он никак не мог успокоиться рядом со мной, и его кости все трещали. Он продолжал петь и разговаривать с предками, а я снова оказался в баре Мадам Кото в глубоком лесу. Папы там уже не было. Все посетители на этот раз были невидимками, и я видел, как воздух пьет пальмовое вино. Мадам Кото сидела на стуле, сделанном из петушиных перьев. Папа начал храпеть. Он храпел так сильно, что длинная деревянная метла в углу комнаты стала подметать бар, поднимая везде белую пыль. Мадам Кото приказала метле успокоиться, но Папа продолжал храпеть, и метла действовала по своей воле, уничтожая паутину и сметая все со столиков, но когда она попыталась вымести Мадам Кото из-за ее собственной стойки, Мадам потеряла терпение. Затем я увидел, как она борется со своей метлой. Метла ударила ее по голове. Я засмеялся. Папа прекратил храпеть. Она схватила метлу, и, перекинув через плечо,

разбила ее об пол, сломав ей ручку. Ручка метлы стала кровоточить. Кровь испачкала лицо Мадам Кото, и она повернулась ко мне, которому она снилась, и сказала:

— Ты смеешься надо мной? Ты следующий!

И с демоническим выражением на лице пошла на меня. Я закричал. Папа обнял меня и сказал:

— Спи, сын мой. Никто не тронет тебя.

После долгого молчания, словно отвечая на важный вопрос, который эта ночь, его предки и его надежды задали ему, он сказал:

— Сегодня я весь день носил на голове этот мир.

И вскоре после этого он заснул. Он спал как гигант.

Глава 14

Папа возносил молитвы над телом Мамы. В комнате находился травник. Он выглядел очень свирепым, мудрым и от него пахло прелыми листьями. Он жевал какой-то корень и его зубы были коричневыми. Он обрызгал комнату жидкостью из своей полтыквины. По обеим сторонам от маминого тела горели свечи. Она лежала на мате, ее дыхание было мягким. Намазанные сурьмой

веки блестели. На ее лице лежал труп летучей мыши. На ее плечи были нанесены надрезы бритвой, и я видел, как кровь стала черной, когда травник обработал надрезы пеплом. Травник заставил ее сесть прямо и выпить из чаши горькую жидкость. Мама скривила лицо. Травник начал стегать воздух, изгоняя незваных духов своей великолепной плеткой. Воздух сотрясался от криков духов. Когда он опечатал наше пространство короткими заклинаниями в рифму, он снова усадил Маму прямо. Под нашим неусыпным взором он прижег мамино плечо и вытащил из ее плоти длинную иглу и три каури. Он вышел из дома и зарыл их в земле.

Когда он закончил лечение, Мама заснула, и выглядела она спокойнее, чем прежде. Травник и Папа торговались по поводу денег. Голос Папы был натянутый, он все просил, чтобы стоимость лечения была ниже. Травник не сбавлял цену. Папа сказал, что это все, что у него есть. Травник не уступал. Папа вздохнул, заплатил, и они сели поговорить. Я возненавидел травника за то, что он взял столько денег с Папы, и проклял его. Они беседовали как друзья, и я еще больше ненавидел его за то, что он притворялся нашим другом. Когда он встал, чтобы выйти, он заметил меня,

казалось, впервые за все это время. Он сурово поглядел на меня и дал мне фунт, который я отдал Папе. Я взял назад свое проклятие, и он ушел. Я уселся Папе на ноги, и мы смотрели, как Мама шумно спит на кровати.

* * *

Позже, в тот же день, Папа сказал, что хочет пить. Мы пошли в бар. За стойкой Мадам Кото никого не было, кроме мух. Я слышал, как она поет на заднем дворе. Папа позвал ее, но она не слышала. Мы оба звали ее, стуча по столу, и все-таки она нас не услышала. Мы продолжали стучать по столу, выкрикивая ее имя, когда вдруг входная дверь распахнулась, и черный ветер ворвался в бар, обогнул нас и исчез в глиняном котле с водой.

— Ты видел это, Папа? — спросил я.

— Что?

— Черный ветер.

— Нет.

Вошла Мадам Кото, растрепанная, с руками, измазанными в крови животного.

— Так это вы двое. Я сейчас приду.

Она вышла и через несколько минут вернулась — руки чистые, волосы причесаны.

— Что вы будете пить?

Папа заказал обычное пальмовое вино и перечный суп с мясным жарким. Когда вино было подано на стол, мухи оживились вокруг нас. Со стены, пока мы пили, на нас смотрел геккон.

— Посмотри на геккона, Папа.

— Не бери в голову, — сказал он, не смотря. — Это наш друг, он наблюдает за нами.

Перечный суп был горячее, чем обычно, и я дул на него, чтобы охладить.

— Выпей немного воды, — сказала Мадам Кото.

— Нет, я не хочу воды.

— Почему?

— Черный ветер вошел туда.

— Какой ветер?

— Не обращайте на него внимания, — сказал Папа.

Она посмотрела на меня с подозрением.

— У вас странный сын, — ответила она и села напротив нас на стол.

— И хорошая жена, — добавил Папа. — Я слышал, что вы сделали для нее. Спасибо вам.

Она проигнорировала благодарность Папы. Она все смотрела на меня большими глазами и сказала:

— И о деньгах, которые мне должен…

— Я? — сказал я.

— Не ты. Твой отец.

— Да?

— Я не то, что остальные люди.

— Какие остальные люди?

— Люди, которым вы должны и которые…

Она остановилась, посмотрела на Папу, а потом на меня.

— Я забуду о деньгах, если вы позволите вашему сыну приходить сюда и сидеть в моем баре.

Папа посмотрел на меня.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что с ним придет удача.

— Какая удача? Нам он не приносит ничего, кроме бед.

— Это потому, что он ваш сын.

— Я не согласен. Он должен идти в школу.

— Я не хочу идти в школу.

— Замолчи.

Мадам Кото уставилась на Папу, ее глаза заблестели.

— Я заплачу за его обучение в школе.

— Я сам могу заплатить за обучение своего сына, — ответил Папа гордо.

— Хорошо. Я забуду про деньги. Пусть он просто будет приходить и сидеть здесь десять минут

каждые три дня или около того. Вот и все.

— Вы хотите превратить его в пьяницу?

— Но его Папа не превратился в пьяницу.

Папа посмотрел на меня. Он смотрел на меня новыми глазами. Геккон на стене не шевелился. Все это время ящерица смотрела на нас.

— Мне нужно обсудить это с его матерью.

— Хорошо.

— Но эти люди, которым я должен денег, что с ними?

— Что с ними?

— Вы собираетесь мне о них что-то сказать?

— А ваш сын говорил о них?

— Что?

— То, что они бросали камни в вашу жену?

— Кто? Кто бросал камни?

Мадам Кото поднялась и принесла еще пальмового вина.

— Я не скажу вам.

Папа повернулся ко мне и посмотрел на меня так свирепо, что я, не дожидаясь его вопроса, рассказал ему, кто были эти люди и что произошло. Он одним глотком опорожнил полстакана с пальмовым вином, вытер со своего потного лица то, что пролилось, и выбежал из бара, не заплатив.

* * *

Когда мы подошли к поселку, Папа уже довел себя до чудовищной ярости. Мы подбежали к одному из кредиторов, который только что вышел из туалета. Папа пошел прямо на него и, не говоря ни слова, сделав обманный замах ему в лицо, нанес сильный удар в живот. Кредитор согнулся, замычал, Папа схватил его за талию и швырнул на землю навзничь. Когда Папа распрямился, вытирая руки, он заметил другого кредитора, чей сын бросил в Маму камень. Второй кредитор, только что увидевший результат папиной ярости, пустился наутек. Папа побежал за ним, догнал его, скрутил, взвалил бедного парня на плечи, показал его небу и швырнул в кучу грязи.

Первый кредитор, быстро оправившись от падения, побежал к нам, высоко размахивая горящей головней. Папа только обрадовался. Он увернулся от дуги, которую описала головня, стукнул парня снова в живот и смял его серией ударов левой в лицо. И затем, с криком, потрясшим всех, уложил кредитора ударом справа.

Второй кредитор, покрытый грязью, пошел на Папу, ругаясь на трех языках. Папа поупражнялся на его носе правой, пока не пошла кровь,

и затем врезал ему слева. Собрались люди. Второй кредитор лежал без движения на полу, как большая куча, и жены и родственники упавшего мужчины обступили Папу. Он продолжал драться с мужчинами, выбрасывая обе руки в диком свинге, намереваясь отделить их головы от тел. Мужчины испугались и в страхе подставлялись под свингующие удары Папы. Только троих он уложил одной больной левой рукой. Толпа была обескуражена его доблестью.

— Боксер, боксер! — скандировали они.

Жены кредиторов бросились на Папу, стали царапать ему лицо и целиться в его промежность, и я услышал, как он закричал. Он попытался отогнать их и затем побежал. Женщины и дети преследовали его, он бежал от их ярости и от своего страха их покалечить. Когда они не смогли догнать Папу, они обратили свой гнев на меня, и я с криками побежал к Мадам Кото и спрятался за глиняный котел. Женщины и родственники стали кричать, не заходя внутрь. Они слишком хорошо знали Мадам Кото, чтобы лезть к ней в бар. Она услышала с заднего двора шум, и я увидел, как она плотно оборачивает набедренную повязку вокруг талии в полной готовности драться. Она пошла прямо на них, крича:

— Так чего вы, люди, хотите? ВИНА ИЛИ ВОЙНЫ?

Устрашающий призыв хозяйки бара заставил всех разойтись. Когда они совсем отступили, я вылез из-за глиняного котла. Мадам Кото улыбалась мне. Затем она налила мне бокал пальмового вина. Я выпил его вместе с мухами; позже Папа, пробравшись сквозь заросли буша, оказался в баре и сел рядом со мной на скамейку. Мы пили до самой ночи. Когда я допивал свой третий бокал, я заметил, что геккон на стене все еще смотрит на нас. На его головке был красный ободок. Геккон никогда не кивал, и глаза его были похожи на маленькие бусины из сапфира. Когда кто-то другой смотрел на него, он прятался.

— На что это ты смотришь? — спросил Папа.

— Ни на что, — ответил я.

Когда стало совсем темно, Папа послал меня в поселок посмотреть, не проснулась ли Мама. Идти мне было неохота. Он дал мне хороший кусок тушеного мяса и наполнил мой маленький бокал вином, который я выпил одним глотком. Он сказал:

— Будь настоящим сыном своего отца.

Я пьяно заулыбался и вышел из бара. Заросли буша казались спокойными. Затем я услышал,

как крадется тетерев и ночные птицы прочищают свои голоса, чтобы вступить в хор ночного пения. Я развернулся, мир изменился, и снова все стало тихо. Я прошел мимо дерева с голубой повязкой, свисавшей с ветки, и уже был готов взять ее себе, когда на меня залаял пес. Я не испугался. По какой-то причине я почувствовал, что откуда-то знаю его. Когда пес понял, что я его не боюсь, он отступил и поковылял обратно в лес, а я последовал за его прижатым хвостом. Но потом вспомнил про Маму и поспешил в наш поселок. От бара до нас вела достаточно прямая дорога, но собака сбила меня и все дорожки перепутались. Я пошел по одной тропинке, и она привела меня в лес. Я пошел по ней обратно и пришел в такое место, какого раньше никогда не знал. Все дома были гигантскими, деревья маленькими, небо низким и воздух золотым.

Я постарался уйти из этого места, но не знал как. Я пошел обратным путем в лес, но тропинка привела меня опять в это место. Я остановился, было тихо, и я не слышал ни птиц, ни насекомых, ни даже жужжания мух. Тепло было другим. Потом я заметил, что ничто в этом месте не отбрасывает тени. Свет красного солнца проникает во все на своем пути. Ветра не было. Воздух был спокойный

и прохладный. Когда я пошел обратно, я вдруг перестал слышать свои шаги. Однако я ничего не боялся. Почему-то все казалось мне знакомым, и я шел и шел по этим странным дорожкам. Я шел долго. И затем увидел мужчину, который приближался ко мне. На его лице была белая повязка. Его глаза были зелеными. Но когда я посмотрел на него пристально, что-то в нем изменилось, и я увидел, что его ноги необычайно волосатые и лицо его перевернуто снизу вверх. Черты лица перепутаны — глаза были на щеках, рот на лбу, подбородок волосатый, и голова лысая за исключением бороды, ушей его я найти не смог. Мне пришлось нагнуть голову и перестроить свое мышление, чтобы уловить смысл в его чертах. Я не мог понять, как я считал его нормальным сначала, когда увидел. Он прошел мимо меня, не сказав ни слова. Глаза на затылке настороженно меня рассматривали.

Я перешел на другую тропинку, чтобы обойти его, но, идя дальше по тропинке, увидел, что он снова приближается. Я ускорил шаг, чтобы уйти от него. Казалось, что мы попали в невидимый лабиринт. С каждым разом, когда я встречался с ним, его намерения относительно меня становились более определенными. Подойдя к зарослям

синеватых деревьев, я спрятался за одно из них. Внутри дерева раздавались громкие и страстные голоса, словно с важного собрания. Я вышел на тропинку и в шоке увидел себя, приближающегося ко мне. Я остановился, и другой человек, который был мной, сказал:

— Что ты тут делаешь?

— Я?

— Да.

— А что с тобой случилось?

— Что со мной случилось?

— Что ты здесь делаешь?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что хочу знать.

— Я с посланием.

— Каким посланием?

— К тебе.

— Ко мне?

— Да.

— Что это за послание?

— Меня послали сказать тебе — иди домой.

— Это я и пытаюсь сделать.

— Ты уверен?

— Да, конечно. Ладно, кто тебя послал?

— А кто ты думаешь?

— Я не знаю.

— Наш король.

— Какой король?

— Великий король.

— Где он?

— Что это за вопрос?

Наступила пауза. Я упрямо смотрел на загадку, стоящую передо мной. Он на меня тоже смотрел.

— Ты очень похож на меня.

— Это ты очень похож на меня, — ответил он.

Затем, словно подозревая, что он начинает становиться мне понятным, он сказал:

— Становись на эту тропинку, и все с тобой будет в порядке.

Я посмотрел, куда он показывал, и увидел собаку, которую преследовал раньше. Когда я взглянул опять на этого человека, его уже не было. Я пошел за собакой. Какое-то время мы шли по этой тропинке. Синие ленты свисали с деревьев. Тропинка становилась все уже, и я почувствовал, что иду но краю стены. Мне приходилось не спускать глаз с тропинки, чтобы быть уверенным, что не упаду, и я не заметил, как вышел из леса. Когда я поднял глаза, то увидел Мадам Кото, в желтом великолепии, одетую как на праздник.

— Где ты был?

— Я не знаю, — ответил я.

Она покачала головой в легком раздражении и отправилась по своим делам. Когда она ушла, я нигде не мог найти собаку и пошел к дому.

Стало очень темно. Я подошел к бараку, поспешил к нам в комнату и не нашел никого. Мамы не было на кровати. Комната была прибрана, и по углам пахло дезинфекцией. Я покинул комнату и пошел в коридор. Казалось, все куда-то ушли. Наконец в последней комнате я услышал разом все поселковые шумы, словно их туда затолкали силой. Гвалт стоял буйный. Голос Папы то и дело возносился надо всеми. Когда я посмотрел в комнату сквозь трещину в двери, я увидел там все поселение, представлявшее из себя неистовое собрание. На столе не было ничего спиртного. С одной стороны комнаты находились кредиторы и их родственники. Те двое, которых избил Папа, кричали из-за их спин. У одного было мачете, у другого палка. Между ними и столом располагались поселковые мужчины и женщины. По другую сторону комнаты были Мама и Папа, множество детей и фотограф, делавший снимки с собрания. Лендлорда избрали судьей. Каждый раз при вспышке камеры лендлорд принимал позу. Папа был спокоен, и Мама выглядела хорошо. Один из кредиторов сказал:

— Если ты такой сильный, почему бы тебе не стать боксером!

— Я стану им, — ответил Папа.

Другой кредитор сказал:

— Почему бы тебе не вступить в армию, поработать мускулами, чтоб тебя там убили. Ты только здесь такой сильный.

Лендлорд поднял руку, призывая всех к тишине. Вспышка. Он приосанился. Кредиторы закричали о своих деньгах и ранениях. Это звучало как детский лепет. Папа улыбался. Лендлорд, посреди вспышек, провозгласил свой вердикт. Он присудил Папу к штрафу в десять фунтов, очень солидной сумме. Кредиторы ликовали. Лендлорд сказал, что Папа должен заплатить долги и штраф в течение недели или убираться из поселения. Затем, подбадриваемый ликующими голосами, он ко всему прочему присудил Папу к покупке бутылки огогоро в знак общественного примирения. Папа ответил, что у него нет денег, но он может купить ее в кредит. Женщины засмеялись. Камера дала вспышку. Лендлорд, в приступе необычайного великодушия, предложил сам купить огогоро примирения. Люди похвалили его за мудрость. Я отпрянул от двери, пошел к линии домов и стал играть в песок с другими детьми.

Вскоре я услышал голоса в коридоре. Я пошел на задний двор, помыл лицо и ноги и прошел в комнату. Мама оживленно суетилась, как будто болезни и след простыл. На ее лице горел румянец, и глаза светились. Лечение укрепило ее дух и оживило лицо. Папа сидел на стуле и курил. Он выглядел счастливым. Стол был накрыт. Рана на голове Папы почти зажила, и его больная рука уже не свисала беспомощно.

— Где ты был? — спросил он меня.

Мама ринулась ко мне и прижала к себе, и я вдохнул запахи ее тела. Казалось, что меня не было здесь очень долго, что я прошел через долгое время забытья.

— Сын мой! — воскликнула Мама, и ее глаза необычно засверкали.

Папа отложил свою сигарету и сказал:

— Ты пропустил собрание поселения. Они оштрафовали меня. Я устал тебя ждать и пошел домой. Твоей матери уже хорошо. Боги ответили на наши молитвы.

Я прижался к Маме. Папа продолжал:

— Садись и ешь. С завтрашнего дня и до того времени, когда ты пойдешь в школу, ты будешь ходить в бар Мадам Кото. Ты будешь оставаться там по несколько минут каждый день. Вот.

Я закивал. Потом помыл руки. Мы ели все вместе, и Папа все накладывал мне лучшие кусочки раков и курицы, в то время как Мама осторожно вынимала косточки из свежезажаренной рыбы и подкладывала мне сочные куски. Комната была светлой от родительского сияния. Я чувствовал себя странно. Я пропустил какой-то важный момент, изменивший свет в нашем мире.

* * *

Мы закончили есть, и я понес тарелки на задний двор и помыл их. На обратном пути я встретил одного из кредиторов, которого избил Папа. Его лицо в синяках было жестоким и трусливым. Проходя мимо, он исподтишка стукнул меня по голове. Когда я пришел домой, мои глаза были мокрыми. Мама и Папа сидели вместе на кровати. Мама посмотрела на меня и сказала:

— Смотри, наш сын плачет от счастья.

Я улыбнулся, и боль прошла. Я вытер стол, расстелил мат и растянулся на нем. Папа пошел к своему креслу. Свеча почти догорела, и Мама зажгла новую. Я смотрел на таинство пламени. Мама сложила свой товар в корзину.

— Я собираюсь снова начать торговлю, — сказала она.

Папа улыбнулся.

— Моя жена — серьезная деловая женщина.

Потом он посмотрел на меня.

— Люди считают, что из меня получится хороший боксер. Человек, который живет напротив, видел, как я бил кредиторов. Он сказал, что может представить меня некоторым тренерам и менеджерам. Найти хорошего тренера. Бесплатно.

Он засмеялся. Потом ударил по воздуху и подался назад.

— Я буду великим боксером. Говорят, бокс приносит деньги.

Он снова стукнул по воздуху. Он начал бить пламя свечи, мастерски потушил его серией ударов и после снова зажег.

— Я побиваю огонь и становлюсь огнем. Каждый, кто сражается со мной, сражается с солнцем.

Он снова засмеялся. Я продолжал наблюдать мистерию пламени. Мама устало вздохнула. Я посмотрел и увидел, что она не очень-то рада перспективе, что Папа станет боксером. Она подсчитывала свою мелочь. Она сказала:

— Твой отец в деревне любил боксировать и бороться. Его прозвали Черный Тигр. Он побил всех молодцов в деревне. Однажды, перед дра-

кой, он пробил большую дыру в стене дома врага своего отца.

Папа громко засмеялся. Мама продолжала.

— Тот враг наслал на него проклятие. И люди вокруг стали говорить, что в следующий раз, когда твой отец будет биться, он проиграет. Они сказали, что он на неделю впадет в безумие. Твой отец перестал драться. И деревенские люди передали его прозвище другому человеку. Но те, кто его поддерживал, уговаривали его идти драться и отвоевать титул чемпиона деревни. Они много поставили на него. Сначала твой отец отказался, но затем из гордости дал согласие. Мужчина, маленький мужчина, уложил твоего отца в последнем раунде. Твой отец проиграл.

— Но я не впал в безумие на неделю. Об этом вся деревня говорила.

— Но ты ушел в город.

— Да, я ушел в город.

Они оба замолчали. Казалось, что они попали в кромешный ад. Мама закончила пересчитывать мелочь и села на кровать. Папа вздохнул.

— Своего отца я не видел вот уже пять лет.

Вдруг за шкафом начала что-то грызть крыса. Ожила большая муха, словно пробудившись от долгого сна, и стала летать по комнате. Мо-

тылек взлетел с папиных ботинок и облетел огонек пламени по нисходящей спирали. Папа зажег сигарету и сосредоточенно закурил. Звуки, издаваемые крысой, усилились, и к ней присоединились другие крысы. Мамино лицо передернулось. Папа сказал:

— Сейчас твой дедушка уже почти слепой. Он — главный священник нашего прихода, Священник Бога Большой Дороги. Каждый, кто хочет принести особую жертву для своих путешествий, важных дел, рождений, похорон, всего остального, приходит к нему. Все человеческие существа идут одной дорогой.

Он помолчал. Потом продолжил:

— Мне предназначалось сменить его на месте священника, но старейшины деревни сказали: «Твой сын — боец. Как боец может стать Священником Большой Дороги? Бог выберет тебе преемника не из твоей семьи. Но кто может знать будущее?» Твой дедушка очень был этим расстроен. Он сейчас слепой и носит темные очки, и бродит по деревне и по миру без посоха и какой-либо помощи со стороны. Старшие в нашей семье очень сильны духом. Они обладают очень большим могуществом.

Его голос вдруг сделался очень грустным.

— Мы забываем про эти силы. Сейчас вся сила, которая есть у людей, это их эгоизм, деньги и политика.

Крысы продолжали грызть. Мотылек подлетел ближе к свече, обжег себе крылья и упал в воск. Дым от его сгоревших крыльев был тяжелый и не мог подняться высоко, а сам мотылек влип в воск и загорелся. Я задул оба огонька, вынул мотылька из воска и снова зажег свечу. Папа сказал:

— Вся сила у бедных людей заключена в их голоде.

— Ах, эти крысы! — сказала Мама.

Она раскинула руки и ноги по кровати. Папа закончил курить сигарету. Я взял свою подушку и покрывало. Папа задул свечу, и я слушал, как едят крысы, и муха жужжит во тьме. Папа лег в кровать. Скрипнули пружины. Крысы продолжали грызть, и Папа из темноты сказал:

— Азаро, крысы могут быть нашими друзьями. Иногда они могут сказать тебе, что происходит в мире. Они — наши шпионы. Послушай их, Азаро, и завтра скажи мне, о чем они говорили.

Я стал прислушиваться к крысам. У одной из них зубы были как из желтого камня. Крысы, кажется, ни о чем не говорили, но вскоре я услышал, как пружины кровати скрипят в этом особен-

ном ритме многих ночей. Движения кровати заглушили звуки крыс. Я заснул и проснулся, и услышал, что Мама дышит как-то по-особенному, кровать трясется и горбатые фигуры бродят по темноте. Я снова заснул.

Я проснулся внезапно, кровать все скрипела, но вскоре я перестал слушать музыкальный скрип кровати, потому что мой слух поглотили крысы и их настойчивость. Перед тем как заснуть, я вообще перестал слушать кровать, потому что вдруг понял, что если я как следует попытаюсь, то смогу понять язык крыс. Они говорили, прокладывая себе путь в мамином мешке с гарри, что мир злее, чем огонь, и тверже, чем сталь. Я не понял, что они имели в виду, и постарался позвать их, чтобы они объяснили. Но они не понимали меня, потому что, в отличие от нас, они умеют говорить только на одном языке.

КНИГА ВТОРАЯ
Глава 1

Мир полон загадок, ответить на которые может только мертвец. Когда я чаще стал ходить в бар Мадам Кото, я понял, почему духи проявляли к ней такой интерес. Я приходил к ней днем после школы. Она часто бывала во дворе. Иногда она копала землю, зарывала свои амулеты, или отрывала их. Однажды я спрятался и, наблюдая за ней, увидел, как она что-то зарыла, обложив белыми камнями. Я не понял, зачем они нужны, имеют ли они вообще какую-то значимость.

В другие часы, когда я приходил из школы, она была в буше во дворе и, едва заметив меня, могла крикнуть:

— Садись! Садись и привлекай клиентов! Зови их сюда!

Мне приходилось садиться и приваживать мух. Обилие пальмового вина так расплодило мух, что, когда я дышал, я был почти уверен, что их вдыхаю. Мне приходилось сидеть в пустом баре, рядом с глиняным котлом, и смотреть за прохожими через ленточную занавеску. В первый

раз, когда я сидел там один, никто не зашел в бар выпить, и мне казалось, что я приношу одни несчастья.

Днем бар, как правило, пустовал. Один или два человека, у которых не было работы, приходили спросить цену на стаканчик пальмового вина. Как только человек решался войти в бар, Мадам Кото начинала относиться к нему с уважением. Кого она ненавидела, так это неуверенных, тех, кто стоял снаружи и не решался зайти. Она предпочитала, чтобы такие лучше шли своей дорогой, чем заходили в бар. Она была очень избирательна в своем уважении.

Иногда днем заходили женщины. В основном это были торговки тем, что блестит на солнце. Они говорили о своих детях или мужьях, о предстоящих выборах, о громилах и насилии, о людях из различных партий, убитых в политических стычках в глубине страны. Женщины всегда приходили с узелками на головах. Они выглядели здоровыми, но вместе с тем печальными, добродушными, но словно чем-то придавленными. В большинстве это были торговки, идущие на рынок, или же женщины, которые останавливались передохнуть в тени, спасаясь от пыльных дорог поселка. Они разговаривали высокими голосами

и скапливались вокруг Мадам Кото во дворе, когда та сидела на табурете, готовя вечерний перечный суп.

Когда женщины входили, они постоянно дразнили меня, приговаривая:

— Этот мальчик женится на моей дочке. Посмотрите, у него женское воспитание.

К спинам у них были привязаны дети. Вот и женское воспитание: именно от женщин я узнавал о том, что происходит в стране. Я узнал, что идут разговоры о Независимости, узнал про то, как с нами обращаются белые люди, узнал о политических партиях и племенных движениях. Я сидел в баре на скамейке, так и не доставая ногами до земли, и слушал их истории о сенсационных любовных скандалах, пока сон не касался моих глаз жарким дневным дыханием. Жарко было постоянно, и мухи, и гекконы, и комары, и мошки постоянно находились в движении.

Женщины все не умолкали, и Мадам Кото приходилось покупать у них какую-нибудь вещицу или две, тогда те снаряжались в жаркую дорогу, трогая меня или улыбаясь, когда проходили мимо.

Иногда Мадам Кото исчезала и оставляла меня одного в баре. Посетители приходили, и я смотрел

на них, а они на меня.

— Есть пальмовое вино?

— Да.

— Тогда обслужи нас.

Я не двигался.

— Ты не хочешь нас обслуживать?

Я не произносил ни слова.

— Где твоя мадам?

— Я не знаю.

Они прогуливались до заднего двора, приходили и опять садились.

— Как тебя зовут?

Я не говорил им своего имени. Они с отвращением уходили, и я не видел их долгое время после этого. Когда Мадам Кото возвращалась, я рассказывал ей о посетителях, и тогда она говорила со мной резко.

— Почему ты не пришел и не позвал меня?

— Куда?

— Ко мне в комнату.

— А где она?

— Пошли со мной.

Она провела меня к себе, и тогда я узнал, что у нее в бараке есть комната. Ее комната была возле туалета. Она не позвала меня внутрь, и дверь комнаты всегда была закрыта. Я также понял, что

днем она ходит на рынок, чтобы закупить необходимые припасы для ужина и нужные травы для своего перечного супа. Иногда она покупала листья табака и коротала полдень, сворачивая ртом сигаретки.

Однажды днем я сидел в своей обычной позе, когда вдруг глиняный котел начал дребезжать. Я положил на него руки, и он замолчал. Я убрал руки — и он задребезжал. Я пошел во двор, осматриваясь вокруг, чтобы мне кто-нибудь это объяснил. Когда я вернулся, то увидел стоящих в дверях троих очень странно выглядящих мужчин. Они были необычно высокого роста и очень черные. У них были миндалевидной формы глаза, маленькие носы, короткие руки, и на лицах у них не проскальзывало и тени улыбки. Говорили они между собой гнусавыми голосами, звучавшими так, словно у них не было груди. Я не мог понять, о чем они говорят. Они отказывались входить дальше двери. Оглядывали бар, инспектируя его, и каждый смотрел в свою сторону, как будто их разные головы были связаны общим разумом.

Глаза у них были глубоко посаженные, тусклые, невыразительные. Я не был уверен — смотрят ли они на меня или в потолок. Я показал на скамейки. Мужчины одновременно покачали головами.

Они просто стояли в проеме, полностью закрывая свет с улицы. Я посмотрел на их короткие руки, двинулся в сторону двери, и моя голова едва не соскочила с плеч от испуга, когда я понял, что у них у всех без исключения по семи пальцев на каждой руке. Затем я заметил, что все они босые и большие пальцы на их ногах загнуты вовнутрь, как у некоторых животных. От мужчин исходило сильное и пугающее чувство достоинства. Я соскочил со скамейки и побежал к комнате Мадам Кото сказать ей, что в баре три очень странных клиента. Она поспешила в бар, затягивая набедренную повязку, сплевывая табак изо рта. Я так и не попал к ней в комнату. Я осмотрелся. Мухи и гекконы исчезли. Черный кот подглядывал за мной через открытую дверь на задний дзор. Я пошел за ним, но он перепрыгнул через забор. Я пошел к фасаду бара и не смог найти Мадам Кото. Войдя в бар, я увидел, что она вытирает столы мокрой тряпкой.

— Я никого не видела, — сказала она. — Зови меня только тогда, когда приходят клиенты, ты понял?

Я ничего не ответил и даже не кивнул.

* * *

Когда Мама выздоровела, она стала еще более грустной, подавленной, но и более собранной. Каждое утро, когда она просыпалась, она сразу принималась бродить по комнате, словно что-то ночью выбивало ее из привычной колеи, но она не могла припомнить, что именно. Папа ложился спать очень поздно и очень рано вставал. Когда я просыпался, он уже где-то искал работу. Мама слонялась по комнате, что-то бурча себе под нос о крысах и бедности.

По утрам я порой просыпался от необычной суматохи — Мама била шкаф своей метлой. Она хлестала его сверху и снизу, пинала корзины с провизией и мешки с гарри, словно они лично обидели ее. Иногда после этой процедуры со шкафа сыпались майские жуки, которые заползали мне на лицо, и я вскакивал. Мама, в забытьи, охваченная мщением, продолжала сбивать жуков. Она сметала их трупы на дощечку, ставила метлу и выходила выбрасывать жуков, потом мы садились есть. Она всегда давала мне в школу кусок хлеба, провожала меня до развилки и затем уходила с корзиной на голове, нараспев расхваливая свой товар.

На какое-то время Папа исчез из моей жизни. Я просыпался и его нигде не было. Я шел спать, и он все еще не появлялся дома. Он очень много работал и, когда я видел его по воскресеньям, я видел только его страдания. Его спина постоянно болела, и мы с Мамой разминали ее ногами, чтобы уменьшить боль. Спина у него была очень сильная и мускулистая, и я никогда не мог на ней удержаться. Однажды, когда Мама хорошенько прошлась по спине, она хрустнула, и нам пришлось намазать ее отвратительно пахнущей мазью, которую мы достали у странствующего травника. Папа работал изо всех сил, перетаскивая тяжелые грузы в гараже и на рынках, и зарабатывал очень мало. Из этих денег ему приходилось платить кредиторам, которые каждый вечер приходили к нам напомнить, что они все еще живы. И из того, что оставалось, нам едва хватало на еду и на уплату ренты. После того как я несколько дней не видел Папу, я спросил Маму, что с ним случилось.

— Он работает, чтобы мы могли есть, — ответила Мама.

Была ночь. Дети играли в проходе. У нас было темно, потому что мы не могли позволить себе покупать свечи. Мама молча, не жалуясь, бродила

в темноте. Она ударилась обо что-то, выругалась и присела, я зажег спичку и увидел, как кровь сочится из ее большого пальца на правой ноге.

— Правая нога будет счастливая, — сказала она.

Кровь капала на пол, и я сказал:

— Мне вскипятить воду?

Она ничего не ответила. Спичка догорела. Мамина кровь стала цвета темноты. Я не слышал дыхания Мамы, не видел ее. И прежде, чем я зажег другую спичку, она поднялась и пошла на двор. Когда она вернулась, то уже обмыла палец, и я спросил, что она положила на рану.

— Бедность, — ответила она.

Я зажег еще одну спичку и стал изучать ее палец.

— Не трать спички, — сказала она резко.

Палец все кровоточил через черную ткань, в которую она его обернула.

— Пепел, — сказала она.

Спичка догорела. Мы не двигались. Крысы начали что-то грызть, и майские жуки забегали в шкафу.

— Тебе пора спать, — сказала она.

Я не двигался. Я хотел дождаться Папу. Было уже поздно и темно. Помолчав, Мама сказала, что

пойдет и приготовит еду.

Мы не ели с самого утра. Вот уже несколько дней мы ложились спать на голодный желудок.

— Я пойду с тобой.

— Иди спать или призрак схватит тебя.

— Пусть только попробует.

Она двинулась в темноту, и я слышал, как она возится у двери. Из открытой двери вошел свет, Мама вышла. Я сидел во тьме, прислушиваясь. Попробовал встать, но что-то пригнуло меня к полу. Я попытался еще раз, но темнота превратилась в неодолимую силу. Я лег на пол и стал ползти, упираясь руками и коленками. Что-то поползло по моей руке. Я в испуге попытался встать, ударился головой об острый выступ большого стола и стоял так, пока темнота не закончила свой танец. Потом я отыскал папин стул и сел. Я уже мог различать очертания предметов. Я оставался сидеть на стуле, пока не пришла Мама.

— Ты все еще не спишь?

— Да.

— Иди спать.

— Я голодный.

Она молчала. Затем, спустя некоторое время, сказала:

— Дождись отца. Мы все вместе разделим его

еду.

Я поблагодарил ее. Она нашла меня в темноте и прижала к себе мою голову, я услышал, как она тихо плачет. Потом она сказала более мягким голосом:

— Давай я расскажу тебе историю о животе.

— Расскажи историю, — сказал я, готовясь ее слушать.

Она пошла к кровати. Я не мог видеть ее. Крысы что-то грызли, и майские жуки копошились. Она начала:

— Сильные люди едят очень мало, — сказала она.

— Почему?

— Потому что они сильные. В моей деревне жил великий человек-врач, который ночами мог летать на луну и затем идти через могучий океан навестить духов в земле белых людей…

— Зачем?

— Потому что ему надо было устроить важную встречу, она касалась будущего всего мира. Но чтобы устроить эту встречу, он должен был сделать что-нибудь великое. Поэтому он летал на луну и на разные планеты. После полета он пошел в страну белых людей, и прежде чем принять его, они задали ему только один вопрос.

— Какой?

— Они спросили его: «Мистер Врач из деревни Оту, что ты ел перед тем, как слетать на луну?»

— И что он ответил?

— Сверчка.

— Только сверчка?

— Да, маленького жареного сверчка.

Какое-то время мы молчали. Я обдумывал историю, не касаясь пола ногами.

— Это и есть история про живот?

— Нет, — ответила Мама из темноты.

Мы снова замолчали. Поток она начала:

— Однажды в старое доброе время…

Я откинулся на спинку папиного стула и подобрал под себя ноги.

…жил-был человек, у которого не было живота. Каждый день человек служил в большом храме. Однажды он встретил живот без тела. Живот сказал: «Я везде тебя ищу. Что ты делаешь без меня?» И затем живот прыгнул на человека и стал его частью. Человек продолжил свой путь в храм. Но по дороге он очень сильно проголодался. Живот сказал: «Накорми меня». «Не буду тебя кормить, — ответил человек. — Когда тебя не было, я был сильный, ходил далеко и никогда не был голоден, и всегда был счастливый и довольный.

Ты или уходи от меня или успокойся...»

Где-то на середине маминого рассказа я слетел со стула и полетел на спине сверчка, и сам я был человеком без живота, спешащим на праздник на луне.

Затем я почувствовал, что открываю глаза. На столе горела свеча. Папа стоял надо мной, покачиваясь. Он выглядел одновременно подавленным и ошеломленным.

— Мои мозги сплющены, сын мой, — сказал он.

Я быстро встал с его стула. Он прошелся туда-сюда по комнате, склонив голову. И затем тяжело опустился на стул и успокоился.

— Я нашел свечу на рынке, — сказал он и заснул.

Мама положила на стол еду и разбудила его. Он заморгал.

— Во сне я тащил самую ужасную ношу, — простонал он.

— Ты должен поесть, — сказала Мама.

Мы собрались вокруг стола. Папа на двигался. Пламя свечи падало на его лицо. На шее проступили напряженные сухожилия. Его лицо поблескивало, и вены набухли на висках. Он удивил нас, вдруг заговорив:

— Они скоро все испортят своей политикой, —

сказал он усталым голосом призрака. — Прежде чем позволить тебе тащить их ношу, они хотят знать, за кого ты будешь голосовать.

Он сделал паузу. Его глаза были в кровавых прожилках.

— Если ты хочешь голосовать за партию, поддерживающую бедных, то они дадут тебе самую тяжелую ношу. Я сейчас чувствую себя ослом.

— Поешь, ты устал, — сказала Мама.

Папа закрыл глаза и стал бормотать что-то, — как я понял, это было его молитвой. Он долго не открывал глаз. И только когда он опять начал сопеть, мы поняли, что он уснул. Мама не хотела будить его второй раз, поэтому мы съели половину еды, а другую половину оставили ему на утро. Мы ели еще тише, чем крысы.

* * *

Когда я проснулся, Папа уже ушел и оставил после себя только запахи ботинок, грязи, сигарет, москитной спирали и пота. Настроение в комнате было заражено его усталостью.

Мы разделили нашу еду. На утро у нас оставались только хлеб и каша. Мама почти на голодный желудок отправилась на рынок торговать вразнос своими коробками спичек, сладостями,

сигаретами, всякой всячиной. Она выглядела гораздо более утомленной, блузка висела на ней и тесемки спадали с плеч, словно она усохла в своих одеждах.

Пока я шел с ней по дороге до развилки, где мы расстались, я чувствовал себя несчастным из-за тихого ее голоса среди бодрых звуков гетто. Когда она шла по каменистой дороге, то казалась такой хрупкой, что малейший ветерок мог унести ее с собой на раскаленное небо. Прежде чем уйти, она дала мне кусок хлеба и сказала, чтобы в школе я вел себя хорошо. Я пошел за ней. Она была босиком. Мне было больно видеть, как она наступает на всякий мусор и камни на дороге. Мне было горько от того, что я не мог идти с ней торговать, не мог поберечь ее ноги, помочь ей продать все ее товары. Она обернулась и махнула мне, чтобы я шел в школу. Я замедлил шаги, остановился и смотрел, как она исчезает в многолюдном гетто.

Глава 2

Когда я пришел в бар Мадам Кото после школы, там было пусто. Я был голоден. Сидя возле глиняного котла, я все убеждал себя в том, что у меня нет живота. Я заснул и проснулся. Мухи

жужжали в баре. Я пошел к комнате Мадам Кото попросить у ней еды и уже готов был постучать, как вдруг услышал, что она молится. Я слышал звон колокольчика. Я уже хотел идти обратно в бар, когда две женщины из нашего поселка заметили меня и спросили:

— Что ты тут делаешь?

Я ничего не сказал. Они схватили меня, и я закричал. Мадам Кото вышла. Одна сторона ее лица была намазана сурьмой, другая каолином, а рот был полон табачного сока. Женщины посмотрели на нее, потом друг на друга и поспешили прочь.

— Почему ты не постучал? — спросила она, и изо рта у нее потек табачный сок.

— Вы были заняты.

— Беги в бар.

— Я голодный.

— Как ты можешь быть голодный с таким маленьким животиком?

Затем она пошла к себе в комнату. Зазвенели колокольчики. Я пришел в бар и мухи закружились вокруг моего носа. Стало очень душно, я не мог дышать, голод становился непереносимым. Я вышел из бара и принялся гулять по тропинкам. Жара стояла страшная. Деревья чуть не плавились на солнце. Облака были густые. Насекомые

стрекотали в буше. На середину дорожки выползла ящерица, остановилась, повернулась ко мне и кивнула. Звякнул колокольчик, его звук перепугал меня, и я соскочил с тропинки в кусты, и большой мужчина с большим ртом проехал мимо меня на велосипеде. Он безумно смеялся на ходу. Я оставался в кустах и выскочил только тогда, когда почувствовал, что мои ноги горят от укусов. Я наступил на армию муравьев. Смахнув их с себя, я уже был готов идти в бар, когда заметил, что бедная ящерица лежит мертвая на середине тропинки. Ее переехал велосипедист, и она умерла прямо так — с головой, склоненной в кивке. К ней ползли муравьи, и я схватил ящерицу за хвост и взял ее с собой в бар, надеясь устроить ей нормальные похороны.

Снаружи около бара босиком на раскаленной земле стоял мужчина. На нем были только одни трусы, которые выглядели на нем невыносимо грустно. Грубые волосы были покрыты красной жидкостью и кусочками мусора. На его спине красовалась большая язва и маленькая язва — на ухе. Мухи жужжали вокруг него, он от них отмахивался. И постоянно хихикал. Я старался обойти его, но он меня не пропускал.

— Мадам Кото! — позвал я.

Человек пошел на меня. Один глаз у него был выше, чем другой. Его рот был как гноящаяся рана. Он согнулся, топнул, засмеялся и вдруг ринулся к бару. Я пошел за ним, неся с собой мертвую ящерицу, словно охранный фетиш. Я нашел этого человека, прячущегося за глиняным котлом. Человек зарычал на меня.

— Мадам Кото! — снова позвал я ее.

Безумец захихикал, обнажая свои красные зубы, и затем побежал на меня. Я швырнул ему в лицо мертвую ящерицу. Он засмеялся, закричал и упал на скамейку, хохоча в упоении умалишенного. Он встал и пошел, ничего не замечая, сбивая большие деревянные столы и скамейки. Потом он пошел на меня. Я увернулся. Тогда он опустился на пол и стал ползти, как чудовищно разросшийся краб. Обнаружив мертвую ящерицу, он с преувеличенным воодушевлением ребенка стал с ней играть. Он уселся на сваленный стол, и его глаза вращались в глазницах по разным орбитам. Затем он принялся есть ящерицу.

— МАДАМ КОТО! — закричал я на пределе ужаса.

Она бежала к нам, схватив новую метлу. Увидев беспорядок в баре и безумца, который ел ящерицу, подергиваясь и хихикая, она бросилась

на него и стала бить его по голове, как корову или козла, обратным концом длинной метлы. Безумец не двигался. Он продолжал есть упорно и безмятежно. Мадам Кото вырвала ящерицу из его рук. Затем, покруче затягивая на талии свою повязку, она нацелилась большими руками на его шею.

С глазами навыкате он повернул голову в моем направлении. Белая пена проступала в уголках его рта. Затем, во внезапном приливе энергии, он отбросил от себя Мадам Кото, вскочил на ноги, как разбуженный зверь на задние лапы, и начал бросаться во все стороны. Он боролся и царапал воздух, испуская страшные крики. Затем он остановился, вытащил наружу гигантский член, и пописал во все стороны. Мадам Кото стукнула его по члену метлой. Он пописал и на нее. Она ринулась куда-то и вернулась с горящей головней. Она обожгла ему ногу, и он галопом пустился в танец, проскакал кругом, выскочил из бара и, хихикая, побежал в лес.

Мадам Кото посмотрела на свой разгромленный бар. Взглянула на горящую головню, а потом на меня.

— Что ты за ребенок такой? — спросила она.

Я стал поправлять скамейки.

— Может быть, ты и вправду приносишь одни несчастья, — сказала она. — С тех пор как ты здесь, мои старые посетители куда-то делись, а новых нет как нет.

— Я голоден, — ответил я.

— Привлекай клиентов, веди их сюда и только потом ты получишь еду, — сказала она, идя на задний двор.

Позже она вынесла наружу столы и скамейки и помыла их специальным мылом. Она подмела бар и вымыла посуду концентрированным обеззараживающим раствором. Когда солнце высушило столы и скамейки, она внесла их обратно и затем пошла мыться, что она обычно делала перед приемом вечерних посетителей.

Закончив мыться, она пришла в бар с горшком перечного супа и ямса.

Поставила его и сказала:

— Если ты такой голодный, возьми и доешь это.

Я поблагодарил ее, и она вернулась к себе. Я помыл ложку и уселся есть. Суп был очень острый, и я пил очень много воды. Ямс был мягкий и сладкий. В супе плавали куски мяса и потроха, и я почти все съел, пока не увидел, что один из кусков — голова петуха. Перец разгорелся в

моем мозгу, и я был убежден, что голова петуха смотрит на меня своими глазами. Вошла Мадам Кото, неся в руках блестящий фетиш, натертый пальмовым маслом. Она подтащила скамейку к входной двери, влезла на нее и повесила фетиш на гвоздь прямо над дверью. Впервые я заметил, что у нее есть маленькая бородка.

— Мне не нравится голова петуха.

— Съешь ее. Это хорошо для твоих мозгов. Будешь умнее, а если съешь глаза, то станешь лучше видеть в темноте.

Я не стал есть. Она слезла, отнесла скамейку на прежнее место и встала передо мной.

— Ешь!

— Я больше не голоден.

Мадам Кото рассматривала меня. Ее кожа блестела от едкого масла. Она выглядела властно и завораживающе. Масло очень плохо пахло, и, я думаю, из-за этих масел духи и проявляли к ней такой интерес.

— Так ты не будешь ее есть?

Я знал, что она разозлится, и если я не съем голову петуха, никогда больше не даст мне еды; поэтому, с неохотой, ненавидя каждую секунду этого процесса, я съел ее. Сначала я раскусил саму голову. Сломал клюв, и проглотил красный

гребешок. Я соскоблил только тонкую пленку с его короны.

— Что с глазами?

Я высосал глаза, пожевал их и выплюнул на пол.

— Подбери их!

Я подобрал глаза, вытер стол и пошел мыть тарелки. Когда я вернулся, она приготовила мне стакан лучшего пальмового вина. Я сел в углу, рядом с глиняным котлом, и начал мирно попивать.

— Вот что значит быть мужчиной, — сказала она.

Пальмовое вино быстро подействовало на меня, и мне стало трудно сидеть прямо. Я проснулся лишь тогда, когда в баре появились буйные посетители. От них пахло сырым мясом и кровью животных.

— Пальмового вина! — крикнул один из них.

Мухи роились вокруг новых посетителей. Мадам Кото принесла большую тыквину вина. Они выпили ее очень быстро, и вечерний жар усилил их запахи. Они еще больше разбушевались. Они яростно спорили между собой о политике. Мадам Кото попробовала их утихомирить, но они не обращали на нее внимания. Они спорили

со страстной свирепостью на неудобоваримом языке, и чем яростнее они становились, тем сильнее от них пахло. Один из них вытащил нож. Двое других набросились на него. В суматохе они свалили стол и скамейки, разбили тыквину и стаканы и разоружили мужчину. Когда они отняли у него нож, один из них крикнул:

— Еще пальмового вина!

Мадам Кото вышла и вернулась с метлой. Они увидели ее свирепое лицо.

— Никакого вина! Заплатите сначала за то, что вы сломали.

Они заплатили без лишних слов и продолжили спор с той же яростью.

Я пошел к себе в угол и допил свой стакан. Мадам Кото налила мне еще. Ароматы ее богатого специями перечного супа доносились с заднего двора. Пришел вечер, а с вечером новые клиенты. Очень странные. Вошел человек, уже пьяный в стельку. Он ругался и оскорблял всех и вся.

— Посмотрите на эту жабу, — сказал он про меня. — Посмотрите на эту толстуху с бородой, — сказал он о Мадам Кото.

Потом он выбежал на улицу, вернулся и попросил тыкву пальмового вина. Когда его обслужили, он выпил все молча, время от времени приобод-

ряясь, чтобы кого-нибудь оскорбить. Он обозвал ящериц, мух, скамейку и потолок. Затем он снова затих и пил мирно.

Другой вошедший клиент был такой косоглазый, что от одного взгляда на него я сам начал чувствовать косоглазие.

— На что это ты так смотришь? — с яростью потребовал он ответа.

— На твои глаза, — ответил я.

— Зачем? У тебя разве нет своих?

— Есть, но я не могу их видеть.

Он подошел и ударил меня по голове. Я ударил его по голени. Он меня пнул еще сильнее, я побежал и схватил метлу Мадам Кото, вернулся и ткнул его в голову. Он закричал. И ретировался. Я снова его ударил. Пьяный начал ругаться. Он обозвал косоглазого, обозвал все метлы, выругался на детей и вновь успокоился. Вышла Мадам Кото и отобрала у меня метлу. Я сел.

— Принесите мне пальмового вина, — сказал косоглазый человек. — И попридержите вашего мальчика. Он оскорбил мои глаза.

— Что случилось с вашими глазами? — спросила Мадам Кото, внимательно смотря на него.

Он не ответил, уселся и задумался. После того, как его обслужили, он выпил вино одним глот-

ком, посмотрел на меня и увидев, что я смотрю на него, повернулся в другую сторону, пытаясь спрятать от меня свои глаза.

— Налейте мне перечного супа! — крикнул он.

Мадам Кото обслужила его, и он очень быстро съел мясо и суп.

— Скажите мальчику, чтобы он не смотрел на меня, — сказал он.

— Зачем это?

Он выпил еще пальмового вина и все поглядывал на меня через плечо. Его глаза меня заинтересовали. Один глаз был зеленый. Когда я смотрел на глаз, это очень странно на меня действовало.

— Я дам тебе денег, если ты будешь смотреть в другую сторону, — сказал косоглазый.

Пытаясь спрятать лицо, он подошел и выложил на стол всю мелочь из карманов. Я собрал деньги и смотрел, как он идет обратно на место. Он все проверял меня. Я пытался держать свои глаза подальше от косоглазого, но это было тяжело после того, как я его уже увидел. Его странные глаза притягивали как магнит. Я удерживался, чтобы не смотреть на него, оглядывал бар и заметил зеленые разводы на полу. Я не мог понять, откуда они взялись. Я выпил еще пальмового

вина. Внезапное осознание того, что зеленые разводы — это следы от мочи сумасшедшего, стало расти во мне, когда вдруг свет в баре изменился, пьяница выругался, и из пола стал вырастать рой зеленых духов. Они продолжали расти до тех пор, пока головами не уперлись в потолок, затем вдруг начали съеживаться, пока не достигли размеров обычной курицы. Все они были косоглазые. Они бродили там, где помочился сумасшедший, топали и шаркали ногами. Куда бы я ни посмотрел — везде я видел косоглазых духов. Я закричал, и пьяница обругал луну, а Мадам Кото подошла ко мне, вывела наружу и дала мне воды и аллигаторова перца, чтобы я его пожевал.

— Сейчас ты должен идти домой, — сказала она.

Я молчал.

— Проветрись немного. А потом иди.

Какое-то время я постоял снаружи. Луна висела в небе. Она была большая, чистая и белая. Потом из белой она стала серебристой, и я увидел, как по ее поверхности движутся разные предметы, и я не мог не смотреть на нее, потому что она была так прекрасна и так низко висела на небе. Я долго-долго за ней наблюдал, и сладкие голоса зазвучали в моих ушах. Вышла Мадам Кото и

спросила:

— Что это ты тут делаешь?

Она подняла глаза, увидела луну и сказала:

— Зачем ты смотришь на луну? Ты что, ее раньше не видел?

— Не так, как эту.

— Иди в бар, забирай вещи и марш домой. Уже поздно.

Я оторвался от луны и пошел в бар. Там было полно причудливейших людей. В углу сидел мужчина, который громко говорил, что он только что вернулся с войны с Гитлером. Никто не верил ему.

— Гитлер умер много лет назад.

— Я убил его, — сказал этот горлопан.

— Как?

— Я использовал специальное джу-джу*. Я дунул перцем ему в глаза, его усы поднялись вверх, и я убил его вот этим ножом.

* Джу-джу — амулет, талисман, фетиш.

Он достал нож, повертел им, но все перестали обращать на него внимание. В другом углу человек подбрасывал свою голову. Другой мужчина фыркал. Рядом с пьяницей сидел молодой мужчина. У него был свежий разрез через все лицо.

Пьяница ругался, останавливался и опять ругался. Зеленые косоглазые духи вертелись вокруг клиентов, а один из духов всполз по стенке, как новый вид ящерицы, и принялся внимательно изучать фетиш Мадам Кото.

Это была чудесная ночь. Бар стал свидетелем самого необычного столпотворения странности, пьянства, безумия, ран, красоты. Мадам Кото ходила среди всего этого с величайшей безмятежностью. Она казалась полностью защищенной и абсолютно бесстрашной. Я думаю, в тот вечер она заработала много денег, потому что, когда я уходил, совершила кое-что необычное: улыбнулась мне. Она была счастлива и благодарна, несмотря на весь кавардак. Она дала мне неприготовленные клубни ямса, и я пошел домой к Маме по расходящимся тропкам.

Глава 3

В комнате было полно народа. Мама вернулась рано. Она выглядела уставшей и обожженной солнцем. Непринужденно развалясь на папином кресле, положив ноги на стол, сидел лендлорд. Кредиторы и их родственники расселись на кровати и стояли по всей комнате. Они были

сердитые и растерянные. Когда я вошел, все молчали. Я сразу направился к Маме. Она обняла меня обеими руками и сказала:

— Вы все должны потерпеть.

— Как мы можем потерпеть? — спросил один из кредиторов.

Другие возмущенно закивали.

— Терпение убьет нас. Нам нужно есть и торговать.

— Правда.

— Но мы заплатили большую часть денег, — сказала Мама.

— Но не все деньги.

— И не в недельный срок, — добавил лендлорд.

— Терпение никого не убивает.

— Вздор, — сказал кредитор. — Терпение убивает моего сына. Вы думаете, я могу заплатить нашему доктору терпением?

Лендлорд засмеялся и вытащил орех кола из своей просторной рубахи. Он ел один. Я смотрел, как его губы становятся красными. Мама молчала, и пока лендлорд жевал свой орех кола, крысы начали что-то грызть.

Я смотрел на кредиторов так, словно их присутствие лишает меня еды. Я ничего не говорил.

— Посмотрите на его большой живот, — усмех-

нувшись, сказал лендлорд обо мне.

— Оставьте моего сына.

— Все, что мы хотим — это наши деньги, — сказал один из кредиторов, уставившись на меня.

— У меня нет ваших денег, — ответил я.

— Этот мальчик еще хуже, чем его отец.

Мама внезапно встала.

— Если вы пришли говорить гадости, то покиньте нашу комнату.

Она закрыла дверь и окно. В комнате было темно, но Мама не стала зажигать свечу. То и дело лендлорд зажигал спички и оглядывал каждого. Крысы принялись грызть еще громче, и Мама запела молитвенную песню. Кредиторы не двигались. Лендлор продолжал жевать.

Когда Мама закончила петь, тишина стала еще глубже. Молча мы оставались в полумраке, пока не раздался стук в дверь.

— Кто это?

— Фотограф.

— Что вы хотите?

— Фотографии готовы.

— Ну и что?

— Вы не хотите взглянуть на них?

Лендлорд поднялся и открыл дверь. Он стоял в дверном проеме и смотрел на снимки с помощью

факела фотографа. Потом он прошел в комнату. Фотограф плелся за ним с камерой на плече.

— Они хорошие, — сказал лендлорд, передавая фотографии и факел по кругу.

Кредиторы ожили и заговорили о снимках с праздника, как напился тот-то и тот-то, а глаза вон того прищурены, как у воришки. Затем лендлорд сказал, когда фотографии дошли до него:

— А почему это у Мадам Кото такое лицо?

Лицо Мадам Кото было смазано. Она выглядела, как высушенный монстр, что-то среднее между получеловеком-полуживотным и деревянной статуэткой.

— Она ведьма, — сказал один из кредиторов.

— Нет, не ведьма, — ответил я.

— Замолчи, — сказала Мама.

Когда я поближе рассмотрел снимки, мы все показались мне странными. Снимки были крупнозернистые, везде виднелись точки, что-то было размыто. Папа выглядел, как будто на одном глазу у него было бельмо, у Мамы расплылись оба глаза, дети были похожи на белок, а я напоминал кролика. Все это выглядело как праздник каких-то беженцев. Мы были скованы, на лицах читался голод, улыбки были фальшивые. Казалось, что комната была наскоро собрана из

какого-то хлама, и все вместе мы казались людьми, которым неведомо счастье. Лица тех, кто улыбался, получились искаженными гримасой, как у людей, которым встали ногой на горло, а потом заставили улыбаться.

Фотограф был очень доволен результатами и надписывал цену на каждой копии. Один из кредиторов сказал, что купит один снимок, когда ему заплатит Папа. Лендлорд сказал:

— Я смотрюсь как бугор.

— Как вор.

Мама шлепнула меня по голове.

— Ваш сын похож на козла, — сказал лендлорд.

Кредиторы засмеялись. Мама сказала:

— Нам пора спать. Все вы должны выйти из комнаты.

— И так-то вы разговариваете с вашим лендлордом?

— Хорошо, все оставайтесь, — сказала Мама. — Азаро, приготовь свою постель.

Я встал в темноте, подвинул большой стол, и расстелил мат. Потом лег. Ноги кредиторов находились теперь возле моей головы. Лендлорд продолжал жевать. После короткой тишины один из кредиторов сказал:

— Ладно, если я не могу взять свои деньги сей-

час, я прихвачу что-нибудь другое.

Он встал с кровати, поднял наш стол и пошел к двери.

— Доброй ночи, лендлорд, — сказал он и вышел.

Мама не двигалась. Другой кредитор, попросив лендлорда зажечь для него спичку, взял папины ботинки. Третий сказал:

— Я ничего не буду брать, а буду к вам приходить.

Фотограф сказал:

— Я приду завтра.

Лендлорд произнес:

— Скажите вашему мужу, что я хочу его видеть.

И затем все они ушли. Мама встала с кровати и подогрела еду для Папы. Закончив, она подсчитала деньги, которые заработала в этот день. Она отложила половину на покупку своих товаров, а половину — на уплату ренты. Свеча догорала и, вспыхнув в самом конце, осветила костистое лицо Мамы, тяжесть в ее глазах, вены на ее шее.

— Я видела сегодня безумного мальчика. Его привязали к стулу, и его мать плакала.

— Что же случилось с ним?

— Откуда я знаю.

Мы молчали.

— Как поживает Мадам Кото?

— Она в порядке.

— Она не спрашивала обо мне?

— Нет.

— Чем она занимается все время?

— Она сидит в своей комнате. Сегодня у нее было много странных посетителей. Она прибила к стене джу-джу. В бар пришел сумасшедший, съел ящерицу и везде пописал.

— Не кажется ли тебе, что пора перестать туда ходить?

— Нет, я не хочу.

— Почему нет?

— Не хочу.

— А что со школой?

— Мне не нравится школа.

— Ты должен любить школу. Если бы твой отец ходил в школу, мы бы так не страдали. Учись всему, чему можешь научиться. Наступает новая эра. Грядет Независимость. Только те, кто ходит в школу, будут есть хорошую еду. Иначе ты закончишь, как твой отец: с мешком на плечах.

Мы опять замолчали.

— Ты должен быть осторожен с Мадам Кото.

— Почему?

— Люди говорят о ней разное. Мы не знаем, откуда она. И это ее джу-джу, кто его сделал?

— Я не знаю.

— Не трогай его.

— А я не трогал. Но что о ней говорят?

— Ты еще маленький мальчик. Ты все равно не поймешь.

— Скажи мне.

— Иди спать.

— Она убила кого-то?

— Иди спать.

Мы снова замолчали, и Мама отложила в сторону свою корзину с товарами и деньги. Она заработала немного, и печаль на ее лице говорила: а стоит ли день за днем ходить с лотком по улицам, расхваливая свои товары до хрипоты в голосе, чтобы в конце концов получить так мало денег? Она вздохнула, и я знал, — несмотря ни на что, она будет торговать. Ее вздох был полон отчаяния, но на дне легких, в самой глубине источника дыхания также таилась надежда, поджидающая, как сон на исходе самого знойного дня.

* * *

Когда я входил в коридоры сна, я услышал громкое пение, несущееся от самых входных дверей барака. Голос был грубый и пьяный. Кто-то другой прокричал:

— Черный Тигр!

Папа распахнул дверь и вошел в комнату, похожий на плакат для устрашения. Мама вскочила и торопливо зажгла спрятанную свечу. На ее посветлевшее лицо лег отпечаток беспокойства. Папа стоял в дверях как пьяный великан. Его плечи были сгорблены. В одной руке он держал бутылку огогоро. Обе его штанины до колен были в грязи. На нем был только один ботинок. В комнате запахло пьянством и грязью. Он похрустывал шеей. Кривя рот, щурясь так, как будто реальность ослепляла его, он сказал очень громко:

— Я собираюсь вступить в армию.

И затем споткнулся о кучу хлама на полу. Мы подбежали, чтобы помочь ему, но он быстро встал сам, увидел наши беспомощные старания и оттолкнул нас. Я полетел в тот угол, где раньше стояли его ботинки. Мама отлетела к кровати. Он прошагал по комнате, раскачиваясь, подхватил свою бутылку огогоро, сделал большой глоток

и сказал:

— Как поживает моя семья?

— Мы в порядке, — ответила Мама.

— Хорошо. Сейчас у меня есть кое-какие деньги. Мы можем заплатить ублюдкам кредиторам. Мы всем заплатим. А потом я всех перестреляю.

Он наигранно сымиткровал автоматную очередь.

— Ты голодный? — спросила Мама.

— Я упал в грязь, — сказал Папа. — Я шел по дороге, слегка выпивал, слегка напевал, и вдруг дорога сказала мне: «Следи за собой». А я обругал дорогу. Затем она превратилась в реку, и я поплыл. Потом она опять изменилась и стала огнем, и я вспотел. Она превратилась в тигра, и я убил его одним ударом. И затем она оказалась большой крысой, я закричал на нее, и она убежала, как кредиторы. И потом все стало грязью, и я потерял свой ботинок. Если бы у меня были деньги, я был бы великим человеком.

Мы смотрели на него в растерянности и страхе. Он немного закачался, расправил спину и прошагал к стулу. Он не сел, а встал рядом со стулом, оценивая его, словно врага.

— Ты смотришь на меня, стул, — сказал он. — Ты не хочешь, чтобы я сел на тебя, да? Потому что

я упал в грязь, не так ли?

Стул не ответил ничего.

— Я с тобой разговариваю, стул, — сказал он. — Ты думаешь, ты лучше, чем моя кровать? Я говорю с тобой, а ты двигаешься. Кого ты из себя изображаешь, а?

Стул думал над этим вопросом слишком долго, и Папа пнул его ногой без ботинка. Он вскрикнул и снова посмотрел на стул.

— Сядь на кровать, — сказала Мама.

Папа посмотрел на нее ядовито. Потом опять повернулся к стулу.

— Будь спокоен! — сказал он авторитетным тоном.

Стул был спокоен.

— Так-то лучше. Я сейчас собираюсь сесть на тебя, неважно в грязи я или в золоте, ты меня понял? И если ты сдвинешься, я побью тебя.

Он сделал паузу.

— Меня не зря называют Черный Тигр.

Затем он тяжело сел, и стул скрипнул так громко, что на секунду я подумал, что он развалится на части. Стул покосился, и Папа, передразнивая его, поерзал, потом встал, схватил его и со всего размаху швырнул в окно. Но стул отскочил на пол, а окно распахнулось. Москиты и комары

стали залетать в комнату, ящерицы поползли по стенам, а крысы выскочили из-под шкафа и беспорядочно забегали по комнате. Папа вконец разошелся, схватил стул и набросился на крыс. Он ударился головой о шкаф, преследуя их. Одна крыса побежала к двери, и он бросился догонять, пытаясь попасть в нее стулом, топая ногами, издавая звуки автоматной очереди.

Какое-то время он находился снаружи, Мама подняла стул и поставила его на обычное место. Прошло немало времени, и Папа появился с чьей-то накидкой, обмотанной вокруг пояса. Он умылся, и вода капала с его волос, и выглядел он как боксер, сошедший с ума. Брюки он положил на плечи. Он вошел на цыпочках, со светлыми глазами, и робко присматривался к нам, словно нам было за что на него сердиться. Он выпил немного воды и попытался закрыть окно, но оно не закрывалось. Он снова попытался. Потом пригрозил ему кулаком и уселся на стул. Вдруг вскочил и, пряча голову, стал наносить боксерские удары. После этого он долго боролся со своими штанами цвета хаки. Его грудь была голой, он уже успел вспотеть, и тело его блестело.

Папа выглядел очень мощно. Его большие плечи трещали от мускулов, похожих на горные

холмы, шея была толстая. Я раньше никогда не замечал, что у него такие квадратные челюсти и такой высокий лоб. Нос у него был больше, чем я о нем помнил, и на лице щетина. Его мускулы впечатляюще пульсировали. Такое быстрое превращение удивило меня.

Он все не мог угомониться и продолжал двигаться, делая выпады в воздух слева и справа. Он почти не замечал нас. Мы не спускали с него глаз. Он выглядел дико и пугающе. В конце концов он сел и закрыл глаза. Затем встряхнул головой и осмотрелся по сторонам. Свеча осветила ярость на его лице. Он сказал потолку:

— Я сегодня перетаскал много грузов, пока моя шея и спина, и моя душа не сломались. Я бросил на землю свою ношу и сказал: «Больше никогда!» Но я ничего не заработал, а у меня есть семья, которую я должен кормить, и я снова взял свою ношу и сказал: «Должно быть, есть какой-то другой способ заработать деньги». И подумал, что мне надо идти в армию. Потом я встретил своего родственника, Аку, и занял у него деньги.

Он снова замолчал и закрыл глаза.

— Как поживает Аку?

— Хорошо.

— А его жена?

— Отлично.

— Видел ли ты их детей?

— Нет.

Затем Папа поднял ногу, чтобы положить ее, как обычно, на стол, но нога повисла в воздухе.

— А что случилось со столом? — спросил он, открывая глаза, с ногой, зависшей в воздухе. — Он стоял здесь, помнится мне.

Он поставил ноги на землю и начал искать наш стол. Он осмотрел комнату, заглянул под кровать, посмотрел за шкафом. Он вышел на улицу и снова зашел. Мы молчали.

— Где стол?

Мы не сказали ничего. Он поглядел на меня, а потом на Маму, как будто мы его разыгрываем.

— Где он? Он что, погулять вышел? Или вы спрятали его? Или вы продали его, чтобы купить еды? Его украли? Что с ним случилось, а?

Он завелся. Его мускулы заиграли на спине, и челюсти задвигались в ярости. Наше молчание еще больше вывело его из себя, и он заставил Маму рассказать, что случилось. Затем он просто обезумел. Он застонал, как пойманный лев, встал во весь свой титанический рост, выскочил из комнаты и стал изливать свое бешенство так громко, что, казалось, на нас сошли все громы

и молнии.

Его ярость разбудила все поселение. Он колошматил в двери кредиторов и метался взад и вперед по коридору, требуя вернуть имущество, которое у него украли кредиторы. Проснулись и начали плакать дети. В комнатах стали загораться огни, и один за другим у дверей появлялись люди с испуганным выражением на лицах. Мужчины держали мачете в руках, а у одного был пневматический пистолет. Женщины засуетились, спрашивая: «Что случилось?»

Их мужья окриками звали женщин обратно. Папа продолжал неистовствовать, обвиняя кредиторов в том, что они обобрали его до нитки. Один из них вышел и сказал:

— Я не взял ничего. Я сказал, что буду ждать, когда ты вернешься.

— Кто тогда украл мою мебель?

Кредитор, заикаясь, ответил:

— Я ничего не брал.

Папа отсчитал деньги, отдал ему и продолжил свою неистовую кампанию против оставшихся двоих кредиторов.

— Сейчас они прячутся за юбки своих жен и тем не менее среди бела дня они УГРОЖАЛИ моей ЖЕНЕ и СЫНУ и УКРАЛИ ВСЕ МОИ ВЕЩИ! Они

просто КРЫСЫ, ТРУСЫ, ВОРЫ И ПОДЛЕЦЫ. Пусть они выйдут и скажут, что это НЕ ТАК.

Когда люди поняли, что происходит, они поспешили обратно в свои дома. Огни гасли один за другим. Только два самых старших съемщика вышли, чтобы попытаться урезонить Папу. Но он не слушал их и продолжал кричать. Один или двое мужчин, прячась в темноте комнаты, говорили:

— Да это Черный Тигр. Он пьян.

— Да, я пьян, — громко ответил Папа. — Но это не помешает мне проклясть вооруженных грабителей.

Он продолжал требовать, чтобы кредиторы немедленно возвратили ему всю мебель или же он разобьет двери и сожжет их дома.

— Он безумен, — сказал кто-то.

— Да, я безумен! Я безумный Тигр, и я все тут подожгу, если эти вооруженные грабители не возвратят мои вещи сейчас же.

Двое старейшин сделали еще одну попытку успокоить Папу. Но он отшвырнул их и продолжал изрыгать проклятия, страшный, как зверь.

Где-то в бараке начали ссориться муж с женой. Через какое-то время дверь открылась, и один из кредиторов робко вышел, неся в руках стол. С поникшей головой он подошел к нашей ком-

нате, и голос Папы с ног до головы обливал его презрением. Кредитор поставил стол у двери и поспешил к себе в комнату, но Папа загородил ему дорогу и сказал:

— Ты оттуда его взял, а, ворюга?

— Я не ворюга, ты должен мне деньги.

— Ты оттуда его взял?

Кредитор вернулся и поднял стол. Я был готов открыть ему дверь, но Папа закричал:

— Не открывай дверь этому ТРУСУ!

Кредитор поставил стол, сам открыл дверь, внес в комнату стол и снова вышел.

— Что с моими деньгами? — спросил он вполголоса, проходя мимо Папы.

После короткой паузы Папа швырнул его деньги на пол.

— Вот твои деньги, трус.

Кредитор переводил взгляд с денег, лежащих на полу, на Папу, возвышающегося над ним. Затем он нагнулся и подобрал деньги.

— Деньги убьют тебя, — сказал ему Папа. — Ты пил мое пиво, ел мою еду, и из-за этой ничтожной суммы ты ведешь себя как крыса?

Кредитор заторопился к себе в комнату и закрыл дверь. Слышно было, как он ругается с женой. Потом огни в их комнате потухли.

Папа смущенно стоял в центре прохода, немного обезоруженный отсутствием сопротивления. Он уже шел обратно к нам, когда показался третий кредитор, который тащил ботинки.

— Ты тоже! — закричал Папа, становясь в наступательную позицию. — Так это ты украл мои ботинки!

Третий кредитор вбежал к нам в комнату, поставил ботинки и вышел. Папа стоял перед ним, широко расставив ноги. Настала тишина. Петушки закукарекали. Затем Папа швырнул деньги на пол, и третий кредитор без лишних слов их подобрал, поспешил к себе в комнату и затворил дверь.

Папа стоял, крепко упершись ногами в пол, ожидая какой-нибудь провокации. Он уже начал уходить, когда жена третьего кредитора сказала из комнаты:

— Если ты такой сильный, почему бы тебе не пойти в армию?

— Если я пойду в армию, — ответил Папа, — твой муж будет первым человеком, которого я застрелю.

Я задрожал.

Папа ждал, что кто-нибудь выйдет для разговора, но больше никто не появился. По проходу

пошел гулять ветер. С ним прилетели москиты. Тишина углублялась, и все дома слились с темнотой. Заплакал ребенок, кто-то шлепнул его, и он заплакал еще громче. Проснулись другие дети и заплакали, но постепенно один за другим они стали затихать, и все поселение погрузилось в сон. Папа вернулся к нам.

Он сел на стул. Его ботинки стояли на прежнем месте с той лишь разницей, что третий кредитор намеренно выставил носки ботинок так, что все дырки были напоказ. Стол стоял немного не там, и я его поставил на нужное место. Папа положил на стол ноги и зажег сигарету.

Мама все еще сидела на кровати с окаменевшим лицом и запавшими глазами, положив руки на голову, словно она только что была свидетелем начавшейся трагедии.

Ноги Папы дурно пахли, и я заметил, что его ботинок развалился.

— Нет ли у нас еды? — спросил Папа мягким голосом.

Мама протянула ему еду. Папа помыл руки, пригласил нас присоединиться к нему и начал есть. Мой голод как рукой сняло, и Мама тоже не хотела есть. Папа ел один. У него разыгрался аппетит, и когда он закончил, на тарелке остались

одни обглоданные кости. Тогда голод вернулся ко мне, и я пожалел, что не поел вместе с Папой.

Мама помыла тарелки. Я протер стол и расстелил свой мат. Папа зажег еще одну сигарету и москитную спираль и сел. Он продолжал курить, и только когда я уже засыпал, я заметил, что одна ножка у стула сломана. Папа заснул на трехногом стуле, и я видел, что челюсть его отвисла и лицо успокоилось. Он проснулся от внезапного падения. Я притворился, что ничего не заметил. Он встал, что-то бубня себе под нос. Потом задул свечу и улегся к Маме в кровать.

* * *

На следующее утро в поселении с нами никто не разговаривал. Папа ушел на работу и потому спасся от кривотолков, которые нас везде сопровождали, и молчания, которым нас встретили, когда мы вышли во двор. Мама переносила все терпеливо. Она приветствовала всех людей, встречавшихся ей, и ее лицо оставалось спокойным, если ей не отвечали. Она переносила все стойко, как будто так с ней обращались всю ее жизнь. Мне было тяжелее. Дети глядели на меня с кислыми физиономиями и ясно давали понять, что им не нравится моя компания. Все поселко-

вые люди были единодушны в неприятии нас.

Мы ели кашу с хлебом в комнате, когда Мама сказала:

— С сегодняшнего дня я торгую на рынке. Одна женщина предложила мне арендовать ее столик. Я больше не буду торговать с лотка.

Я был рад этой новости. Мама причесала меня.

— А сейчас иди в школу. Затем будь у Мадам Кото в баре, пока я не приду за тобой, понял?

— Да, Мама.

— Я запру дверь, а ключ возьму с собой, чтобы никто не сделал нам ничего плохого, пока нас не будет.

Я кивнул. Но едва мы собрались идти, как в дверь постучали. Мама открыла дверь и увидела лендлорда.

— Скажите своему мужу, — начал он, не поздоровавшись, — что если он еще раз повторит то, что было прошлой ночью, я вышвырну его отсюда. Мне наплевать, что его зовут Черный Сверчок. Я сам лев. Если это потребуется, я пошлю своих мальчиков проучить его как следует. Если он еще раз причинит мне неприятности, если он еще раз возьмет у кого-нибудь деньги в этом поселении, если он будет угрожать сжечь мои дома, то пусть лучше убирается и поищет себе

другого лендлорда, ты меня слышишь?

Мама не ответила ничего. Ее лицо оставалось каменным. Лендлорд прошелся по проходу, и мы увидели, как он заходит в комнату второго кредитора. Вскоре он появился с двумя другими кредиторами. Лендлорд, окруженный женщинами и детьми, пустился в пространную речь о том, как сложно строить новые дома, о съемщиках, еще худших, чем Папа, которых он уничтожил, и о том, сколько у него власти.

— Если еще кто-то причинит мне неприятности, — сказал он, размахивая фетишем, — я покажу ему, что беда — мое второе имя. Тигр или не Тигр, это мое поселение. Я не крал деньги, чтобы его построить!

И затем в сопровождении женщин и детей он зашагал прочь.

* * *

Какое-то время Мама подождала в комнате, затем вышла на улицу с лотком на голове. Я пошел с ней. Она закрыла дверь и, не дожидаясь меня, чтобы проводить до развилки, быстрым шагом устремилась в сторону, противоположную той, в которую ушел лендлорд. Она не стала выкрикивать свои товары, и я смотрел, как она исчезает

из моего поля зрения.

Я побрел без денег и без единого куска хлеба. Мне не хотелось идти в школу. Я уже сильно опоздал и знал, что буду публично наказан, что меня выпорют в присутствии всех и заставят стоять на коленях на солнце. Вместо школы я пошел к линии домов. Со своими стульями к ограде вышли поселковые женщины, они расчесывали волосы и сплетничали. От них я впервые услышал, какие сплетни ходят вокруг Мадам Кото. Женщины осуждающе говорили о наших с ней отношениях. Они говорили и зло сверкали на меня глазами. Они сказали о Мадам Кото, что она похоронила трех мужей и семерых детей и что она — ведьма, которая пожирает детей, когда они еще находятся у нее во чреве. Они сказали, что она настоящая виновница того, что дети в нашем поселке не растут, что они все время болеют, что мужчинам не удается продвинуться по службе и что у женщин в нашем поселении бывают выкидыши. Они сказали, что она заколдовывает мужей, соблазняет молодых юнцов и отравляет детей. Они говорили, что она соблазняет всех своей бородкой, что каждый день она вырывает из нее по волоску и кладет его в пальмовое вино, которое продает, и в перечный суп, который готовит, поэтому муж-

чины просаживают в ее баре все деньги, забывая о своих голодающих семьях. Они говорили, что она может свести с ума мужчину за одну ночь и что сама она принадлежит к тайному обществу, члены которого летают по воздуху, когда луна полная. Я устал слушать все, что они болтали о Мадам Кото и решил, что лучше б я пошел в школу и был публично наказан.

Глава 4

Когда ранним вечером я пришел в бар Мадам Кото, он был еще закрыт. Я постучался, но никто мне не открыл. Я немного подождал. Мужчина на одной ноге и на костылях, сделанных из живых веток, подошел ко мне.

— Закрыто, да? Она его заперла? — спросил он.

— Не знаю.

— Обидно, — ответил он.

Его волосы были в песке, лицо искажено так, будто однажды он стал свидетелем великого зла. Обрубок ноги был замотан в грязное тряпье. Он посмотрел на доску объявлений, сплюнул и побрел прочь. Я пошел на задний двор. Там горел костер. Котел Мадам Кото с перечным супом вовсю кипел. Поднимающийся от него пар был

похож на измученного джинна. Вдали, в зарослях буша было скрыто массивное тело Мадам Кото. Сначала я подумал, что она занята чем-то интимным, и посмотрел в другую сторону. Но когда я взглянул снова, она уже была на ногах и изучала белые бусы, которые зарыла в землю ночью и сейчас отрыла. Она появилась из буша с острой мотыгой в одной руке и белыми бусами в другой.

— На что ты так смотришь? — грубо спросила она, пряча бусы.

— Ни на что.

Она поспешила в свою комнату.

Когда я увидел ее снова, белые бусы висели на шее. Она подошла к огню и бросила в котел нужные специи. Суп издал любопытный свист, почти протестуя, но вскоре бодро забулькал в своем котле. Затем из него пошла пена и перевалила через край, почти затушив огонь. Мадам Кото сказала супу:

— Уймись!

Огонь притих. И к моему удивлению суп успокоился, как будто он и не кипел.

— Бар закрыт? — спросил я.

— Да.

— А что случилось?

Она ничего не ответила. Суп вновь забурлил.

Из котла повалила зеленая пена, суп забурлил как-то уродливо, клейкими пузырями, и когда пузыри стали лопаться, в воздухе поплыли сильные ароматы.

— Что вы кладете в суп?

— Демонов, — ответила она, смотря на меня пристально.

— Чтобы привлечь посетителей?

Она снова уставилась на меня, и в глазах ее горело любопытство.

— Откуда у тебя эти мысли?

— Ниоткуда.

— Так почему ты спрашиваешь?

— Просто спрашиваю.

— Не задавай так много вопросов, понял?

Я кивнул.

— Ты голодный?

Да, я был голодный, но я сказал: «нет». Она манерно улыбнулась, что не сделало ее менее пугающей, и сказала:

— Смотри за супом, я скоро приду.

Она пошла в направлении своей комнаты и как только она ушла, горшок зашипел и стал переполняться.

— Уймись, — сказал я.

Суп забурлил и мощная волна пены перелилась

через края. Прежде чем я смог что-то сделать, пена полностью затушила огонь, замочила дрова, и суп потек зеленым ручейком по песку.

— Мадам Кото! Огонь погас, — позвал я ее.

Она вернулась, посмотрела на огонь, увидела, что суп окрашивает песок в цвет прелой травы, и сказала:

— Что ты с ним делал?

— Ничего.

Она наклонилась и вновь разожгла огонь, подув на дрова. Я смотрел на мягкие складки на ее шее. Она встала.

— Не трогай его, — сказала она и уже была готова пойти к себе, когда мы вдруг услышали какой-то шум у входа в бар.

Двое мужчин, один толстый, с перебинтованной шеей, другой солидный, опирающийся на синюю трость, стучали в дверь бара.

— Мадам, вы еще не открыты? Мы хотим отведать пальмового вина и вашего знаменитого перечного супа.

— Пока закрыто. Приходите позже.

Они были явно разочарованы и, сказав что-то про то, как люди несерьезно относятся к своему бизнесу, ушли.

— От таких жди только бед, — сказала Мадам

Кото и ушла к себе принять свою обычную ванну, прежде чем начнут стекаться вечерние посетители.

* * *

Я смотрел за супом. Мне стало очень жарко от огня и адского солнца. Мне надоел этот суп. Он кипел довольно ровно. Он больше не бурлил и, кажется, в нем уже не осталось демонов. У бара то и дело появлялся какой-нибудь нетерпеливый посетитель и принимался колотить в дверь, и мне приходилось идти и говорить ему, что бар еще закрыт. Было видно, что у них сильно пересохло в горле и языки только что не свисали на плечи, когда они смотрели на меня. Вскоре я убедился, что с супом больше ничего не случится, и вышел прогуляться по просекам охладить свой пыл.

Медленно, но верно, день за днем и месяц за месяцем, вырубали просеки. Заросли выжигали, высокую траву срезали, пни выкорчевывали. Район менялся. Места, где росли густой буш и низкие деревья, становились открытыми пространствами с мягким речным песком. Я слышал звуки где-то работающих землечерпалок, разных машин, которые строили дороги, вырубали леса, и песни, которые запевали в такт рабочие,

напрягая мускулы. Каждый день район становился немного другим. Дома возникали там, где еще недавно был лес. Там, где вчера дети играли в прятки, сейчас лежали кучи песка и стояли фундаменты домов. На деревьях висели знаки и доски объявлений. Мир менялся, и я шел и гадал, есть ли в нем хоть что-то постоянное.

Много времени ушло у меня на то, чтобы дойти до леса. Казалось, что сами деревья отступили, чувствуя, что они проигрывают спор с человеческими существами. Чем дальше я шел, тем больше я замечал перемен. Земля везде была покрыта белым песком. Тут и там лежали груды битых кирпичей с цементом. Дальше по дороге попадались кучи сухих экскрементов. Их запах входил в состав воздуха. Я встал под поникшим бамбуковым деревом и передо мной возник кот. Он посмотрел на меня и пошел в лес. Я последовал за ним, и мы подошли к вырубке, усеянной листьями и всходами каучуковых деревьев. Здесь было очень прохладно, и казалось, что так пахнет тело Великой Матери. Перешептывались насекомые и вокруг голосили птицы. Пробежала антилопа со своим выводком. Я лег и уснул. Я спал не долго, когда услышал свое имя, разносящееся эхом по лесу. Я вспомнил о Мадам Кото и

поспешил в бар. Когда я пришел на двор, пламя уже было погашено, и горшок передвинут с очага на пол. Мадам Кото вышла из своей комнаты, и я сказал:

— Я думал, вы моетесь.

— Моюсь? С чего это? Где ты был?

— Играл.

— Где?

— На просеках. Я думал что вы…

— …моетесь. Пошли!

Я последовал за ней. Она открыла заднюю дверь бара. В баре посветлело, и со столов начали разбегаться ящерицы. Скользкий геккон вскочил на стену. В баре был страшный беспорядок. Его было почти не узнать. На полу растеклась рвота, скамейки разбросаны и перевернуты, столы сдвинуты со своих мест, везде валялись рыбьи и куриные кости, разлитое пальмовое вино дурно пахло и над ним летали мухи, по стенам ползали колонны муравьев. Все помещение выглядело разоренным. Оно напоминало ограбленный и обезлюдевший рынок.

— Что произошло? — спросил я.

— Такие вот клиенты, — коротко ответила Мадам.

Мы принялись наводить уборку. Я подмел пол

и смел всех муравьев. Мы передвинули столы. Она посыпала песком рвоту и вымела ее во двор. Мы переставили скамейки. Я побрызгал пол водой и снова все подмел. Те места, куда помочился сумасшедший, все равно остались зеленоватыми. Косоглазые духи исчезли. Когда мы двигали столы, Мадам Кото пукнула. Я был потрясен этим внезапным неприличным звуком. Она и виду не подала, что я заметил. Она побрызгала раствором на места, где была рвота и затем открыла входную дверь, чтобы вошел свежий воздух. И только потом пошла мыться.

Ветер так и не вошел в бар, было очень душно и чувствовалось зловоние Мадам Кото. Я вышел прогуляться и когда вернулся, этот запах прошел. Я сидел в своем углу, пока Мадам Кото воевала со своими калабашами и тыквинами. Какие-то ее подруги пришли повидаться с ней по пути с рынка.

— А вот и муженек моей дочери, — сказала одна из них, пройдя мимо меня с подносом на голове.

На дворе они судачили о политике, о громилах в политике, о том, как начальники и бизнесмены сорят деньгами, устраивая праздники и вечеринки. Мадам Кото покормила их, они помолились за ее процветание и ушли. Их голоса, удаляясь по

улице, звучали низко и сладко.

* * *

Спустился вечер, но бар все еще оставался пуст. Никто не пришел; я заснул и проснулся из-за ящерицы, которая упала со стены. Я встал и увидел мужчину, сидевшего за столиком. Один глаз у него был провален, и нижняя губа была неестественно толстой. Он говорил тяжелым медленным голосом, словно слова были слишком объемны, чтобы легко скатываться с его большой губы.

— Значит, так вы обслуживаете клиентов? — спросил он.

Я позвал Мадам Кото. Она пришла, и человек сказал:

— Не пришли ли еще мои друзья?

— Какие такие друзья?

— Мои друзья.

— Никто еще не подошел. Вы хотите пальмового вина?

— Я буду пить только, когда придут мои друзья. У них все деньги.

— Я могу обслужить вас, — сказала Мадам Кото, — а когда они придут, то они заплатят.

— Я лучше подожду, — настоял мужчина.

Мадам Кото ушла. Мужчина сел прямо. Затем он закрыл свой единственный хороший глаз, заплывший глаз был открыт. Вскоре мужчина заснул и начал храпеть.

Некоторое время я внимательно смотрел на него, пока не услышал, что в баре вдруг стало полно народа. Я огляделся, и не увидел никого, кроме мужчины. Но бар был заполнен пьяными голосами спорщиков, смехом, едкой бранью и неудержимым весельем сильно пьющих людей. Я пошел и сказал об этом Мадам Кото.

— Чушь! — ответила она, следуя за мной.

Но когда мы пришли, эти голоса уже материализовались.

— Полно народа, — ответила она, изучая меня.

Я был удивлен; но когда я присел, мое удивление перешло в изумление. Люди в баре были страннее, чем когда-либо мне доводилось видеть. Группа, рассевшаяся вокруг человека с заплывшим глазом, выглядела почти как он сам: заплывшие глаза и большие губы в кровоподтеках. Сначала я подумал, что все они боксеры. Затем я заметил, что у двоих из них только по одной руке, а у первого человека на руках по три пальца. На каждом из них он носил кольцо. Они говорили громко, но их голоса были непропорци-

онально мощными по сравнению с движениями губ.

Напротив них сидели двое мужчин, одинаково одетые в агбада* из материи с отпечатанными рыбами. Оба они носили кепки и очень темные очки. Я был уверен, что они слепые, но они разговаривали и жестикулировали так, будто имели перед глазами нормальную картину. Мужчина за другим столиком сидел в одиночестве. У него на руке не было больших пальцев, и его голова, удивительно искривленная, как клубень ямса, была совершенно лысой. Он носил наручные часы, которые громко тикали, и когда он зевнул, я увидел, что у него нет зубов, несмотря на то, что выглядел он очень молодо.

* Агбада — нарядная мужская одежда.

Неподалеку от него сидела женщина, чья кожа была скорее цвета индиго, чем темно-коричневой. Женщина обнажила плечи, не улыбалась и не разговаривала.

Мадам Кото пришла обслужить этих людей.

— Вот мои друзья, — сказал человек с заплывшим глазом.

— Откуда вы родом? — спросила Мадам Кото.

— Отсюда. Из этой страны, из этого города. Здесь

мы живем, здесь мы умрем.

Как только он закончил говорить, в бар вошли два альбиноса. Они были в веснушках, с зелеными глазами, и довольно красивые. Их глаза то открывались, то закрывались, словно они не выносили света. Когда они вошли, компания поприветствовала их. Они улыбнулись и заняли места напротив беззубого молодого человека.

— Что вы хотите заказать? — спросила Мадам Кото.

— Пальмовое вино, естественно, и ваш знаменитый перечный суп, — сказал первый человек.

Мадам Кото ушла, чтобы принести вино и суп. В ее отсутствие зашли очень высокие мужчина и женщина. У них были очень длинные ноги, довольно короткое тело, маленькие головы и такие крошечные глаза, что я смог различить их светящиеся точечки, только когда они близко подошли ко мне. Они какое-то время стояли прямо надо мной, и затем, как комические актеры, склонились ко мне, держа прямо свои ноги, и сказали голосами, которые могут быть только у детей:

— Пожалуйста, мы хотим немного перечного супа.

Я побежал и рассказал о них Мадам Кото.

— Оставь меня, я приду!

Я вернулся. Высокая пара сидела за моим столиком. Они сидели прямо и их ноги неуклюже устроились под столом, и я заметил, что у них самые длинные шеи, какие мне только доводилось видеть у людей.

— Вы политики? — спросил я.

— Что? — спросил мужчина детским голоском.

— Политики.

— А что это такое?

— Вы не политики, — сказал я, закрывая тему разговора.

Они продолжали смотреть на меня, и я увидел, что лица у них очень смущенные. Я пытался сидеть рядом, не замечая их, но женщина вынула перо из своей юбки и протянула мне.

— Нет, спасибо, — ответил я.

Она улыбнулась и засунула перо обратно. Мадам Кото появилась с тыквинами пальмового вина, и голоса причудливо взвились в общем ликовании. Я взял у нее стаканы и чашки и раздал их. Когда я поднес чашки людям в темных очках, один из них схватил меня за руку и спросил, как меня зовут.

— Зачем вам?

— Ты нам нравишься. Мы хотим взять тебя с собой.

— Куда?
— Куда угодно.
— Нет.
— Да.

Я попытался вырвать руку, но хватка была очень сильная и костистые пальцы вдавились в мою плоть.

— Нет.
— Да.

Я снова потянул руку, она посинела и стала кровоточить. Я закричал, но голоса в баре были такие громкие, что они полностью перекрыли мой крик. Я нанес удар ногой, промахнулся и поранил большой палец о ножку стола. Затем я вцепился ему в лицо и сорвал его очки. Оба его глаза были совершенно белые. Должно быть, они были сделаны из молока. Они были белые, чистые и неподвижные, как будто они, не сформировавшись, застряли в пустых глазницах.

Я открыл рот, чтобы закричать, но мужчина засмеялся так громко и его рот был такой черный, что я застыл, не издав ни звука. Я не мог двинуться. Я почувствовал себя прикованным, как будто заживо ощутил трупное окоченение. Затем острая боль прошла у меня по спине и закончилась в голове, и я проснулся, обнаружив

себя в своем обычном углу, напротив высокой пары с маленькими глазками, смотревшими на меня. Все остальные пили. У всех посетителей на столах стояли дымящиеся котелки с перечным супом. Посетители медленно пили и разговаривали странными голосами.

Двое мужчин-альбиносов продолжали ерзать на месте и резко дергаться, казалось, им мешают их тела. Альбиносы молчали. Молчал и беззубый человек. Все смотрели на меня. В бар зашли другие посетители: человек с головой, как у верблюда, женщина с ужасно деформированными бедрами, человек с белыми волосами и карлик. Женщина несла на спине большой мешок, который она отдала альбиносу. Альбинос развязал мешок, встряхнул его, так что поднялись облака пыли. Они упорно на меня смотрели и потом спрятали мешок под стол.

Четыре человека, которые только что пришли, искали места, чтобы сесть, и сгрудились возле моего столика. Мне пришлось уступить им стол. Я взял маленький табурет, сел рядом с глиняным котлом и стал наблюдать за переполненным баром.

Мадам Кото в своем ожерелье из белых бус излучала силу. Вечер густел, и она становилась

все более темной и величественной, в то время как клиенты начали распоясываться. Ничто ее не задевало, даже то, что мужчины начали к ней приставать. Первый человек с большим глазом, который все распухал, пока он пил, как будто этот глаз был желудком, сказал ей:

— Мадам, идите сюда и сядьте мне на колени.

— Давайте посмотрим, сможете ли вы удержать стакан вина, прежде чем вы удержите меня, — ответила она с достоинством.

— Эта мадам слишком гордая, — сказал другой из этой компании.

— Гордая и сильная, — ответила она.

— Присядьте ко мне, давайте поговорим о женитьбе, — сказал человек с головой, похожей на клубень ямса.

— Женись на себе.

— Так вы думаете, что я недостаточно мужчина? — спросил первый человек, протягивая к стакану вина свои три пальца.

— Нет, — ответила она.

Бар загрохотал от странного иронического смеха. Мужчина в темных очках смеялся больше всех и барабанил по столу.

— Наверное, этот мальчик — ее муж, — сказал другой мужчина, отставляя свой стакан и поти-

рая его.

Его белые глаза не двигались. Они были похожи на птичьи, и я не мог сказать, на что они смотрят.

— Это мой сын, — сказала она.

— Это правда?

— Да.

— Не могли бы вы нам его продать?

Внезапно бар затих. Мадам Кото уставилась на мужчин в темных очках. Все остальные посетители осторожно за ней наблюдали. Затем она повернулась ко мне, и глаза ее засветились от любопытства.

— Зачем?

— Чтобы мы взяли его с собой.

— Куда?

— В разные места.

— За сколько?

— Столько, сколько вы захотите.

— У вас что, так много денег?

— Очень много.

Тишина в баре стала абсолютной. Затем засмеялся карлик. Он блеял, как козел. Высокий человек с маленькими глазками тоже засмеялся. Его смех звучал, как крик гиены.

— Назовите свою цену, Мадам.

Мадам Кото посмотрела на посетителей, как будто видела их в первый раз.

— Кто-нибудь еще хочет пальмового вина?

— Пальмового вина! — закричали все в унисон.

— И перечного супа!

И они снова разразились смехом, продолжая горлопанить, как будто ничего не произошло.

Мадам Кото обслуживала их, и они ели, пили, и все им было мало. Они выпили уйму вина и не захмелели. Они сидели, попивая вино и разговаривая, словно вино — это вода. Напились только двое в темных очках. Они продолжали потирать свои полупустые стаканы. Один из них даже достал свой глаз, протер его, подул на него, утопил в пальмовом вине и вставил обратно в красную глазницу. Затем он снова надел очки. Посетители грызли и глотали куриные кости. Они ели и пили так много, что Мадам Кото стала приходить в отчаяние. У нее вышли все запасы еды и питья, а вечер еще не стал ночью. Она бегала взад-вперед, разожгла новый огонь, давала торопливые распоряжения по поводу пальмового вина, и в это время ко мне подошел карлик. Заразительно улыбаясь, он сказал:

— Возьми это. Тебе это пригодится.

Он протянул маленький перочинный ножик. Я положил его в карман и забыл о нем. Затем карлик вышел на задний двор. Я слышал, как он писает в буше. Он вернулся, улыбаясь, и затем без единого слова вышел, не заплатив. Я сказал об этом Мадам Кото, и она спросила:

— Какой такой карлик?

Я пошел обратно в бар и сел. Высокий человек сказал:

— Пойдем с нами.

— Куда?

— Я возьму тебя в путешествие вокруг света. Пешком. Все свои путешествия я совершаю пешком. Как верблюд.

— Нет.

— Если ты не согласишься, мне придется взять тебя силой.

— Ты не сможешь.

Он улыбнулся. Женщина тоже улыбнулась. Я решил, что они более пьяные, чем я думал, и перестал обращать на них внимание.

В баре было столько людей, что не осталось ни одного свободного места. Некоторые сидели на полу. Меня столкнули с моей табуретки. Запахи в баре стали странные и невыносимые — запахи трупов и дождя, орегана, манго и гнилого мяса,

запахи благовоний и козлиной шерсти. И затем внезапно я понял, что не понимаю ни слова из того, о чем говорят посетители. Они разговаривали так, как будто давно знали друг друга. Они говорили на иностранных языках и то и дело показывали на фетиш Мадам Кото. Казалось, он их развлекал. Затем они пристально смотрели на меня, что-то высчитывали на пальцах, смеялись, пили, успокаивались, и снова смотрели на меня.

Вошла Мадам Кото и объявила, что ее запасы вина и еды закончились. Она потребовала, чтобы они заплатили и покинули бар. Посетители хором выразили неудовольствие.

— Платите и уходите, — сказала Мадам Кото. — Заплатите и уходите. Бар закрывается на ночь.

Никто не удостоил ее вниманием. Ее терпение иссякло, и она порывисто вышла из бара. Голоса зазвучали еще громче и развязнее. Раньше я слышал только голоса прежде, чем появились люди. Теперь я слышал голоса, и, осмотревшись вокруг, не нашел посетителей. Не веря своим глазам, я закрыл их, и, когда открыл снова, бар был пуст и в то же время шумел как никогда. Оставались только два альбиноса и одна красивая женщина, которую я не заметил раньше. На дальнем столе лежали две пары темных очков. Первый, чело-

век с распухшим глазом, его компания, похожая на него, высокая пара и два человека с белыми глазами, все куда-то исчезли. В самом баре стало тихо, все примолкло за исключением ветра, едва посвистывавшего под потолком, как будто где-то прошел ураган, оставшийся незамеченным.

— Куда все ушли? — спросил я альбиноса.

Прекрасная женщина улыбнулась мне. Альбинос завертелся, заерзал, встал на ноги и открыл мешок. Женщина сбила меня с толку своей улыбкой. Альбинос вдруг набросился на меня и накрыл мешком. Я боролся и сопротивлялся, но они мастерски затолкали меня в мешок и завязали его, поймав меня, как зверя. И пока я отбивался руками и ногами, я слышал все звуки мира, голоса всех людей, которые были в баре. С воодушевлением они говорили на нелюдских языках, словно размечая карту похода в далекие земли. Охваченный страхом, неспособный двигаться, окруженный темнотой и трупными запахами мешка, я закричал:

— Политики! Политики украли меня!

Но голос мой был еле слышен, как будто я кричал во сне. И даже если бы я закричал громовым голосом, никто бы меня не услышал.

Они пронесли меня по многим дорогам, неся за

плечами в мешке. Они переворачивали мешок на грудь, передавали с плеча на плечо, и мешок все сильнее и сильнее сжимал меня. Я слышал грохот грузовиков и машин, беспорядочный рыночный гвалт. Все время я пытался освободиться, как пойманный зверь. Но чем больше я боролся, тем туже они стягивали мешок, пока у меня и вовсе не осталось свободного места, чтобы развернуться. Мои ноги были рядом с головой, и шея была согнута так, что вот-вот могла сломаться. Я не мог дышать и боролся уже со своей паникой, которая накатывала на меня волнами. Пустота смерти предстала передо мной. Я закрыл глаза. Когда я их открыл, ничего не изменилось. И я уснул странным сном, в котором фигура нашего короля, в золотом великолепии, возникла передо мной и тут же исчезла. Духи-спутники запели у меня в ушах, приободряя меня тем, что скоро я к ним присоединюсь. Я не мог избавиться от их пения и сам не был уверен, что хуже: быть завязанным в мешке и унесенным незнакомыми людьми в неизвестном направлении, или слушать, как духи-спутники оркеструют мои испытания своими сладкими и мучительными голосами.

Когда мои силы иссякли, и я уже ничего не мог делать, я воззвал к нашему великому королю и

сказал:

— Я не хочу умирать.

Я еще не успел закончить, как фигура короля снова возникла передо мной; у него было лицо карлика. Я перестал слышать звуки снаружи, кроме разбивающихся волн, струящейся воды и причитания птиц. И вдруг вспомнил о перочинном ножике, который подарил мне карлик. Я обыскал свои карманы, обыскал мешок, но не смог ничего найти. Мой страх стал невыносимым. И затем пришло спокойствие. Я сдался. Я принял свой жребий.

В мешок сочилась вода. Я подумал, что меня забрали в подводное царство, где, говорят, живут особые духи. Пока я пытался выплюнуть воду изо рта, я почувствовал, как что-то твердое, словно замороженная рыба, стукнуло меня по голове. Это был перочинный ножик. Не теряя времени, я начал разрезать мешок. Ткань была очень грубой, и хотя вода немного смягчила ее, у меня ушло немало времени, чтобы разрезать мешок, и когда я сделал это, мир снаружи был черен, как на дне колодца. Я упал в воду с брызгами.

— Мальчик убежал! — донесся крик.

Было очень темно, река была самой ночью, вода обжигала холодом. Я, не двигаясь, скрывался под

водой. Затем почти беззвучно я поплыл назад к берегу, чувствуя себя в своей стихии.

Я продирался через камыши и болотные тигровые лилии, переступал через перекрученные корни мандрагоры, кишащих угрей, и когда ступил на мягкий илистый песок, я побежал, что есть мочи, и вскоре достиг главной дороги. Было очень темно; я был голодный, мокрый, потерянный и вокруг себя слышал голоса, порочные голоса моих духов-спутников, завывающих в печали. Я бежал до тех пор, пока дорога не стала рекой из голосов, и каждое дерево, машина или человек стали говорить со мной, коты перебегали мне дорогу, а люди со странными ночными лицами понимающе смотрели на меня. На перекрестках на меня свирепо оглядывались какие-то встречные люди, и казалось, они вот-вот набросятся на меня. Всю ночь я ото всех спасался бегством.

Дорога была бесконечной. Одна дорога вела к тысяче других, на повороте она превращалась в тропинку, которая выводила на грязный тракт, который становился улицей, заканчивавшейся авеню, и потом заводила в тупик. Везде посреди старого мира возносился к небу мир новый. Рядом с лачугами и цинковыми хибарами высоко и неприступно вырастали небоскребы. Строи-

лись мосты; полуотстроенные эстакады были похожи на лестницы в небо или на видения будущего, когда автомобили будут уметь летать. Строящиеся дороги были запружены тяжелыми машинами. Тут и там прямо под звездами спали ночные сторожа, повесив тусклые лампы — свое единственное земное освещение.

Луна была круглая и большая и казалась лицом грозного короля. Меня утешало ее присутствие. Во мне рос ужасный голод по осмысленному направлению, по маминому лицу и запахам Папы. Я проходил мимо керосиновых ламп дремлющих уличных торговцев.

— Маленький мальчик, куда ты идешь в такое время? — часто спрашивали они меня, но я никому не отвечал. Я все брел и брел, пока мои босые ноги не покрылись ранами. И затем, идя во мраке потерянности, я увидел перед собой рассеяный свет — крошечную луну размером с человеческую голову. Я пошел за ней, и она вела меня по многим дорогам. И когда я пришел в район, который был мне чем-то знаком, ноги отказались мне служить, и я упал прямо на дороге. Я подполз к ближайшему дереву и между его гигантских корней, которые вздымались над землей, заснул под присмотром убывающей луны. Меня донима-

ли москиты. Навязчивые муравьи жалили ноги. Но я все это проспал, видя во сне пантеру.

Когда я проснулся, луна все еще была в небе, как призрак, который отказывался уходить под напором дневного света. Занималась заря. Надо мной с озадаченными лицами стояли несколько человек.

— Он не мертвый! — закричал один из них.

Я быстро встал; они пошли на меня, широко раскинув руки, и я бросился бежать от них. Занимался рассвет, я бежал вместе с солнцем, скакавшим по небу. Воздух становился жарче, песок под ногами стал теплым; женщины в белых балахонах из новых церквей Африки звенели в колокольчики и кричали спящему миру, что он должен пробудиться и покаяться. Я миновал пророков, выходивших из леса с росой и листьями на волосах, в их бородах запуталась паутина, в глазах их стояли видения. Я прошел мимо волшебников с мачете, поблескивавшими на утреннем солнце, они приносили на заре в жертву красных петухов, быстро бормоча на неисхоженных тропинках заклинания в рифму. Также я проследовал мимо рабочих, которые рано проснулись и с лицами, подернутыми сном, шли через туман, уничтожаемый солнцем, к

своим гаражам и автобусным стоянкам.

Мои ступни бодро переступали по тропинке. Роса омыла мне лодыжки. Голод иссушил губы. Торговцы новостями трубили сквозь зарю на своих рожках, объявляя просыпавшемуся миру о недавних скандалах на арене политического насилия. Трудолюбивые женщины города, неся на головах корзины ароматных перченых кушаний, разжигали аппетиты мира своими сладкими голосами. Дорожные черви лакомились кровавыми порезами моих ног.

Я подошел к знакомому месту; страстно муэдзин призывал к молитвам исламский мир. Я свернул за угол и пошел по тропинке, и когда она превратилась в большое шоссе, ко мне побежали трое мужчин в голубых халатах. Я прыгнул в буш, побежал между деревьев и крикнул в лес, который ответил мне эхом. Птицы вспорхнули с веток, и стайка слетела с верхушки дерева. Я оставил позади мужчин, но продолжал свой бег, так как мне казалось, что мир полон существ, которым по разным причинам от меня что-то было нужно.

На лесной дорожке я внезапно наступил на тарелку с дорожными жертвоприношениями. На блюде были разложены большие куски жа-

реного ямса и рыбы, тушеные улитки, политые пальмовым маслом, рис и орехи кола. Осколки тарелки и маленькие косточки застряли в моих ступнях. Потекла кровь. Я был такой голодный, что съел все, что было отдано в жертву дороге, но через какое-то время живот у меня свело, и меня окружили видения дорожных духов, голодных и раздраженных. Мои ноги продолжали кровоточить, и кот с золотыми глазами шел по следу моей крови. Меня преследовали галлюцинации. Я шел по битому стеклу, по горячему песку тропинок в буше, по горячему гудрону нового шоссе.

Мне казалось, что все дороги были наделены жестоким и безудержным воображением. Дороги множились, самовоспроизводя себя, разветвляясь во все стороны, замыкаясь на себя, как змеи с хвостом во рту, закручиваясь в лабиринты. Дорога для меня стала самой жуткой галлюцинацией — ведя по направлению к дому, как выяснялось затем, вела от дома, это была дорога без конца с большим количеством знаков и без направления. Она стала моей мукой, моим бесцельным странствием, и я обнаружил, что я иду лишь для того, чтобы понять, где она кончается, где у дороги конец.

Наконец я вышел к месту, где, мне казалось,

кончались все пути. На дорогу было свалено дерево ироко. Дерево было гигантским, а его пень — сучковатый и суровый — походил на лица древних воинов. Казалось, что в конце всех дорог лежит мертвой чья-то великая душа. Чуть поодаль дорога сваливалась в глубокую яму. По другую ее сторону стояли грузовики с песком. В самом пне роились странные звуки, в его дуплах эхом звучали голоса. Я присел на сук дерева перевести дыхание. И затем, пока духи дороги еще буйствовали во мне, я увидел, как из леса вышел двуногий пес. Он остановился и оглядел меня. Я был так удивлен, увидев пса на двух лапах, что забыл о голоде и боли. Он стоял на левой передней и правой задней лапах, покачиваясь, будто на невидимых костылях. Пес уставился на меня. И потом с тяжелой неизбывной грустью повернулся и поковылял прочь. С изумлением наблюдая за его поступью, я пошел за ним почти из любопытства.

Двуногий пес повел меня через лес. Это был довольно приземистый пес, с напряженным взглядом и затейливым хвостом. По его ушам сновали блохи. Я хотел избавить пса от блох, но сдержал себя и шел за ним, держась на дистанции, пока мы не подошли к вырубке. Я узнал ее.

Пес проковылял дальше в лес. Я смотрел, как он уходит, один раз он остановился и посмотрел на меня. Я помахал ему, но пес не понял моего жеста. Он поковылял, одинокий и мужественный пес с печальной мордой, на двух лапах.

Я продолжил путь домой. На опушке леса я увидел Мадам Кото, в руках она держала тарелку с курицей и ямсом. На ее шее больше не было белого ожерелья. Она остановилась у края дороги, посмотрела во все стороны, чтобы быть уверенной, что никто за ней не подсматривает, и предалась страстной молитве. Я наблюдал ее тайную пылкость. Когда она закончила со своими молитвами и песнопениями, то зажгла свечу и поставила ее на тарелку. Рядом со свечой она положила палочку каолина и несколько каури. Затем она распрямилась, поправила платок, осмотрелась по сторонам и поспешила обратно. Я не остановился у ее дорожного подношения. Я пробежал мимо фасада бара. Я бежал домой.

Глава 5

Папа сидел на трехногом стуле и курил сигарету. На столе стояли тарелки с недоеденной пищей. Мама лежала в кровати. Окно было открыто, и

свет, входящий в комнату, усугублял картину несчастья. Мама кинулась ко мне и обвила меня руками, словно защищая от наказания. Она усадила меня на кровать и стала плакать. Папа не двигался.

— Где ты был? — спросил он страшным голосом.

Было ясно, что никто из них не спал этой ночью. Вокруг папиных глаз были круги от бессоницы. Мама выглядела так, будто за одну ночь она потеряла половину своего веса.

— Где ты был?

— Я потерялся.

— Как ты потерялся?

— Я играл и потерялся.

— Как?

— Я не знаю.

— Что с Мадам Кото?

— Я не знаю.

— Она приходила за тобой сюда прошлой ночью.

Я ничего не сказал.

— Ты не сказал ей, куда ты отправился?

— Я не помню.

— Ты ел что-нибудь? — спросила Мама.

— Не задавай ему таких вопросов, — громко ска-

зал Папа. — Сначала пусть он скажет, где он был.

— Пускай он поспит.

— Вот так, женщины, вы и портите детей.

— Дай ему отдохнуть, потом он все расскажет.

— Если он не будет говорить, он не отдохнет. Из-за него я сегодня не пошел на работу. Я хочу знать, что он делал.

— Азаро, скажи своему отцу, где ты был.

— Я потерялся.

— Где? — Папа повысил голос.

Он сел прямо. Его стул закачался.

— Не знаю.

— Ты паршивый ребенок, — сказал он, взяв стоявший рядом прут, который я не заметил.

Он подошел ко мне, Мама встала между нами, Папа оттолкнул ее, схватил меня за шею своей сильной рукой, согнул меня пополам и хлестнул. Я не заплакал. Он стал меня стегать, но я толкнул его и вырвался из его хватки, а он стал преследовать меня и хлестать по спине, по шее, по ногам. Я бегал по комнате, сбивая вещи, а Папа продолжал сечь меня прутом. Мама пыталась оттащить его, умерить его ярость, но Папа все стегал меня, ударив и ее так, что она вскрикнула. Я не издал ни звука, и Папа так разъярился, что стал бить меня сильнее и сильнее, пока я не

выбежал из комнаты и не побежал в поселение. Он погнался за мной, но я уже добежал до линии домов, помчался по улице и остановился только, когда отбежал от него подальше. Папа прекратил погоню и стоял, угрожая мне прутом. Я стоял и не двигался. Он позвал меня. Я не двигался.

— Иди сюда сейчас же, гадкий ребенок!

Я не двигался. Папа пришел в ярость от того, что не мог догнать меня.

— Иди сюда сейчас же, или ты останешься без еды.

Мне было наплевать на еду, на сон, на все что угодно. Внезапно он бросился в мою сторону, я побежал к бару Мадам Кото, но он догнал меня как раз у дверей. Он схватил меня за ворот рубашки, поднял вверх, отхлестал и потащил домой. В своем гневе он был такой страшный, что я закричал так, как будто он был духом, который заставлял меня идти в неизвестном направлении. Когда он отнес меня в комнату, то бросил на кровать и бил до тех пор, пока пот не проступил у него на груди. Удовлетворив гнев, он отбросил прут и пошел мыться.

С рубцами по всему телу, я остался лежать на кровати. Я стонал, бормоча ужасные проклятия, месть ребенка-духа. Мама села рядом. Когда Папа

вернулся из ванной, он все еще был в гневе.

— Ты — проблема для меня, — сказал он. — Трудный ребенок. Когда я думаю обо всем, что я мог бы сделать — если бы не ты…

Он опять пошел на меня, но Мама решительно преградила ему путь и сказала:

— Ты разве недостаточно его проучил?

— Нет. Я хочу отколошматить его так примерно, что в следующий раз, прежде чем потеряться, он подумает о нас.

— С него довольно. Его ноги изодраны в кровь.

— Ну и что? Если бы я был суровым отцом, я бы еще посыпал перцем его раны, чтобы преподать ему незабываемый урок.

Папа говорил все более гневно, но Мама проявила стойкость, решительно заявив, что больше не допустит никакого избиения. Ворча, жалуясь на свою ношу, на то, какая я для него обуза, приговаривая, каким он сам был хорошим ребенком для своих родителей, Папа надел рабочую одежду цвета хаки. Мама попыталась заставить меня поесть, но я не мог есть в присутствии Папы. Я однозвучно всхлипывал.

— Если ты сейчас же не замолчишь, — прогремел он, хватая ботинок, — я поколочу тебя вот этим ботинком!

— Да, и убьешь его! — добавила Мама.

Я продолжил свои ровные монотонные всхлипывания. Продолжение наказания не могло сделать мне хуже, чем я уже себя чувствовал. Папа одевался в мрачном настроении. Когда он закончил, то взял в руки прут, подошел ко мне и сказал:

— Если ты уйдешь из комнаты сегодня или завтра, ты можешь опять пропасть, потому что я…

Он намеренно не закончил предложение для большего эффекта. Затем он слегка стукнул меня прутом по голове и широким шагом вышел из комнаты. Мне полегчало от того, что он ушел. Мама молчала. Она подождала немного, прежде чем сказать:

— Ты видишь, какие беды ты нам причиняешь, а?

Я подумал, что она тоже собирается отругать меня. Я взял себя в руки, готовясь отразить нападение. Но она встала и ушла, и я лег спать. Она разбудила меня. Она принесла таз с горячим травяным настоем. Пропарила мне ноги и затем особой иглой, нагретой на свечке, вытащила дорожных червяков, проевших дыры в моих ступнях. Но прежде она выманила их горячим пальмовым маслом. После она продезинфици-

ровала мои порезы. Наложила траву на рубцы. Куском тряпки, который оторвала от одной из своих набедренных повязок, она примотала распаренные листья к моим ступням. Листья долго жгли меня. Потом она спрятала иглу и вылила воду из таза. Я залез в кровать. Она заставила меня встать и поесть. Я ел с волчьим аппетитом, она смотрела на меня, и слезы собирались вокруг ее глаз. Поев, я снова залез в кровать. Она собрала свои товары, и, когда мои глаза уже были закрыты, сказала:

— Оставайся дома и закрой дверь. Никуда не ходи. Не открывай дверь никому, кроме меня или отца, ты понял?

Я едва кивнул. С подносом на голове она вышла из барака в поселение и дальше в мир; я закрыл дверь и заснул в нашей комнате, воздух в которой был пропитан несчастьем.

* * *

Папе не пришлось беспокоиться, что я опять куда-то убегу. Я проспал весь день. В нескольких запутанных снах я воевал с трехногим стулом, который пытался похитить меня. Я проснулся только потому, что вернулась Мама. Проснувшись, я почувствовал, что какой-то незнакомый

дух вошел в меня во время сна. Я старался побороть болезненную тошноту и тяжесть в теле, голова казалась мне слишком большой, полной какого-то лишнего места, а ступни словно начали разбухать. Той ночью я видел, как Мама расщепилась на две одинаковых личности, а папина зловещая усмешка множилась на лики жестокости, и когда мои глазницы воспалились, все тело затряслось, а волны иссушающего жара прокатились по нервам, я понял, что подхватил лихорадку.

— У мальчика малярия, — сказала Мама.

— Это хорошо еще, что только малярия, — проворчал Папа.

— Оставь его.

— Почему это оставь? Я, что ли, посылал его гулять весь день и всю ночь? Может быть, ты послала его? Все, что мы сказали ему — иди в бар Мадам Кото и оставайся там. Мы не говорили ему — иди и гуляй и принеси с собой дорожную лихорадку.

— Оставь его. Разве ты не видишь, что его трясет?

— Ну и что? Разве его трясу я? Он, наверное, наступил на какую-нибудь гадость, которую выкидывают на дорогу. Все эти колдуньи и мудрецы,

народные доктора и чародеи, которые смывают всякие гадости со своих клиентов, отмывают болезни и плохие судьбы прямо на улицах, выливают все на дорогу. Он, наверное, наступил на болезнь, и она вошла в него. Посмотри на его глаза.

— Они стали совсем большие!

— Он выглядит, как призрак, как маска.

— Оставь его.

— Если бы он не был болен, я бы выпорол его еще разок.

И затем он сказал мне:

— Ты думаешь немного о нас, а? Как с нас сходит семь потов, чтобы накормить тебя, уплатить ренту, купить одежды, а? Весь день, как мул, я таскаю тяжести. Голова раскалывается, мозги сжимаются, и все для того, чтобы накормить тебя, понимаешь?

Всю ночь он говорил в таком духе. Голова у меня раскалывалась от жара и видений. Голова Папы стала очень большой, глаза его выкатились из орбит, рот стал широченным. Мама была поникшей, исхудавшей и какой-то вытянутой. Они превратились в гигантские тени моей лихорадки. Они возвышались надо мной, как башни, и когда они говорили обо мне, казалось, что они говорят

о каком-то призраке, о том, кого здесь нет. А меня и не было здесь, в комнате. Я был далеко в стране дорожных лихорадок.

Все звуки ночного поселения умножались и эхом прокатывались во мне. Я продолжал отказываться от еды, и, кроме воды, ничего не мог проглотить. Мама несла стражу возле меня со свечой, Папа с сигаретой. Тени бродили по комнате. Я чувствовал, что отступаю от мира людей и вещей. Поздно ночью Мама приготовила мне перечный суп. Он был острый и приправлен горькими травами. Когда я выпил, мне немного полегчало. Затем она налила мне полбокала огогоро с маринованными, сильно пожелтевшими корнями.

— Донгояро, — сказала Мама, настаивая, чтобы я выпил все одним глотком.

— Не будешь пить, я побью тебя, — пригрозил Папа.

Я выпил все за один раз и меня затрясло до самых глубин живота от чудовищной горечи. Ко рту подступила желчь; настойка была такой горькой, что я затрясся от отвращения. Мама дала мне пососать кусок сахара, но слаще у меня во рту не стало. Всю ночь до самого утра во рту стояла горечь.

— Горечь выводит малярию, — сказала Мама, укладывая меня в кровать.

— Горечь — как раз то, что нужно мальчику, — сказал Папа грозным голосом.

Он был все еще зол на меня за то, что они не спали всю ночь, за то, что они так мучились и беспокоились; и сейчас он не мог простить меня, потому что я заболел и не мог быть отдушиной для его раздражения. Защищенный от его ярости лихорадкой, я спал в ту ночь, осаждаемый дурными снами и духами дороги.

* * *

Спустя три дня, в субботу утром, я все еще был болен. Глаза и рот у меня пересохли, и в ушах продолжали звучать птичьи трели. Мама грохотала мисками и убирала комнату. Папы дома не было; Мама сказала, что он пошел работать в гараж. Ближе к полудню пришел Джеремия, принеся фотографии с вечеринки. Мама сказала, что ему придется зайти еще раз. Он поворчал по поводу того, как дорого ему обходятся фотографии бедных людей, но сцен устраивать не стал.

В комнате было очень жарко. Воздух из открытого окна вносил мух и комаров, но не прохладу. Я обильно потел у себя в кровати, пока она не

превратилась в сырое болотце. Мое тело все было изранено, ступни ныли, и головная боль раздирала мозг. Я смотрел, как Мама в сухих облаках пыли убирает комнату. Она выглядела как образец терпения. Она сказала:

— Ты должен слушаться отца и быть осторожным, когда идешь по дороге.

— Да, Мама.

— Дорога глотает людей, и иногда по ночам слышно, как они зовут на помощь, просят достать их из ее живота.

— Да, Мама.

Она вытерла шкаф и приготовила мне еду. Я немного поел. Она помогла мне встать с кровати, чтобы принять ванну. Дневной свет обжигал мне глаза, звуки поселения ударяли по нервам, и взгляды других съемщиков обостряли мое чувство умножения, когда я шел на задний двор. Мама приготовила теплую воду с травами.

— Помойся в ней хорошо, — сказала она.

Когда я снял одежду, стало холодно. Но вода была горячая, и мыло пахло хорошо. Меня повели в комнату, и я почувствовал себя заново рожденным. Мама натерла мне все тело травяным маслом.

— Пришло время пить донгояро, — сказала

она.

Я чуть не упал в обморок от одного воспоминания о его горечи.

— Если все не выпьешь, я не пущу тебя сегодня на улицу.

Я выпил все до дна. Позже я удивлялся собственной моче, которая была темно-желтого цвета из-за этой горечи.

Днем начали доноситься голоса суетящихся людей, подновляющих входы в свои дома. Я слышал болтовню соседей, одни собирались на субботнюю прогулку, другие навестить друзей или родственников. Мама приодела меня в одежду, которую я носил только на Рождество. Она расчесала мне волосы и притерла лицо пудрой, которую я смахнул вместе с потом. Затем нас пришла повидать Мадам Кото.

Она выглядела очень величественно в белом магическом ожерелье, в роскошно отделанном платье и солидной кофте. Она приоделась, словно для визита к богатым родственникам.

— Азаро, что с тобой случилось?

— Я потерялся.

— Ты совсем пропал.

— Нам придется связать ему ноги, — сказала Мама. — Он слишком много гуляет.

Мадам Кото засмеялась и вынула котелок с перечным супом из козлятины.

— Нет ли в нем демонов? — спросил я.

Она бросила на меня строгий взгляд, улыбнулась Маме и сказала:

— Там много мяса и рыбы.

Этот суп был вкуснее того, которым она обычно кормила посетителей. Я тут же все выпил, съел все мясо и рыбу, и живот мой раздулся.

— А мой суп ты так и не доел, — сказала укоризненно Мама.

— Я доел.

Мадам Кото спрятала котелок обратно в сумку. «Выздоравливай скорее и возвращайся в бар, будешь там сидеть, ага?» — сказала она, направляясь к дверям.

Мама вышла ее проводить. Я слышал, как они разговаривают. Они сошли с крыльца, и больше я их не слышал.

Мама ушла надолго. У меня заболели ступни. Затем я снова лег и, находясь между сном и бодрствованием, между мечтами и реальностью, услышал новые громкие голоса, доносившиеся с улицы. Я не мог расслышать, о чем там говорят. Я подумал, что голоса мне мерещатся, что это очередная проделка духов. Дети из барака

бегали туда-сюда по проходу, оживленно что-то обсуждая. Я слышал, как мужчины и женщины говорили возбужденно, как будто у нас на улице показывали какой-то фантастический новый спектакль, открылся базар, начался маскарад, прибыла труппа магов с акробатами и пожирателями огня. Трескучие голоса становились все ближе и ближе и словно летели с крыш всех домов. Барак казался опустевшим, все побежали смотреть, что происходит, и я услышал плач ребенка, которого бросили на время.

Сгорая от любопытства, я встал с кровати. Звякнули пружины, и их звук прошил мне голову и закончился где-то между глаз. Комната закачалась. Трескучий голос снаружи говорил что-то с возвышения. Темнота застлала мне глаза, но затем прошла. Я направился к двери. Проход был пуст. Все поселковые столпились у околицы. Там было полно людей. Все уставились на спектакль, который происходил наверху только что приехавшего фургона. Мужчина в сверкающей белой агбада говорил в мегафон и сопровождал речь выразительными жестами. Впервые в жизни я слышал усиленный голос.

Обитатели улицы окружили фургон, и на их лицах читался голод. Их дети были в рваных

одеждах, с большими животами и босиком.

— Что это такое? — спросил кто-то.

— Политики.

— Они хотят голосов.

— Они хотят наших денег.

— Они пришли обложить нас налогами.

— Я видел их, когда торговал с лотка. Они объясняют, почему мы должны за них голосовать.

— Они вспоминают о нас только, когда им нужны наши голоса.

Человек с фургона говорил сам за себя.

— ГОЛОСУЙТЕ ЗА НАС. МЫ ПАРТИЯ БОГАТЫХ, ДРУЗЬЯ БЕДНЫХ…

— У бедных нет друзей, — сказал кто-то из толпы.

— Одни крысы.

— ЕСЛИ ВЫ ПРОГОЛОСУЕТЕ ЗА НАС…

— Мы скончаемся, — кто-то добавил.

— … МЫ НАКОРМИМ ВАШИХ ДЕТЕЙ…

— …ложью.

— МЫ ОТСТРОИМ ВАМ ХОРОШИЕ ДОРОГИ…

— …которые дождь превратит в канавы!

— … МЫ ПРОВЕДЕМ ВАМ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО…

— …чтобы лучше видеть, как нас грабить…

— … И МЫ ПОСТРОИМ ШКОЛЫ…

— …чтобы учить нас безграмотности…

— … И БОЛЬНИЦЫ. МЫ СДЕЛАЕМ ВАС ТАКИМИ ЖЕ БОГАТЫМИ, КАК МЫ. ДЛЯ ВСЕХ ВСЕ ЕСТЬ. МНОГО ЕДЫ. МНОГО ВЛАСТИ. ГОЛОСУЙТЕ ЖЕ ЗА СИЛУ И СОЮЗ.

К этому времени пересмешничающие голоса умолкли.

— И ЧТОБЫ УБЕДИТЬСЯ, ЧТО ВСЕ ЭТО НЕ ПУСТЫЕ СЛОВА, ПРИВЕДИТЕ К НАМ ВАШИХ ДЕТЕЙ. МЫ РАЗДАЕМ БЕСПЛАТНОЕ МОЛОКО! ДА, БЕСПЛАТНОЕ МОЛОКО ОТ НАС, СПАСИБО НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ.

Снова и снова произносились речи, наполняя воздух изобильными обещаниями, рисуя образы будущего в виде невиданного благополучия, пока, наконец, они не разбили стены нашего скептицизма. Люди оставили сомнения и стеклись к фургону. Чувствуя, как качается дорога, а усиленные голоса звенят у меня в ушах, я пошел за всеми. Я был очень удивлен, увидев нашего лендлорда наверху фургона. На его лице блестела властная улыбка, одет он был в кружевное агбада. В фургоне были сложены упаковки с порошковым молоком, и мужчины с рельефными мускулами, голые по пояс, вскрывали упаковки, зачерпывали молоко желтыми ведрами и насыпали его женщинам, прибежавшим со своей посудой.

Лендлорд, как маг в момент триумфа, протягивал ведра молока вздымавшимся волнам людей. Вокруг меня толчея стала жуткой; толпа обступила фургон с распростертыми руками, гонка за бесплатным молоком сопровождалась яростной какофонией. Толпа раскачивала фургон, крики сшибались в воздухе, из толчеи вопили дети, руки вцеплялись в упаковки, и неистовство стало настолько опасным, что человеку с мегафоном пришлось объявить:

— БЕЗ ПАНИКИ. У НАС ДОСТАТОЧНО БЕСПЛАТНОГО МОЛОКА ДЛЯ ВСЕЙ СТРАНЫ.

Его призыв только усугубил положение: люди поднимали миски, наполняли их, разбегались по домам и возвращались с удвоенным азартом. Вскоре устрашающий прилив мисок и корзин, лязгающих кастрюль и враждебных голосов буквально обрушился на фургон. От испуга лендлорд выглядел болезненно. Его прошиб пот, и он изо всех сил пытался удержать свое агбада, но оно попало в распростертые страждущие руки всех борющихся голодных людей. Чем сильнее он пытался его снять, тем больше оно запутывалось в чужих руках. Получилось так, что сама его одежда стала одним из знаков обещаний партии, бесплатным подарком для всех. По другую сторо-

ну фургона я увидел, как Мадам Кото вступила в переговоры с мужчиной с мегафоном и показывала рукой в направлении своего бара. Вокруг нее теснилась толпа. Женские косынки были порваны, рубашки разодраны, везде рассыпано молоко, оно было на лицах детей и женщин. С лицами, припудренными молоком вперемежку с потом, они были похожи на голодных духов. Толпа напирала, голоса нарастали, и водитель завел мотор фургона. Тогда страсть толпы обрушилась на саму машину, все закричали, и водитель забеспокоился; с лендлорда, наконец, содрали его агбада. Он пытался отнять его, в отчаянии цепляясь за рваные края и умоляя сжалиться. Но толпа, с ее суматошными хватательными движениями, загребая пакеты с молоком из-под ног громил, потащила с собой и агбада лендлорда. Он упрямо в него вцепился, и толпа стащила с фургона самого лендлорда вслед за его одеянием, он упал вниз головой и над толпой в воздухе беспомощно дрыгалась его нога. Один из громил прекратил раздачу молока и схватил эту ногу, пытаясь втащить лендлорда обратно, но проиграл свою битву с неуправляемыми движениями толпы, и лендлорд исчез в столпотворении людских тел. Его агбада передавалось над толпой из

рук в руки, и вскоре так много рук схватило это кружевное одеяние, что агбада прямо в воздухе разорвалось на несколько частей, и лоскуты его голубой ткани летали тут и там, как перья ощипанного попугая.

Когда лендлорд возник снова, его спутанные волосы были в грязи, кто-то просыпал на него молоко — он выглядел как травестийная пародия на Эгангана*, и когда он попытался забраться обратно в фургон, его соратники по партии не пустили его, потому что просто не узнали. Он возмущенно кричал, и охранники, отложив свои занятия, вытолкали его взашей, швырнули на землю и оставили лежать на порядочном расстоянии от фургона. Пришел отважный фотограф с камерой и сделал снимки с жалкого лендлорда и беснующейся толпы. Лендлорд в ярости поднялся, пригрозил кулаком, выругался на партию и, весь в грязи и молочном порошке, в порванной одежде, в мятых брюках, стремительно зашагал прочь, одинокая фигура никчемного бунта.

* Эганган — мифическая фигура, олицетворяющая духов предков; то же ежегодный праздник духов предков в Нигерии.

Фотограф продолжал снимать. Мужчина,

прекратив отмерять молоко, позировал ему с фургона, скалясь зафиксированной улыбкой, в то время как толпа все напирала. Я видел троих могучих мужчин, вдруг схвативших три упаковки молока с фургона; они побежали по улице, а их стали преследовать партийные громилы. От давки пострадало много детей. Мужчина упал в обморок. Кричали женщины. Одной из них подбили глаз. Кто-то, получив локтем в зубы, плевался кровью. Фотограф сделал снимок женщины с подбитым глазом и с корзиной молока на голове. Я видел, как мужчина с глубокими кровоточащими порезами на лице спасался бегством от передового отряда толпы, гнавшейся за ним. Окна фургона были разбиты во время рукопашной. Кровь на земле смешалась с молоком. Я услышал, как закричала Мама. Я начал пробивать себе путь по направлению к ее крику. Я видел, как Мадам Кото покидала поле всеобщего переполоха, не уронив достоинства, ее ожерелье сверкало на солнце. Я искал Маму в этом столпотворении, в жарких парах пота и волнах голодной злобы волнующегося многолюдья. Локтем мне заехали в голову, и чей-то кулак, разбил мне нос в кровь. Я двинулся назад, продираясь через острые локти и яростные ноги. Фургон

внезапно начал движение. Он сбил мужчину и потащил за собой множество цепляющихся тел. Толпа шла за фургоном, напоминая священное шествие. Громилы в фургоне, положившись на диверсионную тактику, разорвали спрятанный пакет и стали швырять в воздух пенни и разную серебряную мелочь. Монеты сыпались нам на головы, мы ловили их лицами, были ослеплены их блеском и бросились их подбирать, забыв о молоке, в то время как фургон отчаливал, треща своими воззваниями и обещаниями партии, называя следующее место, где произойдет новый грандиозный публичный спектакль. Дети побежали за фургоном, но большинство, захваченное водоворотом новой лихорадки, продолжало искать монеты.

Фотограф преследовал фургон, постоянно делая снимки с громил, демонстрирующих свои мускулы, а в это время над нами в воздухе плавали партийные листовки, содержавшие слова, которые мы так и не сможем прочесть. И когда фургон исчез с нашей улицы, а усиленный голос затерялся в глубинах закоулков района, мы стали медленно оправляться от возбуждения. Дорога была усыпана молоком и усеяна листовками партии. Дети искали в пыли монеты. Из группы

женщин вышла Мама — лицо в кровоподтеках, в волосах белый порошок, блузка порвана.

— Я не буду голосовать за них, — сказала женщина с подбитым глазом.

Мама, увидев меня, пошла ко мне и, найдя новый повод для недовольства, крикнула:

— Быстро марш в кровать!

Я побежал по улице. Все раскачивалось. Листовка партии прилипла к моей ноге. Порошок забил мне ноздри. В ушах рос жар. Головная боль стучала между глаз. Я лег на обочине дороги у домов, слушая голоса, сравнивавшие свои впечатления, спорящие о политике. Когда я увидел, как Мама переходит дорогу, я поспешил домой. Мама внесла корзину бесплатного молока, и в ее уставшем взгляде читался триумф. Она поставила корзину на комод, как особую драгоценность. Затем она пошла мыться.

Соседи толпились в проходе и вели без устали долгие дискуссии о том, какая из двух партий лучше, у кого больше денег, какая станет другом бедных, у какой лучшие обещания, и все в этом духе, пока ночь не спустилась на землю, окончательно завершая спектакль прошедшего дня.

Было уже темно, когда вернулся Папа. Он был трезвым и усталым. Он выглядел жалко, двигался

вяло, лицо его было опущено, как будто каждую минуту он мог расплакаться. Он жаловался на голову, на спину, на ноги. Он ворчал о громилах, которые доставили ему неприятности в гараже.

— Сегодня я чуть не убил одного из них, — сказал он, и бешенство сверкнуло в его глазах.

Затем его голос изменился.

— Слишком тяжела ноша. Моя спина трещит. Я должен искать другую работу. Пойду в армию. Займусь вывозом нечистот. Но эта ноша не для меня.

Наступила короткая тишина. Затем Мама рассказала ему о большом событии прошедшего дня и показала ему молоко. Она была очень гордой, что смогла вынести из этого побоища целую корзину.

— Теперь у нас в запасе есть столько молока, — сказала она.

— Не для меня, — ответил я.

— Ты думаешь, их молоко слишком для тебя хорошее, а?

Папа попробовал молоко и сморщился.

— Гнилое молоко, — сказал он. — Плохое молоко.

И затем уснул в кресле, окончательно вымотанный за день. Он не мылся и даже ничего не ел,

от него пахло сухой грязью, цементом, раками и мешками гарри. Мама постояла над ним, думая, что он еще проснется, но Папа заснул, стиснув зубы, и захрапел. Мама растянулась на матрасе, задула свечу и вскоре сама засопела.

Я не мог уснуть, меня все еще лихорадило, и темнота была полна фигур, двигавшихся вслепую. Прежде чем я уснул, я услышал со шкафа какой-то звук и, вглядываясь, увидел, как из молока что-то вырастает. Оно выросло очень высоким, белым и в итоге превратилось в призрачное агбада. В агбада никого не было, одеяние вспорхнуло с порошкового молока и поплыло по комнате. Затем это одеяние, все белое, съежилось, уплотнилось и превратилось в яркую стрекозу цвета индиго. Она зажужжала крылышками и исчезла в непроглядной темноте в углу. Моя головная боль стала мучительной. Странные ночные порождения молока оказались просто моими воспоминаниями о той субботе, когда политика впервые публично появилась в нашей жизни.

Глава 6

В воскресенье нам открылось тайное лицо политиков.

С визитом к нам пришли родственники Папы. Они привели с собой детей, робких и смущенных нарядными одеждами, которые они редко надевали. Стульев на всех не хватило, и Маме пришлось смирить свою гордость и занять стулья у соседей. Поселок кипел политикой. Родственники пришли с визитом, но также они пришли критиковать. Они напали на Папу за то, что тот не посещает их, не приходит на собрания жителей нашего городка, не вносит пай для покупки свадебных подарков, не принимает участия в похоронных делах и финансовых разбирательствах. Папа принял их критику в штыки. Он заявил, что никто ему не помог, никто не появился в период его кризиса; таким образом брань перелетала от одних к другим, вырастая в серьезные обвинения. Каждый говорил на пределе голосовых связок, и в какой-то момент все стали похожи больше на заклятых врагов, чем на членов большого семейства.

Они так распалились, что мне, наблюдающему все это, стало неловко находиться с ними в одной комнате. Их жены и дети старались не смотреть в мою сторону, и я стал подозревать, что они, так же как и мы, стремятся избегать нашего общества. После длительной ругани один из род-

ственников постарался сменить тему, упомянув близящиеся выборы. Более неподходящей темы для разговора нельзя было себе и представить. Началась очередная перебранка, которая буквально забурлила в нашей маленькой комнате. Папа, который поддерживал Партию Бедных, во время споров дрожал всем телом, не в силах сдерживать ярость; наш родственник, поддерживающий Партию Богатых, был очень спокоен, почти презрителен. У него было больше денег, чем у Папы, и жил он в той части города, куда уже провели электричество.

Комната сотрясалась от перебранки, и временами казалось, что родственники сейчас набросятся друг на друга и начнут битву за власть. Но Мама пришла с подносом еды и напитков. Папа послал купить огогоро и орехи кола и обратился к предкам с молитвой, чтобы гармония не уходила из распростертых рук нашей семьи. Родственники ели молча. Поев, они молча пили. Разговор себя исчерпал. Когда тишина стала слишком гнетущей, жены родственников вышли в коридор с Мамой, и я услышал, как они смеются, в то время как мужчины сидели в комнате, смущенные тем, как мало между ними общего.

День уплотнился от жары. Голоса в поселке

зазвучали громче, дети играли в проходе, ругались соседи; родственники сказали, что им пора уходить, и Папа не скрывал облегчения. Одна из жен дала мне пенни и назвала плохим мальчиком за то, что я к ним не захожу. Папа пошел всех провожать. Его не было довольно долго. Когда он вернулся, с ним случился приступ дурного настроения. Он ругал родственные связи и клял всех родственников, у которых было больше, чем у него, денег. Он произнес громоподобную обвинительную речь против Партии Богатых и когда достиг пика своего ораторствования, его взгляд упал на корзину с сухим молоком. Он стащил ее со шкафа и выбежал на улицу. Я слышал, как Мама умоляла его не выбрасывать молоко, а потом глубоко вздыхала. Папа вернулся обратно с пустой корзиной и демонским блеском в глазах.

Мама насупилась, и Папа обнял ее, притянул к себе и стал с ней танцевать; она поначалу отбивалась, но Папа прильнул к ней, и вскоре она уже примирительно хлопала его по спине. Я перевернулся на кровати: лихорадка оставляла меня, и я чувствовал себя лучше с каждым часом. Я слышал, как они танцуют, слышал слабеющие протесты Мамы, слышал, как Папа предложил отправиться на прогулку с визитами. Маме это

понравилось. Папа пошел мыться, и когда он вернулся, в ванную пошла Мама. У нее это отняло немало времени, и пока она пудрила лицо, поправляла складки головного убора, надевала свои браслеты и бусы, свои повязки и белые туфли, поправляла волосы перед зеркалом, Папа уже спал на трехногом стуле. В комнате было очень жарко, и пятна пота проступили на французском костюме — его единственной выходной одежде. Когда Мама была готова, она совершенно преобразилась. Вся усталость от долгих часов работы, худоба ее лица, озабоченное выражение лба — все это исчезло в миг. Ее лицо сияло от свежести, помады и туши для глаз. Цвет кожи был смягчен кремом и румянами. И я увидел в Маме ту невинную красавицу, которая заставляла вибрировать сам воздух деревни, в то время когда Папа впервые положил на нее глаз. От нее шло особое излучение, а каждое ее движение наполняло комнату запахом дешевой парфюмерии. Пот стекал с ее напудренного лица, и глаза горели возбуждением. Она дотронулась до Папы, и он резко проснулся, с кровавыми глазами навыкате и мокрыми от пота лацканами пиджака.

— Вы, женщины, всегда так долго одеваетесь, — сказал он.

— Может быть, мы и бедные, но мы не страшные, — ответила Мама.

У Папы было хорошее настроение. Он протер глаза, сделал глоток огогоро, приказал мне никуда не выходить, просунул свою руку под мамину, и, словно картинка семейного счастья, они вышли в мир.

Я подождал, пока они уйдут. Затем встал, налил себе огогоро, проглотил его и вышел в проход понаблюдать за воскресным днем в поселении.

* * *

Пока день плавно переходил в вечер, плакавшие в поселке дети стали кашлять. Мужчины и женщины выстроились в очередь в туалет, и каждый жаловался на желудок. Женщин раздуло вдвое, и они сидели на табуретках рядом со своими комнатами. Мужчина внезапно отяжелел и его вытошнило возле колодца. Женщины стали кричать, что их отравили, и утверждать, что во внутренностях у них ползают крабы. Дети усугубляли картину вечера монотонным плачем. Как припев, то и дело возобновлялись звуки рвоты.

Все без исключения люди выглядели больными, и, проходя мимо, они смотрели на меня так, словно я был ответственен за их болезни. Вся

радость и добрые чувства воскресенья уступили место стонам, недоуменным крикам и причитаниями о необходимости срочно обследоваться у знахарей. Так продолжалось весь вечер. Поселок превратился в место, где всех рвало; съемщики блевали у ограды и в проходах, в туалете и возле ванных, и сам этот звук начинал по-своему завораживать. Дети, не в силах сдерживать себя, бежали к туалету. Их поили касторовым маслом, чтобы нейтрализовать возможные яды, которыми они отравились. Но все было бесполезно. Я сидел и удивленно за всем наблюдал. Затем одна из жен кредиторов прошла мимо меня, ее скорчило, она повернулась ко мне с широко открытыми глазами, и со стоном, прозвучавшим как проклятие, обдала меня потоком непереваренных бобов, риса и желчи, испачкав мою воскресную одежду. Потом она исчезла на заднем дворе. Я вытер рвоту, пошел к ограде и набил камнями свои карманы. Я остановился, увидев, как Мама и Папа возвращаются с прогулки, и побежал в комнату. Папа был весел и пьян. Мамино лицо сияло от пота и любви, ее глаза блестели, и она излучала красоту.

— Что ты делал там на улице?

Я рассказал Папе о жене кредитора.

— И что ты собираешься делать?

— Кидать в нее камни.

— Иди и кидай! — ответил он.

Я вышел и стал кидать камни в дверь кредитора, промахнулся и разбил окно.

Кредитор вышел на улицу, выглядя безнадежно больным.

— Ты что, сумасшедший? — спросил он, потрясая мачете.

— Ваша жена облевала меня, — сказал я.

Кредитор разразился смехом, который ускорил позыв к рвоте, и он ринулся во двор.

— Все наверное съели что-то не то, — сказал Папа.

Мама заговорила о том, как странно везде видеть больных людей, ведь всех без исключения рвет на улице и дома. Все друзья, к которым они заходили, были больны. Кажется, что чума пришла к нам, пробравшись в самые наши внутренности.

— Весь мир болен, но моя семья чувствует себя отлично, — гордо заявил Папа. — Вот так Бог творит справедливость. По плодам узнаете их. Мы — крепкая семья.

Он продолжал говорить в том же духе, сладко напевая, пока в комнате не проснулась стреко-

за, которая резко вспорхнула к потолку и стала биться о стены в пьяном полете.

— Это насекомое похоже на моего родственника, — сказал Папа.

— Оно вылетело из молока.

— Что?

— Насекомое.

— Когда?

— Прошлой ночью. Все спали. И потом насекомое вылетело из молока.

— Так это молоко! — закричал Папа в момент внезапного озарения.

Он побежал в поселок, крича:

— МОЛОКО! ЭТО ВСЕ МОЛОКО!

Мама схватила тапок, погналась за стрекозой и с такой силой пришлепнула ее к стене, что она превратилась в мерзкое зеленоватое пятно. С видом величественного равнодушия она собрала остатки стрекозы и вымела их в проход, потом вытерла пятно тряпкой и направилась в комнату кредитора. Она потребовала, чтобы они отмыли свою рвоту с нашего порога и постирали мою одежду. Между тем Папа колотил во все двери, поднимая всех, и кричал, вне себя от своего пьяного открытия:

— Они отравили нас своим молоком.

Заявление Папы нашло отклик и превратилось в катящийся призыв, передаваемый из уст в уста, набиравший силу посреди рвотных звуков. Женщины стали вытаскивать контейнеры и корзины с молоком политиков и опустошать их на улице. Тут и там вырастали кучи гнилого молока. Рядом с другими бараками тоже вырастали свои кучи и, смотря вдоль улицы, я видел целый ряд таких куч белого молока. Жители нашего района собрались и устроили долгий митинг по поводу гнилого молока политиков.

Фотограф прохаживался от дома к дому, держась за живот, с бледным искривленным лицом. Из последних сил он фотографировал кучи молока и рвоту рядом с домами. Женщины и дети позировали ему. Он делал фотографии больных детей, мужчин в рвотной агонии, негодующих женщин.

Митинг шел уже много часов. Улица кипела от возмущения и кто-то предложил сжечь местные конторы Партии Богатых. Все были в ярости, но беспомощны и бессильны предпринять что-то конструктивное. К ночи все стали расходиться по домам, прихрамывая, сотрясаясь от пустых спазм, выблевав уже все без остатка.

С той ночи к нам стали относиться немного

лучше. Все благодарили Папу за то, что он нашел причину бедствия. Жена кредитора отмыла с нашего порога свой непереваренный ужин, а сам кредитор не стал требовать с нас денег за разбитое окно. Всю ночь дети ни на секунду не замолкали. Но блевотный припев потихоньку сходил на нет, как будто знание причины каким-то образом облегчало болезнь. Да и туалетом пользоваться было уже невозможно.

Глубокой ночью Папа взывал к предкам. Он обращался к ним за советами, я упустил детали, но порой мне казалось, что от некоторых вопросов предки были в смущении. Мы пошли спать в добром настроении, укрепленные молитвой, благодарные за то, что легко пережили этот день, известный всем как День Молока Политиков. Той ночью я спал на мате. Когда темнота уже входила в мои сны, я вновь услышал Папу и Маму на кровати, двигающихся в такт музыке пружин. Потом движения прекратились. И голос из темноты сказал:

— Интересно, крысы проснулись?

Глава 7

Когда я снова пришел в бар Мадам Кото, в нем было полно больших голубых мух. Мне в ноздри сразу ударил запах шкур от животных, пота и гнилой плоти. Было жарко и душно, и бар был забит незнакомцами. Все они выглядели так же уродливо, как и те люди в прошлый раз.

Разница была в том, что клиентура причудливо обменялась чертами. Альбинос теперь был высокий, с головой в виде клубня ямса. У человека с опухшим глазом другой глаз теперь стал белым и прозрачным, как отполированный лунный камень. Двое мужчин, зловещие в своих темных очках, стали блондинами, и бедра их были странно изуродованы. Юноша без зубов стал женщиной. Я узнал их всех, несмотря на их переменившийся облик. Других я не знал. Один из них был похож на ящерицу с застывшими зелеными глазками. Были и нормальные люди, которые просто зашли после работы пропустить стаканчик вина. Зал был так запружен людьми, что мне пришлось буквально продираться через скопление тел. Люди стояли близко друг к другу и были навеселе, ругались и отпускали грязные

шутки. Я слышал голоса, не принадлежавшие земле, языки иностранные и гнусавые, смех, который мог доноситься разве что из пней мертвых деревьев или из пустых могил. Я снова ощутил свою болезнь, пробираясь мимо тел, бледных и бескровных.

Мутанты-посетители полностью изменили бар. Все вдруг увиделось в скучном желтоватом свете. Сам бар создавал ощущение, что его перенесли куда-то в поддорожье, в морские глубины, в какой-то смутно припоминаемый и невыносимый ландшафт. От смеха мутантов свет становился тусклее. Их сливающиеся голоса вызывали во мне дрожь. И беззубая женщина, взвизгивая внезапно от удовольствия, вызывала во мне волны страха.

Я попытался занять свое обычное место возле глиняного котла. Все места были заняты, два карлика сидели на одном табурете, мирно попивая. Я сначала не узнал их, но оба они мне заулыбались. Беззубая женщина повернулась в мою сторону, уставилась на меня и очень медленно что-то вытащила из-под стола. Я смотрел на нее, очарованный магией ее движений. Когда она полностью вытащила эту вещь, я увидел, что это был мешок. Я вскрикнул и попытался убежать через дверь, но протолкнуться было невозможно.

Толпа обступила меня, загородив путь, как будто они заранее специально сговорились, чтобы помешать мне уйти. Я опять закричал, но кто-то истошно засмеялся горловым смехом, и мой крик потонул в этом смехе. Я стал толкаться, но чем больше я старался работать локтями, тем теснее меня окружали.

Затем я понял, что в баре появились люди, материализовавшиеся, как могло показаться, из ночного воздуха. Посетители словно размножались, занимая каждый свободный участок пространства. Их гигантские фигуры высились надо мной. Их размножение пугало меня. Женщин без зубов стало две. Карликов стало четыре. Мужчин со светлыми волосами в темных очках стало три. Мужчина с опухшим глазом раздвоился, и у его двойника глаз опух с другой стороны. У меня не было оружия против их умножения, и я с ним смирился. Шум стал более низким. Все дрожало. Словно находясь в подводном мире, я стал медленно продвигаться: к краю скамейки. Я сел. Люди, окружавшие меня, то и дело поворачивались и смотрели на меня, словно им надо было удостовериться, тут я или нет. Я чувствовал, что виден со всех сторон, даже когда они не смотрели на меня впрямую. Я был убежден, что у них есть

глаза на лице сбоку и на затылке. Но только когда я посмотрел на мужчину, такого высоченного, что, казалось, он доставал головой до паутины на потолке, я по-настоящему испугался.

У мужчины был широкий рот, вывернутые ноздри, которые неестественно дрожали, когда он вдыхал, и два больших непропорциональных уха. И, к моему ужасу, у него не было глаз. Я очень громко закричал и ударил этого человека в подбородок, а он наклонился ко мне и еще шире открыл рот, словно готовясь проглотить меня. Он так и застыл, наклонившись. Я в ужасе смотрел в рот, темный и уродливый, в глубине которого блестел диск, как отшлифованный лунный камень, и в страхе видел, как он поблескивает. Затем я понял, что смотрю в глаз. Я в шоке подался назад, но глаз вытянулся в мою сторону и затем повернулся вокруг своей оси как яркий кусок мрамора, засевший в горле. Я плюнул в глаз и побежал, в бешенстве расталкивая все на своем пути. Мужчина издал каркающий звук, снова наклонился с открытым ртом, но я уже был от него далеко.

На мгновение я почувствовал облегчение, но когда увидел, что люди опять окружают меня, снова пустился в бегство. Среди них были высо-

кие безглазые женщины. Рядом со мной сидели мужчины в темных очках. Все трое повернули головы в мою сторону. Один из них снял очки, и вместо пустых белых глаз на меня смотрели нормальные глаза.

— Что с тобой происходит? — спросил он.

— Ничего.

— Тогда почему ты плюнул в рот тому мужчине?

— Этот мальчик ненормальный, — сказал другой из троицы.

— Не умеет себя вести, — сказал первый.

— Он пьяный, — сказал второй.

— Держи его, — сказал третий.

— Да, хватайте его, пока он не плюнул в нас.

Я крался по стеночке, не спуская с них глаз. Пока я смотрел на них, они стали трансформироваться, теряя свои прежние оболочки. Их плечи мгновенно сгорбились и выпучились. Их глаза заблестели через очки, и зубы превратились в клыки. Я медленно крался и, дойдя до угла, снова занял наблюдательную позицию. Клиенты перестали видоизменяться, превращаясь во что-то новое. Но то, что скрывалось в них, проступало сквозь прозрачную кожу. Через какое-то время я подумал, что мои глаза играют со мной нехоро-

шие шутки, или лихорадка входит в меня такими странными путями, и закрыл глаза. Когда я их открыл, безглазой женщины уже не было. Я выбежал из бара на задний двор.

Мадам Кото сидела на стуле, держась за голову. Время от времени ее рвало и она стонала. Белого ожерелья на ней не было. Она выглядела, как придавленный носорог, усевшийся на стул. Я дотронулся до нее, и она очнулась.

— О, это ты! — сказала она.

Ее лицо было провалено. Она казалось больной.

— Что с вами случилось?

Она кисло на меня посмотрела, но ее одолел позыв к рвоте. Она схватилась за живот и сказала:

— Это все молоко.

— Вы пили его?

— Конечно, — рявкнула она.

— Мы — нет.

Она ничего не ответила. Ее одолел очередной спазм. Она выглядела жутко.

— Что это за люди в баре?

— А что в них такого?

— Это те, которые унесли меня.

— Когда?

— В последний раз, когда я был здесь.

— Чушь!

— Правда!

— Куда они унесли тебя?

— На реку.

— Какую реку?

— Я не знаю. Но все они колдуны и ведьмы.

— Откуда ты знаешь? Может, ты сам один из них?

— Посмотрите сами.

— Чего мне на них смотреть, они просто балбесы. Съели весь мой суп. И я сейчас не в состоянии разбираться с ними.

— А что мне делать?

— Я не знаю. Делай, что хочешь, но оставь меня в покое, или меня вырвет на тебя.

Она сказала это таким злобным тоном, что я поверил, что она может это сделать. Я пошел назад к бару и встал у двери. Я прислушивался к громким замысловатым речам этих людей: они галдели, стучали по столам, и вдруг я сделал внезапное открытие. Впервые я четко осознал, что все они не человеческие существа. Их уродство было слишком внушительным, и, казалось, их не волнует слепота и безглазие, их выгорбленные спины и беззубые рты. Их мимика и движения были не в ладу с их телами. Они казались просто

каким-то ассорти из частей разных тел. Я ясно осознал, что все они — духи, которые взяли напрокат человеческие черты, чтобы поучаствовать в человеческой жизни. Говорят, что духи часто такое проделывают. Им скучно быть только духами, они хотят распробовать человеческую жизнь, боль, пьянство, смех, секс. Иногда они делают это, чтобы причинить вред или соблазнить детей или взрослых и увести в свою реальность. В тот момент, когда я увидел их как духов, которые пили пальмовое вино и не пьянели, насмехаясь над природным устроением человеческого тела, все встало на свои места. Я понял, что их привлек фетиш Мадам Кото. Мои мысли подкрепил тот факт, что они буквально кишели под этим фетишем. Я уже знал, что мне делать. Я добежал до Мадам Кото и сказал:

— В вашем баре полно духов!

— ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ! — прокричала она.

Я выскочил со двора и обошел вокруг бара, ища ветку с разветвлением на конце. Я шел по тропинкам в поисках палочки, но все они были недостаточно длинные или прочные. Я ушел дальше в лес и заслушался голосами деревьев поверх ровных ритмов топоров за работок. Деревья стонали, падая на своих соседей. Наконец я

нашел подходящую ветку, обстругал ее, немного оцарапавшись о сучки, и побежал в бар.

На заднем дворе Мадам Кото все еще сидела на табурете, напоминая носорога с отбитым рогом. Она держалась за голову и издавала низкие стонущие звуки. Я вошел в бар через входную дверь. Еще недавно маскировавшиеся духи откровенно распоясались. В баре началась настоящая оргия. Они веселились, прыгали вверх-вниз, танцевали под несуществующие мелодии, дрались, пели незнакомые песни на грубых языках. Человек с опухшим глазом играл со своим другим глазом. Другой мужчина вытащил свою руку из сустава и бил ею беззубую женщину по голове. Духи были пьяны от заимствованной человечности и бесновались в веселье.

Я взобрался на скамейку и поддел фетиш палкой, снял его с гвоздя и спустил вниз, но тут один из духов заметил меня и издал пронзительный крик. Фетиш свалился с палки. В баре установилась зловещая тишина. И затем замаскированный дух, который закричал первым, показал на меня и командным голосом крикнул:

— ДЕРЖИТЕ ЭТОГО МАЛЬЧИКА!

Я подобрал фетиш с пола, чувствуя, как его сила прожигает мне ладонь, и быстро стал продирать-

ся к выходу через очеловеченные ноги духов. Уже в дверях я поскользнулся и упал. Какое-то время я не мог найти фетиш и лихорадочно искал его на полу. Суматоха в баре нарастала. Наконец я нашел фетиш в кустах буша, куда он, казалось, заполз, как краб. Я схватил его как раз в тот момент, когда Мадам Кото в конце концов отозвалась на шум. Она увидела меня и крикнула:

— Азаро, ты что, ненормальный? Положи эту вещь назад!

Переваливающейся походкой она пустилась за мной вдогонку. Она была не одна: духи следовали за ней, и один из них нес свою руку под мышкой, как палку. Я бежал по тропинке. Их шаги гулко звучали позади меня, и они выкрикивали мое имя: «Азаро, Азаро!»

Весь район огласился моим именем. Духи так устрашающе выкрикивали его, что свет изменился, и желтоватые облака появлялись рядом со мной. Казалось, что я вступил в иную реальность. Как животные, только что научившиеся человеческой речи, они выкрикивали мое имя, каждый своим особенным голосом. Я забежал за бараки и спрятался за кучами песка, но они были готовы найти меня везде. Собаки лаяли моим именем, гуси, не похожие на себя, преграждали мне дорогу,

и из кустов прямо передо мной выскакивали куры. Деревья перебрасывались гласными звуками моего имени, и я чувствовал, что все находится в сговоре с духами, чтобы раскрыть место, где я спрятался. Нигде я не был в безопасности, ни возле фундаментов строящихся домов, где на меня напали странные насекомые, ни у круглого колодца, где я хотел спрятаться, но откуда мое имя зазвучало гулким эхом, ни у муравейника, где красные муравьи стали развертывать свои военные силы. Поэтому я побежал в лес, мимо дорожного приношения Мадам Кото: тарелка была нетронута, но еда и ритуальные вещицы исчезли. Я залег возле большого упавшего дерева, где мне встретилась двулапая собака, но потом испугался, что упаду в яму и стану частью подземной дороги, поэтому я побежал глубже в лес.

Духи были везде. Каждому дереву они дали голос. Я увидел на дороге ржавое мачете и подобрал его. Человек с опухшим глазом показал на меня рукой, я размахнулся мачете и отрубил ее. Он не издал ни звука, и на ране не появилось ни кровинки. Я сунул фетиш в его страшный глаз, и человек пропустил меня, ослепленный силой Мадам Кото. Я бежал, пока совсем не заблудился. Я не знал уже, куда я бегу. Я приостановился и

принялся бродить среди молчащих прислушивающихся деревьев. Я больше не слышал шагов духов. Где-то вдалеке продолжало звучать мое имя. Но голоса слабели на ветру.

Стало быстро темнеть. Ветер тяжело завывал в верхушках деревьев. Они стонали, ветви трещали, и звук ветра, путавшегося в листьях, напоминал шум водопада. Прямо мне на голову с дерева упала шишка, как могучий щелбан, и я рухнул на землю. В темноте, обступившей меня, я вдруг почувствовал, что скачу на невидимом коне этой ночи. Я скакал мимо деревьев, и вокруг меня стояли молчаливые фигуры в больших масках. Куда бы я ни скакал, везде передо мной возникали эти древние монолиты со скорбными лицами и бусинами лазуритовых глаз. Монолиты были из золота, которое само светилось в темноте. Одна из статуй двинулась и превратилась в Мадам Кото. Она вскочила на покрытого попоной коня и дала команду статуям и монолитам следовать за ней. Золотая накидка развевалась над ней. Статуи тронулись: вскочили на коней и поскакали.

Я мчался что есть сил и доехал до места, где собирались все ветра этого мира. Ветра сбросили всадников с коней, и статуи разбились на

золотые куски. Только Мадам Кото, неумолимая воительница, оставалась на коне и скакала за мной. Она уже меня догоняла, но тут пошел дождь. Льющаяся с неба вода стала постепенно растворять ее, начав с поднятой руки и темного меча. Ее рука превратилась в синюю жидкость и залила ей лицо, затем потекло и само лицо, словно дождь был кислотой, которая разъедала плоть и сталь. Потом упали волосы, и Мадам Кото осталась с голым черепом; ее голова растеклась красными водами, плечи обмякли, и в конце концов ее массивная фигура растаяла. Все, что от нее осталось — два больших свирепых глаза, которые лежали на земле, уставившись на меня. Затем конь заржал, взметнув передними копытами, сделал разворот и ускакал, раздавив глаза. Он исчез вместе с ветром.

Я оказался под проливным дождем. Фетиш был у меня в руке. Я брел под дождем, пока не очутился возле вырубки. Я очень устал. Фетиш сильно потяжелел, что стало меня пугать. Я хотел забросить его в центр вырубки, подальше от всех деревьев. Но затем решил зарыть на случай, если духи Мадам Кото будут его искать. Я вырыл палкой ямку, в которую тут же натекла вода, бросил его туда и забросал мокрой землей. Затем при-

крыл ямку ветками и палками, чтобы не забыть это место. Я пошел обратно к краю леса и, пока не стих дождь, стоял под навесом у бараков.

Мне стало холодно. Зубы стучали. Рука, в которой я раньше держал фетиш, стала синей. Кожа начала сходить с ладони мокрой шелухой, как будто фетиш разъел мою плоть. Дождь успокоился, стал моросящим, и я пошел домой. В темноте лаяли собаки. Ветер сильно завывал, сорвал крышу с одного из бараков и погнал ее к соседнему. Жильцы застонали страшными голосами тех, кого осудили и прокляли, словно Бог сорвал покров с их жизней и выставил напоказ безжалостной бесконечности. Они кричали в ужасном отчаянии, как Адам и Ева, навсегда изгнанные из Эдемского сада. Это была печальная ночь, плакали дети, и дождь струился на чьи-то жалкие пожитки. Я никому ничем не мог помочь и просто шел домой, слушая, как гром гремит из своего далекого прибежища и молнии хватают огненными щупальцами верхушки деревьев.

Для меня все таило в себе угрозу. Лай собак был похож на рычанье мстительных духов. Ветви трещали так, словно хотели проучить меня, а одежда и покрывала, полощущиеся на веревках, напоминали Мадам Кото, которая оставила плот-

ский мир и грозила мне вечными муками за то, что я украл ее фетиш. Я шел назад сложным путем, стараясь подальше обогнуть ее бар. И когда я пришел домой, Папа сидел на трехногом стуле и курил сигарету; москитная спираль коптила на столе; разбитое окошко было починено; свежее сладкое кушанье согревало комнату своим ароматом. Мама пришла с подносом еды и сказала:

— Ты как раз вовремя.

Папа посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

— Так значит, дождь побил тебя?

Я кивнул, дрожа всем телом.

— Давай сушиться, — сказала Мама.

Я вышел, быстро помылся и вытерся папиным полотенцем. Вернулся и сел на вдвое сложенный мат. Я поел с Мамой и Папой из одного котелка. Свеча освещала наши лица. Поев, я свернулся на мате, пестуя в тишине свои тайны, и заснул, как будто не произошло ничего необычного.

Глава 8

Какое-то время я не ходил к Мадам Кото. Я боялся ее ярости. Я боялся ее посетителей. Поэтому после школы старательно обходил ее бар. Я шел домой к закрытой двери, сидел снаружи и ждал

Маму, которая приходила с рынка довольно поздно.

Днем барак затихал. Солнечный свет ложился на вещи тяжелым грузом, затруднял движение звуков и усыплял сам воздух. У входа в барак женщины, закончившие свои домашние дела, подремывали на цементной платформе. Кучи порошкового молока, прибитые дождем, растеклись ядовитой белизной по ручейкам вдоль дороги. Спали собаки, приоткрыв один глаз, хвостами отгоняя мух. Маленькие дети безразлично играли в песке. Другие дети, только что пришедшие из школы, снимали школьную форму и выходили на улицу с лицами, черными от солнца и пыли, кроме тех мест, по которым стекал пот. Матери давали им поручения. Утомленный солнцем, я слушал музыку из отдаленных радиоприемников и горячие призывы муэдзина к молитвам.

На другой стороне улицы фотограф, безразличный к усыпляющему солнцу, возился со своей камерой, высматривая интересные объекты. Иногда он вывешивал на просушку фотографии, которые вынимал из таза с водой в своем стеклянном шкафу. Мы часто ходили смотреть на свадебные фотографии неизвестных лам людей. Он выставил также несколько фотографий с

празднования моего возвращения домой. Рядом с ними висели сенсационные снимки хаоса в связи с приездом политиков с гнилым молоком. Большая часть свободного места на стекле дверцы шкафа была занята фотографиями непокорных женщин, куч молока, жителей улицы с упаковками молока на голове на зернистом фоне убогой бедности. Он очень гордился этими снимками, и когда мы подходили слишком близко к шкафу, то он прибегал и отгонял нас:

— Не трогайте шкаф, или вы испортите фотографии!

Но чем больше он прогонял нас, тем больше росло наше любопытство. Этот шкаф стал нашей первой общественной выставочной галереей. Каждый день после школы мы ходили смотреть, что нового вывесил фотограф, какие состоялись новые похороны, парады, какие родились плачущие в лицо миру новые дети, как громилы выгоняют с рынка женщин-продавщиц. Это была наша местная газета.

Дети были первыми, кто стал проявлять настоящий интерес к его фотографиям. И затем уже взрослые, идя с утра на работу, начали останавливаться посмотреть, какие новые снимки выставил наш трудолюбивый фотограф. Так же

они останавливались под вечер, возвращаясь с работы. Он всегда удивлял нас и не переставал играть на наших ожиданиях. Он стал очень популярен среди детей. Когда бы мы ни заметили его идущим с камерой, мы всегда приветствовали его. Он улыбался, делал вид, что снимает нас, и исчезал в тайных апартаментах своей студии. Вскоре мы забыли его имя и он стал известен всем просто как «фотограф».

Днем, после того как он прогонял нас от стеклянного шкафа, я часто играл с другими детьми. В нашем распоряжении был весь мир. Мы играли в хитросплетениях улиц и на ширящихся дорогах, возле бараков, хижин и домов, на стройках и в лесу. Уставший и голодный, я приходил к фотографу попросить еды. Иногда он жаловался, что я мешаю ему, но часто давал мне кусок хлеба, приговаривая:

— Твой отец так и не заплатил мне за фотографии.

Однажды, заговорщицким тоном, с блеском в глазах, он сказал мне:

— Попроси своего отца за меня. Я дам тебе шиллинг, если он заплатит за фотографии.

Он продолжал приставать ко мне в таком роде, прося меня, чтобы я уговорил Папу. Затем он при-

грозил, что не будет больше меня кормить и даже разговаривать со мной, если Папа не заплатит. Однажды я увидел, что он выглядит голодным и жалким, и когда я спросил, что с ним случилось, он почти зарычал на меня, схватил треножник камеры, прокричал, что никто не платит ему за фотографии, и выгнал меня на улицу. В тот день он был в ярости. Голод и горечь делали его страшным. Какое-то время я избегал его.

Но он голодал все сильнее. По утрам он уже не менял снимки в стеклянном шкафу. Ему больше не хотелось удивлять нас. Старые снимки стали коричневыми и грустными и загнулись по краям под безжалостной силой солнца. Ночами мы слышали, как он кричит, обвиняя всех в том, что никто ему не платит, что такие, как мы, доводят честных людей до морального разложения и преступлений. Его одежда истрепалась, борода стала какая-то клочковатая. Но даже голод не смог погасить его дух, и днем он продолжал ходить взад и вперед с камерой, делая снимки в дурном настроении и с полоумными глазами.

Дети больше не собирались возле его шкафа. Мы играли в новые игры, например, в футбол. Однажды днем мяч у нас вылетел с поля и случайно попал в шкаф, разбив стекло. Фотограф вышел,

держа в руках мачете; движения его были вялые, глаза безумные, язык покрыт белым налетом. Больной и немощный, он дрожал на солнце. Он подошел к шкафу, осмотрел урон, который мы ему нанесли, и сказал:

— Не трогайте шкаф. Я убью каждого, кто до него дотронется!

Футбольный мяч так и остался в шкафу с разбитым стеклом и поблекшими фотографиями. Проходящие мимо взрослые качали головой в замешательстве, дивясь этой новой форме фотомонтажа. Мяч все еще был в шкафу, когда пошел дождь, и вода стерла все снимки. В шкаф заползли насекомые, различные любопытные формы грибков и плесени появились на невинных субъектах его фотоиндустрии. Всем нам было грустно от того, что фотограф потерял интерес к своему искусству. Все свое время он бесцельно проводил в крохотной комнатушке, трясясь в тисках злейшей лихорадки, и когда бы мы ни видели его, он всегда был одет в грязное черное тряпье.

Мне стало так грустно, что я начал приставать к Папе, который сразу входил в штопор, как только поднимался вопрос о долге фотографу. Поэтому я приставал к Маме, но чем больше я приставал, тем печальнее она становилась. Вскоре я прекра-

тил к ним приставать и раз и навсегда забыл эту грусть. А поскольку я больше не ходил к Мадам Кото в бар и не мог смотреть на снимки в стеклянном шкафу, мои ступни снова зачесались, и я возобновил свои походы по дорогам мира.

Иногда я играл в лесу. Моим любимым местом была вырубка. Днем лес не был таким пугающим, хотя часто я слышал звуки странных барабанов, пение и стоны деревьев, которые должны были рухнуть. Я слушал, как неподалеку работают топоры и пилы. И с каждым днем лес редел. Деревья, которые я так хорошо знал, оказывались срубленными, и от них оставались только пни, источавшие смолу.

Я брел через лес, подбирая ржавую посуду, зеленые птичьи яйца, брошенные бусы, шейные шнурки и ритуальные куклы. Я смотрел на мужчин, которые валят деревья, смотрел, как строят дороги. Я зарабатывал кое-какие деньги, бегая по поручениям работающих мужчин: к молодым девушкам, которые давали отпор их предложениям, к замужним женщинам, которые в своих ответах были таинственны и полны загадочности, приносил легкие напитки и готовую еду. На пенни, которые мне давали, я покупал себе хлеб, жареные кокосовые чипсы и воду со льдом. Когда

я накопил немного денег, я принес их фотографу за наши снимки. Но когда он увидел, какую сумму я ему предлагаю, он вскипел и прогнал меня, подумав, что я издеваюсь над ним.

Дни были долгие, за исключением тех, когда я играл или гулял. Улицы — длинные и извилистые. Многие часы уходили у меня на то, чтобы потеряться, и еще больше времени, чтобы найти путь обратно. Я начал получать удовольствие, теряясь в мире. В своих походах я совсем покидал наш район с его путаным обилием хижин, бараков и бунгало, и следовал по пути автобусов, везущих рабочих в центр города. У дорог женщины жарили кукурузу. В барах с пальмовым вином и в столовых мужчины глотали сочные куски эба, яростно жестикулируя, обсуждая политические новости. В парикмахерской я видел, как мужчину бреют наголо. Рядом с парикмахерской располагался биржевой офис. Оттуда, обнимая красивую женщину, вышел мужчина в синем французском пиджаке; я двинулся в их сторону. Они не заметили меня. Когда они сели в автомобиль, оба улыбаясь жаркому дню, и отъехали, мне пришло в голову, что я увидел будущее перевоплощение моего отца, его удачливого двойника.

Я дошел до автостоянки. Везде кипела жизнь.

Там стояли грузовики и прицепы, тут же разворачивались автобусы, и кондукторы ритмически скандировали маршруты, в салон поднимались пассажиры, водители ругались друг на друга, велосипедисты звонили в звонки. Продавцы расхваливали свои товары, покупатели громко торговались, и никто не стоял на месте.

Спокойного места просто не было, и я все шел и шел вперед, и вскоре увидел множество мужчин-грузчиков, которые тащили на плечах огромные мешки, словно они были прокляты или на их долю выпало вечное рабство. Они сгибались под страшным весом мешков с солью, цементом или гарри. Тяжесть сплющивала их головы, сдавливала шеи, и вздутые вены готовы были полопаться. Выражение их лиц казалось почти нечеловеческим. Я наблюдал, как они шатаются под тяжестью груза, как у них подгибаются колени, как пот течет по их телам. Их штаны были мокрыми от пота, и один из мужчин, проходя мимо меня, случайно пернул, сгибаясь под ужасной ношей.

Потом я подошел к грузовикам, привозившим в город мешки с гарри из дальних районов страны. Грузчики со скатанной одеждой на голове выстроились возле открытого борта грузовика,

ожидая своей очереди. Я смотрел, как мужчин нагружают, как они, шатаясь, бредут через хаос. Каждый нес ношу на свой манер. Двое мужчин с кузова грузовика клали мешки на головы грузчиков. Одни грузчики неохотно подставлялись под мешок, другие отшатывались, когда мешки еще только поднимались с кузова, а третьи сами шли под мешок, всем телом принимая его вес, нейтрализуя возможную боль перед самым тяжелым моментом. Но один из грузчиков был особенный: громадный, с раздутыми мускулами, косоглазый, лицом напоминающий неприступную башню. Я подозревал, что косоглазие он получил от слишком большой нагрузки. Это был гигант из гаража. Ему взвалили мешок на голову. Он издал загадочный звук и хлопнул в ладоши.

— Еще! Еще! — крикнул он.

Ему взвалили еще один мешок на голову, и его шея почти исчезла, а ноги вдавились в грязную землю.

— Он сумасшедший! — сказал один из грузчиков.

— Пьяный! — сказал другой.

Гигант повернулся к ним с искривленным лицом и крикнул придушенным голосом:

— Твой отец сумасшедший! Твоя мать пьяная!

Затем он повернулся к тем двоим на кузове и стал жестикулировать. Он так звонко хлопал в ладоши, что казалось, был готов на них напасть. Они в страхе отступили.

— БОЛЬШЕ! БОЛЬШЕ! — кричал он.

— Да хватит тебе, — сказал один из мужчин.

— Ты что думаешь, мы политики? — сказал другой.

Жесты гиганта стали еще решительнее.

— Он не сумасшедший, — сказал один из грузчиков. — Он просто бедный, вот и все.

— БОЛЬШЕ! БОЛЬШЕ! — вопил гигант.

— Давай, иди! Этого хватит даже для тебя.

— БОЛЬШЕ! БОЛЬШЕ! — раздавалось из-под мешков.

Они взвалили еще один мешок ему на голову, и из его штанов раздался смешной звук. Его голова совсем исчезла. Звуки повторились. Он пошел в одну сторону, потом в другую. Те, кто ждал своей очереди, расступались на его пути. Он долго не мог выбрать направление, задевая лотки, сбивая столики со свежей рыбой и кучами апельсинов, заходя на территорию торговцев, сшибая корзины с улитками. Женщины кричали на него, хватая его за штаны. Но он продолжал идти, балансируя под тяжестью веса, поскальзываясь и

каким-то чудом удерживаясь на нетвердых ногах, кряхтя и потея, тяжело дыша и бормоча: «больше, больше», и когда он прошел мимо меня, я увидел, что его косые глаза смотрели ровно и спокойно под этим чудовищным давлением, его мускулы бесконтрольно вздымались, он глубоко стонал и распространял вокруг себя такой неземной запах пота и угнетения, что я вдруг разразился слезами.

Вокруг собрались люди. Они побросали свои дела, чтобы посмотреть, сможет ли этот человек, который не был мифическим гигантом, справиться с таким весом. Они наблюдали спектакль, устроенный этим коренастым великаном, и это был единственный момент, когда установилась тишина. И когда человек, раскачиваясь и балансируя, пришел туда, куда нужно было доставить мешки, разгрузчиков не оказалось на месте. Он повернулся и позвал их; они выбежали к нему из забегаловки, но прибыли слишком поздно; он вдруг сбросил на землю все три колоссальных мешка; один из них разорвался; секунду великан стоял совершенно прямо, моргая, в то время как люди вокруг приветствовали его; затем он медленно подошел к мешкам и развалился на них, потом люди отвели его к дороге и поднесли ему

ведро с водой и полную чашу пальмового вина.

Через какое-то время он, подрагивая коленями, пошел обратно к грузовику, нагружаясь теперь только двумя мешками. Люди продолжали наблюдать за ним, ожидая, что он еще может вытворить с этими мешками. Но все, что он сделал после нескольких ходок, это зашел в забегаловку, заказал большую тарелку толченого ямса, и принялся заглатывать куски, годившиеся для быка. Зрители, которые разошлись, пропустили интересное зрелище — он лихо станцевал с мадам из забегаловки импровизированное фанданго и затем ушел, не заплатив, а мадам бежала за ним следом, размахивая горячей сковородкой.

* * *

Автостоянка была самым суматошным местом, какое мне доводилось видеть: люди орали друг на друга, ревели моторы, кричали возчики груженых тележек, из новых магазинов звукозаписи и пивных доносилась музыка, визжали тормоза машин, женщины вскрикивали от внезапных ограблений, мужчины дрались за то, кто понесет чемоданы путешественников. Через дорогу женщина била шваброй сумасшедшего. Прямо при мне был пойман вор и отдан в руки торгов-

цев. Тут и там бегали мальчишки, смотря на все голодными и хитрыми глазами. Возле покосившегося сарая сидел на стуле старик, починщик велосипедов, и курил сигарету, поглядывая на окружающую суету. Рядом застрял автобус, и люди толкали его. Женщина в дорогой одежде, толстая и, по-видимому, очень богатая, отдавала приказания множеству мужчин вокруг нее. Она выглядела очень властно, и лицо ее выражало гордое презрение, когда она скомандовала мужчинам вынуть ее багаж из кузова такси. Здесь было на что посмотреть и было что послушать, здесь все происходило в бешеной спонтанности, так что невозможно было идти прямой дорогой. Я сталкивался с людьми, вступал в лужи грязи, поскальзывался на кучах мусора, размокших на земле. Я смотрел, как на одной стороне дороги девочка подтирает попу младенцу, и вдруг гудок автомобиля ударял мне в ухо, пробирая до кончиков волос. Или я уклонялся от машин перед собой, проезжавших так близко, что казалось, они сознательно хотят переехать тебя, или вдруг кто-то кричал:

— Уйди с дорога, ты, крыса!

Мне приходилось отпрыгивать с дороги, и мимо меня проходили или человек с груженой

тележкой, таща весь скарб скромного дома, или грузчик, сгибающийся под чудовищным мешком ямса. Я чувствовал головокружение, голод и растерянность. Никто не обращал друг на друга никакого внимания. На одной стороне улицы мужчина внезапно схватил жестяную коробку с деньгами продавца и побежал. На другой стороне женщина торговалась с покупателем по поводу цены на плоды хлебного дерева, в то время как ее ребенок заполз под стоявший грузовик. Я двинулся к грузовику, чтобы вытащить ребенка, когда внезапно рядом со мной раздался крик. Женщина вдруг поняла, что ее ребенок пропал. Крик был такой пронзительный, что другие женщины немедленно собрались вокруг нее, поддерживая свои груди и оживляя воздух взмахами рук. Водитель завел свою машину, ребенок закричал, женщина рванулась к нему, отбросив меня с дороги, но одни женщины уже лезли под грузовик, а другие набросились на водителя с упреками, что тот припарковал свою уродину рядом с их столами. Водитель не стерпел этого и обозвал их, и тут начался пугающий обмен оскорблениями. Женщины так увлеклись, что снова позабыли ребенка, из-за которого началась катавасия. Я к тому времени уже достаточно испачкался грязью

и дерьмом и пошел искать водяную колонку.

Найти ее я не смог и пришел к месту, где мужчины сгружали мешки с цементом с трейлера. Здесь также столпилось множество грузчиков, их лица были испачканы цементной пылью, особенно ее было много на их мокрых от пота бровях и волосах. Я подумал, как же они будут причесываться утром. Некоторыми грузчиками были парни чуть повыше меня. Я смотрел, как мальчики сгибались под мешками с цементом, шли с ними, вываливали их, возвращались, пока смотритель не объявил перерыв, и все они шли и расселись вокруг вынесенного на улицу стола из закусочной и, помыв руки, с жадностью набросились на пищу.

Когда они снова принялись за работу, я заметил, что среди них был старик, его сын и внуки, чуть постарше меня. Один из внуков только сегодня в первый раз вышел на работу. Он жаловался на боль в шее и спине и все время плакал, пока нес мешки, но его отец не разрешал ему уйти с работы и ругал за длинный язык, говоря, что он должен учиться быть мужчиной и что есть мальчики еще младше его, но которые являются гордостью своей семьи, и в этот момент он показал на меня. Боясь, что смотритель причислит и

меня к грузчикам и заставит сломать шею под мешками с цементом, я поспешил убраться и снова стал искать колонку, пока не подошел к другому грузовику, с которого мужчины таскали мешки с солью. И пока я смотрел на странные буквы номера грузовика, я услышал, как кто-то протестует знакомым мне голосом.

Я слышал голос совсем недолго и стал выискивать лицо Папы. Я увидел его среди грузчиков. Он выглядел совсем по-другому. Его волосы побелели, и лицо, присыпанное солью, было похоже на маску. Он был почти голый, если не считать отвратительных рваных шорт, которых я никогда раньше на нем не видел. Ему нагрузили два мешка соли на голову, и он простонал: «Боже, спаси меня», зашатался, и один мешок упал обратно в грузовик. Мужчины на грузовике обругали его предков, ранив меня, и Папа продолжал моргать, пока пот вместе с солью стекал ему на глаза. Мужчины прокричали, что Папа приносит только беды и ведет себя как женщина, и если он не может поднять два мешка соли, пусть лучше отправляется обратно в кровать к жене. Когда погрузчики взвалили ему второй мешок на голову опять, Папа пошел как боксер под натиском ударов. На мгновение он застыл,

как монумент. Затем закачался, и его мускулы беспорядочно задвигались. Мешки были очень большие и спрессованные, как каменные глыбы, и соль из одного мешка сыпалась Папе на плечо.

— ПРОХОДИ! ПРОХОДИ! — сказал один из погрузчиков.

— ИЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ЕЩЕ ОДИН МЕШОК, А? — сказал другой.

На мгновение я подумал, что Папа собирается поддаться на эту уловку. Я не мог вынести этой мысли и голоском, таким тонким среди громоздящегося хаоса, крикнул:

— Папа! Нет!

Несколько пар глаз уставились на меня. Папа повернулся туда и сюда, пытаясь отыскать источник крика, и когда он увидел меня, то остановился. Его лицо продолжало дергаться, и шейные мускулы пульсировали, как будто с ним случилась судорога. Один из погрузчиков сказал:

— ДАВАЙ, ПАРЕНЬ, ДВИГАЙСЯ!

Соль сыпалась ему на плечо, слезы текли из глаз, и на лице его я увидел стыд, когда он прошагал мимо, чуть не раздавив меня своими могучими полусогнутыми ногами. Он сделал вид, что не заметил меня, и боролся с собой, стараясь пронести груз с достоинством, приспосабливаясь

к своему положению между тяжестью и земным притяжением. Он качался из стороны в сторону, и женщины и дети освобождали ему путь, как бешеному животному. Пот ручьями стекал по его спине, и я шел за ним на расстоянии, опечаленный ранами и порезами на его руках. Сворачивая за угол, он потерял равновесие, закачался, поскользнулся в дорожной грязи и упал. Мешки соли медленно сползли с его головы, и я подумал, закрыв глаза и заплакав, что они раздавили его. Но когда я открыл глаза, то увидел, что Папа и мешки лежат в грязи, а один мешок даже перевалился через канаву. Папа встал весь в грязи, и кровь стекала по его спине. Смотритель с криками побежал к нему; Папа вдруг очнулся и побежал, поскальзываясь в грязи и поднимаясь, и в конце концов перебежал на другую сторону дороги. Грузовик чуть не переехал его, но он продолжал бежать, и я видел, как он исчезал в лабиринте столиков с провизией, ныряя под крыши киосков, пока не растворился в столпотворении гаражного рынка, а люди бежали за ним, думая, что он вор. Я не мог стоять на месте и мне не хотелось больше искать никакую водяную колонку. Я то бежал, то шел пешком в направлении к дому. Я был очень несчастен. Мой поход окончился

бесславно, потому что впервые в жизни я лицом к лицу столкнулся с унижением моего отца.

Глава 9

Вернувшись домой, я сел у двери и не стал играть с другими детьми. Я чувствовал себя совсем разбитым и не заметил, как день стал вечером. Появились москиты и светлячки. В комнатах зажглись лампы. Мужчины говорили о политике, о Партии Бедных. Они тоже недавно заявились к нам со своими рупорами и листовками, обещали много хорошего и получили внушительную поддержку, потому что сказали, что никогда не отравят людей.

Когда вернулась Мама, было уже темно. Она выглядела осунувшейся и потемневшей от солнца. Она прошла в комнату, бросила поднос с товарами, легла на кровать и, пролежав какое-то время совершенно не двигаясь, уснула. Я подогрел еду и подмел пол. Проснувшись, она выглядела лучше. Она села за стол и поела. После еды она снова легла в кровать, а я сел на папин стул и стал смотреть на дверь. Мама молчала. Я сказал ей, что видел Папу; она стала ругать меня за мои прогулки, но долго ругать не смогла из-за устало-

сти. Лежа на кровати, она монотонным голосом говорила о том, какая тяжелая штука жизнь, и я внимательно ее слушал, только сейчас начиная понимать, что она имеет в виду. Так мы лежали в полной тишине, поджидая, когда вернется Папа.

— Что сказал отец, когда он тебя увидел? — спросила она наконец.

— Ничего.

— Как он мог ничего не сказать?

— Он ничего не сказал.

— Ты не видел его.

— Я видел.

— Где?

— В гараже.

Мы продолжали ждать и не спали, клюя носом до самой утренней зорьки, когда небо стало освещаться. Мама стала волноваться.

— Что же такое с ним случилось? — спросила она.

— Я не знаю, — ответил я.

Она стала плакать.

— Ты уверен, что ты видел его?

— Да.

— Все ли с ним хорошо? Он говорил с тобой? Что он сказал? Я молюсь, чтобы с ним ничего не случилось. Что я буду делать, если с ним произой-

дет что-то плохое? Как я буду жить дальше? Кто будет заботиться о тебе?

Она продолжала все в таком же духе, говоря, задавая вопросы, бормоча что-то, переходя на всхлипывания, и я вдруг заснул. Когда петушки своими криками раскокали красноватое яичко зари, Мама встала с кровати, умыла лицо и стала готовиться искать Папу по полицейским участкам и госпиталям всего мира. Она только-только поставила мне еду, когда в дверях появился Папа. Он выглядел ужасно. Он был похож на изможденный призрак, дух несчастья. Глаза красные, лицо белое и искаженное, борода всклокоченная, на бровях следы засохшего цемента и ямса. Он все это время не мылся, и я вдруг понял, что всю ночь он слонялся по улицам. Папа отвел от меня глаза, и Мама ринулась к нему на шею, обхватывая ее руками. Он уклонился, и Мама сказала:

— Где ты был, мой муж? Мы так беспокоились…

— Не задавай мне вопросов, — рявкнул Папа, отталкивая от себя Маму.

Он пошел и сел на кровать, испачкав ее присохшей грязью. Он быстро моргал. Мама засуетилась возле него, пытаясь понять, что ему нужно, и быстро приготовила ему еды. Папа к ней не

притронулся. Она вскипятила ему воду для умывания. Он не шелохнулся. Она нежно дотронулась до него, и Папа взорвался:

— Не беспокой меня, женщина! Не надоедай мне!

— Я не хотела…

— Оставь меня одного! Может ли мужчина делать, что он хочет, чтобы женщина его не трогала? У меня есть право делать то, что я хочу! Ну и что с того, что меня не было всю ночь? Ты думаешь, я ничего не делал? Я размышлял, ты поняла, размышлял! Поэтому не приставай ко мне, как будто я был с другой женщиной…

— Я не сказала, что ты был с…

В этот момент с Папой случился прилив ярости, и он смахнул тарелки с едой, перевернул общий стол, сорвал с кровати покрывала и расшвырял их по комнате. Они полетели на меня, закрыв мне лицо. Я так и стоял, с покрывалом на лице, пока Папа изливал свой гнев. Мама закричала и затем проглотила крик. Я услышал, что Папа бьет ее. Я увидел, что Папа схватил ее за голову, пнул ногой стол, затряс Маму, толкнул ее, затем потащил, и ее руки опустились, она поддалась его силе, и когда я вскочил и напал на него, он отбросил меня так, что я упал на его ботинки и

ушиб себе заднее место. Я затих. И затем внезапно Папа прекратил бить ее. Он остановил руку на полпути и затем попытался обнять Маму. Он крепко прижал ее к себе, пока она всхлипывала, трясясь всем телом. Папа тоже трясся, и он отвел ее к кровати, уложил и обнял, и долго они оставались в таком положении, не двигаясь, неуклюже обнявшись. Я слышал, как снаружи кукарекал петух. Соседи собирались на работу. Плакали дети. Женщина-пророк из новой церкви призывала всех покаяться. Муэдзин пронзал рассвет горячим призывом к молитве. Папа шептал:

— Прости меня, жена моя, прости меня.

И Мама, всхлипывая, трясясь, тоже шептала одно и то же, словно читая литанию:

— Муж мой, я же только беспокоилась, прости меня…

Я встал, вышел из комнаты и отправился к дороге. Я уснул на цементной платформе и спал, пока Мама не разбудила меня. Когда я вернулся в комнату, Папа уже спал на кровати с открытым ртом, и его нос то становился острым и костенел, то снова обмякал.

Я лежал на своем мате и в этот день не пошел в школу. Мама лежала с Папой до полудня и только потом пошла на рынок. Когда я проснулся, Папа

все еще был в кровати. Он спал со страдальческим лицом.

* * *

Тем вечером к нам снова приехал фургон злодеев-политиков. Женщины, дети и безработные мужчины нашего района ходили взад и вперед по поселку, как будто должно было произойти что-то ужасное. Весь народ высыпал на улицу. Я пошел через дорогу к студии фотографа и смотрел на фургон злодеев, которые нас отравили. Они рокотали через громкоговоритель страстными речами. Мы слушали в тишине политиков гнилого молока. Мы слушали, как они сваливали на другую партию всю вину за плохое молоко. Мы слушали, как они утверждали с неподдельной свирепостью, что это все подстроили их соперники, Партия Бедных.

— ОНИ ОТВЕТСТВЕННЫ ЗА МОЛОКО, НЕ МЫ. ОНИ ХОТЯТ ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ НАС, — кричал громкоговоритель.

Мы нашли это заявление очень странным, потому что с фургона на нас смотрели те же лица, которые приезжали и в первый раз. Мы узнали их всех. Сейчас они приехали с мешками гарри, но громил стало вдвое больше. Они стояли с меш-

ками гарри, с кнутами и дубинками, готовясь к благотворительности и войне одновременно.

— МЫ ВАШИ ДРУЗЬЯ. МЫ ПРОВЕДЕМ ВАМ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И ПЛОХИЕ ДОРОГИ, НЕ ХОРОШЕЕ МОЛОКО, Я ИМЕЮ В ВИДУ ХОРОШИЕ ДОРОГИ, А НЕ ПЛОХОЕ МОЛОКО, — заявляли политики с большим апломбом.

Люди толпились вокруг фургона. Фотограф бегал со своей камерой. Он пока не делал снимков, но казалось, что он полностью избавился от голода и лихорадки. Громилы протягивали мешки с гарри, но никто уже не спешил их принимать. Люди молча скапливались вокруг фургона. Казалось, что какое-то послание передается из уст в уста. В этой тишине нарастало что-то зловещее.

— ВЕРЬТЕ НАМ! ВЕРЬТЕ НАШЕМУ ЛИДЕРУ! ВЕРЬТЕ НАШЕМУ ГАРРИ! НАША ПАРТИЯ ВЕРИТ В ТО, ЧТО ГАРРИ — ЭТО ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ И…

— ЛОЖЬ! — крикнул кто-то из толпы.

— ВОРЫ! — сказал другой.

— ОТРАВИТЕЛИ!

— УБИЙЦЫ!

Четыре голоса пошатнули безраздельную власть громкоговорителя. Политик, едва начав свой поток обещаний, сбился. Громкоговоритель

издал высокий пищащий звук. Людей вокруг фургона становилось все больше и больше. Они молча шли за фургоном, пока тот двигался, женщины с презрительными голодными лицами, мужчины со сдвинутыми бровями. Громилы попрыгали из фургона и один из них сказал:

— КТО ЭТО НАЗВАЛ НАС ВОРАМИ?

Никто не ответил. Глаза громил уставились на фотографа. Его камера была подозрительной. Один из громил двинулся к фотографу, и в это время политик прокричал через рупор:

— МЫ ВАШИ ДРУЗЬЯ!

Затем он повторил эти слова с другими интонациями, обращаясь к сентиментальным чувствам. В тот же самый момент громила ударил фотографа так, что из носа у него потекла кровь. Никто не шевельнулся. Громила снова замахнулся, но фотограф с криком отбежал в толпу, затем мужчины стали предлагать всем лотки с гарри, политик продолжил свои заявления, когда внезапно камень разбил одно из окон фургона и ярость рассерженных людей перелилась через край. Несколько рук метнулись к фургону и кто-то ударил политика по голове. Его крик, усиленный, прошел через громкоговоритель. Водитель завел мотор, рванул вперед и сбил

женщину. Фотограф снял этот момент. Женщина завыла, и мужчины принялись кидать камни, разбив оба окна и ветровое стекло. Толпа устремилась к бамперу машины, не пуская ее вперед. Охрана попрыгала из фургона и стала избивать людей дубинками, фотограф лихорадочно делал снимки, а люди продолжали кидать камни в окна, пока все их не перебили, а затем набросились на мужчин, державших в руках гарри. Мужчины начали кричать, на их лицах появилась кровь; политик призвал к спокойствию, но кто-то из толпы крикнул:

— Кидай в них камни!

— ПОДЖИГАЙ ФУРГОН! — крикнул другой.

Громилы продолжали махать дубинками, пока на них не ринулась толпа. Женщины с особой мстительностью разбивали об их головы деревянные палки и дубины. И одна маленькая женщина, трое детей которой особенно пострадали от отравления, бежала через улицу с криком:

— РАССТУПИСЬ! РАССТУПИСЬ! Я их сейчас оболью кипятком.

Толпа освободила ей путь, и она с размаху выплеснула ведро кипятка на громил, прятавшихся за фургоном; те заорали и побежали врассыпную, спотыкаясь о мешки с гарри, и когда громилы

падали, толпа била их дубинками и кнутами, а когда бежали, их преследовали и бросали в них камни. Громилы мчались с криками о пощаде, но никто их не слушал, и в них летели камни. Громилы были все в крови. Особые отряды преследовали их, и громилы убегали в болота и топи, по пояс увязая в грязи и мерзкой водице, или исчезали в диком лесу; отряды возвращались назад с утоленной яростью.

В фургоне остался один водитель. Месть так разожгла людей, что мы решили наказать и машину, громя ее, колошматя, отрывая оловянные и алюминиевые части железками и дубинками. Машина не издала ни стона. Распевая чанты и скандируя проклятья, мы собрались вместе, слили воедино нашу энергию, подняли машину и перевернули ее набок; с проворством подопытного таракана водитель выбрался из кабины и стал единственным, кто избежал избиения, сразу же побежав по улице к бару Мадам Кото, где ему было предоставлено неприступное убежище.

Фургон так и остался перевернутым. Ночью люди то и дело подходили к нему, срывая на нем бессильную злобу. Они не успокоились даже, когда в поселок въезжал грузовик с полицейскими, вооруженными пистолетами и дубинками. Кто-

то просунул в бензобак дымящуюся головню, и ночь осветилась желтой иллюминацией как раз в тот момент, когда полицейские, отдавая команды и свистя в свистки, попрыгали с грузовиков. Они стояли вокруг и беспомощно смотрели, как взорвался и начал гореть фургон. Они опросили нескольких человек, но те сами только что пришли, проснувшись из-за взрыва, никто ничего не видел и не слышал, но полиция все же арестовала пять человек подозреваемых. Горящий фургон корчился на земле в последних конвульсиях. Всю ночь он дымился, но пожарная команда так и не приехала потушить пламя. Когда полиция стала уводить людей для допроса, мы увидели, что среди них находится наш фотограф. Ему удалось избавиться от главного свидетеля — своей камеры. Он выглядел браво и без страха в глазах. Он помахал нам, когда его вели в грузовик.

* * *

Сожженный фургон долго оставался на улице. Ночью пришли тени и растворили машину, Однажды утром мы обнаружили, что он поставлен на колеса, как будто ночь попыталась его отогнать. Дети нашли себе новую игрушку. Мы учились водить машину, неистово крутя руль,

совершая долгие путешествия в бесплодную страну фантазий.

Дождь барабанил по крыше фургона, яркая краска поблекла от солнца и пыли, и через какое-то время большие буквы эмблемы партии окончательно стерлись, и ничто уже не могло спасти машину от забвения. Это было незадолго до того, как она совсем исчезла с улицы, но исчезла не потому, что ее больше не стало или солнце растворило ее, а просто потому, что мы совсем перестали ее замечать.

Фотографа выпустили через три дня после ареста. Он рассказал, что в тюрьме его пытали. Он стал говорить еще громче и казался еще более бесстрашным. Тюрьма изменила его, и вокруг него появилась аура нового мифа, как будто за то короткое время, пока его не было, он открыл для себя новую героическую роль. Когда он вернулся, вся улица собралась у его дверей приветствовать его как героя. Он рассказывал истории о том, как он сидел, как пережил зверские пытки, которые применялись к нему, чтобы он выдал сообщников, главных бунтовщиков, всех, мешающих стабильности Правительства Империи, и врагов партии. От его историй у нас кружились головы. Люди несли ему пальмовое вино, огогоро,

орехи кола, каолин, и он смог бы выбрать себе несколько жен из слушавших его с восхищенными лицами женщин, если бы уже не создал о себе миф, который отрицал такие опрометчивые поступки. Я побродил вокруг студии, прислушиваясь к взрослым, говорившим в торжественных тонах и всю ночь пропьянствовавшим, празднуя триумфальное возвращение фотографа. Даже Папа зашел к нему засвидетельствовать свое почтение.

* * *

Утро принесло нам много радости. Все были в воодушевлении. Все мы, привыкшие получать свежие новости о стране только в форме слухов, сейчас буквально вцепились в свежий номер газеты, как будто за ночь газетная бумага приобрела небывалую ценность. Только придя из школы, я понял причину всего этого возбуждения. Дело было в том, что впервые в жизни мы появились в газете. Мы стали героями нашей собственной драмы, героями своего протеста. Везде были снимки мужчин, женщин и детей, беспомощно стоящих вокруг куч с сухим молоком. Также были фотографии нашего гнева, как мы атакуем фургон, поднимаем настоящий бунт

против дешевых методов политиков, унижаем их громил, сжигаем их ложь. Снимки фотографа заняли в газете основное место, и даже кое-где, несмотря на плохое качество печати, можно было различить те или иные лица. В передовице рассказывалась история о плохом молоке и нашем бунте. Мы пребывали в изумлении от того, что наш стихийный протест, совершенно неспланированный — то, что произошло в нашем маленьком уголке великого глобуса, нашло такой большой отклик. Многие из нас провели вечер, пытаясь узнать себя среди этих яростных лиц.

Мама была хорошо узнаваема. Десять миллионов людей видели ее лицо, хотя никогда не встречали ее в своей жизни. На голове она несла ведро с гнилым молоком; плохая печать исказила ее красоту, превратив в какого-то монстра, но когда она вечером вернулась с рынка, люди собрались в нашей комнате и стали говорить о ее славе, как она должна ею воспользоваться, чтобы лучше продавать свой товар. Они говорили о громилах, которые угрожали всем ужасными репрессиями, и о лендлорде, который был возмущен тем, что его жильцы приняли участие в нападении на активистов его любимой партии.

Большинство из нас были польщены тем, что

увидели себя на передовых полосах национальной газеты, но ничто нас так не сразило, как снимок самого фотографа с напечатанным его именем. Мы снова и скова указывали на его имя и все ходили поздравлять его. В тот вечер он находился в очень приподнятом настроении, расхаживал от места к месту в сопровождении волнующейся толпы простых смертных и говорил о национальных событиях как о чем-то обыденном. Он зашел в наш барак и везде его приветствовали, а сам он громко смеялся и весело пил. Но ни его слава, ни выпитый алкоголь не отшибли ему память, и он напоминал нам, что все мы должны ему деньги за фотографии.

* * *

Когда Папа возвратился с работы и узнал про мамину фотографию в газете, он был рад за нее, но им овладела ревность. Он сказал, что она выглядит как истощенная ведьма. Но тем не менее он вырезал страницу из газеты и повесил ее на стену. И теперь, закуривая сигарету, он смотрел на снимок и говорил:

— Твоя мать стала знаменитой.

Фотограф в конце концов дошел и до нашей комнаты, и Папа послал меня купить выпивку.

Когда я вернулся, фотограф бродил по комнате уже навеселе, залезал под стул, щелкал воображаемой камерой, разыгрывал в ролях политиков и громил, так что Папа и Мама чуть не падали со смеху. Он очень сильно напился и, раскачиваясь на нашем стуле, приговаривал:

— Я теперь Международный Фотограф.

Он рассказал нам, как много он стал получать заказов с тех пор, как стал знаменитым; люди, которые приветствовали его, теперь хотят, чтобы он сфотографировал их, их хижины и бараки, грязные задворки, заставленные комнаты, их детей и жен, в надежде, что он когда-нибудь опубликует снимки в газете. Фотограф окончательно напился и свалился с папиного стула. Мы снова усадили его. Он что-то говорил и вдруг начинал дремать с открытым ртом. Потом резко просыпался и, как ни в чем не бывало, продолжал рассказ с того места, где он заснул.

Он сидел у нас, прислонившись к стене, под самым окном. Его худое лицо, возбужденные глаза, костистый лоб, остро выдающиеся челюсти вместе с его энергичными жестами создавали впечатление, что он тоже принадлежит нашей комнате, что он такой же член нашей голодной и непокорной семьи.

Он говорил, вдруг его становилось не слышно. Его рот двигался, но слова звучали очень тихо. На столе мерцала свеча. Я был смущен этим явлением.

— Согрейте еду для Международного Фотографа, — сказал Папа с большой теплотой.

Я пошел с Мамой на двор. На всех мы приготовили эба и горшок с мясом. Когда мы пришли в комнату, фотограф спал на полу. Мы разбудили его, и он продолжил разговор, начало которого было нам неизвестно. Он поел с нами, отказался от выпивки, поблагодарил, помолился за нас и, качаясь в дверях, сделал заявление, которое сильно тронуло нас.

— Вы — моя самая любимая семья в поселке, — сказал он.

И затем вышел в ночь. Мы с Папой проводили его до студии. Они с Папой обменялись рукопожатиями, и мы пошли обратно. Папа молчал, но выглядел гордым, высоким и несгибающимся под тяжким грузом воспоминаний. Когда мы проходили мимо сгоревшего фургона, Папа остановился и стал изучать его остов в темноте. Потом он тронул мою голову, вливая в меня новые силы, и сказал:

— За праздником всегда идут беды. Беда дви-

жется на наш поселок.

Глава 10

На следующий день я пришел домой после школы и нашел рядом с фургоном странных людей. Среди них был наш лендлорд. Он бешено жестикулировал, показывая на все дома по нашей улице. Другие мужчины в темных очках выглядели очень подозрительно. Какое-то время мы за ними наблюдали. Они ходили вокруг фургона, возбужденно что-то обсуждая; они потрогали фургон, пнули его, оглядели улицу и затем, покачав головами, пошли в сторону бара Мадам Кото, то и дело оглядываясь назад. После того как они ушли, к фургону подошли несколько людей с нашей улицы и тоже стали его изучать и пинать, как будто, делая это, они надеялись понять, что нужно было этим мужчинам.

В тот же день трое мужчин во французских костюмах появились у дома фотографа. Его там не было, и они постояли у стеклянного шкафа, уставившись на новые снимки, которые он выставил. Они проявили к ним большой интерес и тем самым возбудили и наше любопытство, и мы не могли дождаться, когда же они уйдут. Но

они не уходили.

Они были одинаково одеты, на них были темные очки от солнца, и они нервно поглядывали на окружающие дома. Они ждали фотографа долго и очень терпеливо. Они стояли перед его шкафом, не двигаясь, лишь солнце перемещало их тени. Соседи фотографа стали интересоваться этими тремя людьми и послали детей спросить их, не купят ли они у них какую-нибудь еду или легкие напитки. Они ничего не стали покупать; поэтому две женщины с детьми за плечами подошли к ним и стали задавать вопросы и своими жестами привлекли много людей, которые стали собираться вокруг мужчин, так что те смутились и пошли в сторону бара Мадам Кото. Они шли по улице, а я следовал за ними. Оки вошли в бар и каждый заказал себе со стакану пальмового вина.

Я пошел к бараку фотографа и сел рядом со стеклянным шкафом. Через какое-то время я увидел, как фотограф идет к себе, сгибаясь под тяжестью нового мифа, камеры и треножника. Я побежал навстречу, чтобы сказать ему, что его ждали трое мужчин.

— Меня? Зачем это? — спросил он, поворачивая назад.

— Я не знаю, но люди из вашего барака доставили им неприятности.

— Как они выглядели? Может быть, это полицейские?

— Я не знаю. Но они были высокие и в очках.

— Темных очках?

— Очень темных. Их глаз было не видно.

Он заторопился по направлению к главной дороге. Я попытался пойти с ним и взял его за руку.

— Оставь меня.

— Куда вы собираетесь идти? — спросил я.

— Бежать.

— Куда?

— Отсюда.

— А что с мужчинами?

— Какими?

— В темных очках.

— Пусть они ждут меня. Когда они уйдут, тогда я приду.

И затем он пустился бежать, украдкой озираясь во всех направлениях, словно вдруг осознал, что окружен видимыми и невидимыми врагами. Он бежал по улицам зигзагами, ныряя под крыши. Он пробивал себе путь из квартала в квартал, крадучись, со своим треножником, неуклюже качавшимся впереди него, пока не исчез совсем.

Я пошел обратно в поселение, сел и стал наблюдать за домом фотографа. Трое мужчин так и не появились. Через некоторое время я пошел посмотреть на новые снимки в шкафу. На одних фото громилы избивали женщин на рынке, на других был изображен лидер Партии Гнилого Молока с разных ракурсов: его лицо выглядело опухшим, глаза навыкате, рот жадный.

Были выставлены также фотографии политиков, спасавшихся от града камней; фотографу удалось схватить момент их паники, трусости и унижения. Также там были фотографии прекрасных девушек, хора мальчиков и деревенского доктора, стоящего перед своим покосившимся святилищем.

Я долго смотрел на фотографии и очень устал; солнце было безжалостно к моим мозгам, прожигая мне голову через волосы и кожу черепа и превращая мои мысли в теплое желтоватое пятно. Я пошел и сел рядом с нашей дверью, не зная, что делать дальше, потом я решил сходить на рынок поискать Маму.

Пока я шел по улице под неусыпным оком безжалостного солнца, я видел голых детей, изможденных стариков с венами, набухшими на лбу, и мне стало страшно от чувства, что нет на

земле места, где можно укрыться от тяжести этого мира. Всему были нанесены жестокие раны. Везде были эти безнадежные хижины, лачуги, покрытые ржавым цинком, мусор на улицах, дети в лохмотьях, голые маленькие девочки, играющие в песке со смятыми консервными банками, необрезанные мальчики, прыгающие вокруг, издавая звуки автоматной очереди, воздух, вибрирующий от ядовитого жара и испарений воды из гниющих канав. Солнце обнажило реальность нашей жизни, и все выглядело таким горьким, что чудом казалось то, что люди могут еще понимать и заботиться друг о друге.

Я прошел мимо дома, где кричала женщина. Вокруг ее комнаты собрались люди. Я подумал, что ее избили громилы, но узнал, что она уже три дня и три ночи как не может родить. Я задавал слишком много вопросов, и взрослые, увидев, что я еще совсем мальчик, прогнали меня. Я пошел дальше в своих скитаниях, не зная ничего, кроме того, что я хочу увидеть Маму. Каждая торговка, попадавшаяся мне, казалась мне Мамой. По пути было так много торговок и все они продавали одни и те же вещи, что я не мог понять, как Мама может что-то продать в этой пыли под этим солнцем.

Я шел уже долго, дорога жгла мне ступни, в горле у меня пересохло, и голова раскалилась, когда я дошел до рынка. Везде стояли столики с товарами. Воздух наполняли запахи и ароматы рынка, пахли подгнившие овощи, свежие фрукты, сырое мясо, жареное мясо, пахучая рыба, перья диких птиц и чучела попугаев, плавали запахи жареной кукурузы и свежеокрашенных одежд, коровьего навоза и арабской парфюмерии, ростки перца обжигали глаза и щекотали ноздри. И сколько было здесь запахов, столько же было голосов, громких и сталкивающихся в воздухе. Женщины с подносами больших сочных помидоров, ведер с гарри или с кукурузой, или с семенами дыни, продававшие разные безделушки, пластиковые ведра и крашеные одежды, мужчины, продававшие коралловые украшения, деревянные расчески и панцири черепах, веревочные жилеты, штаны из хлопка и тапочки, женщины с москитными угольками, магическими зеркальцами любви, лампами-молниями, листьями табака, с образцами одежд на столиках, поставленных рядом с торговцами свежей рыбой, и все теснилось друг к другу, заполняя любое свободное место, громоздясь в фантастическом беспорядке. Отовсюду звучала брань, сборщики ренты ругались с жен-

щинами, возчики тележек кричали людям, чтобы те убирались с дороги, а маламы* с козлами на привязи молились на белых матах, склоняясь под солнцем, перебирая свои четки. Земля промокла от грязи и раздавленной еды, вокруг бегали почти голые дети. Женщины были одеты в выцветшие юбки и грязные блузки; страдальческие лица торговок были похожи на мамино, и их голоса были сладкие и грубые одновременно: сладкие, когда надо было привлечь покупателей, грубые, когда ругались. Я шел по рынку, сбитый с толку этим многоголосьем, ведь каждый из голосов мог быть голосом Мамы, а каждое из лиц могло быть ее лицом, и я видел, что мамины усталость и жертвенность были не только ее, но и всех женщин на этом рынке.

* Малам — грамотный, образованный человек; учитель.

На перекрестке путей разыгралась драка. Мужчины кричали, столики были перевернуты, лаяли собаки, палки свистели в воздухе, воняло рыбой и летали скопища мух. Столько мух я нигде еще не видел, и было странно, что я их не вдыхаю. Я шел от столика к столику, и моя голова едва доставала до разложенных товаров, иногда

я утыкался глазами в мертвые глаза рыбины, в ведра, где большие крабы и гигантские омары запутались в неразберихе клешней, в корзины, где меч-рыбы и угри били хвостами по алюминию. Я везде искал Маму, пока мои глаза не стали болеть от разнообразия предметов, и голова не начала кружиться от напряжения. И затем, когда солнце стало клониться к вечеру, мной овладела странная паника. В хаосе мироздания я не мог увидеть ни одного знакомого лица. Но внезапно, в чередовании света и темноты, я везде стал видеть Маму. Я видел, как она корчится на подносе с угрями. Я видел ее среди черепах в пластиковых ведрах, на амулетах у продавщиц магических товаров. Я видел ее на всем рынке, под странными навесами, в ветре, который нес с собой древесный дым и запахи рисовой сечки; я чувствовал ее везде, не в силах разгадать загадку лабиринтов этого рынка, где одна дорога ведет к тысячам новых лиц, каждое из которых выражает голод так, как свойственно только ему.

Я видел женщин, которые считали деньги и прятали их в набедренные повязки. Детей, на время брошенных без присмотра, кричавших на полу и под столиками. Я брел кругами по пространствам рынка, не в силах выбраться

отсюда, и неспособный продолжать движение, потому что у меня болели ступни, и не имея возможности даже остановиться из-за постоянного коловращения толпы — меня продвигали вперед или отбрасывали в сторону, на меня наступали, кричали, и в итоге я окончательно обессилел, сел под столик с улитками и стал беззвучно плакать.

Темнота медленно поглощала день, и я вылез из-под столика и стал пробиваться сквозь толпу, пока не подошел к прилавку, где старик продавал коренья и травы. Это был старик с молодыми глазами голубя и белыми волосами на голове, белыми усами и пепельной проседью в прямой бороде. Его столик был тишайшим местом на рынке. Он одиноко сидел на лавке. Он никого не звал покупать свой товар и никто к нему не подходил. Рядом с ним, разложенные на разноцветных веревках и нитях, лежали желтые и голубые корни, розовые клубни, череп обезьяны, перья попугая, высушенные головы стервятников и ибисов, когти льва, крылья орла и зеркало, которое меняло цвет в зависимости от падавшего на него света. Его столик был чистый; над его причудливыми товарами висел брезентовый тент, запачканный грязью. Если это и был травник, то, должно быть, очень особенный и ученый, потому

что, идя к нему, я увидел, что человек в белом с иголочки костюме поклонился ему и вместе они зашли за тент. Там они оставались долгое время.

Я удивленно смотрел на его товары на столе: ржавые стволы камедного дерева, высушенные солнцем красные листья, которые пахли дальними путешествиями, вырезанные корни, грубо напоминавшие части тела, кости в странных сочленениях, семена редких лечебных растений цвета берилла, прозрачные раковины морских животных, высушенные ярко-красные лилии, ягоды, семена аниса и зеленые перышки павлина, ослепительные шарики, похожие на глаза кошки, не высыхающие на солнце, молотый сахарный тростник, сломанные кольца из самых глубин моря и тысяча других диковинок, разбросанных на грязной голубой ткани. Я сел на стул старика и стал ждать. И пока я ждал, услышал, что из-за тента доносятся звуки. Они были такие тонкие, что их могли издавать только духи. Затем звук стал напоминать шум трущихся толстых веревок, а после преобразился в шепот русалок, просеивающих на золотистых берегах рек белые ветра сквозь длинные волосы. Затем раздался крик, похожий на крик страха, переросший в смех. Мужчина в белом пиджаке вышел, весь

вспотевший, с маленьким синим мешком за плечом. Старик тоже вышел, но без следов пота. Он поприветствовал меня.

— Я ищу свою мать, — сказал я.

— Кто твоя мать? — спросил он.

— Торговка на рынке.

— А я знаю ее?

— Я не знаю.

— Зачем ты ее ищешь?

— Потому что она моя мать.

Старик присел. Я остался стоять.

— Где ты потерял ее?

— Дома.

— Ты несешь послание?

— Я не знаю.

— Она послала тебя за чем-нибудь?

— Нет.

— Может быть, духи послали тебя ко мне?

— Не знаю.

— А она знает, где ты?

— Думаю, что нет.

Старик пристально посмотрел на меня своими странными глазами. Он взял корешок и повертел его в руках. Затем откусил от него немного и пожевал, раздумывая. Он предложил мне корень. Я взял его, но жевать не стал. Старик изучал меня.

— Знает ли кто-нибудь, что ты здесь?

— Нет.

Он улыбнулся, и на его молодые глаза набежало облако, их цвет изменился. На какое-то мгновение он напомнил мне птицу под колпаком.

— Так зачем все-таки ты ко мне пришел?

— Я не знаю.

Он взял еще один корень, похожий на ребенка с большой головой. Откусил голову ребенка, выплюнул ее, откусил руку и стал жевать.

— Как тебя зовут?

— Лазарус.

— Как-как?

— Азаро.

Он снова посмотрел на меня, словно я представлял из себя какой-то знак.

— Ты хорошо учишься в школе?

— Я ищу свою мать.

— А мать учила тебя чему-нибудь?

— Да.

— Чему же?

— Как полететь на луну на спине сверчка.

Выражение лица старика не изменилось.

— У тебя есть братья и сестры?

— Только на небе.

Он изучал меня, теребя бороду, поглядывая

на неугомонный рынок. Потом встал, прошел под свой тент и вышел оттуда с надтреснутой эмалевой тарелкой ямса и бобов. Я был голоден. Несмотря на предостережения Мамы по поводу незнакомцев, я с наслаждением поел. Еда была вкусной. Старик с блеском в глазах наблюдал за мной. Он продолжал вполголоса бормотать заклинания. Я поблагодарил его за еду, и он спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Я сыт.

— Хорошо.

Он забрал с собой тарелку и вынес пластиковую чашку с водой. На вкус это была вода из очень глубокого колодца, чуть сладковатая, со слабым запахом ржавчины и странных корней с его стола. Я выпил воду, и жажда моя стала еще сильнее, чем раньше.

— Как ты теперь себя чувствуешь?

Я начал было говорить, но вдруг весь мир потускнел. Легкие чары этого вечера застлали мне глаза. Я видел загадочное свечение, а внутри меня открывались пространства. Я попытался двинуться, но мой дух был не в ладах с моим телом. Мой дух был в движении, а тело оставалось на месте. Затем я ощутил, как вокруг меня все на-

чинает вращаться, поначалу медленно, но затем вещи побежали быстрее и стали еще тусклее, лицо старика при этом сделалось неправдоподобно большим, а затем стало таким маленьким, что я едва мог различить его глаза. Потом я услышал, как он издалека говорит:

— Ложись, сын мой.

И затем, затмив пространство звуком шелестящих перьев, он быстро растворился в подхватившем его светящемся ветре.

Звуки рынка приобрели новое качество. Миллионы ног, ступавших на землю, содрогали ее до основания. Голоса всех оттенков вырастали массивными волнами и превращались в шепоты. Издалека я слышал призывы муэдзина. Я чувствовал, что он зовет меня, но не мог сдвинуться с места. Колокольчики и ангельские хоры звучали рядом с моими ушами и внезапно опадали. Прямо напротив места, где я сидел, началась драка. Две женщины налетели друг на друга, и когда их разняли, их набедренные повязки воспарили в воздух, как перья. Женщины снова набросились друг на друга, в великой ярости и злобе, и клочья их париков, блузок и шарфов медленно закружились над ними. Их ярость очаровала меня. Я даже готов был податься к ним, когда голос,

казалось, пришедший ниоткуда, но не голос духа, сказал мне:

— Где старик?

— Ушел.

— Куда?

— Он убежал отсюда.

— Отчего?

— От меня.

— Почему?

— Потому что я ищу свою мать.

Пауза.

— Куда он побежал?

— К ветру.

— В каком направлении?

— Я не знаю.

— Кто твоя мать?

— Моя мать на рынке.

— Откуда ты знаешь, что твоя мать — рынок?

— Я не говорил, что моя мама — рынок.

— А что ты сказал?

— Что она торгует на рынке.

— А зачем ты ее ищешь?

— Я не знаю.

— Как тебя зовут?

Я ответил на вопрос, но, очевидно, мой ответ не был услышан, потому что голос спрашивал меня

три раза, и каждый раз более тихо. Ветер уносил мои ответы, и моя голова билась о твердыню тишины, и мир темнел. Прямо с луны, которая вдруг очень близко встала надо мной со светящимся лицом великого короля мира духов, я услышал другие, полные тьмы голоса, которые говорили:

— Посмотрите на него.

— Он ищет свою мать.

— У нее везде большие глаза на этом рынке.

— Люди платят ей, чтобы она закрыла глаза.

— Ее глаза никогда не закрываются.

— Они видят все.

— Они видят все деньги.

— Они поедают деньги.

— Нашу власть.

— Наши мечты.

— Наш сон.

— Наших детей.

— Говорят, что ее сын летает на луну.

— Вот почему у него такие большие глаза.

— Посмотрите на него.

Голоса и дальше продолжали что-то говорить, совершая какой-то ритуал. Луна спускалась прямо на меня. Мое лицо стало луной, и я уставился одним большим глазом в темноту рынка. И затем, с лунным свечением внутри себя, заполнившим

пустые пространства во мне, я почувствовал, как темнота поднимает меня вверх, как будто на невидимых руках. И за мной следовали эти голоса, голоса без тел.

— Может быть, ему нехорошо.

— Может быть, он сумасшедший.

— Странные вещи с нами творятся.

— С нашими детьми.

— Говорят, он находится в поисках духа Независимости.

— Говорят, он не может найти себя.

— Свой собственный дух.

— Который он потерял, когда явился белый человек.

— Говорят, он ищет свою мать.

— Но его мать его не ищет.

— Говорят, что она улетела на луну.

— Какую луну? Лун много.

— Луну Независимости.

— Так он ищет ее луну?

— Да.

— Странные вещи происходят.

— Мир переворачивается вверх тормашками.

— Безумие идет к нам.

— И голод идет, как пес о двенадцати головах.

— Смятение идет.

— И война.

— И кровь наливает глаза мужчин.

— И это поколение опустошит богатства этой земли.

— Пошли отсюда.

— Посмотри на него.

— Может быть, то, что еще не свершилось, сводит его с ума?

— Может быть, с ним просто не все в порядке.

И затем голоса растворились в воздухе. Светящийся ветер повеял надо мной, и свет во мне нашел свой вес. Мои невидимые руки стали видимы. Темнота заволокла рынок, словно выросла из земли. Везде зажглись лампы. Духи мертвых двигались сквозь густые запахи и плотную темноту.

И вдруг, как по мановению, запутанные дорожки стали мне совершенно ясны. Мои ноги уверенно ступали по земле. Я шел за светящимся ветром, который расчищал передо мной дорожки. Он провел меня по спирали через все головоломки рынка прямо к центру, где стоял колодец. Я заглянул в него и увидел, что в нем нет воды. Там плавала одна только луна. Она была почти белая, совершенно круглая и спокойная. Вокруг колодца не было никаких ведер, и земля была сухая, и я пришел к выводу, что никто не

станет черпать воду из луны в колодце, и начал лезть в колодец, потому что мне показалось, что это лучшее место, где можно лечь и передохнуть в глубокой неподвижной белизне. Но вдруг женщина схватила меня за шорты, вытащила оттуда, швырнула на землю и прикрикнула на меня:

— Уходи отсюда!

Я пошел за убывающим светом дорожки и пришел к месту, где белые куры били крыльями и шумно ворковали в больших бамбуковых клетках. Все здесь сильно пропахло курами, и я смотрел, как они снуют туда-сюда, машут крыльями, бьются друг о друга, неспособные вылететь из клетки. Вскоре мне показалось, что вся рыночная жизнь проходит в большой черной клетке. Дальше, уже ближе к ночи, я увидел, как трое мужчин в темных очках толкают шаткий столик с товарами, за которым стояла женщина. Они разбросали все ее товары, и она терпеливо их собирала. Она вытирала их от грязи и снова раскладывала на столике. Мужчины опять перевернули столик. Женщина подняла крик о помощи, о своей невиновности, но рыночная жизнь шла своим чередом, и ни один голос, если только он не был громче всех вместе взятых голосов рынка, не мог заставить к себе прислушаться. Женщина пере-

стала кричать. Она снова установила столик и выставила товары. Мужчины молча дождались, когда она закончит, и опять все перевернули. Я подошел ближе. Один из мужчин сказал:

— Ты не будешь торговать на этом месте, если ты не принадлежишь к нашей партии.

— Но где я найду другое место?

— Хороший вопрос, — сказал один из мужчин.

— Уходи. Иди. Нам не нужны такие, как ты.

— Ты не наша. Все остальные в этой части рынка — наши люди.

— Если вы так обращаетесь с людьми, то почему я должна хотеть стать одним из вас? — спросила женщина.

— Хороший вопрос.

— Правда.

— Так что иди.

— Уходи.

— Ты не нужна нам здесь.

— Но что я сделала? Я же плачу налог. Я плачу за это место, и никто никогда не жаловался на меня…

Двое мужчин подняли ее столик и понесли, загородив дорогу. Женщина, крича, как раненый зверь, кинулась на мужчин, вцепилась им в волосы, расцарапывая лица, срывая с них очки. Один

из мужчин крикнул, что он ничего не видит. Двое других схватили женщину и швырнули на землю. Третий ударил ее ногой, но женщина не издала ни звука. По дороге было не пройти, собралась большая толпа. Воздух заполнили возмущенные голоса. Женщина встала, побежала к столику и через секунду вернулась с мачете, которое она держала обеими руками с неуклюжей и устрашающей решительностью. Издав клич убийства, она кинулась на мужчин, разбежавшихся в разные стороны. Мужчина с сорванными очками кричал, что его ослепили, и разражался бранью, а женщина бежала за ним и уже высоко занесла мачете над его шеей, испустив сдавленный хрип, но толпа скрутила ее, и на мгновение я увидел мачете, высоко поднятое над затененными лицами. Женщины стали очищать свои столики. Одна из них сказала:

— Независимость принесла нам одни беды.

Луна ушла от меня и стало темно, и я на короткое время ощутил себя в мире духов, с их непрестанно тараторящими голосами. Вокруг меня была неразбериха, и старик с пепельной бородой говорил женщине:

— Упаковывай вещи и уходи этой ночью. Ты чуть не убила человека. Тебе повезло, что мы

остановили тебя. Иди домой к мужу и детям. Эти люди еще придут. Не приходи на рынок какое-то время. Ты — храбрая и глупая женщина.

Женщина ничего не ответила. С каменным лицом, выражавшим суровую красоту, она собрала в корзину товары. Она перестала вытирать нос и глаза своей повязкой. Вокруг столпились женщины с советами. Она была вся в грязи. Сложно было разобрать, где у нее грязь, а где волосы. Закончив упаковывать товары, она подняла корзину на голову и гордой походкой зашагала в толпу. Старик исчез. Луна полностью оставила меня, и я увидел лицо женщины при свете ламп. И когда ночь прекратила вертеться туда-сюда, в этой женщине я увидел Маму. Я пошел за ней, схватил ее за ногу, но она оттолкнула меня, упорная в своем неповиновении. Я схватил ее за повязку и закричал:

— Мама!

Она взглянула вниз, быстро поставила корзину на землю и надолго заключила меня в объятия. Затем она отпустила меня, и я заметил, что в ее обезумевших глазах проступила влага:

— Что ты здесь делаешь?

— Я ищу тебя.

— Иди домой! — скомандовала она.

Я прокладывал себе путь через толпу и слышал

за собой ее всхлипывания. Она шла за мной, пока мы не вышли с рынка. А когда мы шли, я увидел старика за другим столиком, с плавающей луной в глазах, которые смотрели на меня с легкой улыбкой. Подойдя к главной дороге, Мама опустила корзину, взяла меня на руки, привязала к спине своей повязкой и снова водрузила корзину на голову.

— Ты растешь, — сказала она. — Не все растет на этом месте, но по крайней мере ты, сын мой, растешь здесь.

По обеим сторонам дороги горели лампы. Отовсюду раздавались голоса. Везде были голоса и движение. Я нес в себе свои тайны.

Глава 11

Когда мы пришли домой, было очень темно, и Папа уже пришел с работы. Он сидел на своем стуле, курил сигарету и тяжело думал. Он не посмотрел на нас, когда мы вошли. Я был очень уставший, не говоря уже о Маме, и, поставив на шкаф свою корзину, она подошла к Папе и спросила, как у него прошел день. Папа ничего не ответил. Он курил в тишине. После того как Мама три раза повторила свой вопрос, и с каж-

дым разом голос ее становился все нежнее, она выпрямилась и направилась к двери, с грязью на одной стороне лица, похожей на тайные знаки принадлежности, когда Папа вдруг взорвался и ударил кулаком по столу.

— Где ты была? — грозно спросил он.

Мама похолодела.

— И почему ты так поздно?

— Я была на рынке.

— И что ты там делала?

— Торговала.

— Какой рынок? Какая торговля? Вот так вот, женщины, вы начинаете себя вести, когда попадаете в газеты. Я уже не знаю сколько сижу здесь, голодный, и в доме совсем нет еды. Мужчина гнет на тебя спину, а ты не можешь приготовить ему пищу, когда он приходит домой! Вот почему люди постоянно советуют мне запретить тебе торговать на рынке. Вы, женщины, начинаете маленькую торговлю, связываетесь с дурной женской компанией, берете в голову разные идеи, забываете о семье и оставляете меня здесь без еды с одними сигаретами! Сигаретами сыт не будешь! — Папа кричал очень сердитым голосом и размахивал руками.

— Извини, мой муж, дай мне пройти, и я…

— Ты извиняешься? Но извинениями сыт не будешь! Знаешь ли ты, какой ужасный день у меня был, хуже, чем у осла или гуся. Иди и потаскай мешки с цементом целый день, чтобы узнать, какая мне выпала скотская жизнь.

Папа продолжал кричать. Он пугал нас. Казалось, своей яростью он вдвое уменьшал комнату. Он не слушал ничего и ничего не замечал и все говорил и говорил о своей гнусной работе. Он рассказывал, как идиоты приказывали ему нести мешки, как громилы издевались над людьми, и что он был героем, и хочет бросить все и изменить свою жизнь.

— А что со мной? — спросила Мама.

— А что с тобой?

— Ты думаешь, мне не хочется все бросить, а?

— Давай! Бросай! — прокричал Папа. — Давай, давай, бросай все, и пускай твой сын голодает и побирается, как нищий иди сирота!

— Можно я пойду и приготовлю еды? — спокойно спросила Мама.

— Я больше не голоден. Иди и приготовь еду для себя.

Мама пошла в сторону кухни, но Папа кинулся на нее, схватил за шею и прижал лицом к матрасу. Мама не протестовала и не боролась с ним,

Папа сел на нее верхом так, что я мог видеть ее прижатое лицо, а затем встал и пошел обратно к своему стулу.

— Оставь Маму в покое, — сказал я.

— Замолчи! А где это был ты, интересно? — спросил он, уставясь на меня.

Я не ответил. И выбежал из комнаты. Вскоре пришла Мама и мы пошли на двор. Мы приготовили эба и разогрели тушенку.

— Все мужчины — дураки, — вот и все, что сказала Мама, уставясь в огонь, когда мы сидели на кухне.

Закончив готовить, мы накрыли стол. Ели молча. Папа был необычайно прожорлив. Он прикончил свою порцию эба и попросил еще. Мама встала и приготовила ему еще эба, которую он бесстыдно заглотил в два приема. Пыщущие паром куски эба, казалось, ничуть не обожгли ему руки и горло. Разделавшись со второй порцией, он откинулся на стул и удовлетворенно потер свой живот.

— Я делаю мужскую работу и ем как мужчина, — сказал он, улыбнувшись.

Мы не улыбались ему.

Он послал меня купить огогоро и сигарет. Пока он пил и курил, его настроение заметно улучши-

лось. Он попытался шутить с нами, но мы ему не отвечали.

— Что тревожит тебя? — спросил он Маму.

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего, — ответила она, не смотря на него.

— Ничего, — сказал я.

— Ничего?

— Да.

— А что делает грязь на мамином лице?

— Ничего, — ответил я.

Он посмотрел на нас так, как будто мы состояли против него в заговоре. Он продолжил свои расспросы, но мы отказывались ему отвечать. Он искал какую-то загвоздку, но, разомлевший от сытной еды, не мог ничего придумать. Мама молчала, глубоко уйдя в свое одиночество, и ее лицо не выражало ничего — ни боли, ни несчастья, ни радости и ни удовлетворения. Папа умолял нас рассказать ему, что случилось.

— Тебе угрожал кто-нибудь?

— Нет.

— У тебя украли вещи?

— Нет.

— Тебя расстроили какие-нибудь плохие новости?

— Нет.

— Тебя прогоняли громилы?

Мама сделала маленькую паузу, прежде чем сказать:

— Нет.

Папа хрустнул спиной и вытянулся. Ему было очень неуютно и выглядел он почти жалким. Мама встала, убрала со стола и пошла мыться. Вернувшись, она сразу легла в постель. Папа сидел на стуле, рыгая, куря сигарету, страдая от бессонницы, как человек, который не может постичь таинственное молчание своей жены. Я расстелил себе мат и лег на него, немного понаблюдав за Папой. Его сигарета превратилась в звезду.

— Сегодня ночью полная луна, — сказал он.

Пока я наблюдал его силуэт, луна спустилась с неба, заполнив собой темные места. Я продолжал смотреть на луку. Я следовал по широкой дорожке, пока не дошел до хижины рядом с колодцем. За колодцем прятался фотограф, делая снимки со звезд и созвездий. Его камера вспыхнула, и из вспышки появились громилы и принялись его избивать. Камера выпала из рук фотографа. Я слышал, как внутри камеры кричали люди. Громилы прыгнули на камеру, пытаясь сломать

ее ногами. Люди, находившиеся внутри камеры, которые хотели выйти на свет и стать реальными, начали плакать и не могли остановиться.

Фотограф вырвал у них из-под ног разбитую камеру. Мы вбежали в хижину и поняли, что она передвинулась и встала над колодцем. Мы провалились в колодец и оказались в просторной гостиной. Трое мужчин в очках были везде, постоянно множась. Папа курил москитную спиральку и, увидев меня, сказал:

— Что, интересно, делает грязь на мамином лице?

Один из громил в темных очках услышал его, увидел нас и сказал:

— Она не наш человек.

Громилы ринулись за нами. Мы с фотографом вбежали в комнату и столкнулись со степенной фигурой Мадам Кото, одетой в кружевное платье с золотой вышивкой, с большим опахалом из крокодиловой кожи в руках. Она пригласила нас к себе, повела, и когда мы сели, вбежали трое мужчин и нас окружили. Они закрыли меня и фотографа в стеклянном шкафу, который невозможно было разбить. Снаружи шкафа куры махали крыльями и превращались в политиков. Политики, одетые в белые балахоны, летали,

разговаривая на странных языках. Я стоял за стеклом, а Папа смотрел на меня, и так продолжалось до самого рассвета.

Глава 12

Через несколько дней я столкнулся с Мадам Кото и тремя мужчинами. Они стояли возле дерева и о чем-то возбужденно спорили. Мадам Кото растолстела и выглядела обрюзгшей. На ней не было уже ожерелья из белых бусин. Увидев меня, она прекратила спорить и указала в моем направлении. Страх, который я не мог объяснить, заставил меня пуститься наутек.

— Хватайте его, — крикнула она.

Трое мужчин побежали за мной, но без особого успеха. Вскоре они прекратили меня преследовать. Я не останавливался, пока не добежал до нашего барака.

Я присел на цементную платформу. Куры носились по улице. Две собаки ходили друг вокруг друга, и, когда день в своей жаре достиг апогея, одной собаке удалось взгромоздиться на другую. Вокруг них стали собираться дети, и я понял, что собаки прилипли. Они не могли отлепиться, и дети смеялись. Они стали бросать в них камни,

боль заставила собак отделиться, и они с лаем побежали в разные стороны.

Я сел наблюдать за вялыми движениями мира. Кусты буша словно кипели на медленном огне. Птицы садились на нашу крышу. Пыль поднималась от бесчисленных шагов и становилась неотличима от ослепляющего жара. Мой пот высох. Прилетели мухи. Подул ветер, и образовался небольшой вихрь — пыль, кусочки бумаги и мусор взметнулись вверх по спирали. Вокруг вихря забегали дети, и только их пронзительные крики слышались, вместе с птичьим пением, в сомнамбулическом воздухе этого мира.

Все блестело в ярком жидком мареве. Звуки словно оплывали по краям. Нищие тащились из последних сил. Через поселок прошли моряки и шабашники. Мужчины, продававшие амулеты, тапочки, сделанные в пустыне, всякие поделки из бамбука и яркие красные маты тоже пришли к нам. Затем погонщик коз провел свою паству по улице. Козы блеяли и оставили после себя в воздухе запах, который долго не мог унести ветер. Мне надоело наблюдать заурядные события мира. Я пошел к студии и стал смотреть на снимки. Они висели уже давно. Я постучал в комнату фотографа, но мне никто не открыл. Я снова постучал, и

дверь тихонько приоткрылась. Лицо фотографа появилось на уровне моей головы. Вкрадчиво, он сказал голосом, к которому был примешан страх:

— Уходи!

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы люди знали, что я здесь.

— Почему не хотите?

— Уходи и все!

— А что если я не уйду?

— Я стукну тебя по голове, и ты не будешь спать семь дней.

Я задумался об этом.

— Иди же! — закричал он.

— А что с теми мужчинами?

— С какими?

— С тремя мужчинами.

— А ты видел их? — спросил он уже другим голосом.

— Да.

— Где?

— Они разговаривали с Мадам Кото.

— Вот ведьма! О чем они говорили?

— Я не знаю.

— Когда ты видел их?

— Не так давно.

Он быстро закрыл дверь, запер на засов, но потом открыл ее снова.

— Иди! — сказал он. — И если ты снова их увидишь, немедленно приди ко мне и скажи.

— А что вы будете делать?

— Убью их или убегу.

Потом он закрыл дверь. Я немного постоял рядом. Образ его испуганного лица преследовал меня. Затем я пришел домой, сел на цементную платформу и стал наблюдать за всем, что двигалось на нашей улице. От солнца воздух с землей сливались и неотчетливо мерцали, и в какой-то момент я почувствовал, как все неразрешенное возвращается на круги своя — истории, мечты, исчезнувший мир великих древних духов, дикие джунгли, тигры с глазами-алмазами, пробирающиеся по тесным зарослям. Я видел существа, которые несли перед собой звенящие цепи, и кровь стекала по их шеям. Я видел мужчин и женщин без крыльев, сидевших рядами и стремительно поднимавшихся в небо. Я видел, как из центра солнца ко мне летели птицы и лошади, чьи крылья наполовину закрывали солнце и чьи перья отливали рубиновым сиянием. Я закрыл глаза — мир закружился, моя голова полетела в колодец, я открыл глаза, чтобы остановить это

падение, когда вдруг услышал звон разбитого стекла, пронзивший дневное марево.

На соседней улице трое мужчин дубинками разбивали стеклянный шкаф фотографа. Затем они в спешке сняли вывешенные на просмотр снимки. Люди на улице, разбуженные шумом, подходили к своим крылечкам. Мужчины быстро посрывали фотографии и ушли в квартал, где жил фотограф. Люди, вышедшие из комнат, оглядели улицу и не увидели ничего необычного. Действие переместилось в комнату фотографа. Я побежал через улицу.

Когда я добежал, дверь комнаты была широко распахнута и никого из мужчин там не было. Как и самого фотографа. Окно было открыто, но я не смог из-за своего роста заглянуть туда и побежал на задний двор. Там я тоже никого не увидел. Я лишь заметил, что двор ведет к другим дворам. Я прошел мимо отхожего места, где кишели мухи и личинки. Здесь пахло так омерзительно, что я чуть не задохнулся. Другая дорога вела в болото и топи, за которыми был лес с могучими деревьями ироко, обече и красными деревьями. Туда вели глубокие свежие следы. Я шел по следам, проваливаясь в грязь, пока мягкая земля окончательно не превратилась в болото. Везде валялся мусор.

Странные цветы, травы и зловещие поганки росли на болоте. Буш пышно разросся в неожиданных местах. На другую сторону болота вел деревянный мостик. Следы перекрывали друг друга, и некоторые из них вели прямо в топь. Я осмотрелся вокруг, никого не увидел и решил не продолжать поиски. Я пошел домой, смыл грязь с ног и снова принялся вести наблюдение за улицей. Больше не случилось ничего необычного.

Вечером вернулась Мама и была удивлена, увидев меня дома.

— Значит, ты был дома? Хороший мальчик. Я думала, что сегодня ты отправишься в Египет.

Она была дома раньше обычного, потому что в этот день не пошла на рынок. Она опять принялась торговать с лотка. Ее лицо было совсем темное от солнца.

* * *

Той ночью я слушал истории из темноты своего детского часа. Я слушал голос Мамы и песни Папы, слушал истории возвращения, передаваемые из уст в уста и из поколения в поколение. В тот час, залитый древним лунным светом, я слушал истории о неукротимых героях, которые стали суровыми богами хаоса и грома — когда ужас

нанес нам свой визит. Та ночь принесла с собой ужас. Поначалу с улицы раздались пронзительные голоса, которые возвратили нас в древность, в вечные круги борьбы за власть.

Мы выскочили в синее воспоминание улицы, запруженной тенями. Озлобленные мужчины крушили окна, деревянные двери и человеческие тела. Мы выскочили в темное марево, пахнущее горящими волосами, навстречу едкому желтому дыму из парикмахерской, навстречу звукам извращенных ритуальных чантов, кошачьему концерту и ударам блестящих мачете, призывающих к очистительной войне.

Голоса, призывающие к мести, наполнили улицу. Зеленые тела были густо намазаны сурьмой, и с голых грудей мужчин стекала кровь животных. Мужчины были похожи на реку из диких ягуаров. Глубокие земные песни мужчин мешались с ветром и доносились отовсюду, от звезд и раздавленных цветов. Они пели разрушение. Их возгласы заполонили эту ночь. Их потеющие тела блестели в свете ламп. Их кличи, призывавшие к убийствам, заставили нас выйти из забытья.

Нельзя было сказать, кем они были. Чанты доносились от групп людей, собравшихся вокруг поселка, от людей, казавшихся нам знакомыми,

чьи тени вдруг выросли перед нами в теплое облако ужаса, чьи визги внезапно стали похожи на голоса птиц. Даже среди нас нашлись люди, которые откликнулись на зов старинных кровных уз.

Громилы вместе с обычными людьми шли на поселок, заполонив дорогу. Они ворвались в эту ночь с топорами, ворвались в наши сны, сотрясая землю. Они штурмовали дома, крушили двери и срывали крыши. Крича от боли, мы даже не догадывались, кем были наши враги. Эти фигуры с горящими лицами атаковали нас прямо из темноты, бросались на нас с дубинками, камнями, прутьями и хлыстами. Прошло немало времени, пока мы поняли, что стали жертвами некоего акта мести, заложниками этой ночи, и нашим врагом была также темнота. Одна за другой лампы были разбиты.

Темнота подавила наши голоса. Громкий крик пронзил ночь, словно командир отдал приказ войскам. И вдруг стало так тихо, что слышно было течение глубоких рек. Воцарилось спокойствие. Ветер дул над домами и слабо завывал между деревьев. Шепоты духов летели вместе с ветром. Звуки воды и медленных шагов подплывали к нам. Было так, словно сам ветер готовился к последней атаке.

И затем тишина была нарушена паникой жертв. Раздался еще один крик, но не наших врагов, а женщины, которая увидела что-то удивительное и чудовищное. С этого крика все и началось. Жертвы развернулись и все как один стали спасаться в свои комнаты. Паника запутала наши пути и сгребла все тела в густую темноту. Везде вопили женщины. Я двигался вместе с тенями и побежал в убежище тьмы, на ту сторону улицы. Я думал, что там меня ждет безопасность. Я не мог видеть, куда я бегу. Голоса вокруг меня начали скандировать:

— Убей фотографа!
— Жги фотографии!
— Кончай его!
— Вырви глаза!
— Ослепи его!
— Ослепи врагов!
— Круши его!
— Преподай урок!
— Покажи им власть!
— Покажи им силу!
— Ломай пальцы!
— Пробивай головы!
— Убей фотографа!
— Тело — псам!

— Глаза — птицам!

— Пусть посмеется над партией!!

— Над властью!

— Над силой!

Их чанты усиливались. Их шаги становились голосами, одним голосом, который разрастался, как огонь. Под давлением этих шагов, голосов и намерений из земли поднимались мертвецы. Я ударился головой о что-то твердое, оцарапал локоть о челюсти мертвеца, проложил себе путь через ржавое железо и вдруг понял, что оказался в безопасности сгоревшего фургона. Я спрятался за сиденье водителя и слушал, как в этой ночи синих воспоминаний разыгрывалась драма Живущих, которую могли понять только Мертвые.

Я не мог ничего видеть. Но через улицу я услышал, сначала шепотом, а потом громко:

— Азаро! Азаро! Где ты?

Это была Мама.

— Азаро! Азаро!

Затем снова наступила тишина. Из моего детского часа темноты я слушал, как Мама ждала моего ответа. Но ночь и ветер разделили нас. Я в страхе прислушивался, как ветер играл моим именем.

— АЗАРО! АЗАРО!

Ветер переносил мое имя. Оно полетело к нашей части улицы и затем в сторону бара Мадам Кото. Имя окружало меня, летая над сгоревшим фургоном, и передавалось тысячами дрожащих голосов, словно Бог призывал меня глотками этих свирепых людей.

Даже мертвецы играли моим именем в ту ночь.

Я слышал из своего детства, как мое имя понеслось к бараку фотографа и эхом отдавалось в коридорах, пока совсем не стихло. Больше в ту ночь я не слышал маминого голоса.

Сидя в машине, охваченный страхом, я видел, как воскресают мертвецы. Я увидел, как они поднимаются в тот самый момент, когда пошла вторая волна разрушения, начавшаяся со скандирования наших противников. Мертвые присоединялись к жертвам, мешались с громилами, растворялись в ночи и кидались на наших противников. Мертвецы испускали вопли радости смертных, и синеватый багрянец ночи был для них храмом, искрящимся лихорадкой живых. Они упивались этой ночью зеркал, где тела отблескивали кровью и серебром. Мертвецы стряхнули с себя ржавчину жизни и взялись за смертоносную сталь. Их губы подрагивали

среди неповиновения жертв, среди призраков политиков и их пустопорожних мечтаний, среди безумия громил, которые толком и не понимали, какой партии они отдали свою жестокость.

Это была ночь без памяти. Это была ночь, вывалившая свою ржавь вечного возвращения на дорогу наших жизней, дорогу, которая всегда была голодна до новых превращений.

Мертвецы, медленно пробудившиеся от спячки дороги, стали акробатами насилия. Они кувыркались среди мужчин, женщин и детей, захваченные мороком политики. Я слышал несколько голосов, без страха скандирующих новые кличи. Затем я услышал звуки битвы. Я слышал дерзкие вопли сопротивления, шаги, убегающие в темноту, сверкающую сталь, соприкасавшуюся с телами, насурьмленные груди поверженных наземь, и крики женщин со ступами для толчения ямса, толкущих тени. Я слышал, как сильные мужчины сгибались под мятежным ветром, и глубокие голоса выкрикивали имена грозных богов. Я понял, что наши враги потерпели поражение. Люди из квартала фотографа построили баррикады. Любопытно, что мертвецы заняли сторону жертв. Знакомые мне голоса смело выкрикивали:

— Дайте им отпор!
— Борись за свободу!
— Кидай камни!
— Отравили нас молоком!
— И словами.
— Своими обещаньями.
— И они хотят управлять страной.
— Нашими жизнями!
— Они напали на нас!
— На нашей собственной улице!
— Бей их без страха!

Засверкали мачете. Песни ритмично повторялись по слогам. Чары стиснутых зубов этой ночи были разрушены. Враги предприняли последнюю отчаянную попытку.

— Лей бензин на их дома!
— Сжигай их!
— Сжигай фотографа!
— Сжигай Азаро!

Я дрожал в фургоне. Кто-то забросил горящую головню в студию фотографа. Ее поймал мертвец и сожрал весь огонь. Кто-то бросил в воздух еще одну головню. Она упала на фургон и затрещала на капоте. Что-то заползло мне на ноги. Через боковое окно в кабину повалил дым. Фургон кишел пауками и червями. Я стал выбираться

из фургона. Я уже просунул голову через окно, когда услышал оглушительный взрыв из квартала фотографа. И после взрыва настала глубокая тишина. Только ветер свистел поверх шума.

И затем тени, шаги, зеленые тела, свирепые ягуары, пожиратели огня, торговцы смертью, вдохновители мертвых и возмутители нашего сна превратились в летящие мячики, разбросанные ветром и силой взрывов. Темная стена тел пала. Голоса больше не звучали угрожающе, в них теперь был слышен страх.

Пистолетный выстрел, никуда не направленный, но пронзивший ночь, как будто звезда упала на нашу улицу, придал еще больше отчаяния паническому бегству врагов. Я слышал, как они падали друг на друга, бежали наперегонки с ужасом, который сами же сюда принесли, сталкивались с собственными тенями и со светящимися в темноте телами. Я слышал, как они призывали своих матерей, выкрикивали имена жен, сокрушаясь о том, кто же возьмет заботу об их детях, в то время как невинные разбивали бутылки об их головы, и мужчины улицы обрушивали град ударов дубинками по отступавшим, которые падали также под натиском рук, превратившихся в тупые безжалостные мотыги.

Новые силы влились в ночь, завладели этой ночью, сделали ее союзником жертв. Враги завели свои машины и умчались, исчезнув в конце улицы за баром Мадам Кото — сонм мертвецов начал спускаться в открытый кровоточащий рот земли. Я видел их из фургона. Я наблюдал за миром, скрывающимся в кладовую бреда истории. Мертвецы с глазами цвета индиго и серебряными взглядами исчезли в забытьи наших синих воспоминаний.

Обитатели улицы отвоевали себе эту ночь. Голоса заново пробудились. Одна за другой стали зажигаться лампы. Люди собирались у входа в поселение. Не было только фотографа, чтобы запечатлеть события этой ночи и сделать их реальностью посредством своего магического инструмента. Я вышел из фургона и побежал через улицу, в распростертые объятия Мамы.

* * *

Утром мы все узнали о раненых: одной женщине полоснули ножом по лицу, мужчине раскроили голову ударом мачете, у многих людей лица были распороты битыми бутылками, другие были избиты железными прутьями, у одного мужчины оторвано пол-уха, у женщины были

ожоги на спине. Помимо жертв невинных, мы узнали также о смерти одного врага. Мы также услышали, что каждая партия обвиняла другую в этом жестоком нападении.

Энергия, которая ушла на войну, истощила улицу. Мы не отпраздновали успех нашего сопротивления. Мы знали, что это еще не все беды, что репрессии отложены на другую ночь, когда мы окончательно забудем про эту. Обитатели улицы, устрашенные и яростные, создали дежурные отряды. Они вооружились ножами, дубинками и пневматическими пистолетами. Мы ждали, что на нас опустится новая железная кара. Мы долго ждали, но не случилось ничего из того, что предсказывали. После двухнедельного дежурства отряды были распущены. Мы снова погрузились в нашу обычную жизнь.

Фотограф совсем исчез. Его комната была разрушена: дверь разбита, одежды изорваны в лоскутья, матрасы изрезаны, снимки и негативы испорчены, некоторые из камер сломаны. Ленд-лорд его поселения, не питающий симпатий к героям, везде искал его, требуя, чтобы он починил дверь.

Мы боялись, что фотографа убили. Его стеклянный шкаф лежал в руинах и выглядел совсем

неприкаянно. Он стал неким воплощением того, что могут сделать влиятельные силы в стране, если кто-то поднимет свой голос против коррупции. И поскольку фотографа не было на месте, чтобы запечатлеть события той ночи, в газетах ничего о них не появилось. Получилось, что событий как бы и не было. Они остались слухами.

Поначалу улица была заколдована страхом. Владельцы столиков по вечерам прекратили продавать товары. Улица стала выглядеть темнее, чем раньше. Люди стали такими подозрительными, что перестали открывать двери, особенно когда в них кто-то стучал. Те, кто обычно уходил пьянствовать и возвращался поздно, теперь пили в своих комнатах и пели, сидя взаперти.

Спустя какое-то время стало ясно, что больше не случится ничего знаменательного и новых репрессий не последует. И многие из нас даже перестали верить своим воспоминаниям. Мы начали думать, что лихорадка той ночи была чем-то вроде коллективного сновидения. Это бывало раньше, это будет еще. Но, что бы ни происходило, река из диких ягуаров продолжала свое течение под поверхностью наших голодных дорог.

* * *

Многими ночами в мои детские часы Мама рассказывала мне истории об аквамариновых началах. Под неусыпным белым глазом луны, под небом цвета индиго, в золотом свете нашей жизни в маленькой комнатке, я слушал мудрость старинных песен, которые выводил Папа надтреснутым воинственным голосом. Очарованный кобальтовыми тенями, таинственным аквамарином воздуха и серебряными взорами мертвых, я прислушивался к тяжелым образам радости. Я слушал рабочие песни, песни урожая и песни о тайнах героев.

Снаружи ветер вечного возвращения мягко стелился над поверхностью земли.

КНИГА ТРЕТЬЯ
Глава 1

Явление ужаса не нарушило нашу жизнь в ее повседневных делах. Маму притесняли на рынке. Когда она переносила столик в другую часть рынка, объявлялись громилы, делая вид, что они ее покупатели. Они приставали к ней, разбрасывали или просто забирали товары, ничего не платя. Затем они угрожали ей и распространяли слухи, так что те, кто обычно покупал у нее товары, шли к другим столикам. Мама приходила домой, почти ничего не продав. Она зарабатывала очень мало.

Папа возвращался домой с каждым разом все раньше. Он еще больше ссутулился, и его спина так сильно болела, что иногда по утрам он долго не мог встать прямо. Папа стал неуклюжим. Шея у него все время ныла, и на ногах появились язвы. У него начала шелушиться кожа на плечах, на ушах, на шее и по всей спине. Цвет кожи стал сероватым от соли и цемента.

На время я прекратил свои путешествия. Приходя из школы, я просто уходил из нашего барака и играл на улицах. По вечерам я бегал по поруче-

ниям Мамы и Папы, которые слишком уставали, чтобы что-то еще делать. Я покупал свечи, москитные спирали, огогоро. Я разогревал еду, мыл посуду, убирался в комнате. Для Папы я собирал травы, которые он использовал для лечения. Я ходил к травникам за лекарствами, чтобы лечить его спину. Мы все вместе стали рано ложиться спать, и Папа уже не сидел часами на своем стуле.

Когда свеча догорала и крысы принимались за еду, я задувал огарок и ложился в темноте. Я прислушивался к храпу Мамы и Папы. Иногда, когда я засыпал, моя светлая часть покидала тело и принималась кружить в темноте. Меня окружал яркий свет, которого я не видел, но мог чувствовать. Меня кто-то доставал из тела и пробовал пронести через крышу, но это оказывалось не так просто, я вновь оказывался внизу и слушал шум грызущих крыс. Затем я исчезал во сне.

Однажды ночью я все же смог пробраться сквозь крышу. Я летел так быстро, что у меня перехватывало дыхание, а звезды словно мчались на меня. Неспособный контролировать свои движения, я возносился, падал и летел сразу во всех направлениях, достигая невероятных высот и кружась в вихрях. Ошеломляющая темнота

казалась бесконечной, без каких-либо знаков и символов. Я блаженно парил, возносился вверх, так и не достигая небес.

Той ночью я только начал учиться управлять своими полетами, как вдруг большая вспышка, подобно внезапному шуму, окружила меня со всех сторон. Казалось, она распространилась во всех направлениях. Я стал листьями, которые взметнул ветер возвращения. Я почувствовал, как выпадаю из невыносимой безмерности темных пространств, меня просто вынесло на волне кромешной ночи, хотя я боролся и старался взять себя в руки. Я почувствовал, как лечу с ужасающим ускорением в темный колодец. Я уже падал на дно, как вдруг оно оказалось лицом светящейся луны, и ее белизна поглотила меня и обернулась теменью. Я чуть не разорвался от крика. Когда я успокоился, то услышал, как скребутся крысы, как храпят мои родители и как кто-то безостановочно стучит в дверь.

Некоторое время я без движения пролежал на мате. Головная боль была свирепой, В глазах кружились огни. Я чувствовал себя опустошенным. Стуки продолжались, и родители стали похрапывать с перебоями. Далее крысы притихли. Я встал, пошел к двери и спросил:

— Кто это?

Папа перевернулся на кровати. Мама перестала храпеть. Тот, кто стучал, не отзывался. Один из съемщиков крикнул из своего окна:

— Кто там стучит? Если не хочешь неприятностей, уходи отсюда, понял?

Стук повторился, но уже мягче, и стал похож на код, который я должен был понять. Я открыл дверь. Припадая к земле, стоял фотограф с камерой на плече. Его испуганные глаза мерцали в темноте.

— Это я, — ответил он.

Я долго смотрел на него. Он не двигался. Сосед закричал:

— Кто это тут хочет умереть?

Я открыл дверь шире, и фотограф, все еще горбясь, быстро прошел к нам в комнату. Я зажег свечку и увидел, что с его головы течет кровь. Он сел на мой мат, кровь сочилась с его лба, текла по глазам и впитывалась в его желтую рубашку. Он тяжело дышал, но старался делать это тише. Его волосы были взлохмачены, лицо в синяках, один глаз заплыл, нижняя губа вздулась и посинела.

— Что с вами случилось? — спросил я.

— Маленькие неполадки, — ответил он. — Не из тех, которые не под силу вынести человеку.

Он сел, затем встал на колени и обхватил руками голову. Когда он посмотрел вверх, его глаза были большие и яркие, полные страха и мудрости.

— Я слышал обо всем, что случилось на улице. То же произошло везде. Так или иначе, мы будем продолжать бороться за правду. И справедливость. И мы победим.

Его руки были в крови. Он вытер их передом рубашки. От красного на желтом я почувствовал себя больным.

— Поверь мне, — добавил он.

Он не скоро заговорил опять. Его глаза что-то припоминали, и на губах мелькала легкая улыбка.

— Когда эти трое пришли той ночью, я выпрыгнул в окно, побежал к болоту и спрятался за деревянным мостиком для ходьбы, пока черви не начали проедать мне ноги. Тогда я вылез из-под мостика. Мне было страшно. На меня завыл пес, который плелся за мной, куда бы я ни шел. Двухлапый пес. Это животное-калека продолжало донимать меня, выть, и люди смотрели на меня, и я не знал, кто мне враг, а кто нет, поэтому мне пришлось ударить пса. Он упал на землю и не встал.

Фотограф помолчал.

— Затем я пришел в дом своего друга. С ним была его подруга. Я помыл ноги и вышел. Затем я пошел искать своих родственников.

Он остановился.

Крысы продолжали прогрызать свой путь к нашим жизням.

— Что это? — спросил он, встрепенувшись.

— Крысы.

— А, это они, — ответил он.

Он замолчал, и я подумал, что он забыл, с чего начал. Он моргал, вертел глазами и глубоко стонал. Струйка крови, стекавшая у него со лба, остановилась на щеке. Я смотрел на него, пока он вспоминал.

— Я останавливался то у одного, то у другого родственника. Я заметил, что странные люди стали следить за их домами. Я услышал уже, что произошло на улице. Я задолжал ренту. Мне нужны были пленки для камеры. Я подумал, что прошло уже достаточно времени. И как-то ночью я решил вернуться домой. Идя к себе, я прятался по темным местам и старался быть осторожным, но, когда я уже приближался к поселению, двое людей прыгнули на меня и ударили по голове мотыгой и палкой, я дрался с ними, а потом убежал

в лес. Там я и остался. Меня жалили москиты. Двулапый пес стал выть в темноте. Я не видел его, я был голоден и слышал голоса в деревьях, и затем решил, что пора возвращаться домой навстречу музыке.

Он опять сделал паузу. Кровь перестала течь по щеке. Затем он продолжил.

— Я пошел по другому пути. На этот раз я не прятался и избегал темных мест, потому что хотел, чтобы люди нашей улицы узнали меня. Когда я приближался к дому, два человека, прятавшиеся в сгоревшем фургоне, снова напали на меня. Я закричал, и они, прежде чем убежать, избили меня. Вот я и пришел сюда, потому что не чувствую себя в безопасности ни дома, ни где-нибудь еще.

Он снова замолк. Он слушал крыс и вытирал кровь ребром ладони.

— Должно быть, это большие крысы, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— А ты прислушайся к ним.

Я слушал крыс.

— У них большие зубы и очень острые, — произнес он. — Знаешь ли ты, что в Египте крысы съели целого верблюда?

— Что такое верблюд?

— Единственное животное, которое может выжить в пустыне.

Я с восхищением представил себе это животное.

— И крысы съели его?

— Да.

— Как?

— Зубами.

Я прислушивался к крысам.

— А нас они могут съесть?

— Они хоть сейчас могут это сделать. Но я не уверен.

— В чем?

— В их голоде.

Я снова прислушался.

— Я знаю хороший яд, который убьет их. Лучший яд. Я принесу его вам.

Крысы прекратили есть.

— Они могут понимать нас, — сказал я.

— Хорошо.

Он встал.

— Эта голова не дает мне покоя. Отведи меня во двор. Я хочу смыть кровь.

Я вышел вместе с ним. Ветер тяжело свистел по коридору. Сначала было очень темно, и я подумал, что развешанная на просушку одежда

— это мужчины в темных очках, но ветер раскачивал одежду, и я понемногу привык к темноте. Фотограф обмыл раны из ведра, стоявшего рядом с колодцем. Он тихо стонал, с трудом сдерживая боль. Когда мы пришли опять в комнату, проснулся Папа.

— Кто это такой? — спросил он меня.

Я зажег свечку. Фотограф стоял в дверях, держа в руках ведро с водой, и кровь стекала у него по шее. Папа спокойно посмотрел на нас обоих. Пока фотограф вытирал волосы своей рубашкой, я рассказал Папе, что произошло.

Я старался не говорить громко, но вскоре проснулась и Мама. Узнав о том, что случилось, Мама пошла, согрела еду для фотографа и наложила компрессы на его раны. Они проговорили полночи. Они обсуждали то, что они могут для него сделать, и настояли, чтобы он остался у нас до утра. Они много чего решили, но я не узнал, что именно, потому что скоро стал клевать носом и заснул.

Когда под утро мы проснулись, фотографа уже не было. На столе лежали фотографии с празднования моего возвращения домой.

Глава 2

В дьявольской жаре того полдня шесть выродков младших вождей, показавшихся мне сначала минотаврами, развернули древнюю битву за власть. Они бились рядом с сожженным фургоном. Никто не вышел разнять их. Они дрались длинными палками, дубинками и кнутами. Они были похожи друг на друга, как похожи политика и насилие. Все они были мускулистые и выглядели как отставные боксеры, как громилы, бычары, как грузчики, которых я видел в гараже. Они были голодные и дикие. Они были голые по пояс. Их лица наводили страх. И они дрались несколько часов, словно находясь в кромешной тьме, бессильные выйти из этого кошмара.

Свистели кнуты. Я увидел, как резко опустилась дубинка, один из мужчин упал, трое остальных встали над ним. Двое сцепились с третьим, и мужчина, находившийся за ними, принялся лошадиным кнутом стегать без разбору по их спинам. Вскоре все они покрылись потом и кровью. Двое мужчин, два свирепых противника с бронзовой кожей, блестевшей под испепеляющим жаром солнца, отделились от хаоса тел и устави-

лись друг на друга. Один ударил кнутом по спине другого, и на его коже проступили беловатые полосы, вскоре окрасившиеся красным. Мужчина стерпел, сам поднял кнут и в абсолютном молчании повторил процедуру на спине соперника. Это были враги без эмоций. Они продолжали хлестать друг друга и молча терпеть боль. Затем один из них вышел из оцепенения, схватил кнут другого, и оба они сцепились, катаясь по земле со спинами, измазанными песком и кровью.

Один толкнул другого, стукнул по голове и издал крик ликования. Тот, что был на земле, схватил камень. Другой бросился к нему. Мужчина с камнем ударил им нападавшего в глаз, из которого потекла зеленая кровь. Нападавший не закричал. Они стали тузить друг друга в какой-то сомнамбулической последовательности. Глазница вытекшего глаза стала еще зеленее и шире. Ошеломленные обитатели улицы наблюдали за битвой.

Остальные четверо бесчувственно бились друг с другом. Они дрались и на капоте сгоревшего фургона, и везде, где придется. Они дрались на стеклянных осколках от шкафа фотографа — окровавленные, с кусочками стекла, вонзившимися в их спины, — но дрались так, словно боль не

касалась их плоти. Поначалу нам показалось, что мы можем различить пары; но затем их главарь окончательно запутал нас, и мы увидели, что каждый здесь бесстрастно и с горящими глазами воюет с каждым. Нельзя было сказать, к какой партии они принадлежат, за какие убеждения они бьются, в чем цель их битвы. Они бились необычными способами — швыряясь песком в глаза, плюясь друг в друга, подставляя лица под удары и стоически их перенося, иногда падая на землю, но снова поднимаясь и продолжая драку со свирепостью, не имеющей под собой никаких оснований. Один из них, получив удар в промежность, стал прыгать на одном месте, потом свалился на землю и покатился в сторону. Немного придя в себя, он вскочил и снова стал топать ногами по земле. И пока он приходил в себя, другой человек, о котором мы думали, что он на его стороне, подошел и ударил его по голове кирпичом, так что тот снова упал и раскинул руки, как мертвый.

— Это безумцы нашей истории, — сказал один из обитателей улицы, — так они дожидаются новой войны, которая заберет их с собой.

Внезапно человек, лежащий как мертвое животное, стал подергиваться на земле. Он дергался,

брыкался и издавал утробные звуки. Затем, как персонаж из кошмара, он с негнущимся туловищем и тусклыми бесстрастными глазами встал на ноги и испустил глубокий горловой смех. Он вынул что-то из заднего кармана, семь раз помахал этим в воздухе, зажал между ладоней и, бросившись на всех сразу, забрызгал тела потоками красного сока, а затем открытой ладонью ударил в грудь своего ближайшего противника.

Человек, которого ударили, закричал так, как будто его заклеймили, и затем свалился на землю, корчась в предсмертной агонии. Человек со странным оружием с силой полоснул по лицу другого противника, и послышался как бы слабый хлопок в ладоши. Мы увидели как лицо этого человека окрасилось красным, и краснота стала капать с него, словно он таял, как воск. Мужчина закружился на одном месте, притопывая и крича, и потом упал на колени, держась за лицо. Когда он, шатаясь, встал на ноги, мы увидели, что его свежая рана имеет форму ладони. Кожа на ране растворилась. Он вопил, как безумец, которого подвергли жестокой пытке.

Трое мужчин теперь объединились и бросились на единственного оставшегося противника. Пять раз они с жуткой последовательностью

швыряли его оземь. Они вспрыгивали на его грудь, били по голове, поднимали его и бросали, пока тот не потерял сознание. Затем эти трое союзников что-то друг другу сказали. Они подобрали свои рубашки и, размахивая ими, как флагами, пошли по улице, высоко подняв руки, с песней о своих победах, то ли Партии Бедных, то ли Партии Богатых. Никто не мог сказать ничего определенного. И тогда я увидел, что грядет новое воплощение их баталий, вечное возвращение древней силы, тайной истории, наших мучительных снов. Трое мужчин шли своей дорогой, пританцовывая, но никто не приветствовал их, никто не признавал их побед, никто не считал их героями.

Трое громил Партии Бедных — или все-таки Партии Богатых — поверженные лежали на земле в корчах. Тот, кого ударили в грудь, вставая, что-то простонал. Знак ладони был отпечатан на его массивной груди как отполированная медь. Он подошел к двоим другим и помог им встать. Подобно грустной шайке воров или обманщиков, которых накрыли, или же побитой армии бродяг, они со стонами склонились друг к другу и побрели по улице, прихрамывая и спотыкаясь, подальше от своих губителей.

Глава 3

Когда воины ушли, воздух улицы был полон ужаса. Стоял уже поздний вечер. Где-то разбилась тарелка, где-то ругались муж с женой, и все нас настораживало. Жара обуздала движение вещей. Я не уходил далеко от дома, боясь, что громилы с пламенем в мозгах где-то продолжают бросаться друг на друга.

Тот день показал мне, до какой степени может дойти полуденная жара и как она способна замедлять время. Я сидел на цементной платформе и прислушивался к мухам. Прилетели летающие муравьи. Ящерицы бегали взад-вперед по стенам, встряхиваясь, вертя головами. Я пошел купить немного бобов у странствующей торговки едой. Она шла в сопровождении мух. По обеим сторонам рта у нее были самые удивительные татуировки. Когда она улыбалась, знаки выглядели очень причудливо, но когда она была серьезной, они делали ее прекрасной. Она продала мне бобов на несколько пенни и предложила кокоро на сдачу.

— Что такое кокоро? — спросил я.

— Это муравьи, которые кормятся бобами.

— Муравьи?

— Да. Они полезные. Они сделают тебя прекрасным и помогут быстрее подрасти.

Я купил несколько жареных муравьев и присел в тени. Я съел бобы, муравьев и запил водой. Затем я стал клевать носом и заснул прямо у нашей двери. Солнце обожгло меня, и когда вернулась Мама и разбудила меня, я почти целую минуту ничего не мог видеть. У меня пропало зрение, все состояло из красных, синих и желтых колец. Мама отвела меня в комнату и положила в кровать. Когда я проснулся, был уже вечер. Разнообразие цветов мира разбило мою слепоту. Мамы не было.

Отсутствие Мамы начало меня беспокоить. Я закрыл дверь, спрятал ключ под наш изношенный дверной коврик и вышел ее поискать. Я пошел по улице и встретил нашего лендлорда. Холодно взглянув на меня, он спросил презрительным голосом — дома ли мои родители.

— Нет, — ответил я.

— Когда они вернутся? — спросил он.

— Я не знаю.

— Скажи им, что я приду к ним вечером за своей рентой и еще по другому вопросу, понятно?

Я кивнул. Он спешил в наш барак. Я двинулся

туда же. У меня начал болеть живот, и я был уверен, что жареные муравьи проснулись и ползают у меня в желудке. Внезапно воздух заполнило сильное зловоние. Невыносимое и неустранимое, оно было везде, куда бы я ни поворачивался. Потом я увидел, что ко мне приближается сборщик нечистот. Я не хотел его обижать, поэтому остался на месте. Но я задержал дыхание. Он сгибался и покачивался под своей тяжелой ношей. Он был в капюшоне и грязной синей одежде, и я увидел только его глаза навыкате и его свирепый взгляд. Он что-то проворчал, пройдя мимо меня. Чувствуя, что задыхаюсь без воздуха, я побежал; и когда наконец я вдохнул, ощутил, что я болен. Как и все остальные вокруг. Но я уже был возле бара. Снаружи у входа разговаривали Мадам Кото и Мама, то и дело зажимая носы. Запах долго оставался в воздухе, и даже когда я пришел домой и закрыл дверь, запах все еще ощущался.

Мама пришла довольно скоро. Она выглядела очень уставшей. Она сказала, что Мадам Кото спрашивала обо мне. Я рассказал ей о том, что просил передать лендлорд, и она очень взволновалась.

— Рента? Но у нас нет сейчас денег. Когда он сказал придет?

— Сегодня вечером.

На какое-то время она присела. Затем пошла к корзине с товарами, вынула жестяную банку и стала считать деньги. Она долго их пересчитывала, и пот стекал ей на лоб. Закончив, она снова села. Затем распустила конец набедренной повязки и сосчитала завязанные там деньги. Было уже поздно, и я зажег еще свечу. Мама была совершенно выбита из колеи. Она все возилась с деньгами, считая, сколько она выручила сегодня и на сколько нужно купить товаров, как вдруг прозвучали решительные удары в дверь. Мама аж подскочила, рассыпав на пол почти все деньги. Она поспешно собрала их и отложила прежде, чем сказать с капелькой пота на реснице:

— Азаро, посмотри, кто стучит.

Я пошел к двери и открыл ее, в комнату вошел лендлорд, отодвинув меня, он широко распахнул дверь, видимо, желая, чтобы весь мир слышал, что он хочет сказать. С ним пришли еще трое мужчин. Это были незнакомцы. Они были большие, с накачанными мускулами и безумными глазами громил от политики. Одетые в соответствующую униформу, они вошли и встали друг рядом с другом, широко расставив ноги и прислонившись спинами к стене. Они скрестили руки

на груди и поглядывали на нас с презрением, каким удостаивают насекомых.

Лендлорд походил кругами, увидел разбитое окно и взорвался руганью. Он говорил достаточно бессвязно, и в его словах появился какой-то смысл только тогда, когда он немного успокоился и потребовал, чтобы окно было починено к его следующему визиту. Он эффектно расхаживал вперед и назад, придерживая, как всегда, самые громкие выражения и самые драматические жесты для тех моментов, когда оказывался у двери. Соседи собрались снаружи, и некоторые из них заглядывали в комнату. Размахивая руками, поводя своей многоскладчатой агбада из стороны в сторону, он повернулся и спросил:

— Так значит, ваш муж не дома?

— Нет.

— А что с моей рентой?

— Когда он вернется, он вам ее отдаст.

— Он не оставлял ее?

— Нет.

Расшагивая так, словно находясь на сцене, размахивая руками во все стороны, лендлорд говорил:

— Почему я должен приходить и упрашивать вас заплатить ренту, а? Когда вы хотели снять эту

комнату, вы пришли ко мне и попросили меня. А сейчас я должен ходить к вам и просить вас, а?

— Дела идут тяжело, — сказала Мама.

— У всех дела идут тяжело. Но все остальные съемщики заплатили. Вы что, такие особенные, а?

— Когда мой муж придет…

— С ним придут несчастья.

— Это не так.

— Ваш муж — смутьян.

— Совсем нет.

— Он думает, что он сильный.

Впервые Мама заметила присутствие трех мускулистых мужчин, стоявших спиной к стене. Она посмотрела на них, и они, не шелохнувшись, посмотрели на нее.

— Мой муж сильный, но он не смутьян.

Один из трех мужчин засмеялся.

— Замолчите! — рявкнул лендлорд.

Смех охранника перешел в пустое хихиканье. Лендлорд сел на папин стул, и стул рискованно заходил ходуном. Лендлорд все сидел, решая, что делать дальше. Затем он вынул из кармана дольку ореха кола и принялся жевать. Мы молчали. Дрожали свечи, тени ходили по комнате, то удлиняясь, то укорачиваясь. Трое мужчин выглядели

мрачно, напоминая вампиров, и направленный вверх свет, падая на их лица, оттенял щеки и глаза, словно они были пустыми.

— Так когда придет ваш муж?

— Не знаю.

Лендлор чавкал своим орехом кола.

— Хорошо, — сказал он после обдумывания. — Другой вопрос, по которому я пришел, очень простой. Мне не нравится, как мои съемщики ведут себя по отношению к моей партии. В следующий раз вы и меня побьете, да? Что я вам сделал, а?

К этому моменту он встал и возобновил свои мелодраматические шаги. Он жестикулировал, и его голос становился громче, когда он подходил к двери, словно обращался к невидимой аудитории.

— Я уже сказал это всем моим съемщикам. Все, кто хочет жить в моих домах, под этой крышей, которую я построил своими руками, должен проголосовать за мою партию. Ты слышишь меня?

Мама не кивала ему. Она мрачно уставилась на дрожащую свечу.

— Не имеет значения, отвечаешь ты или нет. Я сказал то, что должен был сказать. Если у тебя есть уши, слушай. Если вы хотите быть моими

съемщиками, когда придут выборы, вы пойдете и проголосуете за человека из моей партии.

Он сделал паузу.

— Это просто. Все, что вы должны сделать — это поставить точку рядом с его именем. Простая процедура. Моя партия проведет электричество, построит хорошие дороги, наладит водоснабжение. И помни вот что: у нас есть свои люди на избирательных участках, которые будут смотреть за тобой. Мы будем знать, за кого ты проголосовала. Но за кого бы ты ни голосовала, наши люди все равно победят. И если ты голосовала не за них, тебе будет плохо. Вы можете прямо сейчас начинать подыскивать себе новое место для жилья, и посмотрим еще, найдете ли вы такого хорошего лендлорда. Скажи все это своему мужу. У меня больше нет на вас времени. И пришлите мне мою ренту завтра утром. Вот и все.

Он закончил свою тираду, стоя перед папиным стулом. К нам он стоял спиной, и казалось, что он ждет от нас ответа. Но ответом ему была тишина. И оплывающая свеча. Трое мужчин смотрелись как статуи. Они выглядели как мертвецы. Я едва мог видеть белки их глаз.

— Видит Бог, — продолжил лендлорд, — я хочу только добра для своих съемщиков. Но тот съем-

щик, который не хочет добра, пусть убирается отсюда. Коса найдет на камень: каждый, кто желает мне несчастья, сам всю свою жизнь будет его расхлебывать. Я мирный человек, но тот, кто нарушит мой мир, узнает, что я ЛЕВ. Я СЛОН. Мой ГРОМ поразит его. И если ему будет мало, я пошлю своих мальчиков хорошенько его проучить.

Он подошел к окну и положил в карман орех кола. Вытащил белый носовой платок и вытер им лицо. Затем повернулся и прямо посмотрел на Маму. Все обернулись на лендлорда. Кроме Мамы. Она продолжала смотреть на пламя свечи, словно провидя в пламени свою судьбу.

Лендлорд только открыл рот, чтобы начать говорить, как легкий ветерок вошел в комнату и превратился в темную фигуру, высокую, но сгорбленную. Вместе с фигурой вошло воспоминание о фургоне с нечистотами. Фигурой был Папа, и лендлорду пришлось прикрыть рот.

Трое мужчин сгруппировались в стороне от Папы, отошли от стены и заняли полубоевую позицию рядом со шкафом. Внезапно комната показалась тесной, и Папа усугубил положение тем, что закрыл дверь. Свет выхватил его лицо, и я увидел человека, несущего на себе суровое проклятие. Скулы его обострились, глаза ввали-

лись, голова была как окоченевшая. Он выглядел человеком, поставленным в тупик. Папа встал прямо перед дверью и посмотрел на всех нас, повернув голову к каждому в отдельности. Его шея казалась одеревеневшей. Временами создавалось впечатление, что он потерял связь между тем, что он видит и тем, что понимает. Казалось, что его стукнули чем-то по голове и сбили центральную ось. Он смутился, как человек, который вошел не в ту комнату и не знает, как оттуда выйти.

— Папа, — крикнул я.

Он непонимающе посмотрел на меня. И только спустя какое-то время мы стали осознавать, что он принес с собой зловоние.

Внезапно один из мужчин издал звук, словно втягивая назад рвущуюся из желудка желчь, затем он бросился к окну и сплюнул. Лендлорд плюнул на пол, наступил на плевок и затер его ступней, как делают, когда гасят сигарету. Другой мужчина зашел за Папу и открыл дверь. Мотыльки, мошки и летучие муравьи влетели в комнату, и уныло запели в тишине москиты. Мотылек облетел свечку, и я почувствовал, что время пошло вспять и оказалось в ловушке.

Папа пошел к Маме и сел на кровать. На его лице читался стыд: стыд, унижение и непови-

новение. Лендлорд стал продвигаться к двери. Разыгранные драматические страсти опустошили его. Казалось, он почуял в Папе какую-то новую угрозу. Я тоже ее почувствовал. Лендлорд промолвил:

— Ваша жена передаст вам то, что я говорил.

И с этими словами он вышел из комнаты, не повторив требования уплатить ренту. Его подручные вышли за ним, напоследок бросив взгляды на Папу.

Мы расселись в комнате, смущенные запахом. Казалось, что под нашим полом взорвалась канализационная труба. Мы сидели, не двигаясь, ни о чем не говоря, пока один из мотыльков не обжег крылышки и не потушил собой свечу. В полной темноте я стал искать на столе спички. Затем я услышал, как Мама сказала, с нежностью в несчастном голосе:

— Мой муж, что случилось с тобой?

Когда я зажег свечу, мамины руки обвивали папину шею. Она крепко прижимала его к себе, зарывшись лицом в его волосы. Затем, осознав появление света, она быстро отстранилась от него и стала развязывать ему ботинки. Папа не двигался. Она стащила с него ботинки и, отдав их мне, сказала:

— Твой отец, наверное, на что-то наступил. Сходи в ванную и отмой его ботинки. Только не около колодца.

Я взял ботинки и вышел. Ветер веял по коридору, задувая пыль мне в глаза. Ветер был прохладный; он пах деревьями и ночью, бушем и ароматными травами. Также он пах керосином и свечным дымом, но в нем не чувствовался тот гнилостный запах, что вошел к нам в комнату. На заднем дворике я занял лампу у одного из съемщиков, вскипятил воду, набрал старых газет и кусочков дерева. Я посмотрел на папины ботинки и не увидел в них ничего необычного. Они ничем не пахли, кроме привычного для них пота трудовых ног. Но тем не менее я помыл ботинки, вымыл руки и пошел обратно.

Папа теперь сидел на стуле. Мама спрашивала его, все ли у него в порядке. Я был уверен, что он не произнес ни слова в мое отсутствие. Мама выглядела несчастной, как будто тайная тоска точила ее изнутри. Когда я поставил ботинки в угол, Папа вынул конверт из кармана и отдал его Маме. Она открыла его, вынула несколько банкнот достоинством в фунт и посмотрела на него с изумлением. Он сказал:

— Это рента.

Маму так переполнили эмоции, что она встала на колени, обхватила его бедра и повторяла снова и снова:

— Спасибо, спасибо, мой храбрый муж.

Она говорила это с такой горделивой печалью, что я подумал, что те, кто страдают в этом мире, всего лишь странники в нем. Папа не поблагодарил ее, он вообще не выражал никаких эмоций, но его лицо было таким необычным, что я был уверен, что он чувствует гораздо больше, чем может выразить.

Вскоре Мама приготовила еду. Папа вышел и долго принимал ванну. Он пришел обратно с одним полотенцем на талии. Он послал меня сбегать и купить ему маленькую бутылку духов «Хауза».

Я пошел по нашей улице, по направлению к главной дороге, и пришел к сборищу ночных торговцев компании «Хауза», продававших индийские благовония, ожерелья, духи и украшения. Я купил бутылку дешевых духов и побежал обратно. Папа уже переоделся. Он с ног до головы обрызгал себя духами и заполнил всю комнату их грубым запахом. Мы умыли руки и поели в тишине.

После того как мы поели, Мама вышла и за-

мочила папины одежды в дезинфицирующем растворе и запрятала ведро в глубине двора. Папа бодрствовал, сидя на стуле. Он не пил и не курил. Он был очень трезв. Он выглядел так, словно ему уже никогда не будет суждено оправиться от шока какого-то важного для себя открытия. Мама присела рядом с ним. Долгое время они молчали. И когда я уже лег спать, я услышал, как Мама спросила его:

— Ты ведь никого не убил, правда?

Я открыл глаза. Папа покачал головой. Они молчали. Мама зажгла москитную спираль. Я снова закрыл глаза.

* * *

Позднее в ту ночь к нам снова постучали в дверь. Это был фотограф. Он поспешно прокрался к нам в комнату. Папа открыл глаза и сказал:

— А, фотограф, это ты.

— Это я.

— Доброй ночи.

— И вам, сэр.

Фотограф лег со мной на мат. Он показал мне круглую прозрачную бутылочку. Внутри нее был желтый порошок.

— Это самый сильный в мире крысиный яд.

Завтра, если я вернусь рано, мы покончим с крысами раз и навсегда.

Он оставил ее в своих вещах. Я задул свечу. Мы поплыли в ночь по темным волнам парфюмерии, особенно приторной в жаре нашей комнаты.

Глава 4

Много дней Папа оставался угрюмым. Мы пользовались его духами. Он ничего нам не объяснял. И только узнав, что требовал лендлорд, он приободрился. Он сказал, что даже если они его убьют, он все равно не пойдет голосовать за партию лендлорда. С этими словами он прошелся по всему поселению. Некоторые соседи кивали ему в знак согласия. Мама предостерегла его, что у лендлорда есть шпионы.

— Пусть шпионят, — ответил Папа, — я все равно не буду голосовать за эту бесполезную партию.

— Я знаю, но не говори им об этом.

— Почему нет? Я что, трус?

— Нет.

— Тогда я должен говорить то, во что я верю.

— Но ты же слышал, что сказал лендлорд.

— Пусть этот лендлорд сдохнет!

— Можно немного потише?

— А почему?

— Шпионы.

— Пусть шпионы тоже сдохнут!

— Я боюсь за нас.

— Нечего бояться за нас.

— Но я боюсь.

— Какое право имеет лендлорд запугивать нас, говорить нам за кого нам голосовать, а? Он что, Бог? Но даже Бог не может говорить нам, за кого голосовать. Не бойся. Мы, может быть, и бедные, но мы не рабы.

— Куда мы пойдем искать другую комнату?

— Судьба распорядится нами.

В таком духе шли их разговоры. Загоревшись чувством неповиновения, Папа стал говорить, что он единственный, кто не будет голосовать за партию лендлорда.

Те, кто поддерживал эту партию в нашем районе, стали еще агрессивнее. Они ходили группами, терроризируя всех и каждого. Мы слышали истории о людях, которых увольняли с работы за то, что они были на другой стороне. Мама начала бояться рынка и ходила туда не каждый день. Денег стало в обрез. Маме пришлось готовить меньше еды.

Фотографа мы видели только по ночам. Однажды несколько ночей я ждал его стука, но он не пришел. Когда я встречал его на улице, он сразу начинал говорить, что уходит из нашего района. Он продолжал снимать свои необычные фото и некоторые из них появлялись в газетах. Когда люди замечали его, они тут же собирались вокруг. Он стал чем-то вроде легенды. В то время, когда он оставался у нас, он пытался соорудить себе темный угол, где обычно стояли ботинки Папы, чтобы проявлять там снимки, но без особого успеха, потому что Мама, с ее страхом паутины, все выметала, чистила и впускала свет в самые темные места.

Однажды ночью к нам в поселение пришли мужчины и начали расспрашивать про фотографа. Они назвались журналистами. Они сказали, что слышали, что он ночует где-то у съемщиков. Съемщики отрицали это, но они продолжали его искать. Ночью мы видели странных мужчин, изучавших наш дом из сгоревшего фургона. Когда я рассказал об этом фотографу, он очень перепугался, и мы не видели его несколько дней.

Тогда же у нас в комнате появилась и Мадам Кото. Изумив меня, она возникла словно из воздуха. Мама была дома, Папы еще не было. Я прямо-таки

остолбенел, но она схватила меня и сказала:

— Ты плохой мальчик.

— Почему?

— Убегаешь от старших.

Она дала мне немного денег.

— Почему ты все время бежишь от меня, а? Что я тебе сделала плохого?

— Ничего.

— Тогда почему ты выбросил мое джу-джу?

— Нипочему.

Мама засмеялась. Мадам Кото отпустила меня. Она села на кровать рядом с Мамой. Мадам Кото была такая же толстая, пышная, как гигантский фрукт, но ее лицо стало более устрашающим, чем я его запомнил. Она больше не носила на шее белые бусы. Ее лицо стало темнее; глаза, подведенные карандашом, делали ее взгляд загадочным. Многочисленные повязки на талии увеличивали ее толщину. Две женщины разговаривали вполголоса. Я подался к ним, прислушиваясь. Мадам Кото дала Маме пакет, о содержимом которого я так и не узнал. Затем она повернулась ко мне и сказала:

— Я хочу, чтобы ты вернулся ко мне. Твоя Мама согласна. С тех пор, как ты перестал ходить в бар, он совсем опустел.

— Я поговорю об этом с твоим отцом, — добавила Мама.

Они продолжили разговор. Я пошел играть к оградам домов. Когда Мадам Кото уходила, она позвала меня.

— Я сейчас ухожу, — сказала она, — но завтра я хочу, чтобы ты пришел в бар и привлекал посетителей, ты слышишь меня?

Я кивнул.

— Я приготовлю специально для тебя перечный суп с большими кусками мяса.

И затем она смешалась с темнотой.

Папа той ночью вернулся изможденный. Мама ничего с ним не обсуждала. Фотограф так и не появился. Крысы продолжали что-то грызть.

Глава 5

Бар Мадам Кото изменился. Она повесила новую вывеску: пышногрудая русалка потчует всех напитками и перечным супом. У входа висели разноцветные пластиковые полоски. Раздвинув эту занавесь, я вошел. Дверь теперь была голубая. Внутри было темно и прохладно. Скамейки стали короче. На столах были постелены клеенки. Как будто ожидая новых бед и новых посетителей,

Мадам Кото начала ставить стойку в дальнем углу бара, напротив двери на задний двор. Стены были перекрашены в кобальтовый цвет. В баре чувствовалось более мирное настроение. Я пошел во двор и увидел маленькую девочку, которая мыла тарелки и ложки. Она подозрительно на меня посмотрела.

— Где Мадам Кото?

Девочка не ответила.

— Ты что, не умеешь разговаривать?

Девочка молчала. Я пошел и постучал в комнату Мадам Кото. Ее там, кажется, не было. Поэтому я опять направился в бар и уселся рядом с глиняным котлом. Умиротворенно жужжали мухи. Вошла маленькая девочка и осталась стоять у порога, и полосы занавески закрывали ее лицо. Она смотрела на меня. У нее было длинное печальное лицо и большие глаза. На ее щеках были вытатуированы небольшие знаки. Она была слишком печальна и слишком безучастна, чтобы быть красивой. Она продолжала разглядывать меня, и мне это надоело.

— Чего ты на меня все время смотришь, а?

Она оставалась немой. Затем она пошла во двор и взяла вымытые тарелки и ложки.

За весь день никто не зашел выпить, и я не ви-

дел Мадам Кото. Я заснул на скамейке и проснулся внезапно. Было тихо. На столе стояла керосиновая лампа. Я подумал, что очутился где-то в подводном царстве. Я поискал девочку, но никого не нашел. Когда я вернулся, Мадам Кото была в баре с плотником.

— Где ты был? — спросила она меня, перекрикивая стук молотка плотника.

— Я ходил искать девочку.

— Какую девочку?

— Девочку, которая моет тарелки.

Она посмотрела на меня так, как будто я стал рыбой или сошел с ума.

— Какие тарелки?

— Тарелки на заднем дворе.

Она сходила туда, посмотрела и вернулась, крикнув:

— С тобой явно что-то не так.

Я пошел во двор и увидел тарелки и ложки, сваленные в кучу. Их никто не мыл. Кастрюля с перечным супом булькала на решетке над огнем.

— Иди и помой посуду, — приказала Мадам Кото, — пока я не рассердилась.

Мне было все равно, но я пошел. Я набрал воды из колодца, сел на стул и помыл тарелки и ложки.

Огонь обжигал мне лицо и сушил глаза, и у меня закружилась голова от необычно благоухающего древесного дыма. Я слушал, как стучит молоток плотника и трещат дрова. Головокружение стало еще сильнее от приливов жара, меня зашатало, и все завертелось. Перечный суп вспенился зелеными пузырями, побежал через край и пролился на огонь, к очагу подошла маленькая девочка и сняла крышку с кипящей кастрюли голыми руками. Затем она помешала суп длинным деревянным черпаком, который имел форму человеческой ладони.

— Уходи отсюда, — крикнул я.

Когда она вытащила черпак, конца в виде руки на нем уже не было. Деревянная ладонь стала частью супа.

— Смотри, что ты наделала! — закричал я.

Она выбросила то, что осталось от ковша и отошла, сердясь на что-то. Вскоре она вернулась с длинной большой костью. Она помешала ею суп и кость растворилась.

— Если ты не уйдешь отсюда, я побью тебя, — пригрозил я.

Она снова прикрыла кастрюлю крышкой, припала к земле рядом с решеткой и уставилась на огонь. Она протянула в него руки, как будто

погреть их, и затем швырнула в пламя две белых каури. Огонь вскрикнул, треща и постреливая, и густой синий дым заполнил воздух и поглотил девочку, а когда дым прошел, я увидел, что девочка растаяла. Сначала в воздухе растворились ее распростертые руки, затем плечи и потом уже все тело. Ее голова оставалась на земле, и большие печальные глаза продолжали безразлично на меня смотреть, пока голова совсем не растаяла. Я закричал и вдруг все стало белым-бело. Я упал около огня. Когда я пришел в себя, то лежал на спине на земляном полу. Моя рубашка вся промокла. Надо мной стояла Мадам Кото.

— Что опять с тобой происходит, а?

— Я опять видел девочку.

— Какую девочку?

— Которая тогда мыла тарелки.

— Поднимайся!

Я встал. Я чувствовал себя очень странно, словно это я растаял. Я присел на стул. На том месте, где была голова девочки, всего-навсего было пятно от пролитой пены из кастрюли.

— Где ты ее видел?

— Здесь, — я указал на пену.

— Здесь ничего нет.

— Но она тут была! — настаивал я.

— Иди в бар. Не надо мыть тарелки. Иди и попей немного воды.

Я пошел, попил воды и сел на скамейку. От нескончаемого стука молотка у меня началась невыносимая головная боль. Каждый раз, когда плотник поднимал молоток в воздух, я чувствовал, что он опускается мне на голову. Я вышел из бара и сел на песок. Я смотрел, как мимо проходят люди. Никто не заходил в бар. Никто даже не смотрел в его сторону. Темнота медленно заволакивала лес. Воздух становился прохладнее. Птицы перелетали с дерева на дерево. Кишели насекомые. Никто не замечал бар, потому что вокруг все было куда интереснее. Я чувствовал себя на краю реальности. Бар Мадам Кото казался странным сказочным миром посреди мира реального, еще более сказочного в своих возможностях.

Я стал бросать камни в новую вывеску. Затем швырять в голубую дверь и в разноцветные пластиковые полоски занавески. Вышла Мадам Кото и сказала:

— Кто швыряет камни?

— Это девочка, — ответил я.

— Где она?

— Убежала.

Мадам Кото грозно на меня посмотрела, покрутила свои белые бусы и пошла мыться. Я стоял у входа и смотрел, как темнота струится от леса и постепенно поглощает весь остальной мир. Вдали ухнула сова. Какая-то птица трубила, не умолкая. Темнота разбудила звуки леса. Пока я сидел у входа в бар на горячем песочке, я увидел мужчину, который проходил мимо с маленькой девочкой. Он посмотрел на меня, на вывеску и пошел к бару. С ним была та самая девочка, которая только что растаяла. Я побежал в бар и спрятался за глиняный котел. Плотник почти закончил свою дневную работу и вбивал последние гвозди в дерево стойки.

— Что с тобой происходит? — спросил он, взглянув на меня с раздражением.

— Они приближаются.

— Кто?

Мужчина раздвинул пластиковые полоски и переступил порог.

— Есть ли пальмовое вино? — спросил он.

— Садитесь. Мадам вот-вот придет, — сказал плотник.

Мужчина сел. Девочка была рядом с ним. Я не заметил, как она вошла.

— Здесь довольно темно, — сказал мужчина. —

Принесите лампу.

— Принеси им лампу, — приказал мне плотник.

Я взял лампу с другого стола и поставил на их стол. Девочка задула ее. Стало опять темно. Искры от костра врывались в полумрак.

— Что происходит с твоей головой? — спросил мужчина.

— Это все глупая девчонка, — закричал я. — Она сделала это.

— Какая девчонка?

— Та, что сидит с вами.

Плотник, повысив голос, сказал:

— Я стукну тебя по голове этим молотком! Разве ты не видишь, чем я занимаюсь? Иди и принеси спичек!

Я выскочил из бара. Мадам Кото несла прямо с решетки кастрюлю с перечным супом, подложив тряпки под горячие ручки, чтобы не обжечься.

— Эта девочка опять здесь, с мужчиной. Он требует пальмового вина и спичек.

Она дала мне коробку спичек и сказала, что скоро принесет вина. Я вошел внутрь, зажег лампу и девочка снова ее задула. Ее глаза сияли в темноте. Они сверкали как зеленые глаза кошки.

— Ну и дрянь же ты, — сказал я ей.

— Я? — сказал мужчина. — Я зашел сюда выпить, а маленький козел обзывает меня? Кто твой отец?

— Не вы, — сказал я. — Это все та девочка. Ваш ребенок. Она дрянь.

Я зажег снова спичку и мужчина стукнул меня по голове. Я выронил спичку. Она продолжала гореть на столе. Мужчина снова ударил меня и девочка улыбнулась, ее глаза были печальны, а губы стиснуты от любопытства. Спичка разгоралась. Я поковылял в темноту.

— Иди сюда и зажги эту штуковину, — сказал мужчина.

Я услышал, как плотник прокладывает себе путь через доски и железные листы. Подойдя к нам, он принес с собой запах клея. Он стукнулся в темноте о скамейку и выругался.

— Когда я поймаю тебя, — сказал он, не видя меня в темноте, — я разобью тебе голову!

Я выбежал наружу и встал рядом с тропинкой, переходившей в улицу. Появился плотник, увидел меня, наклонился, снял с себя тапки и пустился бежать за мной. Я пустился наутек в лес. Он остановился и пошел обратно, ругаясь на меня. Я стоял снаружи, пока не увидел, как мужчина уходит из бара с маленькой девочкой. Они пошли

по улице в направлении нашего поселения.

Плотник закончил работу. Он сел на скамейку рядом с глиняным котлом и пил пальмовое вино. Лампы стояли на каждом столе.

— Твое счастье, что ты не мой сын, — сказал он сердито.

Я стоял у двери, наблюдая за ним.

— Только что из-за тебя ушел единственный посетитель за день. Ты очень рассердил Мадам Кото. Человек отказался пить в темноте и ушел, из-за тебя, дрянь ты этакая.

Я наблюдал за ним.

— Ты или стой там, или заходи. Но не смотри на меня, как ящерица.

Я стоял у входа. На небе зажглись звезды. Луна исчезала. Некоторые звезды двигались, и пока я на них смотрел, не заметил, как ко мне подкрался плотник и схватил за шею. Он потащил меня обратно в бар. Мадам Кото пришла с двумя котелками перечного супа.

— Оставьте этого дрянного мальчишку, — сказала она. Затем она обратилась ко мне: — Я собиралась дать тебе много мяса, но ты получишь только половину, потому что ты прогнал моего единственного посетителя.

— Можно я его выпорю? — предложил плот-

ник.

— Идите и выпорите своих детей, — ответила Мадам Кото.

Плотник оставил меня в покое. Я состроил ему гримасу. Он продолжал пить. Мадам Кото подала нам внушительные котелки с супом. Я ушел в угол, сел на пол, прислонившись к стене, и ел суп в таком положении, что мог видеть каждое движение плотника. Но ложка, которую дала мне Мадам Кото, была слишком велика для моего рта, и я пошел попросить у нее ложку поменьше. Когда я вернулся, я заметил, что все мясо куда-то делось. Плотник облизывал пальцы с наслаждением нашкодившего ребенка.

— Кто украл мое мясо? — спросил я.

— Маленькая девочка, — озорно ответил плотник с демонским блеском в глазах.

— Какая девочка?

— Та самая.

Я долго на него смотрел, решая, что мне делать. Затем я вышел, пожаловался на пропажу, и Мадам Кото дала мне еще мяса. Я ел, не сводя глаз с плотника. Он подмигивал мне. Закончив есть, я пошел и помыл свой котелок и ложку. И когда я вернулся, то заметил мужчину, который сидел за столиком рядом с дверью. Он повернул голову ко

мне. В этот момент я узнал его.

— Папа! — закричал я и рванулся к нему.

Он положил мне руку на плечо. Я обнял его. Затем я побежал сказать Мадам Кото, что пришел мой Папа. Она принесла пальмовое вино и перечный суп.

— Ваш сын, — сказала она, ставя их на стол, — прогнал сегодня единственного моего клиента.

— Он плохой мальчик, — восхищенно ответил Папа.

Он был готов заплатить за выпивку, но Мадам Кото придержала его:

— Оставьте свои деньги. Я вас угощаю.

— Я вижу, вы оборудуете свое место.

— Я делаю все, что в моих силах.

— Отбоя нет от посетителей, да?

— Они придут, но не так сразу.

Мадам Кото налила себе перечный суп и вино и уселась за стойкой. Все ели и пили в тишине. Затем плотник, раскачиваясь на скамейке и отгоняя мух, развернулся к Папе и сказал:

— Так какую партию вы поддерживаете?

Мы все посмотрели на него. Папа собрался с ответом.

— Партию Бедных.

— Они такие же продажные, как и все осталь-

ные, — сказал плотник, ударив кулаком по столу.

— И все-таки я поддерживаю их. По крайней мере, они не плюют в нас.

— Они тоже продажны. В моем городке они убили мужчину за то, что он их не поддерживал. Они тоже пытаются выиграть выборы во что бы то ни стало. У них есть свои громилы, которые избивают людей на рынках. Они берут взятки и помогают только своим.

— Но я все равно их поддерживаю, — упрямо проговорил Папа.

— Почему? Что они сделали для тебя?

— Ничего.

— Тогда почему?

— Потому что, по крайней мере, они думают о простом рабочем человеке.

— Они думают о нем, и это все, что они делают.

— В моем баре запрещены разговоры о политике, — надменно сказала Мадам Кото.

— Вы мудрая женщина. Политика может испортить бизнес, — сказал Папа.

— Они все продажны. Они все воры. Про Партию Богатых все знают, что они воры. Но они и не притворяются.

— НИКАКОЙ ПОЛИТИКИ!

— Но я не буду голосовать за них…

— НИКАКОЙ ПОЛИТИКИ!

— Они имеют…

— НИКАКОЙ ПОЛИТИКИ!

— Деньги и…

— НИКАКОЙ ПОЛИТИКИ!

— Власть. Они могут помочь. Если ты поддерживаешь их, они поддержат тебя. Они предлагают тебе контракт. Бедному человеку надо что-то есть.

Мадам Кото встала и отобрала у плотника его котелок.

— Вы разве не слышите меня? Я сказала: НИКАКОЙ ПОЛИТИКИ!

Плотник умолк. Мадам Кото вышла. Двое мужчин продолжили выпивать. Папа повернулся ко мне.

— Чему тебя учили сегодня в школе?

— Про Парк Манго и Британскую Империю.

— Они тоже продажны, — сказал плотник.

Папа затих. Мотыльки и мухи кружили в воздухе бара. Плотник заметно опьянел и продолжал говорить одну и ту же фразу. Папа налил и мне пальмового вина, и я выпил. Папины глаза покраснели. Плотник продолжал обвинять весь мир. За окнами птица настойчиво выводила

свою руладу. Я тоже запьянел, плотник то и дело впадал в молчание, затем начинал новую речь, останавливался и в итоге положил голову на стол. Вскоре он захрапел. Папа тоже напился и стал медленно укачивать себя.

— Очень хорошее пальмовое вино, — громко произнес он.

Плотник встрепенулся, осмотрелся вокруг и снова завалился спать. Папа начал свою речь.

— Политика не помогает дружбе, — сказал он.

Плотник не двигался. Когда Папа допил пальмовое вино, он, покачиваясь, встал, подошел к плотнику и потрепал его по плечу. Плотник очнулся и стал мотать головой, как птица. Его глаза были осоловевшими.

— Дружбой не поможешь политике, — сказал Папа.

— Все они продажны, — заключил плотник, опустив голову на стол.

Папа вышел на задний двор.

— Мадам Кото, мы уходим, — объявил он.

— Доброй ночи.

Папа тоже что-то пробормотал в ответ и уже у порога сказал:

— Пошли-ка домой.

И так мы оставили это место на краю реаль-

ности, сказочную страну, которую никто не мог увидеть, и пошли домой в шатающейся ночи.

Глава 6

Когда плотник закончил возведение стойки, какая-то сказочность ушла из бара. За стойкой Мадам Кото расположила стул, пластиковые чашки для мелкой сдачи, ведро с супом и большие тыквины вина. Она была очень деловитой. Плотнику было заплачено частично деньгами, а частично вином. Он был уже изрядно пьян, и когда я появился, Мадам Кото старалась его прогнать. Он не двигался с места и продолжал требовать вина. Он говорил, что для него важно напиться как следует по окончании работы. Мадам Кото укоряла его за то, что он постоянно пил во время работы, что стойка слегка скособочена на сторону и производит впечатление неустойчивости.

Но плотник был непроницаем для критики. Мадам Кото продолжала подзуживать его, а плотник продолжал пить. Голубая муха утонула в его стакане, и он флегматично пил, цедя вино сквозь зубы, бормоча свои ответы Мадам Кото и жалуясь на то, как мало она ему заплатила. Стойка

заняла много места. В баре приятно пахло свежей древесиной. На полу валялись гвозди и стружки, которые плотник не захотел подметать. Мадам Кото отказалась принести ему еще вина. Тогда он попросил меня сбегать за водой.

— Я пьянею и от воды, — сказал он.

— Не приноси ему воды, — распорядилась Мадам Кото.

Она села за свою только что выстроенную стойку, и ее массивное тело как клин втиснулось между стенкой и деревом. Она обозревала все хозяйским глазом. Плотник уснул. Она обмахнула стол метлой. Плотник поднялся, прошел во двор, и вскоре мы услышали, как он мочится и пукает. Мадам Кото выскочила за ним, я — за ней, и мы увидели, что он писает прямо на горящие дрова. Она тут же схватила стоявшую рядом метлу и стала дубасить его по шее, и он побежал, продолжая писать и безумно хохоча. Она преследовала его по всей улице. Я вошел вовнутрь и сел в угол, а через какое-то время вернулась Мадам Кото, с капельками пота над верхней губой. Она бросила метлу возле глиняного котла и сказала:

— Я пойду прилягу. Если кто-нибудь придет, зови меня.

Она вышла. Я слышал, как она расправляет-

ся с мокрыми дровами, ругая плотника. Затем я перестал ее слышать. В баре стояла жара, но запах свежеобструганного дерева был сладкий и успокаивающий. Мухи спиралями кружились в воздухе. Я заметил на стене плакат с рекламой кока-колы. Это была картинка с полуобнаженной белой женщиной с большими грудями. Вбежали ящерицы, остановились на полу посредине бара, поприветствовали меня, кивнув, и когда я им ответил, побежали дальше. Я лег на скамейку и начал отходить ко сну.

Я проснулся, когда мужчина в грязной одежде забежал в бар, неся в руке один тапок. Он ринулся в дверь на задний двор, потом обратно, и в панике встал посреди бара, мечась из стороны в сторону. Затем он вытащил носовой платок, вытер лицо, и умоляюще на меня посмотрел.

— Где я могу спрятаться?

— Зачем?

— Меня ищут люди.

— Почему?

— Из-за политики.

— А вы политик?

Он смутился.

— Из этого дома можно выйти на дорогу через задние дворы?

— Я не знаю.

— Если я дам тебе денег, ты поможешь мне?

— Зачем?

— Ты что, болван, что ли? Ты что, хочешь, чтобы они убили меня?

— Нет.

Он опять что-то сказал, но тут мы услышали грубые голоса, приближающиеся с улицы. Голоса толпы. Они шли прямиком к бару. Мужчина потер руки, зажав тапок между ладоней, побежал в одну сторону, потом в другую, сказал «Боже, спаси меня» и взял меня за руку. Я указал ему на заднюю дверь. В благодарность он отдал мне свой платок и исчез. Я никак не мог понять, что это был за платок. Он был отвратительный и такого цвета, каких не бывает на земле. Я пошел и выбросил его на заднем дворе.

Когда я вернулся, голоса были уже около занавеси. Некоторые из людей ушли дальше по улице, крича и пререкаясь. Затем двое мужчин с голыми торсами и крепкими мускулами, вошли в бар. Они направились прямо ко мне. Я уже где-то их видел. Один из них приходил к нам в комнату вместе с лендлордом. А другой был из тех громил, что бессмысленно дрались на нашей улице. У него была перевязана голова. Оба они

возвышались надо мной. У того, что с повязкой на голове, были грубые и страшные ноздри, которые расширялись и дергались, когда он дышал. У другого были большие губы и маленькие глаза.

— Где мадам? — спросил тот, что с повязкой.

— Я не знаю.

— А ты кто?

— Я мальчик.

Оба они уставились на меня с устрашающими лицами. Запах их пота наполнил бар. Они внесли с собой дикую угрозу, и их могучие груди вздымались и опадали. Затем внезапно они припали к полу, и один из них стал заглядывать под скамейки и столы, а другой — под стойку и за дверь. Они вернулись и опять встали передо мной. Затем, словно у них был один мозг на двоих, они снова пригнулись, и один прошел через заднюю дверь, а другой через входную. Вернулись они также из разных дверей. Затем они уселись напротив меня.

— Есть ли в баре пальмовое вино? — спросил мужчина с маленькими глазами.

— Нет.

— Почему нет?

— Разносчик еще не принес его.

— А вода?

— Нет.

— Почему нет?

— Колодец пересох.

Они недоверчиво на меня поглядели. Тот, что с повязкой, сказал:

— Есть ли перечный суп?

— Нет.

— Когда он поспеет?

— Мадам еще не приготовила его.

Мужчина с маленькими глазами пошел к глиняному котлу, поднял крышку и заглянул туда.

— А это разве не вода?

— Вода, но туда пописал сумасшедший.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но мадам сказала, что он сумасшедший.

— Почему же ты не вылил ее?

— Мне не поднять котел.

Он поставил крышку на место и опять сел на скамейку. Мухи кружились над мужчинами.

— Ты что, дурачишь нас?

— Нет.

Мужчина с перевязанной головой вынул из кармана брюк ножик. Он начал что-то вырезать на столе, соструживая дерево.

— Не делайте этого, — сказал я.

— Почему?

— Мадам будет сердиться.

— Не будет. Она наш друг. Наша партия любит ее.

Какое-то время они молчали. Один из них поймал муху, убил ее, сдул с ладони и засмеялся.

— Я убил муху, — сказал он своему компаньону, который кивнул, но промолчал.

Затем тот, что с повязкой, искоса бросил на меня угрожающий взгляд и сказал:

— Никто сюда не заходил?

— Нет, — ответил я.

Они немного успокоились. Затем, словно у них были уши снаружи бара, словно их ноздри почувствовали что-то на далеком расстоянии, они оба встали и ринулись к двери на задний двор. Мухи жужжали в тишине. Я пошел на двор и посмотрел по сторонам. Они ушли.

Позже я услышал голоса. Двое мужчин кричали, а кто-то тонким голоском доказывал свою невиновность. Голоса приближались, становились громче, а затем стали удаляться. Потом со двора голоса зазвучали снова, их было много. Казалось, множество людей были вовлечены в какой-то спор. Тонкий голосок тонул в многоголосьи. Я поспешил наружу и увидел, что громилы

поймали того человека. Они тащили его по коридору на задний двор. Громилы держали его за руки — он позволил-таки им схватить себя. Некоторые люди из толпы спрашивали, что сделал этот человек. Мадам Кото вышла из своей комнаты, увидела громил и этого несчастливца, и поспешила обратно к себе.

Толпа и громилы устроили сутолоку. Голос человека становился все тоньше, его протесты все слабее, его взволнованное лицо дергалось, словно он хотел, чтобы мир узнал, что он принимает свой жребий.

Затем он начал умолять громил. Он умолял их оставить его в покое, что он никогда не будет идти им наперекор, что тогда он был слепым. Потом он стал просить толпу помочь ему. Толпа разделилась, решая его судьбу, но внезапно мужчина вырвался и стал пробивать себе дорогу через толпу, отпихнув женщину с ребенком и случайно локтем ударив в живот беременную женщину. Он наскочил на меня с такой силой, что я упал и ударился головой о полено.

— Хватай его, хватай, — кричали громилы.

— Держи, держи предателя!

— Вор! Вор!

Они пустились бежать за ним, и громила с

маленькими глазками в отчаянном прыжке вцепился убегавшему в ногу. Мужчина свалился, и громилы бросились его избивать. Он встал на колени, и двое мужчин стали осыпать его градом ударов и пинков. Он свернулся в клубок, но они продолжали дубасить его, изобретая всё новые формы избиения — удары в поддых, зажимы и локтевые атаки, радуясь своим изобретениям.

— Хватит с него, — сказала из толпы Мадам Кото, впрочем, не очень убедительно.

Громилы не обратили на нее внимания. Они, все еще неудовлетворенные, продолжали его бить. Затем подняли на ноги. Он весь дрожал и плакал, из его носа текла кровь, рот скривился, кровь текла и из одного глаза, лицо было все в синяках, в семи местах были видны порезы, и люди из толпы то и дело отводили от него глаза. Затем какая-то женщина стала просить за него. Она говорила о милосердии, доброте, любви Бога и милости Аллаха. Двое громил, чтобы угодить толпе, сказали, что этот мужчина — низкая тварь, он до бесчувствия избивал свою жену и бросил троих детей. Что дети голодали, а жена лежала в госпитале семь дней. Громилы сказали, что жена этой твари приходится одному из них сестрой. Толпа пришла в ярость от такого злодейства. И

пока громилы тащили его, все женщины били его по голове и осыпали градом проклятий за трусость и жестокость.

Громилы повели его в лес. Его одежда была порвана. Голова низко свисала. Он шел как обессиленный, обреченный человек, который скоро должен умереть.

Когда громилы с мужчиной исчезли, толпа разошлась, но поселковые люди оставались на месте. На их лицах была написана жестокая правда их жизней, их боль и голод, и в своих бедных одеждах они стояли возле бара и смотрели в лес, словно вот-вот он подаст угрожающий знак или откроет свои страшные тайны.

Они не двинулись с места, даже когда услышали крик мужчины, эхом прокатившийся над деревьями.

Первой тишину нарушила Мадам Кото. Она пошла к складу дров и стала разводить огонь, словно показывая, что на свете есть очень немного вещей, которые могут остановить течение ее жизни.

Женщины смотрели на нее, пока она разводила огонь. Я смотрел на них всех. Мадам Кото с ее деловитостью, казалось, находилась вне остальных, она была другой, далекой от их страстей.

Густая стая птиц, напоминавшая быстро меняющиеся геометрические фигуры, описала в небе круг, отбросив тени на горячую землю. Соседи разошлись по комнатам, чтобы заняться своими делами.

Я пошел в бар и лег на скамейку. Закрыв глаза, я услышал как вошла Мадам Кото. Она сказала:

— Если ты будешь себя плохо вести, то же самое случится с тобой.

— Что?

— Лес проглотит тебя.

— Тогда я стану деревом, — ответил я.

— Вот они и срубят тебя, чтобы проложить дорогу.

— Тогда я превращусь в дорогу.

— Машины будут ездить по тебе, коровы будут гадить на тебя, люди будут совершать жертвоприношения на твоем лице.

— А я буду кричать по ночам. И тогда люди будут вспоминать про лес.

Она замолкла. Я не открывал глаз. Я слышал, как она подняла глиняный котел, как вылила из него воду, а потом ушла.

Мне казалось, что жара поменяла все цвета. Лежа на скамейке в баре и слыша птиц, которые пели призывными голосами, я почувствовал, как

во мне открывается бескрайнее пространство мира и покоя. Оно углублялось и расширялось. Оно овевало прохладой мою кожу.

Приятные голоса звучали из буша. Я прислушивался к муэдзину и одновременно слышал, как я сам легко похрапывал. Внезапно в моем мозгу возникла странная фигура, какое-то тело мифического зверя, гниющее на дороге. Я сел. Мои ноги не касались земли. Я осмотрелся и увидел, что на меня смотрит ящерица, как будто я собираюсь пропеть ей песню. Птицы выводили свои мелодии, которые я не мог расшифровать.

Я снова прилег, прислушиваясь к голосам школьников, звонким от радости игр и общения. Я слышал в себе множество голосов. Скамейка поддерживала мою спину. Я опять закрыл глаза, и внутри меня стало темно. На черном фоне разворачивалась еще более глубокая темень. Меня потащило в водоворот. Я не сопротивлялся; и тогда тьма стала светом. И пока я плыл, пронзенный, похищенный, передо мной предстало лицо — сверкающее изумрудами, с глубокими глазами каменной голубизны, с улыбкой того несчастного, который только что погиб. Был ли он воплощением великого короля мира духов? Он смотрел на меня, и пока я старался глубже

проникнуть взглядом в таинство его лица, я почувствовал, как падаю в свет. Мои глаза раскрылись от его слишком сильной яркости.

Я снова закрыл глаза. Я услышал неожиданный звук. Странный ужас, похожий на руки, вытаскивающие из уже привычной темноты, сковал меня. Я не двигался и не чувствовал страха. Затем я увидел вытягивающиеся лица духов, из их глаз текла кровь. Я открыл рот, чтобы закричать, но лица вдруг изменились. Вокруг меня стала вращаться какая-то лысая голова. На ней было множество печальнейших глаз. Голова, лишенная тела, наклонилась ко мне, и на ее лысине оказался рот, раскрывшийся в экстатической, эластичной улыбке. Я внезапно проснулся. Прежде чем ко мне подступило лицо Мадам Кото, я увидел во вспышке отсветы мудрых духов. Она схватила меня за обвисшие руки и сказала:

— Вставай. Посетители уже здесь!

Когда я встал и посмотрел вокруг, я понял, что мы оказались на водоразделе между прошлым и будущим. Новый круг только начался, старый замкнулся, трагедия одних и процветание других предчувствовались во всем, что я видел, и я знал, что бар уже никогда не будет таким, как прежде.

Вечерело. Сквозь полоски занавески я мог ви-

деть, как птицы чертят круги в воздухе, летая, словно по указке, вокруг центра этих кругов, куда только что спланировал их вожак. Солнце окрасилось в насыщенный оранжевый цвет, словно его переплавили, и было сложно представить, как оно связано с прохладным ветерком этого вечера. Лицо Мадам Кото таяло в улыбке, которую она обычно припасала для посетителей, тративших деньги больше других.

Снаружи собралось много людей. Многие были одеты очень элегантно, в шелковые рубахи, агбада и сафари. Люди смеялись и говорили возбужденными голосами. Среди них было много женщин. Сильный запах парфюмерии тяжело повис в вечернем воздухе.

Двое громил, которые только что увели мужчину, вошли в бар. Они осматривали его, прикидывая, достаточно ли здесь места для празднования, которое они наметили. Теперь они не были похожи на громил. Несмотря на повязки и звериное выражение лиц, они выглядели как современные бизнесмены, поставщики, экспортеры или политики. Одетые в элегантные наряды, к которым подходили их шляпы, громилы находились в приподнятом настроении. Они вышли, потом опять зашли, походили рядом с Мадам Кото с

важностью почтенных мошенников и сказали:

— Будет сделано. Мы хотим праздновать здесь. Вы наш друг и соратник. Раз вы отнеслись к нам с добротой, мы поможем вашему бизнесу.

Мужчина с повязкой вышел, и я слышал, как он сказал:

— Заходите, люди мои. Добро пожаловать.

Он шел впереди, напевая бодрый мотив. Мужчина с маленькими глазами стоял в центре бара и возбужденно жестикулировал. Оба они были совершенно не похожи на тех людей, которыми они были раньше. Я был в изумлении от их перевоплощения.

— Добро пожаловать, мои самые уважаемые посетители! — сказала Мадам Кото таким елейным голосом, что я повернулся и удивленно на нее посмотрел.

Ее лицо блестело. Она потирала руки. Двое мужчин сели. С улицы вошли люди, принеся с собой густые облака парфюмерии, хрустящие кружева, звенящие браслеты и безделушки, странные украшения и запах новых денег.

— Больше света, — крикнул один из мужчин.

— И побольше вашего лучшего пальмового вина! — сказал другой.

Мадам Кото, казавшаяся мне самим бесстра-

шием под этими небесами, двигалась с таким рвением, что мне показалось, она боится не угодить этим людям. Она выбежала, быстро переоделась в чистое платье и принялась вытирать скамейки перед тем, как на них садились мужчины и женщины. Она вытерла до блеска столы и раскрыла шире занавески. Потом снова выскочила, прибежала обратно, удостоила меня суровым взглядом и впервые прикрикнула, как будто я был ее слуга.

— Пошевеливайся, гнусный ребенок. Поднимайся и принеси воды для посетителей!

Я был слишком ошарашен, чтобы двигаться. Она схватила меня за загривок и вышвырнула из бара. Сбитый с толку и рассвирепевший от такого обращения, я схватил полено. Я долго стоял в таком положении. В поисках меня пришла Мадам Кото. Я высоко поднял полено, готовый им воспользоваться.

— Что с водой? — спросила она.

Я ничего не ответил и только крепче сжал свою дубинку. Я выдерживал металл ее глаз. Она приближалась. Я стал отступать в буш. Она улыбалась, ее грудь вздымалась. Когда она, раскинув руки, подошла ближе, я бросился на нее с поленом и промахнулся, полено выпало у меня из

рук, и я занозил себе ладони. Она остановилась. Новое выражение появилось у нее на лице. Затем она сказала:

— Ладно, ладно.

Она сама набрала воду в ведро, а я стоял возле буша и наблюдал, как она носится туда-сюда, изо всех сил стараясь угодить посетителям. Она выходила с каменным лицом, а возвращалась с фальшивой улыбкой. Я пошел к входу и смотрел, как громилы и их друзья стекаются в бар. Они громко смеялись и говорили о деньгах. Они говорили о политике, контрактах, женщинах и о выборах. Я подглядывал за ними и увидел потную Мадам Кото, сидящую за стойкой. Она прислушивалась ко всему, уставившись широко открытыми глазами, и, когда что-то требовалось, с пластиковой улыбкой подскакивала, как на пружинах. Она казалась мне совершенно незнакомой.

— Мадам, — сказал один из мужчин, — а почему бы вам не переоборудовать это место в отель? На этом вы сможете заработать приличные деньги.

— И почему бы вам не нанять женскую прислугу вместо этого странного ребенка?

Мадам Кото ответила репликой, которую я прослушал, но которая вызвала смех. Они про-

должали пить суп чашками и вино большими тыквинами. Я стоял снаружи, пока вечер не пошел в небо, постепенно заволакивая его. Мадам Кото вышла поискать меня, но, увидев ее, я побежал.

— Почему ты убегаешь? — спросила она более мягким голосом.

Затем она попросила меня вернуться обратно, сказав, что это ее особые посетители, и я должен хорошо вести себя с ними. Она пообещала мне кое-какие деньги и большую порцию супа. Я осторожно вернулся в бар. Но к тому времени мужчины изрядно напились и стали кричать и хвастаться. Двое из них были так пьяны, что танцевали без музыки, шатаясь и потея перечным супом. Один из них залез на стол и стал танцевать на нем под мелодию партийной песни. Стол закачался. Он пел и топал ногами. Другой мужчина пытался взобраться на скамейку, но не мог. Громилы старались заставить спуститься танцующего мужчину. Тот, что с повязкой, полез через стол, чтобы схватить его, но мужчина бросился прыгать по столам и в конце концов прыгнул с такой силой, что проломил стол и оказался в ловушке. Но никто не стал доставать его оттуда.

— Не беспокойтесь, мадам, — сказал громи-

ла, — мы заплатим вам за стол.

Мадам Кото оставалась за стойкой. Нижняя часть ее лица дрожала. Я чувствовал ее неописуемую ярость. Но она удержала на лице улыбку радушия.

— Спасибо, мои самые уважаемые посетители.

Две женщины встали и помогли мужчине выбраться из стола. Кровь текла у него по бедрам, но он уже ничего не замечал. Он лег на скамейку рядом со мной и заснул. Его ботинки воняли. Его невыносимая парфюмерия смешивалась с запахом пота от перечного супа. Я отсел от него на две скамейки. Остальные продолжали пьянствовать и буйно веселиться. Мадам Кото наблюдала за ними с приклеенной улыбкой на лице. Она была спокойна и ничего не предпринимала, даже когда громила в повязке и его друзья с криками прогоняли новых посетителей, появлявшихся у дверей.

— Иди и пей в другом месте. Сегодня это наш бар, — говорили они, смеясь.

Они продолжали прогонять людей, и на все Мадам Кото отвечала улыбкой.

— Эта мадам скоро станет моей женой! — объявил громила в повязке.

Он встал, качаясь из стороны в сторону, выта-

щил ее из-за стойки и станцевал с ней.

— Эта мадам, — сказал кто-то, — проглотит тебя целиком.

Все засмеялись. Мадам Кото прекратила танцевать, вышла и принесла с собой метлу.

— Убегай! Убегай-ай! — пропел пьяный хор.

Но мужчина, когда она настигла его, был уже к тому времени на улице,

— Смети мои печали, — вывел он проникновенную мелодию, обнимая ее сзади.

Она стряхнула его с себя, и он сказал с глазами, полными страсти и искренности:

— Мадам, если вы выйдете за меня замуж, в вашей кровати будет полным-полно денег!

И в доказательство он вынул из кармана хрустящий бумажник с фунтовыми банкнотами и стал прилеплять банкноту за банкнотой на ее вспотевший лоб. Она реагировала с удивительной сноровкой, представляя из себя тип отъявленного мага, и деньги исчезали в ее бюстгальтере. Она не прекращала танец. Мужчина, казалось, был в восхищении от ее жадности. Покачиваясь, он открывал и закрывал глаза, ведя себя так, как будто ничего не замечал. Потом внезапно спрятал бумажник, и, пританцовывая, стал отходить от Мадам Кото, лицо его при этом сверкало в экстазе

силы и власти.

Темнота снаружи прокрадывалась вовнутрь. Мухи еще больше оживились. Стало довольно темно. Мадам Кото внесла лампы, зажгла их и расставила по столам.

— Мадам, — невнятно произнес громила с маленькими глазками, — мы проведем вам электричество, и скоро вы поставите нам музыку, а мы все спляшем.

В этот момент занавесь распахнулась, и плотник с широко раскрытыми глазами, в грязной одежде, вошел в бар.

— Иди и пей в другом месте! — сказал один из мужчин.

— Почему?

— А почему бы и нет?

— Потому что я строил этот бар.

— Ну и что?

— А то, что никто не может прогнать меня отсюда.

— Ты так думаешь?

— Да.

Мужчина с повязкой, который весь вечер искал какой-нибудь повод подраться, устроил шоу — картинно срывая с себя агбада, он без лишних разговоров прыгнул на плотника. Оба

они свалились на скамейку. Лампа закачалась на столе. Они принялись бороться, катаясь по полу. Лампа упала, разбилась и подожгла стол. Женщины закричали, похватали свои сумочки и поспешили к выходу. Мадам Кото схватила свою метлу и стала тушить огонь. Метла загорелась. Мужчины продолжали драться. Плотник сорвал с громилы повязку. Громила попытался задушить плотника. Остальные принялись бить плотника ногами, по ребрам, по голове, но при этом кричал только громила. Затем в одну секунду столы и скамейки оказались перевернутыми, стаканы и тарелки разбитыми, калабаши треснули, разлитое вино тут и там вспыхнуло пламенем, и дым наполнил воздух. Я не двигался. Я слышал, как один из громил закричал от боли. Загорелось его агбада. Он выбежал в голубую ночь, и его одеяние развевалось над ним в языках пламени. Полосы занавесок также разгорались как нельзя лучше. Казалось, что загорелось все. Мадам Кото вбежала с соседями, неся в руках ведра с водой, которые они выливали на стены и столы, на борющихся мужчин и разбитые калабаши, на занавески и на того спящего, который провалился в стол. Вскоре пожар был потушен, и люди на полу перестали драться. Они были мокрые с головы до пят. Они

поднимались, израненные осколками стекла, едва держались на ногах и громко стенали.

Мадам Кото принесла новую метлу, набросилась на толпу и принялась бить всех и каждого с таким остервенением, что все от испуга сбились в кучу. Она хлестала громил и их гостей, сгоняя их к дверям, она колотила плотника и преследовала его по всему бару, затем набросилась на соседей, которые пришли ей помочь и теперь убегали с криками, что она сошла с ума, она и меня стукнула по спине и по шее, и я тоже выбежал за дверь. Она продолжала размахивать своей метлой, когда уже никого из людей не осталось.

Внезапно она возникла у входной двери, и ее появление заставило и женщин, и мужчин тревожно вскрикнуть. Она погналась за громилами и их друзьями, нанося женщинам удары по спинам, а мужчинам по лодыжкам, преследуя толпу по дороге к лесу. На время мы потеряли ее из виду. Затем, тяжело дыша, она неожиданно материализовалась среди нас и набросилась на нас с проворством, необычным для ее веса. Проявив редкостное искусство быть в нескольких местах сразу, она хлестала всех, кто убегал на север или на юг, на запад или восток, зло свистя в воздухе своей новой метлой, проклиная все на свете,

поднимая за собой клубы пыли и швыряя в нас камни, носясь вихрем и ругаясь, гоня нас в буш, на задний двор и дальше по коридорам. Люди бежали во все стороны. Я спрятался в вонючей ванной и долго оставался там, я вышел, только когда заслышал другие голоса, робко перешептывающиеся из потайных мест. Я пополз в бар.

Мадам Кото сидела за столом. В комнате осталась только одна лампа. Все было в полном хаосе. Одни столы были сломаны, другие обгорели, везде валялись разбитые стаканы, куриные кости, разбитые чашки, переломанные ложки, треснутые калабаши, разорванные одежды, а пол залит вином и супом. Один из столов был испачкан рвотой, календарь с кока-колой расстелился по полу, и груди белой женщины были испачканы жирными следами перечного супа. Скамейки валялись ножками кверху. На одном из столов лежали сгоревшие банкноты и одна стена была забрызгана кровью. Мадам Кото сидела в густой темноте, и ее груди чуть вздымались. Ее лицо превратилось в маску. Она сидела в своем баре одна, окруженная смятением и ночными мухами. Ее руки дрожали.

Тяжелым печальным взглядом она смотрела далеко перед собой, не пытаясь обозреть урон,

нанесенный ее владениям. Она закусила нижнюю губу. Затем, к моему изумлению, она стада дрожать еще сильнее, чем прежде, сидя с прямой, как стрела, спиной. Ее глаза смело глядели вдаль, но в них застыло поражение. Она дрожала и плакала, и слезы текли по ее щекам и падали на стол. Затем она остановилась, сглотнула, вытерла лицо набедренной повязкой и пошла запирать бар на ночь. Она тоже пересекла водораздел между прошлым и будущим. Она должна была понимать, что начинается новый круг. Внезапно обернувшись, она увидела меня, застыла как вкопанная и, застигнутая врасплох, широко раскрыла глаза от ужаса. Затем сказала, довольно грубо:

— На что ты смотришь?

— Ни на что.

— Ты раньше видел, как плачет взрослая женщина?

Я молчал.

— Иди домой! — скомандовала она.

Я не двигался. Ни Мадам Кото, ни этот бар никогда уже не будут такими, как прежде.

— Иди домой! — приказала она.

Я ушел.

Глава 7

Мама была одна в комнате, молясь нашим предкам и Богу на трех языках. Она стояла на коленях у двери, и ее платок чуть закрывал ей лицо. Она лихорадочно потирала ладони.

— Закрывай дверь и заходи, — сказала она.

Я вошел и сел на кровать. Ее настойчивая молитва переполняла комнату. Я слышал, как она призывает дать ей силу, просит, чтобы Папа получил хорошую работу, чтобы на нас снизошло процветание и довольство. Она молилась, чтобы мы не умерли раньше срока, чтобы мы дождались доброго урожая, чтобы наши страдания обернулись мудростью.

Закончив, она встала, подошла ко мне и присела рядом на кровать. Она молчала. Пространство вокруг нее было заряжено энергией. Она спросила про Мадам Кото, и я рассказал ей, что люди решили, что она сошла с ума. Мама смеялась, пока я не рассказал ей, что случилось. Наступила долгая тишина, и я понял, что она уже не слушает меня. Ее глаза были где-то далеко.

— Ты видел нашу дверь? — внезапно спросила она.

— Нашу дверь?

— Да.

— Видел.

— Тогда иди и посмотри еще раз.

Я вышел и посмотрел, но ничего не увидел из-за темноты. Соседи, словно фигуры в красном сне, толпились на дворе и двигались по проходу. Я зашел обратно в комнату.

— Ты видел?

— Нет.

Я взял свечу, укрыв ладонью пламя, и снова вышел. Наша дверь была грубо порублена мачете. Им почти удалось расщепить дерево. Следы от ударов длинные, но не глубокие. Какое-то дурно пахнущее вещество, отсвечивая красным в свете свечи, было нанесено на дверь как знак угрозы. Нашу дверь пометили. Я снова вошел в комнату.

— Кто это сделал?

— Это был лендлорд.

— Откуда ты знаешь?

— Папа бросил вызов его партии.

Мама замолчала на мгновение. Я поставил свечку обратно на стол.

— Будь осторожен с людьми из поселка, — предостерегла она. — Сегодня они тебе друзья, а завтра могут стать врагами.

— Да, Мама.

— Я готовила еду. Потом пошла в комнату. Когда я вернулась, кто-то залил огонь водой.

Мы молчали.

— Мне страшно сейчас гулять по поселку вечером. Кто знает, вдруг они отравят нашу еду?

Мне тоже стало страшно. Я прижался к Маме. Она нежно гладила меня по голове. В какой-то момент я увидел, как ночью нашу дверь, пока мы спим, срывают с петель. Я увидел пускающего дым из семи ушей монстра Эгангана, врывающегося к нам в комнату и пожирающего всех своим кровавым ртом.

— Давай убежим отсюда, — предложил я.

Мама засмеялась. Потом стала серьезной. И впервые я обратил внимание на то, как жизнь обострила черты ее лица. Ее скулы стали выпирать, нос заострился, подбородок выступил вперед, и на лбу проступили выпуклости, словно желваки от постоянных избиений.

Глаза ее сузились, как будто она все время пыталась избавиться от того, что она видит.

— Наша судьба хранит нас. Ничего не бойся, мой сын. Худшее, что они могут сделать — это убить нас. — Она сделала паузу.

Ее лицо приобрело вид неподвижной маски.

Глаза ее не двигались, и, казалось, что они сосредоточенно смотрят далеко за окно, в жуткую пустоту.

— В любом случае я устала от этой жизни, — сказала она наконец. — Я хочу умереть.

Внезапно я увидел ее смерть. Видение пришло и ушло так быстро, что я совершенно потерялся. Я вспомнил лицо Мамы, когда она чуть не умерла сразу после моего возвращения. Я вспомнил, что из-за ее лица в кровоподтеках я и выбрал эту жизнь, остался здесь, в заточении этого мира, и разорвал договор со своими духами-спутниками. Перед своим рождением я пообещал сделать ее счастливой, и решил остаться, а она хочет умереть. Я разразился слезами. Я бился об пол, бил себя и рыдал. Демон скорби полностью овладел мной. Мама попыталась обнять меня, утешить, понять причину моего плача, она не знала, насколько безутешен я был в этот момент, потому что не могла знать причину моей скорби. Она не знала, что единственное, чем она могла заставить меня остановиться, это пообещать мне, что она никогда не умрет.

— Что такое с тобой? Все из-за двери? Или из-за людей из поселения? Может быть, из-за лендлорда? Не бойся. Мы для них слишком сильные.

Ее слова прозвучали чересчур поздно. Я уже не мог отделить себя от несчастья. Я сам стал своей скорбью. Я плакал наперед за все, что еще случится с нами, за все невообразимые события за горизонтом нашей обыденной жизни. Несчастье заполнило меня, как воды наполняют глубокий колодец в период ливней. Я стал задыхаться. Духи-спутники, насытившись моей скорбью, наполнили меня сладостными песнями, чтобы внести величественность в мои страдания. У меня остановилось сердце. Я задрожал, сжался в комок, перестал дышать, открыл рот и выпучил глаза. Темнота бросилась на меня, как сильный ветер из леса. Темнота погасила мое сознание.

Но глубоко внутри этой темноты зарождалась новая волна, восстание сил радости. Это была мирная волна, разбивавшаяся о берега моего духа. Я услышал как поют мягкие голоса, и свет, словно от тысячи бриллиантов, подходил ко мне ближе и ближе и стягивался в центр моего лба. И затем внезапно в центре лба у меня открылся глаз, и я увидел, что этот свет — самое яркое, самое прекрасное, что есть в мире. Он был неимоверно огненный, но не обжигающий. Он был устрашающе притягательный, но не ослеплял. Чем ближе он подходил ко мне, тем страшнее мне

становилось. Но затем мои страхи рассеялись. Свет вошел в мой новый глаз и в мозг, волнами поплыл вокруг моей души, вошел мне в вены, стал циркулировать в крови и достиг сердца. Оно зажглось в опаляющей агонии, словно сгорая до пепла. И когда я закричал, боль достигла своей вершины, и тогда прохлада божественной росы стала растекаться во мне, двигаясь назад по пути бриллиантового света, охлаждая его горящие коридоры, пока не достигла моего лба, где она задержалась, навечно запечатлев во мне чувство поцелуя и всю эту мистерию и загадку, которую не сможет разгадать даже мертвец.

Глава 8

Мама держала в руке свечу. Воск капал на ее тонкую кожу. Она не убирала руки. Она не двигалась. Ее глаза были широко раскрыты. Ее лицо было скалой в темноте теней, куда не доставал свет от свечи.

— Как-нибудь я расскажу тебе, как была побеждена смерть, — сказала она голосом таинственной жрицы.

Она долго смотрела на меня. Свеча образовала золотой ореол вокруг разметанных прядей ее

волос. Воск становился белым на ее коже. Она поставила свечу и соскребла с себя воск. Она смотрела сквозь меня. В ее глазах были страх и любовь. Она провела рукой по темноте, создав ковчег из теней. Это была голубая темнота. Все стало голубым.

* * *

Я плыл в ковчеге и вдруг обнаружил себя на мате. Свеча догорала на столе. Окно было открыто, и в комнате летали москиты и мошки. Подул ветер и заиграл пламенем свечи, впустив в комнату запахи мира, очищенного свежестью ночного воздуха.

Кто-то осторожно постучал в дверь моего духа. Я открыл дверь и увидел фотографа. Поначалу я не узнал его. Я не видел его уже много дней, и он выглядел другим. Его лицо сияло здоровьем, глаза были яркие. Его настроение было бодрым, будто он обнаружил где-то в ночи поля надежды.

— Это я, — сказал он немного нерешительно, — Международный Фотограф.

Он вошел крадучись. Его дух балансировал между страхом и бодростью. В руках он держал новый футляр для фотоаппарата. На футляре была надпись белым по черной коже: СТАТЬ

ЧЕЛОВЕКОМ. Был ли это вопрос или начало декларации? Я не понимал. Я просто удивленно смотрел на эти слова.

— Ты помнишь еще меня? — прошептал он, пока я закрывал дверь.

— Где вы были?

— Объехал вокруг света и обратно.

— Ну и что там?

— Чудеса везде остаются чудесами.

— Почему?

Он не ответил мне. Он прислушивался к спящему миру. Все еще шепотом он сказал:

— Скоро я уйду. Я пойду искать другую работу. Есть ли какая-нибудь еда? Мне кажется, эти громилы перестали меня разыскивать. Лендлорд хочет, чтобы я уехал из его барака. Я голодный.

— Еды дома нет.

— Почему нет?

— Вы видели нашу дверь?

— Какую дверь?

— Нашу дверь.

— Конечно, видел.

— Вы не видели.

— А как же я вошел в комнату?

— Вы не видели ее?

— Почему не видел?

— Кто-то пытался ее сломать. Они написали на ней что-то странное.

— Зачем?

— Я не знаю.

— Кто это сделал?

— Мы не знаем.

— Зло не перестанет быть злом.

— Что?

— Так значит, еды никакой нет?

— Они залили огонь водой, когда Мама готовила.

Папа перевернулся на кровати. Он стонал во сне. Крысы начали что-то грызть. Мама сделала ртом жевательное движение и затихла.

— Зачем они это сделали?

— Я не знаю. Мама думает, что они могут нас отравить.

— Шшшшшшш!

— Почему?

— Дух рядом с нами может нас услышать.

— И что он нам сделает?

— Это от многого зависит.

— Отчего?

— Есть ли у вас гарри?

— Да.

Он подошел к шкафу и тихо, как вор, насыпал

в чашку немного гарри из ведра. Он залил его водой, вылил в коридор лишнюю воду, положил в гарри соль и кусок сахара, еще долил воды, чтобы достичь желаемой густоты, и стал есть. Простая еда удовлетворила его. Закончив, он сказал:

— Покажи мне дверь.

Я вынес свечку наружу, закрывая пламя от ветра. Он изучил насечки, потрогал дурно пахнущее красное вещество, понюхал его, попробовал и сказал:

— Это кровь дикого кабана.

— Откуда вы знаете?

— Раньше я был охотником.

Мы снова вошли в комнату. Он встал на колени на мат.

— Возможно, все это из-за меня, — сказал он после долгого молчания.

Он сделал паузу.

— Скоро я уйду. Я просто исчезну. Я ухожу в подполье.

Снова пауза.

— Я не хочу приносить вам несчастья.

Ветер подул через окно и задул свечку. Мы остались в темноте. Когда он снова заговорил, его голос изменился.

— Ты знаешь, что я делал сегодня?

— Нет.

— Я снимал женщин на рынке, на которых нападали громилы. Женщины давали им сдачи. Я фотографировал бунт против наших белых хозяев. Я сделал фотографию полицейского, который брал взятку. Он увидел меня и погнался за мной. Я убежал.

— Как?

— С помощью магии!

— Какой?

— Я обернулся невидимкой.

— Как?

— Я обладаю многими силами.

— Тогда зачем вы прячетесь?

— Потому что, если ты обладаешь силой, ты не можешь пользоваться ей все время.

— А что еще вы можете делать?

— Могу летать.

— Куда?

— На луну.

— Как?

— На вспышке камеры.

— Я не верю вам.

— Прошлой ночью я летал на луну и делал снимки с ее невероятной поверхности.

— Можно мне на них посмотреть?

— В другой раз.

— А почему не сейчас?

— Потому что я хочу спать.

— А что еще вы можете?

— Могу изменять лица людей.

— Как?

— Своей камерой.

— Как изменять?

— Я могу их сделать прекрасными или уродливыми.

— Зачем?

— Просто потому что могу.

— А что еще вы можете?

— Могу выпить десять бутылок огогоро и не опьянеть.

Крысы начали что-то разгрызать.

— Понимаете ли вы, о чем говорят крысы?

— Нет.

— А можете ли с ними заговорить?

— Нет. Но я могу убить их.

— Зачем?

— Потому что они никогда не бывают сыты. Они похожи на плохих политиков, на империалистов и богатых людей.

— Почему?

— Они поедают вещи. Они едят все на своем

пути. И когда-нибудь, когда они очень сильно проголодаются, они съедят всех нас.

Я замолк.

— Когда ты проснешься завтра утром, никаких крыс больше не будет. Я прикончу их всех. Я использую свои сильные снадобья и тайные заклинания. Но они не сработают, если ты не заснешь.

Он встал и закрыл окно. Мы легли на мат. Я пытался заснуть, но крысы продолжали грызть, а москиты продолжали нас мучить.

— Я научу тебя, как летать на луну, — сказал он в темноте.

— Как?

— Просто думай о луне и ложись спать.

Я так и сделал. Я лег спать, но на луну не полетел и даже не задумался о ее таинственной поверхности. И не встал раньше него, чтобы сказать ему, что его метод не подействовал.

Глава 9

Мама кричала истошным голосом. Папа стоял над ней с дьявольским выражением лица, держа за хвосты шесть больших крыс и болтая ими. Одна из крыс все еще была жива. Она слабо по-

дергивалась. Мама вскочила с кровати.

— Где ты нашел этих крыс?

Я сел. Вокруг мата, под общим столом, рядом с дверью, на крыше шкафа, рядом с кроватью, везде валялись трупы крыс. Я закричал. Комната представляла из себя крысиную Голгофу, их проигранное поле битвы. Они подохли в самых разнообразных позах. Одни крысы с оскаленными желтыми зубами полегли рядом с моей подушкой, пытаясь взобраться на мат. Другие лежали поверх моего одеяла. Некоторые подохли близко от меня, под одеялом, другие скончались на столе, и их длинные тонкие хвосты свисали с края. Другие пробрались к оконной занавеске и погибли у пристенка, оборвав куски ткани. Еще одна крыса забралась Папе в ботинок, и ее хвост можно было принять за шнурок. Они поумирали с открытыми желтыми глазами, глядя на нас с печальной и пустой угрозой мести. Некоторые из них все еще боролись за жизнь, и Папа прекратил их мучения, с видом знатока размозжив им головы ботинком. Умирая, крысы пускали изо рта желтую и синюю жидкости. Жирные пушистые крысы с длинными тонкими хвостами корчились в мучениях среди тел своих спутников, царапаясь маленькими коготками. Папа схватил одну из

них и добавил в свою болтающуюся коллекцию, внезапно она дернулась и схватила Папу за край рубашки, порвав его. Папа с силой шмякнул ее об стенку. Она оставила на ней отпечаток и забилась на полу, ползя с оскаленными зубами к куску мешковины и отказываясь умирать. Папа стоял по щиколотку в крысиных трупах. Я был так напуган, что не мог двинуться.

Папа подошел ко мне с озорным выражением лица и покачал надо мной шестью крысами, как устрашающим маятником. Я вскочил и побежал к Маме.

— Это же всего лишь крысы, — сказала она, только что сама едва оправившись от ужаса.

— Но как много! — сказал Папа.

— Я пойду посчитаю их, — предложил я.

— Но что же такое с ними случилось?

— Они увидели кошмары во сне, — предположил Папа.

— Какие кошмары?

— Все это из-за партии лендлорда. Когда они прослушали его речь, они решили устроить массовый суицид.

— А что такое суицид?

— Что все-таки с ними случилось? — интересовалась Мама.

— Их убил фотограф.

— Как?

— Специальным лунным ядом. Отличная работа!

— Да уж, ничего не скажешь, — ответила Мама.

Она сходила за метлой. Когда она передвинула шкаф, то открыла рот от изумления. Число крыс, которые там лежали, было устрашающим. Невозможно было представить себе, что мы делили нашу жизнь с таким множеством крыс. Они проели мешки, дерево стола, они проедали себе путь сквозь одежды, ботинки, материалы. Везде были горы их еды и дерьма. Застыв в тысяче различных поз — вытянув хвост, выпятив бледное пузо, оскалив зубы, скорчившись в смертельной агонии — они представляли из себя разбитое полчище нечестивых тварей.

— Ничего не трогай! — сказала Мама.

Она вымела каждый угол, особенно стараясь, когда подметала под кроватью и под шкафом. Она выставила дырявые мешки и корзины за дверь, все еще вздыхая в ужасе. Мешки были тут и там проедены, и несколько крыс сдохли прямо в мешке с провизией. Мама смела всех крыс к двери в большую кучу. Я нашел на улице картон-

ный ящик для упаковки шоколадных напитков. Все крысы поместились в него. От их количества я чуть не потерял сознание. Мама взяла ящик, вышла на улицу и высыпала крыс в мусорную кучу в кузове сгоревшего фургона. Вернувшись, она побрызгала комнату дезинфекционным раствором. Она заставила нас помыться в воде с этим раствором, а затем тщательно вымыть руки. После, пока Папа собирался на работу, она приготовила еду.

Когда мы ели, кто-то постучал в дверь.

— Входите, — сказал Папа.

Для гостей было слишком рано. Мы были сбиты с толку видом человека в рваной одежде, с желтыми глазами, бледным лицом и горечью в изгибе рта, который вошел и украдкой осмотрелся. Это был посланец лендлорда, пришедший с сообщением, что наша рента повышается. Вероятно, мы были единственными съемщиками в бараке, на ком сказалось повышение цен. После того, как он сообщил послание, включавшее в себя предложение съехать, если нас не устраивает новая цена, и ушел, Папа сел за стол с едой, как человек, которому только что жестоко ударили в поддых. Он ничем не выдавал боли, но чувствовалось, что он совершенно сбит с толку. Когда он задвигался,

у него хрустнули суставы. Затем им овладело беспокойство, он стал безостановочно двигаться, и его лицо судорожно подергивалось.

— Больше мне не хочется есть, — сказал он через какое-то время.

Но он взял-таки ложку, продолжил есть и не оставил ничего на тарелке. Затем он послал меня купить огогоро. Женщина, продававшая его, еще не проснулась, и Папа рассердился, когда я пришел ни с чем. Поэтому я снова отправился за огогоро, ударами в дверь разбудил женщину, она встала и долго ругалась на меня, наливая столько, сколько просил Папа. Он выпил половину огогоро одним глотком. Мама вытерла стол. Затем она пошла на задний двор, напевая песню своей деревни. В комнате сидел Папа и смотрел прямо перед собой.

— Ты видишь, что эта жизнь делает с нами? — спросил он.

— Да.

— Ты видишь, какими злобными могут быть люди?

— Да.

— Вот так они заставляют тебя совершить убийство.

Он снова хрустнул костяшками. Потом вздох-

нул.

— Где я буду находить столько денег каждый месяц, а?

— Я не знаю.

Он уставился на меня. Его взгляд был таким пронзительным, что я почувствовал себя его врагом.

— Ты видишь, как они заставляют человека стать вооруженным грабителем?

— Да.

Он снова вздохнул. Затем зажег сигарету. Он курил в тишине. Затем, словно им овладела блестящая идея, он отложил сигарету и быстро оделся в рабочую одежду. Я был огорчен, когда он сказал:

— Когда я вернусь, то пойду встретиться с Мадам Кото.

— Она сошла с ума, — сказал я.

— Может быть, она даст нам в долг немного денег, — ответил он, проигнорировав мое сообщение.

Он надел ботинки, топнул по полу, дотронулся до моей головы и ушел на работу.

Вскоре пришла Мама с мокрой набедренной повязкой. Она стирала одежду во дворе. Стирала и думала. Стирала и пела. Барак проснулся. Бродя-

чий пес гулял по коридору. Утро было печальным. Небо — серое, как будто собирался дождь. Возле колодца раздавались бряцающие звуки металлических ведер, лилась вода, женщины повышали голоса в утреннем воздухе. Школьники уже были одеты в форму. Через равные промежутки времени кукарекал петух. Мама собрала свой поднос. Я был готов идти в школу. Мама пошла по улице, покачиваясь, двигаясь немного сонно, неся на себе еще одну ношу, которая только что прибавилась. Вскоре ее фигура стала неразличимой деталью на фоне общей бедности нашего района.

Глава 10

Я постарался проскользнуть незамеченным мимо бара Мадам Кото, но она увидела меня и очень громко крикнула:

— Опять ты от меня убегаешь?

Она изменилась. На ней была новая кружевная блузка, дорогая набедренная повязка, коралловое ожерелье на шее, медные браслеты вокруг запястий. Ее глаза были подведены тушью, и с напудренного лица у нее стекал пот. Дневная жара нарастала, и негде было спрятаться от солнца. Я

очень хотел пить.

— Заходи и выпей пальмового вина, — предложила она.

Бар опять переменился. На стенах висело два календаря Партии Богатых. В баре была толпа народа, необычная для дневного времени. Там были нормальные, скромно выглядящие люди и одновременно мужчины со шрамами, женщины в браслетах, от тяжести которых опускаются руки, мужчины в темных очках. В жарком помещении кипели споры. Посетители обсуждали политику и скандалы громкими страстными голосами. У некоторых были грозные лица, истекавшие потом, и когда они разговаривали, то раскрывали рот почти до ушей. Другие были худые и костлявые, с клочковатыми скудными бородами и косящими глазами. У женщин были длинные накрашенные ногти, и, разговаривая, они резко размахивали руками. Многие обмахивались газетами. Шум, исходящий от людей, мешался с навязчивым гудением мух.

На стойке лежал молоток. Я подумал, что плотник где-то здесь, но, поискав, не нашел его. На столах стояло несколько тыквин пальмового вина с мухами, бегавшими по горлышку. Они также кишели над пустыми тарелками из-под

перечного супа. В углу комнаты на скамейку лег мужчина с открытым ртом и глазами. Он быстро заснул. Геккон побежал по его лицу, запутался в волосах, и мужчина, проснувшись, закричал. Остальные засмеялись.

Посреди всего этого шума мужчина в головном уборе шефа сел на стул. Он сидел прямо, с унаследованной гордой осанкой, и рядом с ним стоял мальчик, который обмахивал его. На мужчине было ослепительное голубое агбада, и на шее красовалось оранжевое ожерелье. Он пил так, словно это место принадлежало ему. Он был мне чем-то знаком. Я долго разглядывал его. И затем вспомнил, что это был тот человек, который наблюдал за распределением отравленного молока из фургона. Губы его были слишком велики для его лица, а цвет нижней губы был любопытной смесью красного и черного. Красного было даже больше, и казалось, что он обжег губу еще ребенком. У него были крысиные глаза. Он заметил, что я разглядываю его.

— На что ты так смотришь? — спросил он.

Голоса в баре притихли.

— На вас, — ответил я.

— Ты что, сумасшедший?

— Нет.

Он сурово посмотрел на меня. Один из мужчин встал, подошел ко мне и дал щелбана по голове.

— Ты сумасшедший, — сказал он.

Я плюнул в него, но плевок не долетел.

— Посмотрите на этого паршивца, — сказал он и дал мне второй щелбан.

Я опять плюнул, но попал себе на рубашку. В бар вошла Мадам Кото. Мужчина схватил меня своими толстыми пальцами, я закричал и ринулся к молотку на стойке. Я бросился на мужчину, который из предосторожности отбежал от меня. Мадам Кото схватила меня за руки и отобрала молоток.

— Не будь плохим мальчиком! Видишь ты того мужчину? — сказала она, показывая на человека в голубом агбада. — Это шеф. Он будет управлять нашим районом. Если он захочет, то проглотит тебя.

Шефу была отдана дань уважения, удовлетворенный, он улыбнулся и продолжил пить. Шум возобновился. Некоторые люди начали обсуждать мое поведение и жаловаться на то, что дети больше не уважают старших., и ругать образ жизни белых людей, из-за которых разрушаются традиционные ценности Африки.

Затем один из мужчин предложил Мадам Кото,

что лучше бы ей нанять в официантки девушек, чем мальчиков. Одна из женщин сказала, что если Мадам Кото требуются девушки, чтобы помогать ей обслуживать клиентов, она может ей в этом посодействовать.

— Этот урод испортит вам весь бизнес, — сказал мужчина, который дважды ударил меня по голове. — Кому охота пить ваше прекрасное пальмовое вино и видеть эту рожу?

— Ты умрешь! — сказал я ему.

Голоса замолчали. Мужчина поднялся со скамейки, и лицо его дрожало в суеверном страхе перед проклятием ребенка.

— Скажи, что я не умру! — потребовал он.

— Нет!

Он пошел на меня. Мадам Кото считала деньги за стойкой. Она была слишком поглощена своим занятием, чтобы осознать, что произошло.

— Возьми слова обратно!

— Нет.

Он зашагал ко мне. Слышно было только жужжание мух.

— Всыпь ему хорошенько, пока он не описается, — сказал шеф. — Так вот нужно воспитывать детей.

Я смотрел на мужчину, не двигаясь. Он замах-

нулся, чтобы ударить меня, но я пробежал у него между ног, и все засмеялись. Я остановился и скорчил рожу шефу и размалеванным женщинам. И когда мужчина бросился на меня в ярости от моих проказ, я выскочил из бара и побежал в спасительный лес. Я обернулся. Мужчина тяжело дышал. Он сдался и повернул обратно. Я еще глубже забежал в лес и уселся на громадное сваленное дерево. Я смотрел в гигантскую яму, откуда доставали песок, чтобы строить дороги мира.

И затем я побрел вдаль. Я долго шел по лесу. В жару от земли исходили сильные ароматы, и срубленные пальмовые деревья испускали из глубины своих пней алкогольные пары, которые я вдыхал вместе с запахами их коры и винного сока, испаряющегося в дрожащем воздухе. Я слушал кроншнепов в кронах диких сосен. Опьяненный алкогольными парами земли, я пробрался через отдаленную часть леса, где жаворонки гнездились в ветвях баобаба, и появился в другой реальности, в странном мире, на дорожке, которая переходила в большую дорогу. Поверхность дороги была неровной из-за колдобин и ухабов. Асфальт плавился под солнцем, и ступни у меня сразу почернели. Запах расплавленного асфальта был густой, и я увидел мираж трейлера,

трясущегося на жуткой скорости, едущего по дороге прямо на меня. Этот мираж промчался мимо строительных дорожных машин, стоявших в ряд, на полшага от них. Он, как смерч, пронесся мимо женщины-продавщицы воды со льдом и апельсинов, мимо нищих, мимо рабочих и их бараков, внутри которых кипели вечные споры по поводу зарплаты и забастовок. Он возник на одно мгновение, как вихрь, и тут же исчез в лесу, и больше я его не видел.

Я подошел к другой строящейся дороге. Рабочие стояли вокруг машин и ругали тех, кто работает. Они размахивали транспарантами с надписями. Я понял, что те, кто ругались, были уволены. Их лозунги были адресованы белым инженерам. Но я не видел никаких белых инженеров. С таким же успехом они могли обращаться к солнцу. Я пошел мимо них и когда обернулся, то увидел, как другие фигуры нападают на протестующих рабочих. Солнце было беспощадное, тени глубокие. И чем ярче было солнце, тем чернее становились темные предметы. Забастовщики и их враги закружились в беспорядочном танце, и все, что я мог видеть, это — суматоху блестящих на солнце тел, то и дело покидающих пределы моего взгляда. Солнечный свет делал все нереальным.

Кричали птицы, кругами летая у меня над головой. Я снова вошел в лес. Солнечные лучи были острые, как стекло. Голубые тени от зеленых деревьев на мгновенье ослепили меня. Тени были прохладные, и в воздухе пахло добрыми пахучими травами и корой. Блики света плясали на траве. Цветы, которых я не видел, распространяли густой и нежный аромат. Я прислушивался к флейтовому пению птиц, к шепотам отдаленных потоков, к ветру, пробуждающему сонные деревья, и к всепроникающему концерту насекомых. И затем лес закончился.

Я оказался в другом мире, в нашем недалеком будущем: повсюду вздымались миражи домов, дороги и шоссе пересекали и окружали лес сжимающимися кругами, некрашеные церкви и выбеленные стены мечетей возвышались там, где раньше лес был особенно густ. Молящиеся в некрашеных церквях носили белые сутаны, и все утро молились звенящим колокольчикам. Мир деревьев и кустов буша заметно поредел. Я слышал, как призрачные рубщики леса валят титанические ироко, гигантские баобабы, каучуковые деревья и обече. На земле лежали птичьи гнезда, их яйца были раздавлены, вывалившись из гнезд, лежали на земле, мешаясь с листьями и

пылью, и птенцы высыхали на солнце, умирая, едва появившись в этом суровом мире чудес. По ним ползали муравьи.

Время от времени я проходил мимо людей, которые сидели у деревьев. Когда я оглядывался назад, людей больше не было. Перед моим взором возникали голые женщины и тут же исчезали. Запахи земли, листьев, солнца и едва уловимый запах гнили переполняли меня. Я все глубже заходил в мир деревьев, в одиночество акаций и игольчатых сосен, и видел, как люди вырубают буш, выкорчевывают пни, сгребают ветви и гроздья вьюнов и сухих омел в большие кучи. Я видел, как на деревьях висят старые велосипеды, видел, как мужчины и женщины сжигают буш, кучи травы и виноградных лоз, и в кучах наверняка были пьянящие травы, поскольку дым, поднимавшийся от костра, наполнил воздух ароматами шалфея и розмарина, сухих листьев и тайных субстанций всех видов и мощных запахов.

Дым и запахи чувствовались везде, и было невозможно не дышать ими, и колдовство сжигаемых растений в глубоком лесу изменило мои мысли, я шел, спотыкаясь о деревья, перелезая через корни, натыкаясь на дворцы цвета охры, которые были муравейниками, или просто бро-

дил кругами, наблюдая, как велосипеды ездят между деревьев, одни, без седоков, как женщины крутят педалями воздух без каких-либо средств передвижения. Муравейники, мимо которых я проходил, следовали за мной. Мне стало очевидно, что весь лес находится в движении.

Деревья убегали от человеческого присутствия. С моими глазами что-то произошло, и я увидел, как из деревьев появляются люди в бронзовых масках, олицетворяющих спокойствие. Я увидел птицу с волосатыми ногами мужчины, неуклюже перелетающую с ветки на ветку дождевого дерева. Антилопа с лицом целомудренной женщины остановилась и уставилась на меня, и когда я сделал движение, она тут же исчезла в густых зарослях буша. Из муравейника, преследовавшего меня, вышел старик с седой бородой, изумрудными глазами и лицом древнего старца и одновременно ребенка. Его руки были высоко подняты в воздух, а шея немного согнута, как будто он нес на себе самую тяжелую загадку мира. Казалось, он следует за каждым моим шагом. В руках у него был посох — распустившаяся ветвь апельсинового дерева, он немного прихрамывал и следовал за мной с загадочной решительностью. Когда я почувствовал его настойчивость,

я побежал, но как бы быстро я ни бежал, он все равно оставался на том же расстоянии от меня. Я смутился, и мне стало страшно. Я споткнулся о череп, поранил локоть и не мог двигаться. Я ждал. Я не слышал шагов, но старик держал меня в поле зрения, не приближаясь ко мне и не удаляясь.

Он оставался на той же дистанции, неся на голове великую ношу невидимой загадки.

Лес был полон миражей, от которых я никуда не мог деться. Я улегся на землю. Страх во мне стал таким сильным, что я встал и пошел к старику узнать, чего же он хочет. Медленность моих шагов еще больше вселяла в меня неуверенность. Подойдя к черепу, я подобрал его и швырнул в старика. Он исчез, ветер сильно зашумел в деревьях, и обширное пространство наполнилось кружащимися листьями и падающими фруктами и семенами. Я заставлял себя идти вперед, пока не дошел до пальмового дерева. У его корней стояла продолговатая тыквина, и от жажды я выпил все молодое вино. Оно еще усилило мое опьянение. Черный ветер облетел вокруг моей головы. Странный звук раздался из тыквины. Пытаясь уйти от старика, я поковылял к домам на краю леса. Но это был еще один мираж.

Затем я подошел к той части леса, где шел

дождь. Я не мог этого понять. Везде светило солнце и дул ветер, а на этом пятачке шел дождь, и вода стекала по цикадовым и банановым листьям. Я испугался дождя. Под этим странным ливнем у колодца рядом с домами я увидел мужчину, и вспышки огней сверкали у его ног. Это был тот же старик. Мне показалось, что он разглядывает меня. Впервые я заметил, что вместо ног у него копыта. Золотые копыта. Я повернул в противоположную сторону и зашагал прочь. Вскоре я устал и мне стало наплевать, что со мной случится.

Я лег, прислонился к дереву и закрыл глаза. Через какое-то время я услышал глухую повторяющуюся песню, открыл глаза и увидел черепаху, двигавшуюся ко мне. Я долго смотрел на нее, но она двигалась так медленно, что я снова заснул. Проснувшись, я почувствовал себя лучше, но мои ноги болели. Я поднялся и, как оказалось, находился на том же месте, где сжигали буш, где клубы травяного дыма погрузили весь лес в мерцающий сон. Вокруг никого не было. В ярком белом дыме я видел, как духи улетают обратно на небо, духи растений, трав и таких вещей, о которых я не имел понятия; я видел светлость их синевы и желтизны, печальные лица духов,

их ноги, блестящие от масла, на которых осела копоть костра, золотые глаза, становящиеся светлым вибрирующим пространством. Я не мешкал; я пошел прочь, как вдруг что-то упало на меня, и черный ветер опустился на мою душу. Только птички разбудили меня.

Что упало на меня? Я осмотрелся по сторонам. Солнечные лучи сошлись на моем лице. Внизу лежали листья, ветви и раздавленные фрукты. Странные камни грели мне ступни. Неподалеку от меня лежала маска, похожая на череп, разрезанный надвое и черненый смолой; маска выглядела устрашающе в профиль, но, если смотреть спереди, выражала экстатический смех. Ее глаза были запуганные и одновременно озорные. Рот был большой, а нос маленький и изящный. Эта маска была лицом одного из тех странных духов, которые сновали среди мужчин и деревьев, ее вырезал художник, обладавший даром видеть духов. Когда я взял маску, белая птица вылетела из буша, испугав меня хлопаньем крыльев и диким пронзительным криком. Я выронил маску. Затем поднял ее, надел на лицо, посмотрел сквозь прорези для глаз, и солнце для меня затмилось, а лес стал ночным.

Смотря через маску, я увидел другой мир. В

темноте везде кишели какие-то существа, и каждый дух был как солнце. Они излучали алмазный свет, тяжелый для глаз. Я увидел тигра с серебряными крыльями и зубами быка. Я видел собак с хвостами змей и бронзовыми челюстями. Я видел кошек с женскими ногами, карликов с ярко-красными шишками на головах. Деревья были домами. Везде звучала музыка, шли танцы, и праздник стоял по всему лесу. Птицы с яркими желтыми и голубыми перьями и глазами, похожими на драгоценности, но с ужасными головами стервятников, подлетели ко мне и принялись стучать клювами в маску. Я снял ее, и мир опять преобразился, казалось, что деревья падают на меня, и прошло немало времени, пока все не встало на свои места. Я схватил маску и побрел, ища выход из леса.

Шагая вперед, я снова увидел золотые копыта старца. Я спрятался за дерево. Мне показалось, что его ноша была невыносимо тяжелой. Он останавливался по пути, но не показывал своих страданий. Если он и увидел меня, то сделал вид, что не заметил. Я надел маску и посмотрел на старика. Он стал совершенно невидим. Его больше не было. Я не мог его увидеть через глаза маски. Однако, сидя в воздухе на невидимой

скамье, плывя по ветру, безмятежный посреди изумрудного света, заливавшего другой мир, на меня смотрел прекрасный маленький мальчик глазами, даровавшими мне негласное благословение. В формах его стройного тела было что-то от чувственной стати льва. Я снял маску и увидел, как старик входит в муравейник. Я снова надел маску, и муравейник предстал дворцом с берилловыми колоннадами, зелеными верандами, парапетами из золота, ветками омелы, взбирающимися по желтым стенам, и скульптурами из ослепительного мрамора. В этот дворец бирюзовых зеркал и вступил король-мальчик, образ чистейшей невинности, с улыбкой, какая может принадлежать только богам. Затем наступила темнота.

Ветер зашумел странно. Мое удивление перерастало в смятение. Когда я снял маску, темнота не рассеялась. Лишь ветер разносил слабые лоскутки света. Я стал терять чувство реальности, сбитый с толку этой маской. Я ускорил шаг, но ноги не слушались меня. Я шел очень долго, полностью потеряв чувство направления. Свет едва-едва проникал через листья, и когда смятение уже начало совсем заволакивать мое сознание, я неожиданно вышел к вырубке.

Это была вырубка, где я обычно играл и однажды зарыл фетиш Мадам Кото. Любопытным было то, что это место перестало быть похожим на себя. Оно было точно таким же, как я его помнил, и одновременно другим. По каким-то причинам вырубку накрыла тень, хотя никаких деревьев поблизости не было. Я осматривал вырубку, пытаясь понять, что же в ней изменилось, и не мог. Тогда я надел маску м увидел, что эта вырубка была деревней духов. В центре деревни стояло могучее дерево ироко, золотое и коричневое, с фосфоресцирующими листьями и птицами лунной белизны на ветках, выводящими рулады сладчайшей музыки. Неподалеку росли кусты роз. Я увидел небоскребы, летающие машины, фонтаны, развалины, облепленные улитками и заросшие вьюнами, могильные стелы, фруктовые сады и статую черного сфинкса у входных ворот. Пилигримы в светящихся одеждах совершали процессии во славу таинствам странных богов. Я снял маску, голова шла кругом, мир кружился, в глазах были вспышки. Я присел на землю отдохнуть.

Темнота опускалась на лес. Звуки птиц и насекомых становились все слабее. Ветер, пахнущий прелыми листьями, стал холоднее. Постепенно

деревья, вырубка, открытые пространства, все — помрачнело. Обычные вещи превратились в загадки. В наступившей темноте я наконец увидел, что изменилось в вырубке. Там росло дерево. Оно росло на том пятачке, где я зарыл фетиш Мадам Кото. Это было очень причудливое дерево, и в темноте оно было похоже на животное, спящее стоя. Оно напоминало быка, только без рогов. Это было статное мускулистое дерево без листвы. На нем было удобно сидеть, удобно играть, и мне захотелось посмотреть на темнеющий мир с высоты его спины. Я попытался взобраться, но не смог взять с собой маску; поэтому я надел ее и привязал к голове вьюном. С маской на лице я залез на спину дереву. Меня окружала темнота, и духи были везде. Казалось, что птицы лунной белизны запутались в ветвях моих волос.

Со спины дерева я снова увидел совершенно другой мир, новое измерение. Поначалу я ожидал увидеть птиц, щебечущих в моих глазах, духов, танцующих вокруг меня, сверкающих и ослепительных. Но когда я посмотрел через маску, духи куда-то исчезли, белые птицы разлетелись, и никакой деревни больше не было. Вместо этого я услышал, как земля дрожит от приближения какого-то демонического существа. Белый ветер

закружился у меня над головой. Я был сбит с толку этим новым миром. Земля содрогалась. Дерево подо мной начало двигаться. И когда я опять посмотрел сквозь маску, прямо перед собой увидел уродливое страшилище, могучее, как доисторический дракон, с телом слона и мордой бородавочника. Страшилище возвышалось надо мной. Оно было более изящное, чем слон, и не такое тяжелое, но его поступь была более звучной. Его морда была неописуемо уродлива. Пожиратель людей, пропащих душ, духов, всего прекрасного, чудовище открыло жуткую пасть и прорычало. Дерево подо мной стало изменяться. Вдруг оказалось, что дерево перестало быть из древесины. Теперь оно состояло из дрожащей плоти. Прямо подо мной древесина медленно покрывалась кожей.

Страшилище подошло ближе, и я чуть не задохнулся от его гнилостного дыхания. Я не мог больше смотреть на него и отчаянно пытался сорвать с себя маску. Я оборвал повязку из вьюна, но маска словно прилипла к лицу. Я опять попытался ее сорвать, но это было все равно что содрать с себя кожу. И когда древесина окончательно превратилась в плоть, меня ударило волной от сотрясающего землю рыка дикого зверя

прямо подо мной. Вокруг распространился едкий запах животного. Мечась и дрожа всем телом, вертя головой и рыча, как будто звук помогал закрепиться зверю в его превращении, он просыпался от своего волшебного сна, и я понял, что совершил ужасную ошибку и теперь нахожусь на спине дикого животного.

Страшилище продолжало идти на меня. В этот момент, позабыв обо всем, я сорвал с себя маску. На лице чувствовалось что-то сырое. Я больше не видел доисторического монстра, но зверь подо мной определенно был живой. Он вертелся в разные стороны, вырывая каждую ногу из земли, словно они были его корнями, и когда он высвободил все ноги, на мгновенье он перевел дыхание. Его тело расширялось, покрываясь щетиной. Я попытался слезть с него. Зверь попятился назад и гнусно фыркнул, словно распахивая столетия дурных снов. Затем он перешел на неуклюжий галоп, набирая скорость и прыгая в разные стороны, тряся головой и атакуя невидимое страшилище. Копыта зверя вдребезги разбили маску. Он с такой скоростью поскакал в густые заросли буша, что в какой-то момент меня просто вышвырнуло с его спины, и мне повезло, что я приземлился на траву, иначе я бы точно сломал себе шею. Я

слышал, как дикий зверь возвращается, фыркает, топает по земле. Я вскочил на ноги, избавляясь от наплыва лихорадочных кошмаров. И полностью позабыв о своих болячках, побежал прочь из леса, спасаясь бегством, как ребенок, которого высекли в баре Мадам Кото.

Глава 11

Я не сразу побежал домой, а побродил еще около бара, наблюдая за тем, как ночь распространяет свою власть над небом. Какое-то время я постоял снаружи, храня свои тайны в тишине их начал. Ночь опускалась на землю, и тени повсюду были короткие и расплывчатые. В домах зажигались лампы. Я заметил их сквозь листву и заросли буша. Порыв ветра, словно вздох крупного зверя, донесся из леса. Ветер еще ближе придвинул ночь. Он, казалось, сдул последние дневные отблески в самые отдаленные уголки земли. Одна половина неба была серой, с глубокой синевой, а другая красная и печальная. Боль вернулась в лодыжку. Я долго сидел в ожидании того, когда вокруг меня мир затихнет. Моему духу понадобилось много времени, чтобы прийти в себя. Я дышал ветром с луны.

В баре было тихо. Потом я услышал, как кто-то хихикает. Затем этот человек заговорил. Я прислушался. Вскоре стало ясно, что этот человек один и разговаривает сам с собой. Боль на мгновение оставила меня, и я, прихрамывая, вошел в бар. Прикрытый занавеской, я стоял в темноте. Бар был пуст. Одинокая лампа горела за стойкой. Я увидел в полумгле силуэт склоненной головы, и понял, что этот человек погружен в какой-то тайный ритуал. Я бесшумно прокрался ближе, хромая, и боль снова волной накатила на меня. Все клиенты ушли, и тишина была неестественной для бара в этот час. Я на цыпочках подошел к стойке и увидел Мадам Кото, которая пересчитывала деньги. Она была так поглощена этим занятием, что даже не заметила, как я вошел. Лицо ее сияло, и пот стекал по прядям волос, щекам и ушам, тек по шее и затекал под желтую блузку. Временами она смеялась, пересчитав часть банкнот. Это был очень странный смех. Он звучал мстительно. Я не стал внезапно заговаривать с ней, чтобы не испугать ее, но, между тем, меня тоже поглотила ее сосредоточенность, и я не мог оторвать глаз от Мадам Кото. Она вновь и вновь пересчитывала те же самые деньги, как будто только что оправилась от кошмара бед-

ности. Она загибала пальцы, поскольку такие суммы ей было сложно пересчитывать. Ветер подул сильнее, зашевелив занавески и разбросав по сторонам блики от света лампы. Мадам Кото подняла взгляд, увидела меня, и ее глаза расширились. Вдруг она вскрикнула. Она подпрыгнула, подняла руки вверх, и ее деньги разлетелись по сторонам, а монеты покатились по полу, позвякивая. Я сказал:

— Это я, Азаро.

Она остановилась и пронзила меня долгим взглядом. Затем ее лицо потемнело, она перегнулась через стойку, схватила меня за шею и прижала мне голову.

— Чего ты тут стоишь, как вор?

— Я не вор.

— Тогда чего ты здесь стоишь?

— Ничего.

— Зачем ты здесь стоишь и смотришь на мои деньги?

— Я не смотрю на ваши деньги.

— Где ты был?

— В буше.

— И что делал?

— Играл.

— С кем?

— С собой.

— С ворами?

— Я не знаю никаких воров.

Она отпустила меня. Выйдя из-за стойки, она подобрала все деньги и завязала их в край набедренной повязки.

— Еще хоть раз ты так сделаешь, и я возьмусь за плетку.

Я ничего не ответил. Но она вдруг стала говорить.

— Все начинает изменяться, слышишь меня? Ты думаешь, этот бар всегда будет таким? Ты думаешь, я одна собираюсь всем этим заниматься? Как бы не так! Скоро я найму молодых девушек помогать мне обслуживать клиентов. И возьму еще одного или двух мужчин таскать тяжести и передавать послания. От тебя только одни неприятности. Ты не уважаешь клиентов. Ты создаешь мне много проблем. А что ты вообще здесь делаешь, а? Приходишь сюда, спишь, выпиваешь весь мой перечный суп — и все за красивые глазки? От тебя никакой пользы, понятно тебе?

Я молча стоял и слушал, но потом взял себя в руки, пошел и сел на скамейку рядом с входной дверью. Это было самое далекое место в баре, на какое я мог отойти от нее. Я сидел в темноте, а

она стояла в свете лампы. И поскольку лампа была на столике под стойкой, на ее лице, освещенном снизу, проступили пятна, и оно казалось большим и уродливым. Впервые в жизни она мне не понравилась. С того места, где сидел я, глаза Мадам Кото казались почти косыми. Это была всего лишь игра света, но и она питала мою растущую неприязнь к ней. Мадам Кото полностью изменилась и перестала быть тем человеком, которого я знал. Ее массивное тело, казавшееся мне средоточием тепла, теперь показалось мне наполненным злобой. Я не понимал, почему она изменилась.

Она села. Ее глаза были яркими от появившейся в них новой алчности. Она уставилась на меня в темноте, и я знал, что она не видит меня отчетливо.

— Ты думаешь, что из-за того, что я сижу здесь круглые сутки, готовлю этот суп, мою тарелки, вытираю столы, улыбаюсь клиентам, у меня нет своих планов на жизнь? Ты думаешь, я не хочу построить себе дом, водить машину, ты думаешь, я не хочу завести себе слуг, ты думаешь, я не хочу денег и власти, а? Мне нужно уважение. Я не хочу всю жизнь работать в этом баре. Увидишь: сегодня я здесь — а завтра меня уже не будет.

Ты думаешь, мне нравится жить в этом грязном районе, где нет ни электричества, ни туалетов, ни питьевой воды? Если ты так думаешь, то ты сумасшедший! Ты маленький мальчик и еще ничего не понимаешь в жизни. Люди, которые тебя окружают, это все несерьезно. Ты можешь сидеть в углу, как курица, и смотреть на меня, но когда придет время, ты вспомнишь, о чем я сейчас говорю.

Я ни слова не понимал из ее речи. Я понимал только выражение ее лица. Когда она закончила говорить, ее лицо брезгливо скривилось, как будто разговор со мной был для нее великим снисхождением. Она усмехнулась. Потом встала, взяла с собой лампу и вышла на задний двор. Темнота в баре стала кромешной. Я слышал, как что-то движется рядом с глиняным горшком, и еще что-то скребется по стене. Ветер всколыхнул занавеску, ворвался в бар и перелистнул страницы партийного альманаха. Ночь, мешаясь с ветром, принесла с собой запахи прокисшего пальмового вина, засохших мух, паутины, дерева, керосина и старой еды. И надо всем этим парил сам аромат этой ночи, похожий на благоухание земли перед грозой.

В темноте вещи наползали одна на другую.

Столы напоминали припавших к земле животных. Скамейки были похожи на людей, спящих в воздухе. Могучий ветер развевал занавески. В бар вошла еще одна темнота, более густая. Это был человек. У него была сигарета. Прежде чем уловить запах дыма, я почувствовал запах сухой грязи, запах нервного пота изнеможения и услышал, как похрустывают суставы этого человека, когда он двигается.

— Папа! — сказал я.

Он зажег спичку. В его тусклых глазах и на лице была только усталость.

— Что ты тут делаешь, сидя в темноте?

— Ничего.

Спичка догорела, он нащупал скамейку и сел рядом со мной. От него пахло тяжелой работой, печалью и пеплом. Он положил мне руку на плечо, и запах его руки переполнил меня.

— Что ты тут делаешь? — прошептал он.

— Ничего, — ответил я тем же шепотом.

Мы продолжали говорить вполголоса.

— Где Мадам Кото?

— На заднем дворе.

— Что она делает?

— Я не знаю. Кажется, считает сбои деньги.

— Считает деньги?

— Да.

— Сколько денег?

— Я не знаю. Много. Пачки денег.

— Пачки денег?

— Да.

— Она дала тебе сколько-нибудь?

— Нет.

— Как ты думаешь, если я попрошу у нее взаймы, она даст мне?

— Нет.

— Почему нет?

— Она стала гнусной.

— Как это так?

— Я не знаю.

— Тогда чего ты здесь сидишь?

— Она хочет нанять девушек и мужчин быть ее слугами.

— Это правда?

— Да.

Снаружи зашумел ветер. Папа поскреб свою щетину. Мадам Кото вошла с заднего двора.

— Кто здесь? — спросила она грубо.

— Я, — ответил я.

— Я знаю. Кто еще?

Папа молчал.

— У вас что, нет голоса?

— Это я, — ответил Папа.

— Кто «я»? — повысила голос Мадам Кото.

— Отец Азаро.

Снова наступила тишина.

— А, отец Азаро, — в конце концов сказала Мадам Кото голосом, полным одушевления. — Как вы поживаете? Сейчас я принесу вам лампу. Вы хотите пальмового вина? Я принесу вам.

Она не двигалась. Мы молчали. И затем я вдруг увидел ее. Я отчетливо увидел ее в обрамлении тусклого желтоватого света. Свет мягко сиял вокруг нее, как будто ее кожа горела. Затем я увидел, как Мадам Кото раздвоилась. Желтый свет остался. А она сама вышла из бара. Я слышал шаги Мадам Кото, но свет, колыхаясь, меняя цвет порой слабо, а порой резко, оставался там, откуда она только что ушла.

— Ты видишь его, Папа?

— Что вижу?

— Этот свет.

— Какой свет?

— Желтый свет.

— Где?

Мадам Кото вошла в бар, неся перед собой лампу. Свет лампы растворил колышущийся желтый свет. Мадам Кото подошла к нам. Она поставила

лампу на стол и уставилась на нас так, словно мы были для нее незнакомцами.

— Как идет ваш бизнес? — вежливо спросил Папа.

— Потихоньку справляемся, — ответила она. — Ваш сын вам расскажет.

Она подозрительно посмотрела на меня. Затем поставила на стол тыквину вина. Было видно, что в ее набедренной повязке больше не было спрятано денег. Она снова вышла и вернулась с двумя желтыми пластиковыми стаканами. Эти стаканчики были для меня в новинку.

— Спасибо, Мадам, — сказал Папа с удвоенным воодушевлением. — Да поможет вам Бог преуспеть и да ниспошлет он вам здоровье и счастье.

Театральность прозвучавшей молитвы была явно некстати.

— Аминь, — пропела Мадам Кото, оглядывая нас с подозрением.

Она пошла и уселась за стойку — внушительная фигура, оплот бдительности.

Папа разлил пальмовое вино для нас обоих. Он закурил сигарету. Я пил вино, а Папа нервничал. Мне стало понятно, что Папа не смог заставить себя попросить денег у Мадам Кото. Он сидел

рядом со мной, сокрушенный своей гордостью. На его лице было написано унижение. Он пил свое вино как необходимый яд.

Мы так и сидели, пока с улицы не зазвучали голоса. Шум приближался: мужчины пели, выстукивали ритмы на бутылках, голосили в пьяном веселье. Лицо Мадам Кото просветлело. С глазами, полными огня, она вскочила с места, побежала и расставила лампы на столики. И затем в бар вбежал мужчина с порезом на лбу и, широко раскинув руки, крикнул:

— А вот и мы!

Остальные шумно ввалились, скандируя имя Мадам Кото. У одного из них была трость. Мадам Кото вышла поприветствовать их, показала на скамейки, вытерла главный стол и вообще проявляла много рвения. Они расселись, с песнями и чантами, и вдруг увидели нас в углу. Все затихли.

Мадам Кото, войдя в зал с напитками и чашами с едой, заметила перемену в их настроении. Она пыталась взбодрить их и поглядывала на нас так, словно передавала взглядом желание, чтобы мы поскорей уходили. Мужчины пили в молчании. Затем мужчина со шрамом отозвал ее в сторону, и они долго шептались. В паузах он поглядывал

на нас. Стало ясно, что они молчат из-за нашего присутствия. Мадам Кото, закончив шептаться с мужчиной, кивнула, пошла к нам, но потом передумала и встала за стойкой. Я вдруг почувствовал себя в самом центре какого-то тайного общества. Мадам Кото сказала мягким голосом:

— Азаро, тебе пора уже идти спать.

— Да, в самом деле, что здесь делает маленький мальчик? — спросил один из мужчин.

— Так вот и портятся дети, — сказал другой.

— А потом они становятся ворами и крадут у своих отцов.

Папа постепенно доходил до кондиции. Я чувствовал, как он сжимает и разжимает кулаки под столом. Он подвигал челюстями, хрустнул суставами, поерзал, и после того как последний мужчина закончил говорить, бросая вызов, сказал:

— Это мой сын! И он не вор!

Последовала долгая тишина. Мадам Кото села за стойку и спрятала лицо в тень. Один из мужчин засмеялся. Это был очень странный высокий смех, похожий на ржание лошади. Смех был прерван человеком со шрамом.

— Нам не нужно никаких неприятностей.

— Тогда зачем вы оскорбляете моего сына?

— Все что мы хотим — это провести здесь собрание, и нам не нужен тут этот мальчик.

— Мальчик будет там, где буду я.

Мадам Кото вышла из-за стойки.

— Мне ни к чему скандалы в моем баре, — объявила она.

Она начала ставить скамейки ножками вверх на пустые столы. Закончив, она вышла на улицу.

— Если вам не нужны неприятности, вы оба должны покинуть бар.

— Нет! — крикнул Папа, опорожнив стакан с пальмовым вином и ударив по столу.

Мужчины притихли.

— Какую партию вы поддерживаете? — спросил один из них с угрозой в голосе.

— Это не ваше дело.

— Это наше дело.

— Хорошо, я не поддерживаю вашу партию.

— Почему нет?

— Потому что это партия воров.

Один из мужчин немедленно позвал Мадам Кото. Она вошла, уперев руки в бока.

— Что такое?

— Скажите этому человеку и его сыну, чтобы они убирались.

— Мне не нужны неприятности.

— Хорошо, вы должны выбрать между ними и нами. Если вы не прогоните их, нам придется провести собрание где-нибудь в другом месте.

— Мне не нужно неприятностей. Если вы хотите провести собрание, проводите его. Они уйдут. Все должно происходить мирно.

— Но нам нужно провести собрание прямо сейчас.

Мадам Кото посмотрела на них, а потом на нас.

— Вы думаете, если у вас больше денег, то можете запретить выпивать бедному человеку, а? — сказал, сплевывая, Папа.

— Да, можем.

— Отлично, иди сюда и попробуй. А я на тебя посмотрю.

— Ты нас что, провоцируешь?

— Да.

Трое мужчин встали как один. Это были здоровяки. Каждый из них был великаном. Они стояли вокруг нашего столика, как башни. Я взял Папу за руку.

— Вы хотите драться здесь и все перебить? — холодно спросил Папа.

— Пошли отсюда на улицу, — предложил один из гигантов.

— Сначала я закончу свой стакан с пальмовым

вином. Я не дерусь, пока я не пьян.

— Так ты пьяница!

Папа пил намеренно медленно. Его рука дрожала, и я чувствовал, как подо мной вибрирует скамейка. Мужчины склонились над нами, терпеливо выжидая. Мадам Кото ничего не говорила и не двигалась. Другие мужчины продолжали пить за своими столиками. Папа вылил последний глоток вина в желтую пластиковую чашку.

— Подонки! — сказал он. — Вы все подонки! Теперь я готов.

Он встал и хрустнул суставами. Мужчины пошли к выходу.

— Иди домой! — скомандовал мне Папа. — Я сам управлюсь с этими козлами.

В его глазах с кровавыми прожилками горела смелость. Он подошел к двери и встал между полосками занавесок. Он сплюнул.

— Вперед!

Я встал. Папа вышел, не обернувшись. Я последовал за ним. Я не видел тех троих. Как только мы вышли на улицу, дверь за нами быстро захлопнулась и закрылась на защелку. Папа поискал мужчин и не нашел их. Я искал вместе с ним. Кусты буша двигались от ветра. Сова ухала где-то глубоко в лесу. Я пошел на задний двор, но там

дверь тоже была закрыта на задвижку.

— Они трусы, — сказал Папа.

Мы слышали, как они кричат и смеются в баре. Их гомон нарастал, и, поскольку они говорили на иностранных языках, я не мог разобрать, о чем они говорят. Папа стоял, не зная, что предпринять. Затем в баре стало тихо. Они перешли на шепот.

— Пошли-ка домой, — сказал Папа, увлекая меня за собой.

Я поплелся за ним, и моя лодыжка снова начала болеть. Папа шел по улице. Я прихрамывал. Он больше не обернулся.

Глава 12

Придя домой, мы увидели, что Мама обнаружила еще мертвых крыс. В комнате пахло дохлятиной. Мама смела их в угол и продезинфицировала пол. Некоторые из крыс все еще скалились.

— Яд фотографа убил пятьдесят две крысы, — сказала Мама, когда мы вошли, — но я чувствую, они еще где-то есть.

Папа сидел на трехногом стуле и с необычной важностью курил сигарету. Его руки немного

дрожали.

— Я чуть не победил гигантов, — сказал он.

— Нам надо переезжать из этого района, — вдруг сказала Мама с отрешенностью.

— Я чуть не убил их всех.

— Уедем. Злые вещи случатся с нами, если мы останемся здесь.

— Никакого зла с нами не случится. Я не позволю, чтобы они заставили нас переехать.

— Но как мы заплатим новую ренту?

— Мы справимся.

— Я предчувствую зло.

— Это крысы.

— Мне снился сон, что ты лежал у дороги.

— И что делал?

— Лежал ничком и не двигался. По голове твоей текла кровь. Я говорила с тобой, мой муж, но ты мне не отвечал. Я попыталась поднять тебя, но ты был тяжелый, как грузовик. Я пошла за помощью, но когда вернулась, тебя уже не было.

Папа молчал. Я слышал, как он пытался представить себе этот сон. Затем он заметил меня.

— Иди спать, Азаро. Ты не должен слушать то, что говорят взрослые.

Я отодвинул стол, расстелил мат и лег. Папа курил все с большей нервозностью. Мама сказала:

— Нам придется меньше есть, если мы собираемся платить ренту.

— Мы не будем есть меньше.

— Мы будем ложиться спать на голодный желудок. И начнем прямо сегодня.

— Ерунда! — сказал Папа, пытаясь взять себя в руки. — Приготовь еду. Сейчас же!

Я закрыл глаза. Упоминание о еде всколыхнуло во мне чувство голода. Мама молчала. Затем я услышал, как она возится с тарелками. Я слышал, как она ставит тарелки на стол, чувствовал ноздрями, как готовится еда — тушеное мясо и жареный подорожник. Я открыл глаза. На столе стояла большая чаша с эба и чаша с супом со скромными кусочками мяса. Мы ели молча, избегая смотреть друг другу в глаза. Наевшись, Папа закурил новую сигарету. Мама пошла мыть тарелки, а после сняла сушившуюся одежду. Я лег. Мама вернулась, но мы так и остались в тишине, избегая взглядов, очень долгое время. Затем Мама вздохнула, растянулась на кровати и повернулась лицом к стене. Вскоре она заснула. Свеча догорала. Папа сидел без движения с суровым взором. Свеча догорела.

— Расскажи мне историю, Папа, — попросил я.

Он молчал, и я подумал, что Папа исчез. Затем

он вздохнул. Задвигался. Стул хрустнул. На улице залаяла собака. Ухнула сова. Птица закричала, как гиена. Ветер играл с разбитым окном.

— Давным-давно, — внезапно начал Папа, — жил-был один гигант, которого звали Король Дороги. Его ноги были длиннее, чем самое высокое дерево, и его голова была больше, чем самый громадный камень. Но он мог увидеть даже муравья. Он мог выпить весь источник, а там где он писал, возникал гнилой колодец. Король Дороги был одним из самых страшных чудовищ Леса, но были и другие чудовища, которые соревновались в том, кто больше съест. Когда Лес из-за Человека стал становиться меньше, когда чудовищам стало не хватать зверей, которых они могли съесть, Король Дороги переместился из Леса на дорогу, по которой ходили люди.

Папа сделал паузу. Потом он продолжил.

— У Короля Дороги был огромный живот, и ничто не могло насытить его. Поэтому Король был постоянно голодный. Каждый, кто шел по его дороге, должен был принести ему жертву, иначе он не пропускал. Иногда он просто съедал такого путника. Он имел способность находиться сразу в нескольких местах. Он никогда не спал из-за голода. Когда кто-нибудь утром собирался в дорогу,

он был уже тут как тут, ожидая для себя жертвы. Всякий, кто забывал о существовании этого монстра, рано или поздно оказывался съеденным.

Долгое время люди покорно приносили Королю жертвы, и он разрешал им проходить по своим дорогам. Люди не жаловались, потому что они сталкивались с ним, едва появившись в этом мире. Никто не знал, есть у него жена или нет. Никто даже не знал, мужчина он или женщина. У него не было детей. Люди верили, что он живет уже многие тысячи лет, ничто не может его убить, и он никогда не умрет. И поэтому люди, боясь его, долгое время его кормили. Однажды в мире случилась засуха. Не стало больше воды. Источники пересохли, и колодцы были отравлены. Урожаев больше не было. Животные отощали от голода, и люди стали умирать. А поскольку они умирали от голода, то перестали приносить жертвы Королю Дороги. Он пришел в ярость и начал нападать на людей в домах, а также погубил многих, кто шел по его дорогам, и ел всех подряд — и живых, и трупы умерших от голода.

Наконец дошло до того, что люди всего мира не могли больше это терпеть и собрались все вместе, чтобы решить, что им делать с Королем Дороги. Одни люди сказали, что нужно найти способ, как

его убить. Но другие предложили сперва пойти к нему к поговорить. Этих людей было большинство. К Королю Дороги была послана делегация.

Она отправилась рано утром с целой горой подношений, которые тащили в мешках и везли на телегах, это было мясо диких животных, ямс, рис, кассава, пшеница, орехи кола — достаточно еды, чтобы накормить целую деревню. Это было великое жертвоприношение. Люди шли очень долго и ждали, что Король Дороги появится сам, но он не появился. Его ждали много дней. Люди подумали, что он исчез или умер, и начали праздновать это событие, а после поспешили обратно. Когда они совсем забыли о нем, услаждая себя рассказами, Король Дороги возник на их пути. Он был очень худой и едва мог говорить. Он умирал от голода. Он схватил всех и спросил, есть ли у них для него жертва. Его голос был слабый, и он умирал от жажды, потому что уже долго не пил вдоволь. Люди показали, что они ему принесли. Он съел все в один присест и попросил еще. Он стонал, катался по земле и жаловался, что еды было так мало, что она только разожгла его голод. Люди сказали, что это все, что у них есть. Тогда Король Дороги съел всю делегацию.

Папа сделал паузу.

— Принеси мне воды, — сказал он. — Из-за этой истории я почувствовал жажду.

Папа разыгрывал эту историю в темноте. Я принес ему воды. Он выпил и удовлетворенно вздохнул. Затем продолжил.

— Весь остальной мир ждал возвращения людей, которые были посланы. Их ждали семь лет. Затем была послана другая делегация. С ней случилось то же самое. Тогда они решили убить Короля Дороги.

Папа опять сделал паузу и зажег сигарету.

— Все вожди, принцы, короли и королевы этого мира разослали послания людям, прося их собрать все яды, которые они найдут. Люди собрали все яды, слили их вместе и отослали туда, где проходило великое собрание. Некоторые люди, которые несли свои яды, проливали их, вот почему некоторые растения могут убивать, а в лесу есть такие места, где ничего не растет.

Они собрали все яды со всех четырех концов света и приготовили громадное кушанье: блюдо из тысячи рыб, тонны жареного мяса, ямса и кассавы. Повара сделали так, что еда была очень вкусной. Ее было так много, что для того, чтобы ее смогли унести, потребовалось больше тысячи людей. Они долго шли по дороге, пока сам Король

Дороги, больной от голода, их не настиг. Он спросил, что они принесли ему, и горько пожаловался на первые две делегации, которые радовались, думая, что он умер, и рассказал о том, что он с ними сделал. Руководитель этой делегации показал ему, какая у них есть для него прекрасная жертва, и сказал, что они желают ему всего самого хорошего. Но Король Дороги был так разозлен на людей, что съел половину делегации прежде, чем сел и принялся за принесенную ему еду.

Он съел все, что ему принесли, и глаза его разгорелись, потому что еда сделала его еще голоднее, чем раньше. Чем больше он ел, тем голоднее становился. Поэтому он съел и всех оставшихся людей. Только один человек спасся. Это был наш пра-пра-пра-прадедушка. Он знал секрет, как становиться невидимкой. Он был единственный, кто вернулся обратно и рассказал миру, что случилось после того, как Король Дороги съел последнюю делегацию.

А случилось то, что, недовольный количеством еды, Король Дороги решил полежать, но внезапно его живот стал требовать еды и так сильно, что Король принялся есть все, что встречалось на пути. Он ел деревья, буш, камни, песок и пробовал есть даже землю. А затем случилось самое стран-

ное. Он начал есть себя. Он съел свои ноги, потом руки, потом съел плечи, спину, шею, а потом и голову. Он ел себя до тех пор, пока от него не остался один живот. Той ночью пошел ужасный дождь, который растворил живот Короля Дороги. Наш пра-пра-пра-прадедушка сказал, что дождь шел семь дней и когда он кончился, живот исчез, но было слышно, как Король Дороги стонет под землей. Случилось так, что Король Дороги стал частью дорог всего мира. Он и теперь все еще голодный и всегда будет голодный. Вот почему в мире так много несчастных случаев на дорогах.

А люди до сего дня, когда отправляются в путешествие, кладут на дорогу немного еды, чтобы Король Дороги съел их приношение и позволил им безопасно путешествовать. Но некоторые мудрые люди говорят, что есть и другие причины. Они говорят, что люди делают дорожные приношения, чтобы помнить, что монстр все еще там и в любое время может восстать и снова начать есть людей. Другие утверждают, что это просто своеобразная молитва, и он уже никогда не восстанет из мертвых и не будет угрожать нашим жизням. Вот почему такой маленький мальчик, как ты, должен быть очень осторожным, когда он бродит по этому миру.

Закончив свой рассказ, Папа замолчал на долгое время. Я не двигался. Внезапно он встал и пошел к кровати. Я уже не мог заснуть. Я продолжал видеть яркие цвета и чувствовать присутствие Короля Дороги, лежащего в неподвижности, вечно голодного, под улицами, разбитыми дорогами и широкими шоссе этого мира. Я был возбужден, и моя голова работала с необычайной быстротой, пока впервые в жизни, ощутив тишину, я не понял, что крыс больше нет. Наверное, Папа заметил то же самое, когда сказал мне:

— Иди и брось несколько мертвых крыс, чтобы дорога поела.

Мне стало страшно, но я залез под шкаф и нашел еще два крысиных трупа. Я положил их в мусорное ведро, побежал на улицу и бросил их в открытый рот темноты. Когда я поспешно бежал обратно, я воображал, что вижу Короля Дороги, который с наслаждением ест мертвых крыс. Вернувшись, я увидел, что Папа уже спит.

* * *

Я летел в темноте на крыльях ветерка, наполненного благовониями. Я пристально глядел в скромные глаза мальчика-короля, который улыбался улыбкой бога. Я слышал, как ветер

постукивает в нашу дверь. Он простучал код, который я понял. Я зажег свечку. Это был фотограф. Он был одет в ослепительное голубое агбада. Он уже не сутулился. Было видно, что страхи его оставили. Он был не такой жизнерадостный, как в последний раз, но выглядел поздоровевшим. Он вошел и скинул верх своего агбада, и я увидел, что у него на шее висит серебряный крест. Он сел на мат нога на ногу.

— Завтра утром я уезжаю, — сказал он.

— Куда же вы пойдете?

— Я собираюсь пройти все дороги этого мира.

— И что будете делать?

— Делать снимки со всего интересного, что встретится на пути.

— Осторожнее с Королем.

— Король мертв.

— Король не может умереть.

— Откуда ты знаешь?

— Так Папа сказал.

— Я не боюсь Короля.

— Знаете, Король хуже, чем громилы. Он всегда голодный.

— Какой Король?

— Король Дороги.

Фотограф озадачено взглянул на меня.

— Ладно, — наконец сказал он, — я буду осторожнее.

На какой-то момент воцарилась тишина.

— Где вы были?

— Путешествовал, сидя на спине серебряного огонька.

— И что делали?

— Посещал другие континенты. Летал по всему миру. Видел, что делают мужчины и женщины. Фотографировал.

— А что случилось с вашим стеклянным шкафом?

— Я оставил его.

— Так вы больше не сможете показывать ваши снимки?

— Не на этой улице. Но я покажу их всему миру.

— Как?

— С помощью магии.

— Какой?

— Ты задаешь слишком много вопросов.

Я замолчал.

— Ваш яд убил всех крыс, — сказал я.

— Я говорил тебе, что он очень хороший.

— А вы можете мне его дать?

— Зачем?

— В случае, если крысы пойдут на нас войной.

Он задумался.

— Я оставлю немного твоей матери.

Мы опять замолкли. Потом он спросил, осталась ли у нас еда. Я принес ему немного гарри, и он поел его с сушеной рыбой. Затем я заметил кастрюлю с жареным подорожником и жарким, которую Мама отложила в сторону, и подал фотографу. Наевшись, он открыл чехол от своей камеры и достал оттуда стопку вкусно пахнущих фотографий. Он пересмотрел их и дал мне. Это были снимки с рыбного фестиваля, фотографии людей на Дне Маскарада. Все ряженые были причудливые, фантастические, огромные; некоторые были чудовищные; другие прекрасные, как русалки с моря, на устах которых плавает вечная загадочная улыбка; на других снимках в руках у мужчин были кнуты, и они били ими друг друга. Также у него были снимки восстания. Студенты, озлобившиеся мужчины и рассвиреповшие женщины кидались камнями в фургон. Были и другие снимки: женщины на рынке убегали от преследования, белые люди сидели на просторах роскошных пляжей под большими зонтами, и черные люди разносили им выпивку; ребенок плакал за спиной у матери; горел дом;

шли похороны; люди танцевали на вечеринке, и юбки у женщины были задраны, так что обнажились прекрасные бедра. И затем я наткнулся на самую странную из всех фотографий, о которой фотограф сказал, что она с другой планеты. Это была фотография мужчины, повешенного за шею на дереве. Я не видел веревки, на которой он висел. Белая птица готовилась сесть ему на голову, и была схвачена камерой именно в этот момент. Лицо мужчины было странным, почти знакомым. Его глаза были широко раскрыты, как будто он увидел все разом; его рот скривился, а ноги были скрещены и скрючены.

— Что с ним случилось?

— Его повесили.

— Он мертвый?

— Да.

— Что случилось?

— Его повесили.

— Кто?

— Там, за морями.

— Море его повесило?

— Нет, это — другой континент.

— Континент повесил его?

— Нет.

— Так что же?

— Они.

— Кто?

Он сделал паузу. Я был смущен.

— Какие-то белые люди.

Я ничего не понимал. Он взял у меня фотографию и положил ее к другим снимкам.

— Почему?

— Ты еще слишком маленький, чтобы все это слушать.

Мне стало еще интереснее.

— Почему?

— Что почему?

— Почему его повесили?

Он молчал. Я тоже задумался.

— Это все из-за белой птицы?

— Какой белой птицы? А, той. Нет.

— Так почему же?

Он снова замолчал. Затем сказал:

— Потому что им не нравится игра на пианино.

Я чувствовал, что ему хочется поменять тему разговора. Он спрятал снимки в свой чехол. Его глаза смотрели по-другому. Его голос изменился, когда он сказал:

— Восемь людей, с которых я делал фотографии, сейчас уже мертвы. Когда я смотрю на снимки с

мертвых людей, что-то начинает петь в моей голове. Какие-то сумасшедшие птицы. Я не должен был тебе все это говорить. Ты еще маленький мальчик.

Он лег на мат. Я заметил, что от него пахнет сладкими духами, очень любопытными благовониями. Я спросил его об этом.

— Это для защиты, — сказал он. — Защита от врагов.

— Я почувствовал аромат, когда вы еще не постучали к нам в дверь.

Он улыбнулся. Он был доволен эффективностью своих чар. Он лежал очень тихо, и вскоре я подумал, что он уснул. Но я хотел, чтобы он говорил.

— Расскажите мне историю, — попросил я.

— Задуй свечу и засыпай.

— Сначала расскажите историю, а потом я засну.

— Если я расскажу историю, ты не сможешь заснуть.

— Почему не смогу?

Он встал и задул свечу. В комнате стало тихо. Я слышал только его дыхание.

— Жизнь — суровая штука.

— Крысы тоже это говорили.

— Но что крысы знают о жизни? — сказал он.

— А почему она суровая? — спросил я.

Он молчал.

— Давай спать.

— Почему?

— Если ты дождешься, когда запоет утренний жаворонок, ты уже не уснешь.

— А вы будете еще приходить к нам?

— Каждый день.

Я знал, что он обманывает и что очень долго он не будет к нам приходить. Мне даже пришло в голову, что мы его больше никогда не увидим. Его ложь немного успокоила меня. Я хотел было попросить его почаще навещать нас, но он уже начал поскрипывать зубами. Я лег рядышком в надежде, что он вдруг заговорит, так было однажды, когда он был пьяный. И он начал говорить, но говорил во сне, и я не мог понять всех фантастических историй, которые он мне поведал. Затем он перевернулся, толкнул меня, перестал скрипеть зубами, и его речь стала затихать. Он убедил меня. Мне пришлось отпустить его.

Наутро он ушел. Мне стало грустно, что его нет. Он сфотографировал всех, кроме себя. И через какое-то время я забыл уже, как он выглядит. Я запомнил только его стеклянный шкаф и каме-

ру со вспышкой. Единственное имя, которое у меня осталось от него — Фотограф. Для Папы он написал послание, где благодарил всех нас за гостеприимство. Папа был польщен этим письмом, и в наши счастливые вечера мы рассаживались и начинали говорить о разных событиях и людях, но больше всех мы любили фотографа. И поскольку мы любили его, я был уверен, что когда-нибудь мы обязательно увидим его снова.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
Глава 1

Мадам Кото отдалялась от нас. Ее формы стали еще более тяжеловесными. В голосе ее появилась гордыня. Она носила на себе множество браслетов и цепочек, и казалось, что тяжесть украшений пригибает ее к земле. Она двигалась степенно, как женщина, только что получившая власть. На ее лице появилось новое выражение серьезности, а глаза стали еще суровее, чем прежде. Я уже ходил в ее бар не так часто, как раньше.

Папа о ней отзывался плохо, хотя поначалу ничего не имел против того, чтобы я сидел в ее баре. Мне приходилось сидеть там вместе с мухами, которых становилось больше с приходом новых посетителей. Когда приходили громилы, я быстренько ускользал из бара и шел бродить. В конце концов я обнаруживал, что играю во что-то у дверей нашего дома.

Иногда в полдень, после первого посещения громил, казалось, что в этом мире вообще ничего не происходит. Утром Мама уходила на рынок торговать с лотка. Вечерами она возвращалась

рано. Часто я замечал у нее безжизненный взгляд вдаль, в пустоту, которую оставлял после себя рынок.

В полдень жара стояла невыносимая. Облака были острые как ножи, а воздух даже не колыхался. В перегретом воздухе птицы звучали, словно откуда-то из удушливого сна. Стекающий пот как будто просачивался в мозг. Можно было спать с широко открытыми глазами. Было так жарко, что хождение во сне казалось естественным. Время не двигалось ни назад, ни вперед.

Я обычно сидел на платформе напротив нашего дома и смотрел на всякий мусор, плавающий в дорожной канаве. Стая цапель, пролетавшая над головами, всегда заставляла детей скакать вприпрыжку по улице с песней:

Леке, леке
дай-ка мне
перышко белое-белое.

Дети махали руками-крыльями, сгибая кисти ладонями вниз, подражая полету птиц. Когда птицы улетали, становясь белыми крошечными точками в небе цвета расплавленного золота, дети смотрели на свои ногти и замечали, что один или два из них чудесным образом покрылись

белым налетом.

Время двигалось еще медленнее, чем раскаленный воздух. Издалека со стороны леса доносился нескончаемый звон топоров, рубивших лес. Этот звук стал таким же привычным, как долбежка дятлов или звук дождя, барабанившего по листьям кокояма. Гул машин, буравящих своим настойчивым ритмом сонное марево, тоже стал частью дня.

Иногда казалось, что мир остановился в своем движении и солнце никогда не опустится. Казалось, что сила солнца выжигает людей из этой реальности. Как-то в полдень я сидел и думал о фотографе, когда внезапно увидел, как по улице бежит мальчик в драных шортах и развевающейся рубашке: он катил по дороге металлический обод велосипедного колеса. За ним бежали трое мужчин. Но когда он пробегал мимо фургона, ужасный свет, словно моментальная вспышка гигантской камеры, появился в небе, ослепив меня, как бриллиантами, и мальчик исчез. Я закрыл глаза. Светящиеся огни, как будто пары алкоголя, танцевали у меня на веках. Я открыл глаза и увидел, как металлический обод катится сам по себе. Мальчик превратился в собственную тень. Трое мужчин догоняли катившийся обод.

Тень мальчика растворилась, а обод остановился и упал возле канавы. Я вскрикнул. Залаяла собака. Я подбежал к ободу, поднял его, подошел к сгоревшему фургону, осмотрелся по сторонам и нигде не нашел мальчика. Я спросил продавцов за столиками, не видели ли они мальчика, они ответили, что не видели ничего необычного. Я швырнул обод в сгоревший фургон, на тот день уже безнадежно заваленный мусором, и уселся, глядя на наш барак, сбитый с толку и раздраженный.

В тот же вечер я услышал, что один старик, живущий возле нас, смотрел на ящерицу, попивая огогоро в жаркий полуденный час, когда рядом с его лицом пролетел пламенно-желтый ангел и ослепил его. Я не поверил в эту историю.

Глава 2

А затем как-то раз время сдвинулось с мертвой точки и что-то в мире изменилось. Я спал на цементной платформе, и когда проснулся, то увидел, что стеклянного шкафа фотографа больше нет. Потом кто-то поджег мусор в фургоне, он разгорелся цветным пламенем, дым был черный и невыносимый, и весь день на улице пахло

жженой резиной и палеными крысами.

Невозможно было спрятаться от этого густого дыма, образовавшего завесу в жарком неподвижном воздухе, от его едкости, щипавшей горло. Поэтому я ушел бродить. Из бара Мадам Кото доносилась музыка. Зал был запружен незнакомцами. Мадам Кото радостно пела, ее голос выделялся из всех голосов и шума буйного веселья. В баре пахло дешевыми духами, потом, пролитым пальмовым вином и тропическим зноем, попавшим в западню. Столики и скамейки были переставлены. Сырые бумажные носовые платки валялись на полу. Везде были разбросаны кости и окурки. Я искал глазами Мадам Кото, но видел только мужчин в ярких головных уборах, женщин в искусственных кружевах, размахивавших в воздухе белыми носовыми платками, танцующих и прыгающих под музыку о сладкой жизни. У мужчин, покрытых потом, как будто они только что вышли из стремительной реки, в уголках ртов проступала пена. Рукава и спины на платьях женщин были мокрые от пота. Я не видел места, откуда доносилась музыка.

Казалось, что я опять попал в другой бар, сделал шаг в иную реальность на краю леса. На полу были разбросаны остатки съеденной ку-

рицы и раздавленный рис вместе с бумажными тарелками, Стены были увешаны плакатами с суровыми лицами и лицами бородатыми со слегка прищуренными глазами, объявлениями, предлагавшими вступить в страшные ритуальные общества и тайные политические клики. Еще там были причудливые календари с гусями, превращавшимися в людей, календари с рыбами с головами птиц и птиц с женскими телами. Порой танцы становились такими бурными, что пара, с разгона влетев в стену, могла сорвать с нее календарь, и, поскользнувшись, шлепнуться на пол.

Все танцевали в необычном запале. Женщина схватила меня за руки. Рядом со стойкой я заметил женщину-карлика, уставившуюся на меня. Танцуя, мужчина наступил мне на большой палец. Я взглянул на карлицу, но ее уже не было. Жара стояла страшная, и я истекал потом. Женщина заставила меня с ней станцевать. Она прижала меня к себе, мое лицо уперлось в ее пах, и ее отравляющий запах вошел в меня как новый сорт опасного вина. Женщина, прижав мое лицо к себе, медленно танцевала под музыку, в то время как я задыхался в знакомой мне лихорадке, которая подпускала радиоактивного огня в мою

кровь. Женщина засмеялась, оттолкнула меня и снова прижала к себе с деланой страстью, и я почувствовал, как отрываюсь от земли, стоя на земле, как у меня кружится голова и судорога пронзает меня, и, все еще не на земле, находясь почти в полете, я почувствовал, как кто-то плеснул вином мне в лицо, и я растянулся на полу среди танцующих ног в мучительном наслаждении. Женщина помогла мне подняться. Мир вокруг меня раскачивался из стороны в сторону, в глазах было мутно; женщина заставила меня сделать оборот, снова засмеялась, и продолжила танцевать со мной, тряся бедрами. Пальмовое вино стекало у меня по лицу, по шее, мешаясь с потом и приятной слабостью в коленках. Музыка и мухи жужжали вокруг моего лица. Затем мужчина крепкого телосложения встал между мной и женщиной, удостоил меня строгим взглядом и очень громко, так что ни для кого эта фраза не осталась нерасслышанной, кому-то сказал:

— Приглядывай за своей женщиной! Тут маленький мальчик хочет ее оттрахать!

Женщины взорвались от смеха. Их большие голодные глаза стали меня выискивать. Я поспешил затесаться в толпу и спрятать свое смущение за стойкой.

И там я обнаружил источник музыки. На стойке стоял зловеще выглядящий инструмент с металлической трубой, которая бы доставила удовольствие воображению колдунов. Там были диск, который крутился, ручка, которую завели духи, длинный металлический кусок с иголкой на вращающемся диске, и музыка шла из трубы, хотя никто из нее не пел. Этот инструмент показался мне идеальным для праздника мертвецов, для танцев светлых духов и красивых ведьм. Я хотел было спасаться бегством от этой нечеловеческой штуки, но потом снова подошел к ней как завороженный. Женщина в красном платье поймала меня.

Гнусавые звуки инструмента разносились в моей голове. Кто-то дал мне стакан пальмового вина. Я выпил его залпом. Они снова налили мне стакан, и я выпил. У женщины, которая схватила меня, было толстое в складках лицо. Ее пышные волосы кое-где слиплись от пота. Музыка была полна желания, томления, и женщина танцевала, словно молилась новому богу сладкой жизни. Ее глаза были подведены тенями, губы — красные как кровь, и на шее висело белое коралловое ожерелье. Женщина заливалась от смеха. Она закружила меня в сумасшедшем танце, а потом

мужчина подхватил меня, закружил и передал женщине. Моя голова пошла кругом. Мухи делали сальто-мортале у меня перед глазами. Я совсем потерялся в странных джунглях этой толпы, среди великанов.

Казалось, что бар не перестает расширяться, но давка становилась все сильнее. Мне стало немного лучше, когда я опять увидел женщину в красном платье. Она танцевала с толстым мужчиной, который, по-видимому, обладал немалой властью. Он льнул к ней, ударяясь об ее пах в ритме чувственного томления музыки. И внезапно я понял, кем была эта женщина. Я аж онемел от удивления, когда сообразил, что смотрю на Мадам Кото. Ее волосы изменились, словно сам Бог во сне сделал ей прическу, весь ее макияж сбивал меня с толку, и сильная парфюмерия отвлекала мое внимание. Ее развлекло мое удивление. Она налила мне вина в голубую пластиковую чашку. Мертвая муха плавала на поверхности жидкости. Я сдул муху и выпил вино. Бар закружился по спирали.

— Мадам Кото! — вскричал я,

Она опять залилась смехом. Мужчина, танцевавший с ней, утащил ее обратно в музыку праздника, в гущу прижатых друг к другу тел.

Затем бар окрасился в зловещие цвета. Я увидел его другую сторону, почувствовал его тайные настроения. Мужчины и женщины казались лучшими образцами духов, которые обычно захаживали сюда и однажды пытались меня выкрасть. Они полностью овладели секретами маскировки под людей. Я слышал их металлические голоса и игривые флюиды их парфюмерии, но за всеми танцами и буйством я ощутил вторжение прогорклого запаха. В бар ворвался ветер, и запах стал еще хуже, словно ветер дул с болота, где умирали животные.

Потом я заметил женщин. На их венозных руках запечатлелось проклятие, конечности не соответствовали одна другой, глаза были голодные, и многие были крайне истощены. Женщины старались казаться радостными, но в уголках их ртов было написано постоянное отвращение, говорившее мне о вечных муках, которые им выдали и которые я не мог до конца понять. И, как у некоторых мужчин, когда они смеялись, языки женщин были в пятнах, совсем иссушенные. Кожа на теле местами блестела как чешуя. Я попытался убежать из бара, но никак не мог пробить себе дорогу. Я еще выпил вина. Сталкивающиеся друг с другом тела еще больше

разогревались. Вдруг я увидел, как мужчина шарит рукой под столом и залезает женщине между ног.

Пока я смотрел на это, кто-то ударил меня по голове. Я обернулся и увидел карлицу. Она была маленькая, с объемными бедрами, тяжелым телом, большими грудями и прекрасным печальным лицом двенадцатилетней девочки, чья мама только что умерла. Она взяла меня за руку и повела глубже в бар, потом за стойку, где пел инструмент. Она усадила меня рядом с собой на мат из куриных перьев. У карлицы было невероятно молодое лицо, и глаза по форме напоминали чудный миндаль. Затем, взяв мою руку, она заговорила со мной удивительным голосом. Она обратилась ко мне со страстной речью, сказав, что возьмет меня с собой и будет вечно любить. В ее глазах появилась грусть. Она сказала, что уверена — я уже не помню ее. Мои глазные яблоки начали гореть. Музыка остановилась. Она молчала и опустила лицо, пока музыка не началась снова. Затем она стала дергать меня за руку и надоедать словами, которых я не мог понять. Я пробовал встать, но она тянула меня вниз. Я попытался спастись бегством, но она схватила меня за шорты мускулистыми руками, усадила рядом

с собой и крепче к себе притянула. Мне в голову ударил исходивший от нее пьянящий запах, смесь колдовских духов и тайных потовыделений. И затем, приблизившись ко мне, с губами, полными, как у женщины, но маленьким, как у девочки, лицом, она прошептала мне что-то, чего я не расслышал. Она ждала моего ответа. Я уставился на нее в непонимании. Она повторила то, что сказала.

— Так ты возьмешь меня замуж?

Я заморгал.

— Нет, — ответил я.

Она улыбнулась. Ее губы стали еще шире, как будто они были сделаны из эластичного материала. Затем она откинула назад голову и с ног до головы обдала меня ироническим смехом. Язык у нее тоже был в пятнышках, а вместо зубов были коралловые бусины. Я закричал. Она начала всхлипывать. Я вскочил и ударился о стойку, так что инструмент издал мерзкий звук. Я засуетился, стал пробиваться к двери, столкнулся с красной громадой Мадам Кото и наконец выбрался наружу.

Под открытым небом я остановился перевести дыхание. Сердце безостановочно стучало. Ноги дрожали. Я все еще тяжело дышал, когда

увидел приближавшийся ко мне силуэт Мадам Кото. Я побежал; она погналась за мной в своем красном платье. Она была босиком и бежала так быстро, что у нее слетел парик. Под ними я увидел настоящие волосы, местами клочковатые и взъерошенные. Это меня перепугало. Она настойчиво преследовала меня и схватила, прежде чем я достиг улицы. Она потащила меня обратно в бар, смеясь и браня с нежностью.

— Ты все время убегаешь от меня, — сказала она.

У нее на лице было два свежих пореза. Это были ее новые знаки. Они были черные из-за пепла, который только-только нанесли, чтобы остановить кровотечение. Ее лицо стало немного другим из-за этих скарификаций.

— Из-за тебя парик слетел у меня с головы, — произнесла она, остановившись и подобрав парик.

Когда мы подошли к двери, она втолкнула меня в бар, загородив дорогу обратно, и надела парик, сразу же помолодев.

— Это же вечеринка, — сказала она. — Иди и развлекайся. Иди и разливай людям выпивку.

Затем она закрыла за собой дверь. Внутри стало еще шумнее. Казалось, что к празднику присоеди-

нились новые люди. Я не знал, в какую сторону мне идти, потому что со всех сторон был окружен толпой. Звуки стали еще громче. Я не хотел встречаться с карлицей и высматривал ее. За стойкой ее не было. Я обыскал все углы в баре, но нигде ее не нашел. Я хотел обнаружить ее, прежде чем она найдет меня, чтобы успеть убежать. Я пошел и встал рядом со стойкой, заранее запланировав бегство.

Мужчины танцевали, прижимаясь к женщинам. Все истекали потом. Женщины ритмично извивались и старались касаться бедрами мужчин. Снова возникла Мадам Кото, уже в другом одеянии — черно-белой юбке в полоску и желтой блузке. Ее волосы, казалось, отливали слабым золотым отблеском. Это была тайна. Она обмахивалась газетой. Некоторые мужчины поснимали рубашки, и на их мускулистых телах оказались длинные шрамы. Одна из женщин стала кричать. Никто не обратил на нее внимания. Многие мужчины были уже пьяные. Вместо того, чтобы танцевать, они с кровавыми глазами уже просто покачивались.

Одна женщина совершенно окосела от выпитого. Мужчина схватил ее за талию и стал щупать ягодицы. Она игриво увиливала. Мужчине уда-

лось прижать свои бедра к ее бедрам, словно он хотел, чтобы между ними ничего не оставалось. Груди женщины были мокрые под блузкой.

Снаружи стал завывать ветер. Внутри бара звучала музыка об освобождении от страданий. Среди празднующих возник призрак. Ветер дул, полоски занавесок развертывались веером, и внезапно в жаркую атмосферу бара влетела желтая птица. Наступило всеобщее смятение. Птица пролетела под потолком, ударилась о стену, стала падать вниз и села на голову женщины. Женщина закричала. Птица пыталась улететь, но ее когти запутались в волосах женщины. Крича в смертном страхе, женщина коснулась трепещущей птицы, не поняла, что это такое, дико затрясла головой и заголосила так, будто в нее вошел демон. Ее ужас распространился, и люди рассыпались по всему бару. Они видели, как птица запуталась в ее волосах, и приняли это за дурной знак. Затем женщина прекратила вопить. Ее глаза были широко раскрыты.

— Помогите мне, — крикнула она.

Никто не вышел ей помочь. Мадам Кото стояла у двери, сложив руки на груди, с обескураженным выражением на лице. Женщина трясла головой, вновь испуская пронзительные крики, которые,

вероятно, сильно напугали бедную птицу, поскольку она так яростно забила крыльями, что перья стали разлетаться во все стороны. В последней отчаянной попытке женщина сорвала с себя парик, потрясла им в воздухе, и птица вырвалась и полетела по бару. Она ударилась о стену, отлетела и свалилась прямо на середину танцплощадки, задергавшись. На мгновение наступила пауза. Люди стали стекаться к танцплощадке, но птица очнулась, взвилась к потолку, пошла вниз, облетела тесное пространство бара и ударилась о стойку. Сначала она упала на похожий на трубу громкоговоритель инструмента, а затем на вращающийся диск. Музыка стала замедляться, послышались нечленораздельные звуки, и в итоге диск остановился.

— Она села на граммофон! — крикнул кто-то.

Птица не двигалась. Я понял, что должен уйти отсюда. Мадам Кото ринулась к граммофону, схватила птицу, зажала ее в руках и побежала с ней к задней двери. Призрак следовал за ней. Празднующие испустили крик, на сей раз одобрительный, словно дурной знак в конце концов оказался хорошим.

Я вышел за Мадам Кото. Во дворе ее не было. Я прошел к ее комнате и приложил ухо к двери.

Изнутри я услышал лихорадочные молитвы, звон колокольчика, удары в гонг, парящий слабый голос. Птица стала частью ее мифологии. Я перестал подслушивать и опять пошел в бар. Музыка остановилась, голоса затихли. Через какое-то время опять появилась Мадам Кото. Она разговаривала отрывисто. Мужчины уходили толпой, говоря между собой притихшими голосами, словно произошло какое-то выдающееся событие. Они уносили с собой граммофон и то и дело оглядывались. Женщины пока оставались на месте.

Глава 3

Какое-то время я бродил по улице туда-сюда, не зная куда себя деть. Запах сгоревших крыс все еще чувствовался в воздухе, поэтому я направился к краю леса и исследовал тропинки, которые впадали в улицы. После долгого блуждания я попал в мир, о существовании которого даже не подозревал. Лес был уже завоеван. Повсюду торчали пни деревьев, кровоточащие смолой. Рабочие в желтых шлемах тут и там что-то делали. Из земли поднимались деревянные столбы, в воздухе были протянуты провода, и под землей

был проложен кабель. На разворачивавшийся спектакль собрались поглядеть дети. Я спросил их, что происходит, и они ответили, что прокладывается электричество. Они показали на опоры на открытых местах. Я не понимал, о чем они говорят, и смотрел на все в удивлении.

Везде стояли грузовики и палатки. В одной из них покачивалась осветительная лампа. Один из мальчиков прокрался в палатку с намерением погасить свет, но его заметил рабочий и прогнал оттуда. Мы ждали, что рабочий сделает что-то удивительное с этой лампой, но он просто закрыл вход в палатку. Все равно мы чего-то ждали. Мы затаили дыхание. Вход в палатку снова распахнулся. И мы снова увидели этого мужчину, который выходил из палатки. Его цвет изменился. Мы не верили своим глазам. Сейчас он был странного светло-кремового цвета с пятнами розового. Мы глядели на него в полном изумлении. Его волосы были как солома, как яркие снопы пшеницы. Он шел неровным шагом. Сквозь его темные очки просвечивали глаза. На нем были широкие шорты, шляпа с широкими полями, вздымающаяся волнами белая рубашка. И затем, чтобы довершить наше удивление, мужчина, о котором мы думали, что он изменил цвет, по-

явился из палатки. В нас закралось подозрение, что начало твориться дьявольское умножение, и мы с криками побежали. Потом мы все же вернулись.

Мы смотрели на белого человека, ожидая, что он вот-вот взлетит или прыгнет, или сделает сальто. Вместо этого он давал резкие команды на незнакомом языке. Когда он говорил, рабочие вскакивали и повиновались, как будто эти команды исходили от высшей силы ветра. И когда он садился на качающийся стул, один из рабочих приносил с собой зонт и держал его над ним. Ящерица остановилась перед белым человеком и закивала головой. Она долго смотрела на него. Быстрым движением он наступил ей на голову и приказал одному из рабочих выбросить подальше ее труп. Мы наблюдали за ним, ожидая, что он изменит свой цвет или просто растворится в удушливом воздухе. Другая ящерица подошла, поклонилась и дважды обежала вокруг него. Он смотрел на нас. Мы смотрели на него. И когда он приказал рабочим прогнать нас, и они набросились на нас с дубинками и били по спинам, я затаил великую злобу на этого белого человека. Мы наблюдали за ним с расстояния. Тень от зонта становилась все уже, и горящее солнце было

безжалостно к этому человеку. Я так невзлюбил его, что стал говорить с ветром, и вскоре воздух заколыхался, набрал силу, закачал верхушки далеких деревьев, взметнул пыль и в конце концов вырвал зонт из рук рабочего.

Мухи досаждали белому человеку, летая вокруг носа. Красные муравьи сформировали армию вокруг его стула. Вскоре он встал на землю и поранил себе ногу. Мы засмеялись, и он заподозрил, что мы затеваем какие-то проказы, и дал денег рабочему, указав в нашем направлении. Рабочие пошли на нас, побросав свои кабели, и мы побежали врассыпную, потому что были убеждены, что попадись мы в руки белому человеку, он съест нас заживо. Домой я прошел через лес и больше в этот день не покидал нашу улицу.

Глава 4

Когда Мама пришла в тот вечер с работы, я рассказал ей о белом человеке. В ее глазах загорелся интерес. Но он тут же угас, когда она сказала:

— Громилы опять сегодня приходили. Время выборов близится.

В моих глазах все еще стояла недавняя картина, и она была больше, чем мое сочувствие ей.

— Но как может человек стать двумя людьми? Как черный человек может стать белым? — спрашивала Мама со слабым интересом.

— Через магию.

— Какую магию?

Я рассказал ей про светящуюся лампу, кабели и электричество, о том, как белый человек убил ящерицу, о том, как он хотел схватить нас и взять себе.

— А что ты там делал? — спросила Мама.

Я ничего не ответил. Она выглядела поникшей и обеспокоенной. Она жаловалась на головную боль. Она легла на кровать, и я увидел у нее чуть выше локтя кровоточащую рану. Кровь была неестественно темной. Рана начинала гноиться. Я сказал Маме об этом, но она не пошевелилась. Мухи пытались сесть на рану, и я отгонял их. Мама открыла глаза и грубым голосом сказала:

— Иди поиграй!

Я подошел к двери. Мухи уселись на рану. Я увидел, как у Мамы дергается нога. Мама подняла голову и уже готова была мне что-то крикнуть, когда я поспешил прочь из комнаты,

На улице дрались люди. Они дрались вокруг фургона. Солнце становилось красным. Дерущиеся люди потом разбежались в противоположных

направлениях, выкрикивая угрозы. Темнело. Птицы кружили в воздухе. Пыль и дым, как тонкое покрывало, висели в небе. Ветер пронесся по улице, катя вместе с собой мусор и сдувая запахи сгоревших крыс и жженой резины. Медленно стали загораться звезды.

Всю ночь мы ждали, когда придет Папа. Казалось, что наши жизни продолжают вращаться на той же оси страданий. Когда Мама выспалась, она обернула рану, приложив к ней пепел горького дерева. Она ничем не выдавала своей боли. Мама приготовила еду, подмела комнату и сложила деньги в жестяную коробку. Она пересчитала их без какого бы то ни было освещения в комнате. Закончив считать, она принялась чинить нашу одежду, пришивая пуговицы, ставя заплаты на папины штаны. Она все делала молча, в патологической сосредоточенности, наморщив лоб, снимая тем самым боль ожидания. Заштопав папины штаны, она взялась за мои. Она оторвала задние карманы моих шорт, чтобы сделать заплаты на дырках между штанин. Она пришила на шорты пуговицы разной величины. Она ничего не говорила. Свет в комнате стал очень тусклым, и я закрыл окно, чтобы убедить Маму зажечь свечку. Но она продолжала работать без света. За-

кончив, она вздохнула. Она развесила одежду на веревке прямо в комнате. Веревка провисла под весом старых полотенец, изношенных рубашек, брюк, набедренных повязок, всяких тряпок. В любой момент она могла оборваться. Мама села. Она сидела без движения. Потом сказала:

— Иди почисти папины ботинки.

Но на самом деле фраза значила: «Что случилось с Папой?» Я поискал его ботинки и почистил их в темноте. Затем поставил в угол и пошел вымыть руки. Когда я вернулся, Мамы в комнате не было. Я нашел ее сидящей на цементной платформе у входа в барак. Она отгоняла от себя мошкару, летающих муравьев и прихлопывала москитов, которые на нее садились. Уже стояла ночь, и небо приобрело темно-синий оттенок. Воздух был прохладен, и в нем пахло дождем. Вдалеке, над центром города, небо освещалось вспышками белого света. Несколько соседей подошли к нам и завели разговор.

— Правда ли, — спросил один, — что Мадам Кото сейчас держит в баре проституток?

— Я об этом слышал.

— И что она вступила в эту партию?

— Не совсем так.

— А как же?

— Они просто обещали ей контракт.

— За что?

— За то, что она будет устраивать их митинги и празднования.

— Вот увидишь, какой богатой она станет.

— Она уже богатая.

— Откуда ты знаешь?

— Люди говорят, что она собирается покупать автомобиль.

— Автомобиль?

— И проводить электричество.

— Электричество?

— И она платит наличными за тюки шелка.

— Тюки шелка?

— Зачем это?

— Чтобы шить платья для партийных людей.

— Как она все это устроила?

— Она знает, чего хочет.

— Друг мой, все мы знаем, чего хотим, но кто из нас это имеет?

— Это правда.

— Она наверняка использует колдовство.

— Или джу-джу.

— Или она вступила в тайное общество.

— Или все вместе.

— Плюс еще кое-что.

Они притихли. Они размышляли об этой ночи, своей жизни, о всем нашем районе, безнадежно погружающемся в бедность. Один из них вздохнул.

— Почему жизнь такая, а?

— Я не знаю.

— У одних людей всего слишком много, и их собаки едят еду лучшую, чем мы, а мы все страдаем и продолжаем молчать, пока не умрем.

— И даже если мы не молчим, то кто нас будет слушать, а?

— Бог, — сказал один из них.

Остальные замолчали. Ветер дул над нами, принося с собой пыль, обрывки газет и неизбежность дождя.

— Случится день, когда произойдет тихое чудо и Бог сотрет с лица земли всех злодеев.

— Время Бога самое лучшее.

— Я мечтаю, что время Бога и наше когда-нибудь должны соединиться.

— Бог лучше знает.

— Вот так говорил мой брат два месяца подряд перед смертью.

— Мой друг, — сказал один из них, внезапно расчувствовавшись, — наше время скоро придет.

Они опять затихли. Мама попробовала что-то

сказать, но не смогла. Затем она поднялась, взяла меня за руку, и мы пошли по нашей исхоженной улице к главной дороге. Она делала вид, что это невинная прогулка, но я чувствовал силу ее страданий.

Везде вокруг нас звучали голоса смеха или боли. Мы прошли мимо зарослей буша, за которыми раздавалось пение из новой церкви. Люди пели с пугающим пылом, устрашающей надеждой, великой нуждой, великой печалью. Пение заставило меня почувствовать, что каждую секунду этот мир может провалиться в тартарары. Пение из церкви вселило в меня страх жизни. Мы быстро прошли мимо, но пение слышали еще очень долго. Дальше, в роще, земля сотрясалась тоже от пения, танцев, чантов. Но там было все по-другому. Чанты были более глубокие, танцы более мужественные, сама земля понимала, что люди стучат в ее двери, и в их пении были свои тайны и голоса, наводящие ужас. Голоса звучали как праздник вечной боли, древних страданий, которые никогда не прекратятся, и старые горести по-новому пробуждались в ночи. Это были служители храма страдания, и мы слушали их крики, превращавшие боль в великую силу. Мы могли слышать их заклинания, вопли, способные

творить деньги, имена призываемых изменяющих судьбу божеств, богов мщения, богов здоровья, богов, открывающих утробу. Они тоже вселили в меня страх жизни. Они тоже исходили из голода, разбитости, из наших условий жизни. Казалось, Мама ничего не замечала. Ее лицо было устремлено вперед, ее ясные глаза осматривали каждый угол в надежде увидеть Папу. После того, как мы прошли довольно долгий путь, и края ее повязки начал уже трепать ветер, я попросил ее рассказать историю о белых людях. Она сначала ничего не ответила. А затем сказала:

— Я расскажу тебе эту историю в другой раз.

Мы молчали. Через какое-то время она передумала.

— Когда белые люди в первый раз пришли на нашу землю, — сказала она, словно разговаривая с ветром, — мы к тому времени уже могли летать на луну и на все большие звезды. В те времена белые люди приходили и учились у нас. Мой отец говорил мне, что мы научили их считать. Мы рассказали им о звездах. Мы отдали им некоторых наших богов. Мы разделили с ними наши знания. Мы звали их к себе. Но они все это забыли. Они много вещей забыли. Они забыли, что все мы братья и сестры, и что черные люди — праро-

дители человеческой расы. Во второй раз, когда они приехали, они привезли с собой оружие. Они захватили наши земли, сожгли наших богов и забрали с собой многих наших людей, чтобы сделать их рабами по ту сторону моря. Они оказались жадные. Они хотели обладать всем миром и даже покорить солнце. Некоторые из них верили в то, что они убили Бога. Другие поклонялись машинам. Они неправильно использовали силу, которую дал нам Бог. Не все они плохие. Учись у них, но люби мир.

Меня удивило то, что сказала Мама. Я был сражен мягкостью ее голоса, когда она опять заговорила.

— Знаешь ли ты, что сказала мне моя мать во сне?

— Нет.

— Она сказала, что есть причина, почему вращается мир. Красота правит миром. Справедливость правит миром. Вот что она сказала.

Мы шли дальше в молчании. Я хотел задать ей еще много вопросов, но вдруг ее настроение изменилось, беспокойство усилилось, и она прибавила шаг, выпучив глаза, нас подгонял ветер, а ночь накрывала тайной своей темноты. И затем я услышал крик где-то вдали. Он мог доноситься

из-под соломенной крыши, из цинковых хибар, из глиняных бунгало, жестяных домиков или из таинственных дверей самой земли. Мама остановилась у перекрестка. Ветер дул изо всех сил и ночь завывала. Казалось, сам район выдыхал из себя запахи борьбы и смерти. Собаки дрались возле колодца. И тогда из темноты, на одной из этих невзрачных тропок, возникла фигура в ослепительной белой тоге, держащая над собой лампу. Ее глаза сверкали как яркие драгоценности, ее волосы были растрепаны и взлохмачены, и не только тога, но весь ее облик говорил, что перед нами святая безумица.

— Кайтесь! Кайтесь! — кричала она. — Свет — это наша жизнь, а наша жизнь — в Боге! Мир полон зла. Кайтесь! Или же тьма поглотит вас.

Мы слушали ее пронзительный голос.

— Будьте бдительны, слабые люди, храните ваши души, ибо зло из Вавилона явилось, чтобы уничтожить вашу жизнь! Покайтесь! Просите у света, и ваш сон преобразится в явь!

Она воодушевляла ветер и своим голосом заставляла тьму расступиться; вскоре мы стали видеть только свет лампы. И через какое-то время, на той же тропинке выросла другая фигура — мужчины, спотыкающегося, как калека, ко-

торый только что нашел силу в своих ногах. Он ругался и проклинал все на свете. И вдруг, еще не видя его лица, Мама подбежала к нему и обняла. Это был Папа. Его волосы были в грязи. Он шатался, но при этом не хотел, чтобы ему помогали. Его одежда была порвана, грудь оголилась, в глазах стояло безумие, и пахло от него кровью и алкоголем.

— Поблагодари эту женщину, — пробормотал он. — Она спасла мне жизнь. Они собирались убить меня, но появилась она, и они подумали, что она ангел и с криками разбежались.

Мы обернулись, но на том месте, где был свет от лампы, оказалась темнота. Только издалека был слышен ее голос, говорящий о том, что грядет эра смятения. Голос дрожал в ночном воздухе, и нельзя было точно определить, откуда он звучит. Женский голос отовсюду стучал в перепонки наших ушей, из тысячи мест живой раны нашего района.

— Если вы не можете отблагодарить ее сейчас, сделайте это завтра, — сказал Папа почти в предсмертных муках.

Несмотря на просьбы Папы, Мама взяла его под руку и стала помогать ему идти. Я услышал его хрип.

— Ты истекаешь кровью.

— Они хотели перерезать мне горло. Это всего лишь слабая рана. Азаро, сын мой, они собирались убить твоего отца. Только за то, что я не буду за них голосовать…

Голос не слушался его. Я взял Папу за другую руку. Темнота заполнилась людьми. Эта ночь выставила на всеобщее обозрение наше страдание; люди поняли, что случилось. Их лица, голодные и потные, уставились на нас, и они шли за нами весь долгий путь по улице, подбадривая и вселяя в нас силу старинными пословицами. Мама благодарила их. Одна женщина разразилась плачем. Папа ковылял, и его лицо было похоже на маску. Ветер дул нам в лицо. Женщины пели, идя за нами. Когда мы дошли до дома, Мама снова их поблагодарила, и они ушли в ночь, оставив нас наедине с нашими несчастьями. Весь остальной мир уже спал.

Мама вскипятила воду, перебинтовала папины раны и обработала синяки. Он рассказал нам, что случилось. Это была обычная история. К нему пристали несколько мужчин. Они были пьяные. Они спросили, за кого он будет голосовать. Он ответил, что ни за кого. Они напали на него, отобрали деньги и хотели уже его прикончить,

когда появилась эта женщина. Они убежали. Когда Папа закончил свой рассказ, мы сели за стол в тишине. Мама приготовила еду. Впервые в жизни Папа после еды не закурил сигарету и не сел размышлять о жизни, качаясь на своем трехногом стуле. Он сразу же заснул после еды.

Он проснулся на следующее утро, жалуясь на боли в желудке. На его раны были наложены бинты, которые за ночь промокли. Маме пришлось промыть раны теплой водой. Кровь присохла к бинтам. Боль снова возобновилась. Папа пошел на работу как обычно.

Глава 5

Я отчетливо помню тот день, когда по дороге из школы я услышал, как над лесом раздались оглушительные раскаты, словно все деревья повалились разом. На мгновение все изменилось. Небо приблизилось к земле. Воздух отяжелел и его стало невозможно вдыхать. Я не мог двигаться. Затем воздух потемнел, снова что-то прогрохотало, и яркая вспышка озарила окрестности. Небо раскололось надвое. И тропинка превратилась в вырубку.

Мир застыл, как будто в мгновение ока он

превратился в картинку, а Бог стал Великим Фотографом. С вырубки начинался новый мир. Из этой вспышки появились резко очерченные силуэты духов, поднимавшихся в воздух с отяжелевшими головами. Затем они падали вниз, сталкивались друг с другом и летели в неподвижность мира. Духи плыли мимо меня, проплывали сквозь меня, и их глаза были похожи на драгоценности. И когда произошел новый взрыв, за которым последовала еще одна ослепительная вспышка, духи исчезли в одно мгновение. В воздухе накапливалась тяжесть, облака раскрылись, и первый ливень обрушился на землю.

Облака разразились дождем. Вода затопляла землю. Внезапно фотографическое оцепенение всего стало превращаться в хаос, словно спало какое-то наваждение. Ветер ломал ветви деревьев. Люди подняли крик. Все куда-то побежали. Одни спешили снимать одежду с просушки. Другие мчались в укрытие. Третьи бежали за ведрами, стараясь успеть подставить их под ливень, чтобы запастись самой чистой и сильной по своим свойствам водой в сезоне. Дождь освободил детей от скуки долгого солнцепека. Они кричали совсем по-другому. Они выбегали голые, с большими животами и радостно кричали, в то время как яркая

вода обливала их с ног до головы, приглаживала им волосы, и делала их кожу сияющей.

Вода начала затекать в комнаты. Матери с криком закрывали окна и двери. Птицы и насекомые исчезли. Вода, стремительно катясь по низинам и канавам, скапливалась в низких местах, быстро просачивалась в почву, но вскоре поднялась над уровнем земли, оставив навсегда в моей памяти таинственный аромат нового сезона, листьев и прелых трав, дикой коры и всего разнотравья, тайных эссенций Великой Богини, выраставшей из земли.

Ветер очистил воздух запустения нашего района. Застигнутый сразу двумя желаниями — скинуть с себя одежду и броситься навстречу первому дождю этого года, и наоборот — не замочить одежду и книги, я замешкался. Дождь хлестал меня, я едва держался на ногах и смотрел, как вода поднимается мне до лодыжек и черви ползут по ногам. Я сбросил их. Дождь лил как из ведра. Ветер хлестал так сильно, что каждый раз казалось, что он бросается в меня камнями. Я боялся, что небеса прольют столько воды, что земля может стать океаном.

В течение харматтана мы всегда забывали о сезоне дождей. Вот почему дождь шел так бес-

человечно в первый день, жестоко напоминая о своем существовании. Порою дождь застилал все на свете. Я закрывал глаза и бродил как слепой. Срезая путь, я пробирался к просеке. Ливень наваливался мне на плечи своим весом. Ветер то и дело сваливал меня с ног. Дорога стала скользкой. Земля быстро превратилась в грязь. Насколько я мог видеть, улица куда-то провалилась. Лес как-то перекосился. Дома подрагивали.

И затем развернулось ужасное представление. Три раза просверкали огни в устрашающей последовательности. Две птицы свалились с ветки дерева, беспомощно взмахивая крыльями. Я слышал, как грохочут и изгибаются листы цинка, как жалуются гвозди, как трескаются доски, и затем увидел, как сорвалась целая крыша дома и ее понесло в воздухе через потоки дождя. Дети заголосили. Женщины испустили истошный крик. Таким мог быть конец света. Я увидел, как глиняная мазанка раскололась на части. Крыша опустилась вниз, и люди выбежали из дома. Через две двери от них была разрушена стена большого бунгало. Крыша съехала на сторону. Внутри дома валялась утварь и везде была разбросана одежда. В начале нашей улицы дом был просто унесен водой, как будто его фундамент был сделан из

пробки. Дорога стала тем, чем она была раньше — потоком первобытной грязи, рекой. Я шел вброд по дороге всех начал, пока не дошел до красного бунгало, где жил старик, про которого рассказывали, что его ослепил ангел. Он сидел под дождем, завернувшись в белую накидку. Изо рта у него торчала трубка. Он уставился сквозь дождь на затопленную улицу с какой-то свирепой сосредоточенностью. Очарованный силой его энергии, его напряженностью, самой его фигурой, несгибаемой под дождем, ногами, глубоко стоящими в мутной воде, промокшими красными штанами и запекшимися от зеленого гноя глазами, я подошел ближе. Внезапно он указал на меня, и его шишковатый палец скривился, как старый тонкий стручок перца. Голосом, идущим откуда-то из кошмарного сна, старик сказал:

— Мальчик, идя сюда, подойди и помоги старому человеку.

— Что нужно сделать? — спросил я.

— Увидеть!

Когда он указал на меня дрожащей рукой, из его глаз потек дождь, изменив их цвет из зеленого в пурпурный, холодок взобрался у меня вверх по шее и ужас приковал к уходящей из-под ног земле. Старик неистово кричал дрожавшим

голосом, что он может видеть. Он встал и сделал несколько неуклюжих шагов в моем направлении, с лицом, перекошенным от радости. Белая накидка упала с его плеч. Он подошел уже близко ко мне, но ударила молния, встряхнув землю и разрушив чары старика. Я увидел, как он остановился, застыл в неподвижной позе. Я увидел, как его лицо сжалось и глаза снова стали зелеными. Затем он начал ругаться и проклинать слепоту, которая снова к нему вернулась; и когда после порыва ветра у меня по всему телу пошла гусиная кожа, я стряхнул с себя наваждение и поспешил прочь. Но старик поковылял за мной, свалился лицом в грязь и там и остался. Я был слишком напуган, чтобы что-то предпринять, и старику никто не пришел на помощь, его даже никто не видел. Я бежал куда глаза глядели и куда меня несли ноги.

Вскоре я оказался напротив стены недостроенного дома. Многоножки, слизняки и маленькие улитки взбирались по стене, но ветер сбрасывал их. Оправившись, они снова возобновляли свои усилия. Ветер донес до меня голос старика, и я поспешил дальше по дороге начал. Земля продолжала ставить мне подножки. Я свалился в канаву. Грязная вода попала мне в глаза и испачкала

тело. Когда в конце концов я встал на твердую землю и осмотрелся по сторонам, я увидел, что все заново окрашенное мироздание заполнено качающимися статуями гигантов. Везде были святилища, и Бог говорил языком ветра, а гиганты отвечали ему шепотом.

Я закричал о помощи, но никто меня не услышал. Пока я шел, спотыкаясь о пни, поскальзываясь на размытой земле, обжигая ноги о крапиву, я понял, что не только потерялся, но и ослеп. Я промыл дождевой водой глаза и увидел, что нахожусь на строительном участке Дорожной Компании. Только что соложенный асфальт был размыт потоками воды. По ним проплывали кусты буша. Палатки дорожных рабочих были сдуты порывами ветра, все те, кто строили дорогу, чтобы соединить ее с шоссе, разбежались в поисках убежища и их нигде не было видно.

Дальше я увидел соломенную крышу, нависшую над банановыми деревьями. Я подошел к новому очагу разрушений. Это было место, где рабочие прокладывали электрокабель. Палатки были снесены. Зонт висел на ветвях дерева. Чувствовалось, что произошло что-то серьезное. В воздухе стоял дым. Разорванные куски брезента прильнули к пням деревьев. Деревянные столбы

обгорели. Рабочие стояли вокруг катушек с кабелем, уставясь на них в ожидании, что вот-вот произойдет что-то драматическое.

Дождь и ветер погнали меня к краю леса, к яме, откуда доставали песок. У края ямы стоял белый человек, упершись ногой в бревно. На нем был надет непромокаемый желтый плащ и черные ботинки. Он смотрел в бинокль на что-то на той стороне ямы. Внезапно тропинка осела. Земля задвигалась. Вода, скопившаяся в низинах, тут же затопила канаву. Я вскочил на пень. Белый человек закричал, его бинокль подлетел в воздух, и я увидел, как человек исчезает из поля зрения. Он медленно погружался в яму, и потоки воды ринулись на него. Бревно поплыло дальше. Земля поглотила его, открыв второе дно. Я не слышал даже крика. Бревно перевернулось, и моментальная вспышка довершила этот бред. Я закричал. Рабочие выбежали из леса. Они подскочили к краю ямы в надежде вытащить белого человека, нашли его бинокль, очки, шлем, ботинок, какие-то бумаги, все, кроме его тела. Яма уже до половины наполнилась водой. Трое рабочих-добровольцев нырнули в нее в поисках своего начальника. Они так и не вернулись. Яма, которая помогала им строить дорогу, проглотила

их всех.

Я пробирался по хаосу бедствий. Ветер с дождем сообща чертили в воздухе вихреобразные зарисовки, и я снова оказался у знакомой и вечно незнакомой сказочной страны с вывеской, валявшейся на земле лицом вниз. Дверь была открыта. Брызги замочили столы и стулья. В зале никого не было. И затем я увидел слоноподобную фигуру Древней Матери, сидевшей на скамейке с выражением безутешности на отяжелевшем от воды лице. Она поймала меня, прежде чем я упал, и отнесла к себе в комнату.

Глава 6

Она помыла меня и накормила горячим перечным супом. Натерла крупнозернистой мазью и сделала массаж суровыми пальцами. Откинув края зеленой москитной сетки, она уложила меня на свое просторное ложе, источавшее запахи ее тела. Она улыбалась мне, и лицо ее светилось из-за зеленой занавеси. Затем медленно она стала исчезать, пока не осталась одна улыбка, слегка зловещая в зеленоватой тьме моего сознания.

Когда я проснулся, дождь шел уже не так сильно. Вода затекала через окно и сочилась с потолка.

Дождь перекосил мне зрение, перемешал мою память. Я лежал, удивляясь новой обстановке. Паутина обрамляла большую москитную сетку. Я поднялся и сел на край кровати. В комнате пахло свежим деревом, перьями диких птиц, камфарой, ароматными растениями и одеждой. Она была развешана на веревках и висела на каждом гвозде: каскады прекрасного шелка, белые блузки, дорогие набедренные повязки, вышитые по краям золотом, массивные рубахи, головные повязки, выкрашенные ткани и халаты, которые могли бы служить покрывалом на несколько кроватей.

Белые простыни закрывали угол комнаты. Снаружи дождь барабанил по листьям кокоямса. По простыне двигались мерцающие образы. По всей комнате раздавались непонятные шумы, тараканы перелетали с места на место, за окном птицы беспомощно хлопали сломанными крыльями. Что-то где-то постукивало в такт пульсу дождя. Кто-то выдыхал и вдыхал в тишине воздух, пахнущий красным деревом. Я подавил желание заглянуть за простыню.

Таинственный запах дождя, смешивающегося с землей и растениями, проникал в комнату через щели в окне. Дождь изменил все до неузна-

ваемости. Его настойчивость и постоянство преобразили мое зрение, мой взгляд на мир. Через какое-то время мне показалось, что за занавеской скрывается базар чудес, потайной континент запретного. Я поднялся и попытался отодвинуть край простыни. Она оказалась тяжелая и сразу же дохнула на меня облаком пыли. По комнате задвигались тени. На стене силуэт гигантского подсолнуха изменил очертания и стал напоминать быка. Загудели москиты. Паук полз по своей невидимой паутине. Я решил пробраться под этот экран. Казалось, что я двигаюсь в непроходимом лиственном мире белизны. Пыль забиралась мне в ноздри. Тараканы разбегались при моем приближении. Только что родившиеся крысята врассыпную бежали от меня. Муравьи ползли по моим рукам, в то время как я пробирался в лабиринт чьей-то тайной жизни.

Оказавшись на той стороне, я увидел пол, покрашенный в каолиновый цвет. Эта белизна словно прилипла ко мне и вошла в сознание. Глиняный котел стоял рядом со стеной. В котле были пригоршни каури, дольки орехов кола, лук с зелеными побегами, перья желтой птицы, древние монеты, бритва и зубы ягуара. Три бутылки стояли рядом с котлом. В одной было налито

огогоро, в другой мариновались корни в желтой жидкости, в третьей в коричневой воде находились маленькие существа с красными глазками. Рядом с третьей бутылкой лежала перевернутая черепаха, ее пузо было покрашено красным, а лапы дергались. Черепаха издавала звуки. Я перевернул ее. Она стала уползать. Я схватил ее, удивился ее тяжести и снова положил на спину. Черепаха затихла. И затем я почувствовал близкое присутствие чего-то безмерно женского и понял, что кто-то наблюдает за мной из влажной темноты этого помещения.

Я почувствовал на себе напряженный взгляд Древней Матери, которая превратилась в дерево. Она знала, кто я такой. Ее испытывающий взор был безжалостен. Она уже наперед знала мою судьбу. Она сидела в паутинной нише — величественная статуя из красного дерева, распространяющая вокруг себя ауру плодовитости. Ее большие груди источали бесстыдную женскую силу. Одеяние цвета шафрана было наброшено на ее беременный живот. Из-за темных очков, казалось, она оценивает все вокруг с непоколебимой безмятежностью. Женщина распространяла вокруг себя противоречивые мечты. Я был очарован ее полубожественной маской.

Я мог слышать, как бьется ее сердце. Оно звучало, как медленные часы. Рядом с ее сиденьем стояло транзисторный приемник. На стене перед ней висело голубое зеркало. Прямо над головой, на маленькой полке, стояли часы, которые уже перестали работать. На гвозде, перед головой, висели железный гонг и колокольчик. Возле ног стояла пара красных туфель. Богиня впитала в себя ароматы молитв, крови животных, каолина, неукротимых надежд незнакомцев и ярко-желтое бесстрашие. Белые бусы покоились на ее коленях. Часы внезапно пробили, и я поднялся. Она напряженно смотрела на меня. За ее взором, ее силой и безмятежностью стояла бесконечность.

Часы остановились. За Древней Матерью я увидел желтую птицу. Она была связанной, ее перья шевелились, а глаза сверкали. Я ощутил паутину на своем лице. Муха загудела надо мной. Затем облетела вокруг и села на нос беременной богине. Часы пробили очередной раз, спугнув муху. Черепаха засучила лапами. Птица забилась. Я посмотрелся в голубое зеркало и себя не увидел. Мне стало страшно. В этот момент Древняя Матерь заговорила со мной.

Она говорила со мной через все эти вещи — через протестующие звуки перевернутой черепахи,

биение птицы в неволе, жалобы мухи. Часы начали тикать. Ящерица вползла мне на ногу, и я вскочил с места. Очнувшись, я понял, что прижат к стене, мое сердце неистово забилось. Затем я почувствовал, что в углу все ожило. Горшок двинулся в мою сторону. Зеркало ударилось о стену, ничего не отразив. Я чувствовал, как ходят стены, растворяясь от моего касания. Вещи крались в воздухе. На стене я увидел улитку. Я подался назад и у котла чуть не раздавил черепаху, наступив ей на лапу. Я заметил, что на белой простыне повсюду сидят улитки. Они были большие, в самый раз для еды. Я споткнулся о ведро. Затем увидел, что улитки ползают вокруг Древней Матери, по поверхности зеркала, по краям ведра. Я не знал, куда от них скрыться. Моя голова расширилась во все стороны от воздействия богини, которая разговаривала со мной через улиток и вещи в комнате.

Как мне было выбраться из сумятицы этих воображаемых вещей, каждая из которых была для меня препятствием? Как мне было уйти от чар головы змеи и ее сброшенной кожи на газете? Мне мешали камни, черные от асфальта новых дорог, и из бутылки с прозрачной жидкостью на меня показывал одинокий палец. Деревянная

богиня говорила со мной через вещи, но более всего она говорила глазами. Я не понимал смысла ее речи. Без каких-либо мыслей, как бродяга в своих мечтах, я взобрался по телу богини и снял с нее очки. В ее глазницах глубоко сидели глаза из красных камней, драгоценных камней цвета крови. У меня перехватило дыхание. Глаза глядели на меня так пристально, что я тут же поспешил надеть очки обратно. По мне стекал пот. Я вдруг почувствовал, что совсем обессилел. И затем, к моему ужасу, богиня стала двигаться — словно она хотела заполучить меня к себе в живот. Я соскочил с ее большого тела и с криками стал пробивать себе дорогу сквозь нагромождение тканей.

Я сел на кровать. Мое путешествие в тайный мир изменило вещи, которые я видел в комнате. То, о чем я раньше думал, что это просто свалка одежды, стало разнообразием париков, шалей, нижнего белья, раскрашенных головных повязок, материалов из батика. Альманахи тайных обществ висели на стенах.

Улитки ползли по стенам, оставляя за собой мокрые следы. В шкафу были мужская одежда, черная трость для прогулок и пять зонтиков. Над шкафом висела табличка с напечатанны-

ми готическим шрифтом буквами: ВРЕМЯ БОГА САМОЕ ЛУЧШЕЕ. Еще выше на стене было повешено изображение распятого Христа и под ним другая надпись: ЗЛО, ТВОРИМОЕ МУЖЧИНАМИ. На стенах были также фотографии Мадам Кото с мужчиной. У него были живое лицо и печальные глаза, а на одной руке всего три пальца. Это была старая фотография, выцветшая от солнца и времени. Я не знал, как выбраться из лабиринта этих вещей. Я пошел к кровати, лег под зеленую сетку и заснул в лихорадочных мечтах этой комнаты.

Глава 7

Когда я проснулся, я чувствовал себя так, словно всю мою память стерли. Комната изменилась. Жирные тени крались по стенам. Будущее, еще не видимое, заполняло пространство. В воздухе ощущались силы, еще только набиравшие мощь. В глазах у меня зарябило от очертаний захваченных пленников, яичных белков в пробирках, из которых должны были вылупиться монстры, джиннов в темных бутылках, гомункулусов в гнездах летучих мышей. Везде были несформировавшиеся существа. В этом лесу теней скрывались пойманные призраки, против

своей воли заключенные в чудовищные формы. Дождь прекратился, и только ветер продолжал греметь цинковой крышей. Я вышел из комнаты на цыпочках и закрыл за собой дверь. Я почувствовал себя другим. Я ощутил себя так, словно ветер будущего продул меня насквозь.

Проход был пуст. На заднем дворе кто-то пытался разжечь огонь из промокших дров. Запах был тяжелый. На землю опускался вечер. Небо было серое. На дворе полным полно луж.

С каждым шагом, приближавшим меня к бару Мадам Кото, я чувствовал, что наши жизни изменились.

В баре было темно. Когда я вошел в зал, то подумал, что там пусто. Я бесшумно пробрался к своему месту возле глиняного котла. Входная дверь была наполовину распахнута. Жужжали мухи, и я слышал, как геккон пробирается под столами. Присев, я увидел в темноте группу женщин. Они сидели прямо, лицом к входной двери. Вскоре они начали разговаривать.

— Когда же сюда проведут электричество, а?

— Откуда мне знать?

— Мадам Кото уже давно об этом говорит.

— Она стала политиком.

— Одни обещания.

— И разговоры.
— Когда-нибудь его проведут.
— И бар засияет.
— И однажды он превратится в отель.
— Но когда же он засияет?
— В один из дней.
— В один из дней я построю свой собственный отель.
— Как, интересно? Ты что, украдешь деньги?
— Политики дадут.
— Ты дашь политикам?
— А ты этого не делаешь?
— Не только я.
— А кто еще?
— Мадам Кото.
— Не называй ее имени. У нее везде уши.
— Я слышала, что она беременна.
— От кого же?
— Откуда мне знать? Я что, была там, когда они этим занимались?
— А что, вполне возможно.
— Все возможно в наше время.
— Кто сказал тебе, что она беременна?
— Да, откуда ты знаешь?
— Люди говорят.
— Люди всегда что-то говорят.

— Я не верю им.

— Люди говорят слишком много.

— Сплетня — самая дешевая проститутка.

— А сама-то?

— Я не такая уж дешевая.

— Да ты дешевле, чем дерьмо.

— А ты сама? Мужчины говорят, у тебя анус воняет.

— Твоя дырка тоже воняет.

— Да тебя петух может трахнуть.

— Крыса тебя трахала.

— А тебе собака вдула.

— Заткнись.

— Сама заткнись.

— Свинья отъячила твою мамочку.

— А твою мать поимел козел и получилась ты.

— Заткнись!

— Почему ты всем постоянно говоришь «заткнись»?

— И ты тоже заткнись!

На какое-то время женщины притихли. Порыв ветра стукнул входную дверь о наружную стену так, что затрещали петли. Затем короткими фразами женщины снова принялись обзывать друг друга, и их голоса были острее, чем битое стекло. Одна из них зажгла сигарету. В скучной

перебранке то и дело воцарялись паузы, во время которых было слышно завывание ветра в ветвях деревьев. Затем на весь район свои трели стали выводить сверчки. Наконец, во время одной из пауз, вошла Мадам Кото, неся в руке лампу. Она выглядела громадой, проплывающей в воздухе, лицо ее сияло. Снаружи я увидел разносчика пальмового вина, его велосипед был перевязан веревками; бочонки вина, связанные вместе, свисали с багажника.

— Нет света? — спросила Мадам Кото.

Она подошла ко мне и посветила в глаза лампой.

— А ты уже поднялся, да?

— Да, спасибо вам.

— Чувствуешь себя получше?

— Да.

— Зачем ты трогал ведро с улитками?

— Я не трогал.

— Врун! Ты знаешь, сколько у меня ушло времени, чтобы их собрать? И многие все еще прячутся где-то. Почему ты постоянно приносишь мне неприятности? Тебя, наверно, послали в этот мир, чтобы наказать меня?

— Я не знаю.

— И ты залез в каждый угол в моей комнате.

— Нет.

— Что ты там нашел?

— Ничего.

— Что ты видел?

— Ничего.

Она долго смотрела на меня. Женщины не двигались. Нам были видны профили их лиц, повернутых к входной двери. Затем одна из женщин взглянула на меня.

— Когда ты пришел сюда?

— Я не помню.

— Лучше бы тебе начать собираться, — сказала Мадам Кото.

Я оставался на месте. Она подошла к стойке. Одна из женщин встала, вышла и вернулась с тремя лампами, которые она расставила на разные столики.

— Когда вам наконец проведут электричество?

— Не задавай мне никаких вопросов.

Она обошла стойку, вышла, и я услышал, как она торгуется с разносчиком. Наконец они договорились, и разносчик отпустил сальную шутку. Я слышал, как он погнал свой велосипед, оставив в воздухе ржавый лязгнувший звук. Мадам Кото вошла в бар с тремя бочонками. Вино пролилось на пол. Женщины не двигались. Поставив бочон-

ки около меня, она уперла руки в бока и стала громко ругать женщин за лень и нерадивость. Те повскакали и тут же нашли себе работу, расставляя скамейки, протирая чашки и тарелки. Мадам Кото опять вышла. Как только она скрылась, женщины заняли свои прежние места и впали в неподвижное ожидание. Затем к входной двери ветер принес мужчину. Он стоял снаружи, виднеясь сквозь полосы занавески. Потом вошел, осмотрелся по сторонам, и две женщины подбежали к нему и усадили. Это был Папа. Женщины сели напротив него. Я подошел, он дотронулся до моей головы и ничего не сказал. Лицо его спало, щетина отросла. Он сидел с пустым выражением глаз. Я уже знал, что сегодня что-то случится.

— Пойдем домой, — сказал я.

— Зачем? Я только что пришел. Сегодня был дьявольский день. Налей-ка мне пальмового вина. Где Мадам Кото?

— Вышла.

Одна из женщин принесла ему пальмового вина и стала ждать, когда он заплатит. Он отмахнулся от нее.

— Я вас не знаю, — сказала женщина, — поэтому заплатите сейчас, чтобы не было неприятностей.

Папа посмотрел на нее так, как будто готов был

ее ударить.

— Это мой отец, — сказал я.

— Ну и что?

Папа заплатил с крайней неохотой. Я сел рядом с ним.

— Однажды, — сказал он, — беды сотрут с лица земли этот район.

Одна из женщин облизала зубы и чмокнула. Другая сплюнула.

— Плюйся сколько хочешь, — сказал Папа. — От бед все равно не убежишь.

Женщины оставили его. С опущенной головой он стал медленно пить. Женщины заговорили о предстоящем съезде. Они рисовали такую картину этого политического съезда, словно речь шла о каком-то фантастическом базаре на краю света. Они говорили о коровах, которых забьют к этому событию, гусях, которых будут жарить на вертелах, они сказали, что мы услышим великих музыкантов и сможем увидеть автомобили всех марок, и что людям будут бросать деньги прямо из мешков, и никто не останется ненакормленным, и всем будут показаны чудеса, сила и обещания нового будущего.

— Дерьмо собачье ваш съезд! — сказал Папа.

Поначалу женщины замолчали. Потом одна из

них сказала замогильным голосом:

— Дерьмо собачье — это то, что ты ешь!

Папа одним долгим глотком осушил стакан вина и смачно отрыгнул. Он напряженно смотрел в сторону одной из женщин, а женщина смотрела на него. Ветер трепал полоски занавески. Мы все смотрели на дверь, ожидая, что вот-вот сюда войдет какой-нибудь необычный персонаж. Папа смотрел сквозь женщину, сквозь стены, и его необычный взгляд испугал меня. Огонь в лампе у двери заколыхался и потух. Затем Папа издал холодный смешок, от которого у меня по спине пробежал легкий озноб. Папа продолжал смеяться с неподвижным лицом, похожим в темноте на маску, и казалось, что его смех каким-то образом влиял на ветер. Что-то прогремело по крыше. Я услышал из леса странные завывания котов. Ветер ворвался в бар как бестелесный дух, ища место, куда сесть. Когда Папа закончил смеяться, в комнате стало темнее и ветер поутих. Мы все словно ютились где-то на краю долгих пространств неопределенных ожиданий.

— Пойдем домой, — сказал я, и дрожь прошла через мое тело.

— Молчи, — ответил Папа с тем же пустым взглядом.

Одна из женщин встала и села снова. Поднялась другая женщина и, виляя задом, пошла и встала у дверей. В слабом свете я увидел у нее на задней стороне шеи шрам. Она долго там стояла, и ее била дрожь. Пошел моросящий дождик. Папа налил себе еще пальмового вина. Погасла еще одна лампа. Глаза женщин посверкивали в темноте. Подул ветер, я слышал его завывания, когда он вихрем проносился в деревьях. В его движениях зародился злой дух. Цинковая крыша дребезжала от порывов ветра, я слышал протесты деревьев, ветер приносил и уносил с собой кваканье лягушек. Женщина у дверей развернулась и, двигая каждой частицей своей подвижной плоти, пошла в нашу сторону, обогнула наш стол и тяжело села. Она вздохнула и произнесла:

— Сегодня посетителей нет, — сказала она.

Временно наступила тишина. Я посмотрел на дверь. Полосы занавеси чуть раздвинулись, словно освобождая путь для какого-то большого существа, и в бар вошел дух с тремя головами. Каждая из голов имела особый облик. Одна была красная с голубыми глазами, другая желтая с красными глазами, третья голубая с желтыми глазами. Всего у духа было около десяти глаз. Он вошел в бар, постоял у двери, каждая голова

посмотрела в своем направлении, и из желтых глаз духа повалил дым. Затем дух медленно и неуклюже стал продвигаться в зал. Я наблюдал за ним с восхищением, чувствуя, как в мой мозг входит лихорадка. Дух подошел и встал напротив, через стол от меня, затем все три его головы повернулись в мою сторону, и он уставился на меня всеми десятью глазами. Лихорадка дошла до моего мозга, и у темечка начался какой-то зуд, похожий на непрекращающееся сверление. Дух долго вглядывался в меня. Я не мог двинуться. От разноцветья его глаз мне было больно, оно жгло мне глаза. Затем голос в моем черепе сказал:

— Закрой глаза.

Я закрыл их и все равно все видел. Головы духа вытянулись на шеях и затем втянулись обратно. Дух, пройдя сквозь стол, будто его не было, уселся среди женщин. Две его головы, смотря в противоположных направлениях изучали женские лица. Средняя голова, желтая с красными глазами, остановила свой взгляд на мне. Одна женщина закашлялась. Другая чихнула. Третья встала и снова села. Папа икнул.

— Чем-то здесь воняет, — сказала женщина которая чихнула.

— Я, кажется, заболеваю, — сказала другая.

— А мне хочется блевать.
— Я не могу двинуться с места.
— И посетителей нет как нет.
— Нет посетителей — нет денег.
— И нет электричества.
— Дурацкий дождь.
— Чертов ветер.
— И Мадам Кото куда-то исчезла.
— Куда она могла пойти?
— Откуда я знаю?

Они замолчали. Ветер утих, как будто земля наконец, чем-то разродилась. Одна из женщин достала нюхательный табак и резко вдохнула. И затем, зашатавшись, она схватилась за стол. Ее голова закачалась, а широко открытый рот попытался удержать равновесие. Голубая голова духа была прямо перед ней. И вдруг женщина так оглушительно чихнула, что голова духа затряслась и отпрянула от нее в изумлении. Остальные головы широко пооткрывали глаза и один глаз, самый далекий, стал ходить ходуном, вращаясь в своей орбите. Все глаза начали расширяться, и затем дух тоже разразился могучим чихом, который буквально отбросил меня к стене.

— Что с тобой такое? — спросил Папа.
— Ничего.

— Какая-то баба чихнула и тебя как ветрам сдуло? Ты что, не мужчина?

Потом я сам начал чихать. Папа ударил меня по голове. Чихание продолжила еще одна женщина. Потом к ней присоединился и Папа. Вскоре мы все перезаражались этой странной болезнью — неуправляемым чиханием. Мы чихали так долго и с такой силой, что казалось, наши головы разлетятся в разные стороны. Женщина, с которой все началось, казалось, распространила вирус чихания по всему залу, и от ее чиха погасла последняя лампа. Папа высморкался в чашку с недопитым пальмовым вином и затем перевернул ее. Всех нас корчило от спазм, пока ветер, влетев в бар, не унес с собой наше чихание; взамен он доставил нам пять крутых мужчин, которые смеялись над нами. Мы так и не поняли; что кончили чихать, когда один из них сказал:

— Так-то вы встречаете посетителей?

Женщины, вытирая носы, чуть ли не дерясь друг с дружкой, наперегонки помчались к мужчинам и проводили их к столу.

— Еще вина! — потребовал Папа.

Никто не обратил на него внимания. Средняя голова духа повернулась к Папе, как будто он только что материализовался.

— И побольше света! — добавил Папа.

Одна из женщин встала и зажгла лампу. Дух стал виден хуже.

— Если к вам пришли новые посетители, это не значит, что вы меня не должны обслуживать, — сказал Папа раздраженным голосом.

— Замолчи! — ответил один из мужчин.

Папа посмотрел на него пустым напряженным взглядом. Мужчины смотрели на него. Папа отвел глаза, ушел в себя и затих. Женщина, которая зажигала лампы, подошла к нему.

— Вы хотите еще одну бутылку пальмового вина? — спросила она.

Папа не ответил и даже не поднял глаз. Казалось, он провалился в себя. Женщина повторила вопрос. Папа опять ничего не ответил. Он повесил голову.

— Оставьте этого бесполезного человека, — сказал один из мужчин.

— Если он не хочет тебе отвечать — пусть глотает свою слюну, — сказал другой.

Папа поднял глаза и снова их опустил. Мужчина чихнул. Дух задвигал одной головой и вперился в него. Женщина уперлась кулаком в свое бедро. Затем она сходила на задний двор, принесла бутылку пальмового вина и со стуком поставила

ее на стол. Папа налил себе немного. Женщина отошла и села рядом с одним из свободных мужчин. Они начали между собой разговаривать. Дух поднялся и пересел к мужчине, который чихнул. Папа прикончил стакан вина одним глотком и затем, с каменным лицом и напряженными глазами, поднял взгляд. Он изучал мужчин. Затем он уставился на того, который чихнул. Поначалу я подумал, что он смотрит на духа. Человек, на которого он смотрел, не замечал его взгляда.

— На что это ты так смотришь? — спросила женщина, сидевшая с мужчиной.

— Не твое дело.

Мужчина поднял глаза и поймал на себе свирепый взгляд Папы.

— Пойдем, — сказал я. — Дождь прошел.

Стояла тишина. Затем Папа вытянул руку и указал подрагивающим пальцем в направлении человека, в адрес которого должно было прозвучать обвинение. Я посмотрел, кто это был. Средняя голова духа выглядела удивленной, и ее глаза загорелись разными цветами.

— Ты трус! — закричал Папа, вставая, безошибочно показывая пальцем на человека, который чихал и у которого под левым глазом был угрожающий шрам.

— Кого это ты назвал трусом? — ответил мужчина, вставая.

— Тебя! Это был ты и твои друзья. Вы напали на меня прошлой ночью. Ты трус!

— Ты сумасшедший! — крикнул мужчина. — Ты вор! Твой отец был трус!

— Если ты такой храбрый, — сказал Папа громоподобным голосом, — почему бы тебе не сразиться со мной сейчас, один на один?

Установилась тишина. Затем женщины стали обвинять Папу в том, что он смутьян. Они пытались успокоить мужчину, усаживая его на место, хватая за плечи. Мужчина в ярости сбросил их руки со своих плеч. Папа все еще стоял, дрожа всем телом, с вытянутым пальцем и двигающимися желваками. Женщина закричала. Другая женщина чихнула. Мои глаза были широко открыты. На время я потерял духа из поля зрения. Мужчина вышел из-за стола. Все женщины пытались его успокоить. Он отшвырнул их. Подул ветер. Мужчина прошагал в центр бара и устроил представление, срывая с себя свою просторную одежду. Он очень долго срывал ее с себя. Его одеяние не снималось через шею, а его амулеты и ожерелья все перепутались. Женщина опять закричала. Папа сел, налил себе еще стаканчик

пальмового вина, встал и вышел из-за стола. Он помог противнику снять с себя верхнее одеяние. Ветер подул так, что, казалось, он может унести этот бар на край земли. Я чувствовал, как дрожит пол. Когда мужчина снял с себя верхнюю одежду, он закипел от злости, выругался и стал снимать рубашку. Это тоже заняло какое-то время. Папа вышел пописать. Когда он вернулся, мужчина стоял перед ним с голой грудью, и только амулеты висели вокруг его шеи. Знаки-шрамы, словно ужасные дождевые черви, шли по всей его груди и заканчивались у пупка. Его спутники к тому времени уже окружили Папу. Мне страшно было его видеть таким спокойным и собранным, и я заплакал.

— Мы тебя не знаем, — сказала одна из женщин среди всеобщих визгов, — мы тебя не знаем, и ты приходишь со своим уродом-сыном, портишь нам бизнес, причиняешь неприятности.

На ее лице было дикое выражение, глаза перекошены, крашеные ногти похожи на красные когти.

Папа не обратил на нее внимания.

— Так что ты собираешься делать? — спросил мужчина, трогая свой амулет. — Ты знаешь, что это у меня за вещь, а? Если ты тронешь меня, ты

семь раз будешь падать и…

Внезапно — казалось, что в бар попала вспышка молнии — Папа ударил его в лицо. Это случилось очень быстро. Через секунду человека как ветром сдуло через входную дверь. Мы слышали, как он причитает где-то в темноте. Молния снова вернулась Папе в кулак. Затем женщина с красными ногтями набросилась на него сзади. Она завыла, как безумная кошка, расцарапала Папе шею и пыталась выцарапать ему глаза. Папа повалил ее вниз, и она упала на стол. Мужчина, с которым она сидела, кинулся на Папу, и они покатились по полу. Я слышал, как они борются, пытаясь встать. Женщина поднялась, увидела меня, и с силой заехала мне по голове. В баре снова возник дух. Я побежал к выходу. Женщина — за мной. Я врезался в одного из мужчин, он оттолкнул меня, и я свалился на вывеску бара, лежавшую на промокшей земле. Дождик все еще моросил. Я видел, как двое мужчин бьются с Папой. Один из них заходил к нему со спины, другой наносил удары спереди. Папа маневрировал, подаваясь вперед и назад, и ему удалось схватить мужчину сзади и перебросить его через плечи. Затем он уложил того, что спереди, мощным ударом в нос. Оба мужчины лежали в грязевой жиже. Папа,

довольный, улыбнулся мне. Женщина набросилась на него и вцепилась в волосы. Сбросить ее оказалось для Папы делом непростым. И к тому времени, когда ему это удалось, остальные мужчины вышли из бара и окружили его.

— Бежим, — сказал я.

Те, что валялась на земле, стали оправляться. Я попытался добить их палкой, но у меня плохо это получалось. Пятеро мужчин смыкали кольцо вокруг Папы. Взвизгивая неестественными голосами, женщины кричали мужчинам, чтобы они убили Папу, натерли его лицо грязью, заставили есть дерьмо. Мужчина попытался нанести Папе удар в лицо, но промазал и поскользнулся. Другой ринулся на Папу и сшиб его с ног. Все остальные набросились на два тела, лежащих на земле, образовав свалку. Драка превратилась в кучу-малу. Каждый бил каждого. Затем из кучи борющихся грязных тел появилась желтая голова духа. Она выглядела довольно смущенной. Затем дух отделился от дерущихся и направился ко мне, приблизив к моему лицу желтую голову с горящими красными глазами. Голос у меня в голове сказал:

— Закрой глаза.

Я закрыл их, но продолжал видеть. Светлые

глаза духа ранили меня. Люди выбирались из кучи. Папа бешено избивал их, свингуя своими стальными кулаками. Затем он побежал на задний двор и вернулся с устрашающей дубиной. Я открыл глаза. Из дубины торчали несколько длинных гвоздей. Я закричал. Дух, широко открыв все десять глаз, наклонил ко мне среднюю голову и сказал:

— Они сказали мне, чтобы я взял тебя с собой.

— Кто?

— Твои друзья.

— Какие друзья?

— Из мира духов. Твои спутники.

Папа неистово дрался дубиной.

— Ты же заключил с ними договор. Когда ты еще не родился. Помнишь?

Мужчины разбежались во все стороны, увидев это устрашающее оружие.

— Держи его! — крикнул один из них.

— Сам держи.

Папа преследовал их. Они убегали. Он погнался за женщиной. Она с криками побежала в лес.

— Они сказали, что я должен тебя забрать, — опять сказал дух.

— Я не пойду.

Остальные женщины тоже вышли из бара.

Один из мужчин схватил длинную скамейку. Папа бросился к нему с убийственным выражением лица. Мужчина бросил скамейку и побежал.

— Трусы! — победно орал Папа.

Он продолжал гоняться за мужчинами, они убегали от него. Затем он ворвался в бар. Женщины разбежались при его приближении. Он опять вышел наружу с калабашем пальмового вина, принадлежавшим его соперникам. Он неторопливо пил, не спуская глаз со стоявших вдалеке мужчин.

— Так ты не пойдешь? — спросил меня дух.

— Нет.

— А как же обещание?

— Какое обещание?

— Они очень рассердятся.

— Ну и что?

— Не говори потом, что я не предостерегал тебя, — сказал дух.

— О чем?

— Помни, что у меня только три головы. Если ты не послушаешь меня, твои спутники пришлют к тебе духа с четырьмя головами.

Одна из женщин прыгнула на Папу, пока он медленно допивал последний глоток. Потом все женщины бросились на него и стали звать муж-

чин, чтобы те подошли и прикончили его. Папа боролся. Калабаш разбился. Одна их женщин закричала. Мужчины осторожно приближались.

— А после этого они пришлют духа с пятью головами.

Папа стряхнул с себя женщин. Они отскочили от него. Одной из них удалось вырвать у него страшное оружие с гвоздями и отбежать.

— Но если дело дойдет до того, что они пришлют духа с семью головами, уже ничто не спасет тебя.

Мужчины приближались к Папе более уверенно. Женщины стали бросать в него камни.

— А если тебе и удастся спастись от семиглавого духа, спутники придут за тобой сами.

Один из камней попал Папе в голову. Он тоже принялся бросать камни. Но мужчины присоединились к женщинам, и камни полетели в Папу из темноты со всех сторон.

— Женщины из ада! Проститутки! Ямсовые груди! — ревел Папа.

Они и в меня стали швыряться. Папа подобрал упавшую вывеску Мадам Кото и стал закрываться ею, как щитом. Нас оттесняли назад к бару. Мы вошли в него и закрыли входную дверь. Через закрытую дверь вошел дух и снова стал убеждать

меня последовать за ним. Папа завалил вход скамейками и накрепко его закрыл. Дух шел за мной по пятам, напоминая мне об обещаниях, которые касались не его, умоляя, угрожая мне, и одна его голова стояла передо мной все это время, а другая шептала на ухо. Громилы бросали в дверь камни. Я услышал, как они обежали бар, намереваясь проникнуть с заднего двора. Папа задул все лампы. У мужчин не хватило смелости войти в темное помещение. Светящийся дух с яркими глазами бродил в темноте так, словно он потерял чувство направления. Папа ругался. Он сказал, что истекает кровью. Москиты кормились нами. Мы старались не издавать ни звука. Я понятия не имел, что случится дальше. Дух, немного обезумевший, бродил по бару и наконец вышел наружу сквозь одну из стен. Над нами раздался раскат грома. Дух, как ошпаренный, влетел обратно. Сбитый с толку, он зашатался на ногах и все головы повернулись в разных направлениях. Опять пошел дождь. Мы слышали, как кто-то крадется через заднюю дверь. Папа бросил туда что-то. Человек вскрикнул и побежал обратно. Затем повисла долгая тишина. Ее нарушил громкий голос Мадам Кото, которая стучала во входную дверь. Громилы сгрудились

на заднем дворе. Проститутки ворвались в бар, зажгли лампы и быстро привели в порядок зал, оттащив скамейки от входной двери. Дух подошел и сел рядом со мной. Проститутки открыли дверь, извинившись за то, что она была заперта, и что-то сказали о проливном дожде. Мадам Кото, вся промокшая, с негодующим лицом, вошла в бар. Она встряхнулась как большая птица, и брызги от нее долетели до самых темных уголков бара. Папа сидел прямо, и кровь, стекавшая у него со лба, капала на стол. Голубая голова духа смотрела на кровь, неподдельно очарованная. Мадам Кото уставилась на нас. Она ничего не говорила. Было ясно, что она уже сделала относительно нас выводы. Медленно она прошла в бар. Дух встал и последовал за ней. Проститутки стояли по стеночке, и их лица разглаживались тенями. Папа встал и сказал:

— Мадам Кото!

Она приостановилась. Вода капала с конца ее набедренной повязки. Дух прошел прямо сквозь нее. Она дрожала.

— Мадам Кото, ваши друзья чуть не убили меня два дня назад. Я увидел их сегодня здесь. Они дрались со мной и бросали в меня камни. Ваши женщины тоже бросали в меня камни. Что вы

собираетесь делать по этому поводу?

Она ничего не ответила, а просто направилась к стойке. Она прошла сквозь духа.

— Вы — гнусная женщина, ведьма, — сказала Папа уравновешенным тоном. — И поскольку вы не заботитесь о человеческих существах, страшные вещи будут происходить с вами. Ноги моей больше не будет в вашем баре, как и ноги моего сына.

Мадам Кото повернулась, чтобы посмотреть на Папу. Казалось, она была удивлена, но не обескуражена словесным нападением Папы. Она посмотрела на меня. Ее взгляд чуть не превратил меня в дерево. Я думаю, с этого мгновения она и стала нашим врагом. Она продолжила свой путь, исчезнув на заднем дворе. Папа закончил пить, взял меня за руку, и мы вышли наружу.

Громилы ушли. Лил дождь, но мы этого не замечали. Лес стоял рядом с нами как промокшая темнота. Улица превратилась в ручей. Сточные канавы переполнились. Твердая земля стала грязью, и я чуть ли не по колено утопал в жиже. Папа ничего не говорил. Мерное падение дождя успокоило все человеческие голоса. Небо было очень темное. Подходя к дому, Папа сказал, посмеиваясь:

— А все-таки мы задали им перцу, правда?

— Ага.

— Вот что значит быть мужчиной.

— Что?

— Когда тебя бьют, соберись, изучи их, дождись подходящего момента и только потом отвечай. Дерись с ними как безумец, как мудрец. Только тогда они станут тебя уважать.

К этому времени я весь дрожал и клацал зубами. Папа шел впереди меня, а дождь стекал по моей спине.

Когда мы пришли домой, в комнате горела свеча. Было чисто и тепло, и везде чувствовался запах свежеприготовленного супа. Мамы дома не было, хотя дверь была открыта. Папа обернулся полотенцем и ушел мыться. После него в ванную пошел я. Когда я вернулся, Мама уже сидела на кровати. На столе стоял большой котел с дымящимся перечным супом. Мама выглядела молодо, но устало. Ее лицо было припудрено и глаза светились. Когда я вошел с обернутым вокруг талии маленьким полотенцем, Мама улыбнулась.

— Так значит, вы с отцом всех побили, да?

Я сел ей на колени.

— Они и в тебя бросались камнями?

— Да, но я уворачивался.

Папа рассмеялся. Мама растерла меня маслом. Я причесал волосы и оделся. Я так и заснул на руках у Мамы. Затем я внезапно проснулся. Свет был уже другим. Чадила москитная спираль.

— Давай, поешь супа с перцем.

Я уже лежал на кровати. Я встал и доел остатки супа. Он был горячий, и мой рот и голова сразу же вернулись к жизни. В глазах что-то жгло. Папа сидел на трехногом стуле.

— Сегодня я видел духа, — сказал я.

Оба они чуть приподнялись.

— Какого духа?

— С тремя головами.

— Где?

— В баре Мадам Кото.

— Когда?

— Когда мы дрались.

Папа посмотрел на меня недоверчиво. Затем он медленно откинулся на спинку стула.

— И на что же он был похож?

— У него было три головы.

— Что он тебе говорил?

— Что я должен с ним идти.

— Куда?

— Откуда я пришел.

Оба они замолкли. Папа закрыл глаза, искусно

раскачиваясь на стуле, затем открыл один глаз и поглядел на меня оценивающе.

— Тебе уже пора спать.

Я ничего не ответил.

— Значит, меня могли убить, а у тебя только и нашлось бы сказать людям, что ты видел духа, да?

— Нет, — ответил я.

— Иди спать.

Я стал расстилать свой мат.

— Ложись на кровать.

Я забрался на кровать. Мама убрала со стола и расстелила мат.

— Если дух позовет тебя, — сказала Мама, — никуда не иди с ним, понял? Подумай о нас. Подумай о своем отце, который каждый день страдает, чтобы накормить нас. И подумай обо мне которая вынашивала тебя в утробе больше чем девять месяцев.

— Да, подумай о нас, — добавил Папа.

Я кивнул.

— И еще, — сказал Папа сурово. — С сегодняшнего дня Мадам Кото — наш враг. Азаро, если я увижу тебя там еще раз, я выпорю тебя, посыплю перцем глаза, ты слышишь меня?

— Да, Папа.

— Она ведьма, гнусная женщина. Вот почему у нее нет детей.

— Но она беременна, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?

— Так в баре говорили.

— Замолчи. И не слушай, что говорят люди. Она что, от тебя беременна?

— Нет.

— Тогда молчи и не перебивай меня, когда я разговариваю с тобой.

— Да, Папа.

Я отвернулся от него и лег лицом к стенке чтобы не видеть его возмущенного лица. Кроме того, я боялся, что, если я буду смотреть на него, он рассердится и бросится на меня. Он что-то ворчал, а потом стал проклинать все на свете. Он ругал громил, партию, свою работу, колонизаторов, лендлорда и дождь. Он ругал Мадам Кото и вслух размышлял о том, как поджечь ее бар. На этом месте Мама задула свечу, и вскоре я услышал, как она храпит на мате. Папа продолжил ругаться в темноте.

Глава 8

Еще мгновение назад я лежал у себя в кровати и вот уже обнаружил, что бреду по ночной дороге. Я понятия не имел, как мне удалось выйти наружу. Я шел по растворяющимся улицам, среди земных зарослей буша. Воздух был полон загадок. Я шагал сквозь книги, проходил сквозь время, сквозь забытые истории народов. Я следовал за прекрасной женщиной с голубой головой. Она двигалась в ритме, задаваемом золотым свечением. Она плыла по ветру с королевской безмятежностью. Каким-то образом сросшись с Мамой, заунывно молящейся в темноте, женщина повернулась и поманила меня. Я последовал за ее улыбкой и за фугами птиц. Она провела мой дух к фонтану света и сиреневой музыки с бездонными вариациями ритмов абику. В воздухе слегка ощущались запахи смолистого дыма, ананасных и вишневых ароматов, благовоний из плодов гуавы. Я долго шел за этой женщиной, шел за мелодиями альтов в тени кипарисовых деревьев. Я слышал, как кто-то звал меня из более тяжелого мира, но тем не менее я продолжал идти. За волосами прекрасной женщины расти-

лался ландшафт со сверкающими летательными машинами, с садами, искрящимися от цветов страсти и лилий кана.

Имя мое зазвучало тяжелее. Женщина направляла меня. Ее лицо, нежное, в дымке мечтательного света, обещало экстазы тайной родины, мир нескончаемого праздника. Вдруг грубая знакомая рука коснулась моего плеча.

— Куда ты идешь, Азаро?

Это была Мама.

— Женщина сказала мне идти за ней.

— Какая женщина?

Я указал на женщину, чья улыбка вечно цвела, чьи волосы были голубые, женщину, исчезающую среди гранатовых деревьев и музыки из роз. Ее голова становилась одиноким облаком.

— Но там никого нет, — сказала Мама.

— Есть.

— Я забираю тебя домой.

Я ничего не сказал. Она подняла меня на плечи. Я все еще мог видеть голову женщины. Я все еще слышал голоса в чувственных садах, слышал, как подсолнухи выводят свои кантаты. Я видел очаровательных девочек, танцующих тарантеллу в хвостах комет. Голова женщины в последний раз повернулась ко мне, чтобы одарить улыбкой

прежде, чем она полностью растворилась в Млечном Пути музыки. Воздух превратился в туннель загадок. Я услышал последние ноты флейтового соло, плывущего по озеру зеленых зеркал. Мама несла меня домой, пробираясь по грязи нашей перекалеченной улицы, над местным всемирным потопом, под арпеджио водянистых звезд. Она не произносила ни слова. Я дышал запахами канавы и грубой штукатурки полуразрушенных домов. И все, с чем я остался, это был мир, тонувший в бедности, перламутровая луна и долгая предрассветная тьма.

КНИГА ПЯТАЯ
Глава 1

Две недели бог дождя не знал жалости. Небо слилось с водой и стало таким же неотличимым от нее, как бывает в море. Ночами вода просачивалась сквозь нашу крышу, в которой обнаружилось много дыр. Мама подставила ведра и кастрюли под капающую воду. В нашей комнате скопилось так много разных сосудов, что стало почти невозможно передвигаться. Одни стояли рядом с кроватью, другие в центре комнаты, третьи на шкафу. Нам пришлось внести в комнату веревку с одеждой и папины ботинки. Однажды ночью, когда я спал, дождь закапал мне на голову: по-видимому, он был ядовитый и проел новые дыры в цинковой крыше. Мне пришлось передвинуть маг. Иногда дождило так сильно, что сосуды переполнялись, начинали переливаться через край, и весь пол был залит водой. В первый раз, когда я почувствовал под собой мокрый мат, я подумал, что описался. Мое изумление выросло в настоящий ужас, когда я увидел, сколько я написал за эту ночь. Я тихонько

встал и попытался вытереть мочу. Проснулась Мама. Мне было стыдно. И только потом я понял, какую шутку сыграл со мной бог дождя.

Дождь лил с такой силой, что я больше не мог спать на полу и перебрался на кровать к родителям. Когда на крыше обнаружились новые дыры, мы передвинули кровать в другой угол. Мы долго не могли найти место, куда ее поставить, чтобы на нее не капало. В конце концов мы изловчились, поставив ее так, что вода капала нам только на ноги. Папа жаловался лендлорду, но тот пригрозил еще повысить ренту, если ему придется чинить крышу. Мы не могли принять его условия, поэтому у нас не было другого выбора, кроме как мокнуть всю ночь.

Иногда по утрам мы вставали и обнаруживали слизняков, червей и многоножек, ползающих по комнате. По стенам ползали улитки. В кастрюлях плавали маленькие рыбки. Папа был убежден, что враги таким образом пытаются нас отравить. Он подозревал всех соседей и строго запретил мне брать еду из чужих рук и даже играть с чужими детьми. Поэтому жили мы очень одиноко.

Дождь укорачивал дни. Почти все это время я болел. Поначалу Мама ходила торговать, накрывая полиэтиленом корзину с товарами. Но погода

все портилась, и Мама перестала выходить из дома и ничего не зарабатывала. Папа возвращался поздно вечером, весь в грязи, с безумными глазами. От его одежды сильно пахло. По всему телу у него пошли фурункулы. Его ступни стали грубыми и шершавыми. Для грузчиков это было очень тяжелое время.

Наша улица превратилась в единый большой поток. Вода затекала к нам в комнаты прямо из канав. Когда дождь усиливался, в поселке устанавливался мерзкий запах из-за того, что вода заливала отхожее место. В это время все дети чувствовали себя больными, и люди заражались странными болезнями, так что многим приходилось уезжать к себе в деревню, чтобы лечиться там травами. Те, кто сами справлялись с болезнями, строили цементные плотины, чтобы вода из отхожего места не могла попасть в дом. Остальные беспомощно сидели по комнатам и наблюдали, как поднимается уровень воды.

Все время мне было холодно. Когда Мама возвращалась после торговли, она сразу же шла мыться, потом меняла одежду, садилась на кровать, съеживалась и начинала стучать зубами. Вода методично капала, и говорить было не о чем. Звук падающих капель проникал нам в

кости, в нашу тишину и в наши сны. Лицо Папы выглядело каким-то водяным. Иногда, когда Мама возвращалась с торговли с мокрым лицом, а земляные черви всползали по ее лодыжкам, я не был даже уверен, плачет она или нет.

Я продолжал по утрам посещать школу. Мои книги с задачками промокли, чернила кончились, и меня постоянно наказывали. Наше наскоро сооруженное школьное строение, из глины и цемента, без крыши и с низкими стенами, обваливалось под дождем. Растения пышно расцветали в наших классных комнатах. Змеи вползали к нам прямо на уроки гигиены. И когда дождь усиливался, мы проводили уроки под навесами крыш соседних домов.

Однажды по пути из школы меня застал проливной дождь. Я проходил мимо бара Мадам Кото. Рядом с ним было припарковано множество автомобилей. Через занавески я смог увидеть женщин с красными губами и накрашенными лицами, мужчин в ярких одеждах. Саму Мадам Кото я не видел. Когда я шел мимо, небо прорезала вспышка. Она разорвалась прямо надо мной, и я побежал. Я помчался в сторону леса, но ветер был очень сильный. Он поднял меня вверх и бросил оземь. Я встал на ноги, ничего не понимая. В

этот момент я услышал страшный стон. И затем медленно, как во сне, начало падать дерево и свалилось на несколько других деревьев. Сломанные ветви и листья перегородили мне дорогу. Я побежал под вспышками молний. Я бежал по воде. Камешки больно врезались мне в ступни. Дождь хлестал по лицу. Чувствуя, что мои легкие больше не выдерживают этого бега, я заскочил под навес какого-то дока. И только когда я там оказался, дрожа всем телом, временно спасшийся от разгула стихии, я понял, что забежал прямо в дом старика, которого ослепил пролетавший ангел.

Старик сидел на стуле на своей веранде и повернул ко мне лицо с зелеными полурастворившимися глазами. Он курил трубку. На нем была шляпа. Увидев его, я страшно испугался. Я уже был готов убежать и еще раз сразиться с молнией, когда он сказал:

— Не уходи, мальчик.

Его голос на дожде звучал мягко и одновременно устрашающе.

— Почему не уходить? — спросил я, дрожа.

Он постучал трубкой о стул и улыбнулся мне зловещей улыбкой. Его глаза задвигались в разные стороны.

— Потому что, — сказал он, — если ты меня не послушаешь, если ты уйдешь, то утонешь в яме, и змеи заползут в твой рот.

Ветер обрызгал мне лицо.

— Иди сюда, — сказал старик.

— Зачем?

— Я хочу увидеть мир твоими глазами.

Я приготовился бежать.

— Не двигайся! — скомандовал он.

Меня как заморозило. Мои конечности онемели. Я словно пустил корни и не мог двинуться. Старик засмеялся. Его зубы были почти коричневые, и рот был похож на рану.

— ИДИ СЮДА! — снова скомандовал он.

Я не двигался. Ветер опять, как душем, окатил меня дождем. Я почувствовал, что куда-то двигаюсь. Я запротестовал. Но ветер стал еще сильнее. Слепой старик смеялся, чувствуя мою борьбу. Ветер расколол меня надвое, отделил меня от меня самого. Я почувствовал, как мое внутреннее пространство движется к старику. Или же слепой старик вплывал в меня, вторгаясь в мое сознание? Я ни в чем не был уверен.

Ветер утих. Дождь капал в тишине. Все потемнело. Я попытался прищуриться, но не смог. Словно из ночного кошмара, перед моими глазами стали

проплывать какие-то жирные зеленые сущности. Но постепенно мое зрение прояснилось. Когда я снова взглянул на мир, то, что я увидел, заставило меня закричать. Все было перевернуто вверх тормашками. Мир немного сплющился. Деревья были похожи на медленно двигавшихся гигантов. Дождь превратился в нескончаемые сумерки, а ночь в нескончаемый дождь. Вся земля была в кратерах. Она вздымалась, как монстр в беспокойном сне. Пространство было населено самыми отвратительными духами, каких мне только доводилось видеть. Из их бесчисленных ран сочился гной. Когда духи разговаривали, зеленая слюна капала из их ртов. Я закричал. Глаза мои загорелись. Но улыбка короля-мальчика, которая вдруг возникла передо мной и исчезла, охладила мое зрение. Я слышал, как ведьмы пронзительными голосами признавались в своих злодеяниях. Земляной монстр открыл зияющий рот, и оттуда выскочил большой желтый зверь с горящими рубиновыми глазами и длинными когтями. Он прыгнул прямо мне в глаза, и я отпрянул. Жестокий ветер задул в моей голове. Мои глаза снова раскалились, и я подумал, что они лопнут. Затем все накрыла тьма.

Когда я открыл глаза, то обнаружил, что все

еще стою на ногах. Дождь стекал по моему лицу. Перед собой я увидел слепого старика, который свалился со стула. Он царапал воздух кривыми пальцами. Его трубка валялась на земле, а шляпа лежала в луже. В шляпе, искрящийся на коричневом фетре, сидел большой белый кот. Это был прекрасный кот с глазами гнома. Когда я шелохнулся, кот отпрыгнул. В мгновение ока он исчез. Слепой старик закричал о помощи. Открылась дверь. Оттуда вышли две женщины. Они увидели, как старик извивается на мокрой земле, задыхаясь в спазмах, глотая воздух открытым ртом. Они увидели и меня, и между нами сразу же установилась какая-то странная связь. Они закричали, и я пустился прочь от них в ненастную стихию. Они не стали меня догонять.

Дождь больно хлестал меня по коже, но я бежал, не останавливаясь. Пока я бежал, я увидел всю будущую историю как на ладони, собранную в одно мгновение. Я увидел недостроенный дом, разрушающийся под силой дождя. И затем то, что от него осталось — железную арматуру, торчащую из мокрой земли. Все это случилось быстро, и я был убежден, что увидел этот мир глазами слепого старика.

Когда я дошел до дома, Мама стояла у дверей,

пластиковым ведерком выливая воду из комнаты. Изо всех щелей, как из открытых кранов, текла вода. Кровать была насквозь мокрая, с одежды капало. Везде стояли ведра и кастрюли.

— Помоги мне вылить тазы, — сказала Мама так, как будто я все время был здесь.

Я снял с себя школьный ранец, и, все еще мокрый, принялся выливать ведра и тазы. Потом я снова поставил их на прежние места.

— Мне холодно, — сказал я.

— Давай выливай тазы.

— Я, кажется, скоро заболею.

Она продолжала выплескивать воду из комнаты в коридор.

— Если ты не заболеешь, я дам тебе большой кусок жареной рыбы. А если ты поможешь мне вылить все тазы и потом просушить комнату, я расскажу тебе историю.

— Какую историю?

— Про дождь и бога дождя.

Я принялся с воодушевлением выливать тазы. Соседи-съемщики наблюдали за нами из окон. Дождь не подавал признаков отступления. Закончив с тазами, я взял у Мамы тряпку и помог ей вытереть пол. Ночная темнота спустилась на дождь. Сделав все, что в наших силах, мы помы-

ли руки. Мама ушла готовить обед. Я остался в комнате, и меня колотил озноб. Я слушал ветер. Я лег на кровать и укрылся мокрым одеялом. Пока я спал, я слышал, как с важностью завывает бог дождя. Когда он сверкал глазами, повсюду рассыпались резкие вспышки света. Иногда это было похоже на то, как стеклянную бутылку разбивают о черную стену.

* * *

В комнате было тепло от запаха еды. На столе горела свеча. Гигантские тени быстро двигались по стенам. Я сел прямо. Папа колотил воздух, ныряя, увиливая, изгибаясь, нападая на свою тень. Я наблюдал за ним, пока он не заметил меня. Он сказал:

— Твой отец собирается стать чемпионом мира.

— По какому виду?

— Я собираюсь стать боксером.

В интонации его слов звучало удовлетворение. Он продолжал делать выпады, вступая в схватки с воздухом, нападая, ставя защитные блоки. Дождь смягчился. Мама выглядела лучше, ее волосы были аккуратно уложены, а лицо слегка засветилось. Папа боксировал вокруг нее.

— Твой отец сходит с ума, — сказала она.

— Почему?

— Он тренируется, чтобы стать боксером.

Мы оба наблюдали, как он нападает на москитов и летающих муравьев. Он весь вспотел, и его лицо искривилось в абсурдной сосредоточенности.

— Ты сам видишь, какие мы бедные, — сказала Мама. — Чем мы будем кормить этого боксера, а?

Папа внезапно остановился, как если бы получил удар в живот. Затем он медленно растянулся на полу, притворяясь, что получил нокдаун. Мама засмеялась. Быстрая вспышка сверкнула в одном из моих глаз, словно у меня в голове находилась камера. На какое-то мгновение все застыло. Стены растворились, комната исчезла, и в относительном пространстве этого времени мы двигались в каком-то неизвестном направлении.

— Сейчас мы находимся на луне, — сказал я.

— А еда еще не готова? — спросил Папа, вставая и отряхивая свои брюки.

Мама принесла еду, и мы поели в тишине. У Папы проснулся страшный аппетит, и он съел всю скудную еду с нескрываемым наслаждением. После еды Папа зажег сигарету, пока мы с Мамой убирали со стола. Папа курил на стуле,

делая глубокие затяжки и выпуская дым долгими выдохами. Мама присела со своей корзинкой и стала считать деньги.

— Этот сезон дождей совсем нас разорит, — сказала она.

— Скоро будет великая передышка, — ответил Папа.

Затем я вспомнил, что Мама обещала рассказать мне историю. Я спросил ее об этом, и она улыбнулась, но не прекратила подсчета, используя для этого все десять пальцев. Внезапно Папа вздрогнул, его плечи задрожали. Он поспешно встал, надел ботинки и вышел.

— Что случилось? — спросил я.

— Твой Папа что-то почуял.

— Что?

— Послание, предостережение.

— Как?

— Своим телом.

Я замолк. Необъяснимый страх проник в меня. Я слышал, как мир тяжело вздыхал. Мама перестала считать деньги, отложила в сторону корзину и послала меня купить немного огогоро.

Снаружи было темно. Дождь прекратился, но сам воздух был влажный. На каждой поверхности лежал слой испарины. Весь коридор был в

лужах. Поселение притихло, как будто дождь прибил к земле все звуки. Строения находились в таком порядке, какой я никогда не замечал раньше. Все стены были мокрые, и вода капала с крыш. У входа в поселение я услышал, как вода булькает в канаве. Вокруг никого не было. Деревья покачивались в темном небе, я слышал, как дышат листья. Я задрожал и стал пересекать улицу. Сгоревший фургон, казалось, уменьшился в размерах. Осколки стекла на земле были единственным напоминанием, что когда-то существовал шкаф фотографа. Я постучал в дверь продавщицы огогоро. Прошло время, прежде чем она открыла.

— Я слушаю.

Ее серьезное лицо с длинными скарификациями испугало меня. Я попросил налить огогоро. Она взяла мою бутылку, пошла в комнату, оставив меня в промокшем коридоре. Я слышал, как за стеной разговаривала ее семья. Через какое-то время женщина вышла с таким же угрюмым лицом. В одной руке она держала кусок эба. Через открытую дверь в комнату я увидел ее семью, пятерых детей и мужа, сидящих кружком на полу, которые ели из одинаковых посудин. Она дала мне бутылку и сдачу. Я покинул этот барак,

пахнущий вяленой рыбой и мочой, и пошел к дороге. Я думал о фотографе, когда увидел, как за сгоревший фургон заходит мужчина. Сначала я подумал, что это Папа. Но когда я подошел ближе, то столкнулся с незнакомцем, который мочился на дверь фургона. От его мочи шел пар.

— На что это ты смотришь?

— Ни на что.

— Уходи отсюда, невоспитанный ребенок.

— Я не невоспитанный.

— Замолчи.

— Нет.

— Что? — закричал он.

Затем он выругался.

— Из-за тебя я написал на себя.

Я засмеялся и подался назад.

— Кто твой отец, а? — спросил он в ярости.

Я развернулся и стал уже уходить, когда услышал, что он снова ругается. Оглянувшись, я увидел, что он бежит за мной, продолжая писать. Я пустился наутек.

— Бог накажет тебя, бесполезный ребенок! — крикнул он.

— Бог накажет и тебя! — ответил я.

Он гнался за мной. Я бежал. Огогоро расплескивалось. Я заскочил в кусты буша и стал ползти

через них, пока не достиг заднего двора какого-то дома. Я все еще слышал, как человек ругается на новое поколение детей. Его пьяный голос затихал в темноте, время от времени становясь громче.

— Глупые дети, — кричал он. — Смотрят на мой отросток. Как будто у отца такого нет.

Когда его голос стал звучать довольно далеко, я выбрался из своего укрытия. Поднялся ветер и засвистел в ушах. Из темноты у меня перед носом прыгнул и зашипел кот. Я отпрянул в испуге. Кровь стекала по одной стороне лица. Затем я услышал нежные голоса, зовущие меня из глубины ночи. Я пошел к улице. Голоса переместились. Теперь они звали меня из буша рядом с фасадным окном бунгало. Мне становилось страшно, когда я слышал голоса. Ветер спал. Когда я отозвался, голоса стали распевать мое имя сложными мелодиями. Я старался заставить голоса выйти из укрытия, показать свои лица. Я думал, что это были не духи, а просто дети, издевающиеся надо мной в темноте. Мной овладела ярость, и я стал швырять в кусты деревяшки и комки мокрой бумаги. К моему удивлению, из кустов тоже начали бросать камни. Один из них попал мне в плечо. Я поставил на землю бутылку огогоро, стал подбирать камни и бросать с руганью и проклятиями.

Я так увлекся этим занятием, в ярости от того, что не попадаю в прячущихся детей, не слышу их криков, что даже не заметил, когда голоса затихли. И затем я услышал звон разбитого стекла. Я разбил чье-то окно. В комнате зажегся свет. Я услышал, как ключ поворачивается в замке. Занавески раздвинулись, и слепой старик, держа в руках лампу, злобно уставился на меня сквозь разбитое окно. В глазах старика загорелось пламя. Он закричал о помощи. И когда я понял, что это дом, где живет слепой старик, я схватил бутылку огогоро и пустился наутек.

— Где ты был? — спросила Мама.

— Нигде.

— На тебе песок. Песок и грязь. Ты пролил на себя огогоро. Им от тебя пахнет. Что это ты делал?

— Ничего.

Она встала и подошла ко мне явно не с добрыми намерениями. Ее лицо нахмурилось.

— Ты что, пил огогоро, а?

— Нет, нет, — заговорил я беспомощно.

Быстрая как ветер, она схватила меня и ударила по голове. Потом сняла с ноги тапок и шлепнула меня по спине.

— Ты еще маленький ребенок и ты уже пьешь огогоро, да?

— Нет.

— Воруешь огогоро, да?

— Нет!

— Прячешься в бушах и пьешь?

Каждый ее вопрос сопровождался ударом тапка по спине. Я вырвался и побежал к двери, открыл ее и увидел, что там стоит Папа, похожий на странника. Он не двигался. Мама надела тапок и села на кровать. Папа вошел, закрыл дверь и сказал:

— Ветер злосчастья пронесся в моей голове.

Он не сел на свой стул, а встал у окна. Затем сказал:

— Сколько еще человеку предстоит бороться?

На мгновение наступила тишина. Моя спина пела от ударов. Мне хотелось плакать, но папино настроение делало это невозможным.

— Там на столе есть немного огогоро, — сказала Мама.

С пустыми глазами, как человек, вышедший из глубокого сна и оказавшийся на незнакомой земле, Папа взял бутылку и пошел к двери. Мама надела на голову повязку. Папа сотворил возлияния предкам, отлив им полбутылки. Он молился предкам, чтобы они хранили нас от бедности, от голода и от всяческих бед. Он просил, чтобы они

его направили и дали знак, что делать дальше. Затем он разлил огогоро нам и выпил свою порцию одним глотком. Он закрыл глаза.

— Что-то странное должно произойти, — сказал он устало, — и я не знаю, что.

Папа стоял прямо с закрытыми глазами. То и дело он откидывал назад голову.

— Ветер злосчастья держит человека в бедности, — сказал он.

Мы с Мамой напряженно наблюдали за ним. Он молчал очень долго. Мама принялась за уборку. В комнате пахло дождем и огогоро. Я приготовил мат и лег, когда вдруг раздался стук в дверь. Я подумал о фотографе. Я открыл дверь и увидел мужчину, женщину и слепого старика.

— Это он! — сказал один из них.

Инстинктивно я попытался закрыть дверь, но мужчина, как клин, втиснул свою большую ногу и тем самым проложил себе путь.

— Кто это? — спросил Папа.

— Я не знаю, — сказал я, прячась за него.

Трое визитеров, похожих на привидения, вошли в комнату. На мамином лице отпечатался ужас. Старик — слепой, жующий свой рот — размахивал в воздухе посохом. Другой мужчина держал его за руку. Женщина стояла посредине

комнаты, агрессивно уперев руки в боки. Старик, по-петушиному задрав голову, осматривался во всех направлениях. Зеленая жидкость сочилась из его глаз. Он снова замахал посохом и сбил со стола нашу свечу. Мама подобрала ее и прилепила обратно на блюдце. Старик и ей заехал посохом по спине. Мама выпрямилась, и посох выпал из руки старика. Женщина подобрала его и вложила ему в судорожно сведенные пальцы. Затем она разъяренно сказала:

— Ваш сын разбил нам окно.

— Я не разбивал, — ответил я.

— Замолчи, — сказал Папа.

— Он разбил камнем окно старика.

— Вам нужно научить своего сына дисциплине, — сказал мужчина.

— Задайте ему порку, — сказала женщина.

Затем слепой старик, двинувшись вперед, пошатываясь, раскинув руки, смущенный незнакомым местом и продолжая жевать свой рот, сказал:

— Где мальчик? Приведите его сюда.

Я побежал и спрятался под кровать.

— Мы хотим, чтобы вы заплатили за разбитое окно, — сказала женщина.

— Стекло дорогое.

— Приведите его сюда, дайте мне его, — сказал слепой старик надтреснутым неестественным голосом.

— Откуда вы знаете, что именно мой сын разбил ваше окно? — спросил Папа.

— Старик видел его, — сказала женщина, меняя позу.

Наступила тишина.

— Слепой старик? — спросил Папа слегка недоверчиво.

— Да.

Снова тишина.

— Как же это он смог увидеть?

— Он видел, как ваш сын разбил окно.

— Как?

— Что это еще за вопрос?

— Я спрашиваю, как?

— Старик может видеть, когда он этого хочет.

Я украдкой выглядывал из-под кровати. Слепой старик сейчас застыл с высоко поднятой головой, его руки были как замороженные в воздухе, а глаза странно двигались. Затем, к моему ужасу, он показал на меня посохом. Все повернулись в мою сторону. Слепой старик, застигнутый жестокой лихорадкой, начал заикаться. Его рот извергал из себя жуткие звуки. Затем внезапно

он стал свободен от слепоты. Старик пошел вперед, оттолкнув мамины коленки, и споткнулся о стол, уронив свечу и погрузив комнату во тьму. Он свалился на кровать и пытался встать. Папа зажег спичку. Старик с раскинутыми руками и ужасным древним воем, доносящимся из глубин его существа, подался к Папе, как обезумевший зверь. Папа не мог не испугаться и свалился со своего стула. С жуткой решимостью старик пошел в мою сторону, широко открыв глаза, из которых по его щекам катились зеленые слезы. Затем он остановился. Папа зажег свечу. Снова завыв, старик бросился на меня. Я нырнул глубже под кровать. Он упал рядом. Мужчина и женщина тоже бросились вытаскивать меня из-под кровати. Когда старик встал на ноги, он, как загнанное животное, издал безумный крик и распростал руки. Мама закричала. Слепой старик погнался за мной по комнате. Я убегал от него, описывая круги вокруг стола. Одна мысль о том, что старик может схватить меня, приводила меня в ужас. Затем внезапно он остановился и замолк. Он застыл в неподвижности. Он был похож на человека, пытавшегося выйти из наваждения. Комната изменилась. В свете появились красные оттенки. И затем я увидел, что у старика две головы. У одной

были добрые глаза, но отвратительная властная улыбка. Другая голова была нормальной.

— Иди сюда, ты, дитя-абику. Ты — упрямый ребенок-дух. Ты думаешь, ты такой сильный, а? Но я сильнее, чем ты, — сказал старик раскатистым и молодым голосом.

— Оставьте моего сына, — сказала Мама.

Старик стоял.

— Мы заплатим вам за окно, — сказал Папа с примирением в голосе.

Две головы старика стали одной. Затем, словно очнувшись от чародейственных заклинаний, женщина сказала:

— Конечно, бы заплатите.

Мужчина вышел вперед и взял под руку старика. Женщина подала посох. Старик странно ссутулился, его плечи опустились, спина сгорбилась, шея вытянулась. Он стал безучастным и хрупким.. Его кости трещали. Он тяжело шагал и что-то бормотал себе под кос. На него сошла мрачная дряхлость, как будто сверхъестественные усилия опустошили его в одно мгновенье. Без единого слова вся троица покинула нашу комнату.

Затаив дыхание, мы смотрели, как они уходят. Когда они скрылись, Мама встала и закрыла

дверь. Затем повернулась ко мне.

— Зачем ты разбил их окно? Ты что, хочешь убить нас? Ты разве не видишь, какие мы бедные? Неужели у тебя нет никакой жалости к твоему отцу? Ты знаешь, сколько стоит стекло?

— Я не разбивал его.

— А кто же это сделал?

— Духи.

— Какие духи?

— Как могут духи разбить окно? — поинтересовался Папа.

— Я не знаю.

— Ты всегда сваливаешь все на духов, когда делаешь что-то плохое, разве не так?

— Нет.

— Ты врешь.

— Я не вру! — закричал я.

Я начал плакать.

— Ты врешь.

— Я не вру. Это были духи. Они кидались в меня камнями, и я кидался в них.

— А за что они кидались в тебя?

— Я не знаю.

— Так значит, ты пошел и разбил окно, потому что духи кидались в тебя камнями, так?

Я молчал.

— Неужели ты не понимаешь, какой ты опасный ребенок? Ты убьешь нас когда-нибудь, понимаешь ли ты это? Ты убьешь нас неприятностями, которые нам причиняешь. Смотри, что ты наделал. Из-за тебя этот слепой старик был в нашем доме. Ты знаешь, какими он обладает силами? Ты видел, как он себя вел? Если бы он схватил тебя, один Бог знает, что бы из этого вышло.

Мама, оправившись от страха, подошла ко мне и схватила за уши. Она плотно их сжала пальцами и стала крутить, и я подумал, что она может вырвать уши из моей головы. Я завыл. Мой крик, казалось, только подхлестнул ее, потому что она стала дергать, щипать и крутить мои уши еще сильнее и затем так стукнула меня по голове, что я пролетел полкомнаты и, ударившись о стенку, беспомощно растянулся на полу. Я сел, спиной прислонился к стене и посмотрел на Маму с мстительной важностью.

— Не смотри так на свою мать! — сказал Папа.

Я прикрыл глаза и молча заплакал так, что слезы стекали мне на бедра. Я оставался в таком положении, даже когда Мама задула свечу. Я сидел, прислонившись к стене, когда они пошли спать. Я не изменил своей позы, даже когда они

захрапели и стали ворочаться в кровати. Мне было безразлично, видят они мой протест или нет. Я убедил себя, что просижу в таком положении до конца света.

Затем настало утро. Я лежал на мате, прикрытый одеялом. Следы от слез затвердели на лице. Я проснулся счастливым. Только после того, как Мама дала мне хлеба и пошла торговать, я наконец вспомнил, что должен на всех злиться.

Глава 2

Был уже вечер, когда Папа пришел домой с плотником и вырезанным стеклом, и я сполна ощутил на себе его гнев. Я был в комнате. Он вошел, поставил стекло, переодел рабочую одежду и вышел. Он не сказал ни слова. Я следовал за ним на расстоянии. Он шел с плотником прямо в дом старика. Это был тот самый плотник, который ставил стойку в баре Мадам Кото.

Слепой старик сидел на веранде: у него на коленях лежал кот. а изо рта торчала трубка. На старике была та же шляпа, в которой я его видел. Папа ничего ему не сказал. Он показал плотнику на окно. Плотник взял молоток и расколотил осколки стекла, остававшиеся в оконной раме.

Этот звук испугал кота, который спрыгнул с коленей старика. Когда стекло посыпалось в комнату, женщина начала ругаться. Она принялась жаловаться и настаивать, чтобы плотник вымел осколки из комнаты. Плотник ответил, что не будет этого делать, и отложил инструменты. Подошел мужчина. Потом пришли соседи. Мужчина стал толкать плотника. К ним подошел Папа. Мужчина толкнул и Папу. Я видел, как Папа изо всех сил старается держать себя в руках. Крики и споры привлекли целую толпу. Вскоре даже Мадам Кото пришла посмотреть, что происходит, и, увидев Папу, попыталась всех урезонить, но в ответ получила от Папы град ругательств. Она исчезла, обзывая Папу и всех мужчин разом.

Споры по поводу того, кто должен подметать пол, начали утихать, и старик крикнул, что надо оставить плотника в покое, чтобы он делал свое дело.

— Вы что, хотите, чтобы в мои годы меня убили москиты! — сказал он.

Ругань тотчас прекратилась. Женщина позволила плотнику продолжать работу при условии, что осколки будут сыпаться наружу. Плотник, однако, продолжил работу только после того, как Папа утолил его гнев бутылками пива и орехами

кола. Старик закивал головой, когда плотник вставлял стекло в оконную раму. И затем, словно желая довершить удовольствие, полученное от слушанья ударов молотка, старик крикнул, чтобы ему принесли аккордеон. И пока плотник вставлял стекло и ловко прибивал гвоздики, удерживающие стекло в раме, старик играл самую ужасную музыку, какую я только слышал. Из-за этой музыки плотник промахнулся по гвоздю и заехал себе по пальцу. От музыки меня стало немного тошнить. Без сомнения, и Папа ее возненавидел. Сдвинув брови, он тяжело смотрел на старика, который играл в счастливом упоении, держа в зубах трубку. Папа отступил к дальнему концу ограды. Плотник, в желании побыстрее отделаться от звуков музыки, заработал быстрее.

Вскоре старик устал от своего аккордеона. Наконец и плотник закончил работу, и стекло заблестело в окне. Женщина пожаловалась, что стекло качается в раме, но плотник не обратил на это внимания и упаковал инструменты. Папа смел осколки в мусорное ведро и вынес весь мусор на улицу, свалив его в кузов фургона. Когда они с плотником уходили, старик сказал:

— В следующий раз, если ваш сын доставит мне неприятности, он получит урок, который

никогда не забудет.

Папа ничего не ответил. Он отправился домой вместе с плотником и по дороге купил ему еще пива. Плотник пил, счастливый. Они говорили о Мадам Кото и не говорили о политике. Я смотрел за ними из-за двери.

— Заходи к нам или иди играй! — сказал Папа.

Я вошел.

Плотник, слегка пьяный, предложил Папе починить стул.

— Нет, мне он и так нравится, — сказал Папа философски. — Он напоминает мне, что, сколько бы мы ни сидели прямо, придет день, когда мы упадем.

Плотник засмеялся, допил пиво, поторговался по поводу денег, принял их в дурном настроении к вышел.

* * *

Когда Мама, усталая, вернулась с работы, ее лицо от налета пыли в полумраке комнаты было похоже на маску. Папа внезапно вскочил с места и набросился на меня. Он вынул ремень из брюк, закрыл дверь, сорвал с моей спины рубашку и безжалостно отстегал меня. Он хлестал меня, а я, взвизгивая, кругами бегал по комнате. Он

избивал меня в полную силу мускулов своего большого яростного тела. Его удары вызывали во мне яркие вспышки боли. Каждая часть моего тела горела от ссадин. Лицо Папы выражало жестокость. Его ремень свистел, как лошадиный кнут. Я прыгал и танцевал в дьявольских конвульсиях. Он хлестал меня по спине, по ногам, по шее, по рукам. Он гонял меня, как первоклассный боксер преследует своего неопытного спарринг-партнера, с яростью и методическим прилежанием. Он все время приговаривал:

— Ты — упрямый ребенок, я — упрямый отец. Если ты хочешь идти в мир духов, иди! Но если ты хочешь остаться, будь хорошим сыном!

Я прекратил бегать по комнате, упал рядом с дверью и свернулся в клубок. Я больше не чувствовал боли. И больше я не издал ни звука. Папе были нужны доказательства, что я осознал его наказание. Но я лишил его этого удовольствия. Его ярость возросла. Спустя некоторое время, когда я больше не был уверен — продолжается ли наказание или я просто воображаю себе эту боль, Папа остановился, перевел дыхание, взял себя в руки и сел на стул. Я лежал на полу. Пришла Мама и подняла меня на кровать.

— Не давай ему еды сегодня вечером! — прогре-

мел Папа, вставая.

В тот вечер я просто наблюдал, как они едят. Позже Мама сдалась и тайком принесла мне еду, но я отказался. Папа мирно спал в ту ночь, храпя, как буйвол. На следующий день я отказался идти в школу. Я отказывался играть и отказывался есть. Я просто лежал в кровати, вырастая в своей неподвижности, полный мстительности. Таким образом я принял эту любопытную форму жизни. Я начал питаться своим голодом. Меня он отлично насыщал, и у меня проснулся недюжинный аппетит. Я ушел в себя и увидел, что меня поджидают многие миры. Я выбрал один из них и замешкался. Там не было никаких духов. Это был мир гнева и ярости. Страждущий мир голода и засухи. Долгое время я блуждал там. Порой Мама будила меня, а Папа ворчал по поводу денег, которые уходят на мою кормежку. Он напыщенно распространялся о цене на стекло, об унижениях, которые ему пришлось пережить на людях и с самим собой, о том, какой это кошмар работать так, как он, о том, как я разбил его мечты, оказавшись таким плохим сыном. Я перестал его слушать. Я ушел из мира чувств, привязанностей, симпатий. Я отказался есть и в следующий вечер. Мой рот совсем пересох. Я терял свою энергию и чувство-

вал, как становлюсь светом. Я чувствовал, как во мне растет нечеловеческий восторг. Я ощущал мир праздников, мир духов. Я видел поля музыки, фонтаны наслаждений. Моя голова наполнилась чистейшим воздухом. Мое лицо сморщилось. Глаза расширились. Я слушал музыку голода.

На третий день голодовки я стал покидать мир. Все виделось как бы издали. Силой воли я уходил от мира, готовый покинуть его навсегда, напевая песню прощания, которую только мои духи-спутники могли озвучить странной красотой своих флейт, мелодий, плывущих поверх одиноких гор. Лицо Мамы уплыло далеко-далеко. Пропасть между нами разрасталась. Лицо Папы, большое и жестокое, больше не пугало меня. Его убежденность в том, что строгость лица дает ему власть надо всем, делала его смешным. Я наказывал его тем, что уходил из мира. Я мучил их обоих, от всего сердца наслаждаясь неспетыми мелодиями духов-спутников. Мой живот, подкармливаясь едой других миров, атмосферой голода, становился все больше. Я упивался злом нашей истории. Моей пищей были страдания, которые собирались в пространстве прямо в воздухе, которым мы дышим, прямо внутри сферы, окружавшей нас. Я услышал, как плачет Мама. Я отказался

двигаться. Я глубоко утонул в изначальной равнодушной безмятежности души ребенка-духа — безмятежности, которая легко мирится с крайностями бытия, потому что ребенок-дух ощущает смерть как свой дом. Я не спал три дня. Я не ел. Мама плакала. Казалось, что она находится где-то в отдаленной части земли. Но сам я только глубже уходил в другой мир.

На четвертый день этот странный восторг в моей душе стал сопровождаться потерей памяти. Я обнаружил, что рядом со мной сидит трехголовый дух. Он никуда и не уходил. Он просто терпеливо меня поджидал. Он всегда мог расчитывать на бессознательную бессердечность людей, их безлюбость, их забвение самых основных законов бытия. Какое-то время трехголовый дух молчал. Папа сидел на стуле и чистил ботинки. Украдкой он посматривал на меня. Я ощущал бренность моих родителей, чувствовал, до какой степени реально они не обладают ни силой, ни властью. И поскольку Папа ничего мне не говорил, не пытался проникнуть ко мне, не сделал ни одного жеста в мою сторону и никак не успокоил меня, даже не попытался мне улыбнуться, я стал прислушиваться к тому, что говорит трехголовый дух.

— Твои родители обращаются с тобой, как чу-

довища, — сказал он. — Пойдем со мной. Твои спутники ждут не дождутся, когда смогут обнять тебя. Тебя ожидает изумительный праздник, когда ты вернешься домой. Все скучают по твоему милому присутствию. С тобой будут обращаться как с принцем, а ты и есть принц. Людей все это не заботит. Они не знают, как любить. Они не знают, что такое любовь. Посмотри на них. Ты умираешь, и все, что они делают, это чистят свои ботинки. Разве они любят тебя? Нет!

Я прислушался к словам духа. Они увели меня прямо в голубой коридор, тот, что лежал за страданиями плоти. На ветвях пели птицы. Деревья были золотыми. Я летел на ветре беспамятства, пока мы не подошли к просторной зеленой дороге.

— У этой дороги нет конца, — сказал трехголовый дух.

— А куда она ведет? — спросил я.

— Во все стороны. Она ведет в мир людей и в мир духов. В рай и в ад. И в такие миры, о которых даже мы ничего не знаем.

Мы пустились в путешествие по этой дороге. Все деревья вокруг нас умели передвигаться и разговаривать каждое на своем языке. В каждом дереве были отчетливо видны личность и

характер. Некоторые деревья были довольно зловещими, и уродливые ведьмы и колдуны громоздились на ветвях, рассматривая нас с особым интересом. Пока мы шли, я увидел птицу с лицом Мадам Кото. Птица трижды очертила круг над нами и полетела вдаль. Дорога уходила вниз. Чем глубже мы заходили, тем ярче становились краски этого мира. Там были такие цвета, о которых я и не подозревал, цвета столь умопомрачительные, настолько полные жизни и сияния, цвета, опровергающие все наши представления о яркости, что, казалось, они звучат, как самые высокие октавы этого мира мечты, по которому я путешествовал в состоянии бесконечного изумления. Мир постоянно изменялся. Дорога начала двигаться. Она была как река, которая текла навстречу нашему движению. Идти стало трудно. У меня заболели ноги, я почувствовал нечеловеческий голод, и с каждым шагом чувствовал, что сдаюсь. Я-то думал, что путешествие в другой мир будет легким.

— Мы разве дошли до самого конца?

— Да, — ответил дух, идя так, словно не существовало никаких расстояний.

— Но ты сказал, что у дорога нет конца.

— Это правда, — ответил дух.

— Но как это может быть правдой?

— С определенной точки зрения вселенная видится состоящей из парадоксов. Но все они разрешаются. Вот в чем состоит функция противоречия.

— Я не понимаю.

— Когда ты сможешь все увидеть со всех точек зрения, ты, может быть, начнешь что-то понимать.

— А ты можешь это?

— Нет.

Папа встал со стула и вырос надо мной. Его дыхание пронеслось, как суровый ветер, в том мире, где я странствовал. Ветер взбодрил меня, и я почувствовал себя светлым. Каждый раз, когда истощение грозило совсем меня поглотить, этот ветер словно поднимал меня в воздух. Дух не дал мне улететь и опустил на землю.

— Не улетай, — сказал дух. — Если ты улетишь, я не буду знать, где ты приземлишься. Здесь много непонятных вещей, которые могут поглотить путника. Здесь много пожирателей духов и всяких монстров из иных миров. Держись твердой земли.

Папа закашлялся, и я споткнулся о зеленый ухаб на дороге. Мы двинулись дальше и вскоре

подошли к началу оранжевой долины. Цвета долины постоянно менялись. Она становилась то синей, то серебряной, но когда я в первый раз ее увидел, она была оранжевой. Деревья с плодами в виде человеческих голов росли на дорожных склонах. Некоторые лица я узнал. Плоды эти падали, головы катились по земле, и солнце расплавляло их так, что они превращались в искрящуюся воду, которая текла к корням деревьев, и новые лица появлялись в виде прекрасных плодов на ветвях. Этот процесс падения и созревания, казалось, шел очень быстро, и я видел, как некоторые лица умирали и возрождались за несколько моих шагов.

В основном долина была населена странными существами. Вместо лиц у них были маски, которые становились все прекраснее, чем дольше я на них смотрел. Возможно, эти маски и были их лицами. По обоим склонам долины стояли дома. Под землей у существ были дворцы и культурные центры. Акрополь вместе с поразительным кладбищем висели в воздухе. В самой долине существа трудились, не покладая рук.

— Что они все делают? — спросил я.

Папа склонился ниже, его лицо приблизилось к моему. Он дотронулся до меня, и я вздрогнул.

— Они строят дорогу.

— Зачем?

Папа взял меня за руки. Я почувствовал холод и начал дрожать. Папа дышал мне прямо в лицо, и ветер кружил мне голову так, что меня стало затягивать в открытый космос, и в конце концов духу пришлось схватить меня за волосы.

— Они строят эту дорогу уже две тысячи лет.

— Но они не много построили.

— Я знаю. Они построили только два фута этой дороги.

— Но ведь они так много работают.

— Ну и что из этого?

— Кажется, что все, что они делают — это строят дорогу.

— Без сомнения.

— Но зачем они ее строят?

Папа дотронулся до моего лица, и его руки обожгли меня. Он потряс меня. Я почувствовал, как хрустнули суставы. Голова неистово заходила взад-вперед. Он пристально посмотрел мне в глаза. Некоторые обитатели долины прекратили работу и повернули свои лица-маски в нашу сторону. Папа бросил меня обратно на кровать, встал и вышел из комнаты. Люди продолжили работу.

— Потому что у них есть одна самая изумитель-

ная мечта.

— Какая мечта?

Выходя из комнаты, Папа с силой захлопнул за собой дверь, и этот резкий удар сотряс меня всего.

— Они жили вечной жизнью, эти лица на больших деревьях, но они устали от вечности. И однажды солнце расплавило их в драгоценную влагу. Они стали такими вот существами, людьми в масках. Однажды их пророк сказал им, что есть другие миры, и эти миры — там, наверху. Пророк говорил об определенных людях. Великих людях, которые не знают своего величия. Пророк назвал этот мир Раем и сказал, что они должны построить туда дорогу, чтобы можно было приходить к этим людям, а те могли бы приходить к ним. Таким образом, люди смогли бы дополнить друг друга и связать нити судьбы в нашем мироздании.

— А почему пророк назвал тот мир Раем?

— Потому что люди, о которых он говорил, были мертвецами.

— Но откуда у мертвецов могут быть пророки?

— Есть много способов быть мертвым. Кроме того, мертвец — это вовсе не то, что ты думаешь.

— Продолжай говорить то, что ты говорил.

— О чем?

— О том, почему пророк назвал тот другой мир Раем.

— Потому что те люди из долины были мертвыми. Рай бывает разным для разных людей. Они хотели жить, стать более живыми. Они хотели познать сущность боли, они хотели страдать, чувствовать, любить, ненавидеть, превозмогать ненависть, они хотели быть несовершенными, чтобы всегда иметь перед собой то, к чему стремиться, что есть красота. Они хотели познать и пережить чудо. Смерть слишком совершенна.

— Так почему же у них ушло столько времени, чтобы построить так мало?

— Многое из того, что сказал пророк, они не поняли. Он сказал, что дорога не может быть закончена.

— Почему?

— Пророк имел в виду, что в тот момент, когда строительство завершится, все они погибнут.

— Почему?

— Я полагаю, что им просто станет нечего делать, не о чем мечтать, и у них не будет потребности в будущем. Они погибнут от совершенства, от скуки. Дорога — это их душа, душа их истории. Вот почему, когда они заканчивают какой-нибудь

большой участок или же забывают слова пророка и начинают думать, что они завершили все строительство, случаются землетрясения, в них ударяют молнии, начинают извергаться невидимые вулканы, реки сходят на них и затопляют долину, ураганы разрушают их земли, а дорога скрючивается в три погибели и разрушает себя, или же сами люди становятся нетверды в духе и начинают переделывать дорогу во что-нибудь другое, или сходят с ума и начинают войны и бунты, калеча все и вся — тысячи вещей сбивают их с толку и разрушают то, что они создали, и тогда приходит новое поколение и опять начинает с развалин.

Я посмотрел на дорогу другими глазами. Она была короткая, но чудесной работы. Это была работа настоящих мастеров искусства, почти как в храме, прекрасная вне всяких определений, созданная из самых драгоценных камней мира, из бериллов и аметистов, выложенная мрамором, ослепляющая искусно выделанной бирюзой.

— Откуда здесь такая красота?

— Потому что каждое новое поколение начинает с нуля, но вместе с тем новым поколениям достается все бывшее. Они знают все предыдущие ошибки. Они, может быть, и не знают того,

что знают, но они делают все с этим знанием. Они знают планы своих предшественников, изначальные намерения, самые первые мечты. Каждое новое поколение должно восстановить для себя изначальный проект. Люди становятся мудрее, но не намного. Возможно, сейчас они стали продвигаться еще медленнее и могут наделать серьезных ошибок. Вот такие они люди. У них есть неопределенные мечты, но они втянуты в вечность борьбы. Ничто не может разрушить людей, кроме них самих, и они никогда не закончат эту дорогу, которая есть их душа, и они не знают об этом.

— Так почему же ты им не расскажешь?

— Потому что на них лежит великое проклятие забвения. Они глухи к тому, что должны знать лучше всего на свете.

— А можно, я им скажу?

Дух сурово посмотрел на меня. Мы уходили в долину все глубже и глубже. Когда мы дошли до самой низины, цвет снова превратился из оранжевого в темно-красный. Солнце стадо синим. На небе виднелись созвездия, и каждая звезда, яркая и пульсирующая, имела свой оттенок. Красноту всему придавал свет. Эта краснота начала раздражать меня, но затем она превратилась, к моему

величайшему изумлению, в восхитительный золотой оттенок, пронизываемый мерцанием багровых огней. Долина была изумительным местом. Мы оказались среди ее обитателей, строивших дорогу. Пока они работали, стуча инструментами по земле, по металлу, шлифуя драгоценные материалы, из которых они делали дорогу, отовсюду исходила прекрасная музыка. Музыка творилась ударами их инструментов, она шла от самой их работы. Идя среди обитателей золотой долины, я испытал редкое чувство безмятежности. Люди ничего не говорили, и им не надо было ничего говорить. Свет исходил из их глазниц. Этот свет был мне понятен. Люди собрались вокруг нас и повели в свои дома. С нами обращались как с почетными гостями, как с людьми, приход которых был предсказан оракулом. Нам дали еду, к которой дух приказал мне не притрагиваться, но которую все его три головы ели с великим наслаждением, в то время как я стал еще больше мучиться от голода. Мой живот забеспокоил наших хозяев. Они решили устроить в нашу честь большое празднество на несколько дней. Они совершенно неправильно истолковали пророчество, имея в виду наше прибытие, словно мы и были теми, кого они ждали, и когда

празднество подходило к концу, в комнату вошла Мама и начала плакать. Вошел Папа и закричал на меня, и его ярость стала громом, ливнями и ураганами. Теперь люди начали смотреть на нас как на дурное знамение и на причину несчастий. Они были так разочарованы, что решили принести нас в жертву на алтаре из золота во имя тех самых почитаемых пророков, которых они всегда неправильно истолковывали.

— Нам пора уходить, — сказал дух.

Мама плакала надо мной, взывая ко мне простыми словами любви, и меня это немного тронуло. Дождь пошел с такой силой, что затопил дома в долине. Река, бешено забурлив в предвкушении новых разрушений, ринулась по земле, разворотила дома, повалила деревья и разрушила участки только что отстроенной дороги. Дух схватил меня и повел через развалины. Акрополь превратился в руины. Время внезапно ускорилось на этой земле, и на развалинах буйно зацвели гелиотропы, ирисы, вьюны и лилии. Город стал пахнуть мертвой землей. Люди были в глубокой скорби, но не по семьям и детям, погибшим во время наводнения, а по разрушенной дороге. Их плач доносился отовсюду. Солнце на этот раз приобрело цвет чистой белизны. Небо

было черное. Звезды были пьяны излучением своих неописуемых цветов. Дорога, строившаяся две тысячи лет, лежала в развалинах, люди проклинали свою судьбу, некоторые из них, окончательно сбившись с пути, кончали жизнь самоубийством, и их тела сжигали у корней зловещих деревьев. Воины принялись искать нас, наивно полагая, что только наши смерти смогут оживить власть их древней мечты, вернуть величие их пути. Когда дух вел нас через тайные туннели в водной стихии, снова вверх на землю, нас атаковала группа воинов. Они кидали в нас камни, стреляли стрелами и палили из ружей. Мы спасались бегством. Меня ранило в живот. Рана подкармливала кровью мой голод. Я крикнул воинам:

— За что вы на нас нападаете? Это же не наша вина…

— Замолчи! — сказал дух.

Я не слушал его.

— …ваша дорога все равно никогда не будет закончена! — крикнул я.

Едва только я сказал эти слова, тут же утонувшие в общем шуме и плаче, как вдруг прогремел устрашающий раскат грома.

— Ты дурак! — сказал дух.

— Почему?

Гром снова разразился над нашими головами, молния пронзила землю, и прямо перед нами разверзлась чудовищная расселина. На другой стороне расселины продолжалась наша дорога. Расселина была самым низким местом на нашем пути.

— Потому что, — сказал дух. — ты вызвал гнев у их бога.

— Как?

— Бог не хочет, чтобы они поняли то, что говорил пророк.

— Так почему же он позволил пророку сказать это?

— Потому что это правда.

— Ты имеешь в виду, что их бог не хочет, чтобы они знали правду?

— И да, и нет. Они будут знать то, что им нужно знать, тогда, когда им нужно будет это узнать. Только боги знают правду. Только все боги, ставшие одним Богом, могут знать всю правду. Люди сами должны стать богами, но пока они не готовы к этому и еще не будут готовы многие тысячелетия. Кроме того, не очень-то хорошо иметь множество богов в одном мироздании. И поэтому люди знают лишь то, что им нужно.

Когда им понадобится знать больше, они будут искать и найдут. А ты как думаешь — хорошо ли знать все, когда находишься только в самом начале строительства великой дороги?

— Нет.

Дух промолчал.

— Я не думаю, что они меня услышали. Вокруг было столько шума.

— Об этом не беспокойся. Люди глухи к правде. Ты рассердил только их бога. Наш путь становится чуть более опасным, вот и все.

Теперь настала моя очередь промолчать. Все дома вокруг нас разрушались сами собой. Дорога завывала. Земля сотрясалась в агонии своих дурных снов. Люди были лишены воли. Чудо-цветы в один миг распускались на развалинах. Из крови мертвых вырастали серебряные деревья. Ярко-красные герани, словно внезапные вспышки, усеяли золотые склоны долины. Розы зацветали прямо в воздухе. В акрополе пахло смертью и красотой, ароматом красоты, подчинившим себе разложение. Плачущие жители так и не заметили всех перемен, свершившихся под алкогольными парами воздуха.

— Как мы сможем перебраться через расселину?

— Это твоя вина.

— Извини меня.

— Нам придется перейти ее. Твои спутники отчаянно ждут твоего прибытия.

— Но как мы ее перейдем?

Дух ничего не ответил. Где-то в отдалении гремел гром. Свет снова изменился, золотой оттенок все углублялся, пока не стал чем-то вроде излучающей черноты.

— Мне придется привязать тебя к спине, потому что я не уверен в тебе.

— Почему ты во мне сомневаешься?

— Я все еще не уверен, хочешь ли ты вернуться к своим спутникам.

Прежде чем я запротестовал, дух поймал меня, прижал к земле своим весом, равным горе, и привязал серебряными шнурками. В тот же момент Мама вошла в комнату, склонила свое лицо над моим и крепко обняла. Дух привязал меня к спине.

— В любом случае ты стал таким светлым, что у нас не будет проблем с полетом.

Мама говорила со мной в вечерний час багровеющего золота. Ее объятия становились все крепче. Дух стоял, балансируя над расселиной.

— Ты готов?

— Нет, — ответил я.

Мама прижала ко мне теплое лицо и подняла меня вверх. Дух прыгнул в расселину. Серебряный шнурок крепко привязывал меня за пояс, но руки и ноги были у меня свободны. Сильный ветер пронесся в моей голове. Голод увлек меня в пустой коридор. Что-то внутри меня расширилось от ужаса. Дух продолжал свой полет, воюя с белым ветром, стремясь все ниже и ниже в расселину. На дне этой пропасти была ужасающая белизна. Я закричал. Белизна стала той силой, которая, казалось, тянет нас вниз. Внезапно я перестал видеть. Вместе с ветром в нас полетели камни. Пропасть была полна мерцающих ужасов, монстров, гомункулов, черного сияния, белых криков и всяких шумов-заклинаний, которые все время переговаривались с грозным голосом ветра. С величайшим усилием дух поднялся в розовое небо. Мама подняла меня и понесла на кровать. На какое-то время она воспарила со мной в воздух, говоря мне слова любви голосом неба. Дух сказал:

— Не бойся.

Я больше не боялся. Голос Мамы был в моей душе. Дух парил над зеленой дорогой, и, когда мы приземлились, я услышал позади нас страш-

ный раскат грома, как будто бог хлопнул в свои гигантские ладони. Мама нежно уложила меня на кровать. Серебряные шнурки, привязывавшие меня к духу, ослабли. Потом они и вовсе исчезли. Когда я встал и обернулся назад, то увидел, что пропасти не стало и золотая долина тоже исчезла.

— Теперь она появится где-нибудь в другом месте, — сказал дух.

Дух поспешил вперед, и я с неохотой за ним последовал. Дорога тянулась вверх. Деревьев вокруг не было. Я услышал, как шепчутся реки.

— Там, на самом верху дороги, встречаются все реки этого мира, — пояснил дух.

— И что там бывает?

Мама коснулась моего лица. Ее пальцы пахли розмарином.

— Когда мы придем туда, я все тебе расскажу.

Мама вышла из комнаты, и я стал еще светлее. Но подъем по долгой дороге сказался нелегким.

— Я голодный.

— Ничего не ешь, — сказал дух. Сам он брал еду из воздуха и блаженно ее поедал. — Если ты что-нибудь съешь, ты никуда не дойдешь и потеряешь способность вернуться. Ты застрянешь здесь, в этих мрачных мирах.

Мы шли по дороге очень долго. Я сильно устал, но дух не давал мне роздыха. Мы подошли к болоту, кишащему крокодилами и змеями. Болото булькало. Желтые пузыри лопались на его поверхности. И затем на другом берегу возникла птица с лицом Мадам Кото. Змея подползла к птице. Раздался внезапный звук, и птица взлетела. К моему ужасу, из болота высунулась желтая рука, взлетела в воздух и с леденящей аккуратностью схватила птицу. Затем рука стала медленно исчезать вместе с птицей в болоте.

Дальше я увидел ящерицу с лицом слепого старика. Она играла на аккордеоне, сидя у дорожной канавы. Я погнался за ней.

— Вернись! — приказал дух.

Я пропустил его слова мимо ушей и продолжал преследовать ящерицу, которая удрала в аквамариновый подлесок. Я стал продираться и догнал ящерицу. Я наступил ей на хвост, и хвост остался на земле. Ящерица, пораженная, на мгновение остановилась. Затем я швырнул ей в голову камень, но ящерица увильнула, бросив свой крохотный аккордеон, — который я вдребезги разбил камнем, — издав музыку ярости. Я все еще судорожно искал ящерицу, в надежде окончательно ее прибить, потому что был уверен, что

это отразится на слепом старике, когда подошел дух и оттащил меня.

Мы продолжили подъем по дороге. Вскоре ее зеленая поверхность уступила место зеленым камням и скалам. Они были острые, и каждый шаг причинял боль. Затем камни и скалы превратились в луг, усеянный осколками яркого зеленого стекла, которые врезались в ноги. У меня шла кровь все время нашего пути вверх по дороге. Позади на зеленом оставались красные следы, кровь испарялась, и ее пары окрашивали воздух.

— Тебе нужно избавиться от крови, прежде чем ты туда прибудешь, — сказал дух.

Когда я подумал, что не могу больше выносить боль и голод, когда по обочинам дороги стали попадаться высохшие трупы, детские скелеты, черепа, ритмично выстукивавшие зубами стихи, дорога превратилась в зеленый поток. Он был из густых дикорастущих трав. Мы взошли на этот травяной ковер.

— Скоро мы достигнем великой реки, — сказал дух. — Будь осторожен. Когда мы пересечем реку, обратного пути уже не будет. Твои спутники, весь мир духов и богиня духов речных устроят замечательный банкет в твою честь, потому что

ты их чудесный друг.

Мы двигались дальше. Я плелся позади, в животе у меня сосало, ступни болели, и кровь больше была не красной, но синей, как чернила. Она расписывала мою историю по спутанным травам. Дух шагал впереди, время от времени оборачиваясь посмотреть, следую ли я за ним. Затем зеленый поток превратился в плато из шелка, или же это был туман, или просто облака? Вокруг себя я слышал плач. Вскоре дух крикнул:

— Смотри! Я вижу берег реки!

Меня не затронул его восторг. Мы приблизились к берегу реки. Она была такой ровной и гладкой, что было сложно представить, что она состоит из воды. Она напоминала пустоту, ничто, воздух. Рядом с берегом было причалено каноэ. Рядом с каноэ стояла фигура в черном капюшоне. Я понял, что это перевозчик мертвых.

Когда мы подошли к самому берегу, я не увидел никакой живности. Ни дуновения не проносилось над рекой. Не было ни тумана, ни брызг, и ничто не колыхалось на ее ослепительной поверхности. Не раздавалось никаких звуков, и нельзя было услышать даже нежнейшего шепота ряби на воде. Когда мы приблизились к каноэ, фигура поднялась. На поверхности воды, пугающей

и неподвижной, напоминающей расплавленное серебро, множились отражения фигуры. Только тогда, когда я как следует пригляделся к реке, я понял, что она представляет собой большое спокойное зеркало. Каноэ стояло в дымке света, не беспокоя зеркальную гладь. В свете другого мира, собирающегося на мерцающей поверхности, я становился прозрачным, свет вычеркивал меня из реальности, превращал в призрака. На какое-то мгновение мои глаза, залитые светом и серебром, перестали видеть. И затем Папа вернулся обратно в комнату с луной в глазах.

Он вознесся надо мной как башня.

— Сын мой, — сказал он мягко, — сегодня ночью я выпил луну. В моей голове проносится чудесный ветер. Звезды играют на флейте. Воздух сладок от музыки невидимых гениев. Любовь кричит в моей плоти и поет странные песни. Дождь сыплет цветами, и их ароматы заставляют меня дрожать, словно я становлюсь, наконец, настоящим мужчиной. Я вижу в нашем будущем великое счастье. Я вижу радость. Я вижу, как ты выходишь из солнца. Я вижу золото в твоих глазах. Твое тело блестит пылью драгоценных камней. Я вижу твою мать, ставшую самой прекрасной женщиной в мире.

Затем он затих.

Я хотел, чтобы он продолжал говорить. В его словах для меня были вода и еда, и новое дыхание. Но он молчал, и его тихое дыхание не поднимало ни малейшего ветерка над поверхностью великого зеркала.

И затем, к моему величайшему изумлению, Папа встал на колени у моей кровати. Он положил голову на подушку, и запах алкоголя исходил из его тихого дыхания. Когда он отвел луну своих глаз от меня, словно ему было стыдно открывать то, что его освободило, фигура у каноэ повернулась к нам и сняла свой плащ с черным капюшоном. Перед нами в черном свете стояла молодая обнаженная женщина с лицом старухи. Ее глаза были тверже и сверкали ярче, чем алмазы.

— Где перевозчик? — спросил властно дух.

Его голос покатился по зеркальному горизонту, с каждым эхом становясь острее. Женщина не отозвалась. Она сделала шаг навстречу нам, и впервые я заметил, что вместо ног у нее львиные лапы. Ее глаза были как у тигра. Дух прошел вперед, устремившись к каноэ, стараясь отодвинуть ее с пути. От их соприкосновения вспыхнула молния. Свет был такой ослепительный, что на

какое-то время я видел только две луны, вращающиеся в стакане чистого алкоголя.

Папа говорил:

— Я вижу, как мы танцуем на чудесном пляже. Русалка поет нам из воды. Я вижу, как дни наших несчастий становятся светлыми. Сын мой, мой единственный сын, твоя мать никогда не перестанет быть молодой женщиной, полной надежд, а я молодым человеком. Мы бедные. У нас нечего дать тебе, кроме нашей любви. Ты вышел из самых глубин нашей радости. Мы молились за тебя. Мы хотели тебя. И когда ты родился, у тебя на лице была эта таинственная улыбка. Шли годы, и мы видели, как улыбка таяла, но ее таинственность оставалась. Думаешь ли ты о нас? Каждый раз, когда моя голова разрывается от работы в гараже, мою душу переполняют добрые мечты о тебе. В этой жизни ты видел, какой сладкой может стать даже печаль. Наша жизнь получилась музыкой печали. Так как же ты можешь прийти и потом просто так уйти? Ты разве не знаешь наших несчастий? Знаешь ли ты, что мы не сможем перенести твой уход? Говорят, что ты — ребенок-абику, что ты равнодушен к своим родителям, что ты холодный, что глаза твои созданы только для того особого духа прекрасной молодой девуш-

ки с золотыми браслетами на руках и медными браслетами на ногах. Но я им не верю. Ты плакал по нам и слезами оросил древо любви. Мы страдали ради тебя. Страдание — это наш дом. Не мы придумали эту странную кровать, на которой мы должны спать. Но этот мир реальный. Я проливал в нем кровь. И ты тоже. Твоя мать пролила крови больше, чем мы с тобой. Здесь есть прекрасные молодые девушки с мягкими нежными голосами и глазами, которые Бог наполнил лунным светом. Должен ли я петь тебе всю ночь, семь дней подряд, и принести в жертву двух белых куриц и две восхитительные бутылки огогоро, чтобы ты меня услышал? И даже сейчас твоя мать бродит в ночи, обращаясь к ветру, к дороге и к ангелам, она ищет, как обратиться к тебе. Неужели эта жизнь тебя совсем не трогает? Когда ты играешь на улице и видишь, как умирают дети, слышишь, как плачут матери и как старые люди поют о каждом чудесном рождении, неужели это не трогает твое сердце? Здесь царствует печаль. Но у нас есть и праздники. Мы знаем особые радости. Мы знаем печаль, но печаль — это сестра любви и матерь музыки. Я видел, как ты танцевал, сын мой. И если ты не будешь слушать мою песню, я не стану больше петь.

Он снова замолчал.

Я попытался пошевелиться, показать ему, что я его слышал, что слезы закипают в моей душе, но он сделал резкое движение, которое испугало меня. Я услышал впереди громкий голос. Но никого не увидел, кроме духа, который, пригибаясь, крался, воинственно покачиваясь с оружием в руках, к женщине. Многочисленные отражения духа и женщины схватились друг с другом. Дух ударил женщину, и вокруг меня зазвенела сталь. Дух нападал на женщину, пока золотая кровь не потекла из ее ран. Она стекала и превращалась в ослепительный щит. Затем женщина вытащила из тела нож и помахала им в воздухе. Неожиданно я увидел, как дух и женщина оба зеркально отразились в вечности. Они были повсюду, и каждое отражение было реально. И затем, словно через оконное стекло в ночи, передо мной медленно стало появляться лицо Папы. Он наблюдал за мной спокойными глазами, в то время как дух продолжал нападать на женщину. Они сражались на реке из стекла, на каноэ, они сражались в небе. И Папа мягко говорил мне на ухо, словно я был цветком.

— Мы — это чудеса, которые Бог создал для того, чтобы попробовать горькие плоды времени.

Мы — это драгоценности, и придет время, когда наши страдания обратятся в чудеса земли. Небо — не наш враг. То, что жжет меня сейчас, обратится в золото, и тогда я буду счастлив. Разве ты не понимаешь таинство нашей боли? Мы выносим бедность, а значит, способны петь и сладко мечтать, и мы никогда не проклинаем воздух, когда он теплый, или плоды, когда у них хороший вкус, или свет, мягко танцующий на воде. Мы благословляем все даже в нашей боли. Мы благословляем все в тишине. Вот почему наша музыка такая сладкая. Она всегда остается в воздухе. Таковы, мой сын, эти скрытые чудеса, которые всегда трудятся, и только время сможет преподнести их нам как на ладони. Я тоже слышал, как поют мертвецы. Они поведали мне, что эта жизнь хороша. Они поведали, что нужно жить по-доброму, с огнем в душе и всегда с надеждой, сын мой. Чудо есть, и есть чему удивляться, а особенно тому, чего ты не можешь увидеть. Океан полон песен. Небо не наш враг. Судьба наш друг.

Встав на колени у кровати, он пел изумительные мелодии. Он рассказал в песнях истории о наших предках, которые покинули родные земли и поселились в странных местах; о дедушке, который семь дней воевал с духом леса и потом

был избран Священником Храма Дорог; о богах, которые разделили мироздание на землю духов, землю людей и чистые миры небесных созданий, в каждом из которых отвели особое пристанище для храбрецов.

Затем он перестал говорить. Свет изменился. Время искривилось. У меня прямо перед лицом полетели искры от ударов ножей. Папа держал нож надо мной. Я услышал крик белой птицы. Женщина, размахивая оружием, золотым в зеркальных отражениях, сделала выпад и отрубила одну голову духа. Дух издал ужасный крик, совсем человеческий. Женщина отсекла его вторую голову. На меня начали падать перья. Кровь духа брызнула мне в лицо и на мгновение ослепила. И когда зрение вернулось ко мне, я увидел над собой Папу с белой курицей в одной руке и остро заточенным ножом в другой. Мама стояла, прислонившись спиной к окну, в окружении девяти голубых свеч и каури, разложенных сложным узором. Папа крепко держал курицу за шею и лапы. Кровь стекала по его рукам. В комнате была еще одна фигура, чья тень расширяла пространство, наполняя комнату ароматами диких деревенских святилищ. С торжественностью каменнолицых священников этот человек танцевал по комнате,

помахивая гигантским веером из перьев орла, грозя отправить саму комнату в полет. Его кружащийся танец, пылкий и безумный, красные амулеты и каури, позвякивающие вокруг его шеи, стали пыткой для дважды обезглавленного духа.

Нож старой женщины с лапами львицы стал красно-золотого цвета. Одна из голов духа покатилась в зеркальную реку, и глаза на голове уставились в вечность отражений в мучительном изумлении.

Дух, вертясь во все стороны, завывая и кружась в смятении, бросился к каноэ. Оттолкнул его и поплыл по зеркальной реке, гребя по направлению к свету. Женщина бросилась за ним вдогонку, шагая по серебру с поднятым ножом. Папин нож, сверкая в отражениях, занесся надо мной, словно я был священной жертвой своего же рождения. Я закричал. Нож в папиной руке резко опустился, дважды разрезав воздух. Травник издал пронзительный крик. В тот же момент старая женщина настигла духа и взмахнула над ним могучим ножом. Папа разрезал горло курицы. Женщина отсекла последнюю голову духа. Дух беспомощно забился в каноэ, в то время как курица задергалась в конвульсиях. Травник затих. Голова духа, катясь по серебру, увидела себя отделенной

от тела и так сильно закричала от ужаса, что поверхность реки треснула. Зеркала вдребезги разбились. Стало темно. Осколки и отражения запрыгали в моих глазах.

Глава 3

Мама сидела рядом, поглаживая мне веки. На стуле сидел Папа, лоб его избороздили морщины, а подбородок покрыла густая щетина. Полная бутылка виски стояла на столе. В воздухе плавали ароматы роскошных кушаний. Я широко открыл глаза и спросил:

— Где дорога?

Ко мне тут же подскочил Папа и пальцами растопырил мне глаза. Мама влила в них черную жидкость. Жидкость начинала жечь, когда я закрывал глаза, поэтому мне приходилось держать их широко открытыми. Травник ушел, но его тень и несколько орлиных перьев остались. Мама заставила меня выпить настой из горьких трав. Папа сделал надрезы бритвой на моей груди, на плечах и на лбу и приложил к ним жгучее лекарство. Я закричал, требуя еды. Никто не обратил на меня внимания. Я попытался вернуться в свое путешествие, но не смог закрыть глаза.

Мама поила меня водой, апельсиновым соком и кормила кашей. Папа, оставаясь в тени травника, выглядел так, словно он не спал всю жизнь. Мама была такая истощенная и худая, такая красивая в своей печали, излучавшая свет от радости видеть меня живым, что я заплакал по ним обоим. Папа запел песню. Мама поглаживала мне виски. Я не ел две недели. Доктора уже объявили меня мертвым. Но по-настоящему я так и не смог покинуть мир живущих.

Глава 4

Меня подкармливали постепенно — с каши они перешли на более основательную пищу. Мама вложила всю свою любовь, чтобы приготовить мне самые восхитительные лакомства. Я не мог понять, откуда у них взялись деньги на изысканные супы из козлиного мяса и рыбы, перечный суп со свежим ямсом, овощные блюда, жаркое с ароматными перцами и ярко-красными омарами. Я стал почти тенью, очень похудел и был еще слишком слаб, чтобы передвигаться. Ходить было очень больно, ступни ныли, в глазах была резь. Каждую ночь от жидкости, которую закапывали мне в глаза, я спал очень поверхностно. Я

спал с открытыми глазами, как кролик, когда ему нужно одурачить врагов. Папа бодрствовал возле меня каждую ночь, иногда его сменяла Мама. Свечи горели до самого рассвета.

Родители еще раз вызывали травника. Он исполнил ритуал и смотрел на меня с глубокой подозрительностью. Он сказал Папе и Маме, чтобы они были добрыми ко мне, не кричали, не били, не наказывали, не ссорились между собой, а также намекнул, что необходима еще одна церемония, которая разорвет мою связь с миром духов. Также он что-то сказал о важности поисков моих знаков, связывающих меня с миром духов, которые, по его убеждению, я прячу в тайных местах. Он говорил с родителями ночью, когда все думали, что я сплю. Я сразу же стал считать травника своим врагом. Он взял свой непомерный гонорар и, когда уходил, забрал с собой свою трепещущую тень.

Таким образом, долгое время родители разговаривали со мной нежно и обращались мягко, словно я только что родился. Когда я ел отборные кушанья, приготовленные Мамой, родители сидели напротив и смотрели на меня, улыбаясь. Мамины глаза стали яркими от радости и, что любопытно, от гордости. Папа наблюдал за мной,

словно я был неким редким удивительным зверьком. Они умоляли меня есть больше, чем я хотел. Они покупали мне слабоалкогольные напитки, и Папа разделял со мной свое виски. И если у них встречались трудности, чтобы заработать деньги, если Папа страдал от унижений, таская тяжести, или ему приходилось зажимать себя в кулак, когда он просил деньги взаймы, если Мама уставала ходить по всему городу, расхваливая свои товары на запыленных улицах, они ничем не показывали своих страданий. В какой-то мере мое возвращение оказало большое влияние на всю нашу жизнь. Я чувствовал себя плохо, когда понимал, что умножаю их страдания, поэтому старался угодить им, бегал по их поручениям, мыл посуду, оставался дома, исправно посещал школу. Но они еще больше старались угодить мне и обижались, когда я брался за работу. В течение этого времени Папа подметал комнату, носил воду из колодца, всегда возвращался с работы в приподнятом настроении, был добр и нежен в отношениях с Мамой, часто ее обнимал и, садясь на свой стул, закуривал и пел звучные старинные песни предков.

Казалось, что в нашу жизнь пришел рассвет, все окрасилось новыми цветами счастья, и в этой

теплоте отношений наши бедствия превращались во что-то чудесное и осязаемое, как райские плоды. Этот мир был внове для меня, и все казалось заново родившимся. Это были первые дни творения. Я не мог надивиться на пауков, плетущих паутину, на тараканов. Я не мог остановиться, смотря на лица людей и заглядывая им в глаза. Тот факт, что человеческие существа говорят, смеются, плачут, потеют, поют песни без каких-либо особых видимых на то причин, тот факт, что они живы в своих телах и содержат такую необъяснимую вещь, как жизнь в своей плоти, казался мне невероятным. Я наблюдал за детьми, широко открыв рот. Я не мог понять, как мы можем смотреть из наших глаз, из глубины наших внутренних миров на людей, а люди, смотря на нас, не могут проникнуть через наши глаза в наши внутренние миры и достичь наших мыслей. Как прозрачны наши чувства, но и как они недоступны: вот что поражало меня. Даже сама ходьба, то, что человеческие существа передвигаются на двух ногах, не падая, удивляло меня. С глазами, широко открытыми от страха уснуть и больше здесь не проснуться, я смотрел на мир, пытаясь увидеть все, что в нем есть, чтобы вобрать в себя увиденное. Я обнимал тревожную

мистерию реальности и становился сильнее.

Все было мне в диковинку. Все словно однажды ушло от меня, а теперь заново родилось и уже навеки. Даже соседи, которые точили на нас зуб, однажды вечером пришли нас навестить. Они принесли с собой сладости, напитки и отрезы новых тканей. Они привели с собой детей, чтобы те поиграли со мной. Они пили и оживленно разговаривали с Мамой и Папой, как будто между нами никогда не было вражды. Все лица были мне отдаленно знакомы. Я чувствовал себя так, словно я долго отсутствовал здесь. За это время имена этих людей стерлись из моей памяти, и теперь я произносил про себя их клички и обычные имена снова и снова, как будто в первый раз. Я играл с детьми медленно и размеренно, нежно к ним прикасаясь.

Наши соседи тепло со мной говорили. Когда они говорили, я наблюдал за их лицами. Мое сердце поднималось за них за всех. Словно странник, я видел страдание на их лицах, годы бедствий и подозрительности, болезненную чувствительность к малейшему неуважению, неуемный пыл ответных реакций, энергию их аппетитов, их беспредельный энтузиазм и неугасимые надежды. Их непоколебимые лица, на которые время

надело плотную маску, казались мне очень хрупкими. Им отовсюду грозили опасности. Годы переживаний превратили их глаза в инструменты, смотрящие в мир с особой зоркостью, в которой не было прощения; часто они смотрели на мир даже с корыстью. Тем не менее, оставив свои лишения впереди себя и голод позади себя, они пришли к нам с визитом, поздравляя нашу семью с тем, что я вернулся из мира мертвых.

Глава 5

Папа купил напитки. Мама сервировала стол. Все говорили приглушенно, словно в присутствии покойника. От гостей я узнал многое из того, что случилось в поселении, пока я отсутствовал.

В сезоне дождей, наконец, выдался перерыв. Многие дома затопило, и целым семьям пришлось перебираться жить в другие места. Улицы стали водными потоками. Кладбища настолько пропитались водой, что гробы всплывали, и люди видели, как они проплывали рядом с домами, а один из гробов даже причалил у забора одного местного политика. Электрические провода порвало силой ветра и дождя, то есть, как добавил

один человек, силами, отрицающими прогресс. В некоторых колодцах завелись рыбы. Змея проскользнула в один из домов и убила женщину. Люди сказали, что она была послана врагами. Я слышал истории о политиках, ставших членами тайных обществ, пытавшихся остановить дождь, чтобы смог состояться большой съезд, который им все равно пришлось отсрочить. Я услышал, что Мадам Кото вступила в тайное общество. Также я узнал, что в один из дней она поскользнулась на грязной дороге, сильно ушиблась, и ее пришлось нести к влиятельному травнику. Так разговор и перескакивал, от самых заурядных происшествий до самых значительных, от истории о человеке, который бредил под проливным дождем, клянясь, что он видел красных орлов с цветами в клювах, до истории о женщине, о которой говорили, что она снесла большое белое яйцо.

Гости говорили о странных вещах и предзнаменованиях, о слепом старике, который однажды ночью проснулся с криком, что гигантская ящерица преследует его и что она разбила его аккордеон. Они говорили о том, что предсказывает движение гигантских созвездий. Одна звезда уже упала в Атлантический океан. Другая звезда

зажглась прямо над нашим районом. Ночью люди видели птиц из золота. Женщины слышали сладкие песни в темноте, эти песни сами шли по пустым улицам. Люди во сне видели ожившие статуи, приносившие дары в наш район; они видели во сне птиц и бабочек, животных-гибридов, антилоп с ожерельями из драгоценностей, нищенок, которые были принцессами, дождь из золотой пыли, землю, гниющую от изобилия, когда голодало большинство людей, рог изобилия длиною в две декады, за которым следовала тьма, чудеса на голодных дорогах, мудрого человека, который возник из ниоткуда, чтобы править и избавить землю от страданий. Они даже говорили о широко распространенных слухах, подтверждаемых на двух континентах, об одном из наших самых важных политиков, который высадился на луне. Слушая гостей, я преисполнился абсолютного благоговения к нашему миру. Жизнь ударила меня, как молния. Когда гости ушли, моя голова чуть не взорвалась от тех событий, о которых они поведали нам приглушенными голосами. Светящаяся аура окружила Маму и Папу той ночью. От них исходило почти радужное излучение. Я был очень утомлен, но не чувствовал покоя. Я хотел снова увидеть мир. Мама запела. Папа сказал:

— Рождение приносит славу.

Той ночью я спал на кровати. Мама и Папа спали на мате. Позже я услышал как они двигаются и шепчутся, двигаются и трясутся словно спеша наполнить этот мир славой.

СЕКЦИЯ ВТОРАЯ

КНИГА ШЕСТАЯ
Глава 1

Я стал сильнее и уже отваживался выходить на улицу. Меня осенило, что чем дольше я буду оставаться живым, тем большей свободы я смогу достигнуть. Когда я выходил играть, казалось, в этом мире что-то менялось. Кусты буша и странные растения повсюду начинали дико разрастаться. Дождь пробивал дыры в земле. Улицы становились непроходимыми из-за грязи. Сваленные деревья лежали на дорогах и тропинках. Электрические провода болтались в воздухе. Я пытался бродить, но вода пресекала мои попытки. Дождь уменьшал этот мир. В лесу земля была жирной от грязи, желтых листьев и размокших жертвоприношений. Я бродил по запустению нашего района. Радости в этом было немного. Дождь превратил наши улицы в болото. Когда-то все улицы нашего района были частью реки, и, как всегда, бог дождя отвоевал свел владения.

Идти было некуда, и я был вынужден соглашаться на развлечения, которые мне предлагала улица. Два места на нашей улице, которые я

должен был обходить, притягивали меня как магнитом. Я взбирался на дерево, садился на ветку как неуклюжая птица, и наблюдал за обоими домами. Дети играли у бунгало слепого старика. Его стул стоял на веранде, промокший от дождя. Окно было разбито, и комната казалась пустой. Бар Мадам Кото был другим. У ограды стояла вода и все поросло сорняками. Доски, положенные на камни, вели к входу в бар. Вывеска болталась криво. Сквозь пластиковые занавески я мог видеть, что происходит внутри. От столба с улицы на крышу бара были протянуты электрические провода. Только Мадам Кото удостоилась такой привилегии. Несколько машин подъехали к входу и просигналили. Группа женщин вышла из бара со смехом и болтовней. Танцуя под звуки музыки, они бежали по доскам. Мадам Кото, чей живот стал еще больше, вышла и помахала им забинтованной рукой. Машины увезли женщин.

Мадам Кото постояла у двери, осматривая окружающий мир. Белое ожерелье гордо красовалось на ее шее. Вскоре она уставилась в моем направлении. Долго смотрела на меня, и затем, к моему изумлению, пошла в мою сторону. Я попытался слезть с дерева, но шорты у меня сзади зацепились за ветку. Я решил покориться воле Мадам

Кото. Выверенными шагами, перекатывая свое грузное тело, без видимых усилий грациозно обходя предательские лужи и ямы, она шагала ко мне. Она была очень массивная. Сам вес ее набедренных повязок придавал ей причудливое величие. Усталость придавала ее лицу новые выразительные черты. Она стояла рядом с деревом, пристально смотря на меня, и сказала:

— Азаро, что ты тут делаешь?

— Ничего.

— Ты воображаешь себя птицей?

— Нет.

— Так почему ты так смотришь на меня?

— Я не смотрю.

— Ну-ка слезай с дерева!

— Нет.

Она пронзила меня взглядом. И затем внезапно сказала:

— Что ты делал в моих снах?

— Ничего.

Она попыталась схватить меня за ногу, но я вовремя убрал ее. Она подпрыгнула, неудачно приземлилась, ушибла ногу и оставила попытки снять меня с дерева. Она сказала:

— Если я еще раз поймаю тебя во сне, я тебя съем.

Затем она побрела обратно к бару. Когда она исчезла за занавесками, вышли женщины, которые уставились на меня и стали делать в мою сторону презрительные жесты. Когда им надоело смотреть на меня, я слез с дерева и пошел домой.

Папа вернулся с работы рано. Он пришел с голой грудью и потный. Он избивал мешок, набитый тряпками, который ударялся о стену. Он посмотрел на меня, пот стекал у него по лицу, и сказал:

— Сын мой, твой отец тренируется.

— Зачем?

— Чтобы стать чемпионом мира.

Он продолжал дубасить эту связку тряпья, так что стены дрожали и с каждым ударом дом сотрясался до самого основания, а сам он неистово пыхтел. Он все бил этот мешок, пока в стену не постучал сосед.

— Что ты хочешь сделать, а? — крикнул он. — Ты хочешь разбить стену? Иди и нанимайся в армию вместо того, чтобы раздражать людей!

Папа прекратил дубасить мешок и стал боксировать с тенью. Каждый особенно мощный удар по воздуху он сопровождал именами реальных и воображаемых врагов и набором брани. Он прыгал кругами, нырял по-утиному, делал короткие

выпады, наносил апперкоты, обманные удары и отпрыгивал. Пена от пота проступила на его груди. Наконец он устал, пошел и принял ванну. Когда он вернулся, я стал раскладывать еду. Он запретил мне это делать, и разложил еду сам. Мы поели вместе.

Когда мы закончили есть, я пошел мыть посуду. Папа сел на стул и закурил. Он все еще не мог успокоиться, когда я вернулся. Я молча за ним наблюдал. Он часто посматривал на меня и улыбался. Через какое-то время появился лендлорд. Он даже не постучал. Он ворвался к нам в комнату, оставив дверь распахнутой настежь, и адресовал свои жалобы всему поселению.

— Мне сказали, что ты разрушаешь стены! Если ты сломаешь что-нибудь в моем доме, гром поразит тебя. И лучше бы тебе начать собираться и уезжать отсюда. Я устал от твоих проделок!

Он вылетел как вихрь. Папа продолжал курить. Он не двигался. Когда лендлорд вышел, Папа встал, закрыл дверь и снова сел на стул. До прихода Мамы мы не проронили ни слова.

Глава 2

Мы и не предполагали, насколько серьезно Папа занялся боксом. Он начал тренироваться как умалишенный. Иногда он вставал ночью, подпрыгивал, уклонялся, наносил ответный удар, выпад, свинговал и избивал своих воображаемых соперников. По утрам, прежде чем поесть, прежде чем сунуть в рот жвачку, он отрабатывал бой по всей комнате. Иногда он будил меня топотом ног и глубоким дыханием. Я смотрел на него, не поднимаясь с мата, и видел, как его ноги гиганта прыгают вокруг моей головы, а локти блокируют его лицо. Он боксировал по натянутой веревке для просушки одежды, пока та не оборвалась. Он нападал на мух и бил москитов. Он занимался спарингом со своей тенью, словно это был его самый злейший враг. Он заставлял меня стоять на кровати и держать для него сложенное полотенце. Он атаковал его со всех сторон. Его движения стали похожи на движения краба, и он разрабатывал самые сложные апперкоты. Чем больше он погружался в бокс, тем больше он ел. Его аппетит стал таким, что Мама попросила его бросить тренировки. Нам не хватает денет на еду,

сказала она. Он проигнорировал просьбу. Нам пришлось меньше есть, чтобы Папа мог накачивать свои мускулы. Он не знал об этом.

— Бедность довела его до ручки, — сказала Мама.

Люди стали смотреть на нас как на безумцев. Комната стала слишком мала для Папы, чтобы практиковаться. Между тем, он боксировал со всем, что попадалось ему на глаза. Он сделал из моего мата месиво, поставив его у стены и исколошматив. Он пробил дыры в матрасе. Он выбил дно в одной из маминых корзин. Он перестал слушать кого бы то ни было. Его сумасшедшая идея овладела им безраздельно. Мы не могли этого понять. И когда он перебрался со своим боксом на двор, мы оставили всякие попытки докопаться до того, что происходит в его голове. В нем что-то изменилось. Его глаза стали одновременно холодными, безмятежными, свирепыми и как-то странно сузились. Казалось, что он смотрит на людей так, словно они прозрачные, бесплотные. От ударов по стене заднего двора костяшки его пальцев стали большими и грубыми. Однажды я побрел за ним на задний двор. Он обмотал тряпками свои кулаки и изо всех сил колотил по стене, пока белая тряпка не стала красной от

крови. Тогда он остановился.

— Быть мужчиной — очень непростая вещь, — сказал он мне.

Его поединки с тенью, однако, стали привлекать внимание. Когда он дрался со стеной на дворе, женщины то и дело возникали у колодца по самым мелким поводам. Зачерпывать воду без того, чтобы ее использовать, внезапно стало модным среди замужних и незамужних женщин. Он ничего не имел против того, чтобы давать представления перед толпой женщин и детей. Но он был недоволен условиями тренировок на дворе, потому что вода, проливаемая на землю, затрудняла его упражнения для ног. Как-то раз он поскользнулся и упал. Женщины засмеялись. На следующий вечер он уже боксировал в коридоре. А ночью, подумав, что мир уже спит, он возобновил тренировки у границы поселения.

В эти ночи у Папы были лучшие спарринг-партнеры. Он дрался с ветром, с мошками и москитами, которые рождались из миллионов личинок в придорожном болоте. Иногда я просыпался ночью и сразу же понимал, что его нет в комнате. В комнате недоставало его неуемной энергии. Я вставал, на цыпочках выходил из комнаты и шел к границе поселка. Как ночной

герой, один, невидимый и всегда в боевой готовности, Папа боксировал по всем окрестностям. Он всегда воевал с несколькими врагами, словно целый мир был против него. Он воевал безостановочно и всегда побивал соперников. Когда они падали на землю, он триумфально поднимал руку. Для меня он стал вскоре королем ночей нашего поселка. Я подолгу наблюдал за ним. Ночь становилась для меня безопаснее. Пока он тренировался, я иногда бродил по дорогам. Когда он был рядом, ночь превращала все знакомое в иной мир, в иную реальность. Местность менялась до неузнаваемости! Дома стояли неподвижно. Нигде не было огней. Лес превращался в массу тьмы, отливающую синевой, более глубокую, чем окружающая ночь. Дома, деревья, буш делали нашу дорогу похожей на горную цепь. В темноте дома сгорбились как спящие чудовища. Отдельные деревья были похожи на гигантов, спящих стоя, с взъерошенными волосами. И дорога больше была не дорогой, а изначальной рекой. Королевской поступью шла она в темноте с величественной степенностью. Когда я бродил по дороге ночью, я впервые понял, что порой могу исчезать. Сначала это испугало меня. Я мог бродить один, видя только что-то вблизи себя, и затем, вступая в тем-

ноту, начинал в нее вглядываться и все видеть. Я становился темным призраком. Ветер проходил сквозь меня. Но когда я ударялся ногой о камень или спотыкался, или же какой-то свет падал на меня, я в одно мгновение чудесным образом превращался в человека. Я быстро бежал к ограде, где тренировался Папа, не замечавший моего присутствия.

В эти ночи он казался могучим. Темнота стала его мантией и его другом. Глаза Папы горели ярким светом. Он говорил с ветром, и в его голосе чувствовалась сила; это был голос нового человека. Заканчивая тренировку, он начинал разминать ноги, подпрыгивая и по-особому их волоча, называя себя Черным Тигром. Имя начинало ему соответствовать. Я никогда не видел, чтобы он излучал столько силы, как в часы тренировок. И благодаря этим ночным занятиям его имя стало распространяться. Он стал привлекать к себе какое-то странное внимание. Однажды, наблюдая за ним, я вдруг увидел огонек, который приближался со стороны дороги и остановился неподалеку от нас. Свет этот был сам по себе. Он был слабее, чем огонь от спички, он стоял и смотрел, как Папа боксирует с темнотой. Со временем огоньков становилось все больше. Однажды я

насчитал их три. Я сказал:

— Папа, три огонька наблюдают за тобой.

— Что?

Он удивился, услышав мой голос. Я думаю, он впервые понял, что я нахожусь рядом с ним.

— Какие огоньки?

Я показал на них, но он ничего не увидел.

— Это все твои глаза, — ответил он и продолжил свой бокс.

Огоньки смотрели за ним, пока он не закончил. Они не двигались. Ветер не производил на них никакого эффекта. Когда мы уходили, я обернулся. Они все еще стояли на месте.

В одну из ночей Папа тренировался с особой свирепостью, и я увидел, как желтая пара глаз приближается к нам со стороны болота. Глаза остановились недалеко от Папы и следили за его движениями. Папа нырял, отбегал в сторону, от прямых ударов переходил к перекрестным правым, от апперкота к хуку и потом к серии коротких ударов. Я видел, как глаза следовали за ним. Они изучали его, когда он менял ортодоксальную стойку на стойку левши. Я пошел в сторону желтой пары глаз и ничего не обнаружил. Я вернулся обратно к своему месту, и глаза снова возникли. Они так и смотрели за Папой,

пока он не завершил тренировку. Мы ушли, я бросил взгляд назад — и глаз опять не стало.

Необычная вещь произошла следующей ночью. Появились огоньки, один за другим, словно у них было собрание, словно они решили сформировать земное созвездие. Затем из болота показались желтые глаза. И когда Папа сделал небольшой перерыв, из темноты вышел огромный человек. Он был слишком большой, чтобы я не мог услышать его шагов. Казалось, что он выступил из ниоткуда, из другого пространства. Я не видел его глаз.

— Кто ты? — спросил он Папу.

Папа смерил его взглядом.

— Мое имя Черный Тигр, — сказал он бесстрашно.

— Хорошо.

— А кто ты? — спросил в ответ Папа.

Человек усмехнулся.

— Меня зовут Желтый Ягуар, — ответил человек.

— Хорошо.

— Так ты будешь драться со мной?

— Да, — ответил Папа.

Человек снова усмехнулся.

— Твое имя становится известным. Но я положу

этому конец.

— Ты много говоришь, — сказал Папа, принимая стойку левши.

Меня забеспокоило, что я не могу видеть глаза этого человека. Двое мужчин кругами обходили друг друга. Папа пошел в атаку, и человек замычал. Папа снова ударил его по лицу, и на этот раз закричал Папа.

— Ты как дерево!

— Вот и ты заговорил, — сказал человек и нанес Папе удар по лицу.

Папа упал, перекатился на сторону и приземлился в лужу. Человек подождал его. Я все еще не мог видеть его лица. Папа медленно поднялся с опущенной головой. Внезапно он набросился на человека. Три огонька рассеялись. Затем я заметил, что появилось множество огней разных цветов. Мужчины упали в лужу. Они схватились друг с другом. Папа давил человека всей своей мощью. Человек снова замычал, и Папа крикнул:

— Да ты деревянный!

Человек ответил серией ударов, и я видел, как Папа уворачивается, парирует, отскакивает, ставит локтевые блоки, подпрыгивает и изгибается, не пропуская ни одного удара и не падая на землю. Затем Папа, твердо уперев ноги, испустил

долгий звериный крик, крик раненого зверя, и пустился в бешеную атаку. Как градом, он осыпал ударами своего противника. Он исполнил настоящий ураган комбинаций, свингующих кулачных ударов, бешеных хуков, хитрых перекрестных ударов, молниеносных апперкотов. Я видел, как человек подался назад, опустил голову, я видел беспомощность в его руках. Папа прекратил бой только тогда, когда загнал человека в болото. Мой дух поднялся от гордости. И затем темнота, казалось, еще гуще поднявшаяся из болота, накрыла их обоих. Наступила тишина. Я ждал. Я ничего не слышал. Затем через какое-то время я уловил, как ноги шагают по грязи. Вышел Папа и направился ко мне.

— Где человек? — спросил я.

— Я не знаю, — сказал Папа ослабевшим от усталости голосом. — Он исчез в болоте.

Но неожиданно человек появился — весь гром и комок силы — и снова ринулся в битву. Когда он бросился на Папу, две вещи поразили меня в нем: он был с ног до головы испачкан грязью, но его глаза горели желтым светом. Он сошел на Папу как водоворот, как мистраль, как торнадо. Он в пух и прах разбил папину защиту. Он предвосхищал каждое движение Папы. И он стал

гонять Папу по всей площадке, нанося ему резкие удары, производя сложные комбинации, делая безжалостные выпады, точные и ослепительные контрудары. Под натиском его атаки Папа стал похож на марионетку. Человек был энергией ярости, неестественной силой природы, штормом. Словно пять щупалец молнии над лесом, он возникал везде одновременно.

— Твои глаза слишком яркие! — закричал Папа.

— Я безумный Ягуар! — похвастался человек и разразился градом устрашающих ударов.

Он продолжал избивать Папу, растирая его в порошок, сокрушая его лавиной нескончаемых ударов. Я увидел, как Папа падает от изнеможения, полностью сбитый с толку. Я заметил у него трусливый взгляд испуганного человека. Кровь стекала по переносице и собиралась в уголках глаз. Папа сносил это жестокое избиение молча, он не показал сопернику спину и не убежал. Он принимал удары. Он вбирал их в себя. Он противостоял им. Он впитывал их в свое тело и дух. Я слышал, как хрустит его шея. Я слышал, как клацают его зубы. Я слышал скрежет костей под ударами кулаков. Папа закричал и начал стонать. Затем он сжался. С кулаками, едва ли

готовыми к атаке, он низко нагнулся, словно вставая на четвереньки. Человек возвышался над ним, и его желтые глаза мерцали в темноте. И затем Папа припал к земле. Он двигался, как пойманный дикий зверь. Медленно он сделал несколько движений в одну и в другую сторону, раскачиваясь, выставив руки перед собой как богомол. Затем я увидел, как Папа преображается. Он возвращался к простым вещам: он возвратился к воде, к земле, к дороге, ко всему мягкому. Шатаясь, он пошел. Он был жидким. Он двигался, как большой кот. Соскальзывая назад, он вошел в середину световых арабесок. Я почувствовал, как от него начинает исходить странная энергия силы. Он взял ее от ночи, воздуха, дороги, своих вечных друзей. Человек приблизился к нему, но Папа в танце, пошатываясь, ушел от него в темноту. Огоньки следовали за ним. Когда его спина уперлась в ржавый остов сгоревшего фургона, он остановился. Дальше отступать было некуда. Внезапно, и я сам не знаю почему — это одна из тех загадок Живущих, ответить на которую может только Живущий — внезапно я закричал. Мой голос, зазвучавший через мгновение после того, как я произнес слова, поплыл по ветру. Мой голос звучал слишком тонко и хрупко для тех

вещей, которым он должен был помочь.

— Черный Тигр, ВОЗЬМИ СВОЮ СИЛУ! — крикнул я.

И Папа, вняв призыву, ошеломил человека необузданной и отчаянной яростью контратаки. Папа чудесным образом вырос в размерах. И со всем сконцентрированным гневом и безумием человека, у которого есть только одна секунда на размышление, чтобы выбрать между жизнью и смертью, Папа сбросил с себя чары бессилия и ответил такими могучими ударами, как будто решил стереть с лица земли всю расу гигантов. Я не знаю, то ли, наконец, все удары и толчки достигли цели, то ли один удар в итоге попал в правильное место, но внезапно, в разгар бешенства Папы, человек издал пронзительный вопль. Он попятился задом. Сбитый с толку, Папа пошел на него с поднятыми руками. Затем человек встал ровно и прямо, его яркие желтые глаза перекосились. Ветер вздохнул над его головой. Желтые глаза потускнели. Потом они и вовсе закрылись, и сразу стало темно во всей округе, словно задули таинственный фонарь. Затем, подобно дереву, которое еще долго не падает после своей смерти, человек медленно начал крениться на сторону. И когда он ударился оземь с неестественным глу-

хим звуком, случилась странная вещь. Человек словно испарился. Он ушел в землю. В темноту. Пар с примесью желтизны, словно от горящей серы, стал подниматься от мокрой земли. Собравшиеся огоньки разбежались. Ночь стала тихой. И затем из леса донесся смех гиены. Мы смотрели в темноту, пытаясь увидеть человека, но его нигде не было. Папа стоял озадаченный, пошатываясь от изнеможения.

— Что произошло? — спросил я.

— Я не знаю, — прошептал он.

Мы ждали. Ветер завывал над спящим поселком. Ветви трещали. Мы походили по земле, и вскоре я набрел на дыру. Папа наклонился и зажег спичку. Это была не дыра, а глубокий отпечаток тела взрослого человека на земле. Папа был весь в крови и в поту. От ударов рот потерял форму, и губы чудовищно распухли за считанные секунды. Весь его нос был разбит. Кровь стекала на переносицу и собиралась в уголках рта.

Я начал чувствовать холод.

— Так, скажи еще раз, как его звать? — спросил Папа, задувая спичку.

— Желтый Ягуар, — ответил я.

Папа, внезапно что-то вспомнив, схватил меня за руку.

— Желтый Ягуар когда-то был известным боксером в этом районе, — сказал он, в страхе понижая свой голос.

— А что с ним случилось?

— Он умер три года назад.

Холодок пробежал у меня в костях. Я услышал, как ветер сделал глубокий вздох. Папа побил боксера из мира духов. Он дрожал. Затем облокотился на меня, словно ища поддержки. Я чувствовал, как его трясет.

— Что-то холодно, — пожаловался я.

— Пойдем домой, — сказал он поспешно.

Он поднял меня на руки и побежал в наш барак и затем в комнату. Он закрыл дверь. Сел на свой стул. В темноте мы слушали, как Мама посапывает во сне. Папа зажег сигарету. Он курил, и его глаза сверкали. Я чувствовал запах грязи, пота, драки, возбуждения, ужаса и крови. Я чувствовал, что его дух справился с кулаками Желтого Ягуара. Я заранее предчувствовал его второе рождение. Его дыхание пахло серой. Это была тайна. Когда он закончил курить, он вышел и умылся. Возвратившись, он быстро лег в кровать. Я слышал, как он всю ночь ворочался, хрустя суставами. Он не мог уснуть, думая о мертвом боксере. Так же, как и я.

Глава 3

После поединка Папа не выходил из дома шесть дней. Его лицо расплылось в синяках, глаза вылезли из орбит, и веки неестественно раздулись, а нижняя губа стала больше, чем перезревшее манго.

Он не был болен, но и здоровым его нельзя было назвать. Все время он молчал, и в глазах его было пусто. Время от времени он нервно улыбался мне или по-идиотски подмигивал. Мы кормили его кашей, как самого большого ребенка в мире. Днем и ночью он спал.

Он спал как ребенок, ухмылялся как ребенок и по-детски начинал хныкать. Порой его взгляд выдавал в нем гения: так глядят только дети и некоторые сумасшедшие. На время он потерял над собой контроль, то и дело его сводили судороги. Он писался в кровать и беспрестанно пукал. Он строил смешные рожицы и крутил пальцами, как страшный шут. Я боялся, что его синяки и раны всегда будут свидетельствовать о непоправимом ущербе, нанесенном его здоровью этой битвой, но синяки оказались недолговечны, раны быстро затянулись, опухлость у глаз

спала, и через какое-то время раны перестали кровоточить. Реальные последствия поединка были невидимы, и это тревожило меня. Я видел, как Папа колотит ногами по кровати, словно жук или перевернутый таракан, будто обрел для себя свободу стать насекомым, войти в такие превращения, которые непозволительны для взрослых. Он мог часами быть как замороженный, затем внезапно перейти в состояние бредового идиотизма. Наши бедные родственники пришли навестить нас. Они были уже наслышаны, какие с Папой происходят перемены, но, увидев его, никто не мог ни найти разумного объяснения его состоянию, ни понять того, что с ним происходит. Все, что они могли предложить — это обычный набор жалобных историй о тысячах странных случаев, собранных ими за многие годы соболезнований несчастьям других. Мы берегли в себе правду о том, как Папа дрался с мертвецом. В течение трех дней наш дом был полон посетителей, желающих Папе доброго здоровья. Его коллеги, возчики и грузчики, принесли с собой подарки и сели вокруг него, выпивая в молчании. Даже лендлорд зашел с коротким визитом. Он надеется, сказал он, что Папа усвоил урок и, когда выздоровеет, то прекратит разбивать его

стены. Он не принес никаких подарков, и даже не заметил состояния Папы и настроения в доме. Но остальные чувствовали, что происходит.

Посетители были повергнуты в молчание ребяческим лепетом Папы, его бредом, его неестественностью, пустотой в глазах, неспособностью узнавать людей, приступами детской игривости. Все это выглядело трагично — взрослый человек с сознанием ребенка. Настроение в комнате было печальным. Казалось, что здесь умирает слон. Никто не хотел долго смотреть на то, насколько чудовищно комичен Папа в своем положении. Если бы я сказал, что взрослый человек, бородатый, с широкой грудью, имеющий жену и сына, заново рождается на свет, как рождаются большие животные, меня, возможно, захотели бы подвергнуть телесному наказанию многие взрослые.

В тот день, когда синяки Папы начали приобретать странный оттенок, Мадам Кото нанесла нам визит. Она тоже прослышала про состояние Папы. Когда она вошла в комнату, все как один замолчали. Это коснулось даже тех, кто не знал, кто она такая. Она уселась на трехногий стул Папы. Она смотрела на всех, но все избегали смотреть на нее. Она изменилась. Ее лицо стало массивнее и безобразнее. Одна ее нога опухла и

была перевязана грязными бинтами. На ее лице был пластырь из грубой темной кожи, что делало выражение лица зловещим. Она стала еще более жестокой, отчужденной, более властной. Запах ее парфюмерии сразу заполнил комнату, и ее дорогая одежда высветила бедность остальных. Ее живот стал больше. В глазах читались презрение и злость. Снаружи, не входя в комнату, стояли двое мужчин, которые пришли вместе с ней. Охранники выглядели как громилы. Мама пригласила их войти, и они встали в дверях, загораживая почти весь свет. Один из них держал под мышкой какой-то сверток.

Какое-то время Мадам Кото ничего не говорила. Затем, ткнув в папино плечо толстыми пальцами, спросила:

— Что с тобой случилось?

Папа уставился на нее, не узнавая. Она снова ткнула его. Он издал какой-то писк. Она повернулась ко мне. Затем осмотрелась вокруг и выпрямила спину.

— Так, значит, никто не хочет со мной разговаривать? — спросила она внезапно. — Что плохого я сделала каждому из вас, что все вы замолчали, когда я вошла, а? Я украла ваши деньги? Или я сожгла ваши дома? Или же я ваш лендлорд?

Наступила пауза. Затем кто-то промолвил:

— Вы слишком гордая.

— И вы поддерживаете ту партию, — сказал другой человек.

Снова наступила пауза. Никто ничего не говорил. Тишина словно ожидала ее реакции. И долго ждать не пришлось.

— Вы просто все завидуете! — ответила она. — И никто из вас не может меня ни в чем упрекнуть.

Она встала. Она начала жестикулировать, размахивая руками налево и направо, но Папа в кровати издал непотребный звук. Мадам Кото остановилась. Она поправила набедренную повязку, явный знак, что с нее достаточно и ей пора уходить. Напоследок она сказала Папе:

— Я услышала, что ты заболел и пришла повидать тебя. Все мы — люди. Мы — соседи. Твой сын помогал мне. Я принесла тебе кое-какие подарки. Я не хочу ссориться с тобой. Эта земля слишком маленькая для людей, чтобы они еще забывали про то, что все они человеческие существа. И это касается тех людей, которые замолчали, как только я вошла в комнату, они еще увидят, из чего я сделана, они еще узнают, кто я такая.

Она грубо взяла сверток из рук своего охранника и положила на стол.

— Я буду молиться за то, чтобы ты поскорее стал сильным, — сказала она и вышла из комнаты.

Мама пошла за ней. Я слышал, как они разговаривают в коридоре. Людям, собравшимся в комнате, было явно не по себе. Папа начал строить им рожицы. Повисла долгая тишина. Папа продолжал гримасничать, и его лицо с синими кровоподтеками и зелеными ранами выражало его чувства набором бессмысленных рожиц. На самом деле он очень страдал. Один из посетителей сказал остальным, что пора собираться. Но никто не двинулся. Мама все еще разговаривала в коридоре с Мадам Кото. Собравшиеся посетители оставались на местах. В тишине. Когда Мама вернулась, с раскрасневшимся лицом, собрание тут же разошлось. Один за другим люди уходили, оставляя свои скромные подарки.

На шестой день, когда Папа едва пошел на поправку, к нам зашел слепой старик засвидетельствовать свое почтение. На нем была яркая желтая рубаха, красная шляпа с перьями на полях и синие очки от солнца. Его вел за руку молодой человек. Старик сел на папин стул. Он принес с собой инструмент.

— Когда я услышал, что ты болеешь, я взял с собой аккордеон, чтобы сыграть для тебя, — сказал

он наводящим страх голосом.

Папа простонал. Мама принесла старику огогоро, он сотворил либацию, залпом выпил алкоголь, как пьют на жаре легкие напитки, и принялся играть на аккордеоне с поразительным рвением. Он то и дело поворачивал взгляд в мою сторону, словно требуя от меня аплодисментов. Он играл упоенно, вне себя от счастья. Он играл самую ужасную музыку, которая только может исходить из самых жутких уголков сознания человека. Он оглушил нас непередаваемым сказочным уродством своей музыки. Наша плоть ходила ходуном и содрогалась от этого шума. Мамино лицо стало дергаться. Я, не переставая, ерзал на стуле. Странный запах, как от гниющего трупа или большого животного в предсмертной агонии, распространялся от его музыки и заполнял комнату. Это было поразительно. Папу крутило в таких спазмах, словно эта музыка причиняла ему больше страданий, чем все неземные удары прославленного Желтого Ягуара. Мама открыла дверь и окно, чтобы выпустить из дома музыку. Вместо нее в комнату вошел гнилостный воздух поселения. Папа старался подняться и сесть на кровати, дрыгая ногами, борясь за то, чтобы выйти из утробы адской музыки, как будто нахо-

дился в пространстве, слишком маленьком для своего духа и тела, которые все увеличивались в размерах. Ведя борьбу, он стонал, почти плакал, потому что музыка причиняла ему жуткие страдания. Старик снова повернулся ко мне и заиграл еще громче свою страшную музыку. Папа застыл как пораженный, неспособный двигаться, обессиленный тщетными попытками подняться. Внезапно старик прекратил играть. Папа тяжело повалился на кровать. Старик сказал:

— Сколько рождений переживает человек в одной жизни?

Он хихикнул, посмотрел на меня и продолжил играть с тем же необузданным жаром. Затем кто-то вошел через дверь, приведя с собой призраков, воспоминания и магическую мимолетную улыбку. Я поднял глаза, и меня ослепила вспышка. Это был фотограф. Он только что сделал снимок. Он спешил к изголовью Папы. Он произнес краткую речь, выразив наилучшие пожелания и надежду на скорое выздоровление. Папа не узнал его. Фотографа это не смутило. Он взял папину руку и потряс ее в рукопожатии. Папа строил рожи. Фотограф сделал еще один снимок. Вспышка ранила Папу, и он простонал. Фотограф, набрасывая на себя ореол тайны, сказал:

— Они не знают, что я здесь. Поэтому я ухожу.

Он дотронулся до моей головы и потрепал волосы, надел шляпу и покинул наш барак с таким видом, словно кто-то за ним гонится.

— Когда человек продолжает бежать и не может остановиться, значит, что-то продолжает его преследовать, — сказал слепой старик замогильным голосом.

Он опять принялся играть. Папу это так взбесило, что, к нашему изумлению, он встал с кровати и проводил старика до двери.

* * *

На седьмой день Папа чудесным образом избавился от болезни. Это было так, словно он выскочил из транса. По цвету его синяки почти сравнялись с остальной кожей. Его лицо все еще было помято, глаза были все еще сердитые и ввалившиеся, раны синевато-багровые, но он уже был другим человеком. Его выздоровление удивило нас. Я проснулся и обнаружил, что он как ни в чем ни бывало прыгает и боксирует с тенью. Он выглядел усталым, но в глазах горел огонек. Казалось, что его путешествие в мир детства придало ему свежей энергии и ускорило поправку. Он пошел на работу, но вернулся рано.

Он немного поспал, боксируя в сновидениях. Когда он проснулся, то заставил меня рассказать о битве с Желтым Ягуаром. Несколько раз он заставил меня повторить рассказ. Сам он почти ничего не помнил из того, что произошло. Он говорил о поединке так, словно это ему приснилось, и реальностью для него была только болезнь.

Мама вернулась рано и рассказала нам о приготовлениях к съезду. Она сказала, что женщины заработали большие деньги, готовя еду для этого события, и что Мадам Кото предложила ей работу. Она спросила Папу, стоит ли ей соглашаться.

— Люди подумают, что ты проститутка, — ответил Папа.

— А как же деньга?

— Нам не нужны деньги, которые воняют.

Мама затихла на весь оставшийся вечер. Это не беспокоило Папу, потому что он хотел только одного — разговаривать о битве с Желтым Ягуаром. Он настолько помешался на этой битве, что и весь следующий день только и говорил о ней, и заставлял меня повторять, как он припадал к земле, как уходил в темноту, и особенно, как он провел контратаку. Единственное, что портило ему настроение, так это то, что никто не присутствовал при этом странном поединке.

— Так ты уверен, что никто ничего не видел?

— Да.

— Никто не проснулся?

— Нет.

Папа простонал в муках. Казалось, что ему причиняет боль то, что он провел такую героическую схватку, никем не замеченный.

— Никто-никто не видел?

— Нет.

— Даже женщина?

— Нет.

— Ни один ребенок, ни один торговец, ни один случайный прохожий?

— Нет.

— Так никто не увидел, как я побил его?

— Никто.

— Ни одна собака, ни одна кошка?

— Ни одна собака и ни одна кошка.

— А может, какой странник?

— Нет. Кроме трех огоньков.

Каких огоньков?

— Трех огоньков.

Папа стукнул меня по голове.

— Затем пришли другие огоньки и их стало больше.

Он снова меня ударил. Я замолчал. Папа был

так восхищен своей победой, что только и хотел ею хвастаться. Он знал, что никто ему не поверит. Но в конце концов важно было то, что выздоровев, Папа нашел в себе новые силы, граничащие с безумием.

— Наверное, сначала нужно преодолеть что-то в мире духов, прежде чем преодолеть в этом мире, а? — приходилось ему говорить ветру.

Папа ходил кругами, неугомонный и помраченный в рассудке, как будто ягуар попал в капкан его мозга. В нем поднималась небывалая энергия. Когда бы он ни проходил мимо меня, я чувствовал, как он подрагивает силой, словно зверь, испуганный собственной свирепостью.

Глава 4

Таким образом Папа снова приступил к тренировкам. Он обычно будил нас своими упражнениями. Потом он шел на работу и рано возвращался. Вечерами, поспав после работы, он практиковался у оград домов. Соседи, которые стояли рядом, пили и беседовали, спасаясь от жары в комнатах, наблюдали за ним. Они выносили на улицу стулья и табуретки и устраивались поудобнее, ожидая появления Папы. Когда собиралось доста-

точно зрителей, Папа выходил из комнаты.

— Черный Тигр! — приветствовали его люди.

Он сразу начинал боксировать с тенью и издавать утробные звуки. Его активность вызывала столько интереса, что уличные торговки, обессиленные за день бесконечными блужданиями, останавливались понаблюдать за ним. Продавщицы апельсинов, вареных яиц, хлеба, жареных земляных орехов подбирались все ближе, глядя на него. Некоторые оставались не без выгоды, продавая товар собравшимся людям. Другие, усаживаясь на песок и откладывая свои корзины, в конце концов ложились наземь и засыпали, пока Папа упражнялся. Странствующие проповедники и дети на посылках, пожилые женщины, идущие с визитами, и торговки побрякушками подходили потому, что собиралась большая толпа.

Папа, между тем, прыгал и представлял свои комбинации четырем ветрам.

— Это новый прием? — мог спросить кто-то.

— Да.

— Ты думаешь, это так?

— Да.

— Новая штука, да?

— Совершенно новая.

— Так как его звать?

— Черный Тигр его зовут.
— Правда?
— Да.

Благодаря Папе у владельцев магазинов и уличных торговцев отлично шел бизнес. У всех хорошо шли дела, кроме Мамы, которая не знала, какой интерес вызывает ее муж и, вероятно, бродя по пыльным пустошам поселка, продавала за вечер не больше коробки спичек. В то время, пока Мама уныло брела домой, уличные торговцы бойко продавали напитки и сладости, сигареты и москитные спирали, орехи кола и жвачку, дешевые солнечные очки и керосиновые лампы. Папино представление они сумели обратить в звонкую монету. Папа спарринговал с воздухом и пылью и разбивал кулаками кирпичи. Среди праздношатающихся он сумел создать себе такую репутацию, что все всерьез стали его побаиваться. Его слава разносилась на крыльях страха.

Частенько я бродил по нашему району, проходил мимо баров и питейных домов и слышал, как люди рассуждают о Черном Тигре. Я слышал, как его имя носится по ветру. Женщины говорили о нем в темных закоулках. Люди спорили, какое место он занимает в ряду нынешних героев бокса, и отдавали предпочтение Папе, потому что

он был никому не известен, потому что он был выходец из низов, и, главное, не боялся открыто показывать людям весь спектр своего мастерства. Когда я рассказал об этом Папе, его помешательство еще больше усилилось. Мы вконец обеднели из-за его одержимости. Мы ели очень мало, а он ел много, потому что этого требовала его возросшая сила. Его аппетит стал воистину слоновьим. После вечерней тренировки он шел мыться, потом выпивал стаут и солодовый напиток и принимался за еду. Прожорливость его не знала меры. Мы в ужасе смотрели, как он поглощает громадные клубни эба.

— Был один человек, — сказала Мама мне, — который подавился эба. Докторам пришлось разрезать ему горло.

— Этот человек не был Черным Тигром, — отозвался Папа, между одним глотком и другим.

Помимо того, что он проглатывал угрожающие для жизни куски эба, его диета была безразмерной. Он съедал столько, что, казалось, его тело представляет из себя пропасть. И ел он быстро, словно нападая на еду, перемежая контратаки и многоходовые комбинации в схватке с увесистой порцией. Он ел так много, что Мама стала очень худой, а я совсем потерял аппетит. Папа ел за нас

всех. И в конце ужина он всегда жаловался на то, что ему недостаточно одного эба и как ему хочется еще жаркого. Он никогда не говорил о вкусе еды. Мой живот стал раздуваться.

Но еще хуже было то, что он стал меньше зарабатывать. Все свободное время он проводил в мыслях о боксе. Он проделывал немалые расстояния, чтобы попасть на бесплатный или дешевый боксерский матч. Часами его не было дома. Затем он стал тратить меньше денег на еду. Чтобы больше оставалось на выпивку. Поев, он выходил из дома и шел по барам, опираясь на свою славу, и люди покупали ему выпивку. Он приходил домой пьяный. Чем больше он тренировался, тем больше пил. И чем больше он пил, тем больше помрачался его рассудок и тем неугомоннее он становился. Он мог целый час хрустеть суставами, разминая свое тело, полное тайных энергий и расстроенных мечтаний о величии.

Он начал пугать нас. Когда я узнавал, что он пришел домой после бара, я уходил бродить по улицам. Но когда день начинал клониться к вечеру, и он выходил тренироваться на улицу, я всегда был среди толпы, наблюдавшей, как из его импровизированных движений рождаются новые приемы. Люди, однако, начинали погова-

ривать по поводу моего раздувшегося живота. Пристально наблюдая за упражнениями Папы, двое мужчин говорили:

— Его сын голодает.

— Его жена совсем похудела.

— Ты не замечаешь, что, чем сильнее он становится…

— Тем худее становится его сын.

— Его сила возрастает…

— А жена усыхает.

— Учит он новые трюки…

— А с сына падают брюки…

Они оба засмеялись. Глубокий голос из толпы сказал:

— Он съедает всю их еду.

Женщина добавила:

— Что-то втемяшилось ему в голову.

Пара умников снова завела разговор.

— Большой человек…

— Но нет стыда…

— Большие мускулы…

— А ума ни следа…

Они засмеялись в пьяном веселье. Мне все это слушать было совсем невесело, и я временно прекратил ходить смотреть на Папу. Я одиноко играл на улице, в то время как люди наблюдали

за тем, как он осваивает новые забавы. Папа разбивал доски кулаками, бил бутылки себе об голову, поднимал сразу несколько человек и сгибал металлические прутья вокруг локтя.

* * *

Я сидел один вдали от толпы, наблюдая за улицей, когда резкая голубая вспышка, подобно молнии, прошла у меня между глаз. Я услышал, как закричал слепой старик. Я ничего не понимал. Залаяла собака. Небо было чистое. Я смотрел на улицу и вдруг увидел, как сам по себе катится металлический обод велосипедного колеса. Я замер. Обод, катясь, отбрасывал вспышки света с каждым оборотом. Я ждал. Я смотрел по сторонам. Улица была пуста, но металлический обод катился по направлению к сгоревшему фургону. Я услышал шум. В глазах у меня зарябило. Когда я снова посмотрел, то увидел тень, которая вскоре стала мальчиком. На нем были белые шорты и синяя рубашка, он катал обруч вокруг фургона. Откуда он вдруг возник? Я был поражен. Казалось, что он появился из ниоткуда. Мной овладела ярость. И затем, так же внезапно, мальчик исчез. Я встал и пошел к фургону. Металлический обруч лежал на земле. Я осмотрел все вокруг фургона

и ничего не увидел. Я уже собрался уходить, когда внезапно тень загородила мне свет солнца и заставила обернуться. На крыше фургона, подобно ребенку-завоевателю, осматривающему свои новые владения, стоял мальчик, который был выжжен из реальности в один знойный полуденный час харматтана и материализовался только сейчас, в конце сезона дождей. С высоты он наблюдал за Папой.

— Так ты тот мальчик, который пропал? — спросил я.

— Нет.

— Ты превратился в собственную тень?

— Нет.

Он отвечал на мои вопросы, едва удостаивая меня взглядом,

— Слезай оттуда! — сказал я.

— Зачем?

— Нечего тебе играть на крыше фургона.

— Почему это?

Взбешенный его спокойствием, я залез на фургон и попытался сбросить его вниз. Мы стали драться. Я ударил его по лицу, а он — меня. Я снова его ударил, он обхватил меня за талию, и мы принялись бороться. Он опрокинул меня, вскочил мне на грудь, выпустив весь воздух из нее.

Вскоре мы оказались на твердой земле. Я ударил его, но он поймал мою ногу и бросил меня оземь. Я вскочил и стал беспорядочно сыпать ударами во всех направлениях с той безоглядностью, которой я научился у Папы, и один из ударов попал в цель. Из носа у мальчика потекла кровь. Кровь его не смутила, и он направил серию ударов в мою сторону, разбив мне половину лица; мы сцепились, упали на землю, встали и в слепой ярости били друг друга, пока чьи-то взрослые руки нас не разняли. Словно два дерущихся петуха, которых расцепили в разгар кровавой битвы, мы беспомощно пинали воздух, изливая свою ярость в ругательствах и проклятиях.

На другой день, когда Папа тренировался, я снова увидел этого мальчика на крыше фургона. Я подошел.

— Слезай оттуда! — сказал я.

— Нет.

Я залез на фургон. Мальчик не двигался.

— Мой отец, — сказал он, — показал мне кое-что особенное.

— Для чего?

— Если ты еще раз тронешь меня…

— Да.

— Я ударю тебя…

— Да.

— Ты семь раз упадешь и потом умрешь.

— Кто твой отец? — спросил я.

— Мой отец известный сапожник и плотник, — ответил он.

— А мой отец, — сказал я, — Черный Тигр.

И затем я ударил его по лицу. Он ответил мне. Ничего особенного не случилось. Я качал смеяться.

— Почему ты смеешься?

— Потому что твой отец научил тебя глупостям.

Он ничего не ответил. Потом он слез с фургона и стал играть рядом с толпой, глазевшей на Папу. Я некоторое время постоял на фургоне. Особой радости от победы я не испытывал, быстро заскучал и потом заметил, что люди смотрят на меня. Я слез вниз и пошел искать мальчика. Поначалу он не хотел со мной разговаривать. Затем я сказал ему, что человек, боксирующий со своей тенью, это мой отец. Его лицо загорелось в непередаваемом восхищении.

— Как тебя зовут?

— Адэ. А тебя?

Я назвал свое имя. Мы пожали друг другу руки. Его отец, плотник и сапожник, был яростным сто-

ронником политической партии, находящейся на стороне бедных. Также он был врачевателем и считал многих страшных громил друзьями семьи. Я тоже был им немного восхищен.

Адэ повел меня к себе в дом. Они жили в нашем районе, в маленькой комнатке. Семья у них была большая, у отца было две жены и десять детей. Я не мог понять, как они все уживаются в этой комнатушке. Мать Адэ была маленькая, свирепая, с выдвинутыми вперед зубами. Это была старшая жена. У отца были внушительные, впечатляющие скарификации, как на статуях древних воинов; он был высокий и обладал устрашающим духом. Его зубы своим цветом напоминали орех кола, и глаза были в кровавых прожилках; он много бил своих детей во имя строжайшей и неукоснительной дисциплины. В его голосе чувствовалась приводящая в дрожь пронзительная сила. Мне он не очень понравился.

Адэ провел меня в мастерскую отца и показал его инструменты — молотки и щипцы, стамески, резцы и коробки с тяжелыми гвоздями, длинный верстак и столы, беспорядочно заставленные горами ботинок и сумок ручной работы. Там пахло клеем и ржавыми гвоздями, старым металлом, сырой землей и древним вином, пролитым на

свежеоструганное дерево. Тени дышали запахом паутины и притаившихся во сне майских жуков. На балках висели разные фетиши, и с потолка, потемневшего от хитросплетений паутины, свисали куски кожи. Мастерская была очень интересным местом, и казалось, что я нашел для себя новую вселенную для игры и исследований. Мы пробовали надевать ботинки самых разных размеров. Мы прятались за шкафом. Мы забивали гвозди в деревяшки и склеивали отдельные валяющиеся куски кожи, стараясь сделать новый ботинок. Мы полностью ушли в наши игры, когда внезапно появился отец Адэ. Он увидел, что мы балуемся, увидел смех на наших лицах и снял с гвоздя длинную плетку, что висела за дверью. Он отхлестал нас по спинам, и мы с криками убежали. Я решил больше туда не ходить.

Я пытался взять с собой Адэ гулять по улицам, но он никогда далеко не уходил. Он боялся родителей. Если они звали его, а он не отвечал, то его больно наказывали. Я уговаривал его уйти из дома и жить с нами, но он боялся. Он говорил, что отец изобьет его и посыпет перцем раны. Он показал мне спину, и я увидел свежие рубцы от плетки, пересекающиеся со старыми бритвенными надрезами, которые ему делали при

траволечении. Мне стало жаль его. Из-за него я перестал гулять. Я попытался взять его с собой к Мадам Кото, но ему вообще было запрещено туда ходить. Отец сказал ему, что она ведьма, которая поддерживает его политических врагов.

* * *

Как-то раз мы играли в лесу и внезапно натолкнулись на Мадам Кото, которая лежала на земле, возле корней легендарного дерева ироко, держа в руках белые бусы, которые были похожи на змею в драгоценностях. Услышав, что кто-то приближается, она вскочила и отряхнулась от пыли. Она выглядела очень смущенной.

— Что это за друг с тобой? — спросила она, моргая.

— Адэ, — сказал я.

Она посмотрела на него оценивающе. Адэ сказал, что ему пора домой. Он немного отошел и стал ждать, искоса наблюдая за нами. Мадам Кото бросила на меня тревожный взгляд. Она увидела мой живот. Легкая тень сострадания пробежала по ее лицу.

— Так тебе больше не нравится мой бар, да?

— Нет.

Она улыбнулась.

— Ты голодный?

— Нет.

— Как поживает твой отец?

— Нет.

Она долго на меня смотрела. Затем сняла набедренную повязку и отвязала с ее конца большой узелок. Никогда в жизни я не видел столько денег. Толстая пачка фунтовых банкнот легко могла бы распереть зубы здоровенной лошади. Она вытащила несколько банкнот и протянула мне. Поначалу, взглянув на Адэ, я отказался. Но она заставила меня взять их, плотно сомкнув мои пальцы.

— Если мама будет спрашивать, откуда они у тебя, скажи, что нашел их в лесу, ладно?

— Нет.

— Не говори ей, что я тебе их дала, понятно?

— Да.

Она нежно прикоснулась к моей голове. Впервые я почувствовал, как она изменилась. Сейчас она была с ног до головы окутана невидимой аурой власти, силовым полем могущества. Ее живот стал очень большим, и она казалась необъятной. Какая-то тяжесть легла на нее, и изнеможение стало одной из постоянных черт ее лица. Даже от ее тени я ощущал тяжесть. Ее глаза

смотрели куда-то вдаль. Они не могли больше находиться вблизи человеческих существ. Этим они напоминали глаза львов. Но лицо ее было круглым и свежим, и она, казалось, пребывала в хорошей форме.

— Нет мне в жизни счастья, — вдруг сказала она.

— Почему нет?

Она озадаченно на меня посмотрела, словно удивившись тому факту, что я умею разговаривать. Затем она улыбнулась, повернулась и зашагала по лесной тропе с грацией, нечасто встречаемой среди людей. Ее сопровождали комары.

* * *

Несколько дней Адэ не разговаривал со мной потому, что Мадам Кото дала мне деньги. И когда я отдал деньги Маме, в доме начался переполох. Я даже представить себе не мог, сколько там было денег. Мама усаживала меня на кровать и часами допытывала, где я нашел деньги, задавая самые каверзные вопросы. Она боялась, что деньги принадлежат какому-нибудь торговцу, исполнителям ритуалов, которые заговорами могли вселить проклятия в деньги, или, например,

влиятельным людям, которые будут охотиться за нами и накажут нас. Но особенно она подозревала меня в том, что я украл деньги, и тогда я начинал плакать от обиды. Папа сидел на стуле, раскачиваясь, покуривая сигарету. Мама настаивала, чтобы я взял ее с собой на опушку, где я обнаружил сокровище. Я говорил ей, что ничего не помню, что шел как во сне и вдруг нашел их на земле рядом с бушем.

— А ты уверен, что не духи дали их тебе, а? — спросила Мама не просто с налетом насмешки.

— Да, — ответил я.

Затем присоединился Папа и пригрозил избить меня, если я не скажу правду. Я продолжал врать. От раздражения он шлепнул меня по щеке. Я тяжело уставился на него. В мое тело внезапно вошла безмятежность. Папа прижал меня к груди, покачивая, и сказал:

— Прости меня, мой сын. Я не хотел тебя обидеть. Но в нашей семье нет воров. Мы несем в себе достоинство. Мы бедные, но мы честные.

Затем он снова спросил меня, каким образом я набрел на такую кипу денег. Все равно я продолжал обманывать. И родители оставили попытки добраться до истины. Спустилась ночь, и они решили, что неделю не будут трогать эти деньги,

и если никто от них ничего не потребует, они посчитают эти деньги подарком с небес. Папа, в праздничном настроении, послал меня купить большую бутылку огогоро. Когда я вернулся, он еще один час провел, общаясь с предками и какими-то загадочными божествами. Оставшуюся ночь он с Мамой обсуждал, что они будут делать с деньгами. Папа хотел купить всю боксерскую экипировку. Мама хотела открыть небольшую лавку. Всю ночь они ожесточенно спорили, и я заснул под звуки их раздраженных голосов. Наутро, когда я проснулся, они все еще кипели от разногласий. Оба были в гнусном настроении. Так продолжалось три дня. Прошло четыре дня, но они так и не пришли к согласию и все время ругались, поднимая со дна памяти сотни мелких обид из-за денег, которые они друг другу не простили. В течение этого времени Папа использовал небесный дар, чтобы покупать себе огогоро, развлекать друзей, приобрести пару холщовых ботинок и подержанные боксерские перчатки. Когда это обнаружилось, Маме ничего не оставалось, как купить себе для торговли новый набор товаров, всем нам — хорошую одежду, заплатить ренту и больше чем месяц кормить нас хорошей едой.

Глава 5

Приближался день, о котором столько говорили на всех углах — день большого политического съезда. В баре Мадам Кото происходили самые необычные вещи. Во-первых, провода, подведенные к верху ее крыши, дали электричество. Бесчисленные толпы собирались у фасада ее бара поглазеть на эту диковинку. Люди видели провода, кабели, столбы, поставленные на расстоянии друг от друга, но они не могли увидеть само электричество. Те, кто заходил в бар из любопытства, выходили оттуда как заколдованные. Они не могли понять, как свет, упакованный в стекло, может быть ярче, чем от лампы. Они не могли понять, почему нельзя прикурить сигарету от зажженной лампочки. И самым непостижимым был для них источник этого освещения.

Мадам Кото, слишком практичная, чтобы не сыграть на чувствах всеобщего изумления, повысила цену на пальмовое вино и перечный суп. Затем, на какое-то время, она ввела небольшую входную таксу за то, что люди теперь могут наслаждаться уникальными современными удобствами. Кроме всего прочего, она теперь бы-

ла единственным человеком на нашей улице и в нашем районе, который имел электричество. Она была горда этим отличием и починила наконец свою вывеску, чтобы подчеркнуть этот факт.

Во-вторых, люди внезапно слышали, как раздается очень громкая музыка, но не видели музыкантов. После этого пошли истории о странных вечеринках, о женщинах, выбегавших в лес голыми, о людях, которые так напивались, что заказывали себе ванну из пальмового вина, о членах партии, которые давали баснословные деньги женщинам, если им нравился их танец. Пышным цветом распускались слухи о том, что делают мужчина и женщина вместе, пронизывая стонами наэлектризованную ночь. И среди всего этого Мадам Кото становилась все шире и толще, пока ей не стало трудно пролезать во входную дверь. Пришлось расширить дверной проем. Мы видели Мадам Кото в фантастических одеждах из шелка и кружев филигранной работы, обшитых по краям бирюзой, в белых одеяниях, желтых шляпах, помахивающей веером из голубых перьев, в дорогих браслетах из серебра и золота, отяжелявших ей руки, в ожерельях из жемчуга и изумрудов. Когда она шла, драгоценности звенели, предупреждая заранее о ее появлении. Она

покрасила красным ногти. Она красила ресницы и губы. Она стала носить туфли на высоком каблуке и все больше и больше начинала напоказ прихрамывать, всегда держа в руке тросточку. Она стала напоминать величественную царицу древних времен, воплощение величия, власти и родового могущества.

У ее бара стали скапливаться автомобили. Огни бара горели ночи напролет, и с улицы я всегда слышал, как там разговаривают, оживленно строя планы, и сквозь полосы занавеси различал фигуры. Начали ходить слухи, впрочем, всегда сомнительные, что она принимает участие в самых жутких обрядах, что она принята в организации, в которые обычно не допускают женщин, что она устраивает различные ритуалы прямо в лесу. Я слышал о чудовищных жертвоприношениях, козлах, зарезанных ночью, о людях, одетых в белые облачения, танцующих вокруг ее дома, слышал рассказы о криках, пронзавших ночной воздух поселка, о барабанах и громоподобных чантах, но самым странным, что я услышал, было то, что скоро грядет рождение четырехглавого Маскарада. Никто так толком и не знал, кто это и что.

Люди сошлись во мнении, что Мадам Кото преуспела в искусстве колдовства. Люди с нена-

вистью глядели на нее, когда она проходила мимо. Они говорили, что она носит волосы людей и животных у себя на голове. Сплетни дошли до того, что некоторые люди стали намекать, что в ее культе используются человеческие жертвоприношения и что она сама ест детей. Говорили, что она пьет человеческую кровь, чтобы продлить себе жизнь и что сейчас ей уже больше, чем сто лет от роду. Говорили, что зубы вовсе не ее, а глаза раньше принадлежали шакалу, и что у нее нога загнила потому, что она принадлежит человеку, который пытался танцевать в своей могиле. В глазах большинства Мадам Кото превратилась в легендарное и монструозное создание. Неважно, что некоторые настаивали на том, что эти слухи распускают ее политические враги. Истории эти навсегда внесли разлад в наше восприятие правды про нее. Медленно, но верно слухи взяли верх над реальной ее жизнью, сами стали реальностью и сделали ее в наших глазах непроницаемой для любого света.

Однако, несмотря на то, что говорили люди, Мадам Кото преуспевала, в то время как остальные бедствовали. Она открыла еще один бар в другой части города. Теперь она делила время между двумя заведениями. Она открыла большой при-

лавок на рынке, где продавала гарри, шелковые материи и украшения. У нее появилось много слуг. Разные толки относительно ее благосостояния долетали до нас. Одни говорили, что она не очень-то и богата, потому что ей приходится поддерживать много людей. Другие утверждали, что у нее столько денег, что она может кормить весь поселок в течение пяти лет. Я слышал, что она целыми днями только и делает, что подсчитывает выручку, и когда она идет в банк, ей нужен вооруженный патруль. Потом пошли истории о том, какая она скупая, что одному из ее слуг были нужны деньги, чтобы вылечить больную печень, и она не дала ему ни гроша. С другой стороны, мы услышали, что она дала большие деньги женщине, чей сын умер бы от отравления, если бы не своевременное вмешательство Мадам Кото. Стало казаться, что существует не одна Мадам Кото, а несколько.

И затем однажды, когда я играл с Адэ, мы увидели, как несколько людей подошли к фасаду ее бара. Все они стояли по щиколотку в грязи. На них были белые одеяния, и у каждого в руках была раскрытая напоказ Библия. У их вожака была самая большая Библия. Она выглядела как инструмент мести. У вожака были взлохма-

ченные волосы и растрепанная тощая бородка самозванного пророка. Он был босой. Если бы не чувство собственной значимости, с которым он держал свой деревянный посох, его можно было бы принять за обыкновенного сумасшедшего. Большой крест болтался у него на шее. Все эти люди, зашедшиеся в пароксизме обличения, были представителями одной из самых влиятельных новых церквей, возникших в городе. Группа состояла из пророков различных рангов, и все они плясали с праведным пылом и молились с устрашающей уверенностью прямо перед входом в бар. Они призывали огонь и пылающую серу, вечные муки и проклятия. Они молились, словно очищая землю от воплощения зла. Они брызгали святой водой на землю и бросали священные крупицы песка в сторону бара. Они стояли там долго и пели с жаром и с пылом, голосами, полными сладости, используя совершенные гармонии, ритмично распеваясь и притопывая в грязи. Их присутствие останавливало людей, направлявшихся в бар. Женщины в баре то и дело выглядывали из двери, раздвигая занавеску, и вожак, главный пророк, с пеной у рта показывал на них кривым пальцем, и пение сразу же становилось громче. Они продолжали петь и приплясывать до самой

ночи и добились того, что заперли Мадам Кото и ее женщин внутри бара, испортив им бизнес в этот день.

* * *

На следующий вечер они вернулись в еще большем числе. Мы видели, как они шли по улице, пели и стучали в церковные барабаны. Казалось, что идет целый большой оркестр. Медная духовая секция пронзала воздух гулом и перекатами, трубы подгоняли ветер, и глубокие голоса пророков звали на битву со злом, пробуждая уснувшую в межсезонье улицу. Когда процессия подошла к бару, вся округа уже была тут как тут. Мы стали великим людским потоком, вздымающейся волнами зрительской массой, похожей на армию посланцев Божьей кары. Люди из церкви пели разные песни одновременно. Они подошли к бару Мадам Кото, но оказалось, что он закрыт. Они пели, играли музыку, распевали чанты и ритмично притоптывали. Они вовсю шпарили священные мелодии, пока не начинали хрипеть. Те, кто ожидал, что должно что-то случиться, были разочарованы. Случилось только то, что в толпе стали возникать группировки, которые начали ссориться между собой. Драки начинались между

музыкальными секциями, между пророками различных вероисповеданий, между соперничающими духовидцами. Главный священник как раз запевал песню экзорцизма, высоко подняв в воздух свои регалии и Библию, когда его окружили дерущиеся. Он буквально разрывался между тем, чтобы утихомирить непослушную паству, и тем, чтобы устроить страшное нападение на это порождение дьявола — электричество Мадам Кото. Прямо посреди всеобщего хаоса он нашел в себе силы произнести гневную филиппику на предмет Апокалипсиса современной науки. Но крики в рядах его собрания становились все отчаяннее. Одного человека бросили в грязь. Другого душили складками его же одеяния. Вскоре оказалось, что все дерутся со всеми.

— ДЬЯВОЛ пробрался в наши ряды! — воскликнул главный священник.

Его никто не слушал.

— Давайте встанем как один и прогоним эту МЕРЗОСТЬ!

Никто этого не услышал.

— ОНИ НАЧНУТ С ЭЛЕКТРИЧЕСТВА И ЗАКОНЧАТ ТЕМ, ЧТО СОЖГУТ ЭТУ ЗЕМЛЮ! — провозглашал он.

Никому до этого не было дела. И затем про-

изошло самое необъяснимое. Небо раскололось пополам. Воздух зажегся, словно с небес начало спускаться какое-то невозможное радиоактивное существо. Свет, ярко вспыхнув, оставался в небе еще долгое время. Все затихли и стояли как завороженные, наблюдая непонятное благовещение. Ужасное оцепенение поразило нас, словно одним ударом сверкающего меча. Ветер дул в полной тишине.

— БОГ ОТВЕТИЛ НА НАШ ПРИЗЫВ! — сказал главный священник.

Небо потемнело и спустилось ниже. Воздух стал полон чьего-то присутствия. Ветер стих. В тот момент я ощутил запах всех известных и неизвестных эссенций лесных трав. Мир утопал в ароматах.

— АЛЛИЛУ... АЛЛИЛУЙЯ! — кричал главный священник.

Его собрание подхватило крик, подняло к небесам и затихло в ожидании.

И затем в самой глубине неба что-то треснуло. Вместе с тем оно вырвалось на свободу и стало спускаться вниз с бесчисленных небесных сводов, набирая темп и усиливая чудодейственные валы звука, приближаясь к нам. Прямо над нашими головами что-то взорвалось и, прежде чем

мы смогли спрятаться от потрясающей драмы мироздания, небо раскрылось и обрушило на нас реки дождя.

Толпа начала разбегаться во все стороны. Сумятица была дикой и напоминала фарс. Люди кричали, дети истошно выли, матери голосили. Только главный священник не сдвинулся с места. Все бежали кто куда, подхлестываемые проливным дождем. Я смотрел, как они бегут, будто из горящего дома. Главный священник звал их, угрожал им, убеждал проявить мужество и запастись силой духа. Он помахивал в воздухе Библией и своими регалиями, и гром гремел над ним. Но сам он не двигался. Он не сдавался. Он продолжил молитвы с удвоенным пылом. Он проклинал мерзость, которой стала Мадам Кото, и называл ее ВЕЛИКОЙ БЛУДНИЦЕЙ АПОКАЛИПСИСА. Он пел и танцевал один, в то время как дождь безжалостно его поливал.

Вскоре он и сам стал посмешищем. Он напоминал насквозь промокшую курицу чудовищных размеров. Он весь трясся. Полы его одеяния непотребно прилипли к ягодицам. Пыл его страстей сходил на нет и равномерно угасал под равнодушным дождем, и его все больше начинала колотить дрожь. Все наблюдали за ним из-под

навесов. Его Библия промокла от второго всемирного потопа, борода напоминала грустное суденышко, колеблемое водами, и голос был мал и неестественен на фоне космических стихий. Его одинокий протест обернулся ловушкой, и у него не оставалось другого выбора, кроме как стоять под проливным дождем,

И пока он с дрожью в коленях распевал чанты, осуждая проституток, науку, теорию эволюции, развитие безбожных принципов и проклятых женщин Вавилона, на улице показался кортеж автомобилей. Они припарковались около него. Двери автомобилей открылись, и из них вышли мужчины и женщины в соблазнительных одеждах. Все они несли с собой зонтики. Среди этих людей была Мадам Кото. На ней было просторное ослепительное черное шелковое платье, белые туфли и белый шарф, а ее руки и декольтированная шея сияли от драгоценностей. Блистательные гости прошествовали мимо главного священника, словно не слыша его обличений. Двери бара открылись, и они исчезли внутри. Затем вышла Мадам Кото и дала священнику свой зонтик. Он взял его с изрядной долей бесстыдства. Она прошагала обратно, опираясь на трость, а священник продолжил выкрикивать проклятия и

осуждения. С этого момента люди начали презирать его. Когда наступил вечер и стало темнеть, главный священник представлял из себя полную развалину. Под покровом темноты, дрожа всем телом, он покинул место своего анафемствования и уныло побрел по улице. Позднее мы узнали, что шествие против Мадам Кото было организовано партией, которую поддерживали бедные. Также мы услышали о возможных благотворительных отчислениях в церковные фонды. Мы были разочарованы подобными методами.

Глава 6

И затем, довершая наше изумление, до нас дошли новости, что Мадам Кото купила автомобиль. Мы не могли в это поверить. Никто на нашей улице и практически никто в нашем районе не мог позволить себе такую роскошь. У некоторых людей были велосипеды, и они очень гордились ими. Один или двое мужчин обладали мотороллерами и были окружены уважением, которое полагается старейшинам или вождям. Но люди определенно утверждали, что женщина на нашей улице имеет собственный автомобиль. Нам все еще не верилось в это, даже когда мы

увидели сверкающий синий автомобиль с доброй мордой утрированной металлической черепахи. Машина была припаркована возле бара. Нам все еще не верилось, даже когда Мадам Кото начала делать первые неуклюжие попытки справиться с вождением, которые закончились тем, что она врезалась в лоток старой женщины. Мадам Кото сразу же распорядилась отремонтировать лоток и выдала этой женщине изрядную сумму. Мы наблюдали, как она учится водить. Она была слишком массивной для такого маленького автомобиля, и спереди выглядело так, как будто машина — ее панцирь, а ее голова — это третий глаз черепахи. Факт, что эта машина была слишком маленькая для нее, был для людей единственным утешением. Но все равно мы не могли оправиться от изумления.

Вместе с мужчиной, сидевшим рядом с ней, она ездила по улице, учась водить автомобиль. С решительным полубезумным взглядом, приподняв плечи, словно ее вес каким-то образом помогал машине двигаться вперед, она зигзагами гоняла по улице. Пока еще она не умела ездить по прямой. Когда она приближалась, обычно раздавался чей-то взволнованный голос:

— Прячьте своих детей! Прячьтесь сами! Едет

безумная черепаха!

Затем мы видели ее машину, которая кидалась из стороны в сторону, наводя переполох среди коз и домашней птицы, и заставляя невинных ротозеев спасаться бегством в самые неприглядные места. Упорство Мадам Кото так и не было вознаграждено. Даже когда она научилась ехать по прямой, она все равно так нервничала, яростно работая всеми рычагами, что автомобиль издавал ужасные кашляющие звуки.

— Черепаха проголодалась, — говорили люди.

Затем мы услышали, что у нее возникли трудности с управлением автомобилем из-за ее распухшей ноги. Когда она нажимала на тормоз, то делала это так резко, что мужчина, который учил ее, ударялся головой о лобовое стекло. И поскольку она так и не смогла научиться водить, то наняла себе шофера, который возил ее по различным надобностям.

Неважно, что машина была маленькой, что Мадам Кото не умела водить ее сама. Значение имело то, что и на сей раз она была первопроходцем. Люди прониклись убеждением, что, если она захочет, то пролетит через весь поселок на донышке калабаша.

* * *

Мадам Кото решила обмыть свой новый автомобиль, и собралось множество людей, чтобы принять участие в этом ритуале. Присутствовал даже наш лендлорд. Люди приехали на велосипедах и мотороллерах. Многие пришли пешком. Среди прочих были старцы, которых мы никогда раньше не видели. Много было странных солидных женщин с непроницаемыми глазами. Мы увидели больших начальников, громил, и даже травников, колдунов и их подручных. Все они собрались в баре выпить и закусить. Все очень громко беседовали. Наконец народ позвали на омовение. Все кружком встали вокруг машины. Великий травник был суровым неумолимым мужчиной с таким изборожденным жизнью лицом и такими страшными глазами, что, наверное, даже зеркала отшатывались в ужасе и трескались при его взгляде. Он пробормотал подобающие такому случаю заклинания и помолился за автомобиль.

— Эта машина, — сказал он после всех таинств, — сможет доехать до луны и ничего с ней не случится.

Люди одобрительно закивали.

— Эта машина принесет вам благополучие и много денег. Ничто плохое не коснется ее. Любая другая машина, которая врежется в нее, будет разрушена, но с вашим автомобилем ничего не произойдет. Это и есть то, что мы называем высшей магией. Если вы даже заснете за рулем, все равно с машиной ничего не случится. Всякий, кто украдет ее, немедленно попадет в аварию и умрет. И всякий, кто пожелает зла этому автомобилю, тоже умрет!

Люди изъявили дружное согласие. Мадам Кото с тростью в руке энергично закивала. К этому времени все уже в той пли иной степени были пьяны.

— Если люди хотят завидовать вам, пусть завидуют. Зависть свободна. Они могут подавиться ею или же распухнуть, если они этого захотят. Но всякого, кто пожелает вам зла, пусть эта машина переедет, когда он спит. Эта машина будет охотиться за вашими врагами, преследовать как злой дух, перемалывать их в дорожную пыль. Ваш автомобиль сможет проехать сквозь огонь и ничего с ним не случится. Он сможет въехать в океан и выйти сухим. У него теперь есть друзья в мире духов. Эти друзья, такие же машины, как эта, будут гнать ваших врагов. Им не спастись от

вас. Бомба упадет на эту машину и ничего с ней не случится. Я открыл путь для этого автомобиля. Теперь он будет ездить по всем дорогам. Он благополучно доедет до всех пунктов назначения. Вот что я говорю.

Люди поприветствовали травника. Кто-то засмеялся. Травник побрызгал автомобиль сложными снадобьями и едкими жидкостями. На капот он вылил целых полбутылки замечательного огогоро. И после того как ритуал омовения был завершен, после того как старцы, большие люди, начальники и служители культов совершили либации, собрание приступило к последней части программы — хорошенько напиться. Все пили, не отрываясь. Все спорили, как надо лучше пить, и все пили, чтобы лучше спорить. Много людей присоединилось к ним. Проститутки принесли пальмовое вино, перечный суп, жареное мясо и кроликов гриль. Появился слепой старик, он очень серьезно отнесся к процессу питья и ввязался в жаркую дискуссию с начальником. Собрание немного разбушевалось. Этого не просто все ожидали, так и было задумано. Но внезапно разразился гром. Никто не знал, когда все началось. Птички летали над головами и садились на крышу автомобиля. Небо темнело. Великий

травник, который благодаря выпитому выглядел еще страшнее, чем раньше, начал высказывать очень рискованные заявления. Наконец он сказал такое, что повергло всех в полное молчание.

— Эта машина станет гробом, — внезапно объявил он. — Я только что видел это.

Люди уставились на него в полнейшем непонимании. Странный ветер перемен, казалось, задул в его голове. Глаза его стали смотреть в разные стороны. Его кривой рот придавал высказываниям силу приговора судьбы.

— До тех пор, пока вы не исполните правильно ритуал жертвоприношения, эта машина будет гробом! Я должен говорить правду, когда я вижу ее, иначе я умру! — продолжил травник.

Настроение собрания изменилось в одно мгновение. Старцы и пожилые женщины, выведенные из равновесия упоминанием страшного слова, с необычной живостью встали и пошли по домам. Начальники и высокопоставленные члены партии сели в свои машины. Молодые люди также поспешили уйти из бара. Остались только проститутки, лендлорд, слепой старец, который продолжал спорить с воздухом, как будто ничего не случилось, и сама Мадам Кото.

— Но если вы дадите мне одну из этих жен-

щин, — сказал травник, делая выпад в сторону одной из проституток и промахиваясь, — я легко смогу извлечь этот проклятый гроб из вашего автомобиля.

Он стоял, покачиваясь, и его затуманенный взор был устремлен в лес. Птички взлетели с крыши автомобиля. Ветер слабо завывал и свистел в электрических проводах. Затем травник взял свои снадобья, прошагал мимо автомобиля и пошел по улице в нашу сторону. Мы сидели с Адэ на дереве, травник, приблизившись к нам, с пеной у рта, пьяный, с перекошенными глазами, сказал:

— Очень скоро один из вас умрет!

И пошел в лес.

Мы спрыгнули с дерева и последовали за ним. Он остановился, чтобы пописать возле дерева. Его моча была очень желтой. Закончив писать, он зашагал вперед, жестикулируя, размахивая руками, и крича:

— Все эти деревья умрут, — с горечью сказал он, — потому что больше никто их не любит!

И затем, махая руками, как крыльями, он обернулся, увидел нас и сказал, показывая на меня своим пальцем в магических кольцах:

— Эй ты, ребенок-дух, если ты не заберешь отсюда своего друга, я вас обоих превращу в змей!

Мы развернулись и побежали. Уже на бегу мы услышали, как он стонет в лесу, и его голос эхом отдается среди деревьев, отражаясь от земли. Мы слышали его пьяный плач, полный горести:

— Слишком много дорог! Все МЕНЯЕТСЯ СЛИШКОМ БЫСТРО! Нет новых идей. Везде одна ТРУСОСТЬ! СЕБЯЛЮБИЕ РАЗЪЕДАЕТ МИР! ОНИ РАЗРУШАЮТ АФРИКУ! ОНИ РАЗРУШАЮТ МИР, и ДОМ, и ХРАМЫ БОГОВ! ЛЮБОВЬ они тоже РАЗРУШАЮТ!

Мы услышали его сумасшедший смех, раздирающий на части воздух. Он продолжил свои крики уже другим голосом.

— КТО МОЖЕТ УВИДЕТЬ ВО СНЕ ДОБРУЮ ДОРОГУ И ЗАТЕМ ПРОЙТИ ЕЮ ПО ЖИЗНИ? КТО МОЖЕТ РОДИТЬ СЕБЯ И БЫТЬ СЕБЕ ОТЦОМ И МАТЕРЬЮ? КТО МОЖЕТ ЖИТЬ В БУДУЩЕМ и ЖИТЬ В НАСТОЯЩЕМ и НЕ СОЙТИ С УМА? Кто может ЖИТЬ СРЕДИ ДУХОВ и среди ЛЮДЕЙ и НЕ УМЕРЕТЬ? КТО может ЕСТЬ И СПАТЬ СО СВОЕЙ СУДЬБОЙ и все-таки ПОЛУЧАТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ПРЕКРАСНЫХ ВЕЩЕЙ?

Воздух сотрясся от того же смеха.

— ЭТИ ЗАГАДКИ ПУСТЬ РАЗГАДЫВАЮТ ДЕРЕВЬЯ! — прокричал он из дальних глубин леса. Больше мы не слышали его голоса.

Когда мы подошли к бару, Мадам Кото сидела снаружи в плетеном кресле в окружении своих женщин. Некоторое время мы за ними наблюдали. Они сидели, не двигаясь. Они сидели в полной тишине. Все они смотрели на автомобиль.

Глава 7

Публичные представления Папы должны были выйти на новую орбиту. В течение того времени, когда Мадам Кото провела электричество и купила автомобиль, люди потеряли интерес к его тренировкам. Их больше интересовала машина. По вечерам люди шли к бару Мадам Кото и скапливались возле автомобиля, глазели на него, восхищались. Как-то ночью мне даже приснилось, что Мадам Кото поехала на машине на луну и не смогла вернуться. Когда ее слуга ездил взад и вперед по улице, доставляя пальмовое вино и еду, люди прекращали свои дела, чтобы еще раз обновить восхищение по поводу машины. Позади автомобиля с криками и приветствиями всегда бежали дети.

Мадам Кото выросла еще на одну ступень — она перешла на пиво. На пиве можно было заработать больше денег, и в городе недавно

начали открываться пивоварни. Иногда, когда вечерний запас пива бывал доставлен, Мадам Кото приглашала детей из нашего района прокатиться на автомобиле. Этим она доставляла себе особое удовольствие от своей значимости и считала бесплатное катание чем-то вроде благотворительности. Адэ отказывался вступать в какие-либо контакты с автомобилем. Отец убедил его в том, что это дьявольское устройство. Однажды она и меня прокатила, и я никогда этого не забуду. Она сидела на заднем сиденье, я — на переднем. Я не видел дороги, и мне казалось, что мы едем по ветру. Она останавливалась, чтобы подвезти людей. Когда я остался один в машине, она попросила водителя прибавить скорость. Водитель был только рад этому и понесся с такой дикой скоростью, что я был уверен: мы летим на луну. Когда я попросил водителя притормозить, потому что начал чувствовать тошноту, Мадам Кото сказала:

— Быстрее, быстрее!

И водитель погнал как сумасшедший, с какой-то мстительностью разгоняя машину до предельной скорости. Я не мог понять источник этой мстительности. Лицо Мадам Кото было лучезарным, глаза расширились, и ее массивное

тело светилось от чистого наслаждения и силы ускорения, так же, как и от моего ужаса. Но затем от скорости и от страха меня стошнило. Меня стошнило прямо на водителя, тогда Мадам Кото приказала остановить машину и дала знак водителю, чтобы тот меня спровадил. Водитель так и сделал. Оттерев рвоту с помощью песка и тряпки, он грозно на меня посмотрел. Этот взгляд никак меня не пронял, тогда водитель осторожно подошел ко мне, притворяясь, что хочет в знак прощения погладить меня по голове, и залепил такой щелбан, что у меня пошла голова кругом, и я даже не заметил, как они уехали. Я остался на дороге вдали от дома, и больше меня не звали покататься на автомобиле.

Вечером, когда я пришел домой, Папа тренировался так, как будто окончательно сошел с ума. Никто за ним не наблюдал, кроме мальчика, двух кур, козла и слепого старика. Той ночью, недовольный переменчивостью вкусов этого мира, тем, что людям надоели его представления, Папа не на шутку разбушевался и в неистовстве носился по дороге, бросая вызовы всей планете. Он хвастался, что может за раз побить троих. Никто не принял его вызова. Тогда он стал настаивать, что побьет пять человек. Только когда он поднял

число своих противников до семи, люди начали выходить к нему из темноты.

Я был совсем обессилен той ночью. Я сидел на цементной платформе и видел, как семеро мужчин приближаются к Папе. Все они работали грузчиками и телохранителями. Я часто видел их в толпе, как они изучали движения Папы, пока он тренировался. Папа бесцеремонно уложил одного из них быстрым апперкотом в челюсть. Человек упал и больше не двигался. Остальные шестеро мужчин обступили его. Папа попрыгал на месте, накачивая себя повторением своих боевых имен, тайных имен, имен, которые он дал своему духу. Двое мужчин выступили вперед, и один из них ударил Папу по голове простым круговым ударом. Папа заразительно засмеялся и исполнил тот же удар. Мужчина свалился как подкошенный. Папа нацелился на третьего противника, но изменил направление и нанес удар четвертому в солнечное сплетение, а затем выбил его из боя сокрушительным косым ударом слева. Трое мужчин без движения лежали на земле. Остальные четверо разбежались, как сговорившись. Папа не стал их догонять. Слепой старик поаплодировал Папе, а мальчик вслух произнес его боевое имя. Когда все ушли, оставив

старика одного, мы услышали, как в темноте вздохнул его аккордеон. Мы были удивлены тем, что звучал он довольно приятно.

Глава 8

Мы проснулись и обнаружили, что мир смотрит на нас с особым уважением. Весть о том, что Папа побил в бою семерых мужчин, облетела вокруг глобуса и даже достигла мира духов. Папа, который стал сам себе импресарио, три дня не тренировался на публике. Он объяснял мне свои ключевые принципы:

— Когда люди не верят, что ты это умеешь, а ты это делаешь, они начинают тебя уважать. И тогда приходит время, когда нужно исчезнуть. Чем больше они уважают тебя, тем лучше. Потом, держи в себе свои секреты. Интерес людей растет. Время идет. Они устают. Им становится скучно ждать тебя. Они теряют в тебя веру. Вот тогда и нужно показать им, на что ты способен.

Я понятия не имел, о чем он говорит. Вместо того, чтобы тренироваться у ограды дома, он медленно прохаживался по улице.

— Черный Тигр! — приветствовали его люди.

Он не отвечал. Он уходил из поселка, и никто

его не видел до самой ночи. Потом он подходил к дому, несколько секунд боксировал с тенью для публики и исчезал в комнате. Интерес к нему все возрастал. Его имя передавалось из уст в уста. Его легенда пускала новые ростки. Когда бы я ни возвращался из школы, всегда находилось несколько мужчин, которые спрашивали о нем. Они хотели знать, где он тренируется, кто был его тренер, и к какой партии он принадлежит. По вечерам толпы народа собирались возле нашей ограды. Люди, наслышанные о доблести Папы, съезжались из отдаленных деревень, из самых дальних уголков. Они ходили кругами, посматривая на наш дом. Соседи приходили рано, принося с собой маленькие столики, стулья и выпивку. Уличные торговцы, разносчики, продавцы пива, торговцы водой со льдом и нюхательным табаком толпились в ожидании. Когда Папа возвращался домой с работы, все хором скандировали его имя и просили устроить публичную тренировку. Он отвечал тем, что демонстрировал некоторые удары, работу ног и затем исчезал в нашей комнате. Он ничем не был им обязан и отказывался потакать их изменчивым вкусам. Толпа становилась беспокойной, потом скучающей, потом разочарованной, и наконец все расходились. Но

вскоре пошли слухи, что Папа вовсе и не побил семь человек сразу, что он вообще никого не победил, что он даже боится сейчас тренироваться в присутствии публики.

Прослышав про это слухи. Папа таинственно заулыбался. Он продолжал ходить в сторону леса, к месту, о котором никто не знал.

Глава 9

Наступило время политического сезона, заново набравшего силу. Однажды утром мы снова услышали голоса из громкоговорителя. Голоса убеждали нас вступить в Партию Богатых. Голоса твердили нам, что они собираются устроить самый большой политический съезд в мире, куда будут приглашены самые известные музыканты Африки и где будут раздавать подарки для детей, призы для женщин, работу для мужчин. Позже в этот день мы увидели, как медленно отъезжает фургон, из которого продолжали разноситься заявления. На сей раз в фургоне было еще больше громил и телохранителей. Фургон был задрапирован большими партийными флагами; мужчины раздавали листовки. Когда фургон только-только появился, я подумал, что на наш район движется

беда. Я подумал, что снова будут гореть дома, фургон будет уничтожен, а громил изобьют. Я подумал, что люди вспомнят, как та же самая партия пыталась отравить их гнилым молоком и как она устроила ночной погром. Но люди все позабыли, а те, кто еще что-то помнил, пожимали плечами и говорили, что все это было слишком давно, что все это слишком запутано, и кроме того, у партии давно уже поменялись лидеры.

Папа пропустил драматическое возвращение политики в наши жизни. Он продолжал тренироваться вдали от всех. Когда он вернулся, улица была завалена памфлетами, которых никто так и не прочитал. Он почти не проявлял интереса к тому, что творится в мире вокруг нас. Когда мы рассказали ему о возвращении фургона, он недоуменно заморгал.

— Какой фургон?

— Фургон политиков.

— А, политики, — сказал он, снова погрузившись в пустое созерцание.

Когда Мама спросила его, где он был, Папа по-прежнему находился в состоянии полной прострации.

— Где был?

— Да, где ты был?

— Да так, тренировался.
— Где?
— Что где?
— Где ты тренировался?
— А, там где-то.
— Расскажи мне.
— Что?
— Где?
— Зачем?
— Может быть, ты тренировался с другой женщиной?
— Женщиной?
— Да, женщиной.
— Какой женщиной?

Мама в конце концов сдалась. Задавать Папе какие-либо вопросы было непросто. Он ел в таких же количествах, как прежде, и почти все время молчал. Его бытие поднялось на новый уровень. Мама попыталась раз или два с ним поругаться, но Папу, глубоко ушедшего в свой мир, было бесполезно вовлекать в споры. Мы тогда еще не понимали, что его охватила какая-то новая сила. Он становился другим человеком. Его глаза стали жесткими, как кремень или те камни, которые режут металл. Он был какой-то отчужденный, словно принадлежал к другой планете. Его лицо

стало более абстрактным, похожим на маску и, что любопытно, какие-то его черты смягчились.

Однажды Папа сказал мне:

— Я впервые начинаю видеть вещи такими, какие они есть. Мир не тот, каким он кажется. Везде бродят таинственные силы. Мы живем в мире загадок.

Я внимательно слушал. Он остановился. Затем он посмотрел на меня так, как будто просил поверить в то, что он говорит.

— Вчера я тренировался, и какой-то старик с невидимой ношей на голове подошел ко мне и попросил денег. Я дал ему все, что у меня было. Он отдал мне все обратно и сказал, что я счастливый человек.

— Почему?

— Он сказал, что если бы я не дал ему деньги, я бы погиб в следующем бою.

— И что ты сделал?

— Сначала я не поверил ему. Он знал, что я ему не верю. Затем он показал на небо. В воздухе сражались две птицы и издавали странные звуки. Затем к ним стало слетаться много других птиц. Одна из птиц начала падать. Медленно. Я побежал и поймал ее, прежде чем она коснулась земли. Внезапно птица растаяла в моих руках,

как лед в воде. От нее осталась только кровь. Я попытался стереть ее, но у меня ничего не получалось. Ко мне подошел старик и плюнул мне в ладони. Кровь исчезла. Старик снова показал мне на что-то. Я посмотрел, но ничего не увидел. Когда я поглядел по сторонам, старик исчез. Я увидел его уже вдалеке и хотел догнать, но, как быстро я ни бежал, он оставался на том же расстоянии от меня. Я сдался и больше в ту ночь не тренировался. Не говори матери про то, что я тебе сейчас сказал, ты понял?

Я кивнул. После этого он полностью затворился, словно в пещере. Я тоже замолчал. Его история поразила меня. Мама ворчала, что мы оба невыносимы, и все искала повод для ссоры, ругая меня за то, что я не доделал. Мы с Папой промолчали всю ночь.

Глава 10

Мной овладело любопытство, где же втайне от всех тренируется Папа. На следующий день я стал ждать, когда он туда пойдет, чтобы идти за ним следом, но он как пришел, так и рухнул на кровать. Он был очень уставший. Я разбудил его и напомнил о тренировке, но он перевернулся на

другой бок и опять заснул. Я вышел поиграть и не стал уходить далеко, чтобы не упустить Папу. На улице стоял шум. Туда-сюда ездили фургоны политиков, распространяя свои бесконечные заявления и обещания, сопровождаемые ревом партийной музыки. Было довольно странно слышать, как обе партии обещают практически одно и то же. Партия Богатых обещала повысить благосостояние каждого, говорила о новых дорогах, электричестве и бесплатном образовании. Представители партии обзывали оппозицию ворами, деревенщиной и бандитами. На нашем съезде, говорили они, каждый будет накормлен и все вопросы будут разрешены.

Тем вечером фургон Партии Бедных тоже с парадом прокатился по нашей улице. Он точно так же громыхал музыкой и сыпал похожими заявлениями. Листовки распространялись на четырех языках. Когда два фургона с вооруженными охранниками проезжали друг мимо друга, они вступали в звуковую войну и поднимали страшный шум. Они обзывали друг друга через громкоговорители, и начиналась такая какофония, что на дорогу высыпала толпа зрителей в ожидании какой-нибудь потрясающей катастрофы. В тот вечер фургоны встречались дважды. Мы

думали, что начнется что-то вроде вооруженного столкновения, но обе партии соблюдали правила борьбы, выработанные по отношению друг к другу в ходе политической кампании. Хотя правда была в том, что просто еще не подоспело время.

Автомобиль Мадам Кото был замечен на службе у Партии Богатых. Самой ее не было в машине. И для ее шофера появились новые возможности пустить всем пыль в глаза. Когда он видел нас на середине дороги, он тут же прибавлял скорость и ехал прямо на нас, будто намереваясь нас сбить. Мы разбегались как угорелые. Только Адэ оставался стоять на своем месте, не боясь ничего, почти позволяя шоферу сбить себя. Шофер с широкой улыбкой на лице резко останавливался рядом с Адэ. Пугая нас, он входил во вкус. Но когда мы увидели, что он не сбил Адэ, и все остальные перестали убегать при появлении автомобиля. Меня всегда сковывал ужас, когда автомобиль с визгом тормозил, и я чувствовал запах машинного масла и видел улыбку водителя. Адэ, всегда держащийся с вызовом, никогда не улыбался ему в ответ. Он просто прекращал делать то, что делал, и шел домой. Он был одиночка.

Когда шофер стал изгаляться на своем автомобиле, сигналя в рожок, сыпя оскорблениями

в адрес коз, кур и прохожих, людям снова разонравилась Мадам Кото. Но в конце концов не ее вина была в том, что ее шофер подвозил девочек, обрызгивал грязью рабочих людей и при каждой возможности пробовал на нас свой кладбищенский юмор.

* * *

Вскоре на всей дороге началось необычное столпотворение. Фургонов прикатило больше, чем обычно. От музыки и речей было столько шума, что дети начинали плакать, а у взрослых закладывало уши. Мы уже не слышали, что они там говорят. Они сами сводили на нет свои заявления этим шумом. В тот день какие-то люди наводили справки о Папе. Они ходили кругами в ожидании, когда же он вернется. Один из фургонов, доверху набитый партийными деятелями, остановился через дорогу от нас и заполонил улицу гулом диссонирующей музыки и бессмысленными увещеваниями. Ораторы говорили на многих языках такими энергичными голосами, что из громкоговорителя до нас доносилась одна неразборчивая чепуха. В тот день все были на пределе. Наваждение жары в период межсезонья было адским, воздух словно отсырел, и

партийный шум вяз у нас на зубах. Было такое чувство, что вот-вот должно произойти что-то неприятное.

Когда Папа вернулся с работы, мужчины обступили его и начали задавать вопросы. Он ничего им не ответил, отстранил их и прошел в комнату. Он смертельно устал на работе, глаза его выкатывались из орбит, и его молчание выражало какую-то древнюю злобу. Я принес ему воды, он помылся. Мы разложили перед ним еду, и он съел свою обычную необъятную порцию. Затем он заснул. Он так и проспал до вечера. Мужчины снаружи все еще ждали его. Затем они ушли. Фургон стоял припаркованный, и время от времени мужчины отпускали комментарии — кто победит на предстоящих выборах. Они очень громко включили свою музыку. Это была не та музыка, которая нам нравилась. Наверное, Папу и вывели из себя эта музыка и ее громкость. Он вскочил с кровати на час раньше обычного и с голой грудью и с полотенцем на шее решительно зашагал в сторону фургона.

Когда Папа подошел к фургону, мужчины, которые его ждали, снова появились и окружили его. Папа подошел к двери водителя и что-то прокричал. Музыка заиграла громче. Папа снова

крикнул. Я увидел, как он хватается за руль. Внезапно музыка стала превращаться в неприятный скрежет, и вскоре она затихла.

— Беды ходят парами, — кто-то сказал в наступившей тишине.

Долгое время ничего не происходило. Один из мужчин схватил Папу за шею, и Папа ответил ему так, что мужчина встал прямо, с застывшими глазами, спиной прислонившись к фургону. Все остальные не двигались. Папа бросился обратно в дом. Мужчина, которого он ударил, стал медленно сползать по стенке.

Партийные кадры, телохранители, громилы — все начали выпрыгивать из фургона на землю. Это были могучие мужчины с цельными мускулами, словно вырезанными из тикового дерева. На лицах у них была ярость, в руках многие держали дубинки. Последний спрыгнувший громила был самый могучий. Он на ходу снимал с себя комбинезон. Я никогда не видел человека с такой грудой мускулов. Его глаза сверкали, это был красавец-здоровяк, но глаза его подергивались так, как будто что-то неумолимое свербило в его мозгу. Остальные освобождали здоровяку путь. Безусловно, это был их лидер. Все бегали вокруг него, рассыпаясь в почтительных реверансах и

показывая на наш дом. Главный громила презрительно оглядел наш барак, чего он, вероятно, и заслуживал, и с медлительностью и великим апломбом человека, для которого победа всегда является делом решенным, прошагал к кашей ограде. За ним уже шли зрители. Дети приветствовали его. Жильцы нашей улицы шипели сквозь зубы и про себя проклинали его. Музыка снова заиграла из динамиков, и кто-то пропел вариацию старой народной песни про беду, которую люди сами к себе приводят.

К тому времени, когда главный громила подошел к нашей ограде, толпа уже расположилась по кругу, образовав что-то вроде ринга. Поселковые люди принесли стулья, выпивку и расположились так, чтобы лучше видеть центр площадки. И затем голос из толпы начал скандировать папино имя:

— Черный Тигр! Черный Тигр!

Чант моментально был подхвачен и стал нарастать, пока вся толпа не начала звать Папу, ритмично притопывая ногами.

— МОЛЧАТЬ! — заорал главный громила.

Воцарилась тишина.

— Кто такой этот Черный Тигр? Он что, не боится смерти? Почему он оскорбляет моих людей и

портит нашу музыку? Пускай он выходит — прямо СЕЙЧАС!

Толпа возобновила чант.

— Молчать! — снова крикнул главный громила.

Он прошелся по рингу, выпятив грудь, раздувая свою фигуру.

— Вы знаете кто я такой?

— Нет! — дружно ответила толпа.

— Меня зовут…

— Даааа? — спросила толпа.

— ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕОПАРД!

— Это правда? — вздохнула толпа.

И воцарилась тишина. Одно это имя вселяло мифический ужас. Это был легендарный персонаж, самый свирепый боец и устрашитель многих соперников. Когда-то он был вооруженным грабителем, почти стал чемпионом по боксу и многие годы сеял ужас на тысячах улиц, превращая ночи в кошмар для мужчин и женщин. Его имя всегда произносилось шепотом, из-за страха, что внезапно он может материализоваться перед тобой; до сего дня никто из толпы не знал, как он выглядит; все лишь были во власти этих устрашающих мифов.

Папа не выходил. Начинало складываться мне-

ние, что он трус. Беспокойство в толпе нарастало. Легендарный Зеленый Леопард, который теперь, как говорили, завязал с вооруженными ограблениями, гордо обходил ряды толпившихся людей. Говорили, что теперь он исправный член партии, выполняющий обязанности вышибалы, телохранителя и вербовщика сторонников кандидатам. Но в действительности это был громадный бычара из трущоб, который сейчас обходил ринг с выпяченной грудью, делая кулачные выпады.

В какой-то момент привезли и слепого старика на каталке. Он беспокойно брыкался на своем кресле. С собой он взял аккордеон. На старике была красная шляпа, и он поразил нас на сей раз зелеными очками.

— О, так сегодня будет бой, — сказал он кладбищенским голосом, посмеиваясь и ерзая на кресле, как большой таракан.

— Так значит, битва? Кулачный бой! Отлично. Когда мы были молодыми… — запел он, извлекая музыку из своего аккордеона.

Продавцы пива, торговцы безделушками, владельцы столиков, разносчики вяленой рыбы и жареных земляных орехов ходили среди толпы, продавая свои товары. Напитки покупались в большом количестве. Адэ нашел меня, и мы ста-

ли держаться друг друга в ожидании боя. Мадам Кото с больной ногой и черной тростью вышла в передний ряд зрителей. Мы слышали, как ее слуга по всей улице сигналит в рожок автомобиля. Слепой старик уже спорил с кем-то, кто выиграет бой. Они заключили пари. Тут же всех охватила лихорадка ставок, и толстяк Сами, владелец букмекерской конторы на нашей улице, стал ходить по рядам, собирая ставки на Папу. Большинство ставили на Зеленого Леопарда. Папа слишком долго задерживался, и симпатии людей были не в его пользу. Сами, владелец конторы, собирая ставки, понял, что ему нужно ведерко, чтобы уместить все деньги. Он купил ведерко и послал за своими братьями. Пришло шестеро из них, все вооруженные мачете и пневматическими пистолетами. Они плотным кругом обступили ведерко. Затем Сами подошел к Зеленому Леопарду и заговорил с ним. Тот сурово посмотрел на Сами и сказал так, чтобы все слышали:

— Если я за две минуты не сделаю эту Черную Курицу, я дам ему тысячу фунтов!

Зрители сходили с ума от нетерпения.

— Зеленый Леопард! — скандировали они.

А Папа все не появлялся. Я забеспокоился. Я пошел в барак узнать, что там происходит.

Глава 11

В комнате было темно. Мама сидела на папином стуле, штопая ему рубашку. Папа лежал на кровати, храпя. Я разбудил его и рассказал, что происходит.

— Не ходи, — сказала Мама.

Когда Папа услышал о тысяче фунтов, его лицо просияло.

— Так они готовы? — спросил он.

Я энергично закивал.

— И там уже столько людей?

— Весь район. Даже Мадам Кото пришла.

Он улыбнулся. Через тонкие стенки перегородок мы услышали, как народ скандирует имя главного громилы.

— Кто это?

— Толпа. Они приветствуют того человека.

— А что это за человек?

— Зеленый Леопард.

Папа вскочил с места. Его проворство было своеобразной маскировкой охватившего его волнения. Он отлично знал репутацию своего соперника. Он тут же стал боксировать с тенью. Он массировал мускулы. Он разминался и вскоре

вогнал себя в пот. Чант снаружи раздавался все сильнее. Он пошарил в карманах, вынул несколько фунтовых банкнот и дал их мне, чтобы я пошел и поставил на него.

— Смотри не потеряй, — сказал он. — Это последние деньги в доме.

У Мамы на лице появилось жалкое и беспомощное выражение, словно она входила в начальную стадию затяжной болезни.

— Так ты собираешься драться с ним? — спросил я.

— Не надо, — сказала Мама.

— И сделать из него отбивную, — ответил Папа, — за десять минут.

— Тот человек утверждал, что именно это он собирается сделать с тобой, — сказал я.

— Ну и прекрасно, — отрешенно ответил Папа.

Я покинул комнату. У границы поселения зрителей все прибавлялось. Лица были везде. Вечно голодные лица. Сейчас они были голодные на зрелище.

Вечер был солнечный. Одной только жары было достаточно, чтобы все находились в состоянии лихорадки. Я подошел к Сами и поставил на Папу. Ставки против Папы были высоки, и Сами улыбнулся, приняв от меня деньги.

Когда Папа появился на ринге, я понял, почему ставки против него были так высоки. По сравнению с Зеленым Леопардом он выглядел откровенным хиляком. Его появление вызвало новый шквал насмешек. Он вышел на ринг, попрыгал, пофыркал, побоксировал. Зеленый Леопард удостоил его презрительным взглядом и властным голосом спросил:

— Каков твой вес?

— У меня нет веса, — ответил Папа.

Толпа рассмеялась.

— У этого человека нет веса, — сказал кто-то из толпы.

Мне стало жаль Папу. Я даже уже бросился к нему, чтобы увести его домой, но Адэ оттащил меня.

— Отец дал мне этот фетиш, сильнейшее заклятие, — сказал он, тыча мне в лицо мертвой лягушкой. — Брось его на ринг, — добавил он, протягивая мне лягушку.

Я прицелился в голову Зеленого Леопарда, швырнул фетиш и промахнулся. Он приземлился на голову одного из громил. Человек обернулся, увидел наши проказливые лица и погнался за нами. Мы добежали до сгоревшего фургона, дважды его обежали, нырнули под столик и улизнули в

лес. Громила вернулся к зрителям. Мы тоже осторожно вернулись. Протиснувшись сквозь толпу, мы увидели, что соперники уже разогреваются. Музыка гремела из партийного фургона и резала слух. Зеленый Леопард разминался, вгоняя себя в пот, который тек с него ручьями. Это был подлинный титан. Казалось, что его высекли прямо из цельного гранитного утеса. Его мускулы блестели в лучах вечернего солнца, будто он искупался в масле. Папа смотрелся худым и крепким, но совсем не таким могучим, как я его себе представлял, пока у меня не с кем было сравнивать. Я испугался за него и почувствовал себя больным.

— Так у тебя нет веса, да? — спросил Зеленый Леопард, исполняя свирепый военный танец и направляя в папину голову несколько пробных ударов.

— Нет, — ответил Папа, прыгая на одной ноге, как безумный кузнечик, — но я побью тебя и опозорю твою философию.

Зеленый Леопард снова презрительно рассмеялся, и Папа нанес ему молниеносный удар прямо в лицо. Голова Зеленого Леопарда откинулась назад. Его смех затвердел в маску боли. Кровь проступила у него на губах. Он был совершенно сбит с толку скоростью папиной атаки. Толпа тяжело

вздохнула. Музыка смолкла. Какое-то мгновение только ветер завывал над нашими голодными головами. Слепой старик возбужденно заерзал на кресле и нарушил тишину несколькими пассажами на своем старинном инструменте.

— Первый удар нанесен! — сказал он.

И затем Зеленый Леопард обрушил на Папу всю ярость своей атаки, сопровождая ее криками, агрессивно свингуя, используя локтевые выпады, хуки и перекрестные удары. Женщины в толпе завизжали. Папа словно исчез под натиском ударов и был отброшен в толпу. Люди расступились, и когда он поднялся, несколько рук вбросили его на ринг. Одним из этих людей был наш лендлорд.

— Первая атака! — крикнул слепой старик.

Я изо всех сил его возненавидел.

— Есть ли у тебя еще одна лягушка? — спросил я Адэ.

— Нет. Но у меня есть вот это.

Он вытащил рогатку. Я ее выхватил у него, нашел камешек, зарядил рогатку и нацелился прямо в лицо старику. Вместо лица я попал ему в красную шляпу. Старик истошно завизжал. Толпа опять тяжело вздохнула. Папа упал под натиском жестоких увесистых ударов. Громилы помогли ему подняться и со смешками отправи-

ли обратно в бой.

— Успешная атака номер два, — объявил старик и спрятал лицо.

Я стал искать новый камень. Кто-то отобрал у меня рогатку. Толпа неистовствовала. Я увидел, как Зеленый Леопард отступает. Папа набросился на него и исполнил свой каскад, лавину ударов, проделанных с такой быстротой, что казалось, его руки представляют из себя машину. Его скорость была удивительной, руки стали похожи на одно большое пятно, и Зеленому Леопарду пришлось присесть на ягодицы. В рядах его сторонников началось замешательство. Но он взял себя в руки. Слепой старик вздрогнул на своем кресле.

— Заканчивай его! — крикнул я.

Голос мой потонул в общем шуме, гаме и шепоте зрителей. Папа ждал, когда поднимется его противник. Он пустился в танец, демонстрируя движения ног. Он подпрыгивал и иногда даже гарцевал, как конь. Он выглядел очень впечатляюще. Внезапно его сила возросла из ничего. Его кожа заблестела. И на лице его появился взгляд, которого я раньше не видел. Это был взгляд человека у себя дома, знающего глубокие заводи своего духа и его великие энергии. На лице у Папы не было ни тени страха. Он казался безмя-

тежным и безумным в одно и то же время.

— Нет веса! Нет веса! — кричал он. — Я Черный Тигр из леса!

Зеленый Леопард бросился на него. Но Папы уже там не было. Он мастерски ушел за Зеленого Леопарда. И ждал, когда прославленный воитель повернется к нему. Зеленый Леопард был сбит с толку. Он искал Папу и, казалось, не мог его найти. Когда он повернулся, все его лицо было разбито и покорежено, лишено своей формы, как жестяной автомобиль после тяжелой аварии, глаза сузились, кровь стекала из раны на носу. Можно было подумать, что папины кулаки сделана из чего-то еще более неприятного, чем металл. Когда Зеленый Леопард повернулся, мало что видя из-за опухших глаз, Папа снова его ударил. И снова. И затем показал такие комбинации из хуков, апперкотов, ударов телом, косых ударов справа и слева, исполненных с такой жесткой методичностью, что толпа затаила дыхание, изумляясь дерзости и хладнокровию маленького человека. Зеленый Леопард выглядел обескураженным, поставленным в тупик, изведавшим на себе высшую математику тщательного избиения. Папа изо всех сил заехал ему в нос. И затем круговым ударом попал ему в ухо. Но Зеленый Леопард

отказывался сдаваться.

Внезапно слепой старик издал самый странный смех, который только раздавался из уст человеческого существа. Папа остановился. И обернулся. Старик криво улыбался.

— Не смотри! — крикнул я.

Но было уже поздно. Зеленый Леопард исполнил точный удар с такой дикой силой, что я услышал, как у Папы щелкнули шейные позвонки, как запротестовало основание его черепа, и почувствовал, как весь его мир в одно мгновение перевернулся вверх тормашками. Папу отнесло ударной волной, и он врезался прямо в слепого старика. Старик и Папа исчезли среди тел и ног зрителей. Зеленый Леопард гнался за ним, обрушивая свою ярость и на зрителей. Внезапно его охватило неконтролируемое безумие. Он отшвыривал людей. Он отталкивал детей и женщин со своего пути. От него доставалось и лицам, и теням. Он плевался кровью на людей и сыпал проклятиями, он схватил слепого старика и швырнул его в разбегающуюся толпу, как куклу. Он схватил его кресло и бросил оземь, а затем крепко взял Папу за шею, резко дернул его вверх, и стал избивать с маниакальной злобой. Везде царил ад кромешный. Пошел бой без правил.

Казалось, что началось полное сумасшествие. Зеленый Леопард вышел на орбиту чистого безумия. Он неистовствовал, избивая папино тело, словно его мозг затопило экстатическими потоками тирании. Он закончил свою варварскую атаку ударом в живот, от которого тот должен был лопнуть, и снова Папа исчез среди толпы. Когда он появился вновь, я не мог его узнать. Его лицо невероятно распухло и превратилось в одну кровоточащую массу, нос был разбит, кровь сочилась из-под глаза, рана на лбу еще больше расширилась, и рот стал такой чудовищный, что напоминал какой-то отвратительный фрукт. Не видя ничего, он, шатаясь из стороны в сторону, бродил среди толпы, беспомощно болтая руками. Он едва стоял на ногах, но все-таки не падал.

— Папа! — крикнул я, вложив всю силу в свои легкие.

Он остановился, повернулся и посмотрел вокруг взглядом, который ни на чем не мог сфокусироваться. Затем он исчез. Я подумал, что он упал, и побежал к нему. Но толпа уже кишела там, где я видел его в последний раз. Мы искали его, но его нигде не было. Зеленый Леопард стоял на середине ринга с распростертыми руками, словно он выиграл важный чемпионский матч,

и с его лица стекала свежая кровь вместе с запекшимися сгустками.

— Где тот человек, у которого нет веса? — спросил он.

Толпа ответила:

— Он убежал!

— Скажите ему, пусть бежит подальше. Потому что если я схвачу его, я…

Внезапно Папа появился. Он вышел из рядов зрителей, и вид его был жуткий. Он был похож на привидение в лохмотьях. Ниже пояса он весь был покрыт грязью и илом. По какой-то причине он зашел в болото. Он был ужасен. Он позабыл осторожность, он больше не был защищающимся животным, в его глазах не было страха смерти, и они горели так, словно в них поселилось солнце. Он дошел до первобытного состояния. Он вступил на ринг и сказал:

— Что ты собираешься делать?

— Убить тебя, — ответил Зеленый Леопард.

— Сначала найди меня.

— Это легко.

— И пообещай, что твои люди не будут вмешиваться.

Зеленый Леопард выглядел важно и в то же время озадаченно. Затем он быстро поговорил со

своими подручными на том языке, который они понимали. Он ругал и обзывал их, и они покорно закивали.

Мадам Кото причмокнула губами и сказала:

— Мужчины — безумцы! Я не собираюсь стоять здесь и смотреть, как они убивают друг друга.

Она протолкалась сквозь толпу и позвала шофера.

— Женщины! — сказал слепой старик.

Папа вышел на ринг. Он не танцевал и не делал ничего причудливого. Он стоял в боевой готовности, защищая кулаками лицо. Зеленый Леопард в танце двинулся в его сторону, с важным видом, собранный, руки в боевом положении. Его сторонники стали скандировать его имя.

— Зеленый Леопард!

— Боксер-мастер!

— Уничтожь Тигра!

— Съешь его славу!

Из динамиков снова зазвучала музыка. Слепой старик издал добавочный диссонанс из своего аккордеона. Я нашел на земле затвердевший кусок эба, швырнул его и на этот раз не промахнулся. Я попал ему прямо в рот. Он вслепую осматривался по сторонам. Прекратил играть на инструменте. Затем я услышал, как он сказал:

— Заберите меня отсюда. Духи стали нападать на меня средь бела дня.

Женщина, которая привезла его, покатила кресло обратно. Когда старик уехал, настроение боя переменилось. Зеленый Леопард делал выпады, бросаясь в битву, свингуя, исполняя странную полуреальную атаку. Она была полуреальной, потому что, казалось, от Папы уже ничего не осталось. Покачиваясь на ногах, он был похож на полностью разбитого человека, которого можно сломать двумя простыми ударами. И вот почему мы все были потом ошеломлены. Папа вдруг стал твердым как скала, войдя в полную силу. Он издал маниакальный вопль. Энергия, сконцентрировавшись в нем, внезапно нашла для себя выход. Его кулаки, выйдя из неподвижности, выстрелили серией быстрых коротких ударов, посыпавшись на противника со ста различных сторон. Грязь во все стороны разлеталась от папиных кулаков; вся акция длилась недолго, но сама скорость атаки, казалось, растянула этот момент. Это было умопомрачительно. Папа не бросился в атаку. Он не двинулся вперед. Он сыпал ударами с того места, где стоял, словно находясь в невидимом неуязвимом круге силы. Резкий взрыв этого боя накоротке завершился

апперкотом, который пошел от твердо поставленной папиной ноги и всей грязи его ярости. Он пришелся прямо в челюсть Зеленому Леопарду, вызвав в толпе глубокий вздох. День клонился к закату. Лик солнца загородило проплывающее облако. Над головами кружились птицы. Музыка из громкоговорителя была полна победы и славы. Зеленый Леопард застыл с опущенными руками, как будто его оглушили или выстрелили в спину. В глазах его было пусто, его рот был открыт. Поднялось облако пыли, когда великий боксер рухнул на землю. Это было как сон. Папа стоял на одном колене внутри своего невидимого круга. Толпа молчала, не веря в то, что произошло.

У меня вырвался крик радости. Люди Зеленого Леопарда ринулись к своему главарю помочь ему встать. Но он лежал бесчувственный и даже не подергивался. Его открытый рот словно провалился, и тело безвольно лежало на земле, как будто он полностью отошел от реальности. Толпа, глубоко разочарованная, осыпала оскорблениями Зеленого Леопарда и его сторонников. Они проклинали его славу и репутацию и постепенно стали расходиться в глубокой досаде из-за денег, которые они поставили на человека, оказавшегося гораздо слабее, чем о том свидетельствовала легенда.

Сторонники Зеленого Леопарда подняли на руки поверженное тело своего главаря, боксера-мастера, устрашителя многих бойцов, создателя мифа о своей непобедимости. Казалось, они сгорали от стыда. Музыка умерла, и воцарилась похоронная тишина. Громилы несли свою легенду в горизонтальном положении, высоко подняв над головами, словно это был труп. Они поспешно уложили тело в фургон и с той же поспешностью уехали. Зеленый Леопард не оправдал ставок. Их философия была посрамлена. Разбросанные по улице памфлеты разлетелись во все стороны, когда фургон взметнул их, прибавляя скорость.

Никто не бросился поздравлять Папу, кроме меня и Адэ. Толпа не могла простить ему его внезапную победу. Мы прыгали вокруг Папы, он поднял нас и понес на руках, и наши тонкие голоса звонко выкрикивали его имя и распевали о его успехах., чтобы земля, ветры и небо были тому свидетелями. Люди разошлись, устыдившись того, что они поддерживали не того человека, устыдившись поспешности своей оценки по внешности, в дурном настроении от того, что они не знали, как сделать так, чтобы их оценки побыстрее изменились. Но нас это не заботило. Папина победа — это был весь мир, который

был нам нужен. Побитый, исколошмаченный, с разбитым лицом, он весело нес нас к дому. И тут Адэ вспомнил про ставки.

— Сами убежал с нашими деньгами, — крикнул я.

Папа немедленно поставил нас на землю и ринулся в букмекерскую контору. Мы гордо шагали вслед за ним.

* * *

Когда мы пришли, Сами подсчитывал деньги, которые он собрал в ведерко. Его могучие братья сидели вокруг, и их лица светились от денег и света керосиновой лампы. Сами сидел на стуле, с лицом, покрытым потом, и с горящими глазами. Когда он взглянул и увидел нас, лицо его помрачнело. И затем он расплылся в улыбке,

— Черный Тигр, — сказал он, — ты удивил всех. Присаживайся. Давай выпьем. Мы сейчас считаем деньги. Потом мы отдадим тебе твою долю. Итак, ты выпьешь с нами? Твой бой принес мне больше денег, чем я зарабатываю за месяцы.

— Я это вижу, — сказал Папа, отказываясь присесть.

Мы стояли по обе стороны от него, его стражи на мгновение. Наступила долгая тишина.

— Так ты собираешься дать мне деньги или нет? — спросил наконец Папа. — Или мне снова придется вступать в бой?

Сами улыбнулся. Стояла тишина. Пламя свечи отбрасывало тени. Затем Сами встал, пошел в другую комнату, и пришел с толстой пачкой банкнот. Он передал их Папе, который отдал их мне. Я посчитал деньги. Папа кивнул в знак удовлетворения. Когда мы повернулись, чтобы уйти, Сами сказал:

— В следующий раз, когда будешь драться, пришли кого-нибудь из своих мальчиков.

— Зачем?

— Вместе мы заработаем больше денег.

Папа ничего не ответил. Мы ушли. По дороге Адэ сказал, что ему пора домой. Папа дал ему фунтовую банкноту, и Адэ, пританцовывая, направился домой с песней о нашем триумфе.

* * *

Только когда мы вернулись в комнату, Папу настигла чудовищная усталость. Открыв дверь, мы увидели, что Мама сидит на стуле и перед ней на столе горит свеча. Мама молилась. Она подняла глаза, увидела Папу и встала. Ее рот широко открылся, когда она увидела, что стало с его лицом.

Она бросилась к Папе и обняла его. Она начала плакать. Папа упал ей на руки. Почти час мы перетаскивали его на кровать. Он не шевелился.

Глава 12

Папа спал два дня, не просыпаясь. На кровати он снова стал похож на гиганта. Было больно видеть его ноги в синяках, порезы на ступнях, нарывы на пальцах ног. Во время сна его лицо опухало все больше и больше. Его губы раздулись и стали красные и пугающие, лоб увеличился вдвое, и порез на носу еще расширился. Пока Папа спал, кровь время от времени вытекала из его бесчисленных ран и порезов, и Мама прикладывала к его синякам теплые компрессы и промывала раны отварами из трав. Мама ухаживала за ним, мыла его, причесывала волосы, как будто это был труп, который она отказывалась хоронить. На второй день мы забеспокоились и попытались его разбудить. Он повернулся в нашу сторону, открыл опухшие глаза и заехал Маме в челюсть. На следующий день ей пришлось замотать распухшую челюсть головной повязкой. Мы перестали будить его и стали за ним просто наблюдать, чтобы быть уверенными в том, что

он все еще жив. Вечерами мы сидели в комнате с тремя зажженными свечками на столе, и наши лица вытягивались от нетерпения. Его спящая оболочка распространяла по комнате призрачную тишину и придавала теням что-то зловещее. Время от времени Папа начинал бормотать. Мы замирали и прислушивались. Но он снова уходил от нас.

Вечером на третий день, когда ветер стал грохотать по нашей крыше, Папа начал выть во сне. Затем он начал дрыгаться и бороться на кровати, и упал вниз. Он быстро вскочил с безумными глазами навыкате, побежал по комнате, расшвыривая вещи, сея переполох своей гигантской тенью, стукаясь об углы, и затем без сил упал возле двери, пытаясь выйти наружу. Мы с Мамой, как три дня назад, целый час перетаскивали его на кровать. Мама зажгла три палочки с благовониями и расставила их по трем углам комнаты, чтобы прогнать злых духов. Позже в тот вечер, пока я сидел один в комнате, наблюдая, как волнами вздымается папина грудь, словно дыхание покидало его навсегда, Мама привела в дом трех женщин. Все они были одеты в черное. Одной из них была Мадам Кото. Другой, как я понял позднее, была влиятельная травница, которая в

свое время была ведьмой и призналась в этом на людях; ее в наказание забросали камнями. Она возникла снова через год после своего признания и превратилась в сильную травницу, пообещав общине делать только добро. Немногие ей поверили, но все ее боялись.

Когда три женщины вошли к нам в комнату, я понял, что должно произойти что-то серьезное. Я молча стоял в углу, прячась в одеждах. Казалось, что они не придавали значения моему присутствию. Я молча стоял в углу и смотрел, как они вызывают дух Папы обратно из Страны Воюющих Призраков. Всю ночь невыразимо странными голосами они выкликали публичные и тайные имена Папы. Всю ночь они исполняли бесчисленные ритуалы, сопровождая их печальнейшими песнями, сочиняя на ходу погребальные песни на его имя, хором распевая заклинания, изменявшие пространство комнаты, удлинявшие серо-коричневые тени, заставлявшие паутину деформироваться и растекаться, как будто она превращалась в черную жидкость. Над нами материализовывались фигуры ночных птиц, машущих крыльями над горящей свечой; в комнате чувствовалось присутствие многих безымянных существ, проплывавших в воздухе, смешанном с

дымом священных трав. Черные морские волны накатывали на темные берега на потолке, пока женщины вызывали сотни разных сущностей, чтобы побороть то, что мешало им схватить дух Папы в дальних пределах человеческого сознания. Травница, которая была ведьмой, истекая потом, выкликала имена духов и тряслась в конвульсиях, меняла свой облик под покровом теней и вела героические битвы с духами, которых мы не видели. Она билась с ними своим худосочным телом, с лицом перекошенным и сморщенным, как кожа старой черепахи, которую она положила на кровать, чтобы помочь себе быстрее передвигаться в тех краях, где скорость является вечным парадоксом. Над дверью она повесила высушенные головы антилопы и тигра, череп дикого кабана и выпущенные когти льва, умершего в прыжке. Она принесла в жертву двух белых петушков. Их кровь, смешанная с сильно пахнущими снадобьями, испачкала наши стены. Перья попугая и орла она сожгла прямо на полу, чуть не спалив весь дом. Травница бритвой сделала насечки на папиных плечах и вложила травы в кровоточащие надрезы. Папа не двигался. Я видел, как кровь закапала с его плеч, черная от трав. Затем глубокой ночью женщины стали

танцевать вокруг кровати с пронзительными визгами. Толпа собралась вокруг нашего дома. Папа зашевелился. Ветер, казалось, захотел сдуть наши дома. Дверь распахнуло, в комнату ворвался вихрь и задул все свечи, и в темноте я увидел большую белую фигуру раздувшегося духа, который никак не мог покинуть комнату. Я закричал, и эта сущность заколебалась в воздухе и стала опускаться вниз. Она опустилась прямо на Папу. Когда дверь закрыли и свечи зажгли, Папа вдруг вскочил, задыхаясь от нехватки воздуха, весь напрягшись, с широко открытыми глазами, как будто он очнулся от сна, полного ужасов. Женщины бросились к нему, и Папа, не зная, кто они, не зная, спит он или уже проснулся, расшвырял их во все стороны, так что травница оказалась лежащей на кровати, а Мадам Кото врезалась в меня. Как человек, пытающийся спастись от ночного кошмара, он вылетел из комнаты, и мы увидели, как он бежит в сторону леса.

Три женщины, Мама и я бросились за ним вдогонку. Было темно и страшно. Лица женщин были скрыты тенями, и они постоянно меняли в темноте свои облики. Мадам Кото бежала как все, по-видимому, полностью оправившись от боли в ноге. Облик третьей женщины был на-

столько неотчетливый, что, казалось, никто ее не замечает. Она была просто как воздух или тень, или же отражение. Ее присутствие имело большое значение, но я не мог сообразить какое. Самой маленькой из них была травница, и когда она бежала, я все время замечал, что под черным одеянием ее руки взмахивают, как крылья. Я долго не мог оправиться от шока, когда увидел, как она поднимается в темный воздух, как будто ветер был ее приятелем. Затем темнота вокруг нее сгустилась, и когда темное облако рассеялось, я увидел только двух бегущих женщин, и рядом с ними Маму. Травница исчезла. Затем я услышал, как большие крылья хлопают в воздухе прямо надо мной, и увидел, как большой орел, черный, с красными глазами, летит в сторону леса, в ночь мистерий. Когда мы глубже зашли в лес, мы увидели спящего Папу, который спиной лежал на пне баобаба, а травница стояла над его оболочкой, тревожимой духами.

— Мы должны забрать его прямо сейчас. Прежде чем духи леса начнут принюхиваться к нему, — сказала она.

Мы стали обдумывать, как мы сможем забрать Папу. Но третья женщина, та, что не имела черт и не разговаривала, взяла его за руку и подняла

на ноги. К нашему удивлению, Папа так и остался стоять, как ребенок, с открытыми пустыми глазами. Мама держала другую его руку, обе они поддерживали его. И как человека, которого не назовешь ни спящим, ни бодрствующим, ни живым, ни мертвым, мы повели его по лесным тропкам обратно. Когда мы подошли к дому, толпа уже разошлась. Мы уложили Папу на кровать. Он отказывался засыпать. Он ворочался, говоря:

— Если я засну, то уже не проснусь.

Травница дала ему что-то выпить. Очевидно, это было очень горькое лекарство, потому что глаза Папы дико расширились, когда он проглотил эту травяную микстуру. Затем он встал с кровати и сел на трехногий стул. С выпученными глазами и открытым ртом, жующим слова, Папа начал говорить. Три женщины в черном сели на пол. Мама села на кровать. Я сидел в углу и мог видеть при свете свечи изможденное лицо Папы с глазами человека, которому довелось заглянуть в самые бездны бытия. Поначалу трудно было услышать, что он говорит, но мы быстро привыкли к негромкости его речи.

— Я только что пережил самое ужасное, что может быть, — сказал Папа, уставясь прямо перед собой, словно он разговаривал в комнате с кем-то,

кого мы не видели. — Я спал, а когда проснулся, увидел, что дерусь с семью духами. Они сказали, что их послала мать Зеленого Леопарда. Они хотели убить меня во сне, чтобы я больше никогда не проснулся. Я очень долго с ними дрался. Все это время, когда вы думали, что я сплю, я вел с ними страшный бой. Они жестоко сражались со мной и старались выйти из моего сна, чтобы напасть на мою жену. В конце концов я победил их. И затем попытался успокоиться. И тогда семиглавый дух…

— Нет! — вскрикнула третья женщина.

— Да, — сказал Папа, — семиглавый дух, вооруженный семью золотыми мечами, подошел ко мне и сказал: за то, что я убил его друзей, он хочет взять взамен жизнь моего сына.

Женщины закричали. Мама бросилась ко мне и схватила, крепко обняв.

— НЕТ! — сказал я.

Женщины завыли низкими монотонными голосами. Мама еще крепче меня прижала, и я испугался, что она, не заметив, может сломать мне шею.

— Затем семиглавый дух напал на меня. Девять ночей я сражался с ним. Мне удалось отрубить только одну его голову. Дух этот был очень могу-

щественный, и мне ничего не оставалось делать, кроме как бежать. Я побежал в лес. Дух поймал меня, скрутил серебряными веревками и потащил в Страну Воюющих Призраков. Это такие призраки, которые всю свою жизнь проводят в войне. Дух тащил меня, но я не прекращал сопротивляться, и спасло меня только то, что…

Папа сделал паузу. Женщины всхлипнули, их головы были вытянуты вперед.

— …появился мой отец, Священник Храма Дорог. Он сказал, что перегородил дороги и дух не сможет по ним пройти. Дух набросился на него, и они долго сражались. Я и не знал, что мой отец такой могущественный. Он отрубил две головы у духа. Наконец, устав от битвы, дух и отец согласились на перемирие. Отец сказал, что если дух меня отпустит, то он займет мое место. Я не понял, что он имел в виду.

Мама начала плакать.

— Замолчи, женщина, — сказал Папа.

Мама затихла. Я слышал, как она проглатывает слезы.

— И затем оба они исчезли. Я освободился от веревок. Силы покинули меня. Орел опустился на мою голову, но потом он оказался женщиной. Затем четыре женщины, три из них в черном,

почти как вы, — сказал Папа, показывая на женщин, — пришли и увели меня из леса. А затем я проснулся.

Мы все смотрели на него в тишине.

— Налейте мне что-нибудь выпить покрепче, — потребовал он.

Мама налила ему немного огогоро. Папа выпил его одним глотком. Травница дала Папе выпить еще своего травяного снадобья. Затем она повела его мыться в специально приготовленной воде. Когда Папа вернулся, она приготовила для него новую порцию снадобья. Папа выпил все одним глотком и удивил нас нежностью своей отрыжки. Он сел на стул и стал говорить о том, какие сладкие на вкус черные скалы луны, как он пил золотой эликсир солнца, сколько гениев родится еще от черных людей, о том, как он видел Маму, которая танцевала голая в лесу, и ее волосы были убраны бриллиантовой паутиной, которую умеют плести только боги, и что он видел, как я захожу в желтую реку, и еще о прекрасной молодой девушке, которая звала его идти дальше в места, где у мертвых тел изо рта вырастают красные цветы. Потом Папа внезапно замолчал. Его рот был широко открыт, а глаза закрыты.

— У этого мужчины сильная голова, — сказала

травница. — От моего лекарства обычно люди засыпают, когда я сосчитаю до трех. Помогите мне отнести его на кровать.

Мы отнесли его. Папа захрапел. Через некоторое время женщины поднялись. Мама заговорила с ними о деньгах. Разгорелся небольшой спор. Мама отвязала конец набедренной повязки, отсчитала деньги и заплатила травнице и третьей женщине. Мадам Кото сказала Маме:

— Мы должны продолжить наш разговор.

— Мой муж сказал: «нет», — ответила Мама.

— Спроси его еще раз.

Женщины ушли. Впервые за эти три дня мы хоть немного поспали.

Глава 13

Когда на следующее утро Папа проснулся, он был полон энергии, как будто с ним ничего не происходило. Лицо его опухло, глаза были почти не видны, губы исковерканы, но он клялся, что чувствует себя как двадцатилетний. Он строил грандиозные планы. Он хотел купить гофрированный цинк, чтобы перекрыть крыши во всем поселке. Он говорил о покупке цемента, чтобы строить дома для больших семей, которые живут

в одной комнате. Он говорил о том, чтобы заасфальтировать все дороги и убрать весь мусор, который накопился в головах наших людей. Он мечтал об открытии больших магазинов, в которых могла бы продаваться дешевая еда для бедных людей. Мы забеспокоились, когда он сказал, что хочет стать профессиональным музыкантом. И мы стали думать, что Зеленый Леопард что-то серьезно сместил в его мозгах, когда он заговорил о том, что хочет стать политиком и дать свободу и процветание миру и свободное образование бедным. Но когда он громко заявил, что хочет стать Главой Штата и отобрать власть у белых людей, которые правят нами, и обо всем том хорошем, что он сделает для страдальцев всего мира, тогда мы прекратили обращать на него внимание.

Как-то утром он принялся ходить по комнатам, стуча в двери, будя всех людей с вопросом, будут ли они голосовать за него. Большинство людей просто захлопывали двери у него перед носом. Но, к несчастью, нашлись такие, которые шутки ради сказали, что проголосуют за него. Это сильно воодушевило Папу. Он ходил из барака в барак. Он разговаривал с владельцами столиков и продавцами-разносчиками. Он

расспрашивал торговцев земляными орехами, городских пастухов и продавцов амулетов. Он вел долгие беседы с разносчиками пальмового вина. Его часто можно было увидеть в барах, по ночам, где он рассказывал пьяницам о своей новой политике относительно правительства. Идеализм проел его мозг, набрав свежую силу от его заново рожденного организма. Он наводил справки о стоимости цинка. Он вслух думал о длине и ширине бараков. Он делал пространные и безграмотные калькуляции на предмет стоимости дома, стоимости школы, он считал, сколько здесь живет бедного населения и сколько денег ему будет стоить победа на выборах.

Он поразил нас чудаковатостью своих размышлений. Он вызвал у себя в воображении образ страны, где он был невидимым главой и где все должны были получать высшее образование, где каждый должен был знать музыку и математику и, по крайней мере, пять иностранных языков, а любой гражданин — быть в курсе событий, что происходят в мире, быть сведущим в местных, национальных, континентальных и международных событиях, а также в истории, поэзии и науке; в его стране колдуны, ведьмы, травники и священники тайных религий должны были

стать профессорами в университете, а водители автобусов, возчики и рыночные торговки ходить к ним на лекции в свободное от работы время; дети там были учителями, а учителя учениками; делегации от бедных людей регулярно встречались с Главой Штата, а выборы назначались только в том случае, если за один год происходило пять бунтов.

Папа начал тратить много денег, скупая книги. Читать он не умел, но все равно их покупал. Мне приходилось читать ему вслух. Он покупал книги по философии, политике, анатомии, астрологии, китайской медицине. Он покупал греческую и римскую классику. Его очаровала Библия. Его заинтриговали книги Каббалы. Он влюбился в истории «Тысячи и Одной Ночи». С закрытыми глазами он слушал странную словесную вязь испанской любовной поэзии и пересказы легенд о воителе Шака Зулу и Великом Сандиате. Он настаивал, чтобы я все время что-нибудь ему читал. Таким образом я получал двойное образование. Вечерами он сидел на стуле с сигаретой во рту и с ногами на столе, глаза его были туманны, рядом с ним лежали ручка и бумага, и он заставлял меня читать вслух. Время от времени он прерывал меня, чтобы я объяснил прочитанное. Большинство

из того, что я читал, я не понимал. Поэтому однажды он принес большой словарь, который стоил ему по крайней мере десяток могучих ударов Зеленого Леопарда. Распухший папин глаз задергался, когда он открыл словарь, положив на стол, впустив в воздух нашей комнаты ароматы слов и свежего дерева. Подобно побитому, но все-таки не теряющему оптимизма торговцу, он сказал:

— Эта книга объясняет книги.

Его страсть начала немного сводить нас с ума. Комната была завалена книгами всех размеров, уродливыми книгами с обложками без рисунков с маленькими буквами, как будто их должны читать муравьи, увесистыми книжищами, которые нужно было взваливать на спину, чтобы унести, книгами с такими наклонными буквами, что приходилось сворачивать шею, книгами, которые пахли паутиной, корой лечебных деревьев и опилками, промокшими под дождем. Мама все время жаловалась и в конце концов сложила их стопкой и поставила на них свои корзины и кастрюли. Папа пришел в ярость от такого неуважения, и они сильно поругались. Затем Папа начал продумывать идею обязательной воинской повинности для женщин. Посмотрев на меня, он включил туда и детей. Он уже видел

себя невидимым Главой Штата и одновременно инструктором оздоровительного центра. По утрам он решил заниматься с нами военной подготовкой. Если он был на нас раздражен, он нас поднимал очень рано и заставлял упражняться. Мама поначалу соглашалась, даже во время, когда готовилась еда. Но однажды она сожгла на плите целую кастрюлю супа. Мы остались голодные на весь день. Тогда Мама была освобождена от военной подготовки. Может быть, именно в тог день Папе в голову и пришла идея, что он должен пойти в армию.

Он много дней не ходил на работу. В его голове загорались новые огоньки, которые Зеленый Леопард вбил в его голову, и он просто бродил взад-вперед. Он долго разговаривал с проститутками. Он упорствовал, даже когда они посылали его подальше, даже когда люди стали открыто высказываться по поводу его странных знакомств. Затем он заговорил о том, чтобы послать делегацию из проституток Мадам Кото подать протест в Колониальную Администрацию. Три дня Мама отказывалась готовить. И Папа, вынужденный есть бобы, приготовленные уличными торговками, заработал проблемы с желудком и вынужден был оставить мысль о создании Союза

Проституток. Но он отвел им особое место в своей воображаемой стране.

Понадобилось немного времени, чтобы Папа понял, как он мало смыслит в том, о чем говорит. Когда он попытался собрать мужчин нашего района, чтобы начать убирать мусор с улицы, он был удивлен мощью последовавших оскорблений.

— Ты думаешь, нам больше нечего делать? — спросили они.

Папа, решивший никогда не сдаваться, взялся сам убирать мусор.

— Мы должны убрать помойку с нашей улицы прежде, чем мы начнем убирать ее в нашей голове, — сказал он, вспоминая что-то из своих книг.

Но когда он собрал немного мусора и сбросил его в болото, люди опять насорили на том месте, которое он очистил. За одну неделю все его попытки увенчались тем, что мусора стало еще больше. Улица стала еще хуже. Люди начали думать, что гораздо проще выкидывать мусор на улицу, чем носить его на помойку. Папа ругался с ними. Те немногие, которые намеревались голосовать за него, публично заявили, что больше его не поддерживают. Когда мусор слишком загромоздил улицу, многие стали выкидывать отходы прямо в болото, путь к которому показал

Папа. Но после дождя болото переполнилось и потекло на улицу.

Когда люди стали приходить к Папе со своими проблемами, когда они стали просить у него денег или приходили за советом, как устроить детей в госпиталь или как достать хорошие учебники для подростков, тогда Папа понял, что он один не может быть ни видимым, ни невидимым Главой Штата.

— Политику нужны друзья! — провозгласил он однажды утром.

И он стал обдумывать новый альянс с Мадам Кото. Он всерьез задумался о важности информации и знаний. Сначала он хотел сделать меня шпионом. Он сказал, чтобы я снова начал ходить в бар, слушал там разговоры и узнавал о том, как становятся политиками. Нас изумил этот поворот. Мама поначалу сделала ему выговор, назвала лицемером и трусом. Но, когда ее чувство мести прошло, она открыто поддержала его план. У нее в голове замаячили возможности заработать хорошие деньги, если она будет готовить еду для большого съезда.

Следующая идея Папы заключалась в том, что как только я войду в бар Мадам Кото, он тоже появится там. В его намерения входило поговорить

с посетителями, с коллегами и приверженцами партии Мадам Кото, изучить работу политических механизмов, и, может быть, склонить некоторых политиков к своим замыслам.

— Ты же обычно ненавидел политику, — сказала Мама. — Что с тобой случилось?

— Я начал думать.

— Так это Зеленый Леопард научил тебя думать, да?

— Там где политика, там деньги, — сказал Папа.

Мама молчала.

— Мы не можем оставаться бедными всю жизнь.

— Нет, можем, — ответил я.

Папа грозно на меня взглянул.

— В этом мире, — сказал он, помолчав, — вот что с тобой происходит, если у тебя нет ничего.

И он показал на свое опухшее лицо, синяки под глазами и разбитые губы. Он сделал паузу.

— Но пока мы будем шпионить за Мадам Кото, разузнавать что почем, я буду оставаться тем, кто я есть.

Мы не очень поняли его. Тонкости его плана от нас ускользали. Папа ничего не объяснял. Постепенно мы заметили, что папины манеры

изменились. Когда он указывал на что-нибудь, то делал это с чувством человека, обладавшего могуществом. Сам он не мог видеть, какие новые огоньки блестят в его глазах. Но он больше не был тем умалишенным боксером, который искал любую возможность, чтобы проявить себя. Медленно он осваивал манеры командира. Я, Мама и всякий, кто слушал его, были для него командой. Это была маленькая армия, а поскольку к тому же мы были и увлеченные слушатели, у Папы появилась тайная сцена, на которой он вырастал. Он наполнил наши жизни странным возбуждением. Но в то время мы об этом и не догадывались.

— Ты, — говорил он, показывая на меня так, что я чувствовал, будто меня впервые явили в этом мироздании, — ты можешь делать все, что хочешь, но также ты должен делать то, что говорю я. С сегодняшнего дня слушай внимательно, что я тебе говорю, смотри внимательно, что я делаю. Эта жизнь такая шутка, которая совсем не шутка. Даже москиты знают, что им надо выживать.

Глава 14

Постепенно мы поняли тонкость папиной кампании. Он изменился. Но, к нашей досаде, вместо

того, чтобы, как предполагала Мама, поберечь деньги, которые он выиграл, он немедленно поставил всех в известность, что устраивает вечеринку. Он позвал несколько соседей, Мадам Кото, слепого старика, отца Адэ и травницу, которая его лечила. Весть о том, что человек, который победил Зеленого Леопарда, хочет публично отпраздновать свою победу, разошлась молниеносно. Папа пригласил всего несколько человек, но пришел весь мир.

По замыслу, вечеринка должна была пройти в узком кругу. Папа заказал кое-какую выпивку, а Мама поджарила три курицы. Пока она их жарила, кашляя от дыма, Папа появлялся и уходил, забирая лучшие кусочки. Потом решили зажарить четвертую курицу, что я и сделал, потому что Мама сказала, что устала от дыма. Папа потихоньку цедил пиво.

— Ты же пил огогоро, — сказала Мама.

— Жизнь стала лучше, — ответил Папа, открывая еще одну бутылку.

Когда я закончил обжаривать курицу, меня послали занять у кого-нибудь несколько стульев. Я пришел с человеком Стулья-Напрокат, как мы его называли, а Папа в это время был у ограды, весь в поту. Он снова тренировался. Мы потащили

складные стулья к нашей комнате, и Мама, ворча, заплатила человеку Стулья-Напрокат, который спросил, может ли он прийти на вечеринку.

— Это скромное мероприятие, — сказала Мама.

— Замечательно, тогда я приду со своей женой.

У Мамы не оставалось выбора, кроме как дать согласие. У ограды Папа начал прохаживаться взад и вперед, с голой грудью и в разорванных перчатках, называя себя чемпионом мира и приглашая всех прохожих. Он был уже довольно пьян и хвастался с неистовством, которого я раньше в нем не замечал. Он говорил, что может побить пять Зеленых Леопардов. Он сказал, что может убить трех львов голыми руками. Он заявил, что может снести десять деревьев и разрушить здание с одного удара.

— Не тот ли это человек, который уложил Зеленого Леопарда? — спросил Мистер Стулья-Напрокат.

— Да.

— Отлично. Я приду и повеселюсь на его вечеринке. Я приведу всех своих друзей.

Папа продолжал бушевать. Он хвастался с таким пылом, изливая из себя такую энергию и истекая потом, что вскоре протрезвел и ему пришлось идти обратно в комнату, чтобы довести

себя до нужной степени опьянения очередными бутылками пива. Когда он вернулся и возобновил безудержное хвастовство, мимо проехала машина Мадам Кото. Шофер чуть притормозил, прислушиваясь к Папе.

— Как я уже сказал, я могу разрушить дом одним ударом! Я могу поднять машину одним пальцем. Если машина идет на меня, я могу поставить руку и она остановится. Я могу построить дорогу за один день!

Водитель засмеялся.

— Я могу так ударить мужчину, — крикнул Папа, — что все что ему останется — это смеяться всю оставшуюся жизнь.

Шофер понял намек и поехал дальше. Папа продолжал тратить себя на разминку и хвастовство, но никто не принял его вызова на бой, и он пошел обратно в комнату, помылся и стал готовиться к вечеринке.

Вечер подходил медленно. Я смотрел на дорогу и наблюдал, как темнеет лес. Стаи белых птиц рассаживались на самых верхних кронах деревьев. Мадам Кото с шофером несколько раз проехали мимо, везя упаковки пива, ящики с бумажными тарелками и салфетками. Я смотрел также, как женщины помогают затаскивать в бар

стулья, взятые напрокат. Подготовка к большому съезду шла полным ходом. Везде ощущалась лихорадка ожидания великого события. Те, кто клялись, что никуда не пойдут, в конце концов передумали. Обещания спектакля, появления многих популярных музыкантов, намеки на то, что толпе будут раздавать деньги, разговоры о фильмах, которые будут показаны бесплатно, вселили нерешительность даже в самых яростных оппонентов.

Отец Адэ, две его жены и сам Адэ были первыми, кто пришел на скромную вечеринку Папы. Мы поставили несколько раскладывающихся стульев и налили им выпивку. Папа разговаривал с отцом Адэ о политике. Мама говорила с его женами об открытии магазинов и торговле на рынке. Я говорил с Адэ о Папе, который хочет стать Главой Штата.

Потом появился слепой старик с аккордеоном и своим помощником. Затем пришла Мадам Кото, с большим животом и печальными глазами. Затем пришла травница и ее молчаливые подручные, глядевшие на все с недоверием. За ними шли соседи, ведя своих детей. Стульев на всех не хватило. Комната была уже переполнена. Но люди продолжали идти. Многих из них мы

не узнавали. Торговцы, водители грузовиков, клерки, владельцы столиков, торговцы вразнос, починщики велосипедов, плотник и его коллеги. Вечеринка заполнила не только комнату, но и коридор. К этому времени в комнате стало невыносимо душно и жарко. Мухи жужжали над стаканами с выпивкой и садились на наши вспотевшие брови. Кто-то попытался открыть окно, приложив слишком много силы, и сломал его. Плотник пообещал починить окно бесплатно. Слепой старик услаждал слух собравшихся своей гнусавой музыкой.

Снаружи, между тем, у тех, кто пришел без приглашения, начались проблемы. Люди чего-то возмущенно требовали и создавали страшную суету в коридоре. Когда я почувствовал, что наконец задохнусь от потной атмосферы и музыки старика, я попытался выйти. Толпа шокировала меня своим числом. Скромная папина вечеринка привлекла к себе бродяг, чьи волосы представляли настоящие живые заросли из вшей и были обильно сдобрены помойкой. От бродяг воняло. Это были горемыки и бедолаги, покалеченные жизнью, голодные и бездомные, у каждого из которых были такие напряженные и вызывающие глаза, что я подумал, они могут наброситься

на каждого, кто скажет, что им надо убираться. Также там были калеки, чьи увечные ноги представляли из себя букву К, чьи губы постоянно дрожали, подергивались, кривились, чьи рахитичные ноги иногда были повернуты ступнями в обратную сторону. Там были также утомленные жители гетто, люди, обычно сидящие возле ремонтных мастерских в мечтах о дальнем плавании, люди с желтыми глазами и усталыми лицами, которых я видел на улицах и на рынках. Там были молодые красавцы, которые приведи с собой подруг, женщины с неизвестными предысториями, старики и старухи, выглядевшие так, как выглядят все старые люди. Там были люди в черных одеяниях, с мудрыми лицами и глазами яркими, как у королевских ягуаров, увешанные амулетами и талисманами. Также были люди, о которых давно ходили слухи, что они ведьмы и колдуны. Я сразу узнавал их по особому отрицательному запаху и по тому, как они шарахались от малейших прикосновений. Они всегда были сами по себе. Я. пристально посмотрел на одного из колдунов. Он уставился на меня. И затем пошел ко мне. Когда я развернулся, чтобы бежать, я услышал, как лает собака. Когда я оглянулся, колдуна уже не было и на его месте стояла собака.

Это была белая собака с зелеными глазами.

— Убейте эту собаку! — закричал я.

У собаки появилось на морде почти человеческое выражение растерянности. Кто-то швырнул в нее камень. Я прицелился и ударил ей по морде. Собака завыла и побежала. Секунду спустя я увидел, как колдун идет по улице. Один его глаз был распухший. Он избегал меня потом весь вечер.

Кроме ведьм и колдунов, которые принесли какой-то сладковатый запах порока в эту толпу, там были громилы от обеих партий и от организаций поменьше. Они пришли посмотреть на Папу и выразить свое почтение человеку, побившему легендарного Зеленого Леопарда. Громилы пробивали себе путь к нашей комнате, но в коридоре было слишком тесно даже для них. Поэтому они ушли к ограде, разминали мускулы, выпячивали грудь и заигрывали с женщинами.

Наступил уже вечер, а толпа все прибывала. Появились боксеры в тренировочных шортах, с боксерскими перчатками и полотенцами, обмотанными вокруг шеи. Мужчины с пистолетами и в боевой амуниции тоже появились. Некоторые из них были солдатами и полицейскими. Высоко держа головы, они тоже смешались с собранием и говорили с проститутками. Они тоже были

наслышаны о папином подвиге. Все люди были выходцами из трущоб, которые с гордостью несли в себе груз прошлого. Все спрашивали про Папу, но его нигде не могли найти. Его не было ни в комнате, ни в туалете, ни в коридоре, ни у ограды.

* * *

Затем, во время поисков Папы, мы вдруг увидели процессию нищих, идущих по дороге. Их вела за собой завораживающе прекрасная девочка. Нищих было семь или восемь. У одних были хромые ноги, пластичные, как резина. У других — скособоченные на сторону шеи. У одного один глаз был гораздо больше, чем другой. У другого на первый взгляд было три глаза, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это у него такая рана, похожая на глазницу без глаза. Один был почти полностью слеп и смотрел он глазами, зрачки которых были настолько неотчетливые, что были похожи на взбитый яичный желток. Когда девочка подошла ближе, стало видно, что и она слепая на один глаз. Нищие тащились по дороге, в грязных одеждах, с палками и корзинами с тряпьем, и их заплетающиеся конечности шаркали по грубой земле. Их появление сопро-

вождало облако пыли. Затем, озадачив всех, нищие, взглянув на все с возбуждением новоприбывших, повернули к границе нашего поселения. Девочка расположила их полукругом. Затем я понял, что вся эта процессия нищих была одной семьей. Самым уродливым был отец. Казалось, что он вобрал в себя уродства всех остальных членов семьи. От старых к молодым каждый, казалось, обладал своей особенной вариацией общего уродства. Эта цепочка завершалась слепым глазом девочки. Я не мог не смотреть на нее. Она была невероятно красива, как цветок, ее изъян лишь подчеркивал ослепительное совершенство. Также она была странно знакомой, подобно отдаленной музыке, доносившейся откуда-то в такой полдень, когда мир похож на чистое сновидение, музыке без определенного источника, музыке чьего-то настроения и духа. Я подошел к нищим и спросил, кто они.

— Мы пришли издалека, — ответила девочка, — мы услышали, что известный боксер дает вечеринку для людей, которые голодают. Мы все время голодаем, и мы целый день шли, чтобы дойти до вас.

Я продолжил поиски Папы и нашел его в комнате в окружении боксеров, каждый из которых

хотел попробовать на нем свою новую технику боя. Папа был в состоянии неистовства. Комната была переполнена. Люди кричали в ужасе от тесноты. Веревка для просушки одежды была сорвана, сама одежда валялась на полу и по ней ступали грязными ботинками. Окно было вдребезги разбито ударом одного боксера, который пробовал на нем хук справа. На кровати плясали и прыгали дети. Наш шкаф был взят приступом какими-то незнакомцами, которые помогли сами себя накормить. В комнате было не развернуться. В углу один из боксеров неутомимо колотил по стене голыми кулаками. Мама сидела там, где упала наша одежда, и на ее лице было страшное выражение. Я не мог добраться ни до Папы, ни до Мамы. Пока я в борьбе продирался сквозь толпу, мне стало очевидно, что кто-то сознательно мне мешает. Я был полностью окружен ведьмами и колдунами. Один из них улыбнулся мне, обнажив ослепительные белые зубы. Высокая ведьма посмотрела на меня сверху вниз. Она была очень приятной на вид и имела почти королевскую осанку. Затем она вынула очки и надела их. У нее были чудовищные глаза. Она засмеялась. Потом положила руку мне на плечо. На лице у меня загорелась краска. В этой жаре ее рука была

такая холодная, что я чуть не упал в обморок от страха. Ведьмы и колдуны смыкались вокруг меня, и я начал задыхаться. Исходящие от них запахи были такие сладкие, без примеси пота, что я почувствовал себя больным. Один из колдунов с распухшим глазом вытащил черный мешок. Я закричал, и, когда я перестал кричать, их уже поблизости не было. Я находился в окружении громил. Один из них сжал руками мою голову.

— С тобой все порядке? — спросил он.

Я предпринял новую попытку найти Папу. Я позвал его. С другого конца комнаты я услышал, как он зовет всех на улицу, приглашая всех переместиться к ограде. Никто его не послушался. Он позвал громче, сказав, что не будет больше наливать выпивку и раздавать еду, если все не покинут комнату. Постепенно гости стали рассасываться. Люди в коридоре были раздраженные и не скрывали своего разочарования. Мадам Кото, некоторые проститутки, Адэ и его семья, а также слепой старик остались.

— Что будем делать? — спросил Папа.

— Ты пригласил их, — сказала Мама. — Так чего ты нас спрашиваешь?

— Я не приглашал всю планету! — ответил Папа.

— В чем проблемы? — спросила Мадам Кото.

— Не хватает напитков, не хватает тарелок, кур, стульев.

— А что у вас есть? — спросил слепой старик.

— Слишком много народа.

Я подошел к Папе и сказал ему, что какие-то нищие пришли повидать его. Я сказал ему, что они целый день были в путешествии и сильно проголодались.

— Ты имеешь в виду, что нищие пришли специально ко мне?

— Да.

— И они шли семь дней?

— Один день.

— Они на улице?

— Да.

— Пошли, ты мне их покажешь, — сказал Папа.

Тут я понял, что он уже очень пьян. Мы вышли из комнаты. Снаружи все было запружено толпой. Папа смешался с солдатами, со своими приятелями грузчиками, толкателями тележек и боксерами. Он был очень многословен и говорил о политических чудесах. К тому времени, когда мы подошли к ограде, я уже потерял его из вида. Его окружила компания громил, и он оживленно

стал с ними что-то обсуждать. Я пошел к нищим. Старик запел песню. Девочка уставилась на меня своим печальным голодным глазом. Везде царил хаос. Люди боролись за складные стулья. Боксеры пустились в спарринг друг с другом. Ведьмы и травники собрались вместе и вступили в жаркие споры из-за разногласий в их учениях. Они выясняли, кто кого превосходит в силе и могуществе, чей путь верен, чьи достижения имеют большую ценность, а также чье влияние охватывает большие просторы в видимых и невидимых мирах. Один из травников вынул красный кисет, помахал им и швырнул на землю. Облако зеленого дыма поднялось в воздухе и зависло над собранием. Другой травник вынул сверток, обернутый в серебряную фольгу, прокричал заклинания и швырнул его в воздух. Зеленое облако рассеялось. Солдаты обступили проституток. Мадам Кото вышла из комнаты и приказала одной из женщин позвать водителя, который ездил туда-сюда, в пьяном безобразии терроризировал людей, переходивших улицу, сигналя в рожок и выкрикивая оскорбления тем, кто двигался, по его мнению, слишком медленно. Громилы окружили Мадам Кото и запели в ее честь. Папа встал на цементную платформу и

задумал произнести речь. Он был очень пьяный и пошатывался с бутылкой в руке.

— Вот там еда для всех! — кричал он. — Выпивка для всех. Мадам Кото щедро угощает всех.

Постепенно воцарилась тишина.

— Сегодня будет чудо! — провозгласил Папа.

Толпа загудела от предвкушения событий.

— Я сейчас разделю одну курицу так, что все получат свою долю, — сказал он и слез с платформы.

Шум нарастал. Вскоре Мама и мать Адэ вышли и раздали толпе по кусочку курицы. Люди недоумевали. Бумажные стаканчики, наполненные пивом, тоже были розданы. Громилы жаловались, что это пиво — оскорбление для их аппетита. В толпе пошли раздоры. Владельцы магазинов смешались с толпой и стали продавать бутылки пива и огогоро. Солдаты и громилы пили вместе. Папа появился среди нищих. Я видел, как он дал им целую курицу. В мгновенье ока нищие набросились на еду, разорвали курицу, раздали ее всем по кусочку и стали есть, как изголодавшиеся звери. Затем Папа, горделиво стоя среди них, с глазами навыкате, распухшими губами и бутылкой в руке, сказал:

— Это члены моей партии. Мои избиратели,

начало моей большой дороги. Взгляните на них. Когда-нибудь мы вспомним их голодные лица, когда сами будем так же голодать, как они. Эти люди — наша судьба!

Никто не слушал его, но он, не смущаясь невниманием, продолжал высказывать свои политические декларации. Он критиковал все население поселка за то, что они не заботятся о своей территории, за их ленивое нелюбопытство в отношении мировых проблем, за их почти нечеловеческое довольство своей бедностью. Он побуждал их возвыситься надо всем в своих мыслях.

— ДУМАЙТЕ ПО-ДРУГОМУ, — кричал он, — И ВЫ СМОЖЕТЕ ИЗМЕНИТЬ МИР.

Никто не слушал его.

— ПОМНИТЕ, НАСКОЛЬКО ВЫ СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ, — убеждал он. — И СВОЙ ГОЛОД ВЫ ПРЕОБРАЗУЕТЕ В СИЛУ.

Один из солдат разразился смехом. Папа начал осуждать солдат за их высокомерие и за то, что они взяли с собой пистолеты, что у них всегда есть оружие. Затем он напал на громил, которые терроризируют людей. Он обругал правительство и осудил обе политические партии за то, что они отравляют сознание людей. Но свои самые

сильные нападки он приберег для людей всей нации. Он осудил их за то, что они не думают о себе, он издевался над их философией овец, их племенным мышлением, над тем, как они проглатывают ложь, над их терпимостью к тирании, их вечным молчанием перед лицом страданий. Он горько жаловался на то, что люди всего мира отказываются учиться смотреть на вещи чистым взором и мыслить ясно. Он клялся, что приближаются дни пламени и всемирного потопа, когда солдаты и политики утонут в собственной лжи.

— Он совершенно потерял рассудок! — сказал кто-то.

— Хватит политических речей! — крикнул другой.

— Накормите нас!

— Дайте нам вина!

— Дайте музыку!

— Оставьте политику себе!

Папа замахал руками. Он попытался ответить крикунам, но голоса, призывающие к выпивке, общее смятение и споры, ярость пьяных женщин и шум солдат, смешавшихся с проститутками, потопили его речь.

— Музыки!

— Еды!

— Вина!

Папа был в смятении. В этот момент слепой старик, отдаленно напоминавший кентавра, вдарил по своему аккордеону и изменил настроение всей вечеринки. Музыка, исходившая из мехов инструмента, была похожа на скрип и скрежет зубов диких зверей в лесу. Он играл, ни в чем себя не сдерживая, выпуская в атмосферу такие диссонирующие звуки, что вскоре травник, державший свою руку в черном кисете, неожиданно стукнул одного из колдунов. Воцарился ад кромешный, оркестрованный безжалостным уродством аккордеонной музыки. Закричала женщина. Солдат случайно выстрелил в воздух. Колдун, которого ударили, вертелся на одном месте с распростертыми руками и выпученными глазами. Ведьма ударила травника, и его лицо стало синим и красным в месте удара. Он начал плакать. Удары могучих крыльев зазвучали над нашими головами. Спустились тени. И на крыльях молчания пришла темнота. Я увидел, как одна из ведьм борется со своим одеянием. Ее глаза стали голубыми. Ее пальцы превратились в когти. Лицо ее стало неописуемо красивым. Кто-то швырнул стулом, который попал прямо в громил. Нищие напали на солдат. Бродяги набро-

сились на проституток. Меня ослепила вспышка. Я услышал, как зазвучал рожок автомобиля, пронзавший ночь подобно несчастному рассерженному крику. Из ослепительной вспышки в темноте стали материализовываться человеческие фигуры. Кто-то схватил меня, когда я уже падал. И когда я открыл глаза, я увидел, как дерутся люди, летят стулья, вычерчивая в воздухе четкие параболы, как сторонники различных партий набрасываются друг на друга. Падающие тела образовывали причудливые переплетения, кулаки летели в лица, женщина выцарапывала глаза какому-то мужчине, одна из ведьм вскочила на спину солдату, и тот страшно завопил, словно грубые звериные когти вцепились ему прямо в душу. Папа безуспешно старался урезонить дерущихся, но боксеры и громилы продолжали высекать искры друг из друга меткими ударами.

Бутылки разбивались о головы. Желтые птицы, как листья плодовых деревьев, рассеялись среди нас. Меня ослепила еще одна вспышка. И когда машина Мадам Кото осветила толпу яркими фарами, я увидел фотографа, который, оказывается, молчаливо присутствовал на вечеринке. И прежде чем прокричать ему приветствие, я понял, что с нервами этого мира творится что-то не то. Мы

услышали рев заведенного мотора, одержимый крик водителя, и увидели, как два света надвигаются на нас, спешат к нам, разгораясь все ярче, наполняя нас смятением. Одновременно раздались крики. В течение нескольких секунд я видел освещенное лицо водителя Мадам Кото. Он был изрядно пьян, его глаза были едва открыты, на его напряженной шее проступили сухожилия, и пот, словно растопленный воск, стекал с его бровей. Затем автомобиль резко свернул в сторону. На лице водителя отобразился панический ужас. Люди бежали, дезориентированные желтыми птицами. В дуге огней я видел, как фигуры людей взмывают в воздух, и некоторые из них превращались в невидимок; другие принимали новые формы. В конце концов автомобиль продрался сквозь толпу, столкнув Адэ и одного нищего на обочину. Затем машина врезалась в цементную плиту, в заградительную стену поселения, и ее огни потухли. Машина заревела, колеса забуксовали, взметая под собой землю. И после звона разбитого стекла наступила тишина.

Тут и началось полное смятение. Из темноты поднимался плач. В воздухе прозвучал еще один выстрел. Папа, который, кажется, мало понимал из того, что происходит, стал произносить новую

речь, выражая презрение всем политикам, которые намеренно держат людей в неведении. Я услышал, как кто-то упал на аккордеон старика. Везде дрались люди. Адэ плакал. Оскорбления летали от одних к другим, кто-то проклинал Мадам Кото и ее чертовы амбиции, а из машины мы услышали, как там стонет водитель. Женщины зажгли лампы. Мужчины пытались вырвать разбитую дверь машины, чтобы вытащить покалеченное тело водителя. Он был весь в крови, и его грудь представляла ужасное месиво, как будто ему ее прострелили. Осколки стекла, словно колючки растений, вонзились ему в лицо. Они были везде в ранах, смешанные с кровью, на сиденьях. Один длинный осколок торчал в глазу. Дергаясь всеми членами и испуская стоны, водитель походил на человека, внезапно проснувшегося в кошмаре. Зеленый гной вместе с кровью и жидкостью из глаз стекал по его лицу, как разбитое яйцо. Мужчины понесли водителя и уложили на цементную плиту. Один из травников, распевая тайные имена божеств колдовства, вытащил осколок у него из глаза, а другие травники готовили снадобья, чтобы остановить кровь и истечение глазной жидкости. Недалеко от них Адэ, получивший от автомобиля удар в бедро и

вывихнувший руку при падении, бился на земле в стонах. Его отец прижимал его к земле, а мать говорила на ухо утешения, от которых он плакал еще громче. Ведьма взяла Адэ за ноги, и травник начал вправлять вывихнутую руку. Отец закричал, чтобы они оставили его сына в покое. Позади них громилы обеих партий дрались в болоте, дрались, как гиганты из древних легенд. Дубинки разбивались о черепа. Стулья летали в воздухе. Семья нищих, ведомая одноглазой девочкой-красавицей, стала собираться в путь. Они пошли гуськом, девочка — впереди. Она то и дело оборачивалась. У нее на лице не было никакого выражения — ни осуждения, ни разочарования. За ней шла вся семья — спотыкаясь и ползя по земле, каждый со своим особым уродством, волоча ноги, с головами, невыразимо странными в своей муке выживания. Я захотел последовать за ними, быть вместе с прекрасной девочкой, которая утопила все их уродства в одном своем глазу, чье лицо — я знал — будет преследовать меня в снах и мечтах, в любви и в музыке.

Но Мама, кричавшая из толпы, Папа, на которого сыпался шквал обвинений, Мадам Кото, окруженная врагами из противоположной партии, Адэ, горько плакавший на земле, вот кто

остановил и приковал меня к земле. Я смотрел вслед нищим и понимал, что с ними уходит какая-то часть моей судьбы. И когда они ушли, я услышал, как над верхушками деревьев зашумел ветер, унося с собой все наши печали. Ветер кругами носился над нашими головами. Я увидел фигуры ангелов в темном небе. Желтые птицы, летавшие среди нас, по-видимому, испугавшись разбитой машины и запаха крови, забили крыльями и исчезли в этой ночи причитаний. И затем, без предварительных небесных событий, пошел дождь. Он падал на разбитый автомобиль, на Мадам Кото, не скрывавшую своих слез, на громил обеих партий, калечащих друг друга во имя какой-то непонятной преданности. Дождь лил на водителя, потерявшего сознание, на травников, которые не знали, что делать, и на моего друга, который наконец свыкся со своей болью. Это не было трагедией ночи, рассеявшей людей. Это был просто дождь. Громилы каждый отвоевал свое. Солдаты ушли группой, пьяные от пива и запаха бездымного пороха. Бродяги, пришедшие из-за слухов о большом праздновании, люди, явившиеся, чтобы поприветствовать своего нового героя, калеки и странники, все были смыты потоками дождя. Отец Адэ уходил со своими женами, неся

на спине моего друга. Человек Стулья-Напрокат носился взад и вперед по улице, проклиная Папу за разбитые стулья. Ведьмы и колдуны просто куда-то испарились. Я не видел, как они уходили. Травники несли водителя Мадам Кото, чтобы вылечить его как следует. Дождь стал сильнее, и единственными людьми, которые оставались, были Папа, пьяный и обескураженный, сидевшая на земле, забрызганная грязью Мадам Кото, чей парик плавал в пузырящейся луже, и Мама, стоявшая возле машины в дождевой воде, розоватой от крови. Слепого старика отвели домой. На нем болтался его разбитый аккордеон, словно этот инструмент сам сломался от своей музыки. Автомобиль, изуродованный и не способный двигаться, так и остался стоять возле цементной стены. Этой ночью с ним уже невозможно было ничего поделать.

Стулья-Напрокат набросился на Папу, и Папе дважды пришлось его нокаутировать. Он бросился бежать и вернулся с мачете. Его пришлось удерживать. Папа клялся, что заплатит за стулья или починит их, но Стулья-Напрокат был пьян и неуправляем в своей ярости, и его пришлось тащить домой четверым мужчинам. Проститутки повели Мадам Кото под обе руки, словно она

могла сделать что-то ужасное. Издалека донесся ее плач, но не по шоферу, а по автомобилю.

Когда все наконец разошлись, Мама молча прошла в комнату. Папа долго мылся. Я стоял у ограды, пока шел дождь, и созерцал грустную картину из разбитых стульев, осколков стекла, рваных одежд, перьев, битых бутылок и куриных костей, разбросанных по земле. Я думаю, с той ночи и начались наши подлинные беды. Они начались не с переломанных стульев, разбитого автомобиля и криков, но с той крови, что смешалась с дождем и потекла прямо в горло дороги. Я слышал, как утоляется ее неугасимая жажда. Кровь стала новым видом жертвенного возлияния. Дорога была молодая, но голод ее был древний. И ее голод проснулся. Той ночью дороги даже не затопило, хотя дождь так и не прекратился. На долгое время я перестал видеть небо. И пока я стоял и смотрел, хваткие руки ветра появились у меня за спиной и подняли меня.

— Пошли, — сказала Мама. — Это не та ночь, на которую должен смотреть ребенок.

Папа уже спал на кровати. Я слышал его храп, который не могли заглушить ни шум дождя, ни гром. Мама зажгла на столе лампу. Поев, мы не сразу легли. Мама ничего не говорила. Мы оба

смотрели на свечку, слыша, как дождь и ветер колотятся в наше разбитое окно.

КНИГА СЕДЬМАЯ
Глава 1

Много есть загадок у мертвых, ответить на которые может только живой. После катастрофы этой вечеринки философия Папы приняла странное направление. Вторжения же духов в мою жизнь еще более усилились. Папа, сам не зная того, крепко скрутил духов в своих невидимых баталиях, но на нашей совместной дороге никто не мог ничего поделать. То и дело разгорались скандалы. Наутро после провальной вечеринки Мадам Кото дала команду пяти громилам оттащить ее автомобиль к ремонтной мастерской. Мы проснулись от шума очередных столкновений. Пока громилы занимались машиной, группа боевиков противоположной партии устроила налет на бар Мадам Кото и избила ее охрану в отместку за случай с Адэ.

Я вернулся из школы и увидел, что какие-то вооруженные дубинками люди бродят вокруг да около. Папа вернулся рано и вступил в споры с человеком Стулья-Напрокат по поводу количества стульев, которые были сломаны. Мама

тоже вернулась рано, потому что, куда бы она ни пошла, повсюду велись бои между воинами обеих главных партий. Когда Стулья-Напрокат ушел с кое-какими деньгами и немного утешенный, Папа попросил меня почитать ему вслух. Я читал ему Гомера, в то время как Мама изливала свой гнев по поводу ужасного празднования. Еда тем вечером вышла безвкусной. Папа этого не заметил. Он ел со своим обычным аппетитом.

Его лицо стало приходить в норму. Но в глазах появилась новая жестокость. После того, как я прочел ему из гомеровой «Одиссеи», Папа начал размышлять, как ему делать добро в этом мире, если он ничего не знает о политике и не числится ни в какой из существующих организаций. Где-то в это время Папа и решил, что он может использовать предстоящий съезд, чтобы проповедовать свои идеи и собирать голоса. Затем он вспомнил, что хотел использовать меня как шпиона.

— Мой сын — не шпион, — ответила Мама.

— В той или иной мере мы все шпионы, — настаивал Папа.

— Не надо никуда втравливать моего сына.

— Но мы сделаем хорошего шпиона.

— Зачем?

— Тебе этого не понять.

— Вот так вы, мужчины, всегда отвечаете, когда не хотите говорить правду.

Папа замолчал. Мама пожаловалась на то, что Папа использует меня в своих сумасбродных планах, что столько денег было потрачено на эту вечеринку, обернувшуюся трагедией. Но Папа ее не слушал. Он позвал меня и сказал, что хочет, чтобы я возобновил визиты в бар Мадам Кото. Он сказал, что присоединится ко мне позднее. Я не думал, что он говорит это серьезно. Но позже, вечером, когда я сидел у дома и наблюдал, как мир медленно растворяется среди движения облаков, он подошел и напомнил о моей миссии. Он говорил о том, что в мире и в нашем районе происходит много нового. Я отправился в бар Мадам Кото.

Наша дорога менялась. Ничто больше не было тем, чем оно казалось. Несколько нищих, из тех, что приходили на неудавшуюся вечеринку Папы, устроились на обочине дороги. Один из них лег на мат напротив дома слепого старика. Когда я проходил мимо, нищий, перебирая четки пальцами, попросил у меня денег. Глаза у него были пустые, рот похож на проклятие. Я ускорил шаг. Заросли буша у обочины дороги разрослись еще гуще. Молодое дерево упало между баром Мадам

Кото и домом старика. Внезапно подул ветер, и когда он затих, до меня донесся из леса запах гниения. Подходя к бару, над входом в который была прибита новая яркая вывеска, я услышал, как внутри звучат музыка и голоса. Я остановился у входа. Я не знал, как меня там примут. Автомобиля поблизости не было. Мужчина вышел из бара, уставился на меня, обильно сплюнул в кусты и зашел обратно. Вскоре появилась одна из проституток.

— Чего тебе надо?

— Мадам Кото.

— Кто послал тебя?

— Мой отец.

— Кто он?

— Черный Тигр.

Она пристально на меня посмотрела. И пошла обратно в бар. Долгое время ничего не происходило. Голоса становились громче. Началась драка. Загремели стулья. Послышался звон разбитых бутылок. Вмешались женские голоса. Драка кое-как перешла в затихающую брань. Кто-то поставил пластинку на проигрыватель и голос с широким диапазоном, возносимый вверх духовыми инструментами, запел в ночи. Подул ветер. Гнулись деревья. По улице шла процессия нищих. Этих

нищих я не узнавал. Они остановились у входа в бар Мадам Кото. Затем они пошли ко мне. Их было семеро. У двоих из них были ноги с наростами, и они тащили себя на карачках как гибриды человека и змеи, используя подушечки на локтях в качестве подспорья. У остальных были вывернуты руки, вытянуты шеи. У одного была только одна рука, у другого два пальца, а у третьего, к моему ужасу, было три глаза. Я попытался бежать, но странным образом оказался прикованным к земле. Безостановочно приветствуя меня «селям-селям», неся с собой запахи всех сточных канав, уличных углов, помоек, гниющей плоти и сырых ночей, они наступали на меня. Их главарь был человеком непонятного возраста, с лицом, напоминающим искореженный металл, с глубокими глазами и шамкающим ртом. Он подошел ко мне, умоляя о снисхождении, на языке, который, казалось, принадлежал к другому мирозданию. Он теснил меня, как и все остальные, и у меня перехватило дыхание от их запахов. Самый молодой из нищих засмеялся, и мне показалось, что у него изо рта выскочило какое-то раздавленное насекомое. Я закричал. Старший нищий схватил меня двумя пальцами, и это было похоже на хватку чудовищной машины. Наклонив лицо

вплотную к моему, так что я на мгновение потерял сознание, он сказал:

— Пойдем с нами.

Я вырвался, растолкал нищих с дороги и побежал в бар. Место для танцев было запружено танцорами. В комнате было полно дыма. Я споткнулся о скамейку и врезался в танцующую пару. Женщина вскрикнула. Музыка остановилась. И все уставились на меня, застыв каждый в своей позе, словно я всех разом заколдовал.

— Что с тобой? — спросила одна из проституток.

— Все в порядке.

— Убирайся отсюда, — крикнул один из мужчин.

Я увидел, что это был громила. У него были большие плечи и толстая шея.

— Пошел вон!

— Нет!

— Ты что, сумасшедший?

— Нет.

Одна из женщин дала мне подзатыльник, и я прыгнул на нее, но чья-то рука схватила меня сзади за шею и подняла за шкирку.

— Если ты не уйдешь сам, я вышвырну тебя отсюда, — услышал я чей-то могучий голос.

— Я уйду.

Мужчина поставил меня на пол и указал на дверь. Но полосы занавеси вдруг раскрылись, и старший нищий, говоря всем «селям-селям», с лицом еще более пугающим в красном освещении, вошел в бар. За ним тащился весь остальной поезд. Они принесли с собой все гнилостные, очень нежелательные здесь запахи мира. Я направился в угол бара и сел на скамейку. Наступила долгая тишина. Старейшина, смотря на всех бесстрашными глазами, пошел в мою сторону, ведя за собой весь свой народ.

— Я хочу этого мальчика, — сказал он громко, показывая на меня кривым пальцем.

Когда он вошел в бар, вместе с ним пришла темнота. Темнота была ветром, который дул от скопления нищих у дверей. Когда одна из проституток увидела все уродство нищих, она пронзительно завизжала. Внезапно, хотя никто ее не заводил, зазвучала музыка. Самые смелые из громил закричали. Нищие внесли в бар какую-то свирепую непреклонную силу. Они все пропитали своими запахами. Один из молодых нищих, у которого не было ног, передвигавшийся на низких костылях разной длины, взобрался на стол, вокруг которого обычно собиралось боль-

шинство посетителей. Впервые я заметил, что громилы, воины политики травы, сильно испуганы. Проститутки отступили, зажимая носы.

— Меня послали, чтобы взять этого мальчика, — сказал старик, уверенно продвигаясь в мою сторону.

— Кто послал тебя? — спросил я.

Все лица в баре уставились на меня. Один из нищих засмеялся. Другой взял калабаш пальмового вина и выпил его одним глотком. В едином порыве все остальные, вдруг заметив, что на столах стоит выпивка и перечный суп, откинув свои костыли, набросились на еду. Те, что были без ног, передвигались на мощных руках. Те, что без рук, поскакали к столам и с опытной хваткой набросились на кастрюли с супом и напитки. Суп стекал у них изо рта и заливал грязную одежду. Главарь, стоя на одном месте, прожигал меня глазами и держался в стороне от суматохи со странной улыбкой на губах. Он словно застыл, как и все остальные посетители. Музыка остановилась. Тарелки были уже перевернуты; нищие доедали суп, мясо и кости прямо со столов. Громилы и другие посетители стояли как пригвожденные. Нищий мальчик подавился. Другой стал смеяться. Главарь ринулся на меня.

Когда я побежал к проституткам, собравшимся у дверей, казалось, что я разбил чары, сковавшие всех. Внезапно громилы кинулись на нищих, стали их бить и швырять в них тарелки. Но нищие продолжали есть как ни в чем не бывало. И лишь когда вино было допито из стаканов, весь суп съеден, кости раскусаны и обглоданы, и мякоть высосана из них, нищие — изумив всех виртуозностью своих увечных членов — бросились на громил. Проститутки выбежали из бара. Громилы тоже запаниковали и побежали. Главарь сел рядом со мной. Я не двигался. Он спокойно оглядел окружающий хаос — брошенные где попало кости, перевернутые столы, разбитое стекло — и затем сказал:

— Сколько у тебя глаз?

— Три, — ответил я.

Он внимательно посмотрел на меня.

— А сколько ушей?

— Одно.

— Почему?

— Я слышу вещи, — продолжал я. — Голоса. Слова. Деревья. Цветы. Он засмеялся.

— Меня послали забрать тебя.

— Кто?

— Твои друзья.

— А где они?

Он посмотрел вокруг и обвел рукой бар. Темнота рассеялась. Он ударил меня по голове, и я услышал плач кота. Глаза собаки уставились в мои. Вода стекала по мне, но я не промокал. Орел влетел через дверь и сел на голову старика. Он дотронулся до орла здоровой рукой, и черный свет вспыхнул у меня в глазах. Когда я открыл их, то увидел, что нахожусь в поле. Вокруг меня змеей извивалась зеленая река. Я поднял глаза и увидел голубые горы. Голоса на реке звали меня по имени. Кот перепрыгнул через меня. Нищий засмеялся. Я повернулся, посмотрел на него и закричал. У него было три головы. Одна из них была головой большой черепахи. Я пытался вырваться, но он крепко держал меня. Духи, окутанные языками пламени, как подсолнухи вырастали из земли вокруг меня. Поле сотрясалось. Река плескала свои воды на коралловые берега, вода превращалась в мокрую пыль, и в этой пыли я увидел своих духов-спутников, каждый из которых держал у себя над головой голубое зеркальце. Мой друг Адэ был среди них. Я не мог узнать остальных, поскольку после вспышки весь свет собрался в зеркальцах, а водяная пыль испарилась. Громкий голос сотряс горы. Я упал и,

проснувшись, обнаружил, что лежу на скамейке. Я присел. Было темно. Рыбы плавали в тусклых огнях бара. Я не двигался. Когда я осмотрелся, то заметил, что в баре есть еще один человек. Кто-то внес светильник через дверь. Желтый свет растворил все очертания. Я ждал. Какая-то фигура поставила светильник передо мной и сказала:

— Сегодня тебе повезло.

— Почему?

— Я попал впросак, но после меня пришел дух с пятью головами.

— Зачем?

— Забрать тебя назад.

— А почему ты попал впросак?

Светильник заколебался. Массивная фигура другого человека в баре зашевелилась. Она подняла опухшее лицо. У нее были очень печальные глаза. Они были большие и одинокие.

— Мадам Кото!

— Не называй моего имени!

— Почему не называть?

Она промолчала. Ее глаза изменились. В них затаилось ощущение угрозы.

— В баре духи.

Я посмотрел на фигуру за светильником, но ее уже там не было. Я заметил, как что-то двигается

за лампой. Я присмотрелся. Большая ящерица с зеленой головой корчилась на столе. Я медленно подошел, подобрал с пола камень и стукнул ящерицу по голове. Лампа погасла. Голубой ветер засвистел в баре и ударился в дверь. Я стал протискиваться на задний двор. Мадам Кото схватила меня в темноте и сказала голосом старого быка:

— Зачем ты их привел сюда?

— Кого? — спросил я.

— Своих друзей.

— Каких друзей?

— Этих нищих, этого духа.

— Это не мои друзья.

— Это друзья твоего отца.

— Нет.

— Он их представитель, разве нет?

— Я не знаю.

— Он совсем свихнулся на политике.

— Я ничего не знаю.

— А что сказал тебе дух?

— Я не расслышал.

Она оставила меня.

— Ты хочешь перечного супа?

— Да, — ответил я.

Она вышла и оставила меня одного в странной темноте бара. Я стал думать, что же случилось с

электричеством, и почувствовал запах мертвой ящерицы, словно за прошедшее время она успела разложиться. Открылась входная дверь. Распахнулись занавески. Я почувствовал запах ботинок, неуемную энергию, запах москитной спирали и увидел чьи-то очертания в дверном проеме.

— Папа! — сказал я.

Он зажег спичку. Лицо его было вытянутым, глаза яркие и глубоко посаженные, сигарета торчала изо рта. Спичка догорела. Он сел. Я прислушивался к тому, о чем он думает. Затем он заразительно засмеялся и сказал:

— Человек может пройти через всю планету и все-таки не продвинуться ни на дюйм. У человека в голове может быть уйма света, и все-таки он не будет ничего перед собой видеть. Мой сын, почему ты сидишь в такой позе?

Я не знал, что ему ответить. Он усмехнулся в темноте.

— Человек может нести на себе весь мир и не сносить на плечах вес собственной головы.

— Какой вес? — спросил я.

— Идеи, мечты, сын мой, — сказал он с легкой усталостью. — С той битвы с Зеленым Леопардом мир изменился. Что-то выросло внутри моей головы, и она стала больше.

Через какое-то время он сказал:

— Может быть, мои мысли начинают пахнуть.

— Это мертвая ящерица на столе.

— Кто убил ее?

— Я.

— Зачем?

— Это дух.

— Откуда ты знаешь?

— Дух говорил со мной и затем сменил оболочку.

— Не убивай ящериц.

— Почему?

— Они разносят вести. Иногда они бывают шпионами. Мой отец однажды послал ящерицу предупредить меня.

— О чем?

Папа замолк. Затем он сказал:

— Как-то раз враги захотели отравить меня. Это было в деревне. Они подлили яд в мой суп. Я уже собрался съесть его, когда вдруг увидел ящерицу, которая покачала головой передо мной.

— Но они всегда это делают.

— Ты напоминаешь козла, сын мой.

— Так что же случилось?

— Я не обратил на ящерицу внимания и уже собрался есть суп, и тогда она взбежала по стене.

Я наблюдал за ней, очарованный. И затем она упала в суп и умерла.

Я думал о том, что сказал Папа. Я слышал, как из леса доносятся громкие пьяные голоса.

— Где ящерица?

— На столе.

Папа зажег спичку.

— Там нет ничего.

Спичка догорела.

— Может быть, она уже отправилась на землю духов.

— Не говори о духах.

Голоса снаружи стали еще громче.

— Кто-то дал нищим вина. Я никогда не видел таких пьяных нищих. Они — члены моей партии.

Я слышал, как они смеются, ругаются, дерутся друг с другом.

— Я для них лидер, — сказал Папа. — И у меня нет денег, чтобы накормить их. Но я построю им школу. А ты будешь в ней учителем. Есть еще пальмовое вино? Где Мадам Кото?

— На заднем дворе.

— Пойди и позови ее.

Я шел через заднюю дверь. Было очень темно, и проститутки сидели на табуретках или стояли

вокруг, пыхтя в темноте сигаретками. Увидев меня, они причмокнули. Громилы и остальные посетители уже ушли. Я пошел дальше и постучал в дверь Мадам Кото. Через какое-то время она открыла. В одной руке она держала лампу, в другой — парик. Живот ее был очень большой и широкий, лицо опухшее, как будто кто-то побил ее. Усталость отяжеляла ей веки.

— Ну что, мальчик-сорок-три-несчастья, чего тебе надо?

— Мой отец…

— Какой отец? Оставь меня. Мой бизнес идет хорошо, но затем появляешься ты, приводишь каких-то оборванцев, и все мои клиенты разбегаются.

— Я не приводил их.

Ока долго на меня смотрела. Она выглядела довольно пугающе. Она дала мне лампу, чтобы я ее подержал, и надела парик. Закрыв дверь, она пошла на задний двор и сказала проституткам, чтобы те уходили. Проститутки стали ворчать, что им не заплатили.

— Я заплачу вам завтра, когда уйдет этот мальчик-сорок-три-несчастья.

Одна за другой проститутки встали с места. Ворча, ругаясь, они растворились в ночи. Ма-

дам Кото присела на табурет. На очаге стояла большая зеленая кастрюля. Лягушки квакали из кустов буша. Из леса трижды протрубила птица и замолкла. Цыкали сверчки. Нас кусали москиты. Через некоторое время вернулась одна из проституток.

— Что-нибудь не так? — спросила Мадам Кото.

— Эти нищие в стельку пьяные.

— Моим вином.

— Если мы не избавимся от них, нашему бизнесу конец.

Мадам Кото пошла. Мы слышали, как нищие зовут ее. Она ругалась на них. Нищие дерзко смеялись.

— Эти ваши друзья разбили все мои стаканы, — сказала Мадам Кото. — И мои тарелки. Оскорбляли моих клиентов. Разбили два стула. Кто за это будет платить, а?

— Мой отец хочет поговорить с вами о политике.

— С кем?

— С вами.

Мадам Кото взяла палку и стала бить меня. Я не двигался. Она остановилась.

— Ты и твой отец — сумасшедшие.

— Мы не сумасшедшие.

— Мне дурно, — сказала она вдруг другим тоном.

— А что такое?

— Деньги. Политики. Посетители. Люди.

Я промолчал.

— Чего хочет твой отец?

— Пальмового вина.

Она издала короткий смешок.

— Все вино я раздала нищим.

— Зачем?

— Из-за них начался беспорядок, поэтому я отдала им пальмовое вино, и они ушли. Я сказала, чтобы они шли отсюда подальше, но они пошли на передний двор.

— Они хотят голосовать за моего отца, — сказал я.

Мадам Кото уставилась на меня.

— За твоего отца?

— Да.

Она опять засмеялась.

— За него будут голосовать только куры и лягушки.

— А москиты?

— И они тоже. Вместе с улитками.

— Он сказал, чтобы я позвал вас.

— Где он?

— В баре.

— Так он пришел в мой бар после того, как назвал меня ведьмой, да?

— Он хочет политики.

— Ладно, иди и скажи ему, что я скоро приду.

Когда я вошел в бар, Папа уже спал. Он спал с высоко поднятой головой, как будто находился в трансе. Я близко придвинулся к нему и послушал, как он скрипит зубами. Светлячки тут и там загорались в темноте. Желтая бабочка летала над папиной головой. Я смотрел за бабочкой. Когда она села на папину голову, внезапно я ясно увидел Папу в темноте. Желтый свет окружал его. Этот свет по форме был точной копией Папы, свет вырос в воздухе, спустился вниз и начал бродить по бару. Я наблюдал за светом. Он менял цвет, становился красным, а потом красно-золотым. Он двигался вверх-вниз, ударяясь об пол и поднимаясь к потолку. Он кружил вокруг Папы, словно ища способ, как войти в него обратно. Затем красно-золотой свет сел рядом со мной. Я покрылся потом и закричал. Свет изменил цвет. Он опять стал желтым, а затем каким-то изумрудно-голубым. Когда я дотронулся до Папы, бабочка слетела с его головы и исчезла сквозь потолок. Папа открыл глаза, увидел меня и издал

странный стон. Затем он осмотрелся по сторонам, словно не зная, где он находится.

— Ты в баре Мадам Кото, — сказал я.

Он уставился на меня, зажег спичку и, узнав меня, задул ее. Он притянул меня ближе к себе. Я чувствовал запах его неутоленной энергии вместе с ароматом москитной спирали. Он зажег сигарету и немного покурил в молчании.

— Человек может прошагать всю планету и не продвинуться ни на шаг, — сказал он. — Сын мой, мне снилось, что мне удалось открыть новый континент.

— И как он называется?

— Континент Повешенного.

— Что же произошло?

— Когда я приплыл туда на своей лодке, я увидел горы, реки и пустыню. Я написал свое имя на камне. Я пошел по этому континенту. Я был один. И случилась странная штука.

— Какая?

— Ты еще слишком маленький, чтобы это понять.

— Расскажи.

— По дороге я начал представлять это место и давать ему жизнь. Я воображал равнины, леса, тропы, большие открытые пространства, колю-

чие растения, затем я стал воображать людей. Они были не похожи на нас. Это были белые люди. Жители лесов. Они шли на меня. На них была странная одежда и на шее висели драгоценные камни. Я спросил их старейшину: «Что вы, люди, здесь делаете?»

«А что ты тут делаешь?» — спросил он.

«Я только что обнаружил это место. Это должен быть новый континент. И мне очень странно видеть вас здесь».

«Мы живем здесь с незапамятных времен», — ответил он.

И затем я прогнал их своим воображением. Тогда мне явился пастух и сказал:

«У этого континента нет имени».

«Он называется Континент Повешенного».

«Это другое место», — возразил он.

«Так почему же у него нет имени?»

«Люди обычно не называют свои континенты. Если ты назовешь как-нибудь континент, ты не сможешь там жить».

Континент исчез. Я обнаружил себя на странном острове. Люди обращались со мной жестоко. Они тоже были белые. Недружелюбные люди. По крайней мере, враждебные мне. Я жил среди них много лет. Я не мог найти выход оттуда. Я

был заключен на этом маленьком островке. Мне было очень трудно там жить. Они боялись меня из-за другого цвета кожи. Я начал терять вес. Я должен был представить себе целый континент, чтобы приспособиться к жизни на этом островке. Время шло.

Папа сделал затяжку. Его глаза светились в темноте.

— И что потом случилось?

— Я снова пустился в путешествие. Я шел по дороге, пока не пришел к месту, где дорога превращалась в воздух. Поэтому мне пришлось вообразить дорогу. В конце дороги я увидел зеркало. Я посмотрел в зеркало и чуть не умер от изумления, когда увидел, что я стал белым.

— Как это случилось?

— Я не знаю.

— Так что же это было?

— Все потом изменилось. Я очутился в большом городе на острове. Я был там разносчиком и продавал газеты у вокзала. Это была временная работа. У меня были планы поважнее. Там было очень холодно. Везде был лед.

— Лед?

— Да. Лед падал с неба. От этого льда мои волосы становились белые. Везде лед.

— А потом?

— Потом однажды пришел ты и купил у меня газету. Ты был молодым человеком. Когда ты дал мне деньги, они прожгли мне руку. Я пустился бежать, и тогда ты разбудил меня.

Мы сидели в тишине. Целых пять минут Папа хрустел суставами. Потом он распрямился и треснул кулаком по столу:

— Где вино, а?

Электрический свет зажегся в баре, прогнав все тени, делая все объекты причудливо плоскими. Мадам Кото, с двумя бутылками пива в одной руке и котелком перечного супа в другой, прошествовала к нашему столу.

— Ешьте, пейте и уходите, — сказала она, громко ставя на стол пиво и суп.

— Великая Мадам Кото, разве вы не рады видеть меня?

— После того, как ты назвал меня ведьмой?

— Это говорило ваше пальмовое вино, а не я.

Она отошла. Ее нога, очевидно, болела еще сильнее и была перебинтована. Мадам Кото подошла к стойке, села за нее и включила музыку. Папа прожорливо глотал суп. Он дал мне немного мяса. Потом открыл бутылку пива зубами.

— А вина нет? — спросил он.

— Все вино я отдала твоим друзьям.

— Каким друзьям?

— Нищим, — сказал я.

— Они разбили мои стаканы и тарелки. Зачем ты их сюда привел, а?

— Я не приводил их.

— А зачем ты позвал их на вечеринку?

— Я не звал их.

Мадам Кото остановила музыку. Папа допил первую бутылку пива и принялся за вторую.

— Мадам Кото, я хочу поговорить с вами о политике.

— Зачем?

— Мне интересно.

— Что интересно?

— Люди.

— За кого вы будете голосовать?

— За себя.

— Я слышала, вы собираетесь организовывать свою партию, да?

Папа ничего не сказал. Я взглянул на плакаты политической партии, которую поддерживала Мадам Кото. Я изучал картинки с изображениями их лидеров. Она сказала:

— Мне не нужны неприятности. Уберите отсюда своих нищих. Я не хочу терять клиентов.

— Нищие тоже голосуют.

— Пусть они голосуют за вас, но уберите их отсюда.

Ветер подул в дверь. Затем мы услышали странный барабанный бой по крыше. Лампочка продолжала раскачиваться. Кто-то вошел. Поначалу я никого не заметил.

— Убирайтесь! — крикнула Мадам Кото.

Затем я увидел, что возле двери стоят трое нищих. Двое из них были без ног и передвигались на подушках, привязанных к локтям. У третьего был уродливый глаз. Они вошли в бар и собрались вокруг папиного стола. Папа допил свое пиво.

— Если ты избавишься от них, — сказала Мадам Кото, — я забуду весь ущерб, нанесенный мне, и вы с сыном сможете приходить сюда пить в любое время.

Нищие играли с пустыми бутылками. Папа отобрал у них бутылки и встал.

— Пойдем отсюда, — сказал он мне.

Мы вышли, и трое нищих, без умолку болтая, дергая Папу за штаны, пошли за нами. На улице спали другие нищие. Эти трое шли за нами, пока мы не дошли до дома. Папа повернулся к ним и помахал им. Они остановились. Мы вошли. Я оглянулся и увидел, что трое нищих, пригиба-

ясь к земле, смотрят на нас своими странными глазами.

Глава 2

Той ночью ветер и гром не утихали. Придя, мы увидели, что Мама сидит на папином стуле, москитная спираль коптит на столе, а мамин разорванный парик брошен на кровать. Она выглядела уставшей. Она ничего не сказала, когда мы вошли. Она тихо покачивалась под звуки ветра, задувавшего над крышей, и под раскаты грома. Все изменилось, комната смотрелась непривычно, и Мама сидела, уставившись перед собой, словно перед ней лежала долгая дорога. Свеча уже почти догорела, москиты гудели, мотылек облетел Маму, как будто ее голова была пламенем, и вдруг ее глаза стали очень яркими.

— Что произошло? — спросил Папа, садясь на кровать.

Мама плакала. Она не издавала никаких звуков, но ее глаза блестели, она смотрела прямо перед собой, словно вдогонку ветру, и плакала. Я подошел к ней и положил голову ей на колени, но она не шевельнулась.

— Сходи и купи огогоро, — сказал мне Папа

хриплым голосом.

Он дал мне денег, и я поспешил через дорогу. Какие-то нищие собрались прямо у входа в наш барак. Они передвигались группами. Я купил огогоро и на обратном пути увидел, что нищие перебрались к нашему фасаду. Они лежали на матах, под наклонными цинковыми стрехами, и смотрели на меня, когда я проходил мимо.

Вернувшись домой, я увидел, что Мама сидит на кровати, а Папа на трехногом стуле. Дым от москитной спирали образовывал голубые завитки вокруг его головы. Зажгли новую свечу. Папа флегматично курил сигарету. Он забрал у меня огогоро, налил себе солидную порцию и выпил. Мама наблюдала за ним. Я расстелил мат. Я рассказал Папе о нищих.

— Следующее, что они сделают, это займут нашу комнату, — ответила Мама.

— Я собираюсь построить им дом, — возразил Папа. — Я буду строить им школу. Азаро будет учить их читать. А ты научишь их торговать. Я буду учить их боксу.

— А кто их будет кормить, а? — спросила Мама.

— Они будут работать за еду, — сказал Папа.

Мама вытянулась на кровати. Какое-то время

она не произносила ни слова. Затем села прямо и стала жаловаться, что у нее отобрали столик на рынке, что целый день она торговала вразнос и почти ничего не продала, что нога ее распухла, с лица сошла кожа от палящего солнца и что приходил этот Стулья-Напрокат, и она отдала ему всю мелочь, что у нее была.

— Ты должен заплатить мне за это, — сказала она.

— Я заплачу тебе вдвойне, — ответил Папа.

Мама продолжала говорить о том, как она торговала на главной дороге и вдруг увидела свою школьную подругу. Они вместе учились в начальной школе. У ее подруги теперь автомобиль с личным шофером; она выглядит на десять лет моложе Мамы и носит богатую одежду. Мама продала ей апельсины, и та женщина не узнала ее. Больше в тот день Мама ничего не продала, она сразу пошла домой.

— Эта жизнь для меня никогда не была хорошей, — сказала Мама.

— Вознаграждение ждет тебя, — сказал Папа отрешенно.

— Я сделаю тебя счастливой, — сказал я.

Мама пристально на меня посмотрела. Затем она улеглась. Вскоре она уже спала. Ветер дул че-

рез все щели в комнате, и нас пробирала дрожь.

— Что-то должно произойти, — заключил я.

— Что-нибудь замечательное, — сказал Папа, уверенно раскачиваясь на своем стуле.

Ветер задул еще сильнее. Мотылек облетел пламя. Затем свечка внезапно потухла. Мы так и сидели в темноте. В комнате было тихо.

— Я скучаю по крысам, — сказал Папа.

— Почему?

— Они заставляли меня думать. Все должны бороться, чтобы жить. Крысы очень много работали. Если мы не будем с ними осторожны, они унаследуют эту планету.

Тишина стала еще полновеснее. Я лег и стал прислушиваться к мыслям Папы. Его мысли были огромные, они вращались вокруг его головы, отскакивая от каждого предмета в комнате. Его мысли заполонили пространство и наполнили меня тяжестью, и через некоторое время я оказался внутри его головы, направляясь к началу начал: я шел с ним в деревню, я видел его отца, я видел, как уходят папины мечты. Его мысли были тяжелые, они сдавливали мне голову, мои глаза болели, и сердце быстро забилось в удушливой жаре комнаты. Папа вздохнул. Мама перевернулась на кровати. Комната наполнилась мыслями

цвета сепии и аметиста. Контуры передвигались во тьме. Прямо над папиной головой на меня уставился зеленый глаз. Глаз был неподвижен. Затем он передвинулся к двери и стал татуировкой на деревянном косяке. Ветер усилился. Папа хрустнул суставами. Послышались удары, и я почувствовал запах чего-то настолько гнилостного, что вскочил с места.

— Что-то не так? — спросил Папа.

— Кто-то пытается войти в дом.

Стучали в окно. Я открыл его, влетел ветер и отбросил меня к кровати. Мама встала и направилась к двери. Она открыла ее и издала тихий стон. Папа оставался на месте. Запахи смерти, горечи, старых тел, выдавленных глаз и старых ран заполнили комнату. Несколько глаз зажглось в темноте. От двери раздался смех, и в дыхании вошедших чувствовались дурная пища и голод всего мира. Они вошли в комнату, окружив нас. В темноте, вместе с внесенным ими горьким ветром, с размеренностью странников, ставших нашими хорошими знакомыми, они расселись на полу, на кровати, на моем мате. У нас перехватило дыхание от их присутствия. Один из них пошел и уселся у папиных ног. Это была девочка. Я чувствовал запах ее горькой красоты, ее вы-

текшего глаза, ее немытых грудей. Они пришли к нам не как завоеватели, а как люди, которые долго прождали, чтобы занять свое место среди живущих. Они ничего не говорили. Мама стояла у двери. Все москиты ринулись в комнату; светлячки группами летали вокруг неподвижных фигур. Красная бабочка кружила над головой девочки, и когда бабочка села на нее, в комнате стало немного светлее от оранжевого света, от которого у меня задергался глаз.

— Кто вы такие, люди? — спросил Папа голосом, лишенным страха.

Наступила долгая тишина.

— Азаро, кто они такие?

Девочка вытянула руку и положила ее на папину ногу. Затем она стала ее гладить. Она гладила его ноги с нежностью, пока они не начали светиться оранжевым светом и выглядеть, словно их отполировали и отделили от тела.

— Мои ноги горят, — сказал Папа, — но я не чувствую тепла.

— Кто вы все? — прокричала Мама. — Убирайтесь отсюда прямо сейчас! Вон!

Опять наступила тишина.

— Это нищие, — сказал я.

Мама задержала дыхание. Папа отдернул ноги

и сел прямо. Оранжевый свет погас в комнате. Я услышал, как Папа нащупал коробку спичек. Через секунду спичка была зажжена, но не Папой. Девочка-нищая подняла спичку в воздух и стало светло. Она была так прекрасна, сидя у ног Папы. Ее пустой глаз в обманчивом свете приобрел загадочный желтый оттенок. Ее нормальный глаз был почти голубым, но он был полон глубокой печали и тишины. От ее одежды пахло. Ее лицо было безмятежным, как у ребенка-духа. Не сводя глаз с Мамы, девочка зажгла свечу. Мы осмотрелись и увидели, что все нищие мирно сидят, словно на сельском собрании, на полу, прислонившись спиной к стенам, на кровати, каждый из них обремененный своей увечностью, выставляя гниющие раны, гротескные обрубки рук, похожие на резиновые кривые ноги. Один из них был с массивной головой, как у бронзовой скульптуры, источенной временем. У другого было распухшее адамово яблоко. У третьего — самые выпученные и бдительные глаза, какие мне только доводилось видеть. Казалось, что их создал какой-то извращенный или пьяный бог.

Мама издала крик и кинулась на нищенку. Казалось, что она сошла с ума. Она схватила ее за волосы и старалась поднять вверх. Девочка не

двигалась и не издавала ни звука. Мама обхватила ее руками и попыталась тащить. Все это время она кричала. Все мы были погружены в транс. Мы смотрели за Мамой, не двигаясь. Мама пыталась оттолкнуть девочку, но как будто боролась с неподвижной силой. Глаза девочки стали странными. Она была неимоверно тяжелой, словно от бедности и страданий уплотнилась, как далекая звезда. Мама начала кричать:

— Убирайтесь, вы все! Уходите отсюда, нищие! Разве вы не видите, что мы тоже страдальцы? Наша ноша слишком тяжела для нас. Идите! Берите нашу еду, но уходите!

Внезапно она прекратила кричать. В наступившей тишине воцарилось загадочное оцепенение. Я вдыхал глубокие ароматы диких цветов, трав, прибитых дождем к земле, облаков и старого дерева, банановых деревьев и больших открытых пространств, легких бризов, мускуса и гелиотропов, цветущих на солнце. Ароматы исчезли. Мама повернулась к Папе, бросилась на него и стала осыпать беспорядочными ударами. Папа не двигался, сидя на стуле. Вскоре из пореза над глазом у него пошла кровь. Затем Мама порвала ему рубашку, и когда разлетелись все пуговицы, она очнулась от лихорадки. Она остановилась и

пошла к нищей девочке. Она встала перед ней на колени. Девочка стала гладить Папу по ноге. Мама, плача, сказала:

— Я не хочу никому зла. Моя жизнь как яма. Я рою ее, но она остается прежней. Я наполняю ее, и она пустеет. Посмотрите на нас. Все мы живем в одной комнате. Я хожу по улицам с утра до вечера, продаю товары, молюсь богу своими ногами. Бог улыбается мне и обжигает лицо. Иногда я не могу даже говорить. Мой рот переполнен дурной жизнью. Я была самая прекрасная девушка в своей деревне и вышла замуж за этого безумца, и я чувствую себя так, как будто пять раз рожаю одного ребенка. Я, наверное, сделала что-то очень плохое, раз приходится вот так страдать. Пожалуйста, оставьте нас. Мой муж безумен, но он хороший человек. Мы слишком бедные, чтобы быть коварными, и даже когда мы страдаем, наши сердца полны добра. Пожалуйста, идите, мы сделаем что-нибудь для вас, но дайте нам уснуть в мире.

Долгая тишина повисла после маминой речи. Нищая девочка прекратила гладить папину ногу. Я расплакался. Папа закурил сигарету и налил себе еще огогоро. Он дал немного нищей девочке. Она отпила. Папа допил то, что осталось. Девочка

закашлялась.

— Вы слышите меня? — спросила Мама.

— Она принцесса, — сказал Папа. — Они шли семь дней, чтобы попасть на мою вечеринку. Я не приглашал их, но они пришли. Река не течет по новому руслу просто так. Дорога дала им послание для меня. Разве ты не видишь, что они посланцы?

— Какое у них послание? — спросила Мама.

— Какое ваше послание? — спросил я у них.

Все нищие посмотрели на меня.

— И где ваш старший? — спросил я, вспоминая свою встречу в баре.

Папа посмотрел на меня.

Нищая девочка встала. Другие переменили позы. Затем, не говоря ни слова, взяв с собой увечья и раны, но оставив отвратительные запахи, они вышли из комнаты. Девочка уходила последней. Она внимательно на меня посмотрела, потом на Папу и закрыла за собой дверь. Я слышал, как они топчутся у нашего фасада. В отдалении залаяли собаки. Светлячки, москиты и мотыльки погибали на столе и на полу, убитые, по-видимому, запахами в комнате. Папа размеренно пил, покачивая головой туда и сюда, словно находясь в глубоком сне. Мама наклонилась, шлепнула себя

по ноге, выпрямилась и тихим голосом сказала:

— Нищие принесли блох и оставили их, чтобы они нас кусали. Это их подарок. Ты сумасшедший, мой муж.

Я никогда не слышал, чтобы Мама говорила так грубо. Она пошла и села на кровать. Папина рана кровоточила. В глазах его было напряжение, челюсти двигались. Затем он сказал:

— Когда-то они были великими людьми. Голод увел их из их царства, и сейчас дорога — их единственный дворец. Я построю им школу. Я научу их работать. Я буду учить их музыке. Мы все будем счастливы.

Мама вышла, принесла немного воды и продезинфицировала комнату. Жидкость, которую она густо разбрызгала по всей комнате, ударила мне в ноздри. Мама поменяла простыни. Папа сидел с сонными глазами, с грубой поросльюна лице, кровь стекала по щеке и капала на плечо его разорванной рубашки. Затем пришла Мама, обработала рану и залепила ее пластырем. Она пошла и легла на кровать. Папа еще долго что-то пьяно бормотал. Он говорил, что построит дороги в поселке, говорил о своих планах строительства, которые должны поднять в людях боевой дух, о том, что миру нужно вдохновение, говорил о

моряках без кораблей, священниках без храмов, королях без дворцов, боксерах без противников, еде без животов, чтобы ее съесть, богах без единого человека, который бы в них поверил, мечтах без мечтателей, идеях, которые никто не может использовать, о людях без пути. Для нас в его речах не было смысла. Свеча почти догорела. Он встал и, все еще что-то бормоча себе под нос, пошел и лег на пол рядом со мной. От него пахло, как от большого животного, истощенного слона, и это был запах переизбытка энергии, переизбытка надежд и противоречий. Он бормотал что-то неразборчивое и вскоре заскрипел зубами. Когда он уже глубоко заснул, свеча ярко разгорелась и пламя затрепетало, как будто папин сон снабдил огонь кислородом. Мама встала с кровати, попросила меня передвинуться, и затем она сделала нечто очень странное. Она села верхом на Папу и стала его бить. Она била его по лицу, в грудь, отбивала маниакальный ритм на его животе, колотила и мутузила его изо всех сил, все время вскрикивая тихим устрашающе-монотонным голосом, не останавливаясь ни на секунду, как только позволяли руки.

— По-моему, я сломала кулаки о его челюсти, — сказала она.

Папа не шевелился. Мама глядела на него, спящего с открытым ртом.

— Почему это так, что когда я счастлива, крысы умирают одна за другой на полу, — сказала она.

Я молчал.

— Иди спать на кровать, — скомандовала она мне.

Затем она задула свечу и тихо улеглась рядом с Папой в ветреной темноте нашей комнаты. Вскоре я услышал ее сон. Мир перевернулся. Ночь заполнила комнату и накрыла нас, заполонив пространство светлыми духами, бывшими духами животных. Вымершие птицы стояли у папиных ботинок, красивый зверь с гордыми глазами, чья шкура отливала золотой пылью, стоял над спящими телами Папы и Мамы. Над кроватью, где я лежал, обозначились контуры дерева. Это было древнее дерево, его ствол был голубым, сок бриллиантовых оттенков тек вверх по его ветвям, сгустки света сверкали на его листьях. Я улегся горизонтально в его сложно переплетенный ствол. Темнота передвигалась; через нашу комнату проходили вымершие племена. Они шли по новым дорогам. Они шли уже три сотни лет и теперь появились в нашем ночном пространстве. Мне не нужно было их воображать. Впервые в

жизни я понял, что невидимое пространство вошло в мое сознание и растворило часть внешней оболочки моего бытия. Ветер нескольких жизней подул мне в глаза. Эти жизни тянулись далеко назад, и когда я увидел великого короля мира духов, смотрящего на меня через открытые двери моих глаз, я понял, что меня влекут многие вещи. По-видимому, из-за того, что в нас скрыто столько всего, так важно содружество ближних. Та ночь оказалась ночью вестей. Утром я проснулся рано и увидел одно из посланий прямо на полу. Мама и Папа, крепко обнявшись, спали. На мамином лице были долгие дорожки от слез. Я снова заснул и когда проснулся, солнце было уже теплым, папины ботинки исчезли, и Мама оставила для меня на столе апельсин.

Глава 3

Нищие, которые напились вина Мадам Кото, ночью излили ярость своего голода. Они сломали столики, сорвали вывеску Мадам Кото, разбили окна и в конце концов устроились в недостроенном доме на краю леса. Обитатели улицы были недовольны. Мадам Кото послала партийных громил прогнать нищих. Я видел, как увечные

нищие, однорукие, одноглазые, безногие, врассыпную шли по дороге, в полном смятении, в синяках, побитые. Они собрались под деревьями, поглядывая на бар Мадам Кото, вооруженные патетически выглядевшими палками. Они представляли из себя жалкую армию. Я не пошел в бар. Я видел, как Мадам Кото сидит снаружи, на высоком стуле, окруженная проститутками и громилами. Нищие оскорбляли меня, когда я шел мимо.

Придя домой, я увидел, что дверь закрыта. Адэ играл на разбитом фургоне политиков. Он выглядел похудевшим и был счастлив увидеть меня. Он рассказал мне, как приехал фургон партии богатых и стал разгонять нищих. Но нищие снова возвращались. Была большая драка, и осталось много раненых. Адэ говорил хрипло, и его голос был слабым. Солнце нещадно палило в тот день. Куры лежали без движения на перекрестках. Собаки были ко всему безразличны. Мы играли возле фургона, услышав крики у бара, побежали смотреть, что там такое, и увидели, как громилы снова избивают нищих.

В тот день высокий человек в безупречно белом костюме пришел спросить Папу. Он был очень высокий, глаза его были глубоко посажены, и

голова была маленькая. Он стоял на жестоком солнцепеке, облокотясь на трость для ходьбы. Он жаловался на блох. Он пошел и купил себе бутылку огогоро и встал у нашего фасада, размеренно попивая. Он ни с кем не разговаривал.

Лицо его было довольно вытянутым, и он то и дело моргал, когда пот стекал ему в глаза. Через какое-то время он встал очень прямо, и, подойдя к нему, мы обнаружили, что он спит стоя. Мы дотронулись до него, он проснулся в одно мгновение, и затем пошел по улице в сторону главной дороги, и вскоре исчез.

Вечером Папа появился с нищими, которые прошлой ночью приходили к нам в комнату. С неуемной энергией человека, принявшего на себя новую судьбу, Папа водил их туда и сюда по улице. Он пытался организовать убирать мусор, чистить дорогу, красить столики, сажать цветы рядом со сточными канавами. Зажженный великим энтузиазмом, в своей разорванной рубашке, с болтающимся пластырем на лице, Папа ходил от дома к дому, предлагая людям голосовать за него. Он разворачивал свои планы относительно школы, убеждал их пожертвовать средства на содержание нищих, и везде, где бы он ни появлялся, люди ругали его, что он еще больше добавляет

неприятностей в их жизнь. Нищие сгребли мусор с одного конца дороги и свалили в другом конце. Они помяли все цветы, которые пытались посадить. И поскольку Папа не мог согласиться с ценой на краску, необходимой для того, чтобы перекрасить монотонно-коричневые столики и потускневшие от солнца красные, желтые и синие дома, нищие так и стояли с бесполезными кисточками в руках. Прекрасная девочка-нищая следовала за Папой везде, куда бы он ни шел. Когда он подошел к другому скоплению нищих, те выслушали его с недоверием. Как только папа ушел, они перевернули столики. Потом пошли бродить по болоту. Рядом с деревянным мостиком они нашли матрас, поросший грибками и плесенью. Они выбили из него клопов и всю остальную живность. Нищие намеревались использовать матрас как лежанку, на которой все они смогли бы разместиться. Возник фотограф, быстрый как вспышка, и сделал свои фотографии. Он исчез с такой поспешностью, как будто его враги в любой момент могли выступить из вечерних сумерек. У меня не было ни одного шанса поговорить с ним. Он стал очень таинственный и недоступный. Папа ходил туда-сюда по дороге, крича о том, что бедность — дело наших рук. И пока он так кричал,

вторая волна перевоплощений набирала силу.

Глава 4

Тем вечером в баре у Мадам Кото проходило самое фантастическое собрание. Везде стояли желтые автобусы. В воздухе плавали ароматы самой удивительной парфюмерии. Великое множество автомобилей было припарковано на прилежащих улочках и в закутках. Всю ночь гремела музыка, заставляя содрогаться окрестные дома. Женщины были наряжены в тщательно подобранные шелка ручной работы. Позолоченные браслеты и цепочки, брошки и кольца из дешевых рубинов, обязательные туфли на высоком каблуке поблескивали в искусственном освещении. Везде были женщины, скандально выставлявшие напоказ броскую сексуальность.

Приземистые влиятельные мужчины с ожерельями вождей на шеях и веерами из орлиных перьев в руках; мужчины с длинными ногами, в белых ботинках; мужчины с древними глазами навыкате и выдающимися вперед животами, чья громоздкая походка выдавала неколебимое клановое могущество; мужчины, почти гиганты, с толстыми шеями и потеющими грозными

бровями, с мужественными бедрами почти древесной крепости — все они были там. Это были наследники титулов и бессчетных акров земли.

Были там и дети в красном, целые семьи, разодетые в шелка, один старик с попугаем, травники, служители культов, а также невысокий мужчина в белой шляпе с козлами на привязи, предназначенными для великого жертвоприношения. Я увидел, как привели одно странное животное, антилопу дукер с пронзительными глазами. Все приглашенные теснились в баре.

Снаружи ходили слухи, что вечеринка устроена, чтобы отпраздновать обретение Мадам Кото новых возможностей, установку электричества, консолидацию ее партийных связей, расширение сферы ее влияния в этом и других мирах. Говорилось даже, что это событие должно запечатлеть ее вхождение в мир мифов. Самые безумные слухи ходили про то, что происходит ночами, когда мы все спим, и в течение дня, когда мы, как всегда, понятия не имеем об изменениях, происходящих в сплетениях тонких энергий и силовых полей.

В то время как мы замечали только банальных громил, агитационные фургоны и агрессивность политических столкновений, новые пространства росли как гроздья. Пространства, которые

мы не можем ни назвать, ни даже представить, так что нам остается только догадываться о них по незаконченным жестам и темным необъяснимым поговоркам. Слухи наполняли все события высокой значимостью. В атмосфере плавали неправдоподобные звуки. Продавцы земляных орехов, торговцы жареной кукурузой, шиноремонтники, прорицатели судеб, продавцы пива — все собрались вокруг бара, наблюдая за ним с расстояния, делая свое дело, тогда как в баре не утихали пьяные голоса и смех, время от времени сопровождаемые пронзительными ритуальными воплями.

Затем, к нашему изумлению, электрики и плотники, механики и разнорабочие подъехали в кузове грузовика и проложили серебряный кабель от электрического столба к бару Мадам Кото, или так нам показалось; затем они подсоединили кабель к фасаду, где обычно висела вывеска, быстро натянули провода и повесили на них разноцветные лампочки, осветившие ночь. Человек Стулья-Напрокат, в свою очередь, принес пятьдесят шесть стульев. Под нашими изумленными взглядами рабочие растянули огромный брезентовый тент красно-желтого цвета. Рядом разожгли очаги, которые сразу же

окружили женщины; вскоре очаги зашипели маслом от жарящегося козлиного мяса, баранины и антилопьей вырезки. Множество пива было принесено в ящиках с именами и адресами новых известных пивоварен. И впервые в жизни мы услышали, какой может быть публичная музыка. Звуки дьявольских виртуозов-барабанщиков, пламенные мелодии тубы, скользящие тона кларнетов и октавы басовых саксофонов, носовые голоса синкопирующих музыкантов, гонги и колокольчики заставляли воздух вибрировать, землю — содрогаться, а зрителей пускаться в танец. Мы наблюдали за силуэтами танцоров под тентом. Горящие лампочки голубого, желтого и оранжевого цвета, бриллиантовые флюоресцентные лампы на шестах привлекли к себе мошек и мотыльков, которые тут же пустились в общую круговерть танца, взмахивая своими крылышками под бодрые ритмы.

Обитатели нашего района, у которых не было никаких шансов быть приглашенными на вечеринку, надели на себя лучшие одежды и бродили вокруг тента, мечтая хоть как-то поучаствовать в диком празднике, надеясь на случайную встречу, счастливый билет из той потусторонней тьмы, откуда все мы смотрели на Мадам Кото и шеп-

тались о ее ненормальной беременности. Все говорили, что ее время вот-вот настанет. Некоторые люди говорили об этом в апокалиптических тонах. Нищие, держащиеся на солидной дистанции, тоже собрались около тента. Деликатесные ароматы козлиного мяса и антилопьей вырезки, бобовых пирогов, жареного подорожника и богатых специями кушаний заставляли нас сглатывать излишки слюны и с еще большей горечью проклинать бедность и потустороннюю тьму, к которой, казалось, все мы были приговорены.

Посреди всего этого Папа изо всех сил старался заставить нищих работать. Они потеряли всякий интерес к его планам. Папа стал бегать по всей дороге и громко кричать. Разочарование разгоралось в его крови. Его грусть усиливала мое понимание его краха. Одна только нищая девочка с посохом, ведя своего отца, все еще шла за Папой. Он кричал:

— Мы можем изменить мир!

Люди смеялись над ним.

— Вот почему наша дорога всегда страждет, — кричал он им. — У нас просто нет стремления что-либо изменить!

Один из людей снаружи тента, обитатель потусторонней тьмы, сказал:

— Черный Тигр безумен!

Папа обернулся и погнался за ним. Обитатели нашего района бросились на Папу. Их уже давно вывели из себя его причуды. Нищая девочка закричала и стала бросать камни в его обидчиков. Один из камней отскочил в Папу, попав ему в рану. В ярости от того, что им не довелось присутствовать на блестящей вечеринке, местные жители набросились и на нищих. Те ответили им, но проиграли схватку и побежали под тент. Громилы вышвырнули их вон. У громил и охраны были лошадиные кнуты. Выкинув нищих, они бросились и на нас, без разбору колошматя и нищих, и жителей нашего района, словно мы, в конце концов, принадлежали к одному братству. Громилы вогнали себя в эру будущей войны. Они без разберу били детей и женщин. Ветер сдул нас всех в единое целое. Они хлестали нас, и мы спасались бегством в разброде и смятении. Под воздействием ритуальных чантов, исполненных в застойной атмосфере нашего поселка, в лихорадке своего внезапного восхождения, уверенные в том, что будущее на их стороне и что их обращение в людей власти теперь уже неизбежно, громилы щелкали кнутами, выражая презрение тем из нас в потусторонней тьме, чьи лица каза-

лись похожими одно на другое, и чья угроза для партии была лишь в том, что откуда-то на нее надвигался хаос. И затем вышла Мадам Кото. Она увидела эту сумятицу и закричала. Она призвала всех к порядку. Ее охрана и громилы тут же пришли в себя. Мадам Кото была блистательна в ниспадающих складках золотого шелка, с перьями в головном уборе. У нее была новая тросточка с металлической головой льва. Ее нога стала еще толще. Ее живот раздулся. Лицо ее было припудрено, веки подведены сурьмой. Она выглядела великолепно. Одно ее присутствие, уже внушающее трепет, призвало нас к молчанию в той тьме, где все мы были разбросаны. Она умоляла нас оставить в покое ее партию. Она пообещала и для нас праздник, который она устроит в знак уважения к нам и в знак признательности, что мы поддержали ее политику. Она приказала своему временному шоферу выставить нам напитки и еду. И затем, прихрамывая, ушла под тент.

Нищие вместе с жителями сразу же набросились на еду и питье. Громилы и охрана глазели на нас с ухмылками и потом запели издевательские песни. Они упивались своими издевательствами. Папа выругался на них и поспешил домой. За ним чуть сзади шла нищая девочка, а я шел за

ней. Папа вошел в комнату, а девочка осталась снаружи. Соседи стали о нас шептаться.

Я не слышал, что они говорят. Девочка повернулась ко мне, направив на меня свой странный глаз. Я уже не слышал больше шепотов.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Элен, — ответила она.

— Тебе нравится мой отец?

Она поначалу ничего не ответила. Затем, когда я уже собрался уходить, она сказала:

— Может быть, это ты тот, кто мне нравится.

Я не понял ее. Я прошел в комнату. Папа одевался в свой выходной французский костюм. У него на лице было три пластыря. Он мазал себя сильнейшей арабской парфюмерией. Он надел старые ботинки, собрал свои волосы и расчесал их. Я рассказал ему о человеке в белом.

— Белый человек? — спросил он возбужденно.

— Нет, — ответил я.

— Чего он хочет? Он хочет за меня голосовать?

— Нет.

Папа топнул ботинками по полу. Когда он был удовлетворен тем, что они не жмут, он сказал:

— Много разных людей интересуются мной. С сегодняшнего дня я держу свою дверь открытой.

— А как же воры?

— Какие воры? Что им у нас красть, а?

— Мамины деньги.

— А у нее есть деньги?

— Я не знаю.

— Хорошо. Нам нужны голоса. Я собираюсь идти на вечеринку Мадам Кото. Приоденься. Иди и помой лицо. Ты будешь моим младшим подчиненным.

— А как же девочка?

— Какая девочка?

— Элен, нищенка.

— Она будет моим телохранителем. Все нищие — это моя охрана. Я построю им университет.

— Когда?

— Когда ты умоешь лицо.

Я пошел и быстро умылся. Когда я вернулся, Папы уже не было. Нищая девочка стояла у входа. Я повел ее нищих на вечеринку Мадам Кото.

Глава 5

Снаружи тента Папа старался прорваться внутрь.

— Я политик! — говорил он.

— Нам не нужны такие политики, — сказал один из вышибал.

— Почему же?

— Иди отсюда! Если бы ты был политиком, ты бы не ломал двери.

— А я разве ломаю вам двери? — гордо спросил Папа. — У меня разве есть автомобиль?

— Просто иди отсюда.

Папа начал сыпать оскорблениями. Он устроил такой шум, что вышибала послал за громилами. Те пришли, скрутили его и выпроводили, бросив около леса. Он вернулся назад — пиджак в грязи, в волосах сухие листья, пластыри отклеились. Он подошел к вышибале и опрокинул его одним круговым ударом.

— Если ты уважаешь только тех, кто вышибает двери, тогда вот он я, — заявил Папа.

Громилы кинулись на него. Одного из них он отбросил на капот автомобиля. Другого он сложил вдвое ударом в солнечное сплетение. Он весь трясся от переполнявшей его энергии; глаза его сверкали маниакальным блеском. Кто-то закричал. Мадам Кото вышла, увидела что происходит, приказала громилам прекратить драку и очень вежливо попросила Папу присоединиться к вечеринке.

Я пошел за ним. Нищая девочка — за мной. У двери я наткнулся на слепого старика. У него с

собой был новый инструмент, гармоника. На нем была красная шляпа и желтые очки.

— Чего ты хочешь? — спросил он меня.

— Войти.

— Никак не получится.

— Почему же?

— Ты гнусный ребенок. Покажи мне своих друзей — и я их съем.

Я подальше оттолкнул его кресло-каталку и присоединился к вечеринке. Люди находились в еще большей лихорадке, чем это казалось снаружи. Или, может быть, они все были где-то не здесь, на празднике позади этого праздника. Звук от музыкальной аппаратуры был очень громкий. Я видел гигантов и карликов. Я видел белого человека с посеребренными ресницами, танцующего с женщиной, и лицо его заливало краской, когда ее массивные груди прижимались к нему. Длинные столы были заставлены фруктами и жарким, рисом и восхитительно пахнущим тушеным мясом, овощами и пластиковыми тарелками. Куда бы я ни посмотрел, меня восхищали огни. Запруженные толпой пространства внезапно стали пустыми. И в этой пустоте я увидел призрачные фигуры белых людей в шлемах, оценивающих возможность добычи

драгоценных камней из богатой земли. Анализ проводился спектральными машинами. Я видел призрачные фигуры молодых мужчин и женщин с опущенными головами, которые молчаливо занимались своим делом среди празднующих. Они все время передвигались, находясь на одном месте. Над ними празднующие танцевали под музыку новой эры, обещавшей независимость. Мужчины-политики, шефы с их набедренными повязками, агбада и веерами, женщины в шелках и в красных туфлях, оплаченные слуги, исполнители хвалебных песен, все неистово танцевали, потея и улыбаясь. Мадам Кото на пределе сил бродила среди празднующих, больная нога тянула ее вниз, ее голова чуть накренилась на одну сторону, как у безутешного Маскарада, ее лицо лоснилось от изобильной жизни. Было странно видеть, что она становилась еще прекраснее, когда прибавляла в весе. Выражение глубокого презрения непроизвольно играло на ее губах. Организатор фантастических событий, она шла прямо сквозь людские массы и начала так сильно чихать, что чуть не свернула себе шею. Подошли ее женщины и отвели ее в бар.

Папа со всеми разговаривал о политике. Он выглядел жалко в своем черном французском

костюме. Все, с кем он заговаривал, насмешливо на него посматривали и зажимали нос носовым платком. Женщины отказывались с ним танцевать. Папа откусил кусочек козлиного мяса и смущенно застыл в уголке. Я бродил среди больших попугаев в клетках, видел ощипанных кур, извивающихся на сковородках, и встретился с антилопой дукер, привязанной к столбу. Она смотрела прямо на меня. Ее глаза были огромные и постоянно меняли цвет. Ее бородка, как детский фартук, свисала почти до колен, и от нее сильно пахло. Она стояла без движения, в то время как вокруг нее не утихали танцы. Я видел, как мужчины танцуют в состоянии политической эрекции. Пот и сексуальные флюиды заполняли воздух. Танцующие женщины поднимали от себя жаркие волны круговыми вращениями своих задниц. На одном конце вечеринки скованная цепями обезьяна все время срывала парики с проституток. Один политик застыл в созерцании подрагивающих женских ляжек, и обезьяна вырвала у него из рук кусок антилопьего мяса. Обезьяна скрылась. Политик огляделся по сторонам. Он взял себе еще кусок жареного мяса и продолжил созерцание. Опять произошло то же самое. Вскоре он исчез с какой-то женщиной. Затем я заметил, как чьи-то

руки медленно двигаются под столом. Музыка стала громче. Кто-то дал мне что-то выпить. Выпивка была очень крепкой, я выпил все залпом и попросил еще. Земля содрогалась от музыки и танцев. Цветные лампочки раскачивались. Под столами руки с тремя пальцами, ноги с двумя большими пальцами искали друг друга, не касаясь земли. Корзины с едой плавали в воздухе, и никто их не нес. Еда исчезала под столами. Когда музыка остановилась, карлик встал на сцену и пропел хвалебную песнь вечно юной Партии Богатых. Затем он продемонстрировал, как он умеет глотать ожерелье с каури и вынимать его из своих ушей. Слепой старик заиграл на гармони, и зеленая жидкость закапала у него из глаз. Люди хлопали, приветствовали музыкантов и пили за здравие партии, за ее долгое будущее процветание и власть над народом, за Мадам Кото. Музыка возобновилась. Слепой старик, очень пьяный, шатаясь, бродил по всему павильону, и за руку его вела женщина в голубой набедренной повязке и такой же блузке. Когда он об кого-нибудь ударялся, то выпрямлялся и говорил:

— О, какая вечеринка!

Когда он сталкивался с женщинами, то смеялся и вытягивал вперед костлявые руки, ища их гру-

ди. Женщины обращали на него внимание. Его отводили к каталке, и он танцевал на ней, как перевернутая сороконожка. Женщины приносили ему выпить. Он пил очень много, поглядывая на празднество через свои желтые очки и приговаривая:

— О, Леди Этой Ночи!

Попугаи громко протестовали в своих клетках. Антилопа дукер глядела на меня. Я отвечал ей пристальным взглядом прямо в глаза, менявшие цвета в глубине. Я смотрел ей в глаза и чувствовал, что меня затягивает в ее сознание. Я чувствовал, что меня наполняет тяжесть и беспокойство. Когда это чувство прошло, рвота поднялась в моем горле, и я обнаружил себя в желтом лесу, пробирающимся сквозь сияющую изумрудами паутину. Звезды падали с ночного неба, вонзались в землю этого леса и образовывали глубокие ямы. Заряжаясь обильной энергией сна, я скакал через великие джунгли, опьяненный свободой ветра, своими четырьмя ногами и тем парящим надо мной духом, который вдохновляет всех ночных скакунов. Я видел оболочки своих безмятежных предков, мужчин и женщин, для которых звезды были словами и богами, для которых и мир, и небо, и земля были бесконечным

языком снов и примет. Я скакал мимо каменных монолитов глубоких ночей превращений, где существа более раннего времени были творцами, прежде чем они стали охотниками; я скакал мимо скоплений оболочек духов. Я был посланником ветра. Духи скакали вместе со мной, играя с языком моей скорости, с загадками моих слов. Они глубоко заглядывали мне в глаза, и я их понимал. Я несся через ночной лес, где все было подвижно и изменчиво, где все вещи меняли свои формы и где все танцевало в упоении страсти и мудрости. Я бежал, пока не достиг Атлантики, где серебро и синь висели над ночью лесов. Птицы плавали в аквамариновом небе. Перья туда-сюда ныряли по волнам. По небу плыли густые белые облака, двигаясь, как наступающая армия туманов и призраков, над бескрайне-безмятежной синью и под вечно возрождающимися звездами. Призрачные корабли столетий непрерывно причаливали к берегам. Я видел флотилии, планширы, большие корабли-призраки и множество гребных судов, везущих людей в шлемах с зеркалами, ружьями и странными текстами, которые не смогла смыть атлантическая соль. Я видел пристань кораблей и судов. Белые корабли, призрачные формы глубоких ночей, вступали на наши побережья, и я

слышал, как начинает плакать земля. Этот плач путал меня. Глубоко в глазах дукеры я бежал через желтый лес, через обманутые поколения, через время. Я присутствовал при разрушении великих храмов, при агонии могучих деревьев, которые давали убежище бунтарям многих столетий, равно как и утешительным воспоминаниям, священным текстам, алхимическим секретам колдунов и сильнодействующим травам. Я видел, как умирает лес. Я видел людей, с течением жизни уменьшавшихся в размерах. Я видел гибель множества их дорог, их путей и их философий. Драгоценные камни и камни с атомной энергией они доставали из глубин памяти своих предков. Я видел, как деревья отступают, крича, в синюю землю. Я слышал, как великие духи земли и лесов обсуждают, где им отыскать временное убежище. Они отправлялись в путешествие, глубоко в тайные пространства, помахивая амулетами безумия вокруг своих тайных оболочек, чтобы помешать людям ограбить их в момент отступления от грозящей пяты завоевателей. Я видел, как возвышаются новые дома. Я видел, как новые мосты повисают в воздухе. Старые мосты, невидимые, по которым ходили люди и духи, оставались невредимыми, но менее посещаемыми. И в то

время как с приходом новой эры становилось все меньше свободной игры пространств и дружбы с трубящим зимородком и другими птицами, что-то умирало во мне. Я бежал глубоко в соляные пещеры скалистых мест. Охотники с новыми орудиями смерти преследовали меня. Когда люди и животные понимали друг друга, они становились свободными. Но сейчас охотники преследовали меня в глазах антилопы. И пока я исчезал в лесу грома, на чьих невидимых вратах было выклеймлено семь заклинаний, что-то щелкнуло меня по голове. Яркая звезда описала надо мной круг. Смех загнал меня в серебряную пустоту. Я открыл глаза и обнаружил, что меня убаюкивает карлица. Ее глаза были большие и печальные. Я попытался встать и стряхнуть это наваждение, но она крепко прижимала меня руками. Восемнадцать глаз следили за мной. За ними я видел антилопу, которая вглядывалась в меня какой-то надеждой, застывшую в своем рабстве, вглядывающуюся в меня так, словно моя свобода заключалась в том, чтобы освободить ее от неминуемой смерти, от принесения в жертву во имя открытия дороги судьбе Мадам Кото.

Глава 6

— Ой, друг мой, да ты проснулся! — сказала мне женщина-карлик.

На ней было белое платье с шелковыми оборками и поддельными блестками. Я уже видел ее раньше. У нее была полоумная улыбка, растянутая по всему лицу. Ее глаза были похожи на луны, и когда я посмотрел в них, что-то сместилось в глубине моей головы. Глаза антилопы притягивали меня. Теплые, древние, магнетические, они говорили на языке духов и крови.

— Я попросила тебя со мной потанцевать, но ты отказался, — сказала карлица, сияя своей чудной улыбкой.

Она взяла мои руки и положила их на свои большие пылающие груди. Они трепетали, как два гигантских сердца. Карлица дрожала, улыбка увядала на ее лице. Она уставилась на меня с такой пугающей нежностью и мольбой, что меня прошиб пот. Она потащила меня на танцплощадку и, под смущенный смех других празднующих, нас захватили пульсирующие ритмы музыки. Она крепко прижала меня к грудям и обдала странной сексуальностью своего мягкого тела,

и, еще не успев ничего осознать, я уже кружился среди крепко сбитых ног взрослых. Она вращала меня, падала мне на руки, трясла грудями перед моим лицом, и обнимала мой зад, и льнула ко мне, кружила мне голову и растворяла все вокруг в своем знойном танце. Она продолжала вращать меня, наполняя мою голову необъяснимыми силами желания, и ее улыбка становилась все ярче. Она так крепко меня прижала, что от выпитого вина кровь чуть не потекла у меня из ушей. Красный свет затопил мой мозг, и когда мои глаза прояснились, запахи тысяч ароматов, дикой любви в жарких недозволенных ночах, запахи вагинального сока, животного пота переполнили мои чувства. В страшной жаре этого танца я увидел, что среди эротических танцоров, политиков и шефов, торговцев властью, экстрасенсов, оплаченных весельчаков, громил и проституток, всех как один двигавшихся под ритмы новой музыки, есть те, кому не знаком мир живущих. Я увидел, что некоторые проститутки, будущие невесты упаднической власти, отплясывают свой танец ногами козлиц. Другие женщины были химерами, сиренами и пожилыми куртизанками с ногами пауков и птиц. Некоторые политики и торговцы властью, шефы и прочие мужчины

были сатирами, минотаврами и сатанистами, вместо ступней у которых были раздвоенные копыта быков. Копыта и лапы были искусно спрятаны под шерстью. Одетые с иголочки, они танцевали как мужчины и женщины, тогда как были мертвецами, духами и замаскированными животными, полулюдьми, танцующими под ритмы господствующей власти. Все вокруг меня, казалось, изменяется, принимает разные формы. Я закричал. Карлица закрутила меня на одном месте. Столы полетели на меня и затем прошли сквозь тело. Я головокружительно вращался, рассыпая себя по сторонам, танцуя не просто с женщиной-карликом, а с четырехголовым духом, который только и ждал меня, притаясь во времени. Я только что влюбился в жизнь, и четырехголовый дух выбрал наилучший момент, чтобы станцевать со мной, поворачивая и кружа меня по необычным пространствам, в этом танце указывая мне путь из мира живущих. Огни стали фиолетовыми. Все еще находясь в танце, который я не мог контролировать, я обнаружил себя в безводной пустыне, где тени были реальными вещами, где песок поднимался в воздух и образовывал невероятных стеклянных монстров. Четырехголовый дух вел меня в танце через

пустыню, держа меня железной хваткой. Чем сильнее я боролся, тем крепче становилась хватка, пока мои руки не посинели. Он вел меня через ветра пустынь, скрывавшие в себе духов, хозяев этих мест, и могущественные создания, которые заворачивались в песчаные бури, чтобы прикрыть свою наготу, через зыбучие пески, поверх широких оползней, через миражи, в которых текучие видения из воздуха таили в себе города, трепещущие богатыми базарами, рыночными площадями и ворохами галлюцинаций; он вел меня в танце через города-миражи, где у высоких женщин были стеклянные груди, и прекрасные женщины тащили за собой фосфоресцирующие кошачьи хвосты, через колодцы и мимо оазисов, в которых мрачные фигуры становились серебряными в воде, через улицы элитных кварталов, в которых люди молили ниспослать им любовь, мимо пристанищ рабов, где бесчисленные души кровью писали свои имена на стенах, через казармы опьяненных солдат, гарнизоны невольничьих городов, прямо в сердце забытых цивилизаций, куда Пифагоры приходили учиться математике, в священные рощи богов и в пустые дома перерожденных пророков, и через великие протяженности пустынь, которые в реальности

были населены ищущими приключений племенами и воинственными существами, а также людьми, которые стали своими собственными каменными надгробьями, — через все это вел меня четырехголовый дух в танце смерти. Я видел черное лицо Сфинкса таким, каким оно было изначально. Меня бросало в песчаные бури и круговерти, пески завывали, и я видел невидимые деревья и растения, луга, усеянные цветами с чашечками, полными страсти — призраками той растительности, что цвела там в незапамятные времена. Я чувствовал нестерпимую жажду в горячих песчаных круговертях, голова раскалялась от жары, и глаза мои засыпало песком, и когда я закричал, мой крик потонул в музыке богов пустыни. Я решил спасаться. Я боролся и брыкался. Я не хотел, чтобы пустыня вошла в меня. И когда мы приблизились к палящему центру пустыни, где корабль с высокими мачтами ждал спуска на воду, четырехголовый дух сказал:

— Этот корабль довезет нас домой к твоим спутникам через все океаны песка.

Затем новая музыка, состоящая полностью из гласных звуков пустыни, обрушилась на меня и наполнила страданиями. Я начал звать великого короля мира духов, но он не появился. И затем

изо всех сил я позвал Маму. Из безмолвия этой странной любви я увидел ее в рваном парике, в браслетах и с парой синих очков на глазах. На ней была яркая набедренная повязка и блузка, ослепительная в своей белизне. Она встала надо мной и подняла меня на руки. Пустыня прожигала дыры в моем мозгу, охватывая пламенем всю мою голову.

Спокойствие прохладных вод стекало у меня по лицу, и Мама добрым голосом спросила:

— Азаро, почему ты плачешь?

Она нежно держала меня. Карлицы больше не было рядом со мной. Четырехголовый дух исчез в мистерии танца. Я больше не видел ни гигантов, ни раздвоенных копыт полулюдей, которые похоронили наши надежды на два поколения, ни птичьих лапок странных женщин. Формы утратили свою изменчивость.

— Почему тебе плохо? — спросила Мама.

Я прижался к ней. Она отерла слезы с моего лица. Горло мое пересохло. Я долго молчал. Время от времени прохладный ветер овевал меня. Мама дала мне попить воды со льдом. Я выпил ее всю и захотел еще. И через какое-то время, когда я стал чувствовать себя лучше, я посмотрел на Маму. Она улыбнулась.

— Мы видели, как ты танцуешь, сын мой. Ты танцуешь прямо как твой дедушка. А потом ты упал. Тебе сейчас лучше?

Я не ответил на ее вопрос.

— Зачем тебе эти синие очки? — спросил я ее.

Она засмеялась.

— Я потом тебе скажу. Это хорошая история.

— Скажи сейчас.

— Здесь слишком шумно. Где Мадам Кото?

— Я не знаю.

— Если ты поможешь мне ее найти, я расскажу тебе эту историю, когда мы вернемся домой.

Я отправился на поиски Мадам Кото. Все, кого я ни спрашивал, говорили, что только что ее видели. Прекрасная нищая девочка, сидя за столом, смотрела на меня, пока я ходил туда-сюда. Я уже был готов задать ей вопрос, когда она приложила палец к губам. Она на что-то указала. Я глазами последовал за ее рукой и увидел, что нищие совершают сложную воровскую операцию. Они хватают фрукты, жареное мясо, горшки с жарким и тарелки с рисом и передают их по рукам в направлении выхода. Еда исчезала под тентом. Элен следила за операцией.

— Ты хочешь мне помочь?

Она отмахнулась от меня.

— Ты что, не умеешь разговаривать?

Она молча посмотрела на меня и затем мягко отстранила рукой.

Глава 7

Один из политиков наклеивал денежную банкноту на потные груди женщины, танцевавшей с безудержной чувственной страстью. Папа был вовлечен в жаркие споры с человеком в красной шляпе. Человек то и дело отталкивал Папу, но тот возвращался обратно. Мама подошла к нему, взяла его за кулаки и вскоре они уже танцевали вместе. Впервые в своей жизни я увидел, как они танцуют. Я продолжил поиски Мадам Кото. В баре женщины разливали всем дымящийся перечный суп. Передо мной была поставлена тарелка супа, который я быстро съел, а затем запил пальмовым вином, чтобы смягчить жар перца, проникавшего мне в мозг. Вино поплыло в моих глазах. Я вышел на задний двор. Антилопа провожала меня бриллиантовыми глазами. Эти глаза сразу же завладели мной, и я, продолжая двигаться, не мог от них оторваться, и в итоге врезался в женщину, которая несла поднос с едой. Тарелки рассыпались, еда упала на пол. Из глубины ночи

материализовались нищие, похватали упавшую еду и исчезли. Женщина выругала меня. Я выругался на нее. Она схватила кусок полена и погнала меня по всему заднему двору. Я побежал в буш и наткнулся на фигуру Мадам Кото. Она резко выпрямилась. Ее глаза были затуманены, словно она находилась в каком-то трансе или в состоянии жгучего страдания. От нее пахло причудливыми ароматами, странной парфюмерией, кремнем и шкурой гиены, перьями и старыми деревьями.

— Что ты тут делаешь? — спросила она. — Иди к отцу.

Я побрел назад.

— Моя мать ищет вас.

— Убирайся! — крикнула она.

Я отступил. Я стал бродить вокруг очага. Я спрятался за глиняный котел, который вынесли наружу. Я наблюдал за Мадам Кото. Она оставалась в неподвижности. За мной гудело празднество, музыка сотрясала всю окрестную растительность, и громкие голоса растворялись в ночном воздухе. Затем Мадам Кото вышла из буша. Она шла ко мне. Вскинула руки вверх в драматической мольбе и затем вздохнула. Я увидел краем глаза зеленый отблеск глаз антилопы.

Этот зеленый отблеск что-то всполошил в моем мозгу. Я отбежал от очага и спрятался за антилопу. Мадам Кото повернулась к тому месту, где был я, и ничего не увидела. Она снова застыла. Лунный свет дотронулся до моих глаз. Антилопа тронула меня копытцем и начала утаскивать прямо в себя, ветер поднял странную тьму из моего сознания, вода затопила мне уши, и я обнаружил себя в глазах магического животного и на мгновение увидел мир его глазами. Повсюду были необычные создания: горбатые силуэты ползущих животных, глаза, летящие по ветру, дома-организмы, которые вели себя как плотоядные растения, цветы, в которых копошились черви, и черви с цветами, серебряные нити, вспыхивающие в воздухе. И я увидел, что Мадам Кото беременна тремя странными зародышами. Двое из них сидели у нее в утробе прямо, а один вниз головой. У одного из них была маленькая бородка, у другого — полностью сформировавшиеся зубы, а у третьего были коварные глаза. Все они проказничали, брыкались и растягивали пуповины, это были худшие представители детей-духов, и ни у кого из них не было желания появляться на свет. Я издал страшный крик. Что-то загнало тьму глубоко в мое сознание. Мадам Кото склонилась

надо мной. Я отошел от антилопы. Мадам Кото выпрямилась, подошла ко мне и спросила:

— Зачем ты так смотришь на мой живот своими дурными глазами?

— Я не смотрю, — ответил я.

Она ударила меня. Мне было не больно. Затем она отложила лунные камни, жалуясь на боли в животе. Она пошла к себе в комнату и вскоре появилась с веером из павлиньих перьев. С великой важностью она прошагала обратно к празднующим.

Политики прилепляли деньги ей на лоб, когда она исполняла импровизированный танец, певцы пели о ее достижениях; женщины обступали ее, сыпя комплиментами. К ней подошла Мама, и они поговорили, показывая на еду. Казалось, что Мадам Кото рассказывает ей про самых важных гостей на вечеринке. Рядом с Мадам Кото Мама выглядела худой и изможденной. Ее парик был в жалком состоянии, как будто незадолго до вечеринки она нашла его на дороге. Ее синие очки придавали ей немного безумный вид. А медные браслеты подернулись зеленью от воды, которая сочилась с нашей крыши.

Пока они говорили, слепой старик начал что-то кричать из своего кресла. Поначалу никто к нему

не прислушивался. Он брыкался и боролся с собой в пьяном угаре, и когда ему удалось встать на ноги, он вышел к центру площадки для танцев. Он повернулся сначала в одну сторону, потом в другую. Затем он встал на колени и пополз, все время крича:

— Воры! Боры!

Мадам Кото, будучи всегда бдительной хозяйкой, была первой, кто обратил внимание на его необъяснимое возбуждение. Обмахивая себя веером, пробиваясь через раскачивающиеся толпы танцующих, она подошла к слепому старику.

— Я вижу, как еда плывет под столами, — сказал он надтреснутым голосом.

— Где?

— Везде. А вы видели, чтобы жареные козлики летали?

Мадам Кото, вышучивая его, пыталась заставить его встать на ноги. Он отказывался.

— У вас под столом крысы. Я вижу большую крысу. И у нее только один глаз.

Слепой старик встал, поправил свои желтые очки и стал прыгать вверх и вниз, пронзительно визжа, как полоумный волшебник. Затем он вынул свою гармонику и стал играть в промежутках между пластинками. Некоторым из танцующих

игра старика не понравилась.

— Убери отсюда эту грязную музыку, — сказал кто-то.

Мадам Кото собралась уже уходить, когда увидела позади слепого старика какую-то вспышку. Котелок с перечным супом проплывал над столом. Внезапно она ринулась к столу, поранила ногу и упала. Телохранители бросились к ней и помогли встать. Когда она снова была на ногах, она, крича, показывала на кого-то:

— Поймайте этих воров! Выпорите их! Приведите их сюда! Я преподам им незабываемый урок!

Все вокруг заполонила ее ярость. Она кричала, швыряла тарелки и еду на пол. Музыка остановилась. Мадам Кото носилась по всему павильону, размахивая руками, набрасываясь с тростью на своих фаворитов. Громилы выбежали наружу. Посреди всеобщего смятения Мадам Кото увидела прекрасную нищенку, безропотно сидевшую под столом и словно предлагавшую себя в качестве жертвы. Вскоре пришли громилы, таща за собой под тент нескольких нищих. У них в руках были котелки с едой. Мадам Кото заставила их нести эти котелки на голове. Все засмеялись. Повинуясь мстительности своего живота, в котором бились проклятые дети-абику, нестерпимой боли рас-

пухшей ноги и свернутой шеи, она приказала телохранителям выпороть нищих. Наступила тишина. Никто не двигался. Странная антилопа смотрела на все бесстрастными глазами. Телохранители, один за другим, сказали, что они не будут пороть нищих. Мадам Кото овладел такой неистовый гнев, что она бросилась бить по спинам телохранителей тросточкой с набалдашником в форме головы льва, крича на них, чтобы те задали нищим публичную порку. Нищие смотрели на нее безо всяких эмоций. Они молчали. Безногие, однорукие, одноглазые, с мягкими полуоформленными конечностями, они смотрели на нее мирно и безмятежно. Мадам Кото, все еще беснуясь, превращая свою боль в ярость, стала выпихивать телохранителей из-под тента, крича, что они больше у нее не работают, чтобы они возвращались в те вонючие канавы, откуда она их вытащила. Затем одна из проституток срезала в буше хворостину и с криками стала избивать нищих. Она била их жестоко, по спинам, по ранам, по лицам и по изувеченным конечностям. Телохранители передумали и присоединились к избиению. Той ночью новый закон очевидности вошел в нашу жизнь. Когда громилы хлестали нищих, странные облако пыли поднималось от

их спин, поднималось в воздух, и когда пыль касалась лампочек, то превращалось в летящих насекомых, и вскоре весь тент с его флюоресцентными огнями был запружен ордами зеленых мошек.

Когда Папа увидел избиение, он бросился к громилам и стал отнимать у них кнуты. Телохранители прыгнули на него и придавили к земле. Мадам Кото, все еще находясь в ярости, приказала пороть нищую девочку вместе со всеми. Проститутка стала ее стегать. Элен сносила побои, не двигаясь и не издавая ни звука. Пока ее били, она смотрела на Мадам Кото добрыми глазами. Доброта ее глаз еще больше разозлила Мадам Кото. Мама подошла к ней и сказала:

— Скажи им, чтобы они прекратили. Ты же не знаешь, кто эта девочка.

— Она воришка.

— Она не воришка.

Мадам Кото что-то проревела в адрес Мамы. И громко оскорбила, сказав, что Мама сама нищая. Она выплеснула столько горечи и злобы, что Мама была ошеломлена. И затем Мама сделала что-то странное. Она сорвала парик у себя с головы и швырнула его на пол. Она сняла синие очки. И затем побежала прочь с вечеринки, оставляя

после себя ужасные проклятия. Когда возобновилось избиение нищей девочки, снова задул ветер. Это был скрипучий ветер. Под градом ударов нищая девочка медленно клонилась к земле. Папа яростно боролся с охранниками. Антилопа начала тихонько рычать. У нищей девочки потекла изо рта кровь. Она стекала с ее губ и каплями падала на землю. Я заплакал. Кто-то ударил меня. Это был слепой старик. Он опять принялся играть на своей гармони под звуки ударов.

— Хорошая порка, — приговаривал он.

Ветер поднял края тента. Нищая девочка ползла по полу. Я обежал вокруг гостей. Они обмахивали себя веерами. На их лицах было оживление от нового спектакля. Протискиваясь мимо гостей, я снова заметил копыта, козлиные ноги, паучьи лапы и шкуры с шерстью. Я подполз к антилопе и отвязал ее от шеста, освободив из рабства и от жертвенного предназначения. Антилопа скакнула с заднего двора прямо под тент. И в то время когда ветер начал раскачивать тент, а лампы ходить ходуном, крик испуга донесся из обескураженной толпы. Антилопа скакала среди блистательной публики, опрокидывая клетки с птицами, переворачивая столы, меся копытами еду, опрокидывая подносы с жареным

мясом, давя фрукты, врезаясь в клетки с большими попугаями, задевая столы со стоящими на них бутылками пива, устраивая настоящее светопреставление. Попугай забил крыльями и взлетел под тент, обезьяна вырвалась и убежала с полными пригоршнями фруктов, громкоговорители с грохотом рухнули, люди в смятении стали топтать друг друга, везде стоял визг, громилы погнались за антилопой, пытаясь поймать ее. Папа оттолкнул женщину, которая избивала нищенку, Мадам Кото заехала Папе по голове металлическим концом трости, слепой старик повизгивал от удовольствия, как злой волшебник, антилопа выскочила через прорезь тента, и в него задул ветер, скособочив тент на одну сторону. Мадам Кото громко призывала всех к порядку. Попугай вылетел через прореху в тенте. Громилы повернулись к Папе и уже готовы были превратить его в отбивную, когда внезапно раздался голос, облеченный неземной силой:

— Стоп!

Все застыли как по волшебству. Затем медленно все стали оборачиваться на человека, от которого исходила такая власть. Ветер стих. Голоса умолкли. Суматоха под тентом немного улеглась. И затем высокий мужчина в белом

костюме, который тогда ждал Папу, выступил из находившейся в ожидании толпы.

Глава 8

— Оставьте его мне, — сказал он тонким призрачным голосом. — Я изобью этого Черного Тигра, даже не запачкав свой выходной пиджак.

Слепой старик сыграл пару аккордов на своем инструменте.

— Битва — это замечательно! — сказал он.

И прежде чем мы смогли разобраться, что реально происходит, мужчина в белом выстрелил таким ударом Папе в лицо, что он отлетел и упал на стол. Около пятнадцати секунд он лежал без движения. Никто отчетливо не видел этого удара. Празднующие, очнувшись от оцепенения, зааплодировали. Старик сыграл мелодию. Нищие зашаркали ногами и ушли из-под тента. Девочка-нищенка осталась, скрючившись, лежать на земле. Кто-то полил водой на Папу. Тот быстро вскочил на ноги, осмотрелся и заморгал.

— Где я? — громко спросил он.

Празднующие разразились смехом. Папа зашагал кругами. Затем он упал. Потом поднялся, дотянулся до чашки с пальмовым вином и выпил.

Я подошел к Папе.

— Что ты тут делаешь? — грозно спросил он.

— Человек в белом ударил тебя.

— Белый человек?

— Нет. Вон тот, — и я указал на человека в белом костюме.

Папа пошел по столикам, допивая из всех чашек с пальмовым вином, которые он находил. Затем затряс головой, словно пытаясь стряхнуть с себя паутину, издал воинственный клич и ринулся на человека в белом. Но прежде чем Папа смог что-то сделать, человек, как кнутом, хлестнул его мастерским ударом. Папа рухнул и съежился. Он катался по земле и извивался, как перерезанный червяк. Я снова бросился к нему.

— Пойдем домой, — сказал я.

— Зачем? — прокричал он.

— Этот человек избивает тебя.

— Какой человек?

Папа, казалось, находился не здесь, а на какой-то мифической земле. Казалось, что он не понимает, что с ним происходит. На его лице словно по мановению невидимого волшебника в одно мгновенье появились два чудовищных пурпурных синяка. Правый глаз почти скрылся. Я и не знал, что простой удар может нанести

столько вреда, так обезобразить лицо и вызвать такую дезориентацию. Изумленные папины глаза слегка косили, губы подергивались. Я нагнулся к нему, чтобы слышать, что он говорит.

— Вечеринка была замечательная, — слабо проговорил он, глотая слова.

— Пойдем.

— Я радуюсь танцам, — сказал он.

— Ты не танцуешь.

— А что же тогда я делаю?

— Проигрываешь бой.

— Бой? Черный Тигр? Проигрывает бой? Никогда!

Он встал, шатаясь, немного прошелся и упал на нищую девочку. Некоторое время он так и лежал. Заиграла музыка. Мужчина в белом потирал руки. Мадам Кото немедленно заинтересовалась им и послала телохранителей навести о нем справки. Партийные шефы, торговцы властью и крупные военные, всегда высматривающие новые кадры себе в подчинение, послали своих людей спросить, на кого он работает и может ли он поступить к ним на службу. Громилы тоже окружили его, спрашивая, кто он и откуда, предлагая особую должность в своей организации. Проститутки и шлюхи низкого пошиба тоже

проявляли к нему заметный интерес. Певцы изобретали ему имена и прославляли его героические деяния. Нищая девочка, у которой все еще текла кровь из носа и изо рта, выбралась из-под Папы. Когда она встала, я заметил, что ее больной глаз был открыт. Он был желтоватый, слегка подернутый голубым. Она встряхнула Папу. Празднующие бросали обоим колкие замечания. Папа присел и взял себя за голову. Когда он увидел нищенку рядом с собой, он коварно улыбнулся, притянул ее к себе и попытался обнять. Нищая девочка освободилась от его пьяных объятий. На папином лице появилось выражение отвергнутого влюбленного, и казалось, что в любой момент он может разразиться какой-нибудь нелепой и сентиментальной любовной песней.

— Жена моя, куда ты уходишь? — спросил он нищую девочку.

Девочка встала и начала отряхивать песок со своих волос. Рубцы от побоев на ее спине проглядывали сквозь рваную одежду. Волосы падали с ее головы, как будто это был распадающийся парик.

— Маг! — сказал слепой старик и сыграл на своей гармони.

Папа встал на ноги. Девочка стала уходить.

Папа пошел за ней.

— Идем отсюда! — сказал я.

— После того как я женюсь, — сказал он, покачиваясь.

Затем он остановился, посмотрел по сторонам и заметил, что все смотрят на него и откровенно забавляются. Он заметил человека в белом и взглянул на него как в первый раз. Он оглядел зеленых мотыльков и мошек, разноцветные лампочки и хаос перевернутых столов, раздавленной еды, покосившийся тент. Затем сказал:

— Я думал, что я сплю.

— Нет, ты не спишь, — сказал я.

— Я думал, что я нахожусь на Земле Воюющих Призраков.

— Он и есть Воюющий Призрак.

— Ты хочешь сказать, что я не спал?

— Нет, — ответил я, — ты проигрываешь бой.

— Ты напился, — сказал слепой старик.

— Напился и получил, — добавил громила.

Папа потрогал лицо. Он поморщился.

— Так это были настоящие удары?

— Да, — ответил я.

— Кто это сделал?

— Человек в белом.

Внезапно Папу закружила энергия ярости, и

я подивился тому, как он умеет сразу достигать глубин своего духа.

— Быстро беги и зови Сами, букмекера, — сказал Папа, просыпаясь. — Мы заработаем кучу денег и построим нищим школу.

Я ринулся за Сами, прихватив с собой Адэ. Когда я вернулся, Папа уже снял рубашку и в поту боксировал сам с собой. Он казался окончательно проснувшимся. Он тряс головой, накачивал пресс и проделывал самые замысловатые упражнения. Он похрустывал суставами, вытягивался, разминал мускулы, делал свои, особые, движения, глубоко дышал, раздувал себя и выпускал из себя энергию дикими воплями. Он смотрелся очень впечатляюще. Толпа оглядывала его презрительно. Только жители нашего района, которые прошли под тент благодаря всеобщей суете, скандировали боевое имя Папы и приветствовали его. Слепой старик сидел на своей каталке с гармонью в одной руке и куском антилопьего мяса в другой. Время от времени он взбрыкивал ногой и как перевозбужденный ребенок говорил:

— Призовой бой! Очень хорошо. Где же букмекер?

Мужчина в белом, высокий, стройный, создававший вокруг себя ауру невероятной отчуж-

денности, с маленькой головой и булавочными зрачками, стоял на одной ноге. Он был неподвижен. Его глаза отдаленно напоминали глаза рептилии. Один взгляд на него выводил из равновесия. Никто не мог на него долго смотреть.

Сами прибыл со своим ведерком и небольшой охраной. Он ходил по зрителям, собирая ставки. Ставки были против Папы. Один из политиков вынул большую кипу фунтовых банкнот и сказал:

— Я очень много чего слышал об этом Черном Тигре. Он просто фигляр. С сегодняшнего дня я даю ему новое имя — Черная Крыса.

Вокруг взорвался смех и грубый хохот. Празднующие смеялись до колик. Политик очень много поставил против Папы. Все пришли в дикое возбуждение. Сами весь в поту ходил от группы к группе, от человека к человеку, записывая имена и ставки, собирая деньги в ведерко. Вскоре потребовалось еще одно ведерко. Все женщины, проститутки, дешевые шлюхи, случайные посетители — все достали деньги. Сами послал за усиленной охраной. Пришли все люди из его барака, вооруженные дубинками и пневматическими ружьями. Когда Сами закончил сбор денег, он весь истекал потом. Он насквозь промок, пред-

ставив себе ужас полнейшего финансового краха, безотлагательной ликвидации, тотальной бедности и бездомности. Он подошел к Папе. Отирая свои брови, умоляющим голосом он сказал:

— Если ты выиграешь этот бой, ты построишь университет.

— Школу для нищих, — поправил Папа.

— Как тебе угодно. Только выиграй, слышишь? Или я стану самым бедным человеком. Мои дети будут голодать. Моя жена сойдет с ума. Все мои деньги, все деньги, которые я смог занять, все деньги, которых у меня теперь нет, все они здесь. Только победа!

Папа оттолкнул его. Бой начался. Папа кругами обходил человека в белом. Он бросился на него, но человека уже там не было. Слепой старик, хихикая, помахивая куриной костью, сказал:

— Вот это то, что мы называем магическим боксом.

Меня сморщило от отвращения к нему. Папа продолжал преследовать человека, нанося далекие свингующие удары, шквал коротких выпадов, но он только сбивал с толку зеленых мошек и смущал мотыльков, так и не доставая до того человека.

— Так ты не хочешь драться? — спросил он в

тревоге.

Человек нанес ему удар с такой быстротой, что только когда женщины снова втолкнули Папу на арену, мы смогли оценить эффект удара. Человек продолжал избивать Папу своими электрошоковыми ударами, и его кулаки были так молниеносны, что, казалось, сам он все это время стоит на месте, а папина голова отскакивает назад от воздуха или чьей-то невидимой руки. Нос у Папы распух, носовая перегородка сломалась, кровь залила все лицо. Папа старался не дышать собственной кровью. Когда он вдыхал, для него это было сущим мучением. Внезапно мне показалось, что он ужаснулся своей боли. Человек слегка повел плечом, и папина голова отскочила как мячик. Человек бил Папу, как ему захочется, с холодным пугающим равнодушием. Я не мог этого выносить. Он продолжал бить Папу по носу, увеличивая в размерах синяки, меняя цвет лица и перестраивая его, разрушая папину философию, сминая его реальность, переставляя ему зубы и вынимая силу из его здоровых крепких ног. Каждый раз, когда Папа получал удар, резкий сухой свет с другой планеты пронзал мой череп. Ослепленный этим избиением, я вышел из рядов зрителей, отыскал Адэ и спросил его, есть

ли у него амулет из ящерицы, который сделал его отец.

— Он не сработает, если противник носит белые одежды, — сказал он.

— Ну и пошел отсюда, — крикнул я и снова бросился наблюдать за поединком.

Папа впитывал в себя чудовищные удары. Слепой старик продолжал смеяться. Каждый раз, когда Папа начинал свою бесполезную атаку, слепой старик издавал странные звуки, выразительно каркая или квакая, расстраивая и лишая мужества Папу. Он проделал это несколько раз. Вскоре празднующие подхватили этот диссонансный квак в качестве гимна против Папы. Я решил избавиться от старика. Я опять разыскал Адэ и попросил его мне помочь. Мы прокрались под тент и очень осторожно откатили каталку из рядов зрителей. В общем возбуждении, когда каждый был сконцентрирован на поединке, никто нас не заметил. Мы катили каталку очень быстро, крича, что старику нездоровится, чтобы нас скорее пропустили. Старик кричал и угрожал нам проклятиями. Но его возбужденность только убеждала людей в том, что нас надо пропустить.

— Колдуны уносят меня! — вопил он.

Никто не верил ему. Мы покатили его по до-

роге, по тропинкам, глубоко в лес, и, когда мы остановились, очки слетели с его носа.

— Что происходит? — кричал он.

В темноте его слепые глаза были уродливы. В них играл огонек любопытства.

— Я ничего не вижу, — кричал он так, что мы содрогались.

Мы уже стали уходить, но старик схватил Адэ за руку и не отпускал ее. Я стал бить его палкой по голове, он ослабил захват, защищая голову и испуская тихие стоны. Наконец мы с Адэ бросили старика, и его стоны понеслись по всему лесу.

Вернувшись под тент, мы увидели, что бой уже изменился. Папа перешел через пустыню изнеможения и нашел в себе второе дыхание и новые оазисы энергии. Он весь был покрыт потом и синяками. Его голова вошла в плечи, и плечи немного опустились. Он больше стал похож на камень, на человека, который окончательно отверг унижение в качестве условия выживания. Было что-то странное в том, как он принимал удары.

Он больше не боялся зубодробительных выпадов, которые обрушивал на него человек в белом. Папа продолжал ходить вразвалку и покачиваться под натиском методичных, почти научно выверенных комбинаций этого человека.

Было удивительно видеть, что на нем не было и капельки пота. Папа пошатывался на почти водяных ногах, но я был уверен, что он притворяется. Я крикнул:

— Черный Тигр, измажь его пиджак!

Все головы повернулись ко мне. Человек в белом также взглянул в мою сторону. В этот короткий момент его замешательства Папа сработал четко. Он схватил его за воротник и, сопровождая атаку безумным воплем, порвал его костюм. Человек пытался защитить пиджак, но Папа забыл все правила боя и сконцентрировался на том, чтобы порвать пиджак в клочья. Он схватил рваные края и, развернув человека кругом с помощью ног и поясницы, сорвал пиджак с его плеч. Папа начал преследовать его и довершил дело, оборвав куски белой ткани, последние, что болтались у человека на руках. Под пиджаком у него была рубашка, и Папа с жестокой настойчивостью стал сдирать с него рубашку вместе с галстуком. Под рубашкой у человека оказалась голая волосатая грудь. На животе виднелись любопытные татуировки, и на шее висели амулеты. У него была впалая грудь и глубокая дыра в районе пупка. Он был такой волосатый, и его волосы так напоминали шерсть диких живот-

ных, что зрители издали изумленный крик, когда увидели, насколько он не похож на человека. Мужчина стал прикрывать себя. Папа нанес ему удар в голову, тот закрылся обеими руками, и Папа схватил его за брюки, дернул и сорвал их с мужчины. Он оказался на длинных тонких ножках, как у паука. В его глазах появился страх и стыд, что его распознали. Люди попятились, задыхаясь от ужаса. Сами, владелец букмекерской конторы, послал охрану отнести домой ведерки с деньгами. Нищая девочка захлопала в ладоши. Все женщины разинули рты.

Мужчина поднялся в ярости. На нем были самые странные трусы, какие мне доводилось видеть. Он бросился на Папу и не смог его достать. Он бросился снова и обдал Папу градом мощных ударов. Целых десять минут они бились с яростным упорством. Папа колотил его изо всех сил, но он не падал. Мужчина ответил апперкотом, и папина голова отшатнулась.

— Бей его в грудь, Черный Тигр! — крикнул Адэ.

Папа не обратил на крик внимания. К нему вернулась усталость. Он пыжился, он качался из стороны в сторону, но его удары не имели силы. Мужчина замахнулся, чтобы нанести мощный

свингующий удар, но в это время задул ветер, тент закачался, и лампочки внезапно погасли. И когда они зажглись, человек стоял ошеломленный с поднятой рукой. Папа, выкрикнув свое имя и призвав весь свой дух, исполнил один из самых сокрушительных ударов, какие я видел, и мужчина полетел через тент, сбивая на своем пути столы, тарелки, жареное мясо. Папа стоял в ожидании, покачиваясь, переминаясь с ноги на ногу. Мы все ждали, что человек встанет, но он уже не поднялся. Проститутки старались привести его в чувство, но человек не двигался. Они даже не смогли поднять его. Мы слышали, как они говорили, что он слишком тяжелый. Его тело так и осталось снаружи тента, в потусторонней тьме. Больше мы его никогда не видели.

Сами бросился к центру арены и провозгласил Папу победителем состязания. Жители нашего района, которые снаружи наблюдали за схваткой, окружили Папу. Нищая девочка, я и Адэ все время трогали его, вытирая потоки пота с его тела. Как громом пораженный своей победой, обессиленный от боли, Папа лег на землю. Мы старались оживить его, но это было бесполезно. Никто не пришел нам на помощь.

Пока все это происходило, слепой старик отыс-

кал путь из леса и подкатил на своей каталке под тент. Он ругал всех колдунов и костлявых детей дьявола. Он катился то в одну сторону, то в другую. Его помощники пытались успокоить его, но он отбрасывал всех со своего пути. Его ярость была пугающей.

Мы пытались поставить Папу на ноги. Он лежал холодный. Нищая девочка позвала на помощь других нищих. И пока мы пытались оживить Папу, старик гонялся за мной под всем тентом. Никто не мог остановить его. Я проползал под столами. Я бросался в него предметами, но он преследовал меня с кошмарной настойчивостью. Я подбежал к Папе, стараясь его разбудить, но слепой старик догнал меня, как дьявольский лунатик, раскинув перед собой руки. Затем внезапно он отвернулся от меня и с быстрым движением змеи, которая бросается на случайную добычу, мертвой хваткой вцепился в Адэ.

— Ага, попался, летучий колдун, — триумфально крикнул он.

Адэ закричал. Я ударил старика палкой. Его помощники обрушили на меня град затрещин. Я стал бросаться в них костями и палками. Затем старик, еще крепче сжимая руку Адэ, сказал мерзким скрипучим голоском:

— Дай мне посмотреть твоими глазами!

И затем случилось самое необычное. Адэ начал корчиться, извиваться, биться в конвульсиях. Его глаза вращались в орбитах, пока от них не остались одни белки. Он открыл рот, и язык его вывалился, он стал задыхаться и издавать хрипящие звуки. Люди пытались освободить Адэ из мертвой хватки старика. Я прыгнул старику на спину, и он закричал:

— Слезай с моей спины!

— Оставь в покое моего друга, — сказал я.

— А ты тяжелый, ребенок-дух! — крикнул он.

Я висел на его спине, и его кости врезались в меня. Я схватил руками его за шею и пытался задушить, но он метался из стороны в сторону. Я пытался расцарапать ему глаза, но он укусил меня и сбросил с себя с силой пяти здоровых мужчин. Слыша как хрустнула его шея, я полетел и упал среди разбитых столов, мешанины из фруктов и бобовых пирогов, и тогда все прояснилось. Старик стоял, покачиваясь. Адэ извивался в жутком эпилептическом припадке. Толпа почти разошлась. Мадам Кото нигде не было видно. Громкоговорители были упакованы. Проститутки сидели на складных стульях, поглядывая на нас. Старик надел желтые очки и заиграл на

гармони. Его помощники увозили его. Я встал на ноги. Нищие, Сами и его охрана, люди из нашего района и Элен подняли Папу на плечи, словно он был поверженный в битве король, и понесли его в ночь. Я помог Адэ встать. Он дрожал. Припадок отпустил его, но он шел так, как будто ноги его были резиновыми. Уходя из-под разоренного тента, мы слышали, как проститутки обзывают нас. Впереди я слышал диссонирующую гармонь старика. Мы замыкали процессию, которая несла Папу домой. Лицом он был повернут к звездам. И затем звук хлопающего тента заставил меня обернуться.

Поднялся ветер. Автомобили разъезжались. Деревья скрипели. Уродливая музыка гармони увядала на ветру, скрежещущие аккорды затихали в кустах буша. Контрапункты ветра свистели в проводах. Яркие желтые и голубые лампы то вспыхивали, то гасли. Затем они стали гореть ровно, Адэ сказал голосом кота:

— Что-то происходит.

Ветер стих. И снова подул. Я увидел, как тент скособочило на сторону и подняло в воздух. Его раздуло, снова перевернуло, и затем ветер погнал его дальше, над домами; необъятная ткань хлопала, ее формы менялись, и наконец тент

свалился на чью-то крышу, и тогда небо треснуло, блеснули две молнии и полил дождь. Он лил как из ведра, превращая в грязь землю, залаяли собаки, запах горелой резины наполнил воздух, и мы услышали короткий душераздирающий крик Мадам Кото. Затем все огни погасли.

Глава 9

Темнота была наполнена голосами. Нищие и Сами несли Папу домой. Когда мы дошли до нашей комнаты, Мама была невменяема. Папу положили на кровать и прикрыли белой тканью. Люди ушли, но я слышал, как они, уходя по улице, басом распевают героические песни. Папин рот был перекошен. Белый шрам шел по всему лицу. Глаза исчезли. Губы были похожи на распухшие цветы. Состояние было хуже, чем после всех его предыдущих боев вместе взятых. Он не двигался. Казалось, что он даже не дышит. Мама продолжала плакать. Нищая девочка зажгла еще три свечки. Сами сел на папин стул. Нищие расселись на полу. Я уложил Адэ на свой мат. Кроме Мамы, все молчали.

Мама выбежала, вскипятила воду, вернулась и наложила на папино лицо теплые компрессы. Ей

не пришло в голову, что синякам нужен холод. Нищая девочка гладила папину ногу. Больше никто не двигался. Через какое-то время Мама успокоилась. Она посмотрела на всех нас.

— Ну-ка слезай со стула моего мужа, — крикнула она Сами.

Тот подскочил, как ужаленный змеей. И встал около окна. Затем он подошел ко мне и прошептал:

— Когда он выздоровеет, зайдите ко мне. У меня все деньги. Я найду ему лучшего травника.

Затем, словно его поймали на краже, он на цыпочках вышел из дома.

— И вы все, убирайтесь, — крикнула Мама на всех, кто находился в комнате.

Нищие зашаркали ногами. Нищая девочка встала, дотронулась до моей головы, так что моя плоть загорелась, и вывела всех из комнаты. Они ушли без слов. Адэ лежал на мате и его глаза плавали в орбитах. Время от времени он содрогался. На его губах играла бледная улыбка. Я наклонился к нему.

— Я скоро умру, — сказал он.

— Зачем ты такое говоришь?

— Мое время пришло. Друзья зовут меня.

— Какие друзья?

— Из другого мира.

Мы оба замолчали.

— О чем это вы двое тут шепчетесь, а? — спросила Мама.

— Ни о чем.

— Что случилось с ним?

— Ему нехорошо.

— А где его отец?

— Я не знаю.

— Спаси меня Бог! — прокричала Мама.

Свечи догорели. Мама закрыла дверь и стала искать спички.

— Ох, эта жизнь. Нет покоя. Женщина страдает, женщина трудится в поте лица, и ни покоя нет, ни счастья. Мой муж побывал в трех боях. Бог знает, что станет с его мозгами. Эта жизнь не для меня. Я возьму и однажды повешусь, — сказала Мама.

— Не делай этого, Мама, — попросил я.

— Молчи, — ответила она.

Я затих. Где-то глубоко во мне начали звучать старые песни. Древние голоса из мира духов. Песни обольстительной чистоты, с музыкой, обладающей совершенством света и камней. Адэ свела судорога. Пол затрясся. Судорога пробрала его до самых костей. Мама зажгла свечу. Она села на папин стул, раскачиваясь взад и вперед,

с остановившимися глазами, с лицом, в котором не было прощения. Мне стало невыносимо грустно. Адэ снова странно улыбнулся, еще глубже уходя в свой жуткий эпилептический экстаз. Я склонился над ним.

— Беды будут всегда. Может быть, это просто одна из них, — сказал он. — Твоя история только начинается. Моя заканчивается. Я хочу вернуться в свой другой дом. Твоя Мама права — слишком много здесь, на земле, бессмысленных страданий.

Его голос приобрел старческий тембр. Вскоре я узнал этот голос. Змея пробежала у меня по спине, и я не мог перестать содрогаться. Адэ продолжал говорить надтреснутым замогильным голосом слепого старика.

— Мое время подошло. Я порвал утробу своей матери, и теперь она не может рожать детей. Придя и уходя, я уже повидал этот мир, я видел будущее. Коран говорит, что ничто не закончено.

— Что же будет? — спросил я его.

Дрожа всем телом, кусая до крови губы, он произнес:

— Будет второе рождение твоего отца. Человек с семью головами заберет тебя отсюда. Ты вернешься. Ты останешься здесь. Перед этим духи и

наши предки проведут большое собрание, чтобы обсудить будущее мира. Это будет самое важное собрание, которое произойдет в мире. Грядет страдание. Будут войны и засухи. Ужасные вещи произойдут. Новые болезни, голод, богатые будут есть землю, люди отравят небо и воды, люди сойдут с ума, прикрываясь именем истории, облака будут выдыхать огонь, дух отлетит от вещей, сам смех будет странным.

Он остановился. Наступила долгая пауза. Затем он продолжил, вселяя в меня страх.

— Грядут перемены. Перевороты. Везде солдаты. Уродство. Слепота. И затем, когда люди будут меньше всего этого ожидать, произойдут великие перемены в мире. Страдающие люди узнают справедливость и красоту. Прекрасные перемены придут издалека, и люди осознают великий смысл борьбы и надежды. Наступит мир. Затем люди все забудут. И все начнется снова, и будет то лучше, то хуже. Не бойся. У тебя всегда есть за что бороться, будь это красота или радость.

Он опять остановился. Его лихорадка перешла во что-то другое, его голос задрожал, глаза стали спокойные.

— Наша страна — страна-абику. Как ребенок-дух, она приходит и уходит. Однажды она решит

остаться здесь. Она станет сильной. Я уже не увижу этого.

Его голос изменился, стал более естественным, почти добрым.

— Я вижу образ двух тысячелетий. Я пьян тем, что они мне говорят. Множество столетий возрастает во мне. Я вижу великого музыканта на земле по ту сторону морей. Девять тысяч лет тому назад. Этот музыкант — я. Я вижу священника, я вижу пастыря добрых людей. Священник — был мной, пастырь — был мной. Я вижу зловещего воина, который убил много невинных людей и упивался их кровью. Я был им. Жил однажды солдат, которого забили камнями до смерти и отдали на съедение крокодилам в Египте. Я был этим солдатом.

— Ты несешь чепуху, — сказал я.

Он рассмеялся, закашлялся и продолжил говорить. Его голос становился все тише и тише. Его губы еще шевелились, но я больше его не слышал. В его легких начались спазмы. Я почувствовал запах горящего дерева. Дым собирался в его волосах. На секунду я подумал, что припадок сжигает его. Я дотронулся до Адэ. Его лоб был холодный. Глаза были широко раскрыты, но меня он не видел. Я поднял глаза и заметил, что Мама спит на

папином стуле. Я лег, закрыл глаза, и сон сошел на меня облаком зеленых мошек. Я последовал за ними в мамин сон. Я испытал шок, обнаружив себя в ее сне. Она была молодой женщиной, свежей и прекрасной, с белой птицей на плече. На ее лице были румяна, на шее висели магические ожерелья, а на левом локте жемчужины на нитке. Мама бродила по деревне, окрашенной в цвет сепии, ища Папу. Она увидела его на дереве. Она залезла на дерево, но Папа спрыгнул с дерева и побежал к реке. Мама слезла с дерева и запела песню из своего детства, стараясь привлечь папин дух. Она пела Папе, прося его не уходить, умоляя его вернуться во имя любви. Река стала бриллиантово-голубого цвета, и водная русалка, зеленая, с печальными глазами и красивыми грудями, с лицом нищей девочки Элен, обняла Папу и повела его к устью реки, где высился изумрудный дворец. Орлы пили вино из серебряных кубков. Лебеди рассказывали истории под большими деревьями. Черный тигр с короной принца и глазами моего деда ревом оглашал городские окрестности, читая стихи из античных поэм и сакральные тексты, которые могли влиять на порядок вещей. Русалка повела Папу в свой дворец и омыла ему ноги. В гигантском

холле неколебимые фигуры воинов провожали Папу бесстрашными глазами. Подошли антилопы с венчиками цветов вокруг шеи и присели у папиных ног. Русалка облачила Папу в богатые аквамариновые одежды. Затем из тайных покоев прорычал могучий лев. Все статуи в холле задвигались. Воины очнулись от забытья и прошли в тайные покои. Статуи были прекрасны. Их маски были прекрасны. У статуй были странные человеческие лица, у одних были большие члены, у других обольстительно-округлые груди с высокими гордыми сосками, и у многих из статуй были когти Сфинкса. Маскарады танцевали в холле и награждали Папу подарками. Затем Папу вывели из дворца наружу, где его ожидал автомобиль. Папа сел в автомобиль. Мама стояла на берегу реки, собираясь прыгнуть в нее, и я прикоснулся к ней. В гневе она сказала:

— Уходи из моего сна. Я пытаюсь вернуть обратно дух твоего отца.

Я не знал, куда мне уходить. Солнце опаляло нас, и белая птица на мамином плече слетела в воду, Мама исчезла, и стало так жарко, что мои волосы высохли, деревья охватило пламенем, и от них пошел яркий желтый дым. Бабочек становилось все больше и больше, они прилетали с

солнца, порхали вокруг моего лица, так что у меня кружилась голова, и когда я закашлялся, они залетели ко мне в рот, я сел прямо и увидел, что в нашей комнате полно дыма, и когда я закричал и разбудил Адэ, загадочно улыбавшегося в своем сне, подскочила Мама и крикнула:

— Азаро, вставай! Свеча подожгла стол!

Я быстро пришел в себя, налил воду в ведерко и вылил на стол. Адэ сел и улыбнулся мне.

— Мне уже хорошо, — сказал он.

Мама вытерла стол мокрой тряпкой, словно он раздражал ее. Потом она пошла и села на кровать, сжала мое лицо горячими ладонями и спросила:

— Сын мой, что ты делал у меня во сне?

Я ничего не ответил.

— Отвечай мне, — сказала она.

— Это был не твой сон. Это был папин сон.

Мама выпрямилась. В темноте я не мог видеть ее лица. Ночь содрогнулась от ее печали.

— Твой отец сел в автомобиль и поехал в деревню. Твой дедушка обработал его раны и утешил его дух. Потом он поехал в Угхелли, чтобы купить парфюмерию, которая помогла бы избавиться от дурного запаха бедности. Затем он полетел на луну. И потом отправился в далекие земли духов. Множество земель. Я слышала, как его голос

оглашает небо. Духи отказались пустить его на небеса. Они послали его пройти через ад, через земли духов, где наши предки целыми днями напролет задают друг другу неразрешимые загадки. Он проходил через страны, полные дворцов, страны снов, где все люди были невидимками, где мудрость и радость растворены в воздухе. В мире духов он приходил на суды. Я слышала, как он плачет, требуя ответов. Затем он вернулся, и разразилась война, и его застрелили на дороге, которую он строил.

Я не знал, что ей ответить.

— Так что ложись и спи. Эта ночь не простая. Я должна защищать дух твоего отца, иначе он отлетит от нас.

Я лег.

— Твой отец играет на флейте, — сказал Адэ своим собственным голосом. — Это сладкая музыка. Я не знал, что он так замечательно умеет играть.

Затем в комнате стало тихо. Сон накрывал меня, но я сопротивлялся. Мама уткнулась лицом в кровать, борясь с Папой. Адэ снова начал дрожать.

— Я медленно ухожу, — сказал он.

— Замолчи.

Мама не двигалась. Я услышал, как она захра-

пела. Сон сошел на нее в виде белых птиц, и я увидел, как Мама борется с Папой в его снах, изо всех сил стараясь, чтобы он прорвался в свое тело. Адэ лег рядом со мной и всю ночь содрогался в спазмах. Его душа, кружащаяся и неугомонная в своей слепой энергии, стала влиять на мою душу. Нас закружило в сладком и беспощадном потоке его эпилепсии и понесло по красным дорогам духов; мы пристали к Деревне Ночи, где птицы разматывали электрические провода, где шуты-Маскарады были алхимиками, жаворонок — священником, а черепаха — бродячим ученым, который предостерегал меня у дорожной обочины, что ни одна история не имеет конца. С приближением рассвета Деревня исчезла, и я услышал голоса моих духов-спутников. Весь объятый пламенем король мира духов прошел у меня перед глазами. Рядом вздымалась гора. У ног я увидел черного кота и стал кормить его бобовыми пирожками. Адэ тихо прилег возле меня. Его прошлые жизни начали входить в него. Я понял, что он не сказал мне всей правды. Я увидел его другие облики. Я увидел убийцу в Риме, поэтессу в Испании, сокольничьего среди ацтеков, шлюху в Судане, жрицу в древней Кении, одноглазого капитана белого корабля, который

верил в Бога, сочинял прекрасные гимны и сделал себе карьеру на том, что захватывал рабов на Золотом Побережье. Я увидел даже известного воина-самурая в средневековой Японии и мать десяти детей в Греции.

Затем, посреди ночи, когда я все еще был среди видений, меня разбудил могучий крик. Я всмотрелся в темноту и увидел папино лицо. Затем оно исчезло.

— Что он сказал? — спросила Мама.

— Я не знаю.

— Ты ничего не слышал?

— Нет.

— Я слышал, — сказал Адэ.

— Что он сказал?

— Он сказал: «ОТКРОЙ ДВЕРЬ».

Мама вскочила с кровати, споткнулась о мою ногу и ударилась обо что-то головой. Она не закричала. Она открыла дверь и снова пошла спать. Москиты и ночные мотыльки слетели в комнату. Мы заснули, но Мама встала и всех разбудила словами:

— Никто не должен спать. Мы должны вернуть обратно дух твоего отца.

Глава 10

Мы сидели, не двигаясь. Ветер шевелил листьями. В воздухе пахло лесом и спящим поселком. Странные сны, летая по ветру, искали тех, кому они приснятся, и вошли в нашу комнату.

— Расскажи нам историю, — сказал я.

Адэ выпрямился. В его теле наступил мир.

— Расскажи нам историю про синие очки.

— Хорошо.

Мы ждали. Мама пошла и села на папин стул. Она покачивалась взад-вперед. Я видел, как дух Папы кружит над ней. Затем он вошел в нее, и Мама задрожала. Она налила немного огогоро, сотворила молитву и либацию, и мы выпили. Когда папин дух взял верх над ней, она зажгла москитную спираль и свечку. Затем она закурила сигарету. Она качалась туда-сюда в неугомонной манере Папы — большого льва в человеческом теле. С серьезным лицом и изменившимися чертами она начала рассказ:

— Однажды я продавала свои товары. Я ходила по разным улицам. Солнце было очень жарким, ни на земле, ни на небе не было от него спасения. Я очень устала. Я стала видеть суть вещей. Я

жаловалась на то, как жесток этот мир. Затем я вышла на перекресток. Я увидела, как черепаха выбирается из буша и переходит дорогу. Я уже была готова схватить ее, когда она заговорила.

— И что она сказала? — спросил я.

— В другой день я торговала в городе, и ко мне подошел белый человек. На нем были синие очки. Было очень жарко. От солнца и пыли глаза мои стали красные. Белый человек сказал: «Если ты скажешь, как мне выбраться из Африки, я отдам тебе свои очки».

— И что ты ответила?

— Я сказала: «Много дорог ведет в Африку, но только одна ведет из Африки». Он спросил: «Какая это дорога?» Я сказала: «Сначала скажи мне, что говорила мне черепаха». Он смутился. «Я не знаю, о чем ты говоришь», — ответил он. Тогда я сказала, что не покажу ему дороги из Африки. Затем он рассказал мне свою историю. Он находился здесь уже десять лет. Семь лет из этих десяти он был важным человеком в правительстве. Затем началась вся эта заваруха по поводу Независимости, и три года он пытался уехать, но без результата. Он не мог найти дороги обратно. Каждый раз, когда он собирался уезжать, что-то случалось и не пускало его. Он даже сел на само-

лет, но самолет облетел вокруг планеты и, когда он приземлился, человек обнаружил себя на том самом месте, откуда он улетал.

— Так что же случилось?

— Я заставила его купить все мои товары. Затем я спросила его, может ли он рассказать мне, что говорила черепаха. Он остановился и надолго задумался. Затем мимо нас медленно проехал автобус. На нем висел плакат. Белый человек посмеялся над этих плакатом, и я прочитала его и сказала, что это как раз то, что говорила мне черепаха, «Что?» — спросил он. Я сказала: «Все вещи связаны». «Это и есть то, что говорила тебе черепаха?» Я сказала: «Если ты не знаешь этого, ты никогда не найдешь никакой дороги». Потом он дал мне синие очки и прежде чем уйти, сказал: «Единственный путь из Африки — это избавиться от Африки в себе».

— А что потом случилось?

— В другой раз я продавала рыбу на рынке. Странный человек из йоруба* подошел ко мне и купил всю мою рыбу. Когда его руки дотронулись до рыб, все они ожили и стали шевелиться у меня в корзине. Я бросила их на пол, и они забились, а я стала убегать, но человек взял меня за руку. «Ты не помнишь меня?» — спросил он. Это был

черный человек, но каким-то странным образом он был мне знаком. «Я когда-то подарил тебе синие очки», — сказал он. Тогда я вспомнила его. Но прошло уже немало времени, и мне пришлось поднапрячь мозги. Да, это был тот белый человек. Его лицо и нос и все остальное было в точности таким же, но сейчас это был человек из йоруба с насечками на лице. «Я встречал тебя пять сотен лет назад, — сказал он. — Я нашел дорогу». «Что же это за дорога?» — спросила я. Тогда он рассказал мне свою историю. «Когда я ушел от тебя, — начал он, — у меня начала болеть голова, и позже из-за сущей ерунды в припадке гнева я убил своего африканского слугу. Меня арестовали. Посадили в камеру. Но потом отпустили, потому что я белый человек. Затем я стал бродить по городу нагишом. Все смотрели на меня. Всех шокировал вид белого безумца в Африке. Затем ко мне подошел странный африканский мальчик, он сопровождал меня. Это был мой единственный друг. Все мои белые коллеги бросили меня. Затем однажды моя голова прояснилась. Прошло пятьсот лет. Единственный путь, который лежит из Африки — это стать африканцем. Поэтому я сменил образ мысли. Я изменил свой путь. Я сел на самолет и приземлился в Англии. Я женился,

обзавелся двумя детьми и ушел с государственной службы. Я был в Секретной Службе. Затем, когда мне было почти семьдесят, со мной случился инфаркт, и я умер. Меня похоронили на местном приходском кладбище со всеми почестями, которые полагаются герою нации». «И что ты сейчас здесь делаешь?» — спросила я его. Мне стало не по себе. Я очень испугалась. Он сказал: «Время прошло. Я родился. Я стал бизнесменом. И вот сегодня я пришел на рынок купить немного угрей и увидел тебя». Я сказала: «Но ведь я тебя встретила всего несколько недель назад». «Время — это совсем не то, что ты думаешь», — ответил он с улыбкой. И потом он исчез. Вот и конец истории.

* Йоруба — одна из древних африканских народностей, населяющих современную Нигерию.

Наступила долгая тишина.

— Странная история, — сказал я.

— Но это правда, — ответила Мама.

Ветер задувал проплывающие сны к нам в комнату. Желтое пламя свечи колыхалось. Свеча почти догорела. Я чувствовал, что нахожусь в другом месте, в стране белых полей.

— Смотри! — сказал Адэ.

Ветер принес зарю в нашу комнату. У двери сидел черный кот, прямо на своем хвосте. Мы уставились на него в изумлении. Он смотрел на нас.

— Этот мир — только самое начало, — сказала Мама.

Кот развернулся и вышел через дверь. Мы встали и пошли за котом. У двери сидела Элен, нищенка, и ее раны отливали синевой. Мы смотрели на нее, озадаченные. Она сразу встала и пошла к ограде. Мы не пошли за ней. Когда мы вернулись в комнату, Папа уже сидел на кровати, как Лазарь.

— ДЕРЖИТЕ ДОРОГУ ОТКРЫТОЙ, — сказал он и снова провалился в сон.

Мы потормошили его, но он не пошевелился. Мама была счастлива. Адэ все время улыбался. Мама была счастлива, потому что Папа засопел. Адэ улыбался, потому что услышал усталые шаги своего отца, который находился в долгом путешествии, как древний герой в поисках своего сына. Адэ услышал шаги своего отца, услышал беспокойный перенапряженный стук его сердца и мыслями последовал за ним, срастаясь с его замешательством и чувством вины. Но Адэ улыбался еще и потому, что его отцу было не суждено

так быстро дойти до нас — ему преградила путь похоронная процессия. Это была небольшая процессия, и в этот час нашлось всего несколько скорбящих, все они — проститутки, за исключением Мадам Кото, которая шла в темных очках и в черном шелковом платье, думая больше о деньгах, которые она заработает на грандиозном политическом съезде, чем о проститутке, которую ударило электрическим током и чье тело подрагивало в дешевом деревянном гробу.

Глава 11

Наутро нас разбудил стук в дверь, и когда я крикнул: «входите», мы увидели отца Адэ. Он был очень высокий; он стоял со склоненной головой, и на его лице были отражены изнурительные ночные блуждания в поисках сына.

Адэ немедленно поднялся и протер глаза. Они были опухшие и воспаленные. За ночь он стал еще бледнее и еще прекраснее. Улыбка его ушла. Увидев своего отца у двери, он не пошевелился и не сказал ему традиционного приветствия.

— Сколько раз человеку суждено заново рождаться в своей одной жалкой жизни? — спросил его отец всю комнату в целом.

Мамы на кровати не было. Для нас на столе лежала еда. Она ушла раньше, чем мы проснулись, и ее торговой корзины не было на шкафу. Папа все еще спал с ногами в разные стороны. Рука его свешивалась с кровати.

Отец Адэ выглядел пугающе.

— Где это ты был всю ночь? — спросил он сына. — Почему ты не пришел домой? Твоя мать почти заболела, беспокоясь о тебе.

Его окружали сумерки. Он вошел в комнату. Адэ отошел к окну. Его отец сел на кровать. Я ноздрями почувствовал все волнения и тревоги его ночных бдений. Его дух обладал сильными запахами человека, который делает ритуальные подношения, общается с духами предков, старается наладить связь с богами. Его дух был глубокий и заряженный силой. Его присутствие было давящим. Адэ, стоя у окна, казался светящимся от пламени своего отца. Адэ не выглядел раскаивающимся, но и не выглядел непокорным. Он прямо держал голову, и на его лице была невозмутимость человека, который знал, что отец больше не позволит себе избить его или довести до слез. Что-то суровое было в духе моего друга, и я понял, почему дети-духи напуганы всем. Сталкиваясь лицом к лицу с песнями и благоуханиями друго-

го мира, мира, где нет смерти, где светится сам воздух, где духи-спутники знают сокровенные тайны чужих желаний и могут исполнить эти желания, самое последнее из них, дети-духи не могут заботиться о конечных вещах этого мира. Адэ больше не хотел здесь оставаться, ноша этого мира была для него слишком тяжелой, как и сам ужас земного времени. Любовь и мука его родителей касались его едва-едва, потому что, несмотря на их суровые взгляды, угрозы и побои, он знал, что их власть над ним временна. Он уже жил в другом великом доме.

Я не знал, насколько мы отличаемся друг от друга, пока его отец не начал своей долгой тирады, пока он не пустился в свои жалобы, направленные на то, чтобы сын сполна прочувствовал свою вину. Адэ, не опуская голову во мрак, уставясь на своих призраков, просто отошел от окна и вышел из комнаты, как лунатик. Отец шел за ним на грани ярости и отчаяния. Я следовал за его отцом. Мир казался древним в то утро. Идя по улице, отец догнал его, схватил и высоко поднял; Адэ начал плакать так, как будто все мрачные огни поселка, грязные незаасфальтированные дороги, полуразрушенные дома и все язвы нашей бедности разом набросились на него. Отец

пытался утешить его, подбрасывая в небо и ловя его, но Адэ только плакал еще громче, и я понял, что плакал он не из-за любви отца, не из-за своей вины или болезни матери, а потому что время сдавило ему горло мертвой хваткой.

Глава 12

Дитя-дух — невольный путешественник в мир хаоса и света, в мир снов живых и мертвых. То, что еще не готово, что не способно родиться или быть, ради чего еще не принято надлежащих мер, чтобы продлить его рождение, то, что еще не решено и не разрешено, что завязло в хаосе неудач и страхе перед жизнью, все это продолжает возвращаться и замыкаться на себе, принимая участие в жизни ребенка-духа. Эти вещи то уходят, то приходят, пока не наступит их время. Сама история в полной мере показывает то, как вещи этого мира принимают участие в жизни ребенка-духа.

Много есть тех, кто живет такой жизнью и не знает об этом. Есть множество наций, цивилизаций, идей, полуоткрытий, революций, любви, форм искусства, экспериментов и исторических событий, находящихся в этих условиях, и они

тоже этого не сознают. И множество людей. Их возвращения не отмечены бритвенными насечками. Зачастую они кажутся нормальными. Зачастую их воспринимают как новичков в этой жизни. И очень часто они остаются безмятежными, когда смерть стискивает их в своих объятиях. Они несут странные таланты в своих душах. Они всегда на время становятся обитателями своего тайного лунного света. Они пытаются заработать себе прекрасное жертвоприношение, трудное жертвоприношение, чтобы перевоплотиться во что-то высшее, чтобы умереть, отбросив яркий свет на эту жизнь, в агонии экстаза восходя к принятию своего жребия и света.

* * *

Я был ребенком-духом, который восстал против духов, захотел прожить земную жизнь и испытать ее противоречия. Адэ захотел уйти, снова стать духом, очутиться в плену всех свобод. Я хотел раздвинуть границы, найти или создать новые дороги, вытекающие из той, что всегда голодна, дороги нашего отрицания жизни. Я определенно не был из тех, кого называют сильными; наверное, легче жить в земных границах, чем быть свободным в бесконечности.

Отстраняя факт бессмертия духов, могло ли все это быть причиной, почему я захотел родиться — эти парадоксы всех вещей, вечные изменения, загадка, заданная жизнью тому, кто ею живет, мистерия бытия, рождения внутри рождений, смерти внутри рождений, рождения внутри смерти, стремление дать рождение лучшей части себя, своему новому духу, пока для новой звезды условия благоприятны, чтобы войти в этот мир из другого мироздания; стремление расти дальше, учиться, любить, перерастать себя, дорастать до высочайшего в себе; возможность нового соглашения со своим духом; вероятность того, что ни одна несправедливость не длится вечно, ни одна любовь не умирает, ни один свет не может по-настоящему погаснуть, ни одна честная дорога не может быть завершена, ни один путь не может быть совершенным и ни одна правда не есть последняя; и что в реальности не существует ни концов, ни начал? Но вполне возможно, что на земле всех начал, когда многие из нас были птицами, даже ни одна из этих причин не имела никакого отношения к тому, почему я захотел жить.

Так или иначе, все возможно. Много есть среди нас загадок, на которые не может ответить ни

живой, ни мертвый.

СЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

КНИГА ВОСЬМАЯ
Глава 1

В течение трех дней, пока Папа отсыпался, дорога подняла первую из своих волн кошмаров. Сон дороги был нарушен сперва проституткой, которая была убита током в ночь вхождения Мадам Кото в высшие сферы власти. Ей устроили небольшие похороны. Гроб несли по улице, и ночью мы слышали плач некоторых проституток. На следующий день пошел дождь, и трое мужчин, которые занимались проводкой кабелей для большого политического съезда, тоже погибли от электричества. Дождь совсем сошел с ума в те дня. Нищие промокли до нитки, ютясь под дырявыми навесами рядом с фасадами домов. Каждый вечер Элен подходила к нашим дверям, и Мама оставляла ей еду, к которой она не притрагивалась. Каждое утро Мама уходила со своей корзиной с товарами, от дождя у нее все промокало, и она возвращалась домой в полдень мокрая, без выручки, с товарами, грустно выглядывающими из корзины.

Папа спал, как гигант, во время сезона дождей.

Он не заметил грохота больших партийных грузовиков, которые разъезжали с громкоговорителями по городу. Проспал их агрессивную конфронтацию, когда они встречались на улицах. Он проспал нищих, толпившихся на нашей улице, просивших милостыню возле разбитой машины. По вечерам они оживленно совещались между собой. Казалось, они ждали какого-то знака, столь очевидно было их нетерпение. Никто не давал им милостыню. Обитатели нашего района не упускали случая сказать нищим, что им пора отсюда уходить. Но и сами они уже чувствовали, что засиделись на одном месте, что их ждут новые дороги. Удерживала их только Элен. Она никогда ничего не говорила, но вокруг нее создавалась нетерпеливая атмосфера путешествия. Нелепыми выглядели их усилия продолжить папины попытки сделать себя полезными. То и дело они приступали к очистке скопившегося мусора на нашей улице. Вся их помощь была очень неуклюжей. Никто не принял всерьез их стараний. На второй день папиного сна я шел мимо них и слышал, как они спорят между собой резкими голосами о вечно откладываемом большом съезде, о школе, которую обещал построить для них Папа, о деньгах. Когда они увидели меня,

их лица расцвели и загорелись надеждой. Они подошли ко мне, остановились и стали наблюдать за моими движениями голодными глазами. Я принес им еду, которую украл из дома. Из-за папиного сна мы сами голодали. Мама не зарабатывала денег. Мы старались меньше есть. Мы ели в молчании, прислушиваясь к тому, как на кровати храпит Папа, поглощая воздух в комнате. Мы смотрели за тем, как растет его дух, питая наш голод. Он рос во сне. Я видел, как его нога свесилась с кровати. Я видел, как вздымается его грудь, распирая рубашку. Он набирал вес; и когда он начинал беспокойно метаться, словно объезжая во сне мифических скакунов, кровать стонала. Он спал глубоким сном, погружая комнату во тьму. Свечи горели очень низко, когда он спал. Дверь была открыта. Посетители входили, шептались над его спящим телом и на цыпочках покидали комнату.

Папа во сне заново творил этот мир. Он видел порядок вещей, и ему он не нравился. Он видел мир, в котором черные люди всегда страдают, и ему это не нравилось. Он видел страдания всех людей от полюсов до экватора, и ему это не могло понравиться. Он видел, как наши люди тонут в бедности, как они страждут, как они разобщены,

как их настигают засухи и кровавые войны. Он видел, как наши люди сгибаются под натиском других сил, как ими манипулирует Западный мир, как наша история и достижения перестают существовать. Он видел богатых в нашей стране, он видел взлеты наших политиков, погрязших в коррупции, их слепоту перед нашим будущим, их жадность, их глухоту к вожделениям и мольбам наших людей, каменность их сердец и узость их мечтаний о власти. Он видел расслоение нашего общества, недостаток сплоченности, он видел, как расширяется пропасть между теми, кто имеет и теми, кто не имеет. Он очень ясно все это видел. Он видел женщин нашей страны, на рынках и в деревнях, вечно преследуемых инкубами и духами в виде бабочек; он видел всех женщин, унаследовавших чудо долготерпения. Он видел прожорливость жаб; видел предстоящие войны. Он предвидел наш экономический бум, его расточительные оргии, страдания, которые за ним последовали, изгнания на странные земли, он видел, как истощается воля людей к новым превращениям. Он видел возвышения тиранов, которых всегда порождали крайности кризиса. Он видел их долгое правление и наступивший хаос, когда они были свергнуты. Он отстаивал

справедливость на планете на трех великих судах в мире духов. Он убеждал всех с фантастической страстностью, и его обвинение прозвучало, но он был один. Он не видел могучей солидарности масс в их общей борьбе, обращаясь к верховному суду духов, ходатайствуя за справедливость, равновесие сил и красоту мира, умоляя положить конец мучениям страждущих и опустошительным войнам, разрушению и жадности. Папа был один, потому что он не видел других, великого множества таких же одиноких ходатаев, ходящих по судам всего мира, в то время как борьба в тяжелом реальном мире ставила границы для людских умов. Иногда мне удавалось проникнуть в его циклические сны. Я следовал за ним, когда он удалялся в великие области и пространства, ландшафты гениев, миры до рождения, миры чистых сновидений и знаков. Иногда я следовал за ним в краткие периоды его воссоединения с собственным изначальным духом и тотемом и его быстротечного контакта с проблесками его настоящей судьбы. Я видел ангелов, изглаживающих из его памяти некоторые воспоминания о его путешествиях. Он зашел очень далеко, и его дух страждал, и пока он потел на сырой кровати, за окном пошел дождь и переставил дома на дороге

в своем порядке. Дождь был кратковременный. Лягушки, жуки и вредные насекомые входили в наши жизни, и дети умирали поутру, в то время как политики на своих грузовиках провозглашали зарю новой эры нашей независимости. Папа видел предстоящие формы хаоса и один боролся с ними во сне, и тело его сотрясалось от ярости, и разные сущности охватывали его и стирали его жизнь, и когда он бился и стонал на кровати, Маме приходилось зажигать москитную спираль, палочку с благовониями и свечку, и наливать нам огогоро, и молиться за нас у дверного проема. Мама молилась на трех языках. Она взывала к предкам, взывала к Богу и призывала ангела всех женщин. Мама просила о самых простых вещах, от чего я плакал, и темнота расцветала в нашей комнате всеми красками. Она молилась о еде. Она молилась за Папу, чтобы он был здоров. Она молилась за то, чтобы мы жили в хорошем месте. Она молилась за то, чтобы жизни было больше и чтобы страдания принесли свой чудесный плод. И она молилась за меня. Три дня Мама молилась, беря в долг вино. Пространство нашей жизни сжималось. Мама худела. У нее стал пропадать голос. Она прятала глаза от мира, удаляясь в глубины мечтаний. Ее кости проступили наружу.

Блузка падала с ее плеч. Волны полоумного тумана застилали ей лицо. Я заставал ее за тем, что она, не отрываясь, смотрела на трехногий папин стул. Глаза ее, казалось, просматривали фотографии ее жизни. Вечные тени голода, набегающие на храбрую гордую улыбку. Вечные крысы и тараканы, покушающиеся на нашу жизнь, крадущиеся в наши сны. Вечный закон мира, который всегда находит, как загнать каждого обратно в его угол. Вечные лендлорды, повышающие свои ренты, громилы, указывающие, за кого голосовать, дождь, просачивающийся в наши сны. Иногда ее молитвы достигали Папы, скитавшегося по сферам, где восстанавливалось мировое равновесие сил. Но дух Папы был неугомонен в поисках справедливости, настоящей жизни и подлинной революции, и он продолжал углубляться в другие миры, где обещания силы и власти были предопределены еще до рождения. Папа странствовал по сферам в поисках путей возрождения нашей расы, возрождения всех угнетенных людей. Пока я следовал за Папой в его странствиях, я научился тому, что сферы высших энергий имеют свои суды, — которые много выше нашего понимания. И нашей сферы тоже. Силы равновесия менялись каждый день.

Дождь хлестал жирных и надменных, слабых и придавленных, обладающих властью и тех, кто уже не мог произнести ни слова. Дождь бросал на произвол судьбы голодных и перекормленных, больных, умирающих и тех, кто невидимо питался страданиями других. Но восстановление шло медленно, потому что наше чувство времени протяженно. Время и правда всегда идут рука об руку; те, кто кажется неустойчивым, кто пытается преградить путь справедливости, только ей способствует. Папа хотел немедленных перемен. Он хотел, чтобы справедливость настала прямо сейчас. Он хотел правды. Он хотел равновесия мировых сил. Он выдвигал ураган требований в своих снах. Он поднимал неразрешимые вопросы. Он продолжал спрашивать: ПОЧЕМУ? Вечность не отвечала ему, и он спрашивал: ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ? И затем он спрашивал: КАК МЫ ЭТО ОСУЩЕСТВИМ? Настаивая на своем, он хотел знать: КОГДА? Он неугомонно требовал: КАКОЙ ПУТЬ НАИЛУЧШИЙ? И уже с большим спокойствием, не входя с собой в неизбежную конфронтацию, он задавал вопрос: КАКОВ ПЕРВЫЙ ШАГ? Его тело росло. Цветы падали к нам на крышу. На краткое время передо мной возник дедушка, помахав мне рукой. Ребенок

был рожден и не принят в свое тело. Неужели я должен был переродиться в своего отца? В своих странствиях Папа узнал, что все народы — дети; он был шокирован тем, что и наша нация — народ-абику, дитя-дух, тот, кто продолжает рождаться заново и после каждого рождения видит кровь и предательство, и отказывается оставаться здесь, пока мы не сделаем благосклонного жертвоприношения и не покажем, что нам под силу эта ноша уникальной судьбы.

Каждая жизнь летит во все сферы, и пока Папа спал, он проживал целые жизни на других континентах, а до нас доносились слухи о встречах Мадам Кото с могущественными женщинами в ее баре, встречах, где они планировали разные мероприятия для предстоящего съезда, распределяя свои обязанности в сборе голосов для их партии. Нас не удивило, что она так быстро оправилась от смерти проститутки. Нас не удивило и то, что она истратила изрядную сумму, чтобы создать организацию женщин нашей части города. Ее больная нога стала еще больше, словно она забеременела от дороги; в ее животе раздувалась троица детей-абику. Она была принята в другое тайное общество, известное тем, что оно фабрикует реальность. Она заговорила о том, что

хочет превратить свой бар в отель. Она скупила большие участки земли. Ее шофер продолжал гонять по нашей улице, убивая кур и сталкивая в канавы гусей, наживая ей новых врагов.

В сезон дождей сила власти Мадам Кото еще возросла. Она приобрела новую походку, двигаясь с томной импозантной важностью. Она носила такие одежды, от которых нищие заболевали. Она говорила о том, чтобы уехать из этого несчастного района; всех она обдавала презрением. Мы слушали, как она бранит прохожих. Она приобрела новую власть и при этом стала еще красивее. Сезон дождей раздул ее фигуру. Она воплотила все легенды о себе и срослась со своими мифами. Она стала всем тем, о чем мы шептались, и даже больше. По ночам, когда она спала, она крала у людей их энергию. (Таких людей — легион.) Ночь стала ее союзником. Пока Папа летал по сферам, требуя справедливости, она высасывала силы из нашего района. От ее снов у детей случались кошмары. У ее колоссальной оболочки вырастали по ночам крылья, и она летала над городом, высасывая силы из наших спящих тел. Она простерлась над самим воздухом наших жизней. В ее мечтах царили буйные партийные вечеринки и оргии, кутежи и

расточительство, разврат и разложение, невинные женщины и слабые мужчины. Ее сонное сопение вносило изменения в географию наших судеб. Медленно, когда жители нашего района становились более слабыми, более боязливыми и безропотными, она становилась сильнее. Тогда я и понял, что конфликтующие силы воюют в воздухе за будущее нашей страны, по ночам, в наших снах, скача на невидимых белых конях, высасывая со сне наши силы.

Политические партии тоже вели свои баталии в пространствах духов, по ту сторону области наших земных вожделений. Они воевали, сталкиваясь друг с другом своими противоречивыми мифологиями. Травники, знахари, колдуны и ведьмы брали ту или другую сторону, и в то время как грузовики воевали за голоса на улицах, они боролись за свое влияние в мире духов. Они призывали джиннов и химер, суккубов, инкубов и привидения; они заручались поддержкой призраков древних воинов, политиков и полководцев; они заставляли работать на себя духи изгнанников. Партия Богатых получала поддержку от духов Западного мира. По ночам, над нашими снами, заключались пакты, в сферах ночей подписывались контракты, закладывалось

наше будущее, откладывались наши судьбы на новое рассмотрение. В той сфере волшебники партийной политики насылали дождь и гром на тех, кто внизу; в ответ им раздавались громы, и молнии, и град. Это продолжалось вновь и вновь, в каждой деревне, в каждом городе страны, и по всему континенту, и в остальном мире тоже. Наши мечты съеживались, пока волшебники партийной политики вели свои войны за политическое превосходство. Волшебники, принимая формы духов и предзнаменований, шептали нам про ужасы. Мы становились более боязливые и более подозрительные. Подозрения вселяли в нас молчание. И в молчании нам легче было переносить наше бессилие. Формы угнетения становились колоссальными в ночи. И те из нас, кто был беден, на чьей стороне не было власти и кто не видел силы в своем голоде, силы, которая может испугать даже богов, обнаруживали сбои мечты запечатанными в себе вдали от воздуха свободы. Наши вожделения оставались далеко от реальности воплощения. Битва за наши судьбы кипела, но мы уже больше не могли летать на луну, или сопровождать аэропланы в их путешествиях по разреженным пространствам, или даже воображать, какими прекрасными могут

быть наши жизни. Поэтому наши сны друг о друге были дурными, в то время как Мадам Кото, одетая в красные наряды, с белым платком на голове, с тремя зонтиками в руке, расширяла свою власть над поселком и рассылала тайных эмиссаров в наши тела. Наши фантазии кормили ее. Многие из нас мечтали, что скоро она станет женой Главы Штата или самого Президента. Ее стали звать Королева Ночных Улиц. Каждый, кто нуждался в помощи, шел к ней. Она принимала только избранных. Ночами она выходила из своего тела, днем же страдала от невидимой агонии в своем теле. Она не показывала своей боли. Но пот на лбу прорисовывал ее морщины. Проститутки бросили ее; они не смогли простить ей то, что она так быстро забыла о смерти их подруги. Но когда они ушли, образовавшаяся пустота в баре и магнетизм ее новой власти немедленно привлекли к себе новую паству.

Однажды ночью она появилась у меня во сне и попросила дать ей немного моей молодости.

— Зачем? — спросил я.

И она ответила:

— Мне уже двести лет от роду, и если я не возьму твою молодую кровь, то скоро умру.

Ее гигантский дух опускался на меня. Он уже

готов был меня поглотить, но над нами зарычал большой лев, сотрясая дом и прогоняя ее дух. Затем я понял, что в каждую эпоху рождались новые силы, чтобы справиться с новыми страшилищами. Леопарды и львы мира духов, драконы справедливости, крылатые тигры правды, свирепые звери-божества силы, рождающиеся в самом центре безжалостных ураганов, они тоже восстанавливали равновесие, питаясь химерами и разными гнусными созданиями открытых пространств; и за каждый вдох чудовища, за каждое дуновение ветра от злых крыльев, за каждое чудовище, которое питалось земной кровью, за всё и за всех родился славный светлый ангел; я видел, как он летал над нашей крышей на третий день папиного сна. Он улетел, ветер затих, странные деревья затрещали в лесу, утром кончился дождь, и потоки вод мистически поглотились землей. Мама пошла по улицам, и продала все свои товары, и не переставала находить фунтовые банкноты, плававшие в ослепительных водах, и казалось, что очистился сам воздух. Но в то утро я увидел первое предзнаменование; но не того, что вступает в силу новый сезон, а того, что к концу подходит большой цикл. И откуда мне было знать, что не кто иной, как нищие, с их

нетерпением и вечными ожиданиями, подадут мне первый знак.

Вечерами, пока Мама готовила еду, все лихорадочнее становилось нетерпение по поводу предстоящего съезда. Усиливались шепоты, что с ним придет долгий комендантский час. И затем однажды вечером, в чарах благовоний, молитв и дыма москитной спирали; под дырами нашей крыши, среди размножающихся клопов на полу, в комнате с зелеными мотыльками, которые понимали возрождающую силу огня, по доброй воле предлагая себя в качестве священных жертв, внезапно проснулся Папа, проснулся мощно, вырос из кровати, как из смерти. Его раны затянулись, его дух окреп, его отчаяние стало еще глубже, этот человек стал еще больше, и его безумие тоже стало больше. Он поднялся и сел на свой стул. И пока дрожало пламя свечи и сильнее разгоралось в воздухе, который больше не питал его сон, Папа начал говорить с нами новым голосом, глубоким и печальным. Он говорил так, будто не отсутствовал, будто его не носило по просторам духов. И он говорил с великим воодушевлением безгрешности заново рожденного человека.

— Моя жена и мой сын, слушайте меня. Во сне я увидел много прекрасных вещей. Наши предки

научили меня разным философиям. Мой отец, Священник Дорог, возник передо мной и сказал, что я должен держать дверь открытой. Мое сердце должно быть открыто. Моя жизнь должна быть открытой. Наша дорога должна быть открытой. Дорога, которая открыта, никогда не может быть голодной. Приближаются странные времена.

— А как же воры? — спросил я.

— Замолчи, Азаро. Мы находимся под защитой, слышишь. Мы защищены против тех, кто к нам вторгнется, и против всех злых людей тоже. Никакое зло не может войти в наши жизни.

Он сделал паузу, хрустнул суставами и продолжил.

— Одна наша мысль может изменить мироздание. Мы люди маленькие. Вокруг нас большая жизнь. Пока я говорю сейчас, на небесах происходят выборы, и на дне морском тоже. Мы вступаем в новую эру. Мы должны готовиться к ней. В мире есть очень странные бомбы. Великие силы в космосе воюют за то, чтобы держать под контролем нашу судьбу. Машины, яды и эгоистические мечты поедают нас. Я вошел в космический корабль и оказался на другой планете. Люди, которые выглядят, как человеческие существа, вовсе и не люди. Странные люди есть среди нас.

Мы должны быть осторожными. В наших жизнях все изменяется. Наши боги молчат. Наши предки молчат. Что-то великое должно прийти с неба и изменить лицо земли. Мы должны проявлять интерес к политике. Мы должны стать шпионами по велению справедливости. Люди думают о том, как стереть с лица земли другие человеческие существа. Крысы и лягушки понимают свой жребий. Почему же его не понимает человек? Жена моя, мой сын, куда мы движемся? Для души здесь нет никакого успокоения. Бог жадно наблюдает за тем, как мы растем. Когда ты посмотришь вокруг и увидишь пустые пространства, берегись. В тех пространствах есть города, невидимые цивилизации, будущие истории, всё есть ТАМ. Мы должны посмотреть на мир другими глазами. Мы должны по-другому посмотреть на себя. Мы свободнее, чем мы думаем. Мы еще не начинали жить. Человек, которому в голову вошел свет, в ком дремлет его солнце, не может быть ни сломлен, ни побежден. Мы можем передумать этот мир и сделать мечты реальностью. Человеческие существа — это боги, скрытые от себя. Сын мой, наш голод может изменить этот мир, сделать его лучше, сладостнее. Люди, которые видят только глазами, ничего не ВИДЯТ.

Люди, которые слушают только ушами, ничего не СЛЫШАТ. Гораздо труднее любить, чем умереть. Люди больше всего боятся не смерти, они боятся любви. Сердце наше больше, чем самая большая гора. Одна человеческая жизнь глубже, чем океан. Странные рыбы, монстры морей и могучие растения живут в скалистых ущельях наших духов. Вся человеческая история — это неоткрытый континент внутри наших душ. Там есть дельфины, растения, умеющие видеть сны, магические птицы. Небо внутри нас. Земля в нас. Деревья в лесу, животные в буше, черепахи, птицы и цветы знают свое будущее. Мир, как мы его видим, и мир, как он есть — это две разные вещи. Войны проходят не на полях сражений, но в таком месте, которое меньше игольного ушка. Нам нужен новый язык, чтобы разговаривать друг с другом. Внутри кота скрыто много историй, много книг. Когда ты смотришь в глаза собаки, странные рыбы проплывают в твоей голове. Все дороги ведут к смерти, но некоторые дороги ведут к таким вещам, которые никогда не могут быть законченными. Это прекрасные вещи. Есть человеческие существа, маленькие по росту, но если ты умеешь ВИДЕТЬ, ты заметишь, что их духи выше них на пять тысяч футов и шире них

на десять тысяч футов. В моих снах я встретил ребенка, который сидел на облаке, и его дух покрывал половину земли. Ангелы и демоны среди нас; у них самые разные облики. Они могут войти в нас и прожить там одну секунду или половину жизни. Иногда в нас вместе уживаются и ангелы и демоны. Прежде чем что-либо родилось, был дух. И не кто иной, как этот дух, пригласил вещи войти в него, хорошие и плохие. Позволяй войти в себя только хорошему. Слушай дух вещей. Свой собственный дух. Следуй за ним. Твори его. Пока мы живы, пока мы чувствуем и пока мы любим, все, что есть в нас — это энергия, которой мы умеем пользоваться. Есть такое умиротворение, в котором ты можешь облететь весь мир. Есть такая тишина, которая даст тебе крылья. Если твое сердце — друг Времени, ничто не разрушит тебя. Смерть научила меня религии жизни — я преобразился — я ослеп — я начал видеть — я пьян своим сном — Мои слова — это слова незнакомца — Носите улыбку на лице — Налей мне немного вина и купи сигарет, сын мой, потому что твой отец вернулся в свой настоящий дом.

Наступила долгая тишина, и мы поплыли в странном потоке папиных слов. Потом Мама дала мне денег, и я выскочил купить огогоро и сигарет.

Нищие прошли за мной полпути, когда я шел обратно. В воздухе были пространства, полные зеленых мотыльков. Свет над нашими жизнями изменился. Глубокий оттенок индиго окрасил облака. Я прошел мимо летящего острова мошек цвета сепии. Когда я дошел до дома, ящерица проскочила за мной в комнату. Я уже готов был прогнать ее, когда Папа сказал:

— С сего дня все существа будут требовать к себе уважения. Если ты хочешь, чтобы ящерица ушла отсюда, скомандуй ей, и она уйдет. Мы должны мудро использовать свою силу. Мы не должны быть тиранами, слышишь?

Я кивнул. Затем Папа встал со стула и высоким, почти комичным, голосом сказал:

— Мистер Ящерица, где ты? Айда отсюда! Уходи из комнаты и иди в другое место. Сейчас же!

Мы наблюдали за полом. Никаких движений. Мама вздохнула. Папа не повторил своей команды. Он откинулся на стуле. Мы сидели в тишине. Затем, спустя какое-то время, ящерица вылезла из-под шкафа, три раза кивнула головой и выбежала из комнаты. Наступила очень долгая тишина. Папа никак не отметил это событие. Он протянул руки, и я дал ему сигарет и бутылку огогоро, пузырящуюся своими едкими снами.

Папа пил умиротворенно. Потом он тихо курил. Мы наблюдали за ним в молчаливом изумлении, словно какой-то странник зашел в его тело.

— Много людей скрывается в нас, — сказал Папа, как бы читая наши мысли, — много прошлых жизней, много будущих. Если ты будешь внимательно слушать воздух, ты услышишь смех. Люди — это великая мистерия.

Много времени прошло в тишине, что последовала за его словами. Затем Мама встала и разложила для Папы оставшуюся еду. Он ел со своей обычной прожорливостью и, закончив есть, перевернул тарелки и посмотрел на их дно, словно ожидая, что там будет еще еда.

— В доме мало денег, — сказала Мама. — Ты же не работаешь.

Папа выпил целый галлон воды. Затем он надел свои единственные носки, все в дырах; надел пахучие ботинки и стал расхаживать взад и вперед. В нем закипели его бурные энергии, которые смутили даже невидимых жителей этой комнаты.

Мама перевернула матрас, перестелила кровать, вытерла стол, и расстелила мне мат.

— Муж мой, — сказала она, — мы очень беспокоились за тебя. Три ночи мы боролись, чтобы вернуть обратно твой дух. Мы были голодные

и нас одолевали страхи. Поспи еще. Утром ты возобновишь свою работу. Ты вернешься к своей борьбе. Мы счастливы, что с тобой опять все хорошо.

Папа подошел и нежно обнял Маму впервые за многие месяцы. Затем он зажег москитную спираль, оставил щелочку в двери, снял с себя ботинки и носки, и лег на протестующую кровать. В темноте я слышал, как Мама сказала:

— А ты стал тяжелее, мой муж.

Папа ничего не ответил. Его дух был нежным в эту ночь. Воздух в комнате был спокоен. Не предвещалось никаких взрывов.

Его присутствие защищало наше ночное пространство. Никакие оболочки не проникали к нам в комнату, никто не ходил по крыше, не брел сквозь предметы. Воздух был чистый. Во сне я нашел для себя пространства, в которых можно было летать без страха. Небо было безмятежным. Добрый бриз овевал нашу дорогу, очищая воздух от ее неумеренных крайностей. Было так тихо и мирно, что через некоторое время я забеспокоился. Я был не готов к таким подаркам тишины. Чем глубже она становилась, тем глубже был мой страх. Я стал ждать, что в мою голову начнут проникать жуткие песни. Я

ожидал увидеть любовников-духов, лежащих в объятиях под лезвиями солнца. Ничего не случилось. Умиротворение рассеяло мои страхи. Я не боялся Времени.

И затем наступило новое утро. Комната была пуста. Мама и Папа ушли. И добрый бриз не мог длиться вечность.

Сон может быть высшим пиком всей жизни.